

А К А Д Е М И Я Н А У К
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**ТРУДЫ ОТДЕЛА
ДРЕВНЕ-РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

VII

29 3887

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ
ОТДЕЛА ДРЕВНЕ-РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

VII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1949 · ЛЕНИНГРАД

Редактор:
чл.-корр. АН СССР В. П. Адрианова-Перетц

210258

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

Древне-русская литература и фольклор

(К постановке проблемы)

1

Проблема взаимоотношения в древней Руси литературы и фольклора — это проблема соотнесения двух мировоззрений и двух художественных методов, то сближавшихся до полного совпадения, то расходившихся по своей принципиальной непримиримости. Свойственное писателю и народному поэту отношение к исторической действительности, оценка ими событий и лиц, задачи художественного отражения жизни в слове и методы, которыми эти задачи осуществляются, — вот что составляет основной предмет сравнительного изучения исследователя, поставившего перед собой проблему взаимоотношения древне-русской литературы и фольклора.

Большинство древне-русских писателей, в отличие от народных пов-тов, в гораздо большей степени отразили в своем творчестве воздействие морально-философской теории христианства, как основной формы феодальной идеологии, и лишь немногим удавалось вырваться из ее плена. Разумеется, это воздействие было далеко не одинаковым в раз-ной классовой среде, в разные исторические моменты и в разных литературных жанрах; жизненная практика демократических слоев обще-ства вступала часто в непримиримое противоречие с этой теорией, возвращая писателя к тому народному отношению к действительности, какое отражено в лучшей части фольклора. В самом деле, внедрявшаяся в сознание древне-русского человека морально-философская теория христианства, поддерживая идеологию правящих классов феодального общества, требовала иных жизненных идеалов, иного отношения к дей-ствительности, иных качеств человека, чем те, какие выражены в твор-честве трудового народа. Вместо активных качеств героя, помогающих ему в сказке и в героическом эпосе преодолевать препятствия, рели-гиозная теория требовала пассивных „добродетелей“ — смирения, покор-ности „воле божией“ и властям; счастья учила искать не на земле, а в будущей „вечной“ жизни; здоровому оптимизму народного творчества,

его жизнеутверждающим тенденциям противопоставлялся идеал отречения от радостей жизни и т. д. Показать борьбу в литературе и отчасти в фольклоре этих двух враждебных друг другу мировоззрений — значит приблизиться к определению сущности проблемы взаимоотношения писателя и народного поэта древней Руси. Что их сближало, в каких пределах, и что отдаляло друг от друга? В свете решения этих основных вопросов мировоззрения получают должное объяснение и наблюдения над общими элементами и тенденциями в художественном стиле литературы и фольклора средневековья, с одной стороны, и над своеобразными чертами этого стиля, свойственными лишь каждой из этих областей творчества, — с другой.

Вопрос о реалистическом и антиреалистическом, идеалистическом начале в художественном стиле древне-русской литературы неразрывно связан именно с этой борьбой двух мировоззрений. В своем стремлении к реалистическому писатели приближались к лучшей части устного эпоса, и тогда, например, в рассказе о Куликовской битве события изображались в полном соответствии с действительным их ходом (ср. *Задонщину* и *Сказание о Мамаевом побоище*, где победу приносит выступление засадного полка); когда же берет верх идеалистическая „философия истории“, продиктованная религией, — автор переходит на язык антиреалистической церковной фантастики, и вместо засадного полка на поле битвы выходят „святых мученик полки“, во главе с „воинами“ Георгием, Борисом и Глебом, Дмитрием Солунским и „архистратигом Михаилом“; так возникает истолкование величайшей победы русского оружия, не имеющее ничего общего с народной оценкой этого события.

Родство подлинно-народных памятников древне-русской литературы с творчеством трудового народа возникает тогда, когда писатель и народный поэт сходятся в своем отношении к исторической действительности, в оценке событий и лиц. Такого рода совпадение передовой литературы русского средневековья и лучшей части фольклора наблюдается по преимуществу в наиболее острые моменты жизни государства, когда общая опасность угрожает его свободе и независимости, или происходят общественно-политические события, в которых заинтересованы широкие массы трудового народа.

Народность Слова о полку Игореве и его глубокое внутреннее родство с фольклором не в том, что писатель воспринял отдельные художественные приемы устной поэзии, а в том, что его протест против княжеских усобиц, скорбь о Русской земле, на которую „погании с всех стран прихождаху с победами“, — отражали прежде всего интересы тех „ратаев“, которые от „княжих крамол“ „редко кикахуть“. Повесть о разорении Рязани Батыем „фольклорна“ прежде всего потому, что ее автор противопоставил мистическим настроениям своих напуганных современников твердую веру в народные силы, которые могут дать отпор завоевателям. Этой „фольклорности“ нисколько не противоречит то, что своего неустрашимого героя Евпатия Коловрата и его дружину автор определил

библейской формулой, обычной в „воинском“ стиле древне-русских писателей: „един бьяшеса с тысящею, а два с тьмою“. Родство „Казанской истории“ с народным творчеством не в том только, что она вводит фольклорные эпизоды, а в числе художественных средств использует и устную поэтику, а в том, что ее автор сошелся с народной исторической песней и сказкой в самой оценке личности Ивана Грозного, который „праведен суд судити научи“, „многих велмож устраши, от лихоимания и неправды обрати“. Именно эта оценка и вовлекла в пышную речь „красной и сладкой“ повести о взятии Казани художественные средства фольклора.

Так, установление внутреннего родства древне-русской литературы, в ее лучших образцах, с фольклором вскрывает характер ее народности. Исследование связи литературы и фольклора, независимой от какого бы то ни было прямого „влияния“ и выражающейся в общности их отношения к действительности, приводит и к вопросу о сходстве самого художественного метода отражения этой действительности у писателя и народного поэта.

Например, некоторым памятникам литературного эпоса, как и устному эпосу русского средневековья, одинаково свойственна гиперболизация действительности, за которой стоит определенная оценка реальных фактов. Этот своеобразный метод художественного отражения действительности выполняет различные функции и должен быть изучен во всех его многообразных проявлениях как в литературе, так и в фольклоре. Образы князей Слова о полку Игореве, к которым обращается автор с призывом выступить „за землю Русскую“, представлены с блестящим знанием политической обстановки конца XII в., и вместе с тем они гиперболизированы, чтобы подчеркнуть силу, могущество, власть этих князей — все то, что должно было, по мысли автора, объединиться для борьбы с наступающей „степью“. Гиперболизированные воинские картины усиливают впечатление от трагического столкновения русских дружин с половецкими войсками. Евпатий Коловрат в рязанской повести, бесстрашно разъезжающий среди огромной батыевой рати, „исполни силою“, который „многих нарочитых багатырей батыевых побил, овых на полы пресекаше, а иных до седла крояше“, богатырь, на которого „навадиша множество пороков“ и только тогда, когда „начаша бити по нем ис тмочисленных пороков, едва убища его“, — это такой же гиперболизированный образ, как и Всеволод Слова о полку Игореве, способный „Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти“, как, с другой стороны, и герои устного эпоса и сказки, в одиночку борющиеся против чудовищ и полчищ врагов. Илья Муромец и Иван царевич, одолевающие любую силу, — это обобщенные образы, доказывающие превосходство защитника перед захватчиком, человеческого ума, смелости — над неразумной „колдовской“ силой. Так и в литературе условно преувеличенные образы могут выражать активное отношение к жизни, веру в силы, способности и моральные достоинства человека. Такой вид гиперболизации действительности в литературе созвучен подлинно народному творчеству.

Гиперболизация определенных сторон действительности у каждого автора неразрывно связана с его классовым сознанием, и задачей исследователя должно быть выявление таких фактов, которые сближают „эпическое“ сознание древне-русского писателя и народного поэта в его целеустремленности.

Общность художественного метода древне-русской литературы и фольклора, независимая от непосредственного „влияния“, возникает иногда и потому, что обе разновидности словесного творчества опираются на одно и то же явление действительности. Например, отражая реальную историческую действительность, ряд повествовательных памятников древней Руси с XI до начала XVII в. облачают горестные настроения изображаемых лиц, по поводу событий и общественной и личной жизни, — в форму плачей-причитаний, т. е. в ту самую форму, в какой и в быту они проявляли эти настроения. Поскольку и в жизни эти „причитания“ не только имели вид индивидуального выражения эмоций, но и пользовались отстоявшейся постоянной фразеологией, выростали в своеобразно построенные лиро-эпические сказы, — и писатели подчинялись иногда отдельным элементам этого устного „жанра“. Однако нельзя самый метод изображения горестных переживаний через плачи вести прямо от фольклора. В данном случае этот „прием“ идет непосредственно от жизни, где причитание было в известных случаях обязательным обрядом, соблюдавшимся, хотя и не в одинаковом объеме, в различных слоях общества. Отражение в литературе отдельных элементов уже устоявшихся форм устных плачей, т. е. фольклора, было явлением вторичным, неразрывно связанным с отражением самого быта. Однако мы найдем немало плачей в древне-русской литературе, в которых нет таких прямых признаков связи с поэтикой устных причитаний, и тем не менее устойчивость самого способа выявления настроений героев именно через плачи продолжает сближать долго литературу и фольклор.

В противовес этой близости, в XV и особенно в XVI—XVII вв. у некоторых писателей обнаруживается стремление заменить в соответствующих положениях плач-причитание канонической или свободно изложенной молитвой. В „Сказании о Мамаевом побоище“, например, княгиня Евдокия, проводив Димитрия в поход, уже не причитает, а молится. Так и в „Казанском летописце“ казанская царица всегда выражает свое горе плачем-причетью, а русская царица иногда заменяет плач молитвой. Созданный официозной литературой в XV—XVI вв. образ примерно благочестивой царской семьи не только удалил „благоверную, христолюбивую“ княгиню-царицу от фольклорного типа горюющей женщины, но, вероятно, и от жизни. Подчинившись закономерно выросшему в новых исторических условиях литературному канону, авторы некоторых исторических повестей стали вообще вводить в изложение частые молитвы, подчеркивая благочестие своих героев, и причеть-плач как непосредственное выражение горя уступила место молитве.

В бытовой обрядности коренится, видимо, и происхождение княжеских „похвал“, которые в русской исторической литературе начинают выде-

ляться с XII в. В быту им соответствовали величания — „славы“, о которых упоминает и летопись. Материал для книжных „похвал“, как и для устных „слав“, давала, конечно, историческая действительность, а в самом способе претворения этого материала в устных и письменных одах средневековья одинаково видно сознательное стремление к идеализации: выделяются и преувеличиваются определенные черты характера и поведения восплаемого лица, замалчиваются другие, и таким способом создается образ, соответствующий классово-эстетическому сознанию каждого автора, его общественно-политическим устремлениям. Этот прием идеализации, направленной к созданию определенного образа, наделенного и реальными, но гиперболизированными чертами, и „желательными“ с точки зрения идейного замысла автора качествами, аналогичен у народного поэта и у некоторых писателей средневековья. Задача исследователя — вскрыть историческую обусловленность такой аналогии, показать ее связь с самой целеустремленностью данного типа словесного творчества — устного и письменного.

Литературоведение должно представить характер, границы и причины сближения тех или других приемов отражения действительности в творчестве древне-русского писателя и народного поэта и в то же время определить качественные отличия между функцией каждого из этих совпадающих приемов в каждом отдельном конкретном случае.

2

Литературоведение уделяет обычно преимущественное внимание случаям прямого соприкосновения книжного и устного творчества, т. е. тем случаям, когда в литературе XI—XVII вв. обнаруживаются более или менее ясные следы определенных устно-поэтических произведений, или в фольклоре — отголоски книжных памятников. Большинство сделанных наблюдений, по самому характеру сохранившегося древне-русского литературного материала, падает на исторические жанры и на разнообразные виды повестей — историко-бытовых, историко-легендарных, бытовых и легендарных. Однако в самом методе подобного рода сопоставлений книжного и устного немало было порочного.

Традиционный путь сравнительного изучения литературы письменной и устной — сопоставление сюжетов, мотивов, художественных „приемов“, фразеологических сочетаний и даже отдельных слов. Это сопоставление часто производится механически, в отрыве от исторической действительности, создавшей памятник, вне связи с общим замыслом, композицией, вне исследования функции каждого из сравниваемых элементов, и вопрос о самой сущности родства литературы и устной поэзии даже не ставится.

Литературоведением накоплено довольно много примеров непосредственной сюжетной связи литературы и фольклора в XI—XVII вв., однако далеко не все они получили надлежащее объяснение в их отношении к идейной, классовой сущности изучаемых памятников. Причина

этого серьезного пробела прежде всего в том, что и четких классовых определений недостает во многих разделах истории древне-русской литературы, а вопрос о классовых корнях средневекового фольклора лишь намечен. Уже и те наблюдения, которые сделаны в настоящее время, показывают, что фольклор в древней Руси творился в самых разнообразных слоях общества, с разными задачами, что фольклора вообще, с единой целеустремленностью, с единым отношением к действительности не было даже в пределах каждого отдельного исторического момента. Классовая борьба, в ее своеобразных для эпохи феодализма формах, по-разному освещалась и отражалась в устном творчестве в разных социальных слоях. Между тем даже такой насыщенный прямыми отзвуками исторической действительности устный жанр, как эпос, безусловно недостаточно изучен с точки зрения классовой направленности. Выводы В. Миллера и исторической школы никак не могут удовлетворить в этом отношении современного исследователя. Еще менее изучена с этой стороны сказка. Сложен и часто противоречив состав русских пословиц, даже относящихся к одному периоду истории, а ведь они особенно охотно привлекались древне-русскими писателями.

Итак, четкая классовая характеристика всего этого устно-поэтического наследия древней Руси — первоочередная, неотложная задача, чтобы в каждом отдельном случае исследователь мог с определенностью показать, фольклором какого класса воспользовался писатель, сохранил или изменил он самую сущность использованного устного материала, и чем вызвано его отношение к этой сущности. Следует также иметь в виду, что не каждый период средневековья отразил в литературе классовую неоднородность фольклора.

Но и в тех случаях, когда писатель обнаруживает знакомство с подлинно народным творчеством, с лучшей частью поэзии трудового народа, он не всегда органически сливает свой замысел с народным, стремясь иногда затушевать именно существо своего устного источника, выражая во внешне „народной“ форме чуждое народу мировоззрение и отношение к действительности. В конечном итоге наблюдения этого рода приведут историка древне-русской литературы к заключению, что не всегда внешняя фольклорная окраска литературного памятника является признаком прогрессивности его, что элементы фольклора — но не его внутреннее идейное существо — по своему использовали и реакционные направления средневековой литературы.

При анализе каждого конкретного случая нужна крайняя вдумчивость и осторожность в оценке идейного — классового смысла слияния фольклора с литературой, чтобы не упростить проблему и не представлять в виде восходящей линии в древне-русской литературе все то, что так или иначе было связано с фольклором, а в виде нисходящей — то, что прямо и непосредственно с ним не соприкасается, хотя внутренне и не противоречит подлинно народному. Что, как, по-

чему и с какой целью из многообразного и классово неоднородного фольклора отбирал писатель, — все это, в своей основе, вопросы классового осмысления устного и письменного наследия древней Руси.

Если наша наука не раскрыла еще в должной степени классовой дифференциации древне-русского фольклора, то лишь начинается работа и над историческим изучением его собственно художественных элементов. Но уже и на данном этапе работы можно утверждать, что качество и функции многих из этих элементов в фольклоре XI—XVII вв. были иными, чем те, какими они стали в передаче нового времени. На истории фольклорного эпитета это показано А. П. Евгеньевой с большой убедительностью.¹ Отсюда ясно, что сопоставлению сходных поэтических приемов литературы и фольклора должно предшествовать изучение устной поэтики в историческом плане, притом не только со стороны состава и количества тех или иных приемов, но и с точки зрения той функции, какую одни и те же приемы выполняли в фольклоре разных периодов и разных жанров.

При стилистических сопоставлениях книжной и устной фразеологии нередко также упускается из виду, что у писателя и народного поэта была общая почва, на которой оба творили, общий запас художественных средств, который служил тому и другому для воплощения своего замысла. Этой общей почвой был живой русский язык, во всем его классовом и диалектном многообразии, во всех его разновидностях, выработанных различными потребностями исторической действительности.

Уже первые памятники русской письменности показывают, что до-письменный русский язык обладал исключительным богатством лексики, органически присущей ему выразительностью, устоявшейся фразеологией воинской, юридической и дипломатической практики. Элементы всех этих разновидностей живого русского языка, формировавшихся вне книжности, можно извлечь из древнейших документов, памятников законодательства, из летописи, но также и из собственно художественной литературы XI—XII вв.

Изучая „деловой“ язык древней Руси, как он отражен прежде всего в памятниках чисто практического назначения, мы отмечаем в нем не только точность и ясность, но и особую выразительность (которая сейчас ощущается нами как своеобразная „образность“), характерно отличающуюся от специфической „сладоности книжной“, но близко напоминающую выразительность устно-поэтического языка.

Когда акад. А. С. Орлов писал, что „вполне литературных произведений дошло до нас немного, и все те художественные манеры, которые были в средневековье, несомненно до нас не дошли полностью,

¹ О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII—XIX вв. (постоянный эпитет). Труды Отдела древне-русск. литературы ИЛИ АН СССР, т. VI. Л., 1948, стр. 154—189.

а в то же время они были“¹ — он имел, очевидно, в виду именно эту особенность древне-русского языка, отразившуюся даже в документах, отнюдь не стремившихся к художественности изложения. И если тот же автор утверждал, что „и памятники не литературного назначения можно изучать в интересах литературоведения“², то это утверждение должно быть понимаемо не в том смысле, что „не литературные“ памятники необходимо на равных правах вводить в историю литературы, а в том, что язык этих памятников подводит нас к пониманию сущности того живого русского языка, средствами которого, в определенном отборе и каждый со своими целями, пользовались и писатель и народный поэт и на котором они воспитывали свой вкус к художественному слову.

При использовании в литературе живого русского языка создавалось иногда разительное сходство между литературным и фольклорным применением одних и тех же, свойственных языку в целом, выражений. Однако нет надобности в таких случаях даже и ставить вопроса о том, какая область словесного творчества „влияла“ на другую — фольклор на литературу или наоборот.

Но для того, чтобы снять самый этот вопрос, необходимо основательно разобраться в том, какие же явления следует относить к области языка в целом, какие представляют специфическую принадлежность книжного литературного языка и, наконец, что можно считать своеобразным приемом устно-поэтической речи. Вся эта группа вопросов требует настоятельно помощи литературоведам со стороны лингвистов и фольклористов. Насколько плодотворным окажется такое сотрудничество, видно из публикуемой ниже статьи А. П. Евгеньевой („Язык русской устной поэзии“). Внимательный анализ так называемых синонимических сочетаний — парных, бессоюзных (типа „знаю-ведаю“, „путь-дорога“, „бой-драка“ и т. п.) приводит автора к выводу: сочетания синонимов — явление, свойственное и характерное почти исключительно устному творчеству, а отнюдь не языку в целом. Они в письменной литературе и разговорном языке очень редки и представляют собой заимствования из устной поэзии.

В хорошо разработанной именно советскими литературоведами методике параллельного изучения литературной и фольклорной трактовки данного сюжета, мотива или образа справедливо отводится внимание установлению не только сходства, но и качественного отличия в восприятии одних и тех же фактов действительности в письменной и устной традиции. Если же совпадение оказывается полным или наблюдается в основных чертах, тогда перед исследователем встает вопрос: что так сроднило писателя и народного поэта?

¹ Древняя русская литература XI—XVI вв., М.—Л., 1937, стр. 10.

² Там же, стр. 11.

Насколько интересные результаты дает сопоставление функции фольклорных эпизодов внутри одного и того же литературного жанра, но в разные периоды его жизни, — видно, например, из публикуемой ниже статьи Д. С. Лихачева „Летописные известия об Александре Поповиче“. Отметив, что устный эпос дважды в истории летописания особенно широко вливался в летопись — в XI и в XV вв., — Д. С. Лихачев видит общую причину этого явления в том, что именно в эти моменты летопись, как и устный эпос, наиболее отражает общенародные интересы. Однако самое взаимоотношение летописи и устного эпоса, как определенных форм, в XI и в XV вв. было различным. В момент создания летописи народный эпос имел уже вполне сложившийся вид — „устные летописи“ народа были старше его письменной истории. Поэтому „в XI в. фольклор оказывал воздействие и на самую форму летописных записей, имел существенное значение в формировании летописного жанра... В XV в. форма летописи устоялась; устоялась, как вполне отличная, своеобразная, возможно стиховая, и форма эпоса, которая, следовательно, не могла воздействовать на чуждую ей, глубоко отличную летописную форму“. Но „с другой стороны, в XV в. устный эпос формировался под влиянием тех же объединительных идей, которые были движущей силой всей русской жизни XV—XVI вв.“ (стр. 50), и которые, добавим, именно и вовлекли эпические эпизоды в изложение летописца. Восстановленная Д. С. Лихачевым история сюжетов былин об Александре Поповиче показывает их движение „от узко местного к общерусскому“, расцвет этого движения в XV в., т. е. представляет полное соответствие тому, что наблюдается и в истории летописания: от местных летописей периода феодальной раздробленности к общерусскому летописанию XV в. „Реальное основание этой общей судьбы некоторых памятников устного эпоса и летописи в XV—XVI вв. — объединение в единое общерусское централизованное государство местных русских княжеств“ (стр. 51).

Разнообразные виды отражений фольклора в древне-русской литературе — факт неоспоримый. Однако антинаучный метод имманентного объяснения литературных явлений из литературных же фактов приводит нередко к тому, что факты национальной истории, лежащие в основе многих древне-русских повестей и сказаний, игнорируются; литература отрывается от жизни, ее создавшей, всюду отыскиваются готовые, сложившиеся устно-поэтические сюжеты или мотивы. В наследие от буржуазного компаративистского литературоведения осталось немало антинаучных попыток возводить древне-русские литературные памятники к таким готовым „бродячим“, „странствующим“ сюжетам. Решительная борьба с такими пережитками космополитизма в литературоведении — неотложная задача советской науки.

Например, в исторической и повествовательной литературе нередко встречаются эпизоды, рассказывающие о проникновении воинов в лагерь противника то переодетыми, обычно кучцами, то скрытыми под какой-

либо поклажей в лодках, на возах. Порочный метод компаративистов отрицал начисто реальную историческую основу таких рассказов и представлял их „вариантами“ „международного бродячего“ сюжета. Так, в эту цепь вариантов включался рассказ старшей русской летописи под 880 г. о взятии Киева Олегом с помощью обмана: Олег, подплыв к Киеву „в лодиях“, назвался „гостем“, заманил владевших городом Аскольда и Дира. Между тем военная хитрость, описанная в этом рассказе, проста и естественна для выполнения замысла Олега, и нет никакого основания отрицать реальный исторический факт, сохраненный в народном предании.

Настойчиво возвращаясь к идее имманентного развития литературы, компаративизм пытался вывести из того же „бродячего“ сюжета полный бытовых реалий исторический рассказ Софийской второй летописи под 1446 г. о том, как, во время усабицы князя Василия с племянниками, князь Иван Можайский с воинами проникли в Троицкий монастырь, скрывшись на возах: князь „повеле сани многие изрядити, как возы с рогозинами, а иные с полстьми, а в них по два человека в доспесех, а третий после идет, как бы за возом. И как переднии уже минуша их (т. е. ратных сторожей великого князя Василия), и тако выскакаша вси из саней и изымаша их“. Совершенно очевидно, что весь этот рассказ — отнюдь не литературное украшение, что за ним стоит подлинная историческая действительность: борющиеся стороны несомненно прибегали к подобному рода уловкам, обманывая противника.

Древне-русская литература далеко не использована еще и как источник для истории фольклора в средние века. Имея записи устных произведений лишь от XVII в. и только предположительно по этим текстам заключая о наличии оригиналов их в рукописях XVI в., мы должны с особым вниманием отнестись к тем данным литературных памятников, которые позволяют судить о содержании и поэтической форме устного народного творчества.

Вот, например, автор Слова о полку Игореве, вспоминая поэтическую манеру народного певца „слав“ князьям Бояна, строит примерный запев, которым Боян начал бы свою песнь о походе Игоря Святославича: „Не буря соколы занесе чрез поля широкая; галици стады бежать к Дону великому“. Есть все основания считать, что автор Слова хорошо помнил песни своего предшественника и что, следовательно, он воспроизвел в данном случае какую-то чрезвычайно характерную черту поэтического языка Бояна. В форме отрицательного сравнения он приписал этому языку символику, построенную на образах соколиной охоты, которые потом сам он широко использует и в своем художественном стиле. Отсюда, с значительной долей вероятности, можно вывести заключение, что символы „сокол“ — воин, князь, „галици“ — враги принадлежали устной поэтике и что традиция применения этих символов, как и формулы отрицательного сравнения, имела уже по крайней мере столетнюю давность ко времени написания Слова о полку Игореве (перечисленные в Слове герои песен Бояна жили в XI—начале XII в.).

Литературные памятники сохраняют иногда следы фольклорных произведений, которые не дошли в поздних записях. Например, среди исторических песен нет таких, которые прямо относились бы к событиям, связанным с Куликовской победой. Между тем, в одном из списков XVII в. „Сказания о Мамаевом побоище“ (Собрания Уварова, № 802, Гос. Исторический музей) покойный проф. С. К. Шамбинаго выделил три отрывка былинного склада. Исключив в них некоторые слова очевидно позднего происхождения, нарушающие строй песенного ритма, мы обнаруживаем отрывок не сохранившейся в устной передаче былины о походе новгородцев в 1380 г. „на пособь“ князю московскому для участия в Куликовской битве и два отрывка — о татарине, выехавшем на поединок с Пересветом, и описание боя.¹ Отрывки первого былинного эпизода сохранились и в Задонщине, хотя и в сильно сокращенном виде.

Историческая песня о смерти князя Михаила Скопина-Шуйского целиком вошла в книжное „Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского рекомаго Скопина“.² Устранив из литературной передачи книжные добавления, можем восстановить довольно точно облик этой старшей песни о смерти Скопина, полнее передающей рассказ о его отравлении, чем все сохранившиеся в устной передаче варианты, не исключая и старшей записи в сборнике Кирши Данилова.

Первые следы фольклора о Ермаке сохранились в Сибирской летописи, так называемой Строгановской, XVIII в., причем песня о сборах в поход и об убийстве царского посла передана с сохранением ритма, а дальнейший текст песни входит лишь отдельными выражениями в пересказ.³

Приведенные примеры — наиболее яркие случаи сохранения эпических песен почти в их подлинном виде. Они дают ценный материал для некоторых заключений о форме — поэтике и ритмике — былевых и исторических песен в XVI—XVII вв., наряду с записями этого времени. Однако в такой относительной сохранности фольклор доходил в литературе редко. Тем не менее извлечение из древне-русской литературы всего, что может приблизить нас к представлению о самом звучании фольклора в средние века, — неотложная задача.

Древне-русская литература может обосновать и более сложные выводы об исторических изменениях фольклора. На примере анализа литературных отголосков устных преданий о ростовском богатыре Александре Поповиче, произведенного ниже Д. С. Лихачевым, мы убеждаемся в важности литературных данных для решения и таких сложных вопросов,

¹ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, стр. 301—302.

² П. Васенко. Повести о князе М. В. Скопине-Шуйском. Отчеты Общества любителей древней письменности за 1903—1904 гг., стр. 19.

³ См. статью: Д. С. Лихачев. Сибирское летописание. История русской литературы. Изд. Института литературы АН СССР, т. II, ч. 2, М.—Л., 1948, стр. 276.

как переход от местного, областного эпоса к общерусскому, как циклизация эпических преданий. Выясняющаяся на данном частном примере общность судьбы некоторых памятников народного эпоса и летописи в XV—XVI вв. — это лишь один из многих ценных исторических выводов, которые ожидают исследователей всей в целом проблемы „древне-русская литература и фольклор“.

В задачу настоящей статьи не входит исчерпывающее перечисление всех частных тем, из каких складывается в целом проблема „древне-русская литература и фольклор“. Цель статьи — наметить основные направления, по которым предстоит идти исследователям к решению вопроса о том, как проявлялось классово-эстетическое сознание древне-русских писателей в их отношении к устной поэзии средневековья во всем ее многообразии.

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Летописные известия об Александре Поповиче

В XV веке, как и в XI, летопись входит в тесное соприкосновение с народными, устными произведениями.

Особенный интерес представляют собою в поздних русских летописях упоминания о герое русского былевого эпоса — Александре Поповиче. Летописные известия об Александре Поповиче не раз привлекались исследователями русского былевого эпоса для выяснения истории былин об Алеше Поповиче. отождествление этого летописного Александра Поповича и былинного Алеши Поповича принадлежит Л. Н. Майкову. Оно было поддержано В. Ф. Миллером и с тех пор не вызвало сомнений: вопрос этот может считаться решенным.

Все исследователи русского эпоса пользовались, однако, русскими летописями как безусловно достоверными историческими свидетельствами действительного существования Александра Поповича. Несмотря на то, что известия об Александре Поповиче встречаются исключительно в поздних списках русских летописей — в Новгородской IV, в Софийских I и II, в Воскресенской летописи, в Ростовской архивной, в Академической Суздальской, в Тверском сборнике, в Ермолинской летописи, в Типографской, в Рогожском летописце, в Хронографе 1512 г. и др., — никто из исследователей эпоса не считался с историей летописания и в упоминании об участии Александра Поповича в битве на Калке под 1224 г. видели отражение реального исторического факта, из которого впоследствии развились былины об Александре Поповиче. Костомаров, О. Миллер, Халанский, Квашнин-Самарин, Хаткевич — с оговорками, — а Вс. Миллер и другие — без оговорок — находили возможным считать доказанным историческое участие Александра Поповича в битве при Калке. „Должно признать потому, — писал Вс. Миллер, — за преданием об Александре историческую основу и думать, что сказания о нем возникли историческим путем и личность его историческая“.¹ Больше того, некритически объединяя в летописи

¹ Вс. Миллер. Исторические очерки народной словесности, т. VII. М., 1924, стр. 180—181.

² Древне-русская литература, т. VII

наслоения различных эпох и безусловно доверяя тексту каждого летописного списка, Вс. Миллер считал исторически точными упоминания таких поздних летописей, как Никоновская, Якимовская, Тверской сборник и других, как известно, обильно пользовавшихся произведениями народной словесности. Между тем, история летописания сделала в последние десятилетия настолько большие шаги вперед, что в настоящее время имеется широкая возможность критически разобратся в различных известиях летописей об Александре Поповиче и попытаться восстановить их происхождение и историю: явились ли упоминания об Александре Поповиче отражением исторической действительности или позднейших былин? Напомним, что в литературе о летописании по поводу отражения былин в летописях имелся уже ряд важных соображений, игнорировавшихся до сих пор при изучении истории русского эпоса.¹ Обратимся к упоминаниям об участии Александра Поповича в Калкской битве.

1

Грозные события Калкской битвы получили отражение в русской книжности в современных почти им записях русских летописей. Три древнейших русских летописных списка — Новгородская первая летопись в синодальном харатейном списке XIV в.,² Лаврентьевский список 1377 г. и Ипатьевский список начала XV в. включили в свой состав подробные повести о событиях этой несчастной для русских битвы. Повести эти, несмотря на всю их важность для истории русской литературы и по значительности своего содержания и по величине того влияния, которое было ими оказано на последующую русскую историческую литературу, остались не изученными историками русской литературы. Поэтому позволю себе остановиться на них несколько подробнее.

Особенно ценен рассказ Лаврентьевской летописи, представляющий собою ростовскую обработку первоначально южнорусского известия. Напомним, одновременно, что в известиях других летописей и в некоторых былинах Александр Попович является ростовским богатырем, и поэтому естественно искать первоначальное упоминание о нем именно в ростовских летописях.

¹ Работа А. А. Шахматова „Общерусские летописные своды XIV—XV вв.“, где были высказаны эти соображения, появилась в 1901 г. (ЖМНП, 1901, кн. XI). Работа же Вс. Миллера „Исторические очерки народной словесности“ была им закончена в июле 1912 г., а напечатана в 1924 г. Выводы А. А. Шахматова Вс. Миллером не приняты во внимание.

² По определению А. И. Соболевского. По определению же П. И. Савванитова первый почерк, обнимающий древнейшие события до 1200 г., относится к самому началу XIII столетия, второй до 1234 г. — к первой половине того же столетия, третий по 1333 г. — к первой же половине XIV столетия („Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку“, СПб., 1883, стр. VI). К XIV в. складывается А. А. Шахматов („Обозрение русских летописных сводов“. М.—Л., 1933, стр. 128).

Ростовское летописание (как это устанавливается работами М. Д. Приселкова)¹ возникло при сыне Всеволода Большое Гнездо, Константине, который начал его в 1206 г. в Новгороде как личное летописание, а с 1207 г., став ростовским князем, продолжал его как летописание собственно ростовское.² После смерти Константина в 1218 г. оно продолжалось его сыновьями и непосредственно выполнялось ростовской епископской кафедрой. В статьях 1218—1239 гг. ростовское летописание пристально следит за судьбою старшего сына Константина Всеволодовича — Василька. Описание смерти Василька Константиновича под 1239 г. заканчивается похвалой ему, выдержанной в панегирическом стиле. Летописец-ростовец изображает Василька Константиновича почти святым — мучеником за веру.

Включенный в эту дошедшую до нас ростовскую летопись рассказ о Калкской битве носит явный отпечаток того же придворного летописания этого ростовского князя Василька Константиновича. В этом ростовском рассказе о Калкской битве дважды с сочувствием упоминается ростовский князь Василько. В первый раз после слов о том, что Мстислав Киевский выступил против татар со всеми прочими русскими князьями, ростовский летописец прибавил: „и послашася в Володимерь к великому князю Юргю, сыну Всеволожу, прося помочи у него, он же посла к ним благочестивого князя Василька сынсваца своего Костянтиновича с Ростовци, и не утяну Василко прити к ним в Русь“.³ Вторично упомянул Василька Константиновича ростовский летописец после описания страшного поражения русских, заключив его бестактным выражением радости по поводу возвращения в Ростов Василька, не успевшего принять участие в битве: „се же слышав Василко приключъшееся в Руси, возвратися от Чернигова схранен богомь и силою креста честного и молитвою отца своего Костянтина и стрья своего Георгия. И вниде в свои Ростов, славя бога и святую богородицу“.⁴ Вторично необычайную радость высказывает летописец-ростовец после рассказа о страшном разгроме Владимирско-суздальской земли — в перечислении оставшихся в живых русских князей: „сдея господь спасение велико князем нашим, избавил есть от врагов наших...“ и т. д.⁵

На основании вышеизложенного можно думать, что рассказ о Калкской битве, ныне читаемый в Лаврентьевской летописи, принадлежит официальной ростовской летописи.

¹ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 87 и сл. Ср. также специальное исследование М. Д. Приселкова о Лаврентьевской летописи в „Ученых записках Ленинградского Гос. университета“. Серия историческая, вып. 2, Л., 1939.

² Ср. записи 1206, 1207, 1209, 1210, 1211, 1212, 1213, 1214, 1215, 1216, 1217 и 1218 гг.

³ Лаврентьевская летопись, вып. 2, изд. 1927 г., стр. 446

⁴ Там же, стр. 447.

⁵ Там же, стр. 469.

Однако составитель ростовской летописи XIII в. не сам составил повесть о Калкской битве, а лишь обработал ее, упомянув о Васильке и основательно сократив. В руках у ее составителя была Владимирская великокняжеская летопись 1228 г. В ней уже имелось описание Калкской битвы, более подробное, чем то, которое сохранилось сейчас в Лаврентьевском списке. Как можно думать сейчас, принимая во внимание общую историю владимирско-суздальского летописания, рассказ о Калкской битве был включен во владимирский свод 1228 г. из Летописца Переяслава Южного (или Русского). К этому летописанию, как известно,¹ восходили все южнорусские известия Владимирского великокняжеского летописания (в 1177 г. во Владимире был использован епископский летописец Переяслава Русского, в 1193 г. — княжеский летописец Переяслава Русского; в 1212 г. был вновь привлечен к составлению владимирского свода княжеский летописец Переяслава Русского; наконец, в 1228 г. были в четвертый раз использованы летописные источники Переяслава Русского). В числе этих южных переяславских летописных известий, перенесенных во Владимирский свод 1228 г., читалась и известная повесть о Калкской битве, составленная, следовательно, между 1223 и 1228 гг. — сразу же после событий на Калке.

Эта повесть, перенесенная вместе с рядом других южнорусских известий из Переяславского летописания в состав Владимирского великокняжеского свода 1228 г., через десять лет подверглась сокращению и незначительным дополнениям при включении в ростовскую летопись. В этом исправленном ростовским летописцем виде повесть о Калкской битве читается теперь в составе Лаврентьевской летописи.

Таким образом, в Лаврентьевской летописи за годы 1207—1239 идут ростовские летописные записи, несущие в себе типические черты ростовского летописания, и под 1224 г. ростовская версия повести о Калкской битве.

И вот, вопреки утверждениям историков былевого эпоса, что первые известия об Александре Поповиче должны были сохраниться именно в ростовском летописании (Александр Попович — ростовец), никаких упоминаний в этой древнейшей ростовской летописи о ростовском „храбре“ Александре Поповиче — нет. Наоборот, бестактный восторг летописца вызывает именно отсутствие ростовцев в этой битве.

Впоследствии ростовское летописание неоднократно привлекалось при составлении московских общерусских сводов XV в. Ростовское летописание усвоили свод Киприана, Владимирский Полихрон Фотия и др. Те ростовские летописи, которые были использованы в позднейших общерусских летописных сводах XV и XVI вв., дают самые ничтожные

¹ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 64 и сл.

по размерам записи, главным образом, о смерти или вступлении на кафедру ростовских епископов. Епископский летописец Ростова, использованный в своде Киприана, повидимому начинал свои записи только с XIV в. Можно поэтому думать, что в XV в. в Ростове не было никаких летописных записей от XIII в. Это подтверждается тем, что ростовские летописи XV и XVI вв. для изложения событий русской истории до XIV в. обычно пользовались общерусскими московскими сводами XV и XVI вв.¹

Можно считать, что ростовское летописание в достаточной мере изучено в настоящее время (изучен ростовский свод XV в., отразившийся в составе Ермолинской, Уваровского списка XVI в. № 188, Кириллобелозерского списка XVII в. № 454, хранящегося в архиве Археографической комиссии; изучена Тихоновская редакция Ростовского владычного свода, отразившегося в Типографской летописи, в летописи Толстовского собрания Публичной библиотеки в Ленинграде F. IV, № 218 и др.).

Никаких упоминаний в нем Александра Поповича не встречается и предполагать наличие в XV в. каких-то недошедших до нас ростовских летописных записей XIII в. — нет оснований. Нет оснований потому, что ростовское летописание, отразившись в XV в. в известии о Калкской битве, неизбежно дало бы себя знать и в других известиях летописей XV в., а этого нет. Во-вторых, нет оснований предполагать наличие особого не сохранившегося ростовского летописания XIII в. еще и потому, что ростовское летописание XIII в. в своей официальной версии как раз дошло до нас (как это выяснено выше, — в Лаврентьевской летописи). Летописание же в XIII в., как и в XII, и в XIV, и в XV вв., было только официальным и не могло, в качестве такового, дублироваться (два возможных центра официального ростовского летописания — двор епископа и двор князя — оба представлены в той ростовской летописи, которая вошла в состав Лаврентьевской).

Таким образом, рушится основное утверждение исследователей истории русского эпоса (в частности Вс. Миллера), что упоминание Александра Поповича как героя Калкской битвы, имеющееся в летописных списках XV и XVI вв., восходит к записям ростовской летописи, современным событиям. Как раз ростовская летопись их и не имеет.

¹ Так, например, Тихоновская редакция Ростовского владычного свода, доведенная до 1484 г. и отразившаяся в Типографской летописи и в Толстовской I № 191 Публичной библиотеки в Ленинграде, использовала в известиях XIII в. Московский великокняжеский свод в редакции 1479 г. и дополнительный свод, близкий к Лаврентьевской. Многие известия явно ростовского происхождения оказываются заимствованными из этого последнего источника (см.: М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 150 и предш.).

Труднее установить происхождение рассказа о Калкской битве, имеющегося в Синодальном списке Новгородской первой летописи. Синодальный список Новгородской первой летописи за первую половину XIII в. крайне небогат известиями, выходящими за пределы узко новгородских. Тем поразительнее полное тождество в нем рассказа о Калкской битве в первой своей части (в которой делаются различные предположения о происхождении татар) с рассказом Лаврентьевской летописи. Однако следы ростовской обработки рассказа о Калкской битве (напр. известия о судьбе ростовского князя Василька Константиновича), наличествующие в Лаврентьевской летописи, здесь в Синодальном списке Новгородской первой летописи отсутствуют. Следовательно рассказ о Калкской битве включен в состав Новгородской летописи не из ростовской летописи.

Вместе с тем в соседних статьях Новгородской первой летописи в Синодальном списке отсутствуют полностью какие бы то ни было владимирско-суздальские известия, и это делает весьма маловероятным предположение, что рассказ о Калкской битве включен в нее из какой-то владимирской великокняжеской летописи.

Однако в составе Новгородской первой летописи по Синодальному списку встречаются южнорусские и рязанские известия.¹ Эти южнорусские известия близки к соответствующим известиям Лаврентьевской летописи, и это делает весьма вероятным предположение, что рассказ Синодального списка Новгородской первой летописи заимствован из того же южнорусского источника, из которого черпал свои южнорусские известия и владимирский летописец, т. е. из летописи Переяслава Русского. Это заимствование могло быть непосредственным либо опосредствованным какой-нибудь обработкой летописца Переяслава Русского — например Рязанской (существование такой рязанской обработки южнорусских известий подтверждается некоторыми летописными статьями Синодального списка; в существование этого вопроса в данной работе не входим).² Как бы, однако, ни рассматривать вопрос о происхождении статьи о Калкской битве в Новгородской первой летописи, — перед нами несомненно рассказ гораздо более полный и лучше сохранившийся, чем подвергшийся значительному сокращению в Ростове рассказ Лаврентьевской летописи. В Новгородской первой летописи по Синодальному списку мы имеем,

¹ Ср. известия под 1209, 1218, 1299 гг.

² Вопрос о рязанской летописи подробно изучался покойным В. Л. Комаровичем. В частной беседе В. Л. Комарович говорил мне о том, что все те известия, которые по мнению А. А. Шахматова восходят в Синодальном списке к Владимирскому Полихрону XIV в., на самом деле являются рязанскими. Действительно, под 1210 г. рассказывается о походе Всеволода Большое Гнездо на Рязань (в Лаврентьевской под 1207 г.), под 1218 г. — о убийении Глебом и Константином рязанскими своих братьев (в Лаврентьевской под 1217 г.). Остальные касались Рязани: 1224 г. — Калкская битва, 1230 г. — землетрясение, 1236 г. — пленение татарами Болгарской земли.

следовательно, наиболее полную и точную передачу впечатлений южно-русского летописца, работавшего между 1223 и 1228 гг., от катастрофических событий битвы на Калке.

Следует особенно подчеркнуть, что этот рассказ о Калкской битве отразил общенародные, ходячие представления того времени о надвинувшейся на Русь катастрофе. Рассказ этот пришелся по вкусу в различных областях Руси в тот период, когда, казалось бы, летописание каждой русской области развивалось уже вполне обособленно, когда книжные связи между отдельными княжествами были прерваны, и каждая область замыкалась в местных интересах. Народный интерес к этому рассказу о Калкской битве выразился не только в том, что статья эта попала в летописание четырех русских княжеств и областей (Переяславля Русского, Владимира, Ростова и Новгорода), но и в том еще, что в виде каких-то ходячих, очевидно устных, отголосков она достигла и летописей западноевропейских. Цезарий Гейстербахский в 47-й главе X книги своей хроники пишет о Калкской битве в форме, более или менее сходной с формой русских летописей: „В прошедшем году еще какой-то народ вошел во владения Руссов и истребил там весь народ унский: нам неизвестно, что это за народ, откуда идет и куда стремится“¹ — ср. в Новгородской первой по Синодальному списку: „Том же лете, по грехом нашим, придоша языци незнаеми, их же добре никто же не весть, кто суть и отколе изыдоша, и что язык их, и котораго племене суть, и что вера их ...“. „Бог един весть, кто суть и отколе изыдоша ... мы же их не ведем, кто суть ...“ „... и не съведем откуду суть пришли, и где ся деша опять; бог весть, отколе приде на нас, за грехы наша“.²

Итак, Синодальный список Новгородской первой летописи сохранил в наиболее полном виде популярный южнорусский рассказ о Калкской битве, составленный почти сразу же после поражения русских в период между 1223 и 1228 гг. Но и в этом наиболее полном рассказе, составленном современником битвы на Калке, известие о гибели Александра Поповича также отсутствует.

3

Один из самых обстоятельных рассказов о Калкской битве, чрезвычайно ценный своею точностью, заключен в Ипатьевском списке XIV в. Рассказ этот составлен участником битвы, что доказывается словами: „вся нам [разрядка моя. — Д. Л.] по суху же Днепр перешедшим“.³ Рассказ о Калкской битве внесен в Ипатьевский список в составе свода Юрия Львовича Галицкого начала XIV в. В свод Юрия Львовича этот рассказ оказался внесенным из Галицкой летописи. Соответственно

¹ „Quaedam etiam gens anno praeterito intravit regna Ruthenorum et totam ibidem gentem Unam delevit: de qua nobis constat, quae sit, unde veniat, vel quo tendat“. Ученые записки Академии Наук по I и III отд., т. II, 1854, стр. 760.

² Цитирую Син. сп. Новгородской первой летописи по изд. 1888 г.

³ Цитирую по изданию 3—1929 г.

своему галицкому происхождению, рассказ о Калкской битве отмечает участие в битве галицкого князя Даниила.

Однако свод Юрия Львовича Галицкого, легший в основание Ипатьевской летописи, привлек в свой состав какой-то из ростово-суздальских сводов XIII в.¹ Отсюда могло явиться упоминание в рассказе о Калкской битве Василька Константиновича, к которому, как мы видели выше, был особенно внимателен ростовский летописец. Это упоминание сделано в такой форме, которая явно свидетельствует о своем вставном характере; после известия о совете в Киеве русских князей и о крещении половецкого князя Басты идут слова: „Василька же не бе, бе бо в Володимере млад“. Упоминание об отсутствии Василька становится понятным только в связи с известием ростовской летописи о том, что князь Юрий Всеволодович послал Мстиславу Василька, который, однако, не успел прибыть во время и вернулся обратно в Ростов „славя бога и святую богородицю“.²

Подчеркиваю, что и в этом рассказе о Калкской битве, составленном очевидцем и оразившем на себе влияние ростовской летописи, каких-либо упоминаний о ростовском герое Александре Поповиче — также нет.

Наконец, после введения А. А. Шахматовым в научный оборот так называемой Симеоновской летописи, можно с достоверностью утверждать отсутствие упоминаний об Александре Поповиче и в московской летописи вплоть до начала XV в. В пределах от 1177 по 1390 г. Симеоновская летопись, как это убедительно показано А. А. Шахматовым, целиком совпадает с текстом сгоревшей Троицкой летописи, представлявшей собой почти точную копию Московского свода митрополита Киприана (по М. Д. Приселкову — 1408 г., по моим соображениям — 1409 г.). Нет оснований утверждать, что Московский свод Киприана сокращал предшествующее ему летописание; тем самым отсутствие упоминаний об Александре Поповиче в основном русле русского летописания вплоть до начала XV в. становится достоверным фактом.

Отметим, кроме того, что и самое реальное участие ростовских „храбров“ в Калкской битве исторически мало вероятно, так как известно, что ростовский князь Василько Константинович с дружиной прибыть к месту сбора русских войск перед Калкской битвой опоздал и вернулся назад в Ростов.

4

Итак, три древнейших списка русских летописей — Лаврентьевская, Новгородская первая по Синодальному списку и Ипатьевская, — оставив-

¹ См. об этом: М. Д. Приселков. Летописание Западной Украины и Белорусии. Ученые записки Ленинградского Государственного университета, Серия исторических наук, вып. 7, Л., 1941, стр. 16; он же. „История русского летописания XI—XV вв.“. Л., 1940, стр. 47 и др.

² Лавр. лет., вып. 2, изд. 1927 г., стр. 447.

шие нам полные и современные описания Калкской битвы (при этом одна из них в ростовской обработке, а другая — со следами влияния ростовской летописи), а затем и основное русло русского летописания — московское — во всех сводах вплоть до XV в. не сохранили нам никаких упоминаний ростовского „храбра“ Александра Поповича, как участника битвы на Калке.

Никаких других описаний Калкской битвы в позднейших сводах (XV и XVI вв.), которые могли бы восходить к XIII в., не сохранилось, и предполагать их нет оснований, так как новый летописный источник, если бы отразился в рассказе о Калкской битве, неизбежно должен был бы дать себя почувствовать и в других частях летописи.

Таким образом, обозрение летописных известий о Калкской битве, восходящих к XIII в., приводит к убеждению, что упоминание гибели Александра Поповича и его 70 „храбрых“ в битве на Калке не может восходить ни к ростовским записям XIII в., ни к каким-либо вообще современным записям XIII в. Следовательно рушится предположение Н. Дашкевича, безоговорочно вошедшее затем как одно из основных положений истории русского героического эпоса: „Александр, как Ростовец, был особенно дорог своим землякам, и упоминание о нем могло войти раньше всего в Ростовскую летопись“.¹

Однако, как было уже упомянуто выше, позднейшие общерусские летописные своды XV и XVI вв. имеют краткую вставку о гибели в Калкской битве Александра Поповича и 70 русских „храбров“.² Откуда могло появиться это сообщение? Время появления его неоспоримо установлено А. А. Шахматовым: вставка о гибели „храбров“ была первоначально сделана во Владимирский полихрон Фотия 1423 г. (по М. Д. Приселкову — 1418 г.), откуда перешла в Хронограф 1442 г., с одной стороны, и в „свод 1448 г.“ (т. е. в Новгородско-софийский свод 30-х годов XV в.), — с другой. Из последнего эта вставка перешла в большинство летописей второй половины XV и XVI вв.

Следует обратить внимание на то, что пространное описание Калкской битвы, встречаемое в летописях, вышедших из Владимирского полихрона Фотия, является компиляцией тех, в основном, двух описаний Калкской битвы (Переяславля Русского и Галицкого), которые дошли до нас в составе Синодального списка Новгородской первой летописи, Лаврентьевской и Ипатьевской. Никаких новых данных о Калкской битве за исключением краткого упоминания о гибели „храбрых“, в этих поздних общерусских летописных сводах нет.

Самая вставка о гибели Александра Поповича и его „храбрых“ несколько варьируется в летописях. Так, например, несколько колеблется

¹ Н. Дашкевич. Былины об Алеше Поповиче и о кончине богатырей. Киевск. университетские известия, 1883, № 3, стр. 169. См.: В. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. II, 1910, стр. 32 и сл.; т. III, 1924, стр. 76 и сл.

² А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. ЖМНП. 1901, кн. XI, стр. 73 и сл.

число погибших с Александром Поповичем „храбрых“ — 70, 72 и 10. Колебание это не свидетельствует о каких-либо новых данных у летописцев, а исключительно зависит от их собственных домыслов. Так, например, в Софийской I сообщается о том, что Александр Попович был убит с 10 „храбрами“. Объясняется это тем, что летописец не понял сообщения предшествующей летописи: „А иного воя кождо десятии прииде“, встретившегося ему после известия об убийстве 6 русских князей („Мьстислава Яневьскаго, Изяслава Инговерьскаго, Святослава Шумьскаго, Мьстислава Черниговьскаго с сыном, Юрья Несвежескаго“). Решив, что перед ним известие о гибели 6 русских богатырей, каждого из которых сопровождало 10 „храбров“, летописец вычел из общего числа семидесяти храбров этих 60 „храбров“, сопровождавших, по его мнению, князей, и оставшееся количество (десять) отвел на долю Александра Поповича (такого рода вычисления обычны в русской летописи; особенно части хронологические вычисления¹).

В Никоновской летописи, помимо гибели Александра Поповича и его 70 „храбров“, упоминается еще и гибель слуги Александра Поповича — Торопа и Добрыни Рязанича..., Златого Пояса.² Надо думать, что эта прибавка сделана не составителем Никоновской летописи, а несколько раньше в XVI в., так как именно этих богатырей учитывает, очевидно, Тверской сборник, упоминая в предисловии к летописной статье 1237 г. о гибели Александра Поповича и его 72 храбрых (к вопросу о слуге Александра Поповича Торопе и Добрыне Рязаниче Златом Поясе мы еще вернемся). Итак, вставку о гибели богатырей в рассказ Владимирского Полихрона Фотия 1418 или 1423 г. можно без особых натяжек предполагать сделанной в следующей форме: „И Олександр Поповичь ту же убиен бысть с иними семидесять храбрых“. Все остальные отклонения от этого известия можно считать позднейшими.

На основании каких данных была сделана в Полихроне Фотия вставка о гибели на Калке Александра Поповича и иных 70 храбрых? Ответ на этот вопрос кроется, как нам кажется, в самом характере летописного свода Фотия.

Владимирский Полихрон Фотия был по существу первым настоящим общерусским сводом, стремившимся возможно шире охватить события русской истории и, вместе с тем, установить на них не узко областную точку зрения, а общерусскую, связанную с сочувствием демократическим слоям населения Руси. Составитель Владимирского Полихрона Фотия не хотел упустить ничего из того исторического материала, который

¹ А. А. Шахматов. Хронология древнейших русских летописных сводов. ЖМНП, 1897, кн. 4, и др.

² Прозвище „Золотой Пояс“ (Добрыни, Тимони) до сих пор не подвергалось объяснению. В связи с этим интересно сведение о „золотых поясах“, приводимое А. И. Никитским: „знатнейшие русские купцы в немецких известиях являются под названием „золотых поясов“ (История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893, стр. 95).

можно было найти в первой половине XV в. по городам и монастырям Руси.

В свод Фотия, помимо областных летописей, уже имевшихся к тому времени в Москве, были привлечены также и памятники внелетописного происхождения: повести, сказания, жития, грамоты, послания, юридические акты, Русская Правда, церковно-законодательные памятники и т. д. Для Владимирского Полихрона Фотия был составлен перечень иерархов русской церкви (см. список иерархов в Новгородской четвертой, оканчивавшийся Фотием, и Комиссионный список Новгородской первой, окончившийся Герасимом; в осложненном виде перешел в Симеоновскую и Никоновскую). Для Владимирского же Полихрона был составлен список русских городов дальних и ближних (сохранился в Новгородской четвертой и при Комиссионном списке Новгородской первой; перешел в Воскресенскую и Никоновскую). Здесь же во Владимирском Полихроне читался перечень епископий и родословия московских великих князей. „Быть может, Полихрон не ограничивался родословием одних московских великих князей, — писал А. А. Шахматов, — а давал также сведения о других русских князьях: Смоленских (ср. краткий перечень их в Воскресенской летописи, VII, 239), Рязанских (ср. там же, VII, 241), Тверских (там же, VII, 245), Литовских (там же, VII, 253), Суздальских (ср. краткий перечень их в Комиссионном списке Новгородской первой, 437) и др.“¹

Весь этот материал знаменовал собою отказ от узко-московской точки зрения на события русской истории, доминировавшей в предшествующих московских летописных сводах.

Все обидные для самолюбия суздальцев, тверичей, новгородцев и других места были во Владимирском Полихроне тщательно уничтожены. Из состава московской летописи „опускается, с одной стороны, не мало известий семейного характера княжеского московского дома, а, с другой стороны, все те случаи московского толкования хода борьбы Москвы с соперничающими с нею центрами, что так охотно и упорно сохранял сводчик 1408 г. (свода Киприана. — Д. Л.). Для примера достаточно будет сослаться на запись в своде 1418 г. (под 1355 г.) о смерти суздальского князя Константина Васильевича, где выразительно добавлено против свода 1408 г.: «честно боронив свою отчину от сильнее себя князей», под которыми разумелись, конечно, московские Даниловичи; равно как и на запись о вступлении на владимирское великое княжение Дмитрия Константиновича суздальского (под 6868 г.): «Ходир царь дал великое княжение Дмитрею суждальскому, а князем русским комуждо отчину свою», т. е. здесь опущены ядовитые слова свода 1408 г.: «а не по отчине, а не по дедине»“.² Бесстрастно изображается во Владимирском Полихроне и московско-тверская борьба за великое княжение в начале XIV в. Не ограничиваясь этим удалением следов московского пристрастия

¹ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV—XV вв. ЖМНП, 1901, кн. XI, стр. 62.

² М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 146.

предшествующих сводов, Владимирский Полихрон Фотия подчеркивает значение демократических слоев населения. Характерна в этом отношении переделка, которой подвергся в нем рассказ об осаде Москвы Тохтамышем (1382 г.). В отличие от рассказа предшествующего свода Киприана, здесь в своде Фотия инициатива в обороне родного города, его доблестная защита принадлежит самим горожанам.

Вот в связи с этим желанием составителя Владимирского Полихрона Фотия исчерпывающе охватить данные русской истории, привлечь областные материалы, подчеркнуть значение народных масс в обороне родины летописец и решил, по нашему мнению, включить в рассказ о Калкской битве сведения о русских богатырях, на основании каких-то народных эпических сказаний или песен о них. Однако, критически относясь к народным сказаниям как к историческому источнику, он не привел из них никаких новых данных о Калкской битве, сохранив лишь имена погибших, сообщив их после перечисления погибших на Калке русских князей. Иного объяснения этой вставки мы не видим.

Составитель Владимирского Полихрона включил в рассказ о битве на Калке упоминание о местном ростовском богатыре Александре Поповиче, подобно тому, как он включал в свой летописный свод местные летописные записи. Однако составитель Полихрона Фотия включил Александра Поповича в состав своего свода как общерусского героя, а не ростовского. В битве при Калке Александр Попович принимал участие как герой общерусский, и именно это обстоятельство делало настоятельно необходимым внесение упоминания о нем в первый по существу общерусский же летописный свод, пропагандировавший идею общерусского единства.

Таким образом, составитель Владимирского Полихрона Фотия знал Александра Поповича уже как общерусского „храбра“, погибшего вместе с остальными русскими „храбрами“ в битве на Калке. Однако в том же XV в., а возможно и раньше, существовали какие-то народные произведения, где Александр Попович выступал еще как „храбр“ ростовский. Свидетельства существования таких преданий или песен сохранились в поздних русских летописях XVI в.

Существование этих народных преданий об Александре Поповиче как нельзя лучше подтверждает и высказанную выше мысль о том, что известие о гибели Александра Поповича в битве на Калке восходит не к современной битве летописным записям, а к тем же народным преданиям.

Анализируя произведения народной словесности, отразившиеся в составе Полихрона Фотия, А. А. Шахматов считает возможным отнести к нему не только бесспорно читавшееся в нем известие об участии „храбров“ в Калкской битве, но и все былинные известия, читающиеся ныне в Тверском сборнике и в Никоновской летописи.¹ Правда, это отнесение

¹ См.: „Общерусские летописные своды XIV и XV вв. ЖМНП, 1901, № 11-стр. 73-77.

всех известий, проникших в летопись из фольклора, к Владимирскому Полихрону Фотия, который их якобы впервые соединил в своем составе, сделано А. А. Шахматовым предположительно, без приведения особых доказательств. Однако все же А. А. Шахматов уделяет этому вопросу большое внимание и придает ему серьезное значение в характеристике Полихрона Фотия.

Не можем не видеть, однако, ошибочности такого отнесения всех поздних летописных эпических упоминаний к Полихрону Фотия, как их первоисточнику. В самом деле, ограничиваясь пока-что только летописными известиями об Александре Поповиче, отметим их разноречивость, которая указывает на то, что в летописях отразились различные, разновременные произведения. Александр Попович то участник Липицкой битвы как сторонник ростовского князя Константина Всеволодовича, то участник Калкской битвы на службе у киевского князя Мстислава Романовича, то борется с Володарем и половцами при Мономахе, то выступает совместно с богатырем Владимира I Святославича — Яном Усмошвецом против половцев.

Ясно, что один и тот же летописец, будь это составитель Полихрона Фотия или кто-либо другой, не мог включить в свой свод столь разноречивые известия об одном и том же лице, жизнь которого относится то к XI в., то к XIII в. К тому же, самое именование Александра Поповича „богатырем“ в Никоновской летописи более позднее, сравнительно с именованием его „храбром“ в Тверском сборнике и в Полихроне Фотия. Остается предположить, что разные летописцы в разное время отразили в своих сводах различные произведения об одном и том же герое русского былевого эпоса — Александре Поповиче.

Попробуем рассмотреть эти летописные известия с точки зрения их содержания.

В Тверской летописи 1534 г., иначе называемой Тверским сборником, в текст повести о Калкской битве, в целом восходящей к Софийской первой летописи, вставлен подробный рассказ о подвигах ростовского „храбра“ Александра Поповича. Изложив в Повести о Калкской битве обычные в начале ее рассуждения о зловещем появлении неведомого народа (до слов: „бог же весть един, кто суть и отколе изыидоша, премудрии мужи ведят я добре, кто книги разумеет; мы же их не вемы кто суть, но зде написахом о них памяти ради рускых князь и беды яже бысть от них“), летописец внес от себя небольшое рассуждение о причинах поражения русских. Рассуждение это замечательно своею антикняжескою точкою зрения на грозные события Калкского побоища: „но не сих же ради сие случися, но гордости ради и величания Рускых князь попусти бог сему быти. Беша бо князи храбры мнози, и високоумны, и мнящися своею храбростию съделовающе; имеяхут же и дружину многу и храбру, и тою величающися...“¹ В подтверждение этого своего со-

¹ Здесь и ниже цитирую Тверской сборник по изданию 1863 г.

ображения летописец берется привести соответствующий рассказ: „... от них же о едином въспомянем зде, описаниа налезше“. Далее летописец приводит это „описание“, и в дальнейшем, как это мы увидим ниже, еще раз подтверждает фактами изложенную выше мысль о гордости и „высокоумии“ русских князей, опираясь при этом уже на чисто устный источник („глаголют бо“). Таким образом, письменный источник („описание“) дополняется затем устным („глаголют бо“), но оба — и письменный, и устный — отличаются цельностью точки зрения и сюжетной связностью рассказа: устный источник как бы продолжает рассказ письменного.

„Бе некто от Ростовских житель Александръ, глаголемый Поповичъ, и слуга бе у него именемъ Торопъ...“¹ так начинается „описание“, явно определяя тем главного героя своего повествования — ростовского „жителя“ Александра Поповича. Повествование „описания“ не отличается детальностью. Александр служил первоначально великому князю Всеволоду Юрьевичу („Большое Гнездо“). Когда же Всеволод Юрьевич отдал Ростов своему сыну князю Константину, Александр стал служить последнему в Ростове.

На службе у Константина Александр Попович совершает ряд богатырских подвигов, защищая свой родной город Ростов — не от общерусских врагов, а от посяганий соседних князей. Эти подвиги Александра Поповича рисуются в „описании“ на исторической канве того времени в узко местных чертах ростовского патриотизма.

Перед смертью своего отца Всеволода Константин не захотел уехать из Ростова во Владимир, „но у пречистиа Ростовския и чудотворцевъ излюбы жити“ и задумал перенести „стол великого княжения“ из Владимира в Ростов „и прошаше Володимера к Ростову, а не Ростова к Володимерю“. Дорожа первенством Владимира, Всеволод дал великое княжение не старшему сыну Константину, желавшему перенести великое княжение в Ростов, а младшему — Юрию. Эта распоряжение Всеволода явилось причиной вражды между братьями после его смерти. „Описание“ рассказывает, что Юрий „воздвиг“ на своего брата Константина „многие брани“, намереваясь согнать его и из Ростова. Уже из этого приступа к описанию подвигов Александра Поповича чувствуется резко проведенная ростовская точка зрения на историю борьбы за наследие Всеволода.

Дальнейший рассказ о подвигах Александра Поповича включает в себя четыре эпизода.

Когда Юрий подошел к Ростову с ратю, Константин отошел к Костроме „и тоа съжже“; князь Юрий стал под Ростовом в Пужбале, войско же Юрия стало за две версты от Ростова по реке Ишне. В отсутствие Константина и ростовской дружины Александр Попович обороняет род-

¹ Имя Торопа сохранилось в позднейших записях былин как слуги Алеши Поповича (Былины стар. и нов. записи, I, стр. 60) и Добрыни (см.: В. Миллер. К былинам о Каласком побоище, стр. 28).

ной город. „Александр же, выходя, многы люди великого князя Юрия избиваше, ихже костей накладены могыли великы и доньне на реце Ишне, а инии по ону страну реки Усии, много бо людей бяше с великим князем Юрием; а инии побieni от Александра же под Угодичами, на Узе, те бо храбрии выскочивше на кою либо страну обороняху град Ростов молитвами пречистыа“. Под „храбрыми“, „описание“ очевидно разумеет Александра Поповича и слугу его Торопа. Дружину „описание“ не упоминает; очевидно Александр Попович один со своим слугою обороняет Ростов, лично сам совершая какие-то богатырские подвиги, свидетельством чего „и до ныне“ стоят великие могилы, полно наложенные костями врагов.

После этого Юрий „многожды“ приходил к Ростову на „братне достояние“, но каждый раз с позором возвращался назад. Однажды Константин вышел из Ростова против Юрия, и был бой „за Юриевым на реце Гзе“. Ростовцы во главе с Константином снова победили, молитвами пречистыа, своею правдою и теми же храбрыми — Александром с слугою Торопом; ту же бе и Тимоня Золотой пояс“. В стане Юрия также был свой „храбрый“ — Юрята.

Можно предполагать, что между Александром Поповичем и Юрятой произошел поединок, так как Юрята был убит в битве к великой печали Юрия, который затем не мог простить этого Александру Поповичу, хотя и примирился после своего поражения с братом Константином.

Затем „описание“ переходит к рассказу о третьем по счету подвиге Александра Поповича. „Потом прииде“, — рассказывается в „описаний“, — на Ярослава Переяславского Мстислав Мстиславич, тесть его, и иныя князья вместе с Константином Всеволодовичем. За Ярослава вступился брат его Юрий. Произошла битва (на Липице). Полки великого князя Юрия были разбиты, убит был и сам „храбрый и безумный боярин Ратибор“, похвалявшийся закидать противников седлами. Затем следует краткое описание последующих событий.

Как показывает сличение летописного рассказа о Липицкой битве под 1216 г. и „описания“ (под 1224 г.), последнее значительно сокращает летописный рассказ, о многом говоря как об общеизвестных фактах. Однако одновременно „описание“ сообщает и некоторые новые данные, отсутствующие в летописном рассказе 1216 г. Так, например, боярин, выступавший на пиру у Юрия за продолжение борьбы, назван Ратибором, тогда как боярин, выступивший за заключение мира, носит имя Творимира; их именам придан, таким образом, назидательный, символический смысл.

Четвертый эпизод рассказывает об отъезде „храбрых“ из Ростова на службу к киевскому князю. В 1218 г. Константин Всеволодович умер, и великое княжение отошло к Юрию. Опасаясь мщениа Юрия за убийство любимого „храбра“ последнего — Юряты, боярина Ратибора „и инех мнозех от дружины“ Юрия, Александр Попович посылает своего слугу в различные русские княжества и созывает к себе в город на

совет всех „храбрых“. Город этот (замок Александра Поповича) был „обрыт“ над Гремячим колодцем на реке Где, — „иже и ныне той соп стоит пуст“. Съехавшиеся „храбры“ совещаются между собою. Если им оставаться служить по разным княжениям, то быть им перебитыми, так как у князей на Руси „велико неустроение и части боеве“. „Храбрые“ условливаются („кладут ряд“) ехать служить единому общерусскому князю — в „мать городам русским“ — Киев. В Киеве, рассказывает „описание“, княжил в это время великий князь „Мьстиславъ храбрый Романовичъ Смоленского“. „Храбрые“ били челом киевскому князю. Поступившими к нему на службу русскими „храбрами“ Мстислав Романович „велми гордяшеса и хваляшеса“. Здесь летописец заключает свое заимствование из „описания“ следующими словами: „донележе сна злоба о ней же повесть предлежит“.

Затем летописец возобновляет заимствование из Софийской первой летописи, причем в своем месте упоминает о гибели Александра Поповича „с инеми седмьдесятию храбрых“, как это было принято в летописях, восходящих к Владимирскому Полихрону Фотия. Однако в конце повествования после слов: „единь бог весть откуда приведе за грехы наша“, составитель Тверского сборника вновь отступает от традиционного летописного рассказа о Калкской битве, вспоминая свое утверждение о том, что поражение на Калке явилось следствием похвальбы и гордости великого князя киевского Мстислава Романовича. Очевидно, что летописец возвращается вновь к своему „описанию“: „и за похвалу и гордость великого князя Мьстислава Романовича. Глаголють бо яко прииде слух про сих татар, яко многы земли пленуют, а приближаются Руским странам, исповедаша ему [т. е. Мстиславу] о них; он же отрече: «дондеже есмь на Киеве, то по Яико, и по Понтийское море, и по реку Дунай сабле не махивати»“. Можно предполагать, что бахвальство Мстислава, как это видно и из предшествующего „описания“, объяснялось уверенностью его в могуществе своей дружины „храбрых“ во главе с Александром Поповичем.

Откуда взял составитель Тверского сборника свое „описание“ — внесено ли оно им впервые в летопись, или уже читалось и до него в составе летописных сборников, легших в основание Тверской летописи 1534 г.? А. А. Шахматов предполагает,¹ что „описание“ занесено в летопись составителем Владимирского Полихрона Фотия, но впоследствии было сокращено во всех летописях, восходящих к Полихрону, кроме Тверского сборника. Против этого говорит то, что часть „описания“ в Тверском сборнике читается в полном виде, а часть в обычном сокращении („и Александр Попович ту убиен бысть с инеми седмьдесятию храбрых“), что предполагало бы двойное использование в Тверском сборнике Владимирского Полихрона Фотия — в традиционно-сокращенном виде и в полном, нигде более не сохранившемся;

¹ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV—XV вв. ЖМНП, 1901, кн. XI, стр. 74.

но это противоречит истории создания Тверского сборника в том ее виде, как она воссоздана самим же А. А. Шахматовым.

„Описание“ в своем полном виде, очевидно, также рассказывало о гибели Александра Поповича и его „храбрых“ при реке Калке. Заключаем об этом из предисловия к рассказу 1237 г., явно принадлежащего составителю Тверского сборника: „О пленении Рускыа земля от Батия“. Автор этого предисловия дважды упоминает о гибели на Калке Александра Поповича и 72 „храбрых“, причем в первом случае в такой форме, как будто бы история этой гибели была изложена выше: „на восточней стране“ стало известно о гибели русских князей и „храбрых“ в Калкской битве: „и побеждение Руских князей прослу, и храбрых оных 72 избиение ведомо тамо бысть...“. Несколько ниже снова говорится о гибели на Калке 72 „храбрых“: „но Киевстии людие на Калках с великим княземь Мьстиславом Роман[ов]ичом, и с иними 10-ю князи и с 72-ю храбрыми костью тамо падоша“. Это число павших „храбрых“ — 72 — явно расходится с общераспространенным известием летописных сводов, восходящих к Владимирскому Полихрону Фотия, где указано помимо Александра Поповича всего лишь 70. Ясно, что „описание“ говорило о гибели в Калкской битве не одного ростовского богатыря (как во Владимирском Полихроне), а двух — Александра Поповича и Тимони Золотого Пояса, неоднократно упоминавшихся перед тем в „описании“. Составитель предисловия явно имел в виду текст „описания“, а не текст обычного известия сводов, восходящих к Владимирскому Полихрону. Отсюда делаем вывод, что в тексте „описания“ имелось указание на иное число храбрых, чем во Владимирском Полихроне и следовательно известие Владимирского Полихрона Фотия не могло опираться на текст „описания“, как предполагает А. А. Шахматов, а имело самостоятельный источник. Вместе с тем, возрастает наша уверенность в том, что „описание“ впервые включено в летопись составителем Тверского сборника и что слова „описания налезше“ принадлежат именно ему.

Исследованием А. А. Шахматова установлено, что Тверской сборник в части от 1078 до 1255 гг. представляет собою соединение Новгородской I летописи с сокращенною редакцией Владимирского Полихрона. Если „описание“ отсутствовало во Владимирском Полихроне Фотия, а его не было и в Новгородской первой летописи, то следовательно ясно, что оно внесено в текст Тверского сборника составителем последнего. Это подтверждается и тем обстоятельством, что составитель Тверского сборника называет себя „ростовским селянином“:¹ „описание“ явно носит ростовский характер и тесно связано с местными ростовскими урочищами,² от которых не может быть отделено.³

¹ ПСРЛ, т. XV, изд. 1863 г., стр. V.

² „Их же костей накладыны могилы великы и доныне на реце Ишне, а инии по оную страну реки Усии“; „съзывает их к себе в город обрыт под Гремячим колодезем на реце Где, иже и ныне той соп стоит пуст“.

³ А. А. Шахматов предполагает, что упоминание этих урочищ могло быть поздней-

Сделанные выше предположения подтверждаются найденным нами в Хронографе Публичной библиотеки в Ленинграде F. XVII. 17 (XVII в. — не позже 1661 г.) вариантом той же повести об Александре Поповиче. Приводим весь текст этой повести целиком, несколько упрощая орфографию.

„Ведомо ж да будет, яко Александръ храбрый глаголемый Поповичъ от ростовских житель и слуга у него именем Тороп, прочих же храбрых того же града 70.

И внегда бысть брань князю Костянтину Всеволодовичю ростовскому с меншим братом своим Юрьем Всеволодовичем владимерском о княжении и мнози бои быша меж ими, той же Александр храбрѣствуя выезжая из Ростова князь юрьевых вой побиваше, их же побитых от него около Ростова на реце Ишне и под Угодичами на лугу мнози ямы костей наклады. С ним же храбрѣствуя и Тиманя Златый Пояс. На иных же боех той же Александр с теми храбрыми и Юрюту храброго уби и Ратибора храброго, иже хотяше седлы войско Костянтиново (войско) наметати хваляся, уби. Князю Юрью ж Владимирскому о брате и о рати zelo печально бысть сердце храбрости их ради. Вскоре же князя Костянтина ростовского бог отдели века сего, отиде к богу, и ростовское княжение достася князю Юрью ко граду Владимиру. Той же Александр совет сотвори с презреченными своими храбрыми, бояся служити князю Юрью — аще мщение сотворит, еже на боех ему сопротивни быша; аще разведемся по разным княжениям, то сами меж себя побиемся и неволею, понеже меж князей несогласие. И тако вздумавше, отъехала служити в Киев. Лутче, рече, есть нам вместе служити матери градовом в Киеве великому князю Мстиславу Романовичю Храброму. Той же великий князь Мстислав Романович о всех храбрых хваляшесь в гордости своей: ужь слух дохождаше русским князем, яко безбожнии татарове мнози страны поплениша: ясы, обезы, касоги и безбожных половец множество избиша, и проидоша землю их, избивающе их гневом божим, заче милостивый бог мстя им кров христианскую, хотя их окаянных половьцев погубити. И прогониша тии татаровя половцев до реки Днепра. Князь же Мстислав рече гордяся надеяся на своих храбрых, их же през рекою. «Донележе, — рече, — аз есмь на Киеве, то по реку Яик и по море Понтийское и по реку Дунай не махивати сабли». Сего ради и с храбрыми своими купно погибе, хотя помогати половцем от татар и своя вся и сам с ними погибе, яко же писано есть в Калкском побоище“ (лл. 337 об. — 338 об.).

Приведенный текст отнюдь не восходит к Тверскому сборнику. Во-первых, содержащий его Хронограф никогда в других случаях

шей вставкой. (ЖМНП, 1901, XI, стр. 75). Однако упоминания эти точно согласуются со всеми подробными географическими данными „описания“ и не могут быть из него выделены без искусственной ломки текста.

к Тверскому сборнику не обращается. Во-вторых, в тексте этой краткой повести имеются детали, которых нет в „описании“ Тверского сборника.

Например, в начале повести сказано, что у Александра Поповича „прочих же храбрых того же града 70“. Тем самым объясняется, с какими „храбрыми“ совещается Александр Попович после смерти Константина Всеволодовича ростовского. Объясняется и то, — с какими „храбрами“ погиб Александр в Калкской битве: это „храбры“ ростовские — Александровы. Не забыто в краткой редакции убийство Александром Поповичем Ратибора храброго, чем объясняется неясное замечание „описания“ о том, что Александр Попович боялся мести Юрия Всеволодовича „Юрjаты ради, и Ратибора“. Имеются и расхождения с „описанием“. В последнем Александр Попович выезжал для подвигов из острога на реке Ишне, а в кратком варианте он выезжает „храбрствуя“ непосредственно из Ростова. Таким образом и „описание“ и краткий вариант повести об Александре Поповиче восходят оба вместе к какой-то более подробной повести об Александре Поповиче, не зависимой ни от какой летописи.

Краткий вариант целиком подтверждает высказанное выше предположение, что отрывок о похвальбе Мстислава Храброго относится к „описанию“, что это „бахвальство“ Мстислава объяснялось именно службой у него Александра Поповича и его 70 „храбрых“, и что результатом этой похвалы и явилась гибель их всех.

Между прочим, А. А. Шахматов, изучая Рогожский летописец, пришел к выводу, на основании совсем других соображений, о существовании отдельной от летописи ростовской повести о Калкском побоище, которая затем в отрывках была включена под 1224 г. в Тверской сборник. Существованием такой отдельной повести А. А. Шахматов объяснял то обстоятельство, что известная хронологическая выкладка, читающаяся в Софийской первой, Новгородской четвертой и других летописях под 6395 г., — в Рогожском летописце оказалась перенесенной под 6732 г. — год Калкской битвы.¹ А. А. Шахматов предположил, что эта самая выкладка читалась и в особой ростовской повести о Калкской битве, откуда была перенесена в ростовскую летопись вместе с повестью и перешла в некоторые из сводов, пользовавшихся этой ростовской летописью.

Однако наш текст краткой повести об Александре Поповиче этого предположения А. А. Шахматова не подтверждает. Следов хронологической выкладки в ней нет, как нет и в „описании“. Напомним, что вставка кусков из „описания“ сделана не в ростовскую летопись, откуда она перешла в Тверской сборник, а самим составителем Тверского сбор-

¹ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV — XVI вв., Л., 1938, стр. 368 и сл.

ника — „ростовским жителем“¹ в 1534 г. Из какой-то ближе нам неизвестной поздней ростовской летописи могла быть перенесена только та краткая повесть о Калкской битве, где имелось лишь простое упоминание о гибели Александра Поповича и его 70 храбрых, заимствованное в поздних ростовских летописях из свода Фотия.² Именно этим путем можно объяснить ее появление в Новгородско-софийском своде 30-х годов XV в.

5

Итак, перед нами ощутимый след народных произведений об Александре Поповиче, слуге его Торопе и о Тимоне Златом Поясе. Отголоски этих устных преданий не составляют единого целого: они вошли в письменность в разное время и затем из разных источников перешли в Тверской сборник.

Вглядываясь глубже в эпизоды героических подвигов Александра Поповича, можно заметить, что первые три из них тесно связаны между собою защитой Ростова, четвертый же эпизод находится с ними в некотором противоречии и более или менее обособлен.

Три первых эпизода связаны с защитой Александром Поповичем своего родного города Ростова от соседнего русского князя Юрия. Александр Попович верен своему городу и сюзерену даже тогда, когда князь Константин покидает его. Успехи Александра Поповича при защите своего города объясняются заступничеством патрональной святыни Ростова — „Пречистой“. Патрон Ростова — „Пречистая“ — не отпускает от себя ростовского князя Константина и помогает Александру Поповичу при защите Ростова. Народные предания о первых трех подвигах Александра Поповича объединены общей струей местного ростовского патриотизма и феодальной идеологии. Память о нем как о ростовском герое, „жителе“ Ростова, сохраняется именно в Ростовском крае, тесно связана с определенными урочищами. Это предания местные, топографически приуроченные, что составляет характерную черту эпических преданий раннего средневековья.³ В современном эпосе воспоминание о ростовском происхождении Александра Поповича сохранилось в былинке „Алеша Попович“ в сборнике Кирши Данилова (№ XIX). Алеша назван в ней сыном старого соборного попа ростовского. Он выезжает вместе с Екимом Ивановичем:

„Из славного Ростова, красна города“.

¹ См. ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863, стр. V: „Не бо бех Кианинь родом, ни Новаграда, ни Владимира, но от веси Ростовских областей“.

² Поздние ростовские летописи (XV — XVI вв.) в основном продолжают московскую линию летописания, почти не будучи связаны с местной летописной традицией XII — XIII вв.

³ Топографическое приурочение имеют все устные предания, вошедшие в Повесть временных лет.

То же ростовское происхождение Алеши обычно указывается в былинах „Алеша и Тугарин“.¹ Былина начинается описанием выезда Алеши Поповича из Ростова вместе со своим слугою Екимом Ивановичем (иногда: Васильюшкой, Акимом, Якишей, Якимом, Марышкой Парановым сыном). Иногда город, из которого выезжает Алеша, не назван, но всегда почти есть указания на то, что Алеша — сын ростовского соборного попа. Между тем, собственно ростовские подвиги Александра Поповича, как участника Липицкой битвы и борьбы за наследство Всеволода, в современных былинах не сохранились. Однако четвертый эпизод — прибытие Александра Поповича в Киев, отраженный современными былинами довольно ясно, во многих отношениях типичен для былинного творчества и, очевидно, более позднего происхождения. Эпизод этот утратил свои местные ростовские черты. В нем уже нет типической черты раннего, древнейшего этапа в развитии исторического предания — местной приуроченности (ссылок на урочища, рвы, могилы, с которыми связана обычно память о герое в древнейшем периоде). В нем нет также упоминаний о покровительнице Ростова — „Пречистой“ и не ощущается ростовский местный патриотизм. Александр Попович как бы отрекается от своего прошлого. Собранные им „храбрые“ отказываются служить „по разным княжениям“. Отказывается служить родному Ростову и Александр Попович. Мотив отказа характерен — Александр и русские „храбрые“ не хотят более принимать участия в междоусобиях князей, „храбрые“ объединяются, чтобы никогда больше не враждовать между собою. Иначе они „имут перебитися“, как перебил в свое время сам Александр Попович „храбрых“ Юрия Всеволодовича. „Храбрые“ решаются служить не местным князьям, а „единому великому князю в матери градовом Киеве“. В этом решении „храбрых“ отказаться от служения местным князьям, объединиться и служить общерусскому делу, переехав к великому князю киевскому как представителю общих интересов русского народа, совершенно отчетливо сформулирована идея общерусского единства, идея необходимости единения, преодолевается та самая идеология феодализма, которой служил сам Александр Попович в предшествующих трех эпизодах.

Итак, перед нами два этапа в развитии былевого эпоса об Александре Поповиче: в первом из них Александр Попович является ростовским героем начала XIII в., во втором — он герой общерусский, находящийся на службе у киевского князя Мстислава Романовича Храброго.

О последующих двух этапах, в которых Александр Попович оказывается богатырем у Владимира Мономаха, а затем и у Владимира I Святославича, дает представление более поздняя Никоновская летопись.

¹ Рыбников, III, № 20; Гильфердинг, № 99; Марков, № 47; Григорьев, 43, 50, 212, 334; Оичуков, 64, 85, и др.

В Никоновской летописи, а также отчасти в Степенной книге имеется ряд записей о подвигах Александра Поповича, переводящих сюжет на два с лишним века назад — ко времени княжения Владимира I Святославича.

„В лето 6508 (1000 г.). Прииде Володарь с Половцы к Киеву, забыв благодеяния господина своего князя Владимира, демоном научен. Володимеру же тогда в Переславце на Дунаи, и бысть смятение велие в Киеве, и изыде нощию во сретение им Александр Поповичь, и уби Володаря, и брата его и иных множество Половец избви, а иных в поле прогна. И се слышав, Володимер возрадовася зело, и възложи на нь гривну злату, и сотвори ѿ вельможа в полате своей“.¹

Под следующим годом (6509=1001 г.) Александр Попович упоминается в летописной статье, имеющей особый заголовок: „Богатыри“. „Александр Поповичь и Ян Усмошвець, убивый Печенежского богатыря, избиша множество Печенег, и князя их Родмана и с трема сыны его в Киев к Володимеру приведоша. Володимер же сътвори празднование светло, и милостыню многу раздаде по церквам, и по монастырем, и убогим и нищим, и по улицам болным и клосным великиа кади и бочки меду и квасу, и перевары и вина поставляше, и мяса, и рыбы, и всякое овощие, что кто требоваше, и ядыше“.

Третье известие об Александре Поповиче заключено в Никоновской летописи под 6512 (1004) г.: „Идоша Печенези на Бельград; Володимер же посла на них Александра Поповича и Яна Усмошвеца с многими силами. Печенези же слышавше, побегоша в поле“.

Все три известия Никоновской летописи рисуют Александра Поповича ревностным защитником Киева, как предшествующие известия Тверского сборника рисовали его защитником Ростова. Врагами родного города Александра Поповича являются на этот раз не русские князья соседних областей, а общерусский враг: степные народы — печенег и половцы. Перед нами следовательно тот же общерусский герой Александр Попович, который принимал участие и в Калкской битве. Замечательно при этом, что Александр Попович под 6509 г. включен в рассказ под заголовком „Богатыри“. Этот термин впервые здесь употреблен в отношении Александра Поповича, до того носившего название „храброго“. Александр Попович находится на службе у традиционного эпического князя Владимира, изображенного притом в традиционных же чертах эпической поэзии — как пиrolюбец и щедрый князь.

Перед нами несомненное отражение народного эпоса, при этом не одинокое в Никоновской летописи.² Княжение Владимира I окружено в Никоновской летописи целым роем богатырских имен. Известиями о них,

¹ Здесь и ниже цитирую Никоновскую летопись по изд. 1862 г.

² Эпические черты в известиях Никоновской летописи об Александре Поповиче выяснены в исследованиях Костомарова, Дашкевича, Халанского.

так же как и известиями об Александре Поповиче, заполнены пустые годы княжения Владимира предшествующего летописания. Под 6508 (1000) г. сообщается о смерти богатыря Рагдая Удалого: „того же лета преставися Рагдай Удалой, яко наезжаше сей на триста воин, и плакася о нем Володимер, и погребе его с отцем своим митрополитом Леонтом“.

Под 1004 г. Никоновская летопись сообщила об отравлении Андриха Добрянкова храброго: „Того же лета Андриха Добрянкова храброго отравою смертною окормиша свои слуги“. Под 1008 г. опять-таки на основании каких-то фольклорных источников включен рассказ о поимке некоею „хитростью“ „славного разбойника, нарицаемого Могута“, отдаленно напоминающего Соловья-разбойника. Приведенный ко двору Владимира, этот Могута встал перед Владимиром, „въскрича зело, и многы слезы испущая из очию“, закаялся не заниматься разбоем. Свое обещание Могут свято затем хранил, вел примерный образ жизни в доме митрополита и, провидев свою смерть подобно святым, умер в раскаянии.

Изображение самого Владимира также подвергнуто в Никоновской летописи основательному пересмотру с точки зрения фольклорных данных. Четырежды рассказывается в ней о пирах Владимира, тогда как в предшествующем летописании о них упоминалось всего однажды.

Нельзя, однако, считать, что все внесенные в Никоновскую летопись сведения о богатырях безусловно обязаны своим происхождением русскому эпосу. Кое в чем мы должны предположить и участие фантазии самого составителя Никоновской летописи. Так, например, не поняв под 1002 г. известия о смерти матери Владимира I Святославича — Мальфреды и приняв ее имя за мужское, составитель Никоновской летописи исказил сообщение предшествующей летописи, превратив Мальфреду в богатыря: „преставися Мальвред сильный“. Однако эта ошибка составителя Никоновской летописи характерна. Очевидно в середине XVI в. время Владимира в достаточной мере определилось как время богатырства киевского, и летописец испытывал серьезное желание дать этому соответствующее отражение в летописи, заполнив сведениями о богатырях пустые годы княжения Владимира и видя богатырей в неразъясненных в летописи именах владимирова времени. Такие же прибавления „храбрый“, „сильный“, „богатырь“¹ к историческим именам можно встретить в Никоновской летописи во многих известиях последующих лет.

Когда могли проникнуть в летопись эти фольклорные данные о богатырях Владимира? Все ли они внесены в летопись составителем Никоновской летописи или кем-либо из его предшественников? Судя по отсутствию данных об этих богатырях в таких летописях, как Воскресенская, московский княжеский свод 1479 г., и наличию некоторых из них в Сте-

¹ О сравнительно позднем употреблении слова „богатырь“ см.: Н. Дашкевич, Былины о Алеше Поповиче и о кончине богатырей, Киевск. унив. известия, 1883, № 3, стр. 168 и 169.

пенной книге, предполагаем, что они были внесены в летопись не ранее конца XV в. и не позднее 50-х гг. XVI в. (времени составления Степенной книги).

Однако когда бы ни были внесены в летопись известия об Александре Поповиче 1000, 1001 и 1004 гг., сами по себе они резко различны по своему происхождению. В самом деле, запись 1000 г. о борьбе Александра Поповича с половцами, приведенными к Киеву Володарем, довольно точно передает, очевидно в самом общем виде, содержание былины. Между тем половцы не могли появиться под стенами Киева при Владимире I — их еще не было в южнорусских степях — они появились в конце XI в. Володарь, о котором идет речь в Никоновской летописи (Володарь Ростиславич), действительно подступал к Киеву и при этом именно с половцами, но не в 1000 г., а в 1110 г. при Владимире Мономахе.¹ Таким образом, перед нами яркое свидетельство существования такого этапа в развитии былин об Александре Поповиче, когда он являлся богатырем не Владимира I, а Владимира Мономаха. Этап этот засвидетельствован и записями былин об Алеше Поповиче и Тугарине Змеевиче. В последнем не без основания видят историческое лицо времени Владимира Мономаха — Тугорхана, подступавшего к Киеву в 1096 г. и неоднократно разорявшего Русскую землю в последней четверти XI в.²

Все вышеизложенное позволяет думать, что уже в XVI в. Александр Попович являлся богатырем эпохи Владимира I Святославича, пройдя этап своего служения при дворе Владимира Мономаха. Два последующих рассказа Никоновской летописи о подвигах Александра Поповича несомненно относятся ко времени Владимира I Святославича. В них Александр Попович выступает совместно с историческим лицом конца X — начала XI в. — Яном Усмошведом³ и действует против печенегов, сведения о которых исчезают в летописи ко времени Владимира Мономаха.

Итак, Никоновская летопись дает нам представление еще о двух последующих этапах развития эпоса об Александре Поповиче: в первом из них Александр Попович служит Владимиру Мономаху, во втором — Владимиру I Святославичу. В обоих этих случаях Александр Попович тесно связан с историческими событиями времени Владимира I и Владимира Мономаха; это заставляет думать, что имя его заместило в сказаниях имена каких-то более древних богатырей.

¹ В. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. II. 1910, стр. 109 и сл.

² В. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. II. 1910, стр. 113 и сл. (см. Лаврентьевскую летопись под 1096 г.).

³ Возможно, что имя Яна Усмошведа выдуманно летописцем, как предполагает Н. И. Костомаров („Предания первоначальной русской летописи в соображениях с русскими народными преданиями в песнях, сказках и обычаях“, Собр. соч., т. XIII, кн. 5, стр. 391). Однако самые факты, связанные с ним (единоборство с печенежником), отмечены еще в Повести временных лет.

7

Обратим внимание на замечательные особенности рассказа о битве на Липице в Никоновской летописи. В последней имеется ряд дополнений, не находящих себе параллелей в других летописях.

Прежде всего — в перечислении сил Константина Всеволодовича Ростовского перед битвою на Липице упомянуто: „с ним же бе и два храбра, Добрыня Златый пояс да Александр Попович с своим слугою с Торопом, славныя¹ богатыри“. В Тверском сборнике в другом контексте при перечислении убитых упомянуто: „У князя же у Константина тогда бяше в полку два человека храбрых, Олешка Поповичъ и человек его Торопъ, и Тимоня Золотой пояс“. Однако известие Тверского сборника и известие Никоновской летописи не могут быть поставлены в генетическую связь: они различны по месту своего нахождения в рассказе о Липицкой битве, различны по форме и по существу. В Тверском сборнике упомянуты „Олешка Поповичъ и человек его Торопъ“ и „Тимоня Золотой Пояс“; в Никоновской же летописи на первое место поставлен Добрыня Златый пояс; Александр Попович выступает с „слугою“ своим Торопом, и все вместе названы „славными богатырями“. Ясно, что известия Никоновской летописи самостоятельны по происхождению.

Значительно распространено заявление Ярослава Всеволодовича вторгшимся войскам противников. В Новгородской IV летописи оно чрезвычайно лаконично: „мира не хочю, а мужи у мене; а далече есте шли, и вышли есте аки рыбы на сухо“. В Никоновской летописи особенно развита последняя, образная, часть этого обращения: „мира не хошу, и гостей не отдам, и что взях, то у меня, и еще хошу имати и новгородцев всех казнити; но убо и сего не весте от великиа ваша глупости, яко далече есте зашли, яко овцы ко лвом, яко теленки к медведем, яко свиньи на поле, яко рыбы на сухо“. В Никоновской летописи подчеркнуты резкость и самонадеянность ответа Ярослава; народная поговорка „яко рыбы на сухо“ развита дальнейшими сравнениями, приведенными в ту же поговорочную форму.

Чрезвычайный интерес представляют те изменения, расширения и та драматизация, которые приданы эпизоду с предупреждением Юрия Всеволодовича на пиру неким боярином. Юрий и Ярослав Всеволодовичи устраивают перед битвой пиршество. Никоновский летописный свод подчеркивает самонадеянность князей, их уверенность в победе: „и придоша в ярость велию надеющиеся на многое воинство, понеже много воинства собраша, и сице ярящися, начаша пиры творити в шатрех своих з боары своими“. В отличие от рассказа предшествующих летописей, в Никоновской князья спрашивают во время пира всех „по единому“, как схо-

¹ Здесь слово „славныя“ употреблено в значении „славящиеся“ — „хорошо известные“, что вполне оправдывается устно-былинным происхождением этих упоминаний (см.: И. Срезневский. Материалы для словаря древне-русского языка, т. III, 1912, стр. 403).

даться на бой с вторгшимися во Владимирско-Суздальскую землю войсками. Очередь дошла и до старого боярина Андрея Станиславича, которого все считали выжившим из ума от старости („яко от старости и мало смыслить“), а поэтому спрашивавшие его — „не прилежно вопрошаху его“. Андрей Станиславич произносит длинную речь, в которой просит извинить его за то, что скажет, может быть, не так, как следует („яз стар и мало смыслю уже“), а затем предлагает заключить мир, отдать старейшинство Константину, отпустить новгородцев „и чюжих не возхищати“ — блюсти только принадлежащее себе. В заключении своей речи Андрей Станиславич призывает князей не кичиться обилием своего войска: „о сем убо не зрите, яко мало их есть воинство, а вашего воинства много и безчислено, но убо не забывайте, яко Ростиславле племя князи мудры и храбры, а Новгородци, и Псковичи, и Смолняне усердии суть к бою, а самого князя Мстислава Мстиславича и сами весте, каков есть, и яко от бога дана ему храбрость паче всех“. Самое замечательное в речи этого боярина Андрея Станиславича — это напоминание Юрию и Ярославу о богатырях Константина: „и есть у него мужи храбри зело и велици богатыри, яко лвы и яко медведи,¹ не слышат бо на себе ран... и храбрых ныне не веси у него Александра Поповича и слугу его Торопа, и Добрыню Рязанича Златаго поаса и Нефедья Дикуна“.

Эта пространная речь Андрея Станиславича находит себе некоторую параллель в выступлении на пиру боярина Творимира в предшествующих летописных описаниях битвы на Липице. Однако в Никоновской летописи резче подчеркнута ярость Юрия,² и успокаивающие речи бояр³ присочинены вновь. Выступление боярина, похвалившегося закидать седлами врагов, развито: боярин обещает не только закидать седлами врагов, но и кулаками побить их, даже если на помощь им придет „вся земля Половецкая“.

Весь этот эпизод не может считаться только результатом развития предшествующего летописного рассказа о похвальбе братьев-князей суздальцев на пиру перед битвой на Липице. Если бы это было так, — нам была бы непонятна необходимость заменить боярина Творимира боярином Андреем Станиславичем,⁴ и добавить ряд явно эпических подробностей: на пиру

¹ Ср. выше добавление в речи князя Ярослава: „но убо и сего не весте от великиа ваша глупости, яко далече есте зашли, яко овцы ко лвоу, яко теленки к медведем...“

² „О сем зело разъярися и разсверепе, и начя сюду и сюду метатися, яко зело не люба бысть ему речь сиа“.

³ „Что, княже, о сем скорбиши; не веси ли, яко без ума есть сей от старости, не весть, что глаголеть“.

⁴ Возможно, что в первоначальном рассказе о Липицкой битве в своде 1448 г. имя боярина Творимира не читалось. Летописец мог принять за него слова, сохранившиеся ныне в Софийской первой летописи, с которыми боярин обращается к суздальцам „Твори мир, князь Юрьи и Ярослав“ (Софийск. I, изд. 1925 г.) Однако могло быть и обратное; т. е. имя боярина Творимира было воспринято составителем Софийской

все присутствующие по очереди высказываются о предстоящей битве, доходит очередь до глубокого старца, которого все считают выжившим из ума, ему „с небрежением“ предлагают высказаться, но он мужественно говорит правду в лицо, чем вызывает гнев князя.

Самое существенное, однако, что на этом эпизод не кончается. В момент ночного „пополоха“ в лагере суздальцев, вызванного шумом в расположении противников, старец вновь является перед суздальскими князьями и насмешливо успокаивает их: „ничто же видев, почто хочете бежати? не рех ли аз вам безумнем, яко лутчи вам миритися, се бо ни единого мертваго ни кроваваго видесте, и тако усътрашистеса и на бежание уклонистеса; егда же увидите вищша сего сотворшася над вами, что тогда не постражете“. И на этот раз суздальцы не внимают увещаниям старца, отсылая его от себя прочь „безчестна“. Происходит битва в ней на стороне противников Юрия и Ярослава принимает участие Александр Попович, о котором предупреждал суздальцев старец, и суздальцы разбиты.

Природа не сочувственно относится к братоубийственной вражде; перед битвой: „въста ветер, и прииде облак, и биаше гром безпрестани, и мльниа сожигающи страшно, и бысть страх на всех, и стоаху много, ни сии ни они друг на друга не поступающе, ни мира хотяще: разсверещася бо яко звери“.

Наконец, в описание самой битвы введен новый эпизод встречи в бою Мстислава Мстиславича с Александром Поповичем. Мстислав Удалой трижды проехал с топором в руке через полки суздальцев. Встреченный им Александр Попович не узнает его: „И прииде на него Александр Поповичъ, имае меч наг, хотя разсеци его: бе бо силен и славен богатырь. Он же возопи глаголя: яко аз есмь князь Мстислав Мстиславичъ Новгородцкый; он же уставися, и тако спасе его бог от смерти. И рече ему Александр Поповичъ: «княже! ты не дерзай, но стой и смотри; егда убо ты, глава, убиен будеши, и что суть иныя, и камо ся им дети?»“¹ Произнесенное Александром Поповичем наставление не лишено интереса для выяснения хронологии создания этого сюжета: в нем отразились военные воззрения XV—XVI вв., что предводитель войска не должен принимать личного участия в боевых схватках, чтобы не подвергать своей жизни опасности: „егда убо ты, глава, убиен будеши, и что суть иныя и камо ся им дети?“ В XIII и в начале XIV в. князья еще принимали личное участие в битве, но уже Дмитрий Донской отдал в битве свой шлем похожему на него по виду воину.² Таким образом в эпизоде этом как бы летописи как обращение к князьям. За последнее говорит несогласованность формы единственного числа „твори“ с обращением к двум князьям (Юрию и Ярославу), требовавшим множественного числа.

¹ См. об этом: В с. М и л л е р. Очерки русской народной словесности, т. II, стр. 78, и сл.

² Ср. в Сказании о Мамаевом побоище: когда Дмитрий захотел сам биться в полку, „мнози жо рустии богатыри (!) удръжавше его възбраняше ему ржуще не подобает тебе, великому князю, самому в полку битися, тебе подобает особе стояти

встретились реальный исторический факт личного участия Мстислава Удалого в рукопашных схватках и позднейшее воззрение на недопустимость этого в битве („наставление“ Александра Поповича).

Заслуживает внимания также изменение в Никоновской летописи имен убитых в Липицкой битве воинов Мстислава: Дмитр Плесковитин назван „Псковигин Дмитрий Желтый“; „Онтон“ котельник назван „Антоний, глаголемый Черный“, убитому в битве Ивану Поповичу придан в Никоновской летописи слуга — Нестер. Все они названы в Никоновской летописи „вельми храбрыми и сильными“, что является в Никоновской летописи обычными эпитетами богатырей. О смерти их „плакася... намного князь Мстислав Мстиславич“.

Не может быть сомнения в том, что все эти добавления и изменения в Никоновской летописи в описании Липицкой битвы возникли под влиянием каких-то фольклорных сказаний. Внимательное рассмотрение этих дополнений убеждает нас в том, что все они сделаны на основании каких-то местных ростовских сказаний о Липицкой битве, сочувственно относящихся к ростовскому князю Константину и его союзникам.

Можно думать, что эти дополнения внесены в рассказ о Липицкой битве не составителем Никоновской летописи, а кем-то из его предшественников. Предполагаем, что уже составитель более ранней Воскресенской летописи был знаком с кое-какими из этих дополнений. Так, например, Новгородско-софийский свод 30-х годов XV в. называет четырех убитых в битве новгородцев. Это число постоянно указывается в летописях XV в. Однако в Воскресенской летописи указано пять убитых новгородцев. Предполагаем, что Воскресенская летопись имела в виду слугу Ивана Поповича — Нестера, указанного дополнительно в Никоновской летописи.

Затем нельзя не обратить внимания на многозначительное расхождение Тверской и Никоновской летописей в имени второго ростовского богатыря, сражающегося вместе с Александром Поповичем. Вместо Тимони Златого пояса Тверского сборника, в Никоновской летописи в Липицкой битве участвует Добрыня Золотой пояс. Это расхождение перекидывается и на рассказ о Калкской битве: в Тверском сборнике вместе с Александром Поповичем погибает Тимоня Златой пояс, в Никоновской — Добрыня Золотой пояс.

Тесная связь, которая существует между фольклорными дополнениями в Никоновской летописи к повести о Липицкой битве и самой повестью говорит о том, что и повесть и народное предание о Липицкой битве расходились не существенно, или вовсе не расходились. Это-то и позво-

и нас разсмотреть, пред ким нам явится, егда посетит тебе бог, великаго князя, государя, милостию своею, то время чести, по чему разумети, кому даровати достойныя чести. Мы же готови есмя вси главы своя скласти днесь за тебе, великаго князя. Тебе же, великому государю, подобает раб своих разсмотреть, елико ти послужим головами своими, памяти творити“ (рпк. XVI в. Сказание о Мамаевом побоище, изд. С. К. Шамбинаго, СПб., 1907, стр. 41).

лило не добавлять новые эпизоды, а развивать старые на основе фольклорных данных.

Заслуживает внимания, что в Новгородско-софийском своде 30-х годов XV в. рассказ о Липицкой битве оказался сильно расширенным сравнительно с рассказами Лаврентьевской и Новгородской первой летописи. Высказываем предположение, что эти расширения также были сделаны за счет фольклорного материала. В Новгородско-софийском своде рассказ о Липицкой битве оказался дополненным эпизодом с пиром у Юрия и Ярослава, где похвальба братьев суздальцев и боярина Ратибора, а также разумное предостережение Творимира явно вызывают фольклорные ассоциации.¹ А, во-вторых, рассказ о Липицкой битве оказался дополненным эпизодами с комическим бегством Юрия и Ярослава. Юрий в одной нижней („первой“) сорочке прискакал во Владимир на четвертом коне, загнав по дороге трех. Его приняли издалека за гонца, везущего весть о победе, и обрадовались: „Наши одолевают“, но Юрий, прибежав один, „нача ездити околo града, глаголя: «Твердите город»“, и „бысть в веселия место плачь“.² Брат его Ярослав прискакал в Переяславль на пятом коне, загнав по дороге четырех. Повторность этого эпизода с загнанными конями заставляет предполагать в основе фольклорный элемент. Самый эпизод с радостью горожан, принявших Юрия за гонца с известием о победе, напоминает известный былинный эпизод с дочерьми Соловья-разбойника, принимающими Илью, везущего Соловья, за своего отца, везущего связанного Илью.

„— Едет-то наш батюшко чистым полем,
А сидит-то на добром кони,
Да везет ён мужичицо деревенщину,
Да у правого стремени прикована“.³

Таким образом, рассмотрение рассказа о Липицкой битве в Новгородской летописи заставляет предполагать наличие богатого фольклорного материала и в XV и в XVI вв. об этой значительной в истории Ростово-Суздальской земли битве. Александр Попович был одним из главных героев борьбы за наследство Всеволода Большое Гнездо. Рассказы

¹ Вопрос о зависимости мотива неудачной похвальбы в былинах о Камском побоище, Мамае и Калине от летописного рассказа (из „свода 1448 г.“) о похвальбе перед Липицкой битвой братьев князей суздальцев и боярина Ратибора подробно рассмотрен Вс. Миллером („Очерки русской народной словесности“, т. II, 1910, стр. 69—86). Однако зависимость эту можно рассматривать и иначе, чем это сделано Вс. Миллером. История создания летописной повести о Липицкой битве позволяет думать, что в рассказ Новгородско-софийского свода 30-х годов XV в. сильной струей проникло народное историческое предание (в Лаврентьевской летописи и в Новгородской первой по синодальному списку эпические подробности этого рассказа отсутствуют).

² Софийская первая летопись, вып. 1, изд. 1925 г.

³ А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 14 (№ 74).

о событиях, в которых он принял участие, густо осели в различных летописных сводах XV и XVI вв. Были ли это прозаические предания или исторические песни, — решить трудно.

8

Все вышеизложенное дает нам право на основании летописных данных следующим образом восстанавливать историю былинных сюжетов об Александре Поповиче. Первоначально Александр Попович — один из „храбров“ Всеволода Большое Гнездо, житель Ростова, служащий затем сыну Всеволода Константину. Боевые подвиги Александра связаны с борьбой за наследство Всеволода между его сыновьями; он главный герой Липицкой битвы. Сказания о нем тесно связаны с урочищами Ростова и распространением своим, очевидно, не выходят за пределы Ростово-Суздальской земли.

С ослаблением центробежных областнических тенденций в конце XIV — начале XV в., с ростом сознания общерусского единства Александр Попович теряет черты узко местного ростовского героя и становится героем общерусским. Параллельно реальному политическому объединению русских земель создаются произведения, объединяющие русских богатырей, начинающих служить общерусским интересам. Создается сюжет об отъезде из Ростова Александра Поповича во главе других русских „храбров“, отказывающихся от служения местным князьям. Александр Попович приезжает в Киев — „мать русских городов“ и служит „единому“ русскому князю Мстиславу Романовичу.

Подчеркну чрезвычайно важность именно этого четвертого эпизода „описания“ для понимания исторической концепции русского былевого эпоса. Здесь с полной ясностью раскрыты причины типического для русских былинных сюжетов переезда местного богатыря в Киев. В Киев приезжают Александр Попович и Еким Иванович из Ростова,¹ Илья Муромец из Мурома, Добрыня из Рязани, Дюк Степанович из Волянца Галича. Приезжают в Киев и Чурила, и Никита Залешанин и другие. В некоторых из этих былин говорится о том, что богатырь приезжает, заслышав о нависшей над Киевом беде,² но только в Тверском сборнике дано этому переезду реальное объяснение: это — отказ богатыря от служения местным интересам феодала ради служения родине. Киев и киевский князь выступают в данном случае как бы символами общерусского единства; киевский князь прямо назван „единым“ князем. Замечательно также, что богатыри переезжают в Киев не в одиночку а по общему сговору, сотворив совет, также в известной мере типичный для эпических песен.³ Ближе всего к этому мотиву стоит мотив совеща-

¹ Сб. Кирши Данилова, № XIX.

² „Былины новой недавней записи“, № 99.

³ Ср. исторические песни о Ермаке: совет перед отправлением казаков в Сибирь (ср. запись этой исторической песни в Строгановской летописи: „Сибирские летописи“, СПб., 1907, стр. 55 и сл.).

ния казаков перед походом в исторических песнях о Ермаке, но и мотив богатыря на распутьи также весьма близок разбираемому положению. Сборник Кириши Данилова дает сюжет с весьма близкой ситуацией. Выхавшие из Ростова богатыри Александр Попович и Еким Иванович оказываются на распутьи. Три дороги ведут в различные русские города: в Муром, в Чернигов и в Киев. Еким Иванович обращается с вопросом к Алеше Поповичу: по какой дороге ехать. Александр Попович избирает путь на Киев: „Говорил ему Алеша Попович млад: «лучше нам ехать ко городу, ко Киеву, ко ласкову князю Владимиру»“.¹

В былинах „Алеша и Тугарин“ иногда вместо Мурома, Чернигова и Киева фигурируют другие города: Чернигов, Тобольск, Киев;² Кремлев, Чернигов, Киев;³ Киев, Новгород, Чернигов;⁴ Суздаль, Чернигов, Киев.⁵ Однако одна из дорог всегда ведет в Киев, и именно в Киев едут товарищи, посоветовавшись между собою.⁶

Мотивировка этого выбора Киева отсутствует в былинке, либо она случайна и варьируется, но зато она совершенно твердо указана в Тверском сборнике, несомненно отразившем народные предания или песни об Александре Поповиче XV—XVI вв. Эта мотивировка замечательна своею историческою сознательностью. Идея необходимости объединения Руси и служения общерусским интересам выражена в ней совершенно отчетливо.

Естественно думать, что Александр Попович, как местный герой, предшествует Александру Поповичу, как герою общерусскому. Подобно тому как исторически областнические тенденции предшествовали тенденциям объединительным, — и в эпосе местные предания иногда предшествовали преданиям общерусским. Эта хронологическая последовательность подчеркнута в самом развитии рассказа Тверского сборника, где Александр Попович из героя местного становится героем общерусским, а не наоборот. Новый сюжет переезда героя в иную местность мог создаться только для объяснения новой же ситуации, а отнюдь не старой.

Надо думать, что эти объединительные тенденции в русском былевом эпосе совпали с объединительными тенденциями в русской государственной жизни или несколько им предшествовали. Признание этого влечет нас к предположению, что четвертый эпизод о переезде Александра Поповича к киевскому князю и гибель его вместе с остальными русскими „храбрами“ за общерусское дело возник не раньше конца XIV столе-

¹ Сб. К. Данилова № XIX. отождествление этого былинного эпизода с эпизодом Тверского сборника сделано Дашкевичем, повторено Халанским и др.

² Григорьев, № 43.

³ Григорьев, № 212.

⁴ Ончуков, № 64.

⁵ Ончуков, № 85.

⁶ Отъезд Александра Поповича в Киев по „описанию“ Тверского сборника и начало былины об Алеше и Тугарине приведены в связь еще Дашкевичем, а затем Халанским.

тия. Это объясняет нам, с другой стороны, и самый факт включения во Владимирский Полихрон Фотия начала XV в. известия о гибели на Калке Александра Поповича и его 70 „храбрых“.

В известии Владимирского полихрона Фотия (1418 или 1423 г.) о смерти Александра Поповича и „инех“ 70 „храбрых“ можно видеть древнейшее отражение в средневековой письменности эпического сюжета о гибели богатырей. Былины эти, таким образом, не „завершают собою“ круг южнорусских былин,¹ а начинают их. Это один из древнейших эпических сюжетов, рисующих объединение богатырей (объединение, правда, перед лицом смерти, гибели за общерусское дело).

Недовольство усобицами князей в конце XIV — начале XV вв. отразилось в резко отрицательном изображении Мстислава Романовича Киевского (Тверской сборник). Однако рост политического значения княжеской власти в XIV и XV вв., выдающаяся роль московских великих князей в политическом объединении Руси привели к переосмыслению личности князя в былинных сюжетах. Соответственно этому в былинных сюжетах об Александре Поповиче место ничтожного князя киевского Мстислава Романовича занимает идеализированный русской летописью, книжностью и народом в целом — Владимир Мономах — родоначальник московских великих князей. Александр Попович на службе у Владимира Мономаха удачно обороняет Киев от половцев.

Последний этап, засвидетельствованный летописью, застаёт Александра Поповича при главном притягательном центре Киевской Руси — Владимире I Святославиче, — совместно с другими русскими богатырями защищающим Киев от печенегов. К 1550-м годам (время составления Никоновской летописи) этот цикл развития былинных сюжетов об Александре Поповиче может считаться завершённым.

Таким образом, исторические предания об Александре Поповиче и по характеру своей распространенности и по характеру своих сюжетов, развиваются от узко местного эпоса к общерусскому. Местные сказания, приуроченные к определенным урочищам, превращаются в общерусские героические сюжеты с весьма обобщенным содержанием. Развитие былинных сюжетов об Александре Поповиче идет параллельно развитию и росту общенародного самосознания.

История сюжетосложения былин об Александре Поповиче наглядно убеждает в том, что процесс циклизации былинных сюжетов вокруг Киева и князя Владимира отнюдь не во всех случаях являлся механическим процессом, подчиненным „бессознательным законам народной памяти“.

С точки зрения исторической школы, развитие былинных сюжетов представляет собою историю постепенного потухания и сглаживания лежащего в их основе живого, многообразного и полноценного исторического факта. Поэтому историческая школа в изучении былин (Вс. Миллер, Н. Дашкевич, А. Лобода, А. Марков, Б. Соколов и др.) ставила себе

¹ Так утверждал М. Н. Сперанский: „Русская устная словесность“, 1917, стр. 271.

целью связать русские былины с подлинными историческими фактами, с определенными историческими лицами. Вся последующая история былинных сюжетов, в том числе и циклизация их вокруг Киева, рассматривается исторической школой как постепенное обесценивание этого основного исторического ядра.

Такая точка зрения на постепенное угасание исторической правды, исторической памяти народа отнюдь не случайна. Она лежит в непосредственной связи с глубоко неверным утверждением Вс. Миллера об аристократическом происхождении русских былин и постепенном спаде их художественной ценности по мере их нисхождения в народ.

Анализ исторического развития сюжетов об Александре Поповиче, поскольку оно отразилось в летописи, заставляет говорить об обратном: не о ниспадающей линии развития эпоса, но о восходящей. Возникнув на основе местного исторического припоминания, сюжет героических былин об Александре Поповиче постепенно поднимается до обобщающих представлений об историческом развитии родины и выходит за пределы своей местности, становясь достоянием всего народа. Это объясняется в первую очередь тем, что развитие эпоса об Александре Поповиче было тесным образом связано с историческими воззрениями народа.

И эти исторические воззрения, с наибольшей яркостью отразившиеся в былинах, должны быть подвергнуты изучению. Надо уяснить себе, когда и при каких обстоятельствах создалась историческая концепция русского эпоса. Она отнюдь не случайна. Народ активно воспринимал события своего времени. Ее создание диктовалось исторической необходимостью; она представляла собою живой отклик народа на судьбы своей родины.

История сюжетосложения былин об Александре Поповиче, история постепенного вхождения их в Киевский цикл наглядно показывает, что в киевском цикле отразилась прежде всего идея единства Руси, единства русского народа. И князь Владимир, и Киев являются в нем символами русского единства и русской независимости.

Такой взгляд на Киев и на князя Владимира I Святославича является чрезвычайно распространенным взглядом для конца XIV—XV вв. Он проявляется в летописи, в политике, даже в живописи и в архитектуре, подражающих формам и сюжетам домонгольской Руси.

„Чем могла заслужить благодарное воспоминание в народе Киевская Русь со своей неурядицей, вечной усобицей князей и нападениями степных поганых?“¹ спрашивает Ключевский и отвечает: „Историческая эпоха, в делах которой весь народ принимал участие и через это участие почувствовал себя чем-то цельным, делающим общее дело, всегда особенно глубоко врезывается в народную память“.² „Последующие поколения вспоминали о Киевской Руси, как о колыбели русской народности“.³

¹ „Курс русской истории“, изд. 1937 г., т. I, стр. 204.

² Там же, стр. 205.

³ Там же.

⁴ Древне-русская литература, т. VII

Представление о единстве Руси в эпосе, выразившееся в идеализации Киева и ее князя Владимира, развивалось параллельно реальному объединению русского народа, собираемого властной рукой московского великого князя.

Весьма возможно, что киевская циклизация, зародившаяся еще в XI в.,¹ вторым своим кульминационным пунктом имела XV век, эпоху образования русского централизованного государства. Вот почему и Александр Попович, став в XV в. общерусским героем, начинает впервые упоминаться в общерусских летописных сводах также в XV в. — в самый разгар эпохи трудного становления русского государства.

Мы не распространяем историю сюжетов об Александре Поповиче на историю всего русского эпоса. Возможно, что история других сюжетов покажет и иной путь циклизации эпоса. Однако даже если история приурочения сюжетов об Александре Поповиче ко времени Владимира I стоит одиноко в истории былевых сюжетов, — она отнюдь не должна быть признана случайной и в своем роде не закономерной.

9

Чем шире были задачи, которые ставил себе летописец, тем чаще прибегал он к показаниям народного исторического предания. Эти данные исторической памяти народа внедрялись в летопись каждый раз, когда летопись отражала общенародные интересы; так было в XI в., так было и в XV в. Между тем отношение летописца к фольклору в XI и в XV вв. было глубоко различным. В XI в. фольклор оказывал воздействие и на самую форму летописных записей, имел существенное значение в формировании летописного жанра; в XV в. исторические песни входили в летопись своими сюжетами, темами, упоминаниями и идейным содержанием, однако, следов воздействия фольклорной формы на форму летописания в позднем летописании мы не находим.

Весьма возможно, что такая разница воздействий фольклора на летопись в XI и в XV вв. объясняется отличием той стадии развития, в которой находились и летопись и эпос в XV в., от их взаимоотношения в XI в. В XI в. не было устоявшейся формы летописания: фольклор и воздействовал на нее в этой, наименее устойчивой ее части. В XV в. форма летописи устоялась; устоялась как вполне отличная, своеобразная, возможно стиховая, и форма эпоса, которая, следовательно, не могла воздействовать на чуждую ей, глубоко отличную летописную форму. С другой стороны, в XV в. эпос формировался под влиянием тех же объединительных идей, которые были движущей силой всей русской жизни XV—XVI вв.

¹ Один из признаков начавшейся в XI в. циклизации вокруг Владимира I Святославича видим в сказании о кожемяке, где основание города Переяславля Южного перенесено во Владимирово княжение (на самом деле Переяславль Южный упоминается еще в договоре с греками 911 г.).

Любопытна также и другая черта в этом использовании фольклора в летописи. В XI в. эпические предания были в большинстве случаев приурочены к определенным местностям: к урочищам, рвам, могилам и т. д. Эта местная приуроченность еще ощущается в „описании“ Тверского сборника, где Александр Попович выступает как местный герой и где есть ссылки на насыпи, могилы и т. д. В последующих этапах развития эпоса об Александре Поповиче этих ссылок уже нет: местные воспоминания превратились в общерусский эпос. И любопытно, что летопись XV—XVI вв. почти не обращается к „свидетельству“ местных памятников, как она постоянно обращалась к ним в XI в.

Вхождение фольклора в летопись совершается тем легче, чем ближе описываемые в летописи исторические факты к повествованию исторического предания или песни. С этой точки зрения нельзя не обратить внимания на то, что древнейшие предания об Александре Поповиче ставят его в исторически точную ситуацию (князь Константин Всеволодович и его враги, князь Мстислав Романович Храбрый, Липицкая битва, точная местная приуроченность отдельных событий и т. д.). Поэтому-то этот древнейший этап сказаний об Александре Поповиче отразился в летописи гораздо ярче, чем позднейший, где действие более обобщено, рассказано суммарно и где не точно различаются даже события княжения Владимира Всеволодовича от событий времени Владимира Святославича.

Но самым знаменательным фактом является в значительной мере общая судьба в XV—XVI вв. некоторых „устных летописей“ (былин) и летописей письменных: и те и другие из местных становятся общерусскими, объединяются в общерусские циклы и своды, опираясь на наследие Киева (в летописи на основе „Повести временных лет“). Реальное основание этой общей судьбы некоторых памятников устного эпоса и летописи в XV—XVI вв. — объединение в единое общерусское централизованное государство местных русских княжеств. Эпос отражает реально совершающиеся исторические процессы не в частных „исторических реминисценциях“, но в общем своем движении от узко-местного к общерусскому.

Что же касается до вопроса о том, какое историческое лицо явилось прототипом для былинного Александра Поповича, то старшие летописи не дают никаких оснований для ответа на этот вопрос. Поздние летописи включают рассказы об Александре Поповиче, почерпнутые из былин, а не из действительности, и отражают лишь важные для нас факты истории сюжетосложения былин об Александре Поповиче.

М. В. НИКОЛАЕВА

„История о Ярополе царевиче“ и сказочно-былинная традиция

Среди незаслуженно обойденных исследователями повестей XVIII в. обращает на себя внимание изданная В. В. Сиповским¹ „История о цесаревиче Ярополе“, дающая материал не только для постановки, но частично и для разрешения ряда принципиальных вопросов истории этого жанра.

На примере „Истории о Ярополе“ мы убеждаемся в том, как, с одной стороны, была сильна в XVIII в. традиция древне-русской литературы, и, с другой, — как своеобразно эта традиция воспринималась читателем нового времени, как далеко от простого „заимствования“ использование этой традиции в создававшейся новой беллетристике. В частности, перед нами проходит картина превращения старой „воинской“ повести в сказочно-авантюрную.

Не менее ясно показывает анализ „Истории о Ярополе“ процесс творческого освоения литературой устно-поэтического наследия. Устный эпос — сказка, былина — в сознании читателей XVIII в. оказывается непосредственным соседом книжной повести; в которую он, однако, не механически передает элементы своего содержания и стиля, а органически вливается в ее композицию.²

Автор „Истории о Ярополе“ — своего рода семейной хроники, рассказывавшей о царевиче Моафе, его сыне Ярополе Моафовиче, внуке Ярополе Ярополовиче и правнуке Викторе Ярополовиче (единственный список повести обрывается именно на жизнеописании этого правнука), — сосредоточил свое внимание на двух героях-завоевателях из этой семьи: Ярополе Моафовиче и его сыне Ярополе Ярополовиче.

¹ Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905, стр. 180—241.

² В отличие от проф. П. Н. Беркова (см. ниже его статью „О так называемых «петровских повестях»“), автор полагает, что повесть о Ярополе создана целиком в середине XVIII в., а не представляет собой вторичную переработку какой-то не сохранившейся повести XVII в., поэтому своеобразное восприятие „Александрия“ и русских сказок характеризует повествователя XVIII в., а не его предшественника XVII в.

В развитии воинской темы своей „Истории“ автор обнаружил основательное знакомство и с русскими воинскими повестями, отдав из них предпочтение двум образцам — Казанскому Летописцу и циклу Азовских повестей. Однако если в старой воинской повести определенные поэтические формулы служили средством изображения действительных исторических событий, хотя бы и в идеализированном виде, то в „Истории о Ярополе“ они помогают лишь выделить вымышленные идеальные качества героя-полководца.

Поэтому, в отличие от древне-русской воинской повести, которая в каждый период своего развития изображала боевые эпизоды определенной системой художественных приемов, — „История о Ярополе“ объединяет разновременные элементы этих систем, свободно чередуя их с воинской фразеологией своего времени. Но зато автор выбирает из богатого запаса приемов воинского стиля прошлого как раз то, что требуется его главной задачей — выделить своего героя, превознести его. Если в представлении старого автора за деталями воинских картин скрывались реальные моменты действительных битв, то у автора „Истории о Ярополе“ этого не было: в его время сражались иначе, он пользуется готовым литературным приемом, вне зависимости от собственных представлений о сражении.

Традиция „воинского“ стиля древне-русской исторической повести органически подвела автора „Истории о Ярополе“ к углублению „фольклорности“ в изображении его героев-завоевателей. Как известно, воинский стиль древней Руси никогда не порывал своей связи с образностью живого языка и поэтикой соответствующих картин устного героического эпоса. В числе особо отразившихся в повести о Ярополе образцов этого стиля выделяются Казанский летописец и Азовские повести, т. е. как раз те памятники поздней исторической повести, в которых эта связь с фольклором проявляется особенно заметно. „История о Ярополе“ еще ближе, чем ее литературные образцы, подходит в отдельных случаях, именно в своей воинской части, к фольклору.

Специфически фольклорная трактовка тем и образов героев повести особенно ярко выразилась в описании поединка двух воинов, сделанном по образцу былинных и сказочных поединков богатырей.

Яропол Моафович соглашается не воевать с турецким салтаном, а покончить дело поединком. С обеих сторон избираются поединщики. В войске Яропола оказалось много „рыцарей храбрых“, готовых по первому зову своего полководца выступить в бой в качестве поединщиков против турецкого „исполина“. Яропол избирает для поединка воина Абалексима.¹ Раз в поединок вступает рыцарь, то естественно ожидать, что бой будет описан в манере рыцарских романов. Однако автору чужда эта манера, и он описывает поединок, как бой двух богатырей былин,

¹ Поединщик с турецкой стороны фигурирует в повести под тем же именем.

сохраняя последовательность действий бьющихся, в полном соответствии с былинами.

В ряде былин этот эпизод строится следующим образом. Богатыри троекратно съезжаются на конях, бьются на копьях, палицах и саблях, но оружие ломается, а богатыри все еще не ранят друг друга. Тогда герои „выпадают со добрых коней“ и бьются на земле. Один хватает другого и с силой бросает „о сыру землю“, оказываясь, таким образом, победителем. Он садится на грудь побежденному, заносит над ним руку с саблей, кинжалом, чтобы вонзить в грудь своему врагу, но рука отказывается развить, и тогда победитель начинает спрашивать побежденного о роде-племени. Вот, например, поединок Добрыни с богатырем, королем „земли бухарския“:

Тут богатырь ко богатырю сближаются,
 На военныя палицы сражаются,
 Друг друга они не ранили.
 Палицы военныя тут пополам приломались,
 И на тыя на копьа, на острия копьа бурзамецкия,
 Копья бурзамецкия по яблукам срывались,
 И друг друга же не ранили.
 И на тыя на сабли на востря,
 Сабли пополам приломались,
 И друг друга не ранили,
 Оба выпали со добрых коней,
 И стали друг с другом таскаться,
 Под нима земля подгибаться.
 Разгорелся Добрыня Микитинец
 Сердцем своим богатырским,
 И хватил короля за желты кудри,
 И кидал короля о сыру землю,
 И садился к королю на белы груди,...

Тут Добрыня хочет убить своего врага, но „во плече рука застоялася“, тогда он начинает спрашивать молодца о роде-племени, тот же ему отвечает:

Как бы я был на твоих грудях,

 И пластал бы я твою грудь белую,
 И вынимал бы я сердце со печенью.¹

Совершенно в том же духе рассказывается и о поединке Ильи Муромца с сыном, особенно в поздних записях — Григорьева и Ончукова.

Таким же образом бьется на поединке и рыцарь Яропола Моафовича с турецким „исполином“.

„И так храбро разкакались на конех своих и ударились копиями так сильно, что как великой гром и земля под ними поколебашеся... И билися долгое время, что копия в руках поломались по насады свои, и взяли свои острия сабли и стали рубиться: и сабли их в руках по тылу обламались, а друг друга не ранили; а потом стали битися

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. III, Петрозаводск, 1864, № 17, стр. 79—80.

палицами своими и оные палицы по черенку обломались, еще друг друга с коня не щибали, и скочили з добрых своих коней и стали битися рукопашным боем, и воин Яропола цесаревича, разярясь, яко лев, и подбежа [к] исполину и подня ево себе на руки и бросил выше себя и сел ему на груди и воздел сердце и печень, и бросился на коня своего, и оное сердце и печень подхвата своим копием, поехал с радостию“ (л. 49—49 об., Сип. 215). Следовательно, автор „Истории о Ярополе“ перенес в свое произведение былинный эпизод богатырского боя, дав его в сжатом пересказе.

В связи с народным творчеством находится и такая деталь повести как характеристика силы героя через поднятие тяжести „единой рукой“, тяжести, непосильной для обыкновенного человека. Прием этот является достаточно распространенным в народном творчестве.

Богатыри былин поднимают чару вина в полтора ведра „единой рукой“ и выпивают ее за единый дух. Илья Муромец в поединке с сыном бросает его „под облако ходячее“ и принимает „единой рукой“. Микула Селянинович одной рукой бросает сошку за ракитов куст, в то время как целая дружина Вольги не могла ее даже выдернуть из борозды. Сын Ильи Муромца кидает „палицу-удалицу“ и „меч-самосек“ выше лесу стоячего да под облако ходячее и „единой рукой“ принимает ее. Палица же богатырская „в шестьдесят“ да „в девяносто пуд“. Так шестидесятипудовую палицу атамана Данилы не могут поднять десятеро молодцов, а богатырь несет ее на одном плече и бросает на „легкой струг“.¹

Этот прием изображения физической силы героя использован и в „Истории о Ярополе“ применительно к рыцарю-поединщику, который, как показано выше, по-богатырски бьется с турком. Яропол Моафович, желая видеть „храбрость“ его, дает ему щит, копие, палицу и латы свои, „может ли он поднять“, он же „принимаше все единою рукою“ (л. 48 об., Сип. 215).

Те же представления, возникшие на основе богатырских сказок и былин, отобразились и в описании автором другого „богатыря“, но уже из враждебного Ярополу Моафовичу войска царя антиохийского. Готовясь к войне с Ярополлом Моафовичем, Антиох „приказ сотворил в силе своей: «есть ли храбрыя богатыри и витези?» И тогда много сильных и уделных собрался 3000 воинов храбрых и в доспехах рыцарских; и един вышел богатырь, вышиною высок, шириною широк, яко лев, воскрыча громко: «великии царю Антиоше! аз един на много тысячь иду битися на копиях и на саблях! надейся на мою силу»“ (л. 36 об., Сип. 205). Как „богатырь“ былин и сказок, „богатырь“ Антиоха отличается необыкновенной величиной и силой — „вышиною высок, шириною широк, яко лев“, — он один выходит „битися“ „на много тысячь“; как богатыри былин, он громким голосом сообщает царю о своем намерении биться с тысячами воинов (ср.: в устном

¹ Н. Оячук ов. Печорские былины. СПб., 1904, № 51, стр. 215.

творчестве герой говорит — „кричит“ зычным голосом). Таким образом, под рыцарскими одеждами героев повести легко узнаются внешние очертания героев русских сказок, былин.

Несомненно, что под влиянием народного творчества автор находится и в следующем эпизоде. Возвратившись из похода за „белой лебедью“, Яропол Ярополович женится на привезенной им невесте и принимает царский престол. „И бысть радость велия...“. Однако как раз в это время совершается грозное событие, о котором не подозревает счастливый царь Яропол. Прибывший „курьер“ приносит ему весть о том, что турецкий салтан нарушил „пароль“ перед Невеей (стольный город Яропола Ярополовича), т. е. обещание быть подвластным и платить ей дань, — и разбил невейское войско, находившееся в Турдии. „И бывшая радость [Яропола] вся претворилась в печаль“ (л. 59, Сип. 222). Автор использовал один из типичных приемов народного творчества — развитие действия по контрасту. В то время когда герой-богатырь, князь — „ест, пьет, прокладается“, не ведая за собой „незгодушки“, над ним нависает смертельная опасность, обычно военная, о которой возвещает ему „добрый молодец“, приехавший „с поля чистого“, „пташечка“, прилетевшая оттуда же и т. д. В тексте повести сохраняется и текстуральная близость с народными сказаниями:

История о Ярополе. У Яропола Ярополовича „бысть радость велия и воцарился, и бысть цесарь и всеми землями обладатель и повелитель. ...И какъ радость минуше, и врит Яропол цесарь: «однако ж бѣжит курьер!» И скоро метался во дворец, сам падоша на колени, глаголя: «ах! всемиловитый государь Яропол цесарь! что ты изволишь пити и ясти, веселитися? а того, государь, не знаешъ, что царь турецки не устоял в данном своем пароле...» (л. 58 об., Сип. 222).

Гистория о Киевском богатыре Михаиле, сыне Даниловиче двенатцати лет.

„Пьет, ест великий князь, тешился, а над собою кручинь не ведает. То в то время идет молодец ис поля чистого... и въезжает на государев двор... бежит во светлую горницу, пред князем колпака не сымает; и стал говорить ему: «Государь велики князь Владимир Всеславъевич киевской, пьешъ ты и ешь и тешился, а над собою, государь, кручинь не ведаешъ: идет из большия орды царь Бахмет, сын Тавруевич»“.¹

Или: „ай гой еси сударь мой дядюшка, ты старой Никита Романовичъ, а спишь лежишь опочив держишь. Али те Никите мало можется, над собою ты невгоды не ведаешъ. Упала звезда поднебесная, потухла в соборе свеча местная, не стало царевича у нас в Москве, а меншова Федора Ивановича. Много Никита не выпрашивает, а скоро метался на широкий двор, скрычал онъ Никита зычнымг олосом...“²

¹ Приложение к XXXIX т. Зап. АН, СПб., 1881, № 5, стр. 21 (по рукописи 2-й половины XVIII в.).

² Сборник Кирши Данилова, под. ред. П. Н. Шеффера, СПб., 1901, Прилож. 1, песня 2, стр. 198.

Автор повести сохраняет привычную сказочно-былинную формулу, с которой обращается гонец к царю — „пити, ясти, веселитися“, — не считаясь с тем, что она не совсем хорошо связывается с предыдущими фразами текста. Она следует за словами „радость минувше“, значит, веселие уже прошло у царя, а о „питии“ и яствах и совсем ничего не было сказано выше. Вестник — „добрый молодец“, „пташечка“ — у автора превращается в „куриера“.

Наблюдения над фольклорными элементами в той части „Истории о Ярополе“, которая развивает воинскую тему, показывают, что автор сознательно стилизует своих героев в духе сказочно-былинных богатырей, противопоставляя их галантным рыцарям и кавалерам переводных повестей.

Однако, как уже отмечено выше, он переносит в свою приключенческую повесть лишь приемы внешней характеристики, выработанные устным эпосом. Вымышленный рассказ о вымышленных героях он не пронизал той патриотической идеей, которая определяет в народном героическом эпосе поведение богатырей: военные подвиги Яропола и его сына остаются „потехой“, показывающей замечательные качества победителей, а не подвигом, которого требуют интересы их родины.

Описанию воинских походов и завоеваний героев в „Истории о Ярополе“ предшествует рассказ о рождении и женитьбе царевичей, о матери и сыне, покинутых отцом, о встрече не узнающих друг друга отца и сына.

Царевич Моаф с дядюшкой своим мудрецом Агарем выходят из царских палат по подземному ходу и на корабле уезжают в „град Витавию“ на три года. В качестве „работных людей“ они поступают на службу к министру, а затем переходят и к самому царю Витавии Адидору.

За искусную игру на арфе и танцы царь Адидор отдает своему слуге Моафу (неузнанному царевичу) в жены дочь Олимпиаду. У Моафа и его жены Олимпиады рождается сын Яропол. Мудрец Агарь „кладет“ ему приметы царские. Через три года Моаф покидает жену с сыном и возвращается в свою страну Невею.

Когда сын Яропол вырос, он, снарядившись купцом, отправляется на поиски отца. Министр града Невеи, не зная о женитьбе Моафа, предлагает ему в жены дочь свою Параклиту, хвастаясь ее добродетелью.

По совету мудреца (Агаря), царь обручается с дочерью министра. Приезжий (неузнанный царевич) поражает всех своей красотой и учтивостью. „Царева обручница“ едет к нему в лавку посмотреть на „лепоту прекрасного лица его“ и влюбляется в него. Втайне от всех она велит сделать подземный ход „ис полат ее в лавку онго гостя“. Агарь вместе с царем и министром, под видом чужеземцев в разодранных

рубицах, просятся к купцу на ночь. По просьбе своей возлюбленной купец отправляется к ней ночью по подземному ходу; вместе с ним идут и ночлежники. Царь, узнав, таким образом, о тайных „проделках“ влюбленных, не наказывает их, так как Агарь обещал ему открыть в молодом купце сына Яропола. Отец узнает сына в бане по приметам, оставленным Агарем. Царь возвращает свою первую жену Олимпиаду, а его сын Яропол впоследствии женится на дочери министра.

Вся эта выделенная часть „Истории о Ярополе“ близка по своему содержанию к целой группе русских сказок и былин, которые по сюжетам могут быть распределены на три разновидности:

- 1) сказки „о деревянном орле“;
- 2) сказки и былины о деревянном орле и покинутом родителями сыне;
- 3) сказки о покинутом родителями сыне.

К „Истории о Ярополе“ из этих связанных между собою разновидностей сказок и былин имеют непосредственное отношение только те, в которых разрабатывается сюжет о покинутом сыне, т. е. вторая и третья группы.

Сюжет о покинутом родителями сыне известен нам по следующим сказкам и былинам:

1. „Воздушный голубь“ (записана П. Г. Ширяевой в августе 1946 г. в Волховском р-не Ленингр. обл. от уроженца Кадниковского у. Волог. губ.).

2. „Как государский сын на мачихе женился“ (Деревянный орел). (Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губ. Пгр., 1914, стр. 444—446. Сказка эта рассказана башкиром).

3. „Спор мастеровых“ (И. Ковалев. Сказки. Горький, 1940, стр. 28—33).

4. „Деревянный орел“ (А. И. Никифоров. Жанры русской сказки. Уч. зап. факульт. яз. и лит. Ленингр. Гос. пед. инст. им. Покровского, вып. 1, Лгр., 1938, стр. 247—249. Записана А. И. Никифоровым в 1930-х годах в Олонецком р-не, Яндомозеро, в дер. Есенска от Стафеева Ф. И., 57 лет. Отд. фольк. Инст. лит. АН СССР, Архив А. И. Никифорова, № 575).

5. „Как царьского сына унёс комнатный ероплан“ (Сказки Коргуева, Петрозаводск, 1939, т. I, № 5, стр. 87—120).

6. „Про царя и двух мастеровых“ (Фольклор Саратовской области. Кн. I. Составлена Т. А. Акимовой под ред. А. П. Скафтымова. Саратов, 1946, № 383, стр. 315—323. Записана Г. М. Акимовой и Е. С. Гурьяновым в 1936 г. в Турковском р-не, в с. Трубетчино от сказочника Савихина, 36 лет).

7. Былина „О царстве подсолнечном, царе Иване Васильевиче и царе Федоре Ивановиче“ (Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. III, Петрозаводск, 1864, № 58, стр. 319—328. Записана от крестьянина Чукова, д. Горка, Пудожского погоста, Повенецкого у.).

Начало всех этих сказок разрабатывает сюжет о „деревянном орле“, который формирует целиком сказки первой разновидности. Лишь во второй части сказок и в былине „О подсолнечном царстве“ развертывается рассказ о судьбе покинутого родителями сына, о том, как он находит отца, как женится. Именно в этой части, которая является самостоятельным сюжетом третьей группы сказок и былины, и нашел автор „Истории о Ярополе“ тот занимательный материал, которым он расцветил историю своего героя-завоевателя. Таким образом, сказочно-былинный комментарий к „Истории о Ярополе“ можно найти еще в следующих сказках и былине:

1. Былина „Купеческая дочь и царь“ (записана дважды: от Аграфены Крюковой—Беломорские былины, записанные Марковым, СПб., 1901, № 56, стр. 281—289; от Марфы Крюковой—Летопись Государственного Литературного музея, т. VIII, № 93, стр. 352—364).

2. „Милан царевич и купеческая дочь“ (И. Худяков. Великорусские сказки, вып. 3, СПб., 1862, № 93, стр. 65—71. Записана С. И. Бочарниковым в г. Зарайске).

3. „Про дочь Меньшикова и Петра I“ (Сказки из разных мест Сибири, под ред. М. К. Азадовского, Иркутск, 1928, № 16, стр. 122—132. Записана от сибирского сказителя Кошкарева. Переиздана: „Русская сказка“, Academia, № 35).

Оставляя в стороне первую часть сказок второй группы, как не имеющую прямого отношения к повести о Ярополе, выделим из остальных ту схему развития действия, которая наблюдается и в повести, а затем поищем и совпадения ее деталей с подробностями сказочно-былевых вариантов.

От проникшего тайно к девушке (царевне, купеческой дочери) царского сына рождается сын; отец оставляет драгоценности, по которым можно будет узнать сына, и уезжает один или с женой; под видом купца или приказчика выросший сын приезжает в город, где живет его отец; здесь в него влюбляется девушка (дочь министра, генерала), царская невеста; девушка приходит к приказчику подземным ходом. Царю доносят об этих свиданиях и он, переодетый (иногда с отцом девушки), является к своей невесте. Отец узнает по приметам сына, прощает его и женит.

Обращаясь к отдельным эпизодам „Истории о Ярополе“, мы обнаруживаем нередко совпадения их со сказочно-былевыми.

1. У царевича Моафа и жены его Олимпиады рождается сын Яропол. Агарь „кладет“ ему приметы царские (ставит царскую печать и прячет под кожу „в длань“ драгоценный камень с надписью о его рождении и именах родителей). Затем Моаф уезжает в свое государство, оставив сына и жену. В сказках царевич, покидая сына, оставляет ему дары царские (перстень, крест и т. д.).

2. Царевич Яропол вырастает и отправляется на поиски отца, снарядившись купцом. Ср. „Милан царевич“: забытый Миланом сын Дмитрий тоже приезжает под видом купца на корабле в город, где живет отец.

В других сказках царевич нанимается в приказчики. „Деревянный орел“ (Никифоров): „И вот он приехал в Петербурх и поступил он в гостинный двор...“

3. В это время царь Моаф, отец Яропола, обручился с дочерью министра. Ср. „Как царский сын на мачихе женился“: „Алексей (царь. — М. Н.) высватал уже другую невесту“ (стр. 445). Былина „О царстве Подсолнечном“: „... „что отец его еще сватает молодую Анну Дмитриевну“.

4. Невеста Моафа, министерская дочь, посылает своих служанок за покупками. Они, засмотревшись на купца-красавца, забыли, что нужно купить. То же и в сказках:

История о Ярополе Царева „обручница“ послала „в гостинь двор своих девиц (л. 22), предстоящих пред нею, нечго потребное купити.

И как будут в гостинном дворе, видя такового гостя, и засмотрелися на лепоту прекрасного лица ево и забыша купити, что им приказано было от госпожи их“ (л. 22 об., Сип. 192—193).

Девушки говорят госпоже: „... на гостинном дворе видели некоего гостя, велми и мы на ево лепоту и красату засмотрелися!“ (л. 22 об. Сип. 193).

5. „Обручная“ невеста царя на следующее утро сама отправляется посмотреть „на красоту купца“. В повести она одевается, как ее служащие девицы; то же и в сказке про „Дочь Меньшикова и Петра I“; в былине „О царстве Подсолнечном“ — в „одежи самолучшия“.

Параклита „и как утру бысть, убралась во убор, яко ея предстоящая как ходят, дабы во граде не познали, что едет обручница царева;... и поехала в гостин двор“ (л. 22 об., Сип. 193).

О царстве Подсолнечном: Анна Дмитриевна „по утрышку вставала раным-рано. Одевала одежи самолучшие. Приходила ко купцу ко богатому“ (стр. 325).

В сказке „Про дочь Меньшикова и Петра I“ „Фрелина“ Воронцова одевается в платье своей служанки („губернанки“) (стр. 222).

Обычно в сказках, как и в повести, царева невеста, девушка отправляется на свидание к купцу в карете.

6. Невеста царя влюбляется в купца, велит сделать подземный ход к нему втайне от отца.

„Повеле втай отца своего неких искати мудрых людей, дабы сочинити ис полат ея вход в гостин двор и в лавку одного гостя...“ (л. 23, Сип. 193).

„Милан царевич“: „Царица приказала по секрету сделать подземный ход из своей спальни к купцу в лавку“ (63).

О царстве Подсолнечном: „Они делали подкопы подземельные, во него во лавочки торговли...“

7. Тайная связь купца с невестой царя открывается. Агарь, царь, и министр, „как приспе ночь, и пошли в гостин двор и нарядились в раздранные рубищи“. Они просят купца пустить их на ночь. Тот принимает их. По подземному ходу за купцом приходят девушки от царевой „обручницы“. Царевич по подземному ходу уходит вместе с гостями к своей возлюбленной.

Ср. „Воздушный голубь“: „Сам царь сидит у купца“. В это время от „барынки“, генеральской дочери, приходит посланная и приглашает к ней купца „вместе с гостями“. В других сказках сначала „голи кабацкие“, „иеромонах“ — случайные ночлежники купца — узнают о связи его с царской невестой, дочерью, женой и т. д. Они доносят об этом царю.

8. По приметам (Агарь „положил“ их) Моаф узнает сына. В сказках тоже — по кольцу, кресту царь узнает покинутого им сына.

Следовательно, большинство мотивов выделенной части „Истории о Ярополе“ совпадает с соответственными мотивами сказочно-былинного сюжета. Развитие событий идет в основном в одинаковой последовательности как в том, так и в другом случае (рождение царевича, отъезд отца, встреча отца и сына, ... отец узнает его). Как в повести, так и в сказках и былинах действуют почти одни и те же персонажи, исключая Агаря, которому нет соответствий в сказках и былинах.

В ряде случаев между повестью и сказками наблюдается даже текстуальная близость. Ближе других сказок к повести в этом отношении находятся старшие по записи: „Милан царевич и купеческая дочь“ и былина „О царстве Подсолнечном“.

Возникает вопрос, с какой из выделенных нами групп сказок, II или III, ближе соприкасается повесть.

Сличение сказок с повестью показывает, что такой ближайшей группой сказок является вторая (и былина „О царстве Подсолнечном“).

1. Прежде всего, только в сказке II группы „Как государский сын на мачихе женился“ (Зеленин) и в былинке „О царстве Подсолнечном“ встречается сходная с повестью следующая ситуация: царевич покидает в другом государстве не только сына, но и жену, затем, возвратившись в свое государство, он забывает о них и сватает себе в жены другую девушку. Как раз в это время приезжает под видом купца забытый сын царя, в него влюбляется царская невеста, и дело кончается женитьбой царевича на бывшей невесте отца (в других сказках царь или живет с первой женой, а в чужой стране оставляет только сына, или он живет со второй женой — сказки III группы).

2. Кроме того, в повести есть еще такой эпизод: министр хвастается царю добродетелью своей дочери и прочит ее в жены царю. Царь соглашается с предложением своего министра и обручается с его дочерью, но лишь для того, чтобы показать министру, как мало он знает о поведении своей дочери, и чтобы затем посрамить его за хвастовство. Для этого царь вместе с министром, переодевшись в другое платье, чтобы их не узнали, отправляются на ночь к купцу, проникают по подземному ходу к дочери министра, пригласившей к себе вместе со своим возлюбленным и его ночлежников.

Сходный эпизод есть в единственной сказке — опять-таки из II группы — „Воздушный голубь“ (запись П. Г. Ширяевой) и отчасти в варианте Ковалева „Спор мастеровых“. Генерал в разговоре с царем, неодобрительно отзываясь о своем друге, якобы плохо следившем за своей „молоденькой“ незамужней дочерью, родившей ребенка, хвастается своей строгостью в отношении к дочери, которую он держит дома и никуда не выпускает. Царь похвалил генерала, а на следующий же день велел генералу явиться к нему. Генералу было приказано сбрить бороду. Затем, переодевшись в другое платье, чтобы не быть узанными, вечером они идут к купцу якобы за покупками. Вместе с купцом, приглашенным генеральской дочерью на свидание, идут по подземному ходу и царь с генералом. Таким образом вскрывается тайная связь влюбленных, о которой и не подозревал генерал. Царь с осуждением обращается к генералу, хваставшемуся добродетелью своей дочери.

Несмотря на некоторые отличия в освещении этих двух эпизодов (в повести дочь министра становится невестой царя), сходство между ними несомненно.

Следовательно, в повести объединяются два эпизода (связь царской невесты с неузнанным царевичем и хвастовство министра добродетелью дочери), которые, однако, в сказках, известных нам, встречаются лишь по отдельности. Повидимому, в основе повести лежит такой вид сказки, в котором оба эти эпизода также были слиты.

Мы установили сходство между повестью и сказочно-былинным сюжетом, определили ближайшую к ней группу сказок. Но автор не просто перенес в свою повесть сказочный сюжет, а значительно переработал его. Поэтому между повестью с одной стороны, и сказками и былинами, с другой, имеются существенные отличия.

Как уже говорилось выше, сказочный сюжет о „покинутом сыне“ встречается в сказках и былинах как самостоятельный или в соединении с другим. В повести же он вклинивается в общую ткань рассказа, посвященного, в основном, описанию воинских подвигов героев. На изменение сказочного сюжета влияют те общие отличительные черты, которые характеризуют повесть в целом.

В числе этих общих черт прежде всего следует указать на образ мудреца Агаря, который выполняет важную композиционную функцию

в повести. Особая роль Агаря в повести значительно меняет характер сказочных персонажей.

Развитие действия повести предопределяется предсказаниями Агаря, основанными на наблюдениях за „планидами“. Поэтому рассказ в повести развивается не как естественный ход событий, развивается не по внутренней связи и необходимости, возникающей по мере движения действия, как в сказках и былинах, а является лишь подтверждением предсказаний. В соответствии с указаниями „планид“ приведены и все поступки, все поведение действующих лиц. Они лишаются в конечном счете собственной инициативы.

Агарь выступает как посредник между сверхъестественными небесными силами „планид“ и царями. Они послушно исполняют волю Агаря, и эта покорность не раз подчеркивается в повести. По совету Агаря, Моаф едет в Витавию, чтобы найти „деву чистую“ и „научиться всякой науке“. По совету Агаря, Моаф женится, покидает жену и сына, обручается с министерской дочерью и т. д.

Ни в сказках, ни в былинах, рассмотренных нами, такой мотивировки действия нет.

Кроме того, иначе, отлично от сказок и былин, строится в повести и характеристика царей. В их действиях и поступках опускается все то, что может показать их с отрицательной стороны. Так, царь Моаф покидает жену и сына только потому, что это показано „планидой“; в былинах и сказках герои совершают этот поступок по разным поводам, чаще всего потому, что царевна не жена царевичу, а она так или иначе оказалась обещанной им или стала его женой без ведома родителей, но отнюдь не по воле сверхъестественных сил. Моафу предлагают жениться (не зная о его первом браке); сначала он отказывается, помня о своей жене и о сыне, страдая от разлуки с ними, и обручается с министерской дочерью опять-таки только из добродетельных побуждений: Агарь велит ему сделать это для того, чтобы обличить хвастовство министра, так как хвастовство и „писанием“ (имеется в виду священное) осуждается. Как видим, искусственная мотивировка данного поступка царя совершенно отличается от сказок и былин.

Сын Моафа Яропол также совершает только „добрые“ поступки. Приведем один пример. Как в сказках и былинах, в повести неузнанный царевич-купец тайно встречается с невестой отца, проходя по подземному ходу к своей возлюбленной. Но в повести он заявляет ей, что пока он не увезет ее в свое государство и она не станет, следовательно, его законной женой, „до того времени станет жить, яко брат с сестрою!“ (л. 24, Сип. 194).

В характерах царевичей, царей подчеркивается почитание и послушание старших, особенно родителей. Яропол едет на поиски отца только с разрешения и благословения матери, женится, отправляется на завоевания также с родительского разрешения и благословения (лл. 19 об., 30, 31, Сип. 190, 199, 200). Перед походом Яропол Моафович просит:

„честные мои родители! прошу вас, дайте мне честное и беспечальное свое благословение, чтоб мне утешить свою мысль! и молитесь о мне богу-отцу и сыну, дабы прияти от вас без слез благословение ваше!“ (л. 31, Сип. 200). Яропол Моафович просит родительского благословения на женитьбу: „пришед к отцу и матери и к деду своему агарянину, глагола, что: «мой вседрожанши родители! ныне вам есть обявити, како мне сыну своему! подумайте о прежнем моем деле, что и сами вы видели, а мне сия министерская дочь полюбилась, — аз поведаю вам истину свою, яко греха не знаю, — толко мне приидох по мысли!»“ (л. 30, Сип. 199).

Все эти особенности в характеристике героев — добронравие, послушание, благочестие — при отсутствии „отрицательных“ сторон объясняются, повидимому, стремлением автора подчеркнуть только добродетельный характер поступков своих героев-царей. В повести нет той социальной заостренности, которой отличаются почти все сказки с рассматриваемым сюжетом.

Как уже указывалось выше, сказочно-былинный сюжет не нашел в повести полного своего отражения. Отличен в повести от сказок и былин весь эпизод добывания невесты и рассказ о рождении сына. Так, Моаф с Агарем уезжают в некую страну Витавию и поступают на службу в качестве „работных людей“ (виночерпий — Яропол, „кухмистер“ — Агарь) сначала к царскому министру, а затем и к самому царю Адидору. Царь Адидор отдает Моафу в жены дочь свою за искусство последнего в игре на арфе и в танцах.

Эпизоды подобного рода встречаются в повести о Василии Златовласом (ПДП и Иск. СПб., 1882, XXXI) и в повести об Аполлонии, короле Тирском.

Царевич Василий Златовласый, под видом купца, приезжает в другую страну и своей необыкновенно искусной игрой на арфе привлекает к себе царевну, которая впоследствии становится его женой. Аполлоний Тирский, потерпевший кораблекрушение и спасенный рыбаком, попадает ко двору царя. Он так хорошо играл и плясал, что дочь короля полюбила его, неведомого ей человека, и вышла за него замуж. „Апполон взял гусли и почат играть велми вдячно, и плясать выборно... А как видѣла королевна плясание его и впало ей в сердце, и почела его велми любить“ („Римские деяния“, СПб., 1878, вып. 1, стр. 20).

Искусный музыкант во всех трех повестях — отражение сказочного мотива, и потому сходство между ними в данном эпизоде не может быть истолковано как результат влияния одной повести на другую.

Следя за развитием сказочного сюжета о покинутом сыне в повести о Ярополе, мы не можем не обратить внимания на отсутствие мотивировки событий в ряде случаев, отсутствие логической связи между излагаемыми фактами и явлениями. Перед читателем то и дело встают вопросы: почему? зачем? Так, например, неясно, зачем понадобилось царевичу Моафу скрыть свою принадлежность к царскому роду в царстве

короля Адидора; зачем покидает он любимых им жену и сына, скрыв от жены и ее родителей свое намерение уехать; зачем понадобилось скрывать царевичу свою женитьбу и перед своими приближенными и проч.; то вдруг, чтобы скрыть свое и царевича трехлетнее отсутствие в Невее, Агарь велит выстроить роскошные палаты царские, украсить их „златом и серебром“, а на стенах выписать все прошедшее и будущее, запирается с Моафом в этих полатах, затем они выходят подземным ходом и уезжают в Витавию. Сам автор просто подходит к объяснению этих неясностей, а иногда и логических несуразностей: устами Агари он заявляет, что де так „планеда“ показала.

Однако в некоторых случаях логические несуразности объясняются при параллельном сличении повести со сказками и былинами.

1. Покинутые мать и сын. Почему царь Моаф, сочетавшийся с царевной законным браком, с благословения родительского, покидает в другой стране жену и сына и возвращается без них в свою страну? В сказках и былинах царевич овладевает царевной втайне от всех или он просто обещещивает ее; так или иначе там он совершает преступление и оказывается вынужденным покинуть свою семью. В повести же никаких препятствий подобного рода перед царевичем не стоит, однако он уходит от семьи. Значит, первую часть сказочного эпизода автор меняет (незаконный брак превращает в законный), а вторую часть оставляет без изменения (царевич покидает жену и ребенка) — возникает бессмыслица, которая оправдывается ходом „планет“.

2. У з н а н и е. Вместо одного „узнания“ в сказках и былинах, предшествующего непосредственно исполнению царского приговора (казнить его родного, не узнанного им, сына за связь с невестой, женой царя и проч.), в повести — два „узнания“. Одно фактически происходит от того, что царь, вместе с другими, отправившись якобы на ночь к купцу, открывает тайну влюбленных. В сказке это открытие влечет за собой требование наказания купца, а кроме того, как в сказке „Воздушный голубь“, и упреки царя по адресу отца девушки, который гордился ее добродетелью.

Второе „узнание“ в повести, которое происходит в царской мыльне, уже не влечет за собой наказания купца, как в сказках, а лишь отеческое наставление со стороны царя и Агари отцу невесты. Оказывается, что и обручение царя с дочерью министра, и раскрытие тайны влюбленных, и долгое выжидание Агарем того момента, когда он откроет царю сына, — все это делалось только для того, чтоб доказать министру, что он несправедливо хвастался своей дочерью — слабая и не естественная мотивировка, мало похожая на сказочную, где так крепко спаяны эпизод открытия царем тайны влюбленных с эпизодами наказания и узнания, все они естественно вызываются один другим и отличаются большой психологической напряженностью.

Не вызывает сомнения то, что в повести в основном разрабатывается тот же сюжет, что и в рассмотренных сказках и былинах. Доказатель-

ством тому служит не только соответственное совпадение отдельных мотивов сюжета (повести и сказок и былин), но и их одинаковая последовательность, а также в отдельных случаях текстуальная близость повести со сказками и былинами.

Возникает вопрос: в каком же отношении между собой находятся повесть, с одной стороны, и сказки и былины, с другой.

Предположить, что сказки и былины родились из повести, — нельзя по ряду причин. Прежде всего потому, что повесть обнаруживает в себе большую нестройность в изложении фактов, слабую их мотивировку, логические несуразности в отдельных случаях — все эти особенности отсутствуют в параллельных произведениях устного творчества. Неясные места повести, логические несуразности частично объясняются с помощью сказок и былин. Далее потому, что повесть известна нам пока в единственном списке, а сказки и былины оказались широко распространенными и живыми еще до сих пор. Поэтому естественно предположить что в „Истории о Ярополе“ использован сказочный сюжет.

Вторичность обработки данного сюжета в „Истории о Ярополе“ сравнительно со сказочно-былинными его вариантами подтверждается и наблюдениями над стилем романтических эпизодов „Истории“. Единому стилю устных их вариантов противостоит в „Истории“ смешение фольклорного с характерным для повестей и лирики еще с петровского времени изображением влюбленных героев.

Любовь — пламень, болезнь, она проникает в сердце как стрела, она загорается внезапно, с первого взгляда — все это типичные формулы и любовной лирики и повестей начала XVIII в., задержавшиеся, особенно в рукописной литературе, до конца века. Смелость и инициативность, которыми автор „Истории“ наделил влюбленную в мнимого купца дочь министра, благополучно устроив ее судьбу и избавив от грозившего ей наказания, — все это черты нового времени, отложившиеся в обработке традиционного фольклорного сюжета. Невозможно допустить, чтобы разнообразные устные варианты, записанные в разное время, в далеких одна от другой местностях, — так согласно изъяли бы все эти отзвуки своеобразного стиля XVIII в.

И. П. ЕРЕМИН

Киевская летопись как памятник литературы

Так называемая Киевская летопись, дошедшая до нас в Ипатьевском летописном сборнике начала XV в., Хлебниковском сборнике XVI в. и других, как известно, непосредственно примыкает к „Повести временных лет“ и доводит изложение до 1200 г. Составленная в Киеве, в Выдубицком монастыре, по мнению большинства исследователей, на рубеже XII—XIII вв., летопись эта до сих пор не была предметом специального литературоведческого изучения. Настоящая работа и пытается частично восполнить этот пробел.

Основная ее задача — охарактеризовать повествовательный материал этой летописи с точки зрения его литературной природы — его метода отражения исторической действительности. По моим наблюдениям, все многообразие повествовательного материала Киевской летописи относительно четко делится на следующие группы: погодную запись, рассказ и повесть. Эти повествовательные формы летописи Киевской и будут, следовательно, предметом моего ближайшего рассмотрения; — в понимании терминов „рассказ“ и „повесть“ в применении к летописи я несколько расхожусь с моими предшественниками; относя ту или иную единицу летописного повествования к „рассказу“ или „повести“, я руководствуюсь не одним каким-либо случайным признаком, — объемом, например, но ее литературной природой в целом.¹

1

Погодная запись в составе Киевской летописи, как и в любой другой, не имеет своего определенного места; нередко записи заполняют собою весь год и следуют одна за другой, читаются подряд; нередко под тем или иным годом они вообще отсутствуют; часто вклиниваются, перебивая последовательность изложения, в середину летописного рассказа или присоединяются к рассказу в начале его или в конце.

¹ Дошедший до нас текст Киевской летописи ниже везде цитирую по изданию: Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871.

По объему своему погодная запись очень невелика. Предельная краткость изложения — наиболее характерный ее внешний признак. В подавляющем большинстве случаев содержание погодного известия свободно укладывается в одно-два предложения. Вводятся в повествование погодные известия в летописи Киевской обычно традиционной формулой: „В лето 66.“; если читаются подряд под одним и тем же годом, то отделяются одна от другой формулами: „Том же лете“, „Того же лета“, „Се же лето“, „Сего же лета“, „В то же время“, „Тогда же“, „Потом же“ и проч.¹ Функция этих формул двойкая: это — указатели времени и, вместе с тем, формулы перехода от одного сообщения к другому.

У погодной записи, в отличие от летописного рассказа, обычно своя особая сфера повествования; в летописи Киевской она чаще всего регистрирует следующие события: смерть того или иного князя, митрополита, епископа, игумена; рождение у князя сына или дочери; приезд в Киев митрополита, поставление епископа; основание церкви, торжественное ее освящение; те или иные стихийные бедствия: пожары, засуху, землетрясения, сильное половодье, большие морозы, большой снегопад и проч.; те или иные явления природы: солнечное затмение, появление кометы и проч. Отмечает погодная запись в летописи Киевской и отдельные политические события (военные походы князей друг на друга или на соседей, переход князя из одной области в другую и т. п.), но значительно реже. Как правило, сфера погодных известий — единичные факты, интересные с точки зрения летописца и заслуживающие упоминания, но не требующие подробного изложения в форме развернутого рассказа. События, требующие подробного рассказа, летописец излагал в форме краткого погодного известия, как кажется, только в том случае, когда у него не было под рукою материала — достаточных сведений об этих событиях. Чаще всего это имело место, когда ему, сидя в Киеве, приходилось отмечать события галицкие, черниговские, суздальские и проч. В том, что некоторые галицкие или черниговские события были записаны и внесены в летопись не в Галиче и не в Чернигове, а в Киеве, не может быть сомнений; свидетельствуют об этом сами записи. Под 1164 г., например, читаем: „То же лето бысть поводь велика в Галичи..., и бысть в них жатва дорога рамяно на ту зиму“ (стр. 358); под 1180 г.: „Иде Святослав к Любчю и призва к себе братью свою, Ярослава, Игоря, Всеволода; ряды ему деющю, сде же удеся велико зло в Киеве: погореша дворове по Горе...“ (стр. 415); под 1196 г.: „Того же лета во Олговичех преставися князь Всеволод Святославич...“ (стр. 467).

¹ Реже объединяются погодные записи в один ряд при помощи союза „и“: „В лето 6630. Ведена Мьстиславна в Греки за царь, и митрополит Никита приде из Грек, и Данило епископ Гурьговьский умре, и Анфилофий епископ Володимерьский умре, и земля потрясеса мало, и Володаря яша ляхове льстью, Василкова брата“ (стр. 206); или — союза „а“: „В то же веремя преставися Иванко Гюрговичь... А Святослав възвратися, поиде уверх Оки...“ (стр. 240).

Кратко отмечая тот или иной факт, часто по свежим следам события, летописец нередко тут же, в рамках погодного известия, отмечал и ходячую точку зрения на него. Под 1162 г., например, читаем: „Том же лете преставися князь Иван Ростиславичъ, рекомый Берладник, в Селуни; инни тако молвахуть, яко с отравы бе ему смерть“ (стр. 355); под 1195 г. летописец, сообщая о землетрясении в Киеве, отметил: „И рекоша игумени блажении: «Се бог проявил есть, показая нам силу свою за грехи наша, да быхомся остали от злаго путя своего»; инни же молвахуть друг ко другу: «Сии знамении не на добро бывають...»“ (стр. 463). Приведенные известия указывают и основной источник такого рода примечаний летописца: источником этим была устная молва.

Что касается его, летописца, собственного, „авторского“ отношения к тому или иному факту, то погодная запись, за немногими, очень редкими исключениями, отношение это никак не отражает; в отличие от летописного рассказа, в погодной записи „автор“ еще явно отсутствует.

Основное литературное качество погодного известия — документальность. Проявляется она во всем: и в этом характерном отсутствии „автора“, и в деловой протокольности изложения, и в строгой фактографичности (точно указывается дата события, не только год, но часто и месяц и день, место происшествия; обстоятельно перечисляются все участвовавшие в нем лица — по именам).¹ Видно, что летописец озабочен только одним: возможно точнее и короче зарегистрировать определенный факт, не входя в подробности — или просто ненужные или ему неизвестные.

Документальность погодной записи в особенности наглядно иллюстрируют случаи, правда, очень редкие, где летописец вопреки своему обычаю — отмечать факт, но не его причину, не только указывает реальную причину события, но делает это с точностью и „реализмом“, достойными современного историка. Интересна в этом отношении запись под 1141 г.: „Сего же лета слышавше новгородци, оже приял Всеволод братью их, и не стерпяче бес князя седити, и ни жито к ним не идяше ни отколе же, и послаша Гюргеви мужи своя, и пояша Ростислава Гюргевича, и посадиша новгородци с великою честью Новегороде на столе своего ему отца“ (стр. 221). Здесь эта реальная деталь: „и ни жито к ним не идяше ни отколе же“ — документально точная констатация

¹ Фактографичность изложения иногда приводила к тому, что запись превращалась в сухой набор имен или географических названий. Под 1162 г., например, читаем: „Том же лете Рюрик и Святополк Гюргевич Туровский и Святослав Всеволодич с братом Ярославом, и с Ольгом Святославичем, и с Володимиричем, и с Кривскими князьми, идоша к Случьску на Володимира на Мьстиславича...“ (стр. 356). Или под 1147 г.: „В то же веремя выбегоша посадничии Володимери Изяслави из Вятичъ, из Брянска, и из Мьченска и из Блже (вар.: Блже); и оттуда иде (Святослав Ольгович) Девягорьску, иде заем вси Вятичи и до Брянск и до Воробинъ (вар.: Воробини), Подесьнье, Домагоць и Мценск“ (стр. 242).

факта. Что это именно так, что это не домысел летописца, что здесь сама действительность подсказала летописцу правильную интерпретацию события, — свидетельствуют более характерные для летописца обратные случаи, где он ограничивается одной чисто эмпирической регистрацией фактов. Запись под 1133 г. — типичный пример такого изложения событий, когда факты просто перечисляются („называются“) и только: „Том же лете Ярополк приведе Всеволода Мьстиславича из Новагорода и да ему Переяславль,¹ с завтрия (вар.: с заутрея) же седе в нем, а до обеда выгна и Юрьи стрый его, и седе в нем 8 дний, и выведе брат его Ярополк ис Переяславля за хрестьное целование, и посла Ярополк по другаго Мьстиславича в Полтеск по Изяслава, приведе и с клятвою“ (стр. 212). Здесь излагается целая цепь событий, довольно обычных для феодального быта Руси XII в.: город в течение очень короткого времени переходит из рук в руки. События эти могли бы дать материал для подробного рассказа. Но здесь рассказа нет; есть только голое перечисление фактов — до такой степени в данном случае протокольное, что в тексте записи образовались явные смысловые пробелы. В самом деле, мы не найдем здесь у летописца ответа на естественно возникающие вопросы: как случилось, что Всеволод Мстиславич, утром прибыв в Переяславль, к обеду уже вынужден был уступить его дяде Юрию; почему Ярополк, восемь дней спустя, „вывел“ Юрия из Переяславля и на каких условиях (ссылка летописца на то, что Ярополк „вывел“ Юрия „за хрестьное целование“ — дела не разъясняет); почему Ярополк на этот раз распорядился передать Переяславль не Всеволоду, а брату его Изяславу; в тексте сказано, что Ярополк перевел Изяслава из Полоцка в Переяславль — „с клятвою“, но в чем именно заключалась эта „клятва“ (договор, скрепленный крестным целованием) — неясно; мы можем только догадываться, что Ярополк, очевидно, обещал Изяславу передать после своей смерти киевский стол.

2

Обращает на себя внимание типологическое родство между погодной записью и летописным рассказом, — несмотря на существенное в ряде случаев отличие рассказа от записи и, прежде всего, по содержанию: в отличие от записи, рассказ излагает преимущественно политические события, феодальные войны XII в.

Родство это сказывается даже в деталях литературной структуры и записи и рассказа.

Погодные записи в летописи Киевской чередуются в строго хронологическом порядке. Тот же принцип лежит в основе чередования и лето-

¹ В Лаврентьевской летописи, где читается та же запись, добавлено: „по хрестьному целованию, акоже ся бяше урядил с братом своим Мстиславом, по отню повелению, акоже бяше има дал Переяславль с Мстиславом“. См. Полное собрание русских летописей, т. I, вып. 2. Изд. АН СССР, Л., 1927, столб. 301.

писных рассказов: они тоже, в летописи Киевской, в композиционном отношении целиком подчинены погодной канве. Всякий рассказ, введенный в повествование не в свой год, всегда, как правило, оговаривается; летописец остро ощущал каждое нарушение, даже малейшее, погодного порядка и нарушение это всегда отмечал: „Мы же на преднее возвратимся“ или „Мы же на подлежащее возвратимся“ (стр. 218, 364, 472).

Строго следуя погодному принципу изложения, летописец не раз, когда того требовало время, даже прерывал изложение, чтобы затем опять к нему вернуться. Типичный пример — рассказ под 1149 г. о союзе Святослава Ольговича с Юрием Долгоруким, перебитый „вставкой“: „Гюрги же пришед ста у Ярышева; и ту к нему приеха Святослав Ольговичь на Спасов день, и ту Святослав позва и к собе на обед, и ту обедаше разъехашася. Въутри же день в неделю рано, въсходящю сонцю, родися у Святослава Ольговича дчи, нарекоша в крещение имя ей Марья. Рече же Ольговичь Святослав к Гюргеви: «Брате! То нам ворог всим Изяслав, брата нашего убил». В ть день поиде Гюрги наперед с вое своими, Святослав же поиде по нем. .“ (стр. 263—264). Даже если будет доказано, что здесь перед нами действительно вставка, внесенная в текст рукою другого автора или редактора, факт тем не менее остается фактом: в дошедшем до нас тексте рассказ перебит и перебит в самом центре изложения.

Как и погодные записи, рассказы в летописи Киевской вводятся в повествование той же традиционной формулой: „В лето 66. “. Так же, как и погодные записи, в пределах данного года отделяются один от другого формулами: „Того же лета“, „В се же лето“, „В том же лете“, „В то же время“ и т. п.

Последовательность изложения — один из наиболее характерных признаков летописного рассказа; здесь, в рассказе, она уже становится предметом забот летописца; нарушение последовательности изложения уже начинает ощущаться как известный недостаток. Показательна в этой связи судьба формулы: „Мы же на преднее возвратимся“ („Мы же на подлежащее возвратимся“). Обычно ею оговаривается, как было указано, рассказ, введенный не в свое время. Но в тексте Киевской летописи встречается она и в иной функции: оговариваться ею начинает даже рассказ, нарушающий только последовательность изложения. Так, например, рассказ под 1161 г. о дивном знамении „в луне“ введен в свое время, но читается в составе другого рассказа — о бегстве из Киева Ростислава Мстиславича и о въезде в Киев Изяслава Давидовича; возобновляя прерванный рассказ о Ростиславе и Изяславе, летописец счел, однако, необходимым, вопреки обычаю, оговориться: „Мы же на подлежащее възвратимся“ (стр. 353—354; ср. стр. 369, 374, 390, 468).

Но и этот признак летописного рассказа — в какой-то мере хорошо знаком погодной записи. В составе Киевской летописи встречаются записи, где относительная последовательность изложения уже налицо, а именно там, где все они объединяются единством „героя“ или изла-

гаемого события. Примером такого чередования записей может служить цепь известий, читающихся под 1155 г.: „Том же лете посла Дюрги Дюргя Ярославича, с Жирославом и с Вячеслави внукуы, на Мьстислава на Изяславича ... Тогда же иде Гюрги на снем противу половцем Каневу... В то же вереме приде Гюргевай княгини из Суждаля Смоленску, и с детми своими, к Ростиславу... Том же лете приде к Дюргеви галичьская помочь от зяте его от Ярослава... Том же лете иде Андрей от отца своего из Вышегорода в Суждаль, без отне воле...“ (стр. 330—331). Здесь все погодные известия объединяются именем князя Юрия Долгорукого, во всяком случае касаются его или его семьи, и это сообщает им характер последовательного изложения.

Точно так же соединяются в один повествовательный ряд и летописные рассказы; объединенные единством „героя“ или излагаемого события, они складываются в единый развернутый рассказ, отдельные эпизоды которого отделяются друг от друга, как и записи в вышеприведенном примере, формулами: „Том же лете“, „Того же лета“, „В то же время“ и проч. Разница только в том, что рассказы объединяются в такой ряд неизмеримо чаще, чем погодные записи, и нередко, в пределах данного года, без этих формул: один непосредственно примыкает к другому, в результате чего повествование приобретает характер уже не только последовательного, но и непрерывного изложения. Так, например, рассказы об Изяславе Мстиславиче, начиная с 1146 г., именно в силу указанного обстоятельства, образуют непрерывный поток повествования, часто не сдерживаемый никакими преградами традиционных формул перехода от одного рассказа к другому. Эту непрерывность в летописи Киевской нарушает только погодная канва; если время излагаемого события охватывает два года или больше, — рассказ на соответствующем месте непременно будет механически оборван формулой: „В лето 66...“. Формула эта теперь, однако, уже теряет свою былую принудительность; она уже не означает перехода от одного рассказа к другому, а служит только указателем времени. Так, кстати сказать, уже в XII в. подготавливалась возможность полного освобождения летописания от погодной канвы (не погодного принципа), которая и была реализована, как известно, летописью Галицко-Волынской.

Очень близко напоминает летописный рассказ погодную запись и по своей литературной природе. В рассказе тоже нет ничего „литературного“, сочиненного — за немногими исключениями, о которых речь будет ниже в иной связи. Летописный рассказ в неменьшей степени документален, чем погодная запись. Он — прямое отражение реальной действительности. Это — рассказ в буквальном смысле этого слова, обычно составленный по свежим следам события очевидцем или со слов очевидца. Как и всякий рассказ очевидца, он нередко отмечен печатью той непосредственности, которая так характерна для такого рассказа, не претендующего на литературность и преследующего цели простой информации. Своими отчетливыми „сказовыми“ интонациями он порою

производит впечатление устного рассказа, только слегка окниженного в процессе записи: „... Изюймавше е (речь идет о половецких послых) Ярополци посадници на Локне, приведоша е к Ярополку, Ярополчи бо бяху посадници“ (стр. 209); „В то же веремя Изяслав посла Киеву к брату своему Володимиру, того бо бяшетъ оставил Изяслав в Киеве, и к митрополиту Климови и к Лазореви тысячкуму, и рече им...“ (стр. 245); „... нача Изяслав полкы рядити с братьею, и доспев иде к Подолью, а Ростислав стояше с Андреевичем подле столпье, загорожено бо бяше тогда столпием от Горы оли и до Днепра“ (стр. 353); „Посла же (Мстислав Изяславич) Чернигову к Ольговичем всим и к Всеволодичема, веля им быти всим у себе, бяху бо тогда Ольговичи в Мьстиславли воли, и всим угсдна бысть дума Мьстислава“ (стр. 368); „Василко же Ярополчичъ уведав е (половцев) из Михайлова, и еха на не ночи, бе же тогда ночь темна, и уступиша инем путем, изблудиша всю ночь...“ (стр. 376).

Разумеется, перед нами отражение действительности не буквальное. Рассказчик — не фотоаппарат. О том или ином событии он рассказывает так, как он его видел, как его воспринял и понял. Рассказчик — человек своей эпохи, своего общественного положения и своей политической ориентации; все это естественно не могло не сказаться на его рассказе: рассказ его всегда более или менее тенденциозен, всегда отражает идеологию того классового окружения, где он составлен и для которого составлен.

Всегда, как правило, неизмеримо подробнее излагая то или иное событие и во много раз превосходя „погодную запись по своему объему, рассказ, однако, часто напоминает погодную запись даже способом изложения: те же точные даты, подробные перечни имен, географических названий, та же суховатая деловитость тона, та же протокольная конкретность описаний. Некоторые рассказы, в особенности же рассказы об Изяславе Мстиславиче, производят впечатление делового отчета, военного донесения: до такой степени точно и обстоятельно излагают они положение вещей. Рассказ, например, под 1146 г. — о походе Изяслава Мстиславича „с силою киевскою“ на Путивль и о погроме города — в той своей части, где перечисляется захваченная Изяславом „жизнь“ Святослава Ольговича, — типичный деловой отчет, не пренебрегающий даже цифровыми подсчетами: „... и ту двор Святославъ раздели на 4 части, и скотьнице, бретьянице, и товар, иже бе не мочно двигнути, и в погребех было 500 берковьсков меду, а вина 80 корчаг; и церковь святаго Възнесения всю облупиша, съсуды серебряныя, и индитьбе (престольные одежды), и платы служебныя, а все шито золотом, и каделнице две, и кацыи (ручные кадилницы), и еуангелие ковано, и книги, и колоколы; и не оставиша ничтоже княжа, но все разделиша, и челяди 7 сот“ (стр. 237). Или рассказ под 1151 г. об обороне Киева; только очевидец, быть может лично принимавший участие в обороне города, озабоченный прежде всего тем, чтобы ничего не пропустить, все отметить, мог так

описать это событие; рассказ позволяет с полной отчетливостью представить себе, во всех подробностях, как происходило дело, — где находились князья, когда началась оборона города, какие меры были приняты ими, чтобы обеспечить ее эффективность, как были распределены силы и проч. Перед нами не столько рассказ, сколько документальный отчет о виденном: „... Изяслав не ходища в город, стаستا товары перед Золотыми вороты у Язины, а Изяслав Давыдович ста mezi Золотыми вороты и mezi Жидовскими, противу Бориславу двору, а Ростислав с сыном своим Романом ста перед Жидовскими вороты, и многое множество с ними, а Городеньский Борис у Лядских ворот; кияне же всими своими силами, и на конех и пеши, и тако стаща; а промежи князи семо стаща от Вячеслава, от Изяслава поправу оли до Изяслава и до Ростислава, а от Ростислава оли и до Олговы могилы, а полеву Вячслава и Изяслава оли до Лядских ворот, и тако стаща около всего города...“ (стр. 296).

Показательны в этой связи и некоторые мелкие детали событий в рассказах летописца: время от времени они попадали в поле его зрения и отмечались им наряду с остальными фактами, попутно, просто потому, что были ему известны или обратили на себя внимание. Так, например, мы узнаем, что Игорь Ольгович, спасаясь от преследователей, попал в болото, „и угрязе под ним конь, и не може ему яти, бе бо ногами болен“ (стр. 232); — что Давыдовичи, когда приехал к ним посол Изяслава и потребовал четкого ответа, „ничтоже могоша отвещати; толико съзрешася и долго молчавше“ (стр. 244—245); — что Андрей Юрьевич, когда пал его любимый конь, „жалуя комоньства его, повеле и погresti над Стырем“ (стр. 272—273); — Юрий Долгорукий подошел к Киеву именно в тот момент, когда князь киевский Изяслав Мстиславич и дядя его Вячеслав Владимирович спокойно сели „обедати“ (стр. 280); — Андрей Юрьевич во время битвы на Перепетовом поле „възмя копье и еха наперед“, но в этот момент „бодоша конь под ним в ноздри, конь же нача соватися под ним, и шелом спаде с него, и щит на нем сторгоша“ (стр. 303); — Святослав Ольгович „бе тяжек телом“ и, когда вместе со своими союзниками потерпел поражение на Перепетовом поле, — очень „трудился бе бежа“ (стр. 304); — Ростислав Глебович, когда полочане попросили его вернуться в город, поехал, но поехал на всякий случай „изволочився в броне под порты“ (стр. 340); — Юрий Долгорукий, когда к нему с позором отправили назад его посла, — даже с лица „попуснел“ (стр. 390); — Святослав Всеволодич, возвращаясь из Карачева, — „ехаша лете на санех, бе бо нечто извергьлося ему на нозе“ (стр. 457) и проч. Все эти детали, как они цорую ни мелки, — ценнейший материал для историка; они позволяют заглянуть в самую глубь феодального быта XII в., дают возможность в ряде случаев наглядно представить себе ту эпоху. Сомневаться в их документальности у нас нет никаких оснований.

Одна из наиболее характерных особенностей летописного рассказа — речи действующих лиц повествования. Речи, очень редко, но встречаются

и в погодных записях.¹ Но здесь они не получили широкого развития и обычно очень кратки. В летописном рассказе перед нами иная картина: рассказ иногда целиком состоит из одних речей, и обмен ими и составляет все содержание его; действующие лица постоянно по любому поводу обмениваются речами, иногда произносят целые обширные монологи. Факт и сам по себе неудивительный, независимо от весьма распространенного в XII в. обычая князей обмениваться посольскими речами: рассказ по самой своей природе тяготеет к прямой речи; она для рассказчика и проще и легче. Речи — особенность летописного рассказа, которая как будто говорит о чисто литературном вымысле. В данном случае, однако, это не так. Речи Киевской летописи ничего общего не имеют с речами античных историков или хорошо известной древне-русскому книжнику XII в. „Истории Иудейской войны“ Флавия Иосифа. Там речи — литературная фикция, часто прием, украшающий повествование; здесь — живой документ. На последнее обстоятельство недавно обратил внимание Д. С. Лихачев, и в данном вопросе я целиком разделяю его точку зрения.² Не повторяя того, о чем уже писал Д. С. Лихачев, приведу некоторые новые примеры действительно замечательной документальности речей в Киевской летописи.

Под 1150 г. дружина дает Изяславу Мстиславичу такой совет: „Княже! Нелзе ти пойти на нь (речь идет о Владимире Галицком), се перед тобою река, но еще зла, како на нь хочеши поехать? А еще стоять заложився лесом; ныне же того, княже, не прави, но поеди Киеву своей дружине; аже ны Володимер где постигнуть, а ту с ним ся биемы; а како ны еси у Заречьска рекл: аче ны Гюрги усрячать, а с тем ся бием; ныне же, княже, не стряпай, но поеди; а что ти будешь на Тетереви, а ту к тебе дружина твоя вси приедуть, а что ти бог даст и до Белгорода доидеши перед ним, а боле дружины к тебе приедеть, а болши ти сила“ (стр. 286). Здесь перед нами целый военный план, сформулированный в терминах той эпохи, разработанный до деталей. Трудно допустить, что это — литературная фикция. План так конкретен — он, кстати сказать, полностью себя оправдал, как показали дальнейшие события, — и составлен в такой деловой форме, что мысль эта должна отпасть сама собою.

¹ Под 1141 г., например, — „В то же лето посла Изяслав к сестре своей рече: «Испроси ны у зяте Новгород Великий брату своему Святополку»; она же тако створи“ (стр. 221); под 1170 г. — „В то же веремя Володимер Андреевич нача припривавати волости у Мьстислава. Мьстислав же уразуме, оже изветом у него просит волости, рече: «Брате Володимири! Ця давно еси хрест целовал ко мне и волость взял еси у мене?» Он же разгневался иде Дорогобужю“ (стр. 371; ср. стр. 394); иногда вводятся в запись, как фрагмент, вырванный из контекста: „и поропташа (Ольговичи) на нь (на брата Всеволода), оже любовь иметь с Мьстиславичи, с шюрями своими, «а с нашими ворогы, и осажался ими около, а нам на безголовие и безмьстье и себе»“ (стр. 223—224).

² Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. Изд. АН СССР, М. — Л., 1947, стр. 114—131; ср.: Д. С. Лихачев. Русский посольский обычай XI—XIII вв. Истор. зап., № 18 (1946).

В ряде случаев документальна даже интонация тех или иных речей; она так отчетлива и исторически реальна, что не может быть сомнений в ее подлинности. Обида и раздражение звучат в словах, с которыми обратился Всеволод Ольгович к Мстиславичам, когда узнал, что новгородцы отказываются принять к себе его сына Святослава: „Новгорода не березета; ать седять сами о своей силе, кде князе не налезуть“ (стр. 220). Когда посол Изяслава Мстиславича, прибыл в Галич и повел речь, Владимир Галицкий прервал его на полуслове — с явным намерением возможно обиднее оскорбить Изяслава; летописец несомненно точно, со слов самого посла — Петра Бориславича, передал его высокомерный и нетерпеливый окрик: „Вы того до сыти есте молвили; а ныне полези вон, поеди же к своему князю“ (стр. 318). Когда после смерти Изяслава Мстиславича в Киев поспешил приехать Изяслав Давидович, старший Вячеслав, дядя покойного Изяслава, встретил его следующими словами, полными и гнева и скрытой тревоги: „Пошто еси приехал и кто тя позвал? Еди же у свой Чернигов!“ (стр. 323). Тот же Изяслав Давидович, когда собрался идти походом на Ярослава Галицкого и, в ответ на свое приглашение Святославу Ольговичу принять участие в этом походе, получил отказ, переданный ему через посла — Георгия Ивановича, „с яростью“ стал угрожать своему двоюродному брату, — и „ярость“ эта, действительно, отчетливо сквозит в его словах, приведенных летописцем: „Ведомо ти буди, брате, всяко не ворочюся, уже есмь пошел; но се молви, Георгий, брату Святославу: оже ты сам не идеши, ни сына пустиши, аже ми бог дасть успею Галичю, а ты тогда не жалуй на мя, оже ся почнешь поползвати из Чернигова к Новугороду“ (стр. 342).

Самая лаконичность, краткость речей — в духе той суровой, полной феодальных раздоров воинственной эпохи — свидетельствует, с моей точки зрения, о их документальности. Многие из них во всяком случае поистине замечательны по той выразительности, с какой воспроизводят они рядовую княжеско-дружинную фразеологию XII в.: „Курьску изволи ити“ (стр. 218), „пойди, княже, к нам, хочем тебе“ (стр. 230), „не лежи, княже; Глеб ти пришел на тя вборзе“ (стр. 253), „иди в Божьский и пребуди же тамо, доколе я схожу на отца твоего“ (стр. 258), „аче ти мя убити, сыну, на сем месте, а убий, а яз не еду“ (стр. 276), „ты ми еси отець, а се ти Киев, а се волость; которое тебе годно, то возми, а иное мне вдай“ (стр. 278), „не твое веремя, поеди прочь“ (стр. 279), „осе раты!“ (стр. 288), „да ни мне будеть Переяславля, ни тебе Киева“ (стр. 327), „мне отчина Киев, а не тебе“ (стр. 329), „что, княже, стоиши? Поеди из города; нам их не перемочи“ (стр. 372), „брате, а не ищю под тобою ничего же, но ряд наш так есть: оже ся князь извинить, то в волость, а мужь у голову; а Давыд виноват“ (стр. 409) и проч.

Тот факт, что летописец иногда запоминал и точно воспроизводил не только речи, посольские и непосольские, но и отдельные реплики, отдельные слова, сказанные в той или иной обстановке, — не подлежит сомнению; рассказывая под 1151 г. о битве у Лыбеди, летописец упомянул,

что убит был и „дикий половцин“ — Севенча Бонякович, тот самый, „иже бяшеть рекл: «Хоцю сечи в Золотая ворота, якоже и отець мой»“ (стр. 299): здесь это пояснение „иже бяшеть рекл“ — знак, что летописец действительно точно воспроизвел слова этого половчина, в свое время, очевидно, обратившие на себя внимание и повторявшиеся.

Той же документальностью характеризуется и встречающийся в летописных рассказах диалог; он, как правило, так же деловит, конкретен и фактичен, как и речь монологическая. Наиболее обычная для Киевской летописи форма диалога — взаимообмен посольскими речами; диалог ведется не непосредственно, а при помощи посредников — послов. Под 1174 г., например, читаем: „Вниде Ярослав (Изяславич) в Киев и седе на столе деда своего и отца своего. Святослав (Всеволодич) же поча слати к Ярославу с жалобою, река ему: «На чьем еси целовал крест, а помяни первый ряд; рекл бо еси, оже я сяду в Киеве, то я тебе наделю, паки ли ты сядеши в Киеве, то ты мене надели; ныне же ты сел еси, право ли, криво ли, — надели же мене». Он же поча ему молвити: «Чему тебе наша отчина? Тобе си сторона не надобе». Святослав же поча ему молвити: «Я не угрин, ни лях, но одного деда есмы внуци, а колко тебе до него, толко и мне; аще не стоишь в первом ряду, а волен еси»“ (стр. 393). И этот диалог и аналогичные ему в Киевской летописи — прямое отражение практики княжеских взаимоотношений в XII в.; не всегда имея возможность лично договариваться, князья постоянно общались между собою при помощи своих доверенных лиц, порою даже в том случае, когда находились друг от друга на расстоянии двух шагов, — например, Изяслав Мстиславич и Ростислав Юрьевич, как рассказывает об этом летописец под 1149 г.: оба князья находились на одном и том же острове, „противу святому Михаилу у Выдобыча“, но переговоры вели не лично, а при помощи „мужей“ Изяслава (стр. 261—262). Такие официальные посольские речи обычно запоминались и воспроизводились летописцем с большой точностью.

Конечно, нельзя утверждать — положение Д. С. Лихачева в этом пункте нуждается в поправке, — что речи, будь то монолог или диалог, всегда вносились в летопись буквально, слово в слово, не подвергаясь даже легкой переработке летописца. Следы такой переработки иногда проступают весьма отчетливо.

Нередко излюбленная автором формула, не раз у него встречающаяся, по инерции переходит и в прямую речь, т. е. усваивается другому лицу. Так, например, у автора — биографа Изяслава Мстиславича — есть своя излюбленная формула: „и сила животворящего креста“; встречается она у него не раз и по разным поводам (стр. 233, 238, 255, 259, 293, 303, 317, 318); ту же формулу находим у него и в прямой речи: „а с ними како ми бог даст и сила животворящего креста“ (стр. 230), „надеяся бозе и силе животворящего креста“ (стр. 234), „да буди со мною бог и сила животворящего креста“ (стр. 245), „святая богородица и сила животворящего креста приведе ны в здоровьи в Киев“ (стр. 255) и проч.

Нередко одна и та же реплика усваивается летописцем разным лицам. Так, например, киевляне говорят Изяславу Мстиславичу: „не можем на Володимире племя руки възняти“ (стр. 243), но то же самое говорят у него и куряне сыну Изяслава Мстиславу: „на Володимире племя на Гюргевича не можем руки подъяти“ (стр. 250); рассказ об отказе киевлян присоединиться к походу Изяслава на Юрия Долгорукого и рассказ под тем же 1147 г. об отказе курян выступить против Глеба Юрьевича принадлежат одному и тому же автору: отсюда, конечно, и это совпадение. Сюда же, как кажется, должны быть отнесены и случаи, когда прямая речь частично дублирует косвенную: „Всеволод же пришед в Киев разболися, и бысть велми болен... призва к собе кияне и нача молвити: „Аз есмь велми болен, а се вы брат мой Игорь...“ (стр. 229); — или представляет собою краткий пересказ косвенной речи. Примером такого пересказа может служить речь Изяслава Мстиславича к брату Ростиславу под 1148 г., переданная последнему через посла: „Брате! Являю ти, на Олговичи есми ходил к Чернигову и на Олгове поли есми стоял, и много есмь им зла учинил, землю их повоевал есмь, и ту ко мне не възмогоса выйти битися полком; и отуду идохом к Любчю, и ту к нам приехаща, и разииде ны с ними река, и нельзе бы ны ся с ними тою рекою битися полком, и на ту ночь бысть дождь велик и бе на Днепре лед лих, того дея поидохом на ону сторону...“ (стр. 255); речь эта — сокращенный вариант рассказа о походе Изяслава на Чернигов, читающийся несколько выше (стр. 254); из рассказа в нее попали даже отдельные словосочетания, воспроизведенные здесь почти буквально: „и пришед ста на Олгове поли“, „и нельзе бы ему их полком доехати тою рекою“, „и бысть на ту ночь дождь велик велми“. Или — под 1157 г. речь Юрия Долгорукого Владимиру Андреевичу: „Сыну! Яз есмь с твоим отцем, а с своим братом Андреем, хрест целовал на том, яко кто ся наю останеть, то тый будеть обоим детем отець и волость удержати, а потом к тебе хрест целовал есмь имети тя сыном себе и Володимиря ти искати; ныне же, сыну, аче ти есмь Володимиря не добыл, а се ти волость“ (стр. 335); — речь Юрия почти дословно дублирует соответствующий рассказ летописца под тем же годом: „... Гюрги же Володимиря не собе искашеть, но целовал бяшеть хрест к брату своему Андрееви, в животе и еще, яко по животе его волость удержати сынови его, а потом к Володимеру к Андреевичю хрест целова, яко искати ему Володимиря“ (стр. 334).

Речи специально сочиненные, „литературные“ — достояние не рассказа, а повести. Но встречаются они и в летописном рассказе, правда, очень редко. Такова, например, речь, которую летописец, сторонник династии Мстислава, киевлянин, вложил под 1139 г. в уста черниговцам: „Ты надешися бежати в Половце, — будто бы сказали они Всеволоду Ольговичу, — а волость свою погубиши: то к чему ся опять воротишь? Лучше того останися високоумья своего и проси си мира; мы бо ведаем милое сердце Ярополче, яко не радуется кровипролитью, но бога ради възхошеть мира, ть бо съблюдаеть землю Русьскую“ (стр. 216). Этот елейный пане-

гирик Ярополку Владимировичу, конечно, невозможен в устах черниговцев в данной ситуации! Здесь летописец, сторонник Ярополка, речь несомненно сочинил, во второй ее части во всяком случае. Есть материал, на основе которого даже можно установить, как он это сделал; речь эта — своеобразный, местами почти дословный монтаж из его же собственного текста — хвалебных по адресу Ярополка эпитетов и оценок: „и прием рассмотрение в сердци, не изиде на нь (Ольговичей) противу, ни створи кровопролитья“ (стр. 215), „благ сый, милостив нравом, страх божий имея в сердци, якоже и отець его имеяше страх божий, и о всем рассмотрив, не восхоте створити кровопролитья“ (стр. 216).

Документален, наконец, самый язык летописи — ее удивительный словарь, весь насыщенный терминами своего времени, ходячими в феодальной среде XII в. словами и оборотами речи: „выбеже Ярослав Святополчичь из Володимера Угры“ (стр. 205), „пободоста и оскепом“ (стр. 207), „присунушася к Баручю“ (стр. 208), „повеле гнати люди“ (стр. 208), „хотяще и ти на Всеволода про Ярослава“ (стр. 209), „съступи хреста“ (стр. 210), „Ярослава пусти Мюрому“ (стр. 210), „Изяслав же перестряп два дни“ (стр. 210), „товар ублюдоша“ (стр. 211), „Ярополк приведе Всеволода“ (стр. 212), „выведе брат его“ (стр. 212), „заратишася Олговичи“ (стр. 213), „не могоша ся уладити“ (стр. 215), „съзвася с братьею своею“ (стр. 216), „вабаше князя Изяслава“ (стр. 218), „съсылахуться сами межи собою“ (стр. 218), „искали под Ростиславом Смоленска“ (стр. 218), „съдумав с дружиною своею“ (стр. 218), „посла... послы свои с речьми рядитися“ (стр. 219), „испросиша у Всеволода брата“ (стр. 220), „не хотя перепустити Новагорода“ (стр. 220), „чюя товар“ (стр. 221), „они сташа на воли его“ (стр. 223), „поча и водити подле ся“ (стр. 233), „не приложи чести ко Изяславу“ (стр. 234), „исполчишася“ (стр. 235), „поча стеречи волости его“ (стр. 236), „ополонишася дружина“ (стр. 240), „взяшя... град на щит“ (стр. 252), „скупишася на снем“ (стр. 257), „примчаша к нима половщина“ (стр. 265), „пополошишася“ (стр. 266), „перескок“ (стр. 266), „полезоша на кони“ (стр. 269), „король бы не порожен“ (стр. 269), „скупя силу свою“ (стр. 270), „пополох зол“ (стр. 271), „Изяслав съступи Дюргеви Киева“ (стр. 274), „Изяслав бе у мале“ (стр. 279), „праваться через Горину“ (стр. 285), „нетверд ему бе брод“ (стр. 295), „наездити в зад полков“ (стр. 302), „перебегоста Днепр“ (стр. 304), „разведоша Городок Гюргев“ (стр. 308), „нача доспевати“ (стр. 320), „изоимаша... на розгоне“ (стр. 322), „еха изъездом на стрья своего“ (стр. 333), „и пустиша на вороп к городу“ (стр. 334), „вземше под ним волость его и жизнь его всю“ (стр. 339), „без всякого извета еха к ним“ (стр. 340), „и вошла баше засада... в город, и начаша ся бити крепко засадници“ (стр. 341), „поушьявають его к себе“ (стр. 342), „снашивахуться речьми межи собою“ (стр. 343), „и росправив все речи“ (стр. 345), „едушю Олгови ис товар на

поездство“ (стр. 351), „не да ему полку“ (стр. 360), „являя им твердь братья“ (стр. 365), „приеха оправливаются“ (стр. 366), „перемета мост“ (стр. 367), „Глеб бродиться“ (стр. 375), „даяти сайгат“ (стр. 387), „нача Андрей вины покладывати на Ростиславичи“ (стр. 388), „поводяче и на Ростиславиче“ (стр. 389), „въз-острися на рать“ (стр. 390), „въвертешася в не“ (стр. 427), „створи постриги сынови своему“ (стр. 453), „водив и к роте“ (стр. 453), „засекся от Всеволода“ (стр. 468), „сына своего... посла брату своему Рюрикови на руде“ (стр. 472) и т. п.

Некоторые из этих слов и словосочетаний образны, но образность эта не литературного происхождения: она идет непосредственно от речевой практики XII в., от живого языка, обычного в княжеско-дружинной среде и хорошо известного летописцу.

То новое, что характеризует летописный рассказ в сравнении с погодной записью, не опровергает „документальной“ природы его. Имею в виду „автора“, которого в погодной записи еще не заметно, который там еще никак себя не проявляет. Здесь, в рассказе, — и в этом его литературное своеобразие — он уже отчетливо ощущается, он заявляет о себе оценками тех или иных событий, попытками комментировать их, прямой характеристикой действующих лиц повествования, отступлениями в сторону (морально-дидактические сентенции), даже отбором слов, в особенности же своей индивидуальной манерой излагать рассказ. Последнее закономерно; — погодная запись не давала простора в этом отношении уже в силу своего объема, здесь же возможности, разумеется, были иные. Индивидуальная манера излагать рассказ здесь не могла не сказаться так же, как сказывается она в любом устном рассказе очевидца: один рассказывает лучше, другой — хуже, один делает это подробнее, другой — суше и короче. Манера эта определяется в зависимости от памяти рассказчика, от его внимательности, его осведомленности, наконец, просто от его умения рассказывать.

Практика привела к тому, что летописный рассказ с течением времени выработал свои „клише“, свои традиционные формулы. Некоторые из этих формул получили широкое распространение и по наследству переходили от автора к автору: „седе на столе деда своего и отца своего“, „въеха со славою и честью великою“, „с радостью великою“, „бишася крепко“, ¹ „возвратишася восвоеси“, „поможе бог“, „бысть же весть“ и проч. Наблюдение за употреблением этих формул показывает, что часто они употреблялись просто по инерции. Так, например, летописец мог сказать, что взять Киев Мстиславу Андреевичу „поможе бог“ (стр. 372); даже рассказывая о въезде в Киев несимпатичного ему князя-узурпатора, силою захватившего власть и стол, — Всеволода Ольговича, мог заме-

¹ Характерная для „воинских“ повестей более позднего времени развернутая формула боя в летописи Киевской встретилаcь мне только один раз: „и бысть мятежь велик, и стонова, и кличь рамяя, и глаسه незнаемии; и ту бе видити лом копийный и звук оружийный, от множества праза не знати нч конника ни пешьць“ (стр. 391—392).

тить, что въехал он туда „с честью и славою великою“ (стр. 217); мог привести ту же формулу даже в том случае, когда она вступает в явное противоречие с его же собственным текстом: киевляне, прощаясь у него с Изяславом Мстиславичем, обещают хранить Изяславу верность („оже нам с Гюргем не ужити“); сообщая же, несколькими строками ниже, о въезде в Киев Юрия Долгорукого, он написал, что встретили киевляне Юрия „с радостью великою“ (стр. 268). Здесь, конечно, не отражение действительности, а простой литературный штамп. Нередко рассказчик пользовался своими, только ему присущими оборотами речи, в его употреблении уже ставшими формулами („многое множество“, „и тако“, „пребыша у велице любви и у велице веселии“, „приложися к дедом своим и отцем своим и отдав общий долг, его же несть убежати всякому роженому“ и т. п.), и это обстоятельство позволяет установить принадлежность ряда рассказов Киевской летописи определенному автору. Вопрос об авторах Киевской летописи мог бы стать предметом специального исследования.

Во многом отступая от погодной записи даже по содержанию, летописный рассказ, однако, как видим, в литературном отношении существенно ничем от нее не отличается: разница здесь не качественная, но чисто количественная. Большой объем повествования, большая подробность изложения, известная связность и непрерывность его, большая по охвату фактов документальность, даже интерес к мелким деталям того или иного события, даже „автор“ — все это само по себе еще не свидетельствует о новом качестве летописного рассказа. Литературная природа его та же: и погодная запись и летописный рассказ объединяются единством одного и того же метода отражения исторической действительности. Думаю, что метод этот — он нуждается в историко-литературном определении — есть все основания назвать р е а л и з м о м. Разумеется, этот реализм нельзя отождествлять с реализмом литературы нового времени. Такое отождествление было бы и антиисторично, и искажало бы действительное положение вещей. О реализме Киевской летописи в привычном для нас понимании этого термина, в смысле метода, характерного для литературы XIX—XX вв., не может быть, конечно, и речи. Реализм летописца — средневекового типа; он стоит еще на той грани, которая едва отделяет литературу от документа; фиксируя во временной последовательности отдельные факты, с протокольной точностью иногда воспроизводя внешнюю канву событий, реализм летописца не обнаруживает признаков творческого переосмысления этих событий, не может возвыситься до каких-либо обобщений, явно предпочитая идти по линии чисто эмпирической регистрации исторических событий, иногда со своими оценками и морально-политическими комментариями.

3

Наряду с рассказами строго фактического и делового характера, Киевская летопись содержит в себе и еще один повествовательный жанр,

который, в отличие от рассказа, буду условно называть повестью. Во многом похожая на рассказ, повесть отличается от рассказа прежде всего тем, что она более или менее последовательно выдержана в рамках определенного литературного стиля, именно агиографического. В повести, как правило, действительность отражается не непосредственно, а предстает перед нами в условных контурах этого условного, абстрактного, антиреалистического по самой своей природе метода, подчиняясь всем его устоявшимся в литературе нормам. И сами события, и человек, и его поведение здесь, в повести, приобретают новые очертания, далекие от привычной нам по рассказам документальности.

Повестей в указанном понимании этого термина в составе Киевской летописи сравнительно немного: одни из них вплетены в цепь летописных рассказов, другие образуют более или менее самостоятельное целое, легко выделяемое из общего потока летописного повествования. Сюда относятся: повесть под 1147 г. об убийстве Игоря Ольговича, под 1168 г. — о кончине Ростислава Мстиславича, под 1175 г. — об убийстве Андрея Боголюбского, под 1178 г. — о кончине Мстислава Ростиславича, под 1197 г. — о кончине Давида Ростиславича.¹ Обращает на себя внимание тот факт, что все повести посвящены одной и той же теме: смерти того или иного князя. Обстоятельство это позволяет установить генезис и этих повестей и самого жанра в целом.

Есть основания полагать, что зерном, из которого повесть, как жанр, выросла и сформировалась, является запись, сообщающая о смерти какого-либо князя. Записей таких в Киевской летописи много, и все они, в рамках погодного известия, составлены по одной схеме: сообщается о том, когда умер князь (точная дата), где, в каком именно монастыре или церкви, он был погребен (стр. 212, 216, 290, 439, 466); очень часто добавляется сюда еще и краткое упоминание о плаче над телом покойного его ближайших родственников или всего народа (стр. 240, 323, 359, 386, 467). В Киевской летописи дошел до нас материал, позволяющий наглядно представить себе, как совершался постепенный переход такого погодного известия в повесть. Начался он с того, что к погодному известию в дополнение к указанным его составным частям стала присоединяться прямая — „от автора“ характеристика покойного князя, как человека и как примерного христианина, иногда с кратким перечислением его заслуг перед „Русской землей“, фактов его деятельности как церковного строителя, даже иногда с кратким описанием его внешнего облика. С присоединением такой характеристики погодная запись о смерти князя отлилась в рассказ особого типа — в некролог; например, Владимира Мономаха (стр. 208), Святослава Ростиславича (стр. 376), Глеба Юрьевича (стр. 384), Святослава Юрьевича (стр. 394), Романа Ростиславича (стр.

¹ По своей внешней структуре во многом напоминают повесть — рассказ под 1187 г. о кончине Ярослава Галицкого и рассказ под 1194 г. о кончине Святослава Всеволодича; однако для повести они не показательны, так как носят слишком документальный характер и агиографической стилизацией только едва окрашены.

417—418), Владимира Глебовича (стр. 439), Всеволода Святославича (стр. 467). Обязательная для каждого некролога прямая характеристика покойного князя и внесла первые элементы агиографической стилизации; о ней выразительно говорят эпитеты, которыми теперь как ореолом начинает окружаться имя князя: „благоверный“, „христолюбивый“, „честный“, „блаженный“, даже „святой“ (Владимир Мономах); в особенности же, подбор христианских добродетелей, которыми здесь, часто без должного чувства меры, стал наделяться покойный князь: „братолюбец“, „нищелюбец“ (Владимир Мономах), „бе украшен всякою добродетелию“, „манастыри набдя и черньце утешивая, и мирьския церкви набдя и попы, и весь святительский чин достоиню честью чтяше“ (Святослав Ростиславич), „братолюбец“, „кроток, благонравен, манастыре любя, чернецький чин чтяше, нищая добре набдяше“ (Глеб Юрьевич), „избранник божий“, „въистину божий угодник“ (Святослав Юрьевич), „смерен, кроток, незлобив, правдив, любовь имеяше ко всем“, „страха божия наполнен, нищая милуя, манастыре набдя“ (Роман Ростиславич) и т. п. Наличие в повести всех элементов некролога (сообщения о том, когда умер князь; где был погребен; сообщения о плаче над телом князя его родственников или всего народа; его прямой „от автора“ характеристики как человека) свидетельствует, что закончился процесс формирования повести как жанра, когда к некрологу начал присоединяться расцвеченный всеми штампами агиографического стиля рассказ о событиях, непосредственно предшествовавших кончине князя, об обстоятельствах его смерти. Рассказ этот в составе повести занял центральное место и, естественно, несколько отодвинул в сторону традиционный некролог, но не вытеснил его; все его составные части остались, нередко чередуясь в том же порядке, что и раньше. Правда, теперь, когда с присоединением к нему рассказа об обстоятельствах смерти князя некролог перерос в повесть, агиографическая тенденция в нем заметно усилилась: сообщение о том, когда скончался и где был похоронен князь, стало приобретать более патетический характер, обрастать подробностями в агиографическом вкусе (когда умер Игорь Ольгович, в церкви святого Михаила над телом его произошло чудо: сами собою зажглись свечи; когда сообщили об этом митрополиту, он поступил так, как всегда в „житиях“ поступают в таких случаях митрополиты или епископы — „повеле потаити такую благодать, богу явльшуся над ним“); в сторону характерной для агиографического стиля „умилительной“ чувствительности стал расширяться и другой элемент некролога — сообщение о заупокойном плаче родственников и народа (когда шествие с телом Андрея Боголюбского подошло ко Владимиру, „люди“ владимирские „не могоша ся нимало удержати, но вси вопяхуть, от слез же не можашу прозрити, и вопль далече не слышати“); — часто стал приводиться и самый плач (см. плач Кузьмища Киянина над телом Андрея Боголюбского; плач новгородцев над телом Мстислава Ростиславича, замечательный и по своему лиризму, и тем, что в нем впервые встречается формула, не раз впоследствии применявшаяся: „... не можемь

тебе узрети, уже бо солнце наше зайде ны и во обиде всим остахом“);¹ обычная в некрологе прямая характеристика покойного князя стала явно перерастать в типичную житийную „похвалу“ со всеми ее аксесуарами (риторические обращения к покойному, экскурсы в его биографию и пр.). Обрамляющая повесть об убийстве Андрея Боголюбского „похвала“ — типичный пример такого перерождения прямой характеристики некролога в агиографический панегирик (стр. 395—397, 403). В начальной своей части панегирик этот еще напоминает некролог обычного типа; автор подробно останавливается на характеристике Андрея как церковного строителя; много и с большим знанием дела говорит, как украсил и „удивил“ Андрей построенные им церкви и в Боголюбовом и во Владимире (здесь сквозь „похвалу“ пробивается неподдельное увлечение автора архитектурными деталями построек Андрея). Эта „документальная“ линия у автора, однако, тут же и обрывается, уступая место „похвале“; автор переходит к подробному перечислению христианских добродетелей князя: „не помрачи ума своего пьянством“, „кормитель бяшеть чернцем и черницам и убогим“, „всякому чину яко възлюбленный отець бяшеть“ и проч., рассказывает, что князь Андрей имел обычай по ночам ходить в церковь: здесь он сам, не прибегая к посторонней помощи, зажигал свечи и в одиночестве молился; рассказывает и о другом обычае князя — ежедневно приказывал он возить по городу „брашно и питье разное“ и раздавать его больным и нищим; никогда ни в чем не отказывал он всякому проходящему к нему с нуждою; подавая милостыню, так всегда говорил сам себе: „Еда се есть Христос пришед испытать мене?“; — утверждает, что князь Андрей, всегда любя „нетлененая паче тленных и небесная паче времененых“, добровольно принял мученический венец, подражая „братома благоумныма святыма страсготерпцема“ (Борису и Глебу). Для характеристики того направления, в каком перестраивался традиционный некролог в составе повести, в особенности показательна заключительная часть „похвалы“ Андрею Боголюбскому: здесь уже налицо все признаки типично агиографического „апофеоза“ — цветистая фразеология (князь Андрей сравнивается со „звездой светоносной помрачаемой“, с солнцем „прекрасным“, лучами своими освещающим всю вселенную — „усток и полдне и запад“); появляются формулы церковного акафиста („Радуешься, Андрею княже великий, дерзновенье имея ко всемогущему...“), — наконец, в финале, даже молитвы к нему („Ты же, страсготерпче, молися ко всемогущему богу о племени своемь и о сродницех, и о земле Руськой, дати мирови мир“, „молися помиловати братью свою, да подасть [бог] и победу на противные, и мирную державу, и царство чество и многолетно“).

¹ „Плач“ — деталь, известная уже и некрологу; см. некролог Романа Ростиславича, где приведен и самый плач вдовы покойного: „Царю мой благый, кроткий, смиренный, правдивый! Воистину тебе наречено имя Роман, всею добродетелею сын подобен ему...“ (стр. 417—418).

Назначение повести заключалось в том, чтобы дать новый агиографически просветленный образ идеального князя, блистающего всеми возможными христианскими, даже специально монашескими добродетелями. Задаче этой, продиктованной данной конкретной политической ситуацией, и была подчинена как повесть в целом, так и все ее составные части; тот факт, что образ этот, навязанный тому или иному князю, подчас вступал в вопиющее противоречие с его же изображением, но в рассказах документального типа, — летописца ни в какой мере не смущал.

Повесть, изображая человека, по возможности стремилась устранить все черты его индивидуального характера: только освобожденный от всего „временного“, всего „частного“ и „случайного“, человек мог стать героем агиографического повествования — обобщенным воплощением добра и зла, „злодейства“ или „святости“. На практике это привело и не могло не привести к тому, что все герои повести стали напоминать один другого — обладать одними и теми же чертами „характера“, в сходных обстоятельствах поступать одинаково, произносить одни и те же слова, даже часто двигаться и жестиковать в одном и том же направлении. Для всех положений у агиографа уже была своя предустановленная схема: нередко она переносилась из повести в повесть без всяких изменений — не потому, что у автора не было в запасе другой, собственного изобретения, а потому, что схема такая ценилась автором сама по себе, как уже найденная и закрепленная для данного положения наиболее совершенная его „норма“;¹ здесь сходство — результат не столько подражания готовым литературным образцам, сколько проявления характерной для всякого агиографа тенденции свести к некоему абстрактному „единству“ все многообразие действительности.

Написанные в агиографическом стиле повести Киевской летописи в этом отношении не представляют собою какого-либо исключения.

Объединенные единством замысла — дать „идеальный“ образ князя-мученика, „страстотерпца“ — повести об убийстве Игоря Ольговича и об убийстве Андрея Боголюбского² составлены по одной и той же схеме; очертания ее проступают достаточно четко. Игорь Ольгович знает (откуда в повести не сказано; очевидно, свыше) о готовящемся на него покушении, но ничего не предпринимает, чтобы предотвратить опасность; он отправляется в церковь монастыря святого Федора и здесь, вздыхая и проливая слезы, ищет утешения в благочестивых размышлениях и молитве. Знает о заговоре против него и Андрей Боголюбский, тоже ничего не

¹ Это же явление на примере ряда метафор древне-русской литературы недавно отмечено В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. Изд. АН СССР, М. — Л., 1947, стр. 9 и сл.

² В той своей версии, в какой повесть эта читается в Ипатьевской летописи, она несомненно была составлена в Киеве; только киевлянин мог дать, в начале повести, это пояснение: „Создал же бяшесть собе город камен, именем Боголюбый, тольдалече якоже Вышегород от Кыева, такоже и Боголюбый от Володимеря (стр. 394—395).

предпринимает, чтобы предотвратить грозящую ему беду; „духом разгоряся божественным“, он утешает себя в ожидании смерти, подобно Игорю Ольговичу, благочестивыми размышлениями о неизбежности принять мученическую кончину для каждого, кто хотел бы, подражая Христу, „положить душу свою за друг свой“. И в той и в другой повести убийцы набрасываются на беззащитного князя, „яко зверье сверепии“, „яко зверье дивии“. Смертельно раненый герой обличает убийц; Игорь Ольгович, обращаясь к ним, восклицает: „О законопреступници, врази, всея правды Христовы отметьници! Почто яко разбойника хотите мя убити?..“; Андрей Боголюбский: — „О горе вам, нечестивии! Что уподобитесь Горясеру (убийце святого Глеба)! Что вы зло учиних?..“ И в той и в другой повести подчеркнуто, что героя убивают в два приема: напав на князя и ранив его, убийцы думают, что князь убит, но затем они убеждаются в своей ошибке; обнаружив, что князь еще жив, они добивают его (Андрею Боголюбскому обстоятельство это дает возможность произнести длинный монолог). Умирая, Игорь Ольгович и Андрей Боголюбский произносят одни и те же слова; Игорь Ольгович: „Владыко, в руде твои предаю тебе дух мой; прими в мир твой душу мою“; Андрей Боголюбский: — „Господи, в руде твои предаю тебе дух мой“.

Источник этой схемы совершенно очевиден: это популярное в XII в. „Сказание“ о Борисе и Глебе. К „Сказанию“ восходят даже некоторые мелкие детали и той и другой повести. Рассказывая о том, как некто Михаил старался защитить Игоря Ольговича, автор повести упомянул, что убийцы, когда стали бить и его, желая оттащить его от Игоря, — „отторгоша хрест на нем и с чепьми, а в нем гривна золота“; не подлежит сомнению, что подробность эту автор повести отметил только потому, что она напомнила ему соответствующий эпизод „Сказания“ о Борисе: „гривну золоту“ носил на шее и тот отрок Георгий, который безуспешно пытался спасти Бориса; „гривна“ эта тоже привлекла внимание убийц; они убили отрока и даже отсекали ему голову, чтобы сорвать с него это ценное украшение.¹ „Сказанием“ о Борисе несомненно навеяна и одна мелкая подробность в повести об Андрее Боголюбском: Андрей, раненый, выбегает из своей опочивальни — „в оторопе“ так же, как и Борис из шатра, когда был ранен убийцами („искочи из шатра в оторопе“).²

По одной и той же схеме в значительной степени построены и повести о смерти Ростислава Мстиславича и его сыновей — Мстислава и Давида. Объединенные замыслом дать „идеальный“ образ князя-правителя, и жившего и умершего во благочестии, все эти повести, за исключением разве повести о смерти Мстислава, несколько слабее остальных задетой агиографической стилизацией, характеризуются нагнетением деталей, под-

¹ С. Бугославський. Пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба (Розвідка та тексти). У Києві, 1928, стр. 145—146.

² С. Бугославський, стр. 145.

черкивающих прежде всего редкие христианские добродетели князя; некоторые из этих деталей, очень возможно, и соответствуют исторической действительности.

Ростислав и Давид всю жизнь тяготятся жизнью в миру, мечтают освободиться „от маловремененного и суетного света сего“, задолго до смерти выражают желание постричься в монахи. Ростислав, по утверждению автора повести, не раз беседовал на эту тему с игуменом Печерским Поликарпом и деятельно готовился к пострижению: во время великого поста каждое воскресенье он имел обыкновение причащаться; — „слезами омывая лице свое и въздыханием частым смиряя себе, и стонание от сердца своего испущая“, князь производил столь умиленное впечатление, что все окружающие его, видя такое его смирение и благочестие, „не можаху удержатися от слез“. По разным причинам Ростиславу не удалось осуществить своего намерения — принять иноческий образ, но то, что не удалось ему, удалось его сыну — Давиду; подобно отцу всегда сокрушаясь о грехах своих и всегда мечтая удалиться от мира в обитель, — подалее „от многомятежного и маловременного света сего“, Давид незадолго до смерти постригся в монахи, постриглась в монахини и его княгиня, следуя примеру супруга.

Умирают все герои этих повестей тоже примерно одинаково — так, как того и требовал агиографический „канон“. Давид перед смертью, уже совсем больной, приказал вести себя в монастырь Бориса и Глеба, что на Смядыни; здесь он, „воздев руце на небо“, стал молиться (молитва Давида приводится автором); почувствовав приближение смерти, он снова стал молиться (текст второй молитвы Давида тоже приводится автором); за этой молитвой его, с воздетыми к небу руками, и застигла смерть. Так же примерно умирает и Мстислав, — тоже с воздетыми к небу руками, вздыхая „из глубины сердца“ и проливая слезы. В особенности „умиленно“ умирает Ростислав Мстиславич: автор, видимо, немало поработал над этим, финальным, эпизодом своей повести. Когда Ростислав почувствовал приближение смерти, он позвал духовника и, „воздев руце свои“ и „зря к иконе святой богородици“, начал молиться; молитва Ростислава приводится автором; вся она построена на риторических обращениях одной и той же структуры, ритмично чередующихся: „Пречистая богородице! ... Помощнице обидимым, ненадеющимся надеяние, сиротам заступнице, убогим кормительнице, печальным утешение, грешным спасение, хрестьяном всим поможение, милостива еси госпоже, милостью своею помилуй мя, грешного раба своего Михаила (Михаил — христианское имя Ростислава), ризою мя честною защити...“ Закончив молитву, князь посмотрел на икону „самого творца“ и, „слезы испущая от зеницю“, тихим голосом сказал, цитируя известный евангельский текст: „Ныне отпусти раба своего, владыко, по глаголу твоему с миром“. И видны были слезы, когда он произносил эти последние свои слова, „на скранью его“ (на щеке) — „яко женчужная зерна“. Утирая эти навернувшиеся слезы „убрусцем“, — князь скончался.

Об агнографической трактовке героев летописной повести говорят не только повторяющиеся ситуации, но и случаи дословного совпадения в их литературном оформлении, порожденные все тем же стремлением добиться максимального единства.

Услышав стоны раненого Андрея Боголюбского, убийцы отправляются его искать по следам крови. Князь, когда увидел, что убийцы его ищут — сидел он под сенами „за столпом въсходным“, — „воздев руце на небо“, стал молиться; под пером автора повести молитва эта развернулась в целый монолог, где благочестивые размышления князя чередуются с обращениями его к богу. Монолог этот дословно совпадает с монологом Игоря Ольговича, который тот произносит в ожидании убийц в церкви монастыря святого Федора; дословно совпадает и описание поведения Андрея и Игоря в этот момент.

Игорь Ольгович:

... и въздохнув из глубины сердца скрушеном, смиреном смыслом, и прослезився, и помяну вся Ивова и размышляше в сердци своем: „Тако толики страсти и различная смерти на праведники находили суть, и како святии пророци, апостоли с мученики венчашася и по господе крови своя проляша, и како святии священномученици, преподобнии отци многыя напасти и горкыя муки и различныя смерти прияша, искушени быше от дьявола яко злато в горниле, их же молитвами, господи, причти мя избраном твоём стаде с десными мя овцами, и како святии правовернии цари проляша крови своя, стражюше за люди своя, и еще же господь наш Исус Христос искупи мира от прельсти дьявола честною кровию“. И тако глаголя тешашеть ся, и пакы глаголашеть: „Ты, господи, призри на немощь мою и вижь смирение мое и злую печаль и скорбь, одержащую мя ныне, да на тя уповая стерплю, ты бо, спасе, глагола еси: веруя в мя еще умереть жив будеть в веки; и о всех сих благодарю тя, господи, яко смирил еси душу мою, и сподоби мя прити на свет от темнаго и суетнаго и маловременнаго сего века, и в царствии твоём причастьника яви мя негленных твоих и несповедимых благ, с всеми праведными, угрозышии тебе, господи; и се ныне еще кровь мою прольють, то мученик буду господе моему“¹ (стр. 247).

Андрей Боголюбский;

... и въздохнув из глубины сердцея, и прослезися, и помяну вся Ивова и размышляше в сердци своем, и рече: „Господи, аще и во время живота моего мало и полно труда и злых дел, но отпущение ми даруй и сподоби мя, господи, недостойного, прияти конецъ сей, якоже вси святии, тако и толики страсти и различныя смерти на праведники находили суть, како святии пророци и апостоли с мученики венчашася, по господе крови своя проляша, и тако и святии священномученици и преподобнии отци многыя напасти и горкыя муки, различныя смерти прияша, искушени быша от дьявола, яко злато в горниле; их же молитвами, господи, избраном твоём стаде с десными овцами причти мя; како святии правовернии цари проляша крови своя, стражюше за люди своя, и еще же и господь наш Исус Христос искупи мира от прельсти дьявола, честною кровию своею“. И тако глаголя тешашеть ся; покы же глаголаше: „Господи, призри на немощь мою, и вижь смирение мое и злую печаль и скорбь мою, одержащую мя ныне; да уповая терплю; о всех сих благодарю тя, господи, яко смирил еси душу мою и в царствии твоём причастьника мя створил; и се ныне, господи, аще и кровь мою прольють, а причти мя в ликы святых мученик твоих, господи!“ (стр. 399—400).

¹ Эти последние слова Игоря Ольговича — почти дословная перифраза слов святого Бориса в „Сказании“ о его убийстве: „Да аще пролееть (брат Святополк) кровь мою, то мученик буду господе моему“. См.: С. Бугославский, стр. 141.

Автор повести о смерти Ростислава Мстиславича приводит слова, будто бы сказанные Ростиславом игумену Печерскому Поликарпу; слова эти частично дублируют тот же монолог Игоря Ольговича.

Игорь Ольгович:

... како святни правовернии цари проляша крови своя, стражуще за люди своя... и како святни пророци, апостоли с мученики венчашася и по господе крови своя проляша... (стр. 247).

Ростислав Мстиславич:

... хотел бых поревновати, якоже и вси правовернии цари пострадаша и прияша възмздие от господа бога свего, якоже и святни мученици кровь свою проляша, уеприяша венца нетленьных... (стр. 363).

Тот же монолог Игоря Ольговича, но в редакции автора повести об убийстве Андрея Боголюбского, почти дословно воспроизводит и первая молитва перед смертью Давида Ростиславича; молитва эта — монтаж, составленный на основе и молитвенных обращений Игоря к богу и его благочестивых размышлений в начале монолога.

Андрей Боголюбский:

Господи! Призри на немощь мою, и вижь смиренье мое и злую мою печаль и скорбь мою, одержашую мя ныне, да уповая терпью; о всех сих благодарю тя, господи, яко смирил еси душу мою и в царствии твоєм причастника мя створил... како святни пророци и апостоли с мученики венчашася..., различныа смерти прияша, искушени быша от дьявола, яко злато в горниле; их же молитвами, господи, избраном твоєм стаде с десными овцами причти мя... (стр. 399—400).

Давид Ростиславич:

Владыко господи боже мой! Призри на немощь мою, вижь смирение мое, одержашая мя ныне, да тобою уповая терплю; и о всех сих благодарю тя, господи, яко смирил еси душу мою, и во царствии твоєм причастника мя створи, молитвами пречистыа твоея матери, пророк, и апостол, и мученик, и всех преподобных святых отець, якоже и те пострадаше и угодивше тебе, искушени быша от дьявола, яко злато в горниле, их же молитвами, господи, избранному твоему стаду с десными мя овцами причти (стр. 472—473).

Андрей Боголюбский имел обычай ходить один в церковь и там молиться. Тот же обычай имел и Давид Ростиславич: рассказ о поведении и того и другого князя совпадает почти буквально.

Андрей Боголюбский:

... всяк обычай добронравен имешеть: в ночь въходяшеть в церковь и свечи възжигвашеть сам, и видя образ божий на иконах написан, взирая яко на самого творця, и вси святыя написаны на иконах видя, смиряя образ свой, скрушеномь сердцем, и уздыханье от сердца износя, и слезы от очю испущая, покаянье Давыдово принимая, плачася о гресех своих... (стр. 396).

Давид Ростиславич:

Сам бо сяков обычай имеешь: по вся дни ходя ко церкви святаго архистратига божия Михаила, юже бе сам содал... И видя образ божий и все святыя иконы, смиряя образ свой, скрушенным сердцем и смиренным, уздыхание от сердца возноса и слезами обливая лице свое, взирая яко на самого творца и покаяние Давыда царя принимая, плачася о гресех своих, глаголя... (стр. 471—472).

Летописная повесть о смерти того или иного князя, как видим, уже содержит в себе в потенции все основные элементы так называемого княжеского „жития“: подчеркнута агиографическую трактовку центрального героя, соответствующие экскурсы в его биографию (в повести об убий-

стве Андрея Боголюбского уже налицо попытка дать полное „житие“ князя, начиная с детства: „Сый благоверный и христьялюбивый князь Андрей от млады верьсты Христа возлюбив и пречистую его мать...“), обширные „плачи“, риторическую „похвалу“ герою, иногда даже молитву к нему. Есть все основания думать, что к княжескому „житию“ прямой путь шел именно от летописной повести. Что так оно и было, документально подтверждают даже некоторые материалы, непосредственно связанные с Киевской летописью. Как известно, повесть об убийстве Игоря Ольговича и повесть об убийстве Андрея Боголюбского именно в той редакции, в какой читаются они в составе этой летописи, в свое время были переработаны в „житие“ и даже попали в Пролог.¹

4

Итак, в Киевской летописи, если рассматривать ее с точки зрения ее литературного строя, налицо очевидный разнобой: одни части повествования (погодная запись, рассказ) написаны в плане того еще очень ограниченного в своих возможностях летописного реализма, который не идет дальше „документального“ отражения исторической действительности, другие части повествования (повесть) — в полном плену у агиографического метода, диаметрально противоположного, антиреалистического по своей природе. Однако, сказать только это — значит не отметить самого характерного. Характерное же заключается в том, что разнобой этот нередко имеет место даже в пределах одного и того же повествовательного ряда; факты свидетельствуют, что отдельные формы летописного повествования, рассказ и повесть, далеко не всегда каждая строго следуют своему методу — в едином и цельном потоке летописного повествования принципы его часто нарушаются: в документальный рассказ врывается „агиография“ и, наоборот, в „агиографии“ обнаруживаются элементы документального отражения действительности, отдельные „реалии“, не задетые агиографической нивелировкой.

Формулы и штампы агиографического стиля сплошь и рядом „украшают“ собою летописный рассказ: обычно они легко воспринимаются на его „документальном“ фоне.

Князь, пользующийся симпатией летописца, часто даже в самом деловито-сухом и протокольном рассказе, под пером летописца, приобретает черты, обычно свойственные у него только герою повести: князь этот отправляется в поход — „надеяся на бог“ (стр. 262), „възложи надежу на бог“ (стр. 271), „възревше на божию помочь, и на силу честнаго хреста, и на молитву святей богородици“ (стр. 369); — „благоверный“, „благочестивый“, „благоумный“, „боголюбивый“, он одерживает победу,

¹ Путь этот проложило уже древнейшее княжеское „житие“ Бориса и Глеба. Новейший исследователь „жития“ так намечает историю его создания: погодные записи — летописная повесть о Борисе и Глебе — анонимное „Сказание“ и, наконец, „Чтение“ Нестора. См.: С. Бугославский. стр. IX—XXXII.

вступает на стол, спасается от врагов всегда, как правило, — „пособьем божим и силою честнаго креста“ (стр. 233), „божьем милосердьем“ (стр. 234), „богом и молитвою родитель своих“ (стр. 299), „с божиею помощью“ (стр. 348) и т. п.; — возвращается из удачного похода, всегда „хваля и славя бога“ (стр. 268), „благодаря бога“ (стр. 329), „похваляче бога, и его пречистую мать, и силу животворящего креста“ (стр. 305), „славяще бога, и святую богородицю, и силу честнаго креста, и святая мученика, помогающа на бранех“ (стр. 384) и проч.; — такой князь, предпринимая какое-либо дело или отправляясь в поход, никогда у летописца не забудет предварительно молитвенно поднять глаза к небу или взглянуть на икону „самого бога“ или „святей богородици“ (стр. 231, 233, 238, 420, 421 и др.); узнав, допустим, о вероломстве союзника или о смерти родственника, — прослезиться и даже воздеть руки к небу (стр. 234, 250, 336 и др.).

Князь или боярин, вызывающий негодование летописца своими поступками, в свою очередь нередко приобретает у него черты, свойственные только „злодею“ повести. Начинается тогда рассказ летописца обычно с упоминания о дьяволе — главном виновнике преступления: „не хотяй любви между братьею“, „не хотяй добра межи братьею“, „не хотяй добра всякому хрестьяну и любви межи братьею“, он, дьявол, „всекозненный“, „пронырливый“, „искони же вселукавый“, начинает с того, что вкладывает в сердце князя или боярина злой помысл; подстрекаемый дьявольским „научением“, такой князь или боярин — „начальник всему злу“ — вместе со своими соучастниками совещається, как лучше привести в исполнение свой адский план, затем начинает „льстити“ под добрым князем и, в конце-концов, замысл свой осуществляет; часто злодей, совершив одно преступление, затем „на горшее зло“ подвизается, чтобы до конца утолить „злобу“ свою (стр. 231, 234, 236, 349, 370 и др.);¹ характеризуя такого злодея, летописец, разумеется, не скупится на бранные эпитеты, награждая их по принципу, хорошо известному каждому агиографу; например, под 1172 г. в рассказе о епископе Феодоре („Феодоръце“): „... изъгна бог и святая богородица Володимирская злаго и пронырливаго и гордаго лестьця, лживаго владыку Федоръца из Володимира... сьи нечъстивыи не въсхоте послушати христорлюбиваго князя Андрея...“ (стр. 377).²

¹ Ср. в „Сказани“ о Борисе и Глебе: „Видев же диявол и искони ненавидяй добра человека, яко всю надежу свою на господа положил есть святыи Борис, начат подвизней бывати, и обрет, яко же преже Каина на братоубийство горяща. Тако же и Святополка, по истине вѣтораго Каина, улови мыслью, яко да избьет вся наследники отца своего... и не до сего остави убийства оканьный Святопѣлк, нъ и на большая, неистовая, начат простратися... нъ ту абие вьиде в сердце его сотона и начат и пострекати вьщъша и горьша съдеяти...“ (См: С. Бугославський, стр. 142, 146).

² Ср. там же: „Тогда призва к себе оканьный тръклятый Святопѣлк съвѣтъники всему злу и начальники всей неправде и отъвръз прескъръпная уста, испусти зълый глас...“ (С. Бугославський, стр. 142).

Все это в летописном рассказе не более, конечно, как легкая агиографическая ретушь, литературная оправа, за которой, возможно, иногда таятся и „штампы“ самой жизни. Но бывают случаи, когда дело не ограничивается одной ретушью такого типа, — когда из рассказа выпадают целые эпизоды, переключая его полностью в агиографический план изображения.

Типичен в этом отношении уже читающийся в начале Киевской летописи рассказ под 1126 г. о победе Ярополка Владимировича над половцами. Материалом для рассказа послужило следующее событие: когда половцы узнали о смерти Владимира Мономаха, они осмелели; — подошли к Баручу, но, получив известие, что Ярополк в Переяславле и готовится к походу против них, вернулись на Посулье; Ярополк, не ожидая помощи от брата Мстислава, с одними переяславцами нагнал их и, хотя перевес был не на его стороне, нанес им тяжелое поражение. В начальной своей части рассказ этот — типичный документальный рассказ, каких много в Киевской летописи, но в конце — „документ“ явно начинает уступать место „литературе“: „... Тогда же благоверного князя корень и благоверная отрасль, Ярополк призва имя божие и отца своего, с дружиною своею дързну. И сразившемся полкома, побезени бывше погании, силою честнаго креста и святым Михаилом, часть их избиша, а часть их истопе в реке; и поможе ему бог и отца его молитва, и прославиша бога вси людие о таком даре и помощи“ (стр. 209). Агиографическая стилизация сказалась здесь во всем: и в эпитетах Ярополка, полных праздничной торжественности, и в типичной для повести патетической фразеологии и, наконец, в трактовке всего события как чуда, как знака особого попечительства божьего о Ярополке.

Пример не менее показательный — рассказ под 1149 г. о походе Юрия Долгорукого с братом Вячеславом и сыновьями на Луцк, где сидел Владимир Мстиславич; один эпизод этого пространного рассказа — о доблести Андрея Юрьевича (Боголюбского) — тоже переключается, как и рассказ о победе Ярополка над половцами, из „документа“ в типичное агиографическое „чудо“: „...пособием божием и; силою хрестьною и молитвою деда своего, въеха (Андрей) переже всих в противныя, и дружина его по нем ехаша... един же от немчичь видев и хоте просунути рогатиною, но бог сблуде и; многажды бо бог уметаеть в напасть любящая его, но милостью своею избавляеть. Князь же Андрей помысли себе в сердци, рече: „Се ми хоцеть быти Ярослава смерть Изяславича“ („Изяслава смерть Ярослава“?); и „помолися богу, и вынзе мечь свой и призва на помочь собе святаго мученика Федора, и по вере его избави бог и святой Феодор без вреда...“ (стр. 272).

Очень интересен в этой связи и другой эпизод того же рассказа под 1149 г.: когда война Юрия Долгорукого против Изяслава Мстиславича затянулась и встал вопрос о заключении мира с Изяславом и его

братом Владимиром, одним из первых заговорил об этом Вячеслав Владимирович, брат Юрия и его союзник в этой войне, — заговорил, руководствуясь, по утверждению летописца, чисто христианскими побуждениями, далекими от каких-либо прозаических расчетов; — „бъшеть бо князь Вячеслав незлобив сердцем, хваля преславного бога, поминая Писание: аще имеете веру яко зерно синапъно, речете горе сей: преиди, — преидеть; и пакы помянув слово глаголюще: бога люблю, а брата ненавидя, ложь еси; аще бога любиши, люби брата“ (стр. 274). Однако строкою ниже сам же Вячеслав „разоблачает“ себя, открывая истинную причину своего миролюбия: летописец припоминает его слова, сказанные брату Юрию по этому поводу: „Брате, мирися; хочеши ли не уладивъся поити прочь, то ты ся прочь, а Изяслав мою волость пожъ жеть“; Вячеслав в то время сидел на Погорине, и неудивительно, что его перепугал план Юрия уйти из Волыни, не заключив мира с Изяславом. Здесь перед нами случай, когда разноречивый в способе описывать одно и то же событие приводит к явной несогласованности, к противоречию.

Наблюдая за тем, когда летописец прибегал к агиографической ретуши или даже к переключению отдельных эпизодов своего повествования в агиографический план, нетрудно заметить, что обычно делал это он только в том случае, когда хотел подчеркнуть свою симпатию или антипатию к тому или иному князю. Агиографические формулы и штампы для летописца прежде всего — способ обнаружить свое отношение к тому или иному историческому деятелю или событию; — отнюдь не простое „украшение“, не дань литературной традиции, заведенному литературному „этикету“. Наличие такой формулы или штампа в рассказе позволяет безошибочно судить о политических пристрастиях летописца, о его политической ориентации. Агиографический стиль в руках летописца и стоявших за его спиной княжеских группировок не раз служил мощным оружием политической борьбы, — тем более мощным, что летописец с его помощью свою оценку поведения того или иного князя или события переводил в морально-религиозную плоскость. В этой связи в особенности показательны случаи, когда летописец к агиографическим формулам и „клише“ прибегал в целях откровенной реабилитации того или иного князя.

В 1136 г. имело место следующее событие: желая отобрать у Ярополка Владимировича свою „отчину“ — Посемье, Всеволод Ольгович неожиданно подошел с большим войском и половцами под самый Киев; в испуге Ярополк поспешил удовлетворить все его требования; решение Ярополка и удивило и возмутило его союзников, не ожидавших от киевского князя столь поспешной капитуляции. Излагая это событие, летописец, однако, — сторонник Ярополка и его апологет — в рассказе своем изобразил дело совсем иначе: в его трактовке капитуляция Ярополка — подвиг христианского смирения и кротости, а сам Ярополк — высокий образец „благоумного“ князя-миротворца: „...и прием рассмотрение в сердци, не изиде на нь (Всеволода Ольговича) противу, ни створи

кровопролиться, но убоявся суда божия, створися мний в них (т. е. в Ольговичах), хулу и укор прия на ся от братье своя и от всих, по рекшему: любите враги ваша“ (стр. 215).¹ Аналогичный случай — один эпизод в известном рассказе под 1185 г. о походе Игоря Святославича на половцев, где Игорь, после взятия его в плен, предстает перед нами в образе „идеального“ князя, умирительно сокрушающегося о грехах своих. Имею в виду тот эпизод рассказа, где Игорь произносит длинный монолог, по структуре своей напоминающий те „плачи“ и „молитвы“, которыми время от времени обычно утешают себя герои повести: Игорь здесь подробно перечисляет (согласно с историческими фактами) все преступления, совершенные им в жизни, чистосердечно раскаивается, выражает желание даже принять „мучения“ венец, обращается к богу с молитвой простить все его тяжкие прегрешения и не отринуть его совсем „до конца“. Монолог Игоря построен по всем правилам агиографической риторики, в данном случае рассчитанной на полную реабилитацию этого князя, столь опрометчиво отворившего ворота половцам „на Русьскую землю“; одна риторическая фигура сменяет другую, ритмично чередуются предложения одной и той же синтаксической конструкции: „...Где ныне возлюбленный мой брат! Где ныне брата моего сын! Где чадо рожения моего! Где бояре думающеи! Где мужи храбрьствующеи! Где ряд польчный! Где кони и оружья многоценьная!“ (стр. 434). Речь Игоря тем отчетливее выделяется на фоне рассказа, что после нее рассказ продолжается в том же суховато-деловом тоне, как и раньше — до этой речи: „...розведени быша, и пойде каждо во своя вежа. Игоря же бяхуть яли Тарголове, мужь именем Чилбук, а Всеволода брата его ял Роман Кзичь, а Святослава Ольговича Елдечюк в Вобурчевичех...“ (стр. 434).

В свою очередь, элементы документальности, не только по содержанию, но и по изложению, не менее отчетливо обнаруживают себя в летописной повести, пробиваясь сквозь стиль. Они налицо даже в повестях, где исторические события подверглись в особенности сильной агиографической переработке, — например, в повести о смерти Ростислава Мстиславича, об убийстве Игоря Ольговича, об убийстве Андрея Боголюбского.

Несомненно исторически документален рассказ летописца о болезни Ростислава Мстиславича: возвращаясь в Киев из поездки в Новгород — он поехал туда, чтобы уладить конфликт сына Святослава с новгородцами, — Ростислав, по пути в Новгород, тяжело заболел; в Смоленске, где он остановился, возвращаясь назад, сестра его Рогнедь, видя „велими изнамагающа брата“, стала его просить переждать болезнь в Смоленске — „в своем ему зданьи“, но князь не согласился: велел вести

¹ Под 1140 г. летописец так же интерпретирует вынужденный отъезд Вячеслава Владимировича из Киева: „...противу не изиде (Всеволода Ольговича), не хотя крове проляти, но створися мний“ (стр. 217).

себя в Киев. Излагая этот эпизод, автор повести о смерти Ростислава здесь, в отличие от других эпизодов той же повести, даже не пользуется агиографической фразеологией: рассказ точен, конкретен, как и все летописные рассказы.

Нет оснований сомневаться в достоверности и ряда эпизодов повести об убийстве Игоря Ольговича, судя по содержанию и способу изложения; имею в виду сцену веча на княжем дворе, где киевляне, разгоряченные рассказом Изяславова посла о „льсти“ черниговских князей, неожиданно принимают решение убить Игоря; слова, с которыми обращается схваченный убийцами Игорь к подъехавшему к монастырю святого Феодора Владимиру Мстиславичу: „Ох, брате, камо мя ведуть?“, — слова, вопреки логике предшествующего изложения, проникнутые тоскою и страхом (стр. 248); сцену убийства Игоря со всеми ее натуралистическими подробностями.

В повести об убийстве Андрея Боголюбского документальные эпизоды периодически нарушают агиографический строй повествования; напомним известную сцену убийства Андрея: когда наступила ночь, заговорщики направились к опочивальне князя, но здесь их объял „страх и трепет“; тогда они пошли в „медушу“ и стали пить вино, и только после этого снова подошли к дверям спальни князя; один из них, чтобы обмануть бдительность князя, стал звать, стоя у дверей: „Господине, господине!“ — „Кто есть?“ — спросил Андрей. „Прокопы“, — ответил тот. Князь усумнился. Поняв это, заговорщики стали бить в дверь и выломали ее. Все это несомненно записано со слов очевидца событий 1175 г., и доля „документальной“ правды в рассказе есть, как есть она и в последующем рассказе о том, как заговорщики, услышав стоны князя (в повести сказано: „начат ригати и глаголати в болезни сердца“), поняли, что он еще жив, и пошли его искать, засветив свечи. Последующие за убийством князя события в изложении автора производят впечатление в ряде случаев типичного летописного рассказа; — например, сцена ночного грабежа княжеского имения, диалог Кузьмища Киянина с ключником Амбалом, рассказ о том, как пьяные заговорщики не разрешили Кузьме поставить тело убитого князя в церкви („божнице“), как два дня и две ночи тело князя лежало на паперти, пока не пришел игумен Козьмодемьянского монастыря Арсений и не настоял, чтобы тело князя перенесли в церковь, рассказ о народном восстании в Боголюбове, о решении владимирцев перенести тело князя из Боголюбова во Владимир и там похоронить его, о траурном шествии из Боголюбова во Владимир.

Элементы „документального“ отражения действительности нередко в повести вступали в прямое противоречие с агиографическим строем ее изложения. В особенности интересны в этой связи два эпизода — один в повести о смерти Ростислава, другой — в повести об убийстве Андрея Боголюбского.

Ростислав ежедневно („по вся дни“), по утверждению автора, напоминал Печерскому игумену Поликарпу о своем желании непременно по-

стричься в монахи, освободиться возможно скорее от „мимотекущего и многомятежного житья сего“. Когда как-то Поликарп заметил ему, что князья могут спастись и в миру, необязательно в монастыре, если будут жить добродетельно, Ростислав в ответ произнес целую речь: „Отце! Княжение и мир не может без греха быти...“; — сослался на многих „правoverных царей“, которые „пострадаша“ и за это получили возмездье от бога, даже на императора Константина, не раз выражавшего желание променять венец и порфиру на иноческий клобук. Доводы Ростислава в конце-концов убедили Поликарпа: „Аще сего желаеши, княже, да воля божия да будет“. Ростислав, однако, именно в тот момент, когда Поликарп дал согласие совершить обряд, — от пострижения отказался: „Пережду и еще мало время: суть ми орудьница“ (стр. 363—364). Здесь, этой короткой репликой, автор повести нанес непоправимую брешь своему агиографически преображенному образу Ростислава.

Тот же случай и в повести об Андрее Боголюбском — в сцене нападения на него заговорщиков. Вопреки ожиданиям читателя, вопреки логике предшествующего изложения, вопреки давно узаконенной агиографической схеме, Андрей, когда в его „ложницу“ ворвались убийцы, — стал сопротивляться: он прежде всего схватился за меч, но меча на месте не оказалось, — „бе бо том дни вынял и Амбал ключник его“; двое из убийц набросились на князя, — князь стал яростно защищаться и одного из них подмял под себя; второй, не видя в темноте и думая, что упал князь, ранил своего товарища; когда ошибка выяснилась, все бросились на Андрея и стали наносить ему раны мечами, саблями и копьями до тех пор, пока князь не упал, обливаясь кровью.

Здесь, в летописной повести, это чередование „документа“ и „литературы“ на одной и той же плоскости повествования, под пером нередко одного и того же автора (оно хорошо знакомо, кстати сказать, и древнерусской миниатюре, как это недавно показал А. В. Арциховский, обнаруживший в иллюстрациях Радзивиловского летописного сборника конца XV в. многочисленные следы документально точных зарисовок предметов старинного вооружения и орудий труда, даже ряда бытовых сцен),¹ — чередование это в историко-литературном аспекте интересно прежде всего тем, что дает нам некоторый дополнительный материал для характеристики качественного своеобразия средневекового реализма. Находясь еще в скованном, в связанном виде, в стадии „документального“ отражения действительности, чисто эмпирической фиксации отдельных фактов, средневековый реализм становился в литературе не только рядом с отражениями в ней устно-эпических форм выражения, но он наталкивался и на сопротивление чрезвычайно сильных в ней в эпоху феодализма систем художественного отражения действительности — антиреалистических по своей природе; не имея еще возможности в силу своей ограни-

¹ А. В. Арциховский. Древне-русские миниатюры как исторический источник. Изд. МГУ, 1944.

ченности заменить собою эти системы, он становился рядом и с ними. Значение этого факта трудно переоценить: прорываясь на том или ином участке, он постепенно расшатывал эти системы в литературе так же, как в живописи отдельные „реалии“ подрывали, расшатывали традиционное для средневековья антиреалистическое понимание формы и пространства.

Киевская летопись свидетельствует, что в литературе процесс этот уже начался очень рано — в XII в. во всяком случае; длительный и трудный, он закончился, когда завершился средневековый период развития нашей литературы.

А. Н. РОБИНСОН

Жанр поэтической повести об Азове

В статье „Поэтическая повесть об Азове и политическая борьба донских казаков в 1642 г.“ (см. Труды ОДРЛ, т. VI, 1948, стр. 40—59) мною дана характеристика той исторической обстановки, которая отражена в Поэтической повести об Азове, и показано, что эта повесть исторически правильно освещает точку зрения донского казачества середины XVII в. на политический смысл борьбы с турками, на взаимоотношения Донского войска с Московским правительством, что в целом повесть представляет собой публицистическое произведение, имевшее целью убедить Земский собор в необходимости поддержать Донское войско в его борьбе за Азов. Настоящая статья ставит своей задачей показать, как возникла самая форма художественного выражения повести, какова связь этой формы со своеобразной литературной культурой казачества, с одной стороны, и с традициями древне-русской литературы, с другой. Вместе с тем статья покажет, что самый выбор художественной формы автором повести неразрывно связан с ее публицистическим заданием.

Еще Ф. И. Буслаев указал, что повесть об Азове „имеет форму реляции или официального донесения“¹ скажем точнее, войсковой отписки царю о происшедших событиях. Однако вопрос о том, каковы же литературные особенности этой канцелярской формы и почему именно она оказалась пригодной для поэтического изображения азовской осады, остается еще не изученным. Между тем, особенности Поэтической повести как раз таковы, что раскрытие природы и характера ее жанра является ключом к правильному пониманию стиля и социальной функции этого памятника.

Уникальность жанра повести об Азове уже говорит о том, что, создавая свое произведение как воинскую повесть какого-то нового и еще незнакомого нашей литературе типа, автор предпринял своеобразное и смелое творческое начинание. Значение этого начинания раскроется

¹ Ф. Буслаев. Русская хрестоматия. М., 1870, стр. 272.

нам тогда, когда мы обратим внимание на полное соответствие избранного жанра „отписки“ выражению политических задач и идеологических особенностей Войска Донского того времени.

Констатация того факта, что русская литература не знает другого произведения такого жанра, разумеется, необходима и сама по себе очень примечательна для характеристики нашего автора и его повести, но в то же время она совершенно недостаточна. Если бы мы ограничились признанием оригинальности жанра повести об Азове, как это сделано, например, в статье Н. И. Сутта,¹ то такое признание, в свою очередь, могло бы легко породить мысль о каком-то случайном возникновении данной художественной формы, которая, казалось бы, не имела себе подобных и не была связана с общими закономерностями исторического развития нашей древней литературы. В действительности же материалы письменности и литературы XVII в. укажут нам на совершенно обратное.

Построение художественно-исторического повествования на основе содержания официальных документов, принятых автором в качестве источника сведений об изображаемом событии, само по себе было давно известно нашей старой литературе. Отметим, например, летописную повесть о многолетней борьбе князя Юрия Дмитриевича против великого князя Василия Васильевича, которая, как полагают, возникла в середине XV в. в великокняжеской канцелярии под пером одного из ее дьяков.² Еще ранее в состав летописи вошел рассказ о победе русских над войском Бегича на р. Воже в 1379 г., который был основан „на официальной реляции“.³ Известен также и факт значительной зависимости „Повести 1606 г.“ от содержания правительственных грамот царя Василия Шуйского, причем автор повести включил в состав своего произведения отдельные тексты этих документов.⁴ Царские грамоты включаются в текст и Сибирских летописей.⁵

В тех случаях, когда наши писатели более ранней поры обращались к тому или иному канцелярскому документу, как к источнику, они использовали, главным образом, содержание документа, частично, может быть, его язык, но в целом, как правило, их произведение отличалось при этом не в канцелярские, а в обычные формы книжной традиции.

1

В XVII в., особенно во второй его половине, использование канцелярских документов в литературных целях приобретает иной характер. В это время в русской литературе в связи с общим процессом ее обмир-

¹ Н. И. Сутт. Повести об Азове (40-е годы XVII в.). Моск. Гос. педаг. инст. Уч. зап., каф. русск. лит., вып. 2, 1939, стр. 17.

² История русской литературы, т. II, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 199.

³ Там же, стр. 202.

⁴ С. Ф. Платонов. Древне-русские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб., 1888, стр. 10—16.

⁵ См. Сибирские летописи. СПб., 1907, стр. 62—64.

щения, в связи с развитием экономических и торговых отношений, увеличением числа государственных и частных канцелярий, ростом всевозможной переписки и документации, более широким распространением культуры и грамотности в демократических кругах вообще, возникают произведения, авторы которых стремятся следовать различным документальным образцам уже не только как источнику тех или иных сведений, но и как определенной литературной форме. Литературные произведения принимают форму тех документов деловой письменности, которые были хорошо знакомы как самим авторам-профессионалам канцелярского дела, так и широкому кругу их читателей. Это было время, когда „московский приказный язык достиг большого развития и имел все данные, чтобы вступить в борьбу за литературные права“¹ с славяно-русским языком старой книжности.

Это своеобразное новое литературное явление наблюдается в произведениях различного содержания и характера. Социально заостренная сатира находила свое воплощение в жанрах „челобитных“, „правых“ и „судных“ грамот, пародировавшихся наравне с различными формами церковной литературы, лечебниками, заговорами, песнями и т. д.²

Остановимся подробнее на использовании „статейных списков“ — отчетов государственных послов, в которых они подробно излагали свое путешествие к месту назначения и исполнение посольских обязанностей. Статейные списки писались в приказно-канцелярской среде „государевых служилых людей“ и, по замечанию В. В. Виноградова, отражали „литературную речь русского интеллигента той эпохи“.³

На основе этой формы возникают вымышленные статейные списки посольства Андрея Ищенна к турецкому султану Мурату в 1570 г. и посольств князя З. И. Сугорского и Ж. И. Кващина к королю Максимилиану (первое в 1576 г.).⁴

Эти произведения отражали в известной мере исторические факты, связанные с определенными посольствами,⁵ но щедро дополняли их вымыслом и, что особенно интересно для нас, четко воспроизводили построение и стиль избранного канцелярского образца. Вымышленные „статейные списки“ создавались в русле примерно той же эпистолярно-деловой традиции, которая воздействовала и на Поэтическую повесть об Азове. Они охотно воспринимали канцелярские формулы аналогич-

¹ В. Виноградов. Пушкин и русский литературный язык XIX в. — Пушкин родоначальник новой русской литературы. Изд. АН СССР, М. — Л., 1941, стр. 543.

² В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М. — Л., 1937; Ф. П. Сушицкий. Из литературы эпохи Петра Великого. Повесть о Ерше и челобитная царю Петру Алексеевичу. Воронеж, 1913.

³ В. Виноградов. О слове „ахиная“ в русском литературном языке. (Русская речь, нов. сер., III, Л., 1928, стр. 30, прим. 1).

⁴ См.: Памятники древней письменности и искусства, СПб., 1883, стр. 5—11, 15—24; далее страницы указаны в скобках.

⁵ С. Белокуров. Списки дипломатических лиц русских за границей, вып. I, М., 1898, стр. 37—38.

ного характера, пользовались близким языком и стилем. Отметим, например, что уже известная нам по Поэтической повести и документам формула царского титула с оборотом „государь и обладатель“¹ нашла свое отражение и в литературном „статейном списке посольства кн. З. И. Сугорского“, где говорится: „Государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси... и многих государств государь и обладатель“ (13). Вымышленные статейные списки, в особенности „список“ кн. З. И. Сугорского, наряду со своей приказно-канцелярской основой, используют традиционную риторику в духе повестей начала XVII в., не чуждаются элементов живой речи и в целом составляют тот род литературного произведения, который сочетал свою якобы подлинно-документальную форму, придававшую ему характер достоверности и даже официальности, с занимательным литературно-историческим повествованием, включавшим в себя и элементы „чудесного“ — например, „предсказания“ короля Максимилиана о судьбах царской династии в России.

Вымышленные статейные списки распространялись в рукописях наряду с обычной повествовательной литературой и, любопытно отметить, неоднократно включались в те же сборники, в которых были помещены повести об Азове. Так, например, в сборнике № 632 собрания В. М. Ундольского (Библиотека им. В. И. Ленина), где содержатся Историческая повесть об азовском взятии и Документальная повесть об азовском осадном сидении, помещены и три статейных списка послон Ивана IV — А. Ищеина, З. Сугорского и Ждана Квашнина.² Один из списков Хронографа также включает в себя и список посольства З. Сугорского, и Историческую повесть об Азове.³ Сборник П. М. Строева № 96 содержит, в числе других, и Азовские повести — Историческую о взятии и Особую, причем непосредственно вслед за ними помещается вымышленный статейный список посольства кн. З. Сугорского и дьяка Андрея Арцыбушева к имп. Максимилиану.⁴ Это говорит о том, что переписчики и читатели, очевидно, ощущали известное родство повестей об Азове с литературными статейными списками. Родство сказывалось как в заметной близости элементов приказно-канцелярского стиля, насыщающих оба вида произведений, так и в некоторых близких моментах их содержания и идейной направленности. Например, в „списке“ о посольстве Андрея Ищеина к турецкому султану Мурату, в ответ на угрозу султана „Русь попленити и Москву засести“, разыгрывается интересная сцена: „Посол государев к царю (т. е. к султану. — А. Р.) кинулся з будием“, но был схвачен пашами, султан же велел его оставить: „а рек так: «за своего

¹ См. нашу статью: „Из наблюдений над стилем Поэтической повести об Азове“ (Моск. ордена Ленина Гос. университет им. Ломоносова, Уч. зап., вып. 118, кн. II, 1946, стр. 47).

² А. Орлов. Исторические и поэтические повести об Азове. Тексты, М., 1906, стр. 12—13.

³ Там же, стр. 35, 38.

⁴ Там же, стр. 6—7; А. С. Орлов. Особая повесть об Азове. (Чт. в Общ. ист. и древн. рос., кн. 4, М., 1907, стр. 2).

государя изволил умереть, вы мне гако же служите и за меня умирайте»¹. Посол смело продолжал свою речь: „Ты ли, царю, не ведаешь? Ты турцы властвуешь и во Цареграде царствуешь и многие земли тебе приклонились, а нашего великого царя государя и великого князя атаманы от моря Хвалынского и казаки терьские и донские, и волские, с твоих державных земель и областных городов со многих дани и выходы многие емлют, да еще государь царь наш им не повелел“ (9). Здесь, таким образом, в „дипломатических“ переговорах с турками о политическом режиме пограничных областей, большое внимание уделяется казачеству, причем и роль казачества в борьбе на „украинах“ и двойственная политика Москвы по отношению к нему рисуются примерно в тех же тонах, что и в повести об Азове.¹

Далее посол укоряет султана в его желании отнять Астрахань и говорит совсем уже в духе нашей повести: „И ты где свой царский ум попрали и степень свою царскую посрамил, как тако могл изрещи неподобные словеса!“ „Царь слушает. Послу велел говорить. Посол говорил: «...Неподобаает тебе, царю, во Цареграде царствовати... Подобаает ти Царьград отъдати прародителю Августа Кесаря, великому государю нашему, царю и великому князю Иванну Васильевичю всеа Русии, а тот бо от колена царска и престола римска и Цареградцка»“ (10).

Яркий колорит изображенных здесь вымышленных переговоров с турецким султаном, смелость и патриотизм русского посла, политическая острота вопроса о пограничных областях и, в связи с этим, подчеркивание военного значения казачества, наконец, в заключение, известная политическая и религиозная идея овладения Царьградом, высказанная и в Поэтической повести об Азове, — все это в значительной степени сближает содержание и общий тон этого „статейного списка“ с азовскими повестями и делает вполне понятным их соседство в рукописных сборниках.

Писатели-канцеляристы пробовали свои литературные силы и в жанре псевдо-официальной дипломатической переписки. Они сочиняли подложные грамоты, которые воспроизводили якобы подлинную переписку между враждующими монархами.²

Если в вымышленных статейных списках, согласно с подлинной формой данного типа документов, канцелярско-риторическая стихия сочеталась с элементами сюжетности, описания действий посольства, его пребывания в чужих землях, сцен придворного быта и этикета, то в подложных грамотах перед нами выражение главным образом взаимных угроз, брань и насмешки корреспондентов. Грамоты эти сочетали элементы делового языка с грубоватым просторечием, обломками книжных традиций и ча-

¹ См. подробнее в нашей статье „Поэтическая повесть об Азове по новому списку“, помещенной в т. VI наст. издания. Предлагаемая статья о жанре повести в ряде своих положений является продолжением указанной.

² А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции, М., 1869, стр. 448—458; далее цит. по этому изданию, в скобках указ. страницы.

стично с мотивами фольклора. Остановимся на этом материале несколько подробнее.

Подложные грамоты в жанровом и стилистическом отношении стоят ближе к Поэтической повести об Азове, чем другие литературные произведения XVII в., построенные на основе канцелярских форм. Они интересны для нас как показатель того направления, в каком развивалось литературное творчество канцеляристов-мастеров дипломатической переписки, когда оно освобождалось от конкретных деловых задач, сдерживавших их при составлении подлинных грамот и описок.

По вполне основательному мнению А. Попова, эти подложные грамоты отражают события войны союзных стран — России, Польши и Австрии против Турции. „Во время этой войны, следовательно в 70-х или 80-х гг. XVII в., скорее всего могло прийти на мысль русскому книжнику сочинить переписку с султаном от лица главных участников в борьбе с ним“.¹ В первых трех грамотах их составитель совершает своего рода исторический экскурс и воспроизводит переписку между Иваном Грозным и турецким султаном. Остальные шесть грамот „составляют как бы часть одного целого“ и „приписаны главным участникам в турецкой войне: императору Леопольду, польскому королю... и чигиринским казакам, мужественно противостоявшим туркам в походы 1677—1678 гг. Таким образом, в этой переписке единственными представителями Руси остаются чигиринские казаки, от московского же правительства того времени грамот нет. Чигиринская грамота, впрочем, может служить их заменой: она написана энергичнее и польских ответов султану и австрийских“.²

Наблюдения А. Попова, говорящие о том, что во всей этой дипломатической переписке роль единственного представителя России казаки берут на себя, позволяют нам думать, что эти грамоты были написаны людьми, стоявшими близко к казачеству, скорее всего сотрудниками казачьих канцелярий. Эта мысль подтверждается наличием в составе подложных грамот варианта известного „письма“ запорожцев турецкому султану и, кроме того, теми особенностями их содержания и стиля, которыми, как увидим, данные образцы канцелярско-литературного творчества в ряде случаев напоминают Поэтическую повесть об Азове.

Первая грамота представляет собою велеречивое „послание“ от Ивана Грозного к турецкому султану, в котором русский царь выражает свое намерение „двинутися на твою (султана.— А. Р.) неверную державу, потому что не могах терпети злоскареднаго вашего дьявольства“ (450).

Послание полно иронии: царь посылает султану „конечный мир— обоюдный меч“ и говорит: „гнев велю утолить, и мечу не велю удержатися, дондеже сокрушу царство твое до конца“ (450).

В ответ на предложение султана прислать ему „дани“ и „оброк“, царь иронически заявляет: „впервые бы послал к тебе малого слугу и воеводу своего, а дал бы к тебе везти от своего царския силы острый

¹ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2, М., 1869, стр. 228.

² А. Попов. Обзор хронографов..., стр. 229.

мечь и неунятную свою саблю, и ты бы, неверный, от того дни свое неверное державство оставил, укрылся в горы каменные; и аз бы еще послал к тебе атамана своего, и дал бы им своя казны оброк к тебе везти пушки, скорострельные пищали, и ты бы от того оброку и тамо не укрылся бы; да еще с тобою справишься — велел тебя жива перед собою поставить...“ (449).

Эти угрозы и насмешки и общим своим тоном и отдельными мотивами напоминают казачьи угрозы по адресу султана в повести об Азове. Ср., например: „Не укрылся бы вашь Обрагим турской царь от руки ево государевы и от жестосердия людей ево государевых и во утробе матери своей, и уды ея распороли да перед лицом ево царевым поставили“ (Б, 139);¹ или „и поставили бы его перед нашим великим государем царем, аки пса смердящего, жива“ (Р, 190).

В ответ на эту грамоту следует „Послание турского царя Салтана..., а в послании пишет“ (ср. с канцелярской формулой нашей повести — „а в росписи пишет“, 129). „Салтан“ не остается в долгу и, обращаясь к „изрядному ратаю и плужному поганятелю Белому Ивану“ (т. е. Ивану Грозному), заявляет: „мечь мой устроится на тя с великою яростью“ (451) и проч.

Ответное царское „супротивно послание“ (№ 3) в основном повторяет первую грамоту.

После этих якобы старинных документов составитель обращается к современности и „воспроизводит“ дипломатическую переписку участников турецкой войны. Переписка открывается „списком з грамоты“ турецкого царя „римскому цесарю Леопалдусу“ (№ 4). „Магамет сын прехвальныя славы... сын божий“ в составе своего необыкновенно пышного титула не забывает упомянуть и о том, что он „земнаго рая страж и хранитель гроба господня“ (453) — ср. в речи турецких послов повести об Азове: „Толко лише он повинен единому богу небесному, и един он страж гробу божию“ (Б, 133). Далее „султан“ совсем в казачьем духе советует „цесарю“ не надеяться „на некоторыя свои городки“ и обещает их „в конец разорити“ — ср. в Поэтической повести: „и надежда у нас... на свою братю... которые у нас по Дону в городках живут“ (136). „Сверх того“ „султан“ обещает передать священников „псом на снедение и сосцы женския урезывати совершенно“, чтобы оставить „в государстве твоём токмо вечную память страха“ (453).

Ответная „грамота“ „Леопалдуса“ (№ 5) отличается аналогичным тоном и, между прочим, не без остроумия парирует особенно чувствительный для христиан полемический выпад „султана“ о том, что именно он является хранителем „гроба господня“ „Глупче, стражь будто гроба Христа моего пишешися и вменяешися, обаче да не хвалишися тем гоняся, всем бо добре псом бо вверяется, да стерегут двор царев и двери государей; они же мещут им по частице хлеба. Того ради и мы тебя имеем и пребываеши даже до нынешняго времени в страже“ (454).

¹ Здесь и далее цит. по указ. изданию А. С. Орлова, в скобках помещаем обозначение списка повести и страниц издания.

Вслед за этой „граммотой“ помещается „список с переводу польскаго письма, а в Полше переведено с турскаго писма и языка“ — послание „султана“ к „польскому королю“ (№ 6). Здесь „султан“, между прочим, жалуется на казаков: „для чего воздвиг на наше панство монархию казаков украинских, что собак бешеных пропускаешь, которые в поле разоряют и пуцают...“ (455). За этим следуют образно-риторические угрозы: „Не отсидитесь, как наши орды татарския страшныя в полях диких покажутся, его же око исчещи не возможет, которые к нам идут... задрожит весь свет, не токмо король с князми милыми своими, но и земля таковых войских воздержат не возможет. Когда который с войски своими пройдет, море воздрожит, звери зарычат, леси возшумят, и звезды почюдятся шума ради громов наших, когда из пушек исходят страшные и огненные и сильные гласы, в то время узнаете веру нашего, распятаго бога вашего, в котором имеши надежду...“ (455).

В последней (№ 9) грамоте — втором послании „султана“ к „польскому королю“ — дается аналогичная и еще более развитая картина: „и те (войско турскаго царя. — *А. Р.*) на тебя будут яко водная попоптопа и грозная туча... и в те поры с великою страстью и с дрожью нашу силу и мочь изведаете. Вздогнет твоя земля, и государство не поднимет ту великую войскую силу, и великое море начнет волнами играти, как большая корабельная сила наших каторг окажется, и на мори станут ворошиться дикие звери, устрашатся и учнут бежать и кричать и реветь, от нашея силы гнутся. И небо, что бог сотворил, и солнце и месяц, и звезды удивятся и ужаснутся, как и страшные свои большие громовые и молненные огнь пуцаемые пушки велю запалить и выстрелить, то вся земля от того вздогнет, и леси и древа от того учнут валаться кучами от великия силы и многих наших пушек. Что ты, королишко, в то время скажешь с своими з горсткою людми, как ты ту силу увидишь, делаешь, будто хочешь комаров и слепней повоевать нашу мочь и силу“ (457).

Риторический пафос сочинителя-канцеляриста достиг здесь своего апогея и явно нарушил всякую меру художественности. Используя привычные образы старой книжной и частично фольклорной поэтики произведений „воинского“ жанра, составитель этих грамот превратил их в бутфорское нагромождение риторических „ужасов“.

Не ставя своей целью произвести детальный анализ приведенных риторических картин обеих грамот, поскольку сами они выполняют только служебную роль в нашей работе, ограничимся сопоставлением нескольких наиболее характерных традиционных мотивов, в некоторых случаях типологически связанных и с Поэтической повестью.

Вражеских войск — „око исчеши не возможет“. Ср. в Повести о Мамаевом побоище: „несть мощно никому же исчеши силы их“;¹ в Повести о Еруслаане: „не мощно ея (рати. — *А. Р.*) объехати и оком

¹ Русский исторический сборник, т. III, кн. 1, М., 1838, стр. 23.

обозрети“¹, в Поэтической повести об Азове: „Не могут... очи ваши видети другова краю сил наших“ (Б, 134). В фольклоре: „А и силы то было видимо-невидимо, ни сметить силы, ни списать нельзя“.²

От множества „силы“ „вся земля от того возрогнет“ или „задрожит весь свет“. Ср. в Повести о Мам. поб.: „горы и холмы тряхнутся от множества вой бесчисленных“;³ в Поэтической повести об Азове: „все наши градския азовския крепости потряслись“ (Б, 131). В фольклоре: „Затрясласе матушка сыра земля“.⁴

„Земля таковых войских воздержать не возможет“. Ср. в Девгениевом деянии: „воинства их не может земля держать“.⁵ В фольклоре: „Да не держит меня да мать сыра земля“.⁶

„Море возрожит“ или „великое море начнет волнами играти“. Ср. в летописи: „и бе видети страшно татаром... множество Руси, а в солнечные дни яко же море колеблющися“.⁷ В фольклоре: „Еще батюшка синее море да сголы байся“,⁸ „Мать сыра та земля да потрясласе, Ише синее море зволновалосе“.⁹

Два сравнения: „и те на тебя будут яко водная попопота и грозная туча“. Первое ср. в летописи: „а иноплеменницы ко граду, яко вода налияся“,¹⁰ в фольклоре: „Тут не вёшна всё вода да разливаласе, Все тотарьска сила-та подвигантце“.¹¹ Второе ср. в Поэтической повести об Азове: „Как есть стояла над нами страшная грозная туча“ (ИЗ, 175). В фольклоре:

Накатается вдруг туча темная,
А бы темна туча, туча грозная,
Навалилося ерда неверная.¹²

Гиперболическое описание действий пушек тоже в основе своей традиционно: „И страшные свои болшие громовые и молненные огонь пушчаемые пушки велю запалить... то вся земля от того возрогнет“. Ср. в Повести, приписываемой кн. Катыреву-Ростовскому: „гром велий от стрельяния пищалнаго, и молния“.¹³ В Поэт. повести об Азове: „от стрельбы их

¹ Летописи русской литературы и древности, т. II, М., 1859, стр. 105.

² Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 1, М., 1868, стр. 62.

³ В. Н. Перетц. Историко-литературные материалы и исследования, т. III, СПб., 1902, стр. 8.

⁴ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., т. I, М., 1904, стр. 340.

⁵ Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I, М., 1887, стр. 315.

⁶ Н. Ончуков. Печорские былины, СПб., 1904, стр. 306.

⁷ Полн. собр. русск. летописей, т. VI, под 1472 г., стр. 31.

⁸ А. Д. Григорьев, ук. изд., I, стр. 22.

⁹ Беломорские былины, записанные А. Марковым, М., 1901, стр. 54.

¹⁰ Полн. собр. русск. летописей, т. VI, под 1536 г., стр. 298.

¹¹ А. Марков, ук. изд., стр. 39.

¹² Н. Ончуков, ук. изд., стр. 132.

¹³ Русская историческая библиотека, т. XIII, СПб., 1892, стлб. 614.

огненной... как есть страшная гроза небесная, когда бывает гром с молнией" (В, 144). В фольклоре:

Что не молния на небе проблеснула:
Голубец наша пушка, разряжалась;
Не громкий гром на небе взгрянул...¹

Ограничиваясь этими сопоставлениями, заметим, что литературное обогащение стиля подложных грамот шло здесь, в основном, как и в повести об Азове, в направлении использования и одновременно риторического развития традиционных мотивов „воинских“ жанров старой книжности и фольклора.

В составе разбираемых подложных грамот находятся еще два „письма“, пожалуй, наиболее выразительных. Это русский вариант легендарного послания султана Мухаммеда IV запорожцам и их знаменитый ответ: „Список с письма, каков прислан в Чигирин к казакам от турецкого салтана июля в 7 день 1678 году“ (№ 7), за которым следует „ответ от казаков из Чигирина салтану“ (№ 8). Эти короткие „письма“ интересны в композиционном отношении. В первом из них воспроизводится длинный пышный титул султана и в самом конце „письма“ передается требование „цесаря турецкого“, чтобы казаки „добровольно поддались“ ему. Во втором „письме“, написанном в тоне грубоватого, но острого казачьего юмора, последовательно пародируются все „статьи“ султанского титула и в заключение отвергается его предложение. Сопоставим выдержки из обоих „писем“.

Письмо „салтана“.

„Салтан, сын салтана турецкого, цесарь Турецкой, Греческой, Македонской, Вавилонской, Иерусалимской, паша Асирийской, Великого и Малаго Египта, король Александрийской, Армянской и всех на свете обитающих, князь над князьями, внук божий... хранитель распятого бога... надежда и утешение бесерменское, христианом скорбь и падение, повелеваем вам, чтобы есте добровольно поддалися всеми людьми“ (455).

Ответ казаков.

„Салтан, сын проклятого салтана турецкого, товарищ сатанин, бездны адовы, салтан Турецкой, подножие Греческое, повар Вавилонской, бронник Иерусалимский, колесник Асирийский, винокур Великого и Малаго Египта, свинопас Александрийский, арчаг Армянской,... и всех земных подданных шпынь и скаред... адов внук, проклятого сатаны гонец, распятого бога враг... надежда и утешение бусурманское, падение и скорбь их же, не поддадимся тебе, но битися с тобою будем“ (456).

„Речь“ турецких послов и ответ казаков в повести об Азове, насыщенные, в отличие от грамот, большим фактическим и идейным содержанием, тем не менее живо напоминают их и своим грубоватым насмешливым тоном и конструктивной зависимостью второй „речи“ от первой, как развернутой антитезы к ней. А. С. Орлов считает даже, что Поэтическая повесть обусловлена „заимствованием“ из такого „памфлетного казачьего письма султану, в котором пародически опозорен его пышный титул.“² Но мы думаем, что здесь можно говорить только об общей типологической близости.

¹ П. В. Киреевский, вып. 8, стр. 135.

² А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVII веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 330.

Следует отметить, что эта псевдо-документальная, „курьезная“, как ее называют, переписка казаков с султаном, послужившая, между прочим, сюжетом известной картины И. Е. Репина „Запорожцы“,¹ образовала в среде запорожского казачества и на Украине вообще довольно развитую литературную традицию.² „Грамоты“ подобного рода известны в ряде списков, причем сохранилось любопытное свидетельство, говорящее о тенденции воздействия этой литературной переписки на переписку документальную. В 1697 г. турки осадили крепость Тавань, которую защищали 700 казаков и полк солдат. В ответ на турецкие письма с предложениями о сдаче и выкупе, посылаемые на стрелах, казаки „сгоряча“ приготовили ответ: „Ты султан турецкий, из проклятых проклятой, бусурман, брат и товарищ чорта, люцыферов сын... (в повести об Азове, сатана именуется „отцом“ султана. — А. Р.)... погане собачье мясо! Войско твое поганое“³ и т. д. в духе уже цитированной грамоты. Однако письмо это, написанное „сгоряча“ по образцу известного канцелярско-литературного послания запорожцев к султану, не было послано; взамен его составлен был следующий ответ: „Мы, старшины Войска запорожского... читали ваше письмо... Мы на вас бусурманов не походим, ложным пророкам не верим, надежду возлагаем на бога... и наши сабли еще не заржавели, и наши руки еще не ослабли“⁴ и т. д.

В среде запорожского казачества существовали также образцы аналогичной „переписки“ польского короля Жигимонта с султаном, которая характеризуется „канцеляристом Войска Запорожского“ и летописцем его С. Величко как „гневливая и досадительная листовная корреспонденция“, взятая им „з кронечки рукописной казацкой, в Переяславле Малороссийском року 1636 написанной“.⁵ Любопытный пример подобного же канцелярско-литературного казачьего творчества представляет „письмо“ запорожцев, во главе с известным атаманом И. Сирко, крымскому хану. Упрекая хана в недостойном ведении войны, казаки указывали, что он юстует „не по кавалерску“, выражали „всему панству крымскому свою зневагу и обиду“ и обещали „отомстити, но явне, а не тайне“.⁶

Эти примеры показывают, что в среде запорожского казачества в XVII в. существовала своя литературная традиция, в основе которой лежало

¹ Н. Щекотов. Запорожцы. Картина великого русского живописца И. Е. Репина, М.—Л., 1943, стр. 1—20.

² Русская старина, 1872, октябрь, стр. 450—451; там же, 1873, июль, стр. 92—93. Д. И. Эварницкий. История запорожских казаков, т. II, СПб., 1895, стр. 517—518; его же „Иван Дмитриевич Сирко“, СПб., 1894, стр. 97—98; Чтения в Обществе истории и древностей российских, кн. 3, М., 1913, смесь, стр. 10—11.

³ Турецкий султан и запорожцы. Сообщ. А. А. Туган-Мирза-Барановского (Русская старина, 1873, июль, стр. 92—93).

⁴ См. сообщ. А. А. Туган-Мирза-Барановского, ук. изд., стр. 93.

⁵ С. Величко. Летопись событий в юго-западной России в XVII веке, т. I, Киев, 1848, прил., стр. 3.

⁶ Письмо к хану крымскому войска Запорожного низового кошевого атамана Ивана Серка. Сообщ. Н. Н. Муравевич (Русская старина, 1873, июль, стр. 88—92).

использование документальных форм войсковой казачьей канцелярии. В этих формах, в частности, творчески „вопроизводилась“ переписка казаков с их противниками, во многом напоминающая стилистическую манеру „речей“ повести об Азове.

Рассмотренные нами подложные грамоты и письма запорожцев, подобно вымышленным статейным спискам, стоят еще только на грани художественной литературы и образуют как бы переходную ступень от деловой письменности к „беллетристике“ изучаемой эпохи. Привлечение этих грамот и писем, как образцов канцелярско-литературного творчества, и, в частности, творчества в среде запорожцев, которые в XVII в. находились в постоянных связях и общении с донскими казаками, было для нас очень показательным. Этот материал, наряду с другими приведенными примерами, не только позволяет констатировать наличие изучаемого литературного направления, но и обнаруживает в нем черты сходства с нашей повестью как в использовании отдельных жанровых особенностей и стилистических мотивов, так и в общей тенденции создания на „канцелярской“ основе гиперболизированного риторически-патетического стиля, своеобразно сочетающегося с грубоватым просторечием и острым народным юмором.

Итак, в XVII в. демократические писатели, в частности, казацкие канцеляристы, в поисках новых форм, отвечающих их социальным задачам и литературным вкусам, нередко строили свои произведения на основе жанра и стиля канцелярских документов. В этот же круг произведений по общей своей генетической, жанровой и стилистической зависимости от форм канцелярской письменности мы включаем и Поэтическую повесть об Азове.

2

Жанр повести — донская „войсковая отписка“, — единственный в своем литературном проявлении, по историческим условиям своего возникновения и типологическим особенностям оказывается, таким образом, отнюдь не одиноким и возникает как раз в начале того нового литературного направления XVII в., которое мы отметили. Это направление знаменовало собою начало широкого использования канцелярского языка в литературе, которое в первой трети XVIII в. сделалось в ней господствующим.

Обычное изображение военных событий в жанре общеизвестной традиции воинских повестей было заменено нашим автором своеобразной и необычной в литературе формой, самое возникновение и бытование которой, однако, явилось закономерным моментом в общем развитии демократизирующейся литературы XVII в. В соответствии с общественно-политической обстановкой, темой и задачами произведения, автор Поэтической повести поднял до уровня героической эпопеи жанр „войсковой отписки“. Вопрос о пригодности данной документальной формы для создания на ее основе героического воинского повествования исследователями Поэтической повести об Азове не только не разрешен, но и не поставлен со всей необходимой определенностью, хотя литературные достоинства казачьих донесений в Москву и отмечались.

„Документальная переписка Москвы с Доном, — как отметил А. С. Орлов, — местами очень литературна. Тон московских грамот заботливо выработывался... с 20-х гг. XVII в. формалистика московских грамот заостенела. Выработались деловые, сухие шаблоны и установилось их однообразное повторение. Шаблоны выработались и у казаков. Но донская жизнь, полная случайностей и неожиданностей, жизнь боевая, постоянно прорывала сеть канцелярщины, в которой стали было навязываться казачьи“.¹

К этим справедливым замечаниям А. С. Орлова следует добавить, что канцелярия Войска Донского, с одной стороны, не столько выработывала какие-либо свои шаблоны официальной речи, сколько усваивала и повторяла формулы царских грамот, а с другой, — широко вводила в отписки и порой закрепляла в своем обиходе неоднократным повторением некоторые элементы образной литературной и, особенно, живой казачьей речи.

Для правильного понимания литературных особенностей переписки Москвы с Доном нужно отметить, что в первой половине XVII в. Посольский приказ имел в лице Войска такого же необычного и своеобразного корреспондента, как и царь имел в его лице беспокойного и непокорного вассала.

Казачья община считалась подданными русского царя и официально всегда именовала себя его „холопами“. Однако в то же время они объединялись в своеобразную „республику“ — демократическую самоуправляемую военную общину, сносившуюся с Москвой через Посольский приказ, как иностранное государство. У Войска вообще „были все признаки, которые почитаются... необходимыми для государства“.²

Войско Донское отправляло в Москву своих представителей — легкие и зимовые станицы. „А как они к Москве приезжают, — свидетельствует Г. Котошихин — и им честь бывает такова, как чужеземским нарочитым людям“.³ Казаков, как иностранных послов, допускали „видеть царские очи, быть у руки“ и „у стола“, а потом еще „давали жалованье царское и поденный корм“.⁴ Войско постоянно пускалось и в самостоятельные дипломатические переговоры с крымским ханом, с Персией, с турецким Азовом, ногайцами, запорожскими — „королевскими“ казаками, а через них иногда и с Польшей.⁵

В царствование Михаила Федоровича после недавней эпохи „Смуты“, когда казаки примыкали к войскам самозванцев, борьба правительства с независимостью Войска только начиналась. „Отдаленность Дона от

¹ А. С. Орлов. Особая повесть об Азове, стр. 20—21.

² С. Тхоржевский. Донское войско в первой половине семнадцатого века. (Русское прошлое. Исторические сборники, № 3, Л.—М., 1923, стр. 25).

³ Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд., СПб., 1906, стр. 135.

⁴ В. Г. Дружинин. Раскол на Дону в конце XVII в., СПб., 1889, стр. 40; см. Донские Дела, кн. 1-я, стлб. 249. Русск. ист. библи. т. XVIII, СПб., 1898.

⁵ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 34; С. Тхоржевский, ук. статья, стр. 17—25; Ч. А. Смирнов, ук. соч., т. II, стр. 62.

Москвы долго не позволяла московскому правительству широко развернуть систему военно-политического контроля над донским казачеством¹. Приходилось ограничиваться всевозможными увещеваниями и порой отказом в посылке ежегодного жалованья. Но это мало действовало на казачью „вольницу“: „верные подданные московского государя — на словах, казаки постоянно доказывают полную самостоятельность и непослушание Москве в своих действиях“². Так, например, в 20—30-х годах XVII в. московское правительство было заинтересовано в мире с Турцией и Крымом и беспрестанно, хотя и безуспешно, уговаривало казаков прекратить набеги на их владения. Но „несмотря на грозную опалу царя... и даже отлучение патриархом казаков от церкви в 1630 г., грабежи продолжались, и правительству московскому пришлось сложить с казаков опалу даже за такое преступление, как убийство посла Карамышева, привезшего им опальную грамоту“³. В такие „моменты острых конфликтов“ Войско не боялось угрожать царю тем, что оно „реку покинет в пуге“ и даже перейдет на службу к литовскому королю, т. е. в Запорожье⁴.

„Московское государство хорошо понимало всю пользу, приносимую ему дешевыми охранителями его украин, страшными для соседей“⁵, но должно было удерживать казаков от слишком активных действий. Зажиточная верхушка казаков, на которую можно было бы опереться, в ту пору была еще слишком незначительна. Приходилось идти на уступки, уговаривать. В 1623 г. князю Белосельскому, отправляемому на Дон послом, царский наказ предписывал: „государскую грамоту... вычитывать им (казакам. — А. Р.) с радостью, чтобы их не ожесточить. Выговаривая, покрывать гладостию. А многих речей с казаками не заводить, чтобы их не ожесточить“⁶.

Посылая на Дон какое-либо распоряжение, царь не мог ограничиться лаконичным приказанием, уместным, например, по отношению к любому его воеводе, хотя бы и знатному князю. Здесь он должен был витиевато осложнять речь своей грамоты указаниями на то, что казаки „природные“ его холопы, напоминаниями, чтобы они „прежней своей чести и славы не теряли“ и служили „верою и правдою“, стояли бы „крепко и мужественно“, „помня бога... и свою природу“, „за веру христианскую“ и „дом богородицы“ против „бусурман“ и т. д. Царь то грозил „опалой“ и упрекал за ослушание, то „милостиво похвалял“ казаков и обещал жаловать, „смотря по службе и радению“⁷. Все эти нравоучительные сентенции быстро приобретали характер постоянных формул.

Донские казаки очень гордились своим особым положением в государстве: „все земли нашему казачьему житью завидовали“, писали они в гра-

¹ [Б. В. Лукин]. К истории донского казачества, Ростов-на-Дону, 1939, стр. 46.

² В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 60.

³ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 41.

⁴ С. Тхоржевский, ук. статья, стр. 27.

⁵ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 41.

⁶ А. Савельев. Трехсотлетие войска Донского. СПб., 1870, стр. 15.

⁷ Донские Дела, кн. 1-я, стлб. 217, 224, 246, 307; кн. 2-я, стлб. 464, 465 и мн. др.

моте 1638 г.¹ Одновременно с этим они сознавали свое значение в обороне русских „украин“ и не упускали случая напомнить царю о необходимости и бескорыстии их службы: „служим мы только с воды да с травы, а не с поместий, и не с вотчиц, и за дом пречистые богородицы... и за тебя, великого государя, и за все твое государево Московское и Российское государство противу твоих государевых неприятелей турок и татар бьемся, не щадя головы свои складываем, раны и увечья принимаем“.²

Уже по этому отрывку одного из войсковых документов видно, какой значительный простор повествовательно-патетическому стилю давали казаки в пределах своей официальной документации. Сознание своей „воли“ и силы, фактической недосыгаемости для московских властей и обязательное санкционирование текста войсковых отписок всем „кругом“, а, следовательно, активное или хотя бы пассивное влияние казачьей массы на их составление, не могло не отразиться на стиле и тоне этих документов, которые нередко выходили за пределы собственно делового „служебного“ доклада, отправлявшегося на царское имя.

Следует отметить, что эти особенности в положении казачества проявились особенно ярко именно до азовской осады, в период наибольшего „расцвета вольностей Донского Войска“,³ и преимущественно в годы обладания Азовом (1637—1641). Разбитое и обескровленное в результате „осадного сидения“ и продолжавшихся после него постоянных набегов татар, казачество на ряд лет во многом меняет тон своих сношений с Москвою, хотя в целом сложившаяся ранее стилистическая традиция его отписок продолжает существовать и в дальнейшем.

Вот эти-то особые политические отношения между царем и Войском Донским в данный период и обусловили в конечном итоге, по нашему мнению, возможность формирования той своеобразной литературности и повествовательности, которая отличала тогда официальную переписку Москвы с Доном.

Учитывая эти общие замечания, остановимся теперь несколько подробнее на характеристике казачьих войсковых отписок.

3

Составители отписок, как сказано, не чуждались образной речи и время от времени вводили ее элементы в состав обычного канцелярского изложения. Образность эта черпалась по преимуществу из живого языка, из языка казачьей среды, частично также из книжной традиции.

В нашу задачу не входит детальное изучение этого интересного вопроса, который мог бы послужить темой специального исследования. Нам необходимо только проследить на нескольких примерах основные жанровые и стилистические особенности войсковых отписок, охарактери-

¹ Там же, кн. 1-я, стлб. 810.

² Там же, кн. 5-я, стлб. 571.

³ С. Тхоржевский, ук. статья, стр. 12.

зывать в общих чертах те своеобразные черты данной канцелярской формы, которые в значительной степени подготовили и обусловили жанр и стиль Поэтической повести об Азове.

Войсковые отписки, документально выражавшие внешнюю политику Войска Донского, излагались всегда от имени всего Войска в первом лице — „мы, казаки...“ Этот способ изложения, сочетавшийся с достаточно свободным и „политичным“ отбором, освещением и риторическим украшением желательных для Войска фактов, усиливал в документе тон повествовательности, придавая ему характер как бы непосредственного коллективного рассказа. Эта черта отписок, как мы уже упоминали, легла в основу жанровой формы Поэтической повести. В деле использования содержания и особенностей стиля документов войсковой канцелярии, наша повесть имела своих литературных предшественников. Таковыми были возникшие в казачьей среде Историческая повесть об азовском взятии и, частично, Особая повесть об Азове.

Особая повесть, детально исследованная А. С. Орловым, большого литературного интереса не представляет. Для нас она выполняет только служебную роль одного из показателей той литературной культуры на Дону, в которой возникла и Поэтическая повесть. Историческая повесть значительно интереснее. Справедливо отмечая, что изложение казачьих документов в общем „весьма напоминало обычные воинские повести“, А. С. Орлов характеризует далее условия возникновения этой повести. „Вот в таком типе, — пишет он, — была записана в документах и история казачьих подвигов о взятии Азова в 1637 г., об осадном сидении в 1641 г. Повесть о взятии Азова, вероятно, создавалась на месте, в самой донской канцелярии, войсковым подъячим, сочинителем «отписок» о событии, притом образованным книжником“.¹ Сопоставление стиля Исторической повести с традицией воинских повестей произведено было А. С. Орловым,² сравнение же ее с войсковой отпиской о взятии Азова не предпринималось. Для того, чтобы характеризовать жанр и стиль войсковых отписок, выберем в качестве типичного образца именно эту отписку и сравним некоторые ее эпизоды с текстом Исторической повести.

Войсковая отписка от 3 декабря 1637 г.³ говорила о событиях большой важности: казаки взяли Азов и, кроме того, убили турецкого посла Фому Кантакузена. Эти действия были совершенно неожиданными для московского правительства и серьезно его встревожили, так как могли послужить достаточным поводом для войны Турции против России.⁴ Казаки вполне сознавали, конечно, всю политическую значительность содеянного

¹ А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVII веков, стр. 330.

² А. С. Орлов. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902, стр. 1—46.

³ Первая отписка о взятии Азова не сохранилась, но сохранился ответ на нее — царская грамота от 20 сент. 1637 г. Цитируемая нами отписка является ответом на эту грамоту и вторично докладывает о том же, о чем сообщалось в первой отписке.

⁴ Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. II, стр. 43—53 (МГУ, Уч. зап., вып. 94, 1946).

ими, но считали себя во всем правыми и в ответе царю старались всячески объяснить свои действия с наилучшей для себя стороны.

После вступительной части, в которой „донские атаманы козаки Михалко-Иванов¹ и все Войско Донское челом бьют“² государю и указывают, что царскую грамоту они получили, начинается изложение „по существу“.

Войсковая отписка

Пошли мы, холопи твои, под град Азов с великие скорби, помня свое крещение и святяты божия церкви, и свою истинною православную крестьянскую веру, что ис того града Азова от бусурманские веры, агарянского изчадия поганского языка от злохитренных волков чинилось пакость великая...

Историческая повесть об Азове ..бысть гонение на истинную нашу православную христианскую веру от тех злохитренных окаяных и свирепых и немилосивых волков поганского языка бусурманския веры от агарянского изчатия.

(51).

Казалось бы, в официальном деловом документе можно было бы ограничиться простым упоминанием того, что жители Азова наносили русским большой вред, и перейти далее к конкретным указаниям, в чем именно этот вред состоял. Вместо этого, однако, составитель отписки развертывает перед своим адресатом чуть ли не целую литературную картину, все краски которой взяты из традиционной книжной риторики. Автор Исторической повести, изображая те же исторические события, украшает свой рассказ теми же риторическими фигурами, какие читаются и в отписке. Знакомый, очевидно, с этой отпиской, автор повести воспользовался в данном случае ее картинным языком, удовлетворившим его литературный вкус так же, как соответствовал он и литературным запросам неизвестного составителя отписки.

Переходя далее к более конкретному материалу, отписка указывает, что от действий этих живущих в Азове „злохитренных волков“ „чинилась пакость“ —

..твоей, великого государя царя, отчине украинным городам, нойпачей-ж весем и разорение святым божиим церквам, и крестьянскую невинную кровь пролияния, и в полон православных крестьянства отцов и матерей и братию нашу и сестер и магия. И оне, азовские люди, искони поругались нашей истинной православной крестьянской вере, и за море отец и братию и сестер наших продавали на каторги...

в том Азове живяху поганския люди и изхожаху Всероссийское государство и в украинные города, паче же и в Литву и во многие земли, разоряя престолы святых божих церквей... (51)

..православное крестьянство под меч клоиша, и овых в плен и маху и порубощаху в своих домах .. (51).

..а иных за море продаваху в великия неволы на катарги (51—52)

Далее в таких же повествовательных тонах войсковая отписка перечисляет прочие притеснения, которые чинили азовцы казакам. Всякое дей-

¹ Войсковой атаман.

² Донские Дела, кн. 1-я, стлб. 636. Русск. ист. сбл., т. XVIII, СПб., 1898.

ствие противника при этом и далее объясняется традиционными мотивами религиозной вражды. Притеснения турок как бы вынуждают казаков к сопротивлению и овладению Азовом:

И мы, государь, холопи твои, видев в Российской земли разорение от них, бусурманов, святым божиим церквам и поношение² нашей православной истинной крестьянской вере, и помня свой смертный час, чтоб веру крестьянскую и за тебя, государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси, и за единокровных братию свою хотя померети, а их поганых бусурманов под меч подклонити, и Азов город взяти, и в нем утвердити по прежнему наша крестьянская вера, и пошли, государь, мы, холопи твои, под тот град Азов все, утвердившеся сердцами единомышленне и поболев душами своими о нашей крестьянской вере, и его осодили опреля в 21 день.

И толикыя быша грубости¹ московского государства людям и иным многим землям и поношение православной вере от них, поганых бусурманов (52). И тот атаман Михайло Иванов со всем великим Донским Войским подумав твердо и непоколебимо, утвердишася сердцами своими во единой мысли... чтобы милостию божиею и пречистые богородицы молением и помощию... и великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси счастием... Азов град одинолично взяти и всем утвердити по прежнему истинная наша православная христианская вера словенского языка, а живущих в нем поганского языка бусурманския веры под меч подклонити (54).

Месяца апреля в 21 день в пятницу Азов осадили (55).

Такое своеобразное изложение документа, отличающееся явными признаками „литературности“ той эпохи (даже использование традиционной формулы „под меч подклонить“), имело своей целью не столько, конечно, сообщить деловые данные, сколько идеализировать до предела и выставить в самом благоприятном свете то благочестивое настроение казачества, которое будто бы и определяло все его действия. Повесть разделяет такую оценку действий казачества и потому для мотивировки его „единомышленных“ решений повторяет украшенную фразеологию отписки. Общая у авторов отписки и повести культура деловой речи создает и здесь и дальше сходство и в самом способе передачи фактического содержания („украинные города“, „продавали на катарги“, „утвердившеся сердцами единомышленне“ и т. д.).

Далее составитель отписки подходит к весьма трудному и щекотливому вопросу: нужно докладывать о казни турецкого посла Фомы Кантакузена, который направлялся от имени султана к царю Михаилу Федоровичу.³

Начинает об этом отписка очень издали, причем привлекает в оправдание казаков на первых порах такие чисто бытовые мотивы, которые никак не отвечают серьезности этого официального объяснения:

¹ Ср. в другой отписке: „И ныне указал ты, государь, за многие грубости и неправды крымского царя и за многие разоренья Московскому государству итти на Крым войною...“ (Донские дела, кв. 2-я, стлб. 898. Русск. ист. библ., т. XXIV).

² В тексте отписки ошибка: „попрашение“.

³ См. подробно: Н. А. Смирнов, ук., соч., т. II, стр. 45—54.

А как, государь, мы стояли под тем градом Азовом, и те азовские люди нашу братью козаков ис пушек ис турок побивали, и мы, государь, холопи твои, велели их отвозить коюками на Монастырской ярubiенных и велели их у часовни погребати по правилом святых отец священнослужителем.

А с тем, государь, турецким послом с Томою Катакузиным был толмач Охреян Осанка, и он говорил так: топерь де ис под Озова казаков возят коюками, а станут де еще возить и бударами; и многие, государь, тот Охреян Асанка толмач своим злым волшебством нам, холопиям твоим, чинил пакости великия, сверху по Дону на низ в наши таборы нарядныя чары деючи пушал.

Перед глазами читателя официального документа вдруг открывается здесь живая сценка, переданная метким бытовым языком. Естественно, что она воспринимается Исторической повестью почти без изменений.

Далее, после этой „прелюдии“, в отписке речь идет уже о действиях самого посла:

А посол Тома Катакузин в тое пору посылал своих греков з грамотами, выведав наша к Озову умышления думу приступную и подкопы, а велел, государь, в город на колодах ношью приплыти, из града, государь, велел азовским людем посылати в Крым, и в Томань, и в Керчь для ратных людей на выручку к Озову.

И божнею, государь, милостию, и пречистыи богородицы помощию, и святого славного пророка и Предотеча крестителя господня Ивана умолением, посольских людей на колодах пронесло мима града на низ, в наши, холопей твоих, таборы с их изменничьи грамоты.

И мы, холопи твои, не утерпя ево измену и за ево волшебство их, что, стоя под Озовым, терпим голод великой и всякие нужные скорби, того турецкого посла Тому Катакузина со всеми ево людьями побивали до смерти.

...Донское Войско повелеша своих телеса... погребати по уставу святых отец по преданию... (60)

А Охреян Осанка толмач, который с тем послом был, и он своим волшебством великому Донскому Войску чинил пакости великую, а говорил так: „тепере де казаков испод Азова побитых возят каюками, а станут де возить и бударами“ (56).

И выведаячи тот посол Фома у всего великого донского войска к Азову приступную думу, и послал в Азов сызменными грамотами и из Азова велел послати в Крым для людей и в Томань и в Керчь. И божнею милостию и пречистые богородицы помощию и государьским счастьем, а войсковым радением тех изменников сы их изменными грамотами поймали (56).

И за то того посла Фому и ахреяна Асанка толмача и их людей за их измену казнили (57).

В последних примерах подлинный документ дает даже более развернутый, осложненный разными отступлениями вариант повествования, чем Историческая повесть, явно сокращающая рассказ.

Далее в отписке казаки заявляют, что в той их „вине воля божия и твоя, праведного государя“, указывают на пример, когда русский посол Иван Бегичев был казнен Крымским ханом „ни за кокую измену“, напоминают свои исконные заслуги, заверяют в готовности служить „своими головами, верою и правдою“, и т. д. После этих обычных отступлений, при описании азовских церквей отписка еще раз соприкасается с Исторической повестью:

Да в нижнем, государь, городе престол божий, а церковь стоит и доныне святого славного пророка и Предтеча крестителя господня Ивана, а кола того храма жили греки и поганья азовские люди около того храма ограду разорили и церкви божи поругались, а служит, государь, у тое церкви греческой поп черной, а за тебя, праведнаго государя, бога молит, а прислон он от царегратцкого потриярха.

Да в том же граде Азове по прежней нашей православной христианской вере греческого языка престол божий, а стоит церков и доныне святого и славнаго пророка и Предтеча крестителя господня Ивана. А служить у тое церкви греческой поп черной, и тое церков божию они, поганья, многажды разоряли. Около того храма жили греки и от тех окаянных азовских людей принимали лютую скорбь и гонение и укор и поношение христианской вере (52).

Для нас нет надобности продолжать цитацию этой большой отписки, которая трактует далее о разных других делах, — жанровый характер и стиль этого документа в основных чертах уже выяснен. Литературность этого образного и повествовательного стиля войсковой канцелярии привлекла внимание автора Исторической повести об азовском взятии.

Не ставя своей целью в пределах настоящей работы специально исследовать Историческую повесть, мы привели только тот сравнительный материал, который наглядно показывает ее тесную связь с войсковой канцелярией. Сближения этой повести с казачьими документами не исчерпываются одной отпиской о взятии Азова. Характер этих сближений, как можно было уже убедиться, напоминает скорее близкие вариации, чем точное копирование документальных источников. Эти особенности говорят о том, что Историческая повесть не является просто механической переработкой указанной отписки или первой отписки о взятии Азова, но представляет собою литературный плод той своеобразной письменной культуры, которой отличалась войсковая канцелярия донских казаков.

Внутренняя переписка казачества, т. е. грамоты Войска в „верховые“ городки, которые дошли до нас, к сожалению, лишь в единичных образцах, отличаются, по сравнению с отписками к царю, как отметил А. С. Орлов, еще большим поэтическим пафосом.¹

¹ А. С. Орлов. Особая повесть об Азове, стр. 21—22.

Форма изложения войсковых отписок, как можно было уже убедиться из приведенных отрывков, помимо своего общего довольно свободного тона повествования от первого лица, помимо обязательных постоянных формул религиозно-благочестивого и верноподданического характера (стояние за „веру христьянскую“, за „дом богородицы“, служба „верою и правдою“, победа „государским счастием“ и т. д.), включала в свой оборот и элементы образной фразеологии, которые также отливались в постоянные словосочетания, например: а) „под меч подклонити“. б) Казаки служат государю „ни с вотчины ни с поместий“. Эта специфическая казачья формула обычно употребляется в более полном виде: „не с вотчин, ни с поместий, с воды, да с травы“.¹ Отметим близкую формулу у запорожских казаков: „служим за траву и воду“. Ср. эту формулу и у сибирских казаков: часть казаков Е. Хабарова взбунтовалась (1652 г.), насмешливо заявляя, что они впредь не согласны служить государю „своими головами с травы и с воды“.² Заметим, что эта распространенная формула казачьих документов, отражающая, вероятно, поговорку казаков, выражает определенную политическую концепцию данной социальной среды. Казаки напоминают этой формулой „власть имущим“, с одной стороны, о трудности и необеспеченности их службы на „украинах“ государства, которую они несут за право владения там реками и полями, а с другой — они намекают на свое отличие в этом отношении от „бояр и дворян государевых“, которые как раз и получают от царя за свою службу „вотчины и поместья“. в) В отписке, как и в Исторической повести, употреблена традиционная риторическая характеристика „бусурман“ как „агарянского изчадия“, „злохищренных волков“. Сравнения эти бытовали у казачьих канцеляристов, о чем свидетельствует наличие их и в других войсковых отписках: „Они (крымцы и турки. — А. Р.) перед собою о воинском деле вестников никаких не посылают, ходят на православное крестьянство, аки злохищренные волки под беззобивых агнец“,³ или — „а мы, государь, холопи твои, над ними турскими и крымскими людьми. . . над агарянским изчадием, прося у бога милости, ради. . . промышляти“.⁴ Те же образцы наблюдаются в Особой повести: „и нападоша на Войско, аки лютии и немилостивии волци на беззобивых агнец“;⁵ „бусурманы“ и в этой повести характеризуются, как „агаренское исчадие“,⁶ или — „А он (хан. — А. Р.) безбожный агарянин, похитив аки лютый волк беззобивых агнец, и пришед под Азов с своею силою великою“.⁷

¹ Донские Дела, кн. 2, стлб. 155; ср. еще там же, кн. 3, 714; кн. 4, 37, 349, 697, 731, 733, 832; кн. 5, 571 и др.

² С. В. Бахрушин. Казаки на Амуре. Л., 1925, стр. 48.

³ Донские Дела, кн. 2, стлб. 123.

⁴ Там же.

⁵ А. С. Орлов. Особая повесть об Азове, стр. 28, 33—34.

⁶ Там же, стр. 35.

⁷ Там же, стр. 31.

Примеры показывают, таким образом, что войсковые канцеляристы в целях создания большей выразительности стиля своих отписок охотно пользовались подходящими к случаю традиционными образами и оборотами старой книжной стилистики и вместе с тем вовлекали в свое изложение образность живого языка и фольклора.

В цитированной отписке, например, использован выразительный оборот живой речи — слова толмача Асанки о том, что теперь де тела казаков из-под Азова „возят коюками, а станут де ещо возить и бударами“. Такая манера характеристики создавшегося положения, путем введения в документ лаконичного образа живой речи, широко применялась составителями войсковых отписок. Так, например, в одной из них говорится, что казаки посылали за помощью „к черкасским и к манотцким“ своим собратьям, чтобы те шли в Азов, но „они, государь, нам отказали: мы де за камень не хотим умереть, мы де умрем за свои щепки“.¹ В одной из отписок Войска к крымскому хану (1682 г.) казаки сначала перечисляют различные неосновательные притязания хана и угрозы его итти войною на Дон, а затем в самом конце отписки дают свой короткий образный насмешливый ответ: „а и сам ты, хан Мурат-Гирей, хочешь под наши городки итти многим собранием по льду, зимним путем, войною. И наши городки некорыстны — оплетены плетнями, а обвешаны тернами, а надобно их доставать твердо головами, а стад у нас конских и животных мало: даром вам в дальний путь забиватся“.²

В одной из царских грамот на Дон, в которых в отдельных случаях также употреблялись в обращении к казакам обороты разговорно-речевого характера, запорожцы ставятся в пример донцам, причем отмечается в духе поговорки: „И они (запорожские казаки. — *А. Р.*) умели заворовать, умели и кровью заплатит“.³

Наши примеры далеко не исчерпывают, конечно, различных случаев введения образной речи в казачьи отписки, однако они характеризуют с достаточной наглядностью тот своеобразный литературно-деловой стиль канцелярии Войска Донского, который выработался в его документации в XVII в.

Заботясь о выразительности и убедительности своих отписок, войсковые дьяки в подходящих случаях передавали в них прямой речью те или иные переговоры, которые вело Войско с его противниками. Подобного рода „речи“ — переговоры характерны и для повестей об Азове.

Сопоставление показывает в некоторых случаях не только общую близость содержания и построения этих „речей“ в отписках и повестях, но также и заметную близость в употреблении образных средств выражения. Например, автор Поэтической повести не только ввел в состав своего произведения „речи“, как жанровую черту некоторых войсковых

¹ Донские Дела, кн. 2, стлб. 177.

² Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным, т. I. Новочеркасск, 1891, стр. 110.

³ Донские Дела, кн. 1, стлб. 250.

отписок вообще, но, кроме того, усвоил и воспроизвел весь тон и манеры изложения казачьих „речей“ в отписках и даже повторил отдельные стереотипные фразы и обороты, которыми пользовались войсковые канцеляристы, когда они писали об азовских делах.

Казачьи „речи“ в отписках включались в эти официальные документы, конечно, не столько в целях делового отчета перед царем и сообщения ему подробностей действительного положения на Дону, сколько с намерением расположить царя в пользу Войска, убедить его в совершенной правоте и необходимости действий казаков. Включение таких „речей“ в документ придавало официальному докладу известную наглядность и выразительность, сообщало ему даже элементы драматизации и повышало его эмоциональное воздействие на адресата в желаемом для Войска направлении.

Если бы войсковые дьяки преследовали только цели делового отчета, они могли бы в этих отписках ограничиться простым указанием на то, что Войско отклонило предложения крымского хана о передаче ему Азова. Но вместо этого они подробно воспроизводят в образной форме живой насмешливой казачьей речи ответы Войска послам хана. Составители отписок в этих случаях несомненно передавали общий смысл и тон переговоров казаков с послами, но при этом, разумеется, они обдуманно отбирали для своих отписок и добавляли в свое изложение „речей“ именно то, что соответствовало московской ориентации в политике Войска. Очевидно предполагалось, что в результате этого возникнет достаточно выразительный дипломатический эффект. Действительно, царю читали войсковую отписку, а в ней воспроизводился прямой речью как бы подлинный текст ответов казаков их противникам, причем из этого текста следовало, что казаки говорили хану именно то, чего желало московское правительство, что отвечало его внешней политике.

В Москве, как отмечает Н. А. Смирнов, казакам „простили и захват Азова и убийство турецкого посла. Они лишь были обязаны помнить, что взятие Азова произошло по их собственной инициативе, а не по приказу Москвы. Правительству было очень важно, чтобы эта точка зрения, которая полностью соответствовала действительности, была настолько усвоена, чтобы даже случайные казаки, попадающие к туркам в плен могли в один голос ее подтвердить и тем самым отнять у турок всякий повод подозревать русское правительство в двойной игре“.¹ В качестве примера к этому добавим, что атаман Денис Григорьев заявлял в Посольском приказе (29 мая 1641 г.) о том, как, будучи в плену в Цареграде он отрицал предполагаемое турками участие царских войск во взятии Азова.²

¹ Н. А. Смирнов, ук. соч., т. II, стр. 53.

² Донские Дела, кн. 2-я, стлб. 180.

В „речах“ отписок казаки от лица всего Войска подтверждали, что они взяли Азов без государева „повеления и помочи“ и, следовательно, показывали царю, что и в своих сношениях с противником они неуклонно держатся желаемой для него точки зрения, не собираются прикрываться царским именем и всю ответственность за Азов принимают на себя.

С другой стороны, эти „речи“ в составе отписок были удобной формой для того, чтобы косвенно напомнить царю, обращаясь опять-таки будто бы только к крымскому хану, о том, что казаки дорожат своей независимостью и самостоятельным положением в Азове. Если при взятии города от государя им помощи не было, то они одни хозяева своего завоевания: „одни мы, казаки... взяли Азов... одне мы ныне в городе и живем“.

В таком же плане, как мы уже говорили однажды,¹ „дипломатически“ пользуется формой „речей“ и автор нашей повести, ориентируя свое произведение на московского читателя.

Таким образом, и общая целевая установка включения таких „речей“ в состав рассказа об азовских событиях, и манера изложения их, доходящая местами до текстуальных совпадений, оказываются в подлинных войсковых отписках и в Поэтической повести очень близкими.

В связи с этим мы должны отметить одно наблюдение А. С. Орлова, которое представляется нам очень существенным. Сравнивая Особую повесть с казачьими войсковыми документами, исследователь писал: „Сходство речей разновременных и записанных в разное время (1638 и 1641 г.), доказывает только одно, что для передачи их на Дону выработался определенный шаблон“.² В „речах“ отписок и повестей мы обнаруживаем вполне определенную и закрепленную уже традицией своеобразную канцелярско-литературную обработку живой речи, сочетание ее с официально-деловым стилем.

Мы думаем, что этот полу-литературный стиль отписок с их выразительными „речами“ сложился под влиянием специфических условий самой жизни казачества в ту эпоху, и что он многое почерпнул из живой „ораторской“ речи казаков, специалистов по переговорам с противниками. С другой стороны, может быть, и эти уже обработанные документально-литературные формы в дальнейшем в свою очередь влияли на стиль речей донских „ораторов“.

Существование и деятельность одного из таких „ораторов“, участника азовского „сидения“ и „специалиста по речам“, как характеризует его А. С. Орлов, засвидетельствованы документально. Атаман Осип Никитин Лосев, сын служилого в Ельце человека, сам с детского возраста более 30 лет „служивший“ на Дону, во время осады Азова в 1641 г. был избран Войском в качестве парламентаря. В челобитной на царское имя от 1 октября 1644 г. он о себе рассказывает: „И я, холоп твой,

¹ См. подробнее в нашей ук. статье (т. VI наст. изд.).

² А. С. Орлов. Особая повесть об Азове, стр. 27—28.

в осаде сидел... И в том же году, за неделю до Оспожина заговейна (т. е. 23 июля. — А. Р.), из осады из Озова меня, холопа твоего, всем Донским Войском посылали к турецким пашам и х крымскому царю против их посланных речей говорить. И я, холоп твой, к турецким пашам и х крымскому царю от Войска говорил и по их войсковому велению. И был я у них два дни да ночь и пришел х Донскому Войску в Озов в осаду и их обманная речи Войску розсказал¹.

Живую связь деятелей войсковой канцелярии с воинским бытом казаков мы можем иллюстрировать интересным историческим примером. Войсковой дьяк Михаил Петров, как видно из его челобитной на царское имя (от 23 апреля 1650 г.), действовал не только пером, но и мечом, и „на той... государеве службе и на бою, обливаясь кровию, тут же с Войском Донским был и тебе, государю, служил и за тебя, великово государя, умирал“². Дьяк Петров тяжело раненный попал в плен к татарам, был продан в рабство, переходил из рук в руки, побывал в Азове, в Крыму, Царьграде, Сувазе, затем через Кавказ бежал на Терек, оттуда переехал в Астрахань, попал, наконец, снова на Дон, где его „учинили войсковым дьяком попрежнему“. „А в роспросе донские станичники... про нево, Михайла, сказали, что у них на Дону человек знатной, а у государевых дел и у войсковых писем работает войсковым дьячьим именем давно“³.

Мы имели случай отметить и политическую деятельность одного из войсковых дьяков, Федора Порошина, видимо автора Поэтической повести, который в трудную для казачества минуту выбирался Войском и посылался в Москву в составе станицы в качестве ее есаула, той самой станицы, которая везла отписку с чрезвычайным известием о победе казаков и с просьбой к царю принять Азов⁴.

Итак, постоянное ведение всевозможных переговоров с друзьями и врагами, с татарами, турками, ногайцами, калмыками, персианами, запорожскими казаками и т. д., отчеты об этих переговорах в отписках на царское имя, кроме того, привычка к постоянным публичным выступлениям в войсковом и станичных кругах, яркий народный юмор, не стесняемый на Дону никакими социально-политическими преградами, — все эти исторически обусловленные явления казачьей жизни не могли не создать, как нам кажется, своеобразной культуры „ораторской“ речи. Письменное оформление и обработка этой речи протекала в войсковой канцелярии, что и отразилось на рассмотренных „речах“ отписок, а также на „речах“ Особой, Исторической и, главным образом, Поэти-

¹ Донские Дела, кн. 2, стлб. 585; подробнее о Лосеве см.: А. С. Орлов. Особая повесть об Азове, стр. 22—23.

² Донские Дела, кн. 4, стлб. 501—502.

³ Там же, стлб. 509.

⁴ См. подробнее в нашей статье „Вопросы авторства и датировки Поэтической повести об Азове в „Докладах и сообщениях филологического факультета Московского университета“, вып. 5, М., 1948.

ческой повестей об Азове. Остро публицистическое содержание „речей“ автор Поэтической повести выразил средствами, выработанными, с одной стороны, в практике казачьего ораторства, с другой в метком и выразительном просторечии, а частично и в своеобразном казачьем фольклоре.

Включение в состав Поэтической повести „речей“ турок и казаков в данных социально-исторических условиях было так же закономерно и органично для ее жанра „отписки“, как и включение подобного рода „речей“ в состав подлинных войсковых отписок.

4

Донские войсковые отписки с их характерными жанровыми и стилистическими особенностями могут быть сопоставлены с отписками сибирских казаков середины XVII в. Сибирское казачество, состоявшее, главным образом, из беглых холопов, ссыльных, „вольных“ и „охочих“ людей, соединившихся в сравнительно небольшие военные отряды, вело в этот период жестокую и трудную борьбу с даурами, „богдойскими людьми“ и другими восточными народами за обладание рекой Амуром и окрестными землями.¹ Социальный состав, быт, культура и деятельность этих казаков во многом сближают их с казачеством Дона, а их деловая переписка с сибирскими воеводами как бы в миниатюре повторяет переписку Войска Донского с русским царем.

Отписки казаков с Амура отличаются большой литературностью и, что особенно интересно, наподобие донских отписок неоднократно вводят в состав документально-делового изложения традиционные литературные образы.

Амурские казачьи отписки обнаруживают в некоторых случаях определенную типологическую близость с Поэтической повестью об Азове.

Ограничимся здесь привлечением двух отписок. Первая из них представляет собою донесение „служилого человека“ Е. П. Хабарова якутскому воеводе Д. А. Францбекову о военных действиях казаков на „великой реке Амуре“ в 1652 г.²

Хабаров по обычаю „бьет челом“ воеводе, а затем начинает повествование в стиле уже знакомой нам традиции отписок: „И июня в 2 день, поделав суды болшие и малые, и прося у бога милости и у всемиростивого спаса, из того города Албазина поплыли...“ Плавание Хабарова сопровождается непрерывными стычками с туземцами, осадой и взятием их городов: „и мы наскоре из стругов своих пометались на берег и за ними (даурами. — А. Р.) побежали, и они... в те свои городы засели“. Начинается осада. Казаки „божиею милостию, и государским счастьем...“

¹ С. В. Бахрушин. Казаки на Амуре; его же. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927.

² Дополнения к Актам историческим, т. III, № 102, стр. 359—371; далее в скобках укажем страницы.

тот город наскоре обсадили“. Следует изображение переговоров с осажденными: „и яз, приказной человек, велел толмачам говорить про государское величество, что наш государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси страшен и грозен и всем царством обладатель, и никакие орды не могут стоять против нашего государя... и против нашего бою, и вы, князь Гуйгудар,... без драки сдайтесь“. Ответ осажденных на этот официальный ультиматум выдерживается в духе народной образной речи: „И тот Гуйгудар то стал говорить: даем де мы ясак богдойскому царю..., а вам де се какой ясак у нас, как де мы бросим последним своим робенком, дитятем, то де мы вам с себя ясак дадим“.

Изображение осады, стрельбы с обеих сторон влечет за собою включение в документ поэтического образа: „и настреляли они, дауры, из города к нам на поле стрел, как нива стоит насеяна“ (360). „И те свирепые дауры не могли стоять против государьской грозы и нашего бою, и из того города напролом... побежали..., и, божиею милостию и государским счастьем, тех дауров в пень порубили всех с головы на голову...“

Дальнейшее изложение этой большой отписки ведется также в форме хронологически последовательного полулитературного повествования. Один эпизод особенно выразителен: „На утреней зоре, сверх Амура реки славныя“ неожиданно „ударила“ на казаков „сила богдойская“. „И наш казачей ясаул закричал в городе, Андрей Иванов служилой человек: «Братцы казаки, ставайте наскоре и оболакайтесь в куяки крепкие», и метались казаки на город в единых рубашках на стену городовую... ажно бьет из оружия и из пушек по нашему городу казачью войско богдойское; и мы, казаки, с ними, с богдойскими людьми, войском их дрались из-за стены с зори и до схода солнца... а богдойские люди знаменами стену городовую укрывали“. Ср. этот образ еще более гиперболизированный в Поэтической повести: „и покрыли весь Азов город знаменами своими“ (Е, 144), или „и теми своими знаменами укрыли у нас весь Азов город наш и все стены и башни азовские“ (Р, 193).

Казаки Хабарова слышат далее, как „из того их великого войска богдойского кличет князь Исиней... и все войско богдойское: «не жгите и не рубите казаков, емлите их, казаков, живьем»“. Они приступают к традиционному прощанию: „и яз Ярофейко (Хабаров. — А. Р.), и служилые люди и волные казаки, помолясь спасу и пречистой владычице нашей богородице и угоднику христову Николе чудотворцу, промеж собою прощались и говорили то слово яз, Ярофейко, и ясаул Андрей Иванов и все наше войско казачье: «Умрем мы, братцы казаки, за веру крещеную, и постоим за дом спаса и пречистые и Николы чудотворца и порадеем мы, казаки, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, и помрем мы, казаки, все за один человек против государева недруга, а живы мы, казаки, в руки им, богдойским людям, не здадимся»“.

Этот мотив прощания перед боем, отражающий несомненно характерное явление военного быта казачества, по манере своего изображения здесь близок аналогичной картине в Поэтической повести: „...и мы, бедныя, прося у бога милости и пречистыя богородицы помощи и предтечева образа, и призывая на помощ чюдотворцы московские, учиня мы меж собою последнее прощание друг з другом и со всеми православными крестьяне... пошли к ним из города на прямой бой...“ И далее: „и мы, бедныя,... за твоею помощию божиею за веру крестьянскую умираючи, бьемся против сил болших 300 000, за церкви божи, за все государство Московьское и за имя царьское“ (Б, 148—149).

Изображение молитвы и прощания казаков в повести об Азове, которое мы цитировали здесь сокращенно, отличается от амурской отписки большей литературностью выражения, однако план построения этой картины и стиль ее обнаруживают с последней значительное сходство, отнюдь не свидетельствующее, конечно, о влиянии одного эпизода на другой. В обеих картинах выражается надежда на помощь „небесных сил“, причем, оформляется этот мотив в обычные шаблоны („прося у бога милости“, „помолясь спасу...“ и т. д.), затем следует мотив прощания „друг с другом“ или „промеж собою“, далее прямой речью выражается молитва, лейтмотивом которой является намерение казаков умереть „за веру крещеную“, „постоять“ за „дом спаса“ или „церкви божи“, за „государство Московское и за имя царское“.

Изображение предсмертного прощания и молитвы казаков в подлинной отписке и в Поэтической повести, выдержанное по преимуществу в стиле канцелярской полу-литературной речи, представляло собою явление новое и своеобразное. Приведем для сравнения изображение аналогичной сцены в Исторической повести об азовском взятии, которое в значительной степени отвечает еще старой традиционно-литературной стилистике: „И учили атаманы и казаки... к приступу готовитца и восприяху у священников истинное покаяние и друг со другом прощахуся, слезами обливающеся, друг ко другу глаголюще: «Помрем, братие, за святыя божиа церкви и за святую истинную нашу православную христианскую веру. Никим же нудими, никим же посылаеми, но сами восхотехом и по своей нашей воле за имя Христа истиннаго бога нашего и за обиду Росийскаго государства единодушно померет»“ и т. д. (59).

Вернемся к отписке Хабарова. После молитвы казаки, „не щадя лица своего“, „дралися“ с „манжурами“. Результат боя передается в совершенно литературной манере: „и нападе на них, богдоев, страх великий, и божиею милостию... покажися им наша сила несчетная и все достальные богдоевы люди прочь... побежали...“ (366). Ср. в другом месте этой же отписки: „и нападе на них, собак иноверцов, страх божий, и против царской грозы и нашего бою стоять не могли и побежали врознь“ (365).

Еще более характерно этот мотив бегства врагов от „страха божия“ выражен в другой отписке с Амура (1655 г.): „и видя к себе те богдойские люди божие посещение, и напode на них ужас и трепет, и они порох пометали на своих таборах в воду и верховые огненные заряды“.¹

Этот мотив, издавна известный старой повествовательной литературе, отразился и в азовских повестях, например в Документальной, где о турках и татарах в конце осады Азова сказано: „вниде ужас в кости им, трепет в забвенныя души, и за четыре часа до дни возмутятся побежали, никим гоними...“ (88), ср. в Поэтической: „возмятсь окаянны и вострепетас побежали никем нам гоними с вечным позором“ (Тх. 5, л. 43 об.).

Последний компонент этого мотива по амурской отписке — враги, уstraшенные богом, „пометали“ свое вооружение, — можно проследить в близкой параллели по Казанскому летописцу: „и паде на ны (татар. — А. Р.) страх и трепет, встав и побежа ношью из града Тулы, и весь наряд свой у града стоящи пометав с великим срамом, гоними божим гневом“.²

Отписка О. Степанова, которую мы уже начали цитировать, изображает осаду Комарского острога почти что в духе воинских повестей. Вот, например, традиционное для литературы „видение“ воинов: „а как сидели в острожке в осаде от богдойских людей, имели казаки пост и молитву и в то время было явление многим древним от иконы всемилостивого спаса, и от иконы пречистыя владычицы богородицы нашей и приснодевы Марии и от всех святых“ (30). В Документальной повести выражение этого мотива строится аналогично: „А как оне в осаде сидели, и оне де казаки имели пост и молитву и моление великое, чистоту душевную и телесную. И многие искусные люди видех вне до конца сна ово жену прекрасну в багряной ризе, а ово мужа древна власата боса и их, атаманов и казаков, от иноплеменных от поганых заступающа...“ (87—88).³ Ср. то же самое в Поэтической повести: „А в сидение свое осадное имели мы, грешные, пост в те поры и моление великое и чистоту телесную и душевную. Многие от нас людие искусные в осаде то видели во сне и вне сна ово жену прекрасну“ и т. д. (Тх. 5, л. 41 об.).

Обе приведенные отписки по характеру своего стиля стоят уже на грани собственно историко-повествовательной литературы. Если бы эти отписки были размножены в списках, то после самой незначительной литературной обработки они могли бы занять место рядом с такими произведениями, как Историческая повесть об азовском взятии или сибирская Повесть о городах Таре и Тюмени.

Сибирские отписки казаков, таким образом, близкие по своей стилистической манере донским войсковым отпискам, однотипные

¹ Дополнения к Актам историческим, т. IV, № 8, стр. 27—31; отписка „приказного человека“ О. Степанова, который сменил Хабарова в действиях на Амуре.

² Полное собрание русских летописей, т. XIX, столб. 111.

³ „Жена прекрасна в багряной ризе“ — прямая параллель к летописной повести о видении Темир-Аксаку, шедшему на Москву.

в использовании некоторых литературных мотивов с Поэтической повестью об Азове, свидетельствуют о том, что их составители стремились в рамках делового документа создать такой стиль оживленного, как бы непосредственного и часто образного рассказа, который, по их мнению, должен был способствовать наиболее сильному, убеждающему воздействию на адресата.

К такой же по типу канцелярско-литературной „школе“ принадлежал и автор Поэтической повести.

5

Наши материалы показали, что Поэтическая повесть в отношении использования содержания и стиля отписок Войска Донского имела своих литературных прелественников в виде Исторической и Особой повестей об Азове. Эти произведения возникли в казачьей среде и непосредственно связаны своим происхождением с войсковой канцелярией, которая, как мы полагаем, была не только деловым, но и своего рода литературным центром этой среды.

Автор Поэтической повести был, таким образом, не одиночкой, выступившим от имени казаков на неизведенное еще никем из них литературное поприще. Он основывался на профессиональной канцелярской „школе“, уже заявившей о себе определенными литературными образцами. Эта местная традиция была близка письменной и литературной культуре социально-близких донскому казачеству демократических слоев населения других областей России и составляла одно из новых звеньев в цепи развития древне-русской литературы.

Используя элементы содержания и стиля казачьих документов, Историческая и Особая повести об Азове все еще оставались повестями обычного „исторического“ типа. Поэтическая повесть, в отличие от них, не только значительно полнее и глубже усваивает стиль войсковой канцелярии,¹ но воспринимает целиком и самую форму основного документа этой канцелярии — форму войсковой отписки. Она вводит эту форму в литературу как новый своеобразный повествовательный жанр.

Этот оригинальный творческий акт автора повести, подготовленный достаточно разработанной уже у казаков документальной полу-литературной и литературной традицией, был исторически обусловлен, в обстановке политической борьбы за Азов, всем комплексом социально-политических идей, нравственных и эстетических представлений казачества которые и нашли свое художественное и публицистическое воплощение, в Поэтической повести об Азове.

Выбор формы войсковой отписки, как жанра повести, жанра, не свойственного литературным нормам традиционного художественно-исторического повествования, не был, конечно, случайной прихотью нашего автора, которому вздумалось удивить читателей своим формальным

¹ См. подробнее в нашей ук. статье „Из наблюдений над стилем...“, стр. 44—51.

новаторством. Жанр повести диктовался ему идейным содержанием и политической ориентацией произведения. Было бы нелепо, например, ожидать создания героической воинской повести в форме челобитной или грамоты, даже в форме той же отписки, если бы речь шла о событиях давно минувших или таких, которые вообще не давали бы повода для сообщения о них кому бы то ни было в данной документальной форме. Но форма войсковой отписки для изображения от лица казачества только что закончившейся героической обороны далекого Азова была наиболее подходящей.

Осаду Азова можно было бы легко описать и в обычной манере „исторической“ повести, по примеру хотя бы такого произведения об азовском взятии 1637 г. Можно было бы также воспользоваться в качестве образца для своего рассказа не войсковой отпиской, а другим канцелярским документальным источником, хотя бы записью „распросных речей“ казаков, положенных в основу Документальной повести. Но обе эти формы не давали и не могли дать писателю тех широких публицистических и поэтических возможностей изображения азовских событий, которыми располагала форма войсковой отписки.

Талант нашего автора проявился не только в его незаурядном литературном мастерстве, но и в том, что ему удалось удачно соотнести окружающую политическую обстановку со своими творческими задачами и „угадать“ именно ту жанровую форму произведения, которая служила бы адекватным средством для выражения задуманного.

Творческий почин автора Поэтической повести говорит уже о начале тех сдвигов, которые произошли в нашей литературе в XVII в.

Для правильной оценки авторского выбора жанра „отписки“ нужно учесть, что задачей повести было не „историческое“ описание осады Азова и не абстрактное, хотя бы и вдохновенное, описание героизма его защитников. Идейным лейтмотивом повести, определившим ее социальную функцию, была прямо выраженная в ней страстная и единодушная просьба Войска к царю о принятии Азова.¹ Эта основная мысль казачества в данный исторический момент, мысль, вдохновившая нашего автора, могла найти соответствующее своему значению художественное выражение только в такой форме рассказа, которая позволяла передать ее как бы непосредственно от лица Войска Донского.

Войсковая отписка сама была именно такой формой единого коллективного волеизъявления Войска в его сношениях с Москвой, формой, которая выросла и сложилась на почве особых социальных свойств этой военной демократической общины „вольных людей“ и беглых холопов в период расцвета ее вольностей, относящийся к первой половине XVII в.²

Поскольку автор наш был выразителем интересов и идей Войска, как единодушного в этот период военного коллектива, сплоченного борь-

¹ См. в привлеченном нами списке Тх. 5 (1-й редакции) в нашей ук. статье (т. VI наст. издания).

² С. Тхоржевский, ук. статья, стр. 12.

бой за Азов, естественно, что и жанр его произведения был создан по образцу той формы письменного выражения внешнеполитических интересов Войска, которая была ему свойственна.

Войсковая отписка, таким образом, сама отличавшаяся полулитературным характером, послужила естественной ступенью на пути к художественному обобщению политических задач и нравственных идеалов казачества в этот наиболее напряженный для него и многое решавший момент азовской победы. Повесть наша явилась не искусственной стилизацией „под“ отписку вообще, не копированием подлинной отписки, привезенной Наумом Васильевым, но превращением данной формы в казачью эпопею об азовской осаде.

Возникновение в среде казачества воинской повести об Азове в виде войсковой отписки представляется нам столь же естественным и закономерным, как пародийное использование челобитной для осмеяния пьянствующих монахов Калязинского монастыря или такое же изображение в форме „списка судного дела“ тяжбы Ерша Ершовича с „большими“ рыбами в посадской среде Московского государства XVII в. И если пародийное использование формы челобитной или „судного дела“ несомненно усиливало сатирический эффект этих произведений в глазах читателя-современника, то аналогичное, хотя и иначе направленное, усиление впечатления от произведения должна была вызывать и форма отписки, узнававшаяся в повести об Азове.

Действительно, азовская победа произошла на далеком юге, за „Диким полем“, за теми „украинами“ Русского государства, которые оберегались „рыцарями“ Дона, „богатырями“ святорусскими“. Воспевая заслуженную ими славу, автор повести одновременно оповещал московского читателя об этих дальних событиях. Убедительность такого рассказа, построенного в виде будто бы подлинного документа — отписки, только что привезенной из Азова, от этого только выигрывала.

В обстановке горячего обсуждения азовской проблемы в Москве, в то время, когда среди москвичей в течение нескольких месяцев жили свидетели и участники легендарной победы казачества — атаман Наум Васильев с товарищами, форма войсковой отписки была наиболее эффективным жанром для автора повести. Такая форма повести сочетала в себе элементы документальности с поэтическим вымыслом и эмоционально напряженным, захватывающим рассказом как бы самих героев осады обо всем пережитом ими. Она не могла не содействовать возбуждению в читателях повести особого внимания к патриотическому подвигу казаков и сочувствия к их крайне тяжелому положению после осады.

Но, ориентируя повесть на московского читателя, автор не мог сохранить принятую им форму войсковой отписки во всех ее деталях. Войско Донское в своих отписках всегда адресовалось прямо к царю и включало в свой рассказ непосредственные к нему обращения („государь“). Так, например, во второй отписке после азовской осады, где казаки напоминают о своей просьбе принять Азов и прислать туда гарнизон „к роже-

ству христову“, говорится: „И тот, государь, срок давно прошел, а к нам твоих... ратных людей... не бывало. И буде, государь, вскоре... воеводы с ратными людьми к нам не будет, и нам за нашу нужду то место будет покинуть, потому, государь, что никаких у нас хлебных запасов нет, ... а и жить, государь, стало не в чем да некем и нечем...“¹

В Поэтической повести рассказ ведется также от лица Войска, но уже без прямых обращений к царю. Они заменены здесь пересказом будто бы текста подлинной отписки для третьего лица. Например: „... и он, государь, от войны и от татар... А мы, холопи ево (в отписке было бы — „холопи твои“)... А буде государь нас, холопей своих далних, пожалует...“ (Тх. 5, л. 45—45 об.).

Жанр, таким образом, остался прежним, но адресат изменился. Если подлинная отписка апеллировала с просьбой об Азове только к самому „государю“, то параллельная ей повесть, сохраняя ее жанровую форму, как бы расширяла свою аудиторию, выводила обсуждаемый вопрос за пределы Посольского приказа и дворца и обращалась уже с рассказом о тех же азовских делах к московским общественным кругам, которые как раз в это время живо интересовались данной проблемой.

Каким же образом Поэтическая повесть об Азове, — этот выдающийся памятник художественной литературы, могла быть построена на данной канцелярской основе?

Мы характеризовали уже выше своеобразный полулитературный стиль казачьих отписок, который охотно пользовался элементами книжной повествовательной традиции, широко включал в свой состав просторечие и образную фразеологию живого языка, создавал „ораторскую“ риторику „речей“. Изложение от первого лица, сообщавшее данной форме характер непосредственного живого рассказа, содействовало объединению всех этих стилистически-разнообразных средств выражения.

„Повествовательный“ характер стиля отписок с ясно выступающими в нем зародышами средств художественного изображения, сочетающимися с необходимой „официальной“ оправой изложения в виде известных канцелярских формул, был талантливо оценен и поэтически развит автором нашей повести.

Такая установка писателя на органическое художественное развитие избранного жанра „изнутри“, основанная на идеологической близости автора к казачеству и профессиональном знании языка отписок, позволила ему создать цельный яркий поэтический стиль, лишенный внешних и идейно не оправданных „украшений“.

¹ Донские Дела, кн. 2, стлб. 287—288.

М. О. СКРИПЬ

**Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении
к русской сказке**

1

Победа на Куликовом поле была событием исключительного значения в жизни всей северо-восточной Руси. Она разрушила легенду о непобедимости татаро-монголов, она показала, что объединенная Русь сильнее Золотой Орды, она окончательно утвердила первенство Московского княжества в ряду других северо-восточных русских княжеств и явилась стимулом дальнейшего политического, морального и культурного подъема в жизни этого княжества. С этого времени главная роль в деле объединения русских земель приходится на долю Москвы, культура Москвы становится наиболее ярким выразителем общерусских интересов, а ее литература выходит на первое место и по числу произведений и по своим передовым общественно-политическим тенденциям. Но это же время характеризуется напряженной политической и культурной жизнью и других княжеств северо-восточной Руси. Процесс объединения северо-восточных русских княжеств вокруг Москвы не мог протекать беспрепятственно. На политической арене открытую борьбу с Москвой продолжают в XV в. и Тверь, и Новгород, и потомки суздальских князей. Кроме этого, среди ближайших родственников самих московских великих князей оказался ряд сторонников традиций удельно-вотчинного права, и это привело к междоусобной войне в Московском княжестве середины XV в.

Но борьба в это время, кроме столкновений военного характера, приобрела и иные формы. Уничтожение самостоятельности крупных и мелких княжеств и присоединение их к Москве не всегда еще свидетельствовало о полной победе в области идеологии: враждебное отношение к объединительной политике Москвы, консерватизм в оценке ее политического курса в вопросах управления страной, защита местных интересов в ущерб общегосударственным — все это часто прорывалось в практике местных деятелей много спустя после установления московского владычества. Этот протест приобретал крайне разнообразное выражение в лите-

ратуре областных центров: от прямого „обличения“ Москвы до идеализации своих местных политических и церковных деятелей, своего исторического прошлого, в форме легенд и легендарно-исторических или легендарно-политических повестей и сказаний. Особенно яркие образцы таких произведений дали Новгород и Псков.

С другой стороны, обращение писателя к местной теме в это переходное время не всегда свидетельствовало о его разрыве с современностью, о его консерватизме. Чаще всего оно говорило как раз о противоположном. Во второй половине XV в. в московской литературе получила широкое распространение тенденция к переосмыслению местных литературных и народно-поэтических произведений в общенациональном направлении. Одним из интереснейших фактов этого ряда является создание около 1456 г. московским книжником на основе местных смоленских преданий „Повести о Меркурии Смоленском“. Меркурий приобретает в этой повести облик общерусского героя, а легендарный рассказ о поражении татаро-монголов под Смоленском — значение общерусского события. Несколько позже это направление в литературной работе московских писателей, поддерживаемое и духовной и светской властью, сказалось в тщательном сосредоточении в Москве и редактировании многочисленных местных житий, легендарных сказаний об иконах и проч.

Значительно более сложное отражение русской исторической действительности второй половины XV в. мы обнаруживаем в одной из крупнейших древне-русских муромо-рязанских повестей — „Повести о Петре и Февронии муромских“. Эта сложность объясняется в данном случае тем, что „Повесть о Петре и Февронии муромских“ характеризуется не только освещением местной темы, но и тем, что автор ее не москвич, а житель одного из периферийных культурных и политических центров (вернее всего — Муром) и горячий патриот своего края.

Повесть о Петре и Февронии известна в рукописях под названием то „Повесть от жития“, то „Житие и жизнь“, то просто „Житие“ и, как „житие“, нередко вносилась в различного рода сборники житийного характера. Но житийного в ней, за исключением нескольких эпизодов, приведенных для характеристики Февронии и отчасти — Петра, ничего нет. Это было очевидно и для древне-русского читателя. Культ Петра и Февронии как местных муромских святых уже вполне сложился ко второй половине XV в. К этому же времени следует отнести и написание „Повести о Петре и Февронии“.¹ В 1547 г. на московском церковном соборе Петр и Феврония канонизируются, а несколько позже официально признаются общерусскими святыми. В 1552 г. во время похода на Казань

¹ Попытка отодвинуть создание повести к XVI в., связать ее с литературной деятельностью Ермолая — Еразма должна быть признана неудачной; см.: В. Ф. Р ж и г а. Литературная деятельность Ермолая — Еразма. Летопись занятий Археографической комиссии за 1923—1925 г., вып. 33, Л., 1926, стр. 103—200; Ю. А. Я в о р е к и й. К вопросу о литературной деятельности Ермолая — Еразма. *Slavia*, 1930, IX, S. 1, 57—80; S. 2, 273—299.

Иван Грозный заезжает в Муром на поклонение „сродникам своим“, Петру и Февронии. И, несмотря на все эти факты, повесть о Петре и Февронии не попадает в Четьи-Минеи Макария. Ее легендарно-сказочный характер, очевидно, смущал составителя свода житийных произведений, в ряде случаев обнаруживавшего значительную терпимость к фантастическому. Очевидно повесть о Петре и Февронии была задумана не как агиографическое произведение.

2

Повесть не дает никаких указаний, кого именно из исторически известных князей муромских надо иметь в виду под именем Петра и Февронии, и ничего не говорит о времени их жизни. Нет о них упоминания и в летописях. Но в работах по русской агиологии и истории русской церкви князь Петр отождествлялся, обычно, с Давидом Юрьевичем, княжившим в Муроме с 1203 по 1228 г. Этого мнения придерживался ряд ученых.¹ В поисках источников этого мнения мы приходим к памятнику XVII в., а именно — „Книге глаголемой описание русских святых“. В ней указывается год и день смерти Петра и Февронии: „Св. благоверный князь Петр и благоверная княгиня Феврония муромские чудотворцы (по сп. Общ. истории и древн. росс. № 231: «во иноцех») преставишася в лето 6735 месяца июня в 25 день“. Сверяя эти указания со свидетельствами летописи о Давиде Юрьевиче, мы не находим между ними полного совпадения. В летописи под 1228 г. читается: „Умре сын Давыдов Муромского, месяца априля, святые неделя праздныя. Тое же недели преставися и сам Давыд Муромский, в черньцих и в схиме“.² Филарет, не оговаривая несовпадения в годе, объясняет несовпадение в месяце следующим образом: „Если по летописи скончались в апреле, то 25 день июня надо признать за день открытия мощей“.³ Он же замечает, что автор повести по ошибке назвал князя Петра „в мирском быту Петром и в иночестве Давидом. Наоборот, в миру он был Давидом. Ошибка в имени князя перешла и в печатный полный месяцеслов...“⁴ Даже соглашаясь с возможностью такого примирения сведений о Петре-Давиде, следует все же проверить показания „Книги глаголемой“ свидетельствами других источников. Таких источников несколько. В святцах

¹ Макарий, митр. История русской церкви, 1870, т. VI, кн. 1, стр. 216. Филарет. Русские святые, июнь, СПб., 1882, стр. 278—279. Сергей, архиеп. Полный месяцеслов Востока, т. II, стр. 191. Дмитрий, архиеп. Месяцеслов святых, вып. 10, стр. 227 и сл.; В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых, как исторический источник. М., 1871, стр. 287; Е. Голубинский. История русской церкви. М., 1831, т. I, пол. 2, стр. 557; Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903; Н. Барсуков. Источники русской агиографии. СПб., 1882, стр. 451.

² ПСРА, 1846, стр. 191.

³ Филарет, ук. соч., стр. 279.

⁴ Там же, стр. 275.

устава XVI в. под 25 июня говорится просто „благоверный князь Петр и княгиня Феврония муромские чудотворцы“.¹ В окружной грамоте 1547 г. митрополита Макария читаем: „Пети и праздновати в Муроме ж и повсюду, июня в 25 день, новым чудотворцем благоверному князю Петру и княгине Февронии Муромским“.² В „Уставе церковных обрядов, совершавшихся в Московском Успенском соборе“, составленном около 1634 г., под 25 июня говорится: „Память благоверному князю Петру и княгине Февронии, муромским чудотворцем; благовесть в лебедь, трезвон средней, а пети вкупе со отданием Предтечевым, точию им поем величание“.³ Как видим, в этих более древних источниках, частично относящихся к годам канонизации Петра и Февронии, никак не отразилось отождествление князя Петра повести и Давида Юрьевича летописи. Очевидно, сведения „Книги глаголемой“ о тождестве Петра и Давида взяты из текста повести.

Но может быть есть иные доказательства их тождества? Н. П. Травчетов, суммируя в своей обстоятельной статье⁴ все, что можно было бы сказать в защиту этого тождества, приводит, в конце концов, очень слабые доводы. Он, во-первых, обращает свое внимание на то, что по повести Петр жил сначала при брате и княжил после его смерти. „Прилагая эту подробность, — говорит он, — к первым правителям княжества (Муромского), мы встречаем нечто подобное в жизни трех князей: Святослава и Ростислава Ярославичей и Давида Юрьевича, которые также занимали муромский стол после своих старших братьев. Но первые двое не могут отождествляться с Петром: до занятия Муромы они жили не с братьями здесь же, а княжили отдельно в Рязани и потом управляли муромским княжеством очень недолго — всего по два года, тогда как Петр дожил здесь до старости; кроме того, в частности, Ростислав, потерявший Муром и вступивший затем в продолжительную и упорную борьбу с суздальскими князьями за свое рязанское княжение, является в истории типическим образцом таких князей, которые отмечены печатью жестокого, беспокойного характера, и потому едва ли мог быть признан святым. Остается, таким образом, предположить, что носителем имени Петра был не кто другой, как Давид Юрьевич, княживший после смерти своего брата Владимира. Такое предположение представляется тем более правильным, что личный характер Давида, насколько он известен из летописей, отличался такими чертами, которые нисколько не препятствуют причислить его к лику святых“.⁵ Довод этот, конечно, более чем сомнительный. Он предполагает прежде всего безупречность исторических свидетельств повести, т. е. то, что прежде всего надо доказать. Затем,

¹ См. ркп. Толст. I, № 100.

² Акты Археограф. Эксп. СПб., 1836, т. I, № 213, стр. 203.

³ „Русская Историческая Библиотека“, СПб., 1876, т. III, стр. 82.

⁴ Н. П. Травчетов. „Кого из муромских князей следует разуметь под именем «св. благоверного князя Петра, в иночестве Давида, муромского чудотворца?»“ Тр. Третьего обл. ист.-археол. съезда, бывшего в г. Владимире, Владимир, 1909.

⁵ Ук. соч., стр. 14.

история Муромского княжества очень темна: с 1248 г. по 1344 г. летописи и другие исторические источники ничего не говорят о муромских князьях, а за это время легко могла произойти искомая Н. П. Травчетовым ситуация. Отстаивать же тождество „святого Петра с Давыдом Юрьевичем“, ссылаясь на „высокие нравственные качества“ последнего, совсем невозможно: в истории русской церкви есть замечательные примеры „причисления к лику святых“ лиц весьма сомнительных „нравственных качеств“. Во-вторых, Н. П. Травчетов пытается объяснить разницу имен в повести и летописях: Павел и Петр в повести, Владимир и Давид — в летописи. „Известно, — говорит он, — что в древнее время на Руси князья иногда носили, кроме мирского или князьего (Владимир, Ярослав, Мстислав, Святослав и др.), еще по два христианских имени. Одно из них, по словам проф. Голубинского, нарекалось в 8-й день по рождении. другое давалось в 40-й день при самом крещении. Если же так, то почему не предположить, что князь Петр, кроме сего имени, имел еще другое христианское имя Давид, о котором и упоминается в летописях. Это последнее могло быть оставлено за ним и потом при пострижении в монашество или принятии схимы, так как в древности постригаемому обыкновенно давалось не только имя того святого, который чествовался церковью в день пострижения, но и прежнее мирское имя. В таком предположении нет ничего невероятного, равно как и в том, что старший брат Петра носил княжее или мирское имя Владимир, которое дается в летописях старшему брату Давида Юрьевича. Так, приняв во внимание древний обычай некоторых князей — носить несколько имен, можно вполне примирить летописное наименование двух братьев-князей муромских (Владимир и Давид) с наименованием их в «повести» (Павел и Петр)“.¹ Это объяснение Н. П. Травчетова опирается на исторические факты и поэтому на первый взгляд кажется вполне правдоподобным. Но в применении к данному случаю оно отличается большой искусственностью. В самом деле, какое должно было быть исключительное стечение обстоятельств, чтобы оба брата, правившие Муромом, Владимир и Давид, оказались с иными именами в повести, чем в летописи; чтобы второму из них при пострижении оставили то имя, под которым он известен в летописи; чтобы повесть не сказала о детях Петра-Давида и т. п. Каждый из этих фактов в отдельности вполне мог быть в действительности, но цепь их коренится, вернее всего, в остроумии историка.

Статья Н. П. Травчетова была ответом на статью Н. Д. Квашнина-Самарина,² который, учтя бездоказательность мнения о тождестве князя Петра повести и Давида Юрьевича летописи, пытался по новому подойти к этому вопросу. По его мнению, Петр повести — это муромский князь Петр, предок бояр Овцыных и Володимеровых, известный по их родо-

¹ Там же, стр. 17.

² Н. Д. Квашнин-Самарин. О князьях муромских, причтенных к лику святых. Тр. Второго обл. тверск. археол. съезда 1903 г. 10—20 авг., Тверь, 1906, Отд. II.

словной. Согласно этой родословной, роды Овцыных, Злобиных да Замятиных происходят от Владимира Даниловича, боярина Дмитрия Донского, отец которого, Данило, был сыном Василия, меньшого брата благоверного Петра. Время жизни князя Петра Н. Д. Квашнин-Самарин относит к началу XIV в. „Боярин Владимир Данилович, — говорит он, — известный и по летописям, был, стало быть, современником Донского, отец его Данило есть современник Семена Гордого, а дед Василий, а равным образом и брат его Петр суть современники Ивана Калиты и относятся к началу XIV века“. Обращает внимание Н. Д. Квашнин-Самарин и на упоминание в родословной двух братьев Петра — Василия и Ивана, из которых последний почему-то ушел со своей княгиней в Орду. По этому поводу Н. Д. Квашнин-Самарин делает следующую догадку: „Это странное бегство в Орду не состояло ли в связи с тем муромским мятежом, о котором говорит житие“.¹

Точка зрения Н. Д. Квашнина-Самарина, бегло выраженная в небольшой статье, кажется мало убедительной и требующей проверки. Факт существования муромских князей Петра, Василия и Ивана подтверждается старинными муромскими синодиками XVII—XVIII вв., упоминающими всех их,² причем здесь же есть и запись о Петре и Февронии: „князь Петр, во иноцех Давид, княгиня Феврония, во инокинях Евфросиния“. Таким образом, князь Петр повести в синодиках не отождествляется с малоизвестным муромским князем Петром начала XIV в., но самое существование этого последнего здесь подтверждается. Что же касается записи о Петре и Февронии, то она, конечно, сделана в синодиках на основании повести и ничего нового в вопрос о соответствии Петра и Февронии тем или иным историческим лицам не вносит.

В родословной, которую имеет в виду Н. Д. Квашнин-Самарин, о роде Овцыных, Злобиных да Замятиных находится следующая запись: „Род Володимира Даниловича Снабдина муромских князей, а от них пошли Овцыны. Великие князи Муромские братья: князь Петр, да князь Василий, да князь Иван. И князь Петр бездетен, и княгиня его Евфросиния оба святы; а у князя Василия сын князь Данило; а у князя Данила сын Володимир Красной Снабдя и от него пошли Овцыны; а брат их меньшой, князь Иван пошел и со княгинею в Орду, и там преставися и от него пошел род Злобиных, да Замятиных, а выехали из Орды к великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому. Володимир Данилович был в боярех у великого князя Дмитрия во Пскове; а у Володимира сын Дмитрий Овца, в боярех же был“.³ Есть косвенные указания, что эта родословная составлена в конце XVI в. Так, в списке родословной, написанной при Иване Грозном (еще при жизни царевича Ивана Ивановича), среди утраченных статей была, как об этом можно судить по оглав-

¹ Ук. соч., стр. 317.

² См. запись синодика: Н. П. Травчетов, ук. соч., стр. 7—9.

³ Временник Моск. общ. ист. и древн. рос., М., 1851, кн. X, отд. II, стр. 188—189.

лению,¹ и статья о роде Овцыных. Следует, конечно, скептически относиться к достоверности указания родословной о происхождении этих трех боярских родов от рода Петра и Евфросинии, которые „оба святы“. Эта частная родословная, относящаяся к эпохе сильного развития местничества, могла быть составлена, как это вполне правильно уже отметил Н. П. Травчетов,² в интересах определенных боярских родов: Овцыных, Злобиных или Замятинных. Но для нас, в данном случае, важна не историческая достоверность указания родословной о происхождении данных боярских родов от рода князя Петра повести, а возможность такого утверждения. Вряд ли сам составитель родословной придумал сопоставление князя Петра и княгини Февронии повести с малоизвестным муромским князем Петром и его женой Евфросинией. Здесь он, очевидно, опирался на предание, еще жившее в конце XVI в. Само собою разумеется, что версия, по которой Петр повести отождествлялся с Давидом Юрьевичем, еще не существовала в это время, так как в противном случае запись в родословной книге о происхождении Овцыных, Злобиных и Замятинных была бы совершенно невысказанной.

Легенда о Василии епископе рязанском и муромском дает новые свидетельства о народном предании, отодвигавшем жизнь Петра и Февронии ко времени более позднему, чем жизнь Давида Юрьевича. В ней мы читаем: „По преставлении же святого благоверного князя Константина с чады многим летом минувшим и по запусении града Мурома от неверных людей и после благоверного князя Петра и благоверных княгини Февронии тако же многим летом мимошедшим, прииде из Киева в Муром град благоверный князь Георгий Ярославичь и постави себе двор в Муроме; такожде и бояре его и вси купцы Муромстии; и первоначальную церковь Благовещения пресвятыя богородицы обновил, такожде и второй храм святых страстотерпец Бориса и Глеба обновил...“³ Хронология легенды должна вызывать у нас к себе очень осторожное отношение. Но все же очевидно, что по ней жизнь Петра и Февронии относится ко времени между „запусением града Мурома от неверных людей“ и приходом в Муром Георгия Ярославича. Упоминаемое в легенде „запустение“ может быть одним из четырех на протяжении XIII в. разгромов Мурома: в 1239 г. от Батыя,⁴ в 1281 г. от рати Ковады и Алчеда,⁵ в 1288 г. от князя ордынского Еролта,⁶ и в 1293 г. от ханского брата Дедюни.⁷ Георгий Ярославич, о котором здесь идет речь, княжил с 1345 г. по 1354 г.; обновление же Мурома, сделанное при нем, летопись относит к 1351 г.⁸

¹ Там же, стр. 218.

² Н. П. Травчетов, ук. соч., стр. 4—5.

³ Пам. стар. русск. лит., вып. 1, стр. 235.

⁴ ПСРА, т. I, изд. 1846, стр. 201; т. VII, 1856, стр. 144; т. X, 1885, стр. 115.

⁵ ПСРА, т. VII, 1856, стр. 175; т. X, 1885, стр. 159.

⁶ ПСРА, т. X, 1885, стр. 167.

⁷ ПСРА, т. VII, 1856, стр. 180.

⁸ ПСРА, т. IV, 1848, стр. 60; т. VII, 1856, стр. 244.

Учитывая эти даты, мы приходим к выводу, что время жизни Петра и Февронии, по народному преданию, отразившемуся в легенде о Василии, епископе рязанском, может быть отнесено к концу XIII в. или началу XIV в., т. е. к тому же времени, которое можно установить и по родословной Овцыных, Злобиных и Замятиных. Таким образом, очевидно, и легенда имеет в виду отождествление Петра и Февронии с Петром и Евфросинией, жившими в начале XIV в. Можно предполагать, что и фабула повести связана с жизнью этих совсем нам неизвестных муромских князя и княгини.

3

Повесть о Петре и Февронии делится на две части: первая из них — это рассказ о правлении в Муроме брата Петра, князя Павла, вторая — история женитьбы Петра и его княжения в Муроме. Членение повести на две части — это результат весьма сложной истории ее образования. В ней в измененном виде объединены два широко распространенные в русском фольклоре произведения — песня или сказание об огненном летающем змее и сказка о мудрой деве.

Обращение автора повести о Петре и Февронии к фольклору — факт неслучайный в литературе XV в. Всматриваясь в широкий круг литературных явлений XV в., мы видим, что на протяжении всего этого века русская литература теснейшим образом связана с народно-поэтическим творчеством: следует вспомнить такие, например, замечательные в этом отношении факты, как весь посвященный Куликовской битве цикл произведений, многократно соприкасавшийся с фольклором; или Владимирский полихрон, с вошедшими в него народными преданиями о богатырях: Алеше Поповиче, Демьяне Куденевиче, Добрыне, Рогдае Удалом и проч.; или замечательную повесть „о молодце и девице“, написанную в первые годы потери самостоятельности Нижегородским княжеством; или, наконец, повесть о Меркурии Смоленском, повесть о хмеле в ее начальной редакции и др.

Но это явления не одного ряда.

Разными мотивами руководились писатели XV в., обращаясь к разным по своей идеологической сущности видам фольклора. Различным группам и классам служили литературные произведения, обогащенные за счет народно-поэтического творчества. Фольклор был оружием в руках прогрессивных писателей, которые легко улавливали его демократические тенденции и с его помощью отстаивали новые, передовые идеи и общенародные интересы периода образования централизованного Русского государства. К иному фольклору обращались писатели-консерваторы, представители отживавших сил общества, тщетно стремившиеся затормозить ход истории, сохранить или возродить старые порядки периода феодальной раздробленности Руси. XV век был эпохой ожесточенной борьбы в самой русской действительности противоположных и неприми-

римых общественных и государственных сил. И писатели, идеологи каждой из борющихся сторон, стремились взять из сокровищницы народно-поэтического творчества то, чем можно было усилить позиции своей группы или класса, или, в крайнем случае, в чем можно было найти утешение и примирение с действительностью.

Муром и Рязань также оказались в орбите этого общественно-политического и литературного движения. Крупнейшее произведение муромско-рязанской литературы, повесть о Петре и Февронии, особенно интересно в этом отношении тем, что его связи с фольклором ни в коем случае не исчерпываются усвоением отдельных фольклорных мотивов, образов, поэтической фразеологии и т. п.: повесть впитала в себя две целостные народно-поэтические композиции. Все своеобразие повести о Петре и Февронии и состоит в выражении в этих эпических формах некоторых сторон русской исторической действительности XV в., с противоречивых позиций современного ей автора. Этот автор не отрешился еще от какой-то доли идеализации уходящей с исторической сцены удельной Руси и в то же время воспринял передовые идеи о княжеской власти, созревшие в период формирования централизованного Русского государства.

Мы не знаем его имени, не знаем и его общественного положения, только по выраженным им идеям и настроениям можно предлагать, что он принадлежал к наиболее демократическим слоям одной из тех социальных групп, которые во второй половине XV века стояли на стороне великого князя московского.

Характер связей повести о Петре и Февронии с фольклором сложен. Раскрытие его требует большой и кропотливой работы, которая, правда, может вознаградиться рядом выводов, имеющих общее значение в вопросах взаимоотношения литературы и фольклора в древней Руси.

Предвосхищая итоги исследования, можно сказать, что раскрытие этих связей во многом обогащает наши представления о самом фольклоре древней Руси, о различных социальных плоскостях его развития. Открывается картина деформации фольклорных жанров под воздействием христианства, приспособления этих жанров к целям христианского культа в народных формах его выражения. Становится очевидным, что писатель древней Руси не всегда непосредственно обращался к исконным фольклорным формам (сказке, песне, былине и проч.), что между ним и народным творчеством роль связующего звена могла исполнять устная или рукописная легенда.

Два основных признака характеризуют легенду древней Руси: во-первых, связь с христианскими религиозными воззрениями в их народном преломлении и, во-вторых, — интерес к рядовому человеку со всей сложностью его душевного мира, как он представлялся народному сознанию, в какой-то мере, — иногда очень поверхностно, — затронутому морально-философской теорией христианства.

Вот именно к этому типу произведения, внутренне-противоречивого по самому своему существу, и обратился автор повести о Петре и Февронии. Легенда, насколько можно судить и по идейному смыслу повести и по литературным приемам автора, лучше всего могла помочь ему в выражении вдохновлявшего его общественно-морального и эстетического идеала. Исходя из легенды о правителях древнего Мурома, он создал литературное произведение о прошлом, о „золотом веке“ своего княжества, как он ему рисовался. Он рассказал об „идеальных“ правителях феодального княжества, о взаимоотношениях общественных сил его, о человеческих отношениях, о чистоте и строгости нравов и проч.

Но этот рассказ об историческом прошлом своего княжества, о „золотом веке“ его не оказался противопоставлением настоящему, скрытым отрицанием современности. Автор повести был человеком своего времени, и на его изображение Руси периода феодальной раздробленности легли черты, совершенно несвойственные этой эпохе. Он проецирует в прошлое характерные для московских идеологов конца XV в. представления о князе, княжеской власти, взаимоотношении боярства и князя и проч. И в этом нет ничего необычного, так как передовые идеи конца XV в. занимали умы не только московских, но и областных писателей.

Идеальные князья повести о Петре и Февронии — это „самодержцы“, самое нарушение „волеизъявлений“ которых неизбежно порождает общенародные бедствия; они борются с боярами, стремящимися к власти, и побеждают их, и проч. Такая близость повести к представлениям о характере княжеской власти, сложившимся во второй половине XV в., привела к нарушению исторических перспектив в ней, к двойственности образов ее главных героев. Но это обстоятельство, с другой стороны, обеспечило ей длительную общественно-литературную жизнь позже в XVI—XVII вв.¹

4

В первой части повести о Петре и Февронии в жизнь княжеской семьи вмешивается фантастический змей. Этот змей очерчен ярко и определено: „Искони же ненавидяи добра роду человеку диавол всели неприязненнаго летящаго змия к жене князя того на блуд. И являшеся ей своими мечты яко же бяше естеством, приходящим же людем являшеся, яко же князь сам седяше з женою своею“. Это — змей летающий, женский насильник и оборотень.

Русскому средневековью хорошо известен образ змея. О змеях неоднократно упоминают летописцы, при этом образ змея летописи

¹ Устанавливая ниже фольклорные связи повести, мы пользовались поздними записями фольклорных произведений, в то время как цели исследования требовали более или менее точного воссоздания этих произведений в таком виде, в каком были их „архетипы“ в XV в. Этим объясняется сложность критического аппарата исследования.

напоминает не дракона агиографической переводной литературы, а змея русских народно-поэтических сказаний. Это — огненный, летающий по небу и с шумом и громом падающий на землю змей. Под 1028 годом летописец пишет: „Знаменьє змиево явися на небеси, яко видети всей земли“;¹ под 1091 годом: „В сие же лето бысть Всеволоду ловы деюще зверинья за Вышегородом, заметавшим тенета и кличаном кликнувшим, спаде превелик змий от небесе; ужасошася вси людѣе. В се же время земля стукну яко мнози слышаша“;² под 1144 годом: „Бысть знамение за Днепром в Киевской волости: летящую по небеси до земля, яко кригу (кругу) огнену, и остася по следу его знамение в образе змия великаго, и стоя по небу с час дневный и разидеся“;³ под 1214 годом: „Месяца февраля в 1 день, в неделю сыропустную, гром бысть по заутренни, и вси слышаша, и потом тѣгда же змий видеша летящ“;⁴ под 1556 годом: „Того же лета, Госпожина дни заговения, бысть знамение: того места, где звезда была на небеси, явися яко змии образом, без главы стояше стан недалече от земля на небеси, и зрящим людем, ино яко хобот хвост сбираше, и бысть яко бочка, и спаде на землю огнем, и бысть яко дым по земли, и подня ю; а стояше с час“.⁵ В 1662 г. поп Иван из села Новой Ерги, вотчины Кирилло-Белозерского монастыря, доносил по начальству: „171 году ноября в 22 день, бысть во дни том тихо, и небо все чисто, а мраз лют зело. И в том селе Новой Ерги и в деревнях, по захождению солнца, явися с небеси многим людем знамение страшное, что никто от них тако виде или слыша; и от того солнечнаго западу явися аки звезда великая, и покатысь по небу скоростию яко молния, и небу раздвоитися, и протяжеса по небу яко змий, голова во огни и хобот, и стояло с полчаса, и свет от него неизречен, и в том свете выпсрь в темя человеку зрак велик, глава и очи и руце и перси, и нозе разгнуты, и весь огнян, яко человек; и потом облак стал мутен, и небо затворилось, и по двором и по хоромом и по путех на землю пал огонь, аки кужли горели, люди от него бегали, а огонь на земли за ними катался, яко гонял, а никого не жег, и потом поднялся в тот же облак; и во облаку учал быть шум, и пошел дым, и яко гром, или нечто глагол велик и страшен зело на долг час, кабы земле и хоромом трястися и от ужести людем падать на землю...“⁶

И в летописях и в „отписке“ попа Ивана в такой образной форме описываются, конечно, различные небесные явления. Но настойчивое повторение одного и того же образа змея в документах разных эпох

¹ ПСРЛ, т. I, 1846, стр. 64.

² Там же, стр. 92.

³ ПСРЛ, т. II, 1908, стр. 314.

⁴ ПСРЛ, т. III, 1841, стр. 32.

⁵ ПСРЛ, т. IV, 1848, стр. 309.

⁶ Акты ист., т. IV, 1842, стр. 330—331; ср.: А. Афанасьев. Повитческие воззрения славян на природу, т. II. 1868, стр. 510—511; см. также: Повесть о приходеении литовского короля Стефана, 1847, стр. 16.

и географических областей свидетельствует о большой распространенности и живучести его в древней Руси; он, очевидно, брался из обычного круга представлений. Какое наполнение он мог получать в фольклоре древней Руси, — об этом до известной степени можно судить по народно-поэтическим рассказам о змее и о черте, известным в позднейших, уже этнографических, записях. Генетическая связь этих рассказов с древнерусскими поэтическими представлениями о змее, отразившимися в летописях, не вызывает сомнений, — настолько ясно, что это явление одного ряда.

Образ огненного летающего змея, быстро мелькающего в небе и искрами рассыпающегося по земле во время падения, весьма часто встречается в русских народных рассказах, сказках, преданиях и заговорах. Народная фантазия связывает его появление, а особенно падение в определенном месте, с человеческим счастьем или горем. Приносимое упавшим в чей-либо двор змеем счастье — это богатство; приносимое им горе — это болезнь и смерть, чаще всего — девушки или молодой женщины.

Огненный летающий змей — насильник или обольститель; нельзя устоять перед его любовью. Прилетая к полюбившейся ему девушке или женщине, обычно — ночью, он оборачивается молодцом несказанной красоты, а утром улетает, вновь приняв свой обычный змеиный вид. „Как во граде Лукорье, — говорится в одном заговоре, — летел змей по поморию, града царица им прельщалася, от тоски по царе убивалася, с ним, со змеем, сопрягалася, белизна ее умалаяся, сердце тосковалося, одному утешению предавалася — как змей прилетит, так ее и обольстит...“¹ Здесь даже видно отражение определенной сюжетной схемы, в которой развивались рассказы о летающем огненном змее: тоскующая по мужу

¹ Л. Майков. Великорусские заклинания. СПб., 1869, стр. 161. Подобные же мотивы в изобилии встречаются в русских народных сказках; см., напр.: А. Афанасьев „Народные русские сказки“, изд. 1913—1914 гг.: „каждый день летает к ней (девушке) змей; оттого и худа стала“ (т. III, стр. 64); „... вдруг деревья в лесу зашумели, крыша на избе пошатнулася — прилетел змей, ударился о сырую землю и сделался добрым молодцем“ (там же); „раз пошел дурак на охоту, а к сестре прилетел трехголовый змей; завелась у них шуры-муры“ (т. III, стр. 78); „... прилетает к реке Змей Горыныч; ударился о сыру землю и сделался таким молодцом да красавцем, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать“ (там же, стр. 80); змей „скинувшись молодым молодцом, удалым удалцом, хаживал к княгине-красавице“ (там же, стр. 84); „у эдакого-то короля повадилася змей об двенадцати глав летать к дочери, все ее извел, изсосал“ (т. IV, стр. 198); „вишь королевна-то любится с нечистым духом: каждую ночь прилетает он к ней по воздуху в виде шестиглавого змея и перекидывается человеком“ (там же, стр. 202) и проч. Ср. также: П. Якушкин. Путевые письма из Новгородской и Псковской губернии. СПб., 1860, стр. 119; В. Гнатюк. Знадоби до української демонології, т. II, вып. 1, стр. 183—184, № 465 и стр. 190, № 471 (на стр. 263—264, вып. 2 — библиография), Етнографічний Збірник, т. XXXIII—XXXIV, у Львові, 1912; К легендам и поверьям о змеях. Сообщ. М. К. Васильева, Н. Пузырева, С. Шарова и др. Этн. обзор., 1897, 4, стр. 125—128.

женщина „прельщается“ змеем; змей начинает прилетать к ней; женщина блекнет и грустит, и все же единственную отраду свою она находит только в этих губительных для нее посещениях. „... В хуторе Заоскольском, — рассказывала купьянская крестьянка, — летал по ночам к одной женщине огненный змей. Прилетит, ударится об землю и станет молодцом. От ласк молодца женщина стала как щепка...“¹

Нередко змей, по народным рассказам, принимает образ мужа (живого или умершего) обольщенной им женщины.²

Знают народные рассказы и средство избавления от огненного летающего змея — насильника и оборотня: это или удачный мудрый ответ девушки или женщины на вопрос змея или какой-либо имеющий чудесное свойство предмет (цветы, трава и проч.) или, наконец, освященные в церкви вода и мак и просто — молитва. В приводимых П. П. Чубинским рассказах говорится, что черт (заменивший здесь змея) не может подойти к девушке, украсившей свою голову цветами терлыча и той: „Кедыб не терлыч, да не тоя, — говорит он, — була б дівчына моя,“³ в рассказе из м. Глодоссы говорится о спасении женщины тем, что ей „посвятылы на голови воду, обсыпалы хату свяченым маком“; и т. д.

Итак, образ змея в подобного рода рассказах, заговорах и проч. таков же, как и в повести о Петре и Февронии; бесспорное сходство с повестью можно отметить и в сюжете этих произведений; но избавление от змея в них изображается совершенно иначе; здесь нет змееборства, характерного для повести. И все же ценность этих произведений для выяснения генезиса повести о Петре и Февронии очень значительна: они, подтверждаемые летописными записями, являются живым свидетелем наличия в фольклоре древней Руси того же самого образа змея, который мы находим и в повести. Представления об огненном летающем змее, насильнике и оборотне, были обычны для древней Руси на много раньше того времени, к которому предположительно относится создание повести о Петре и Февронии.

Но между первой частью повести и этими мелкими фольклорными произведениями об огненном летающем змее полного совпадения нет. Это особенно надо сказать о развязке первой части повести — змееборстве Петра, которой в фольклорных произведениях соответствует ряд других разрешений. Значительно больше соответствий с первой частью повести в целом встречается в русских былинах.

Русский былинный эпос знает ряд богатырей змееборцев, это — Добрыня Никитич, Алеша Попович, Михаил Поток, Илья Муромец и др. Следует отметить, что в истории изучения этих былин мы не встречаем

¹ П. И. Из области малорусских народных легенд. Этн. обзор., М., 1892, кн. XIII—XIV, стр. 82.

² В. Н. Ястребов Из народных уст. Этн. обзор., М., 1896, кн. XXXI, 4, стр. 153.

³ Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край...“ Мат., собр. П. П. Чубинским, т. I, СПб., 1872, стр. 80.

попыток объяснения их змееборческих сюжетов на широком фоне русского фольклорного и этнографического материала в связи с народными преданиями, обычаями и верованиями, в связи с общим процессом образования русской культуры. Представители компаративной школы, не говоря уже о мифологах, далеко уводили их от русской почвы. Их обычно рассматривали как своеобразные вариации „бродячего сюжета о змееборце“, типичным образчиком которого в эпосе христианских народов считалась, так называемая „георгиевская легенда“.¹ И если были разногласия в этом вопросе, то спорившие между собою ученые не сходили с методологической платформы сравнительно-исторической школы, и споры сводились только к определению характера „родства“ русских былин с легендой о Георгии: одни из компаративистов считали, что русские былины со змееборческим сюжетом складывались „под непосредственным влиянием“ георгиевской легенды,² другие утверждали, что и былины и легенда о Георгии восходят к одним и тем же первоисточникам, в конечном счете ведущим к античным и восточным мифам и сказаниям. Как бы то ни было, но в этих спорах не было преодоления порочной методологии компаративной школы.

А между тем, именно этот круг былин представляет собою крайне благодарный материал для изучения его в связи с русской историей и общим движением русской культуры: в связи с развитием живописи, орнамента рукописей, литературы и, отчасти, даже архитектуры. Дело в том, что в различных областях искусства и литературы XIV—XV вв. мы часто встречаемся с образом змея, вне всякого сомнения подсказанным не переводной литературой или чужеземной иконографией, а сказочными мотивами и фантастикой русского фольклора. Это легче всего обнаруживается при анализе тератологического орнамента рукописей, особенно XV в. Это характерно и для литературы этого времени. И в данном частном случае, при исследовании истории возникновения повести о Петре и Февронии, эпос типа былин о Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче и т. п. оказывается важным в том отношении, что он объясняет развязку первой части повести. Становится очевидным, что эта часть повести в целом фольклорного происхождения.

В самом деле, образ змея всего цикла былин о змееборце обнаруживает ясные черты огненного летающего змея древне-русской летописи и фольклора. Таков он, например, в былине о Добрыне Никитиче:

... Тучи нет, а только дождь дождит,
Дождя-то нет, искры сыпятся, —
Летит, Змищице-Горынчище...³

¹ О. Миллер. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869, стр. 433—436; Ф. Буслаев. Рецензия на исследование О. Миллера в ЖМНП, 1871, III, отд. II, стр. 216; Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. IV. СПб., 1881 стр. 78. В. Миллер. Эскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892, стр. 32 и т. д.

² А. В. Рыстенко. Легенда о Георгии и драконе. Одесса, 1909, стр. 344—364;

³ Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1861, стр. 24.

Или по другому варианту:

... *Вылетал-то тут змеинище-Горынище.*
 Веют крылья его гумажные,
 Звенят его хоботы железные...¹

Еще характернее в этом отношении былина „Добрыня и Маришка“. Добрыня едет мимо двора Маришки, стреляет из лука в голубей, сидящих на ее тереме, но попадает „во окошечко“ и

Убивает у Маришки друга милова змея лютова.
 ... Приходила Маришка в свою спальню, —
 Ин лежит убит ея милый друг, лютый змей.
 Загорися, загорися у Маришки дом,
 Разгорелоя, разболелоя ретиво сердце ея
 По дружке своем по миленьком,
 По змеи лютым...²

В другом варианте рассказывается, что Добрыня:

... Убивает сиза голубя,
 Того ли змея Притугалиника,
 Маришкина друа милого...³

Здесь и посещение змеем дома Маришки, и ее любовное отношение к своему „другу милому“, и имя змея Притугалиник, смысл чего здесь уже забыт, — все указывает на образ змея мелких фольклорных рассказов.

Былина об Алеше Поповиче еще ближе стоит к этому кругу произведений и тем самым и к повести о Петре и Февронии.

Алеша Попович с Екимом Ивановичем и другими богатырями на пиру у князя Владимира занимает скромное место „на полатном бресе“. Двенадцать могучих богатырей вносят Тугарина Змеевича на „доске красна золота“ и сажают его „в место большое“.

И подле его сидела княгиня Апраксеевна.

Гостям подносят „ества сахарныя и питья медвяныя“:

А Тугарин Змеевич нечестно хлеба ест,
 По целой ковриге за щеку мечет...
 И нечестно Тугарин питья пьет,
 По целой чаше охлестывает,
 Котора чаша в полтретья ведра...

Алеша Попович, высмеивая Тугарина, говорит князю Владимиру:

Гой еси, ты, ласковый сударь Владимир князь!
 Что у тебя за болван пришел,
 Что за дурак неотесаной?

¹ Былины новой и недавней записи из разных местностей России, ред. В. Ф. Миллера. М., 1908, стр. 37.

² П. В. Киреевский, ук. соч., стр. 40—43.

³ Там же, стр. 48.

Нечестно у князя за столом сидит,
 Ко княжине он, собака, руки в пазуху кладет,
 Целует во уста сахарныя,
 Тебе, князю, насмехается...

Но пир идет своим чередом; принесли на стол „лебедушку белую“, ее „рушала“ княгиня, „обрезала рученку левую“ и откровенно объясняет причину этой своей неловкости:

Гой вы еси, княгини-боярыни!
 Либо мне резать лебедь белую,
 Либо смотреть на мил живот,
 На молода Тугарина Змеевича...

Алеша вновь высмеивает Тугарина, который „лебедь белую всю вдруг проглотил“. Разгорается ссора...

Втапору Тугарин звился и вон ушел,
 Садился на своего добра ковя,
 Поднялся на бумажных крыльях под небесью летать...

Алеша убивает Тугарина и голову его привозит на „княженецкий двор“. Владимир благодарит Алешу и награждает его.

А княгиня говорила Алеше Поповичу:
 — Деревенщина ты, засельщина!
 Разлучил меня с другом милым,
 С молодым Змеем и Тугаретиным...¹

Былины о змееборцах, и в частности, былина об Алеше Поповиче, имеют большое значение для решения вопроса о генезисе повести о Петре и Февронии. Героический характер подвига князя Петра легко объясняется народно-поэтической традицией, сложившейся в определенный исторический период жизни Руси, в XIII—XV вв., — в годы тяжелой борьбы русского народа с татаро-монголами, шведами, литвой и немцами. Самый факт широкого распространения в народной среде в XV в. былин, культивирующих образ героя-победителя чудовищной враждебной силы, делает понятным проникновение этого же образа и в литературу демократических слоев общества, близко стоящих к народу и его творчеству. Кроме крайне схожих образов героев-змееборцев, и в былине и в повести следует констатировать один и тот же образ летающего змея, насильника и оборотня, и одну и ту же среду — „княженецкий двор“.

Необходимо отметить, что образ огненного летающего змея мы встречаем в русских сказках о змееборце (по системе Андреева №№ 300 и 301), а также в эпосе, который эти представляют для нас особый интерес, так как в них находим описание выведывания причин смерти змея,

¹ Древни
 1938, стр. 122

стихотворения, собранные Киршею Даниловым. ГИХЛ, М.,

Кощея и т. п.¹ В очень близкой к прототипу повести форме эпизод выведывания причин смерти змея встречается в сказке о Кожемяке. Здесь виновником смерти змея, как и в повести о Петре и Февронии, оказывается человек: девушка, которую полюбил змей, выпытывает у змея, что он может погибнуть только от одного человека — от Кожемяки.²

Сопоставляя первую часть повести о Петре и Февронии с былинами, сказками и с группой мелких фольклорных произведений — рассказов, преданий, заговоров — мы обнаруживаем, что сходные черты пронизывают весь этот цикл произведений об огненном летающем змее. Причина этого прежде всего в том, что все эти многочисленные и разнородные произведения, возникнув в одну и ту же эпоху, отразили определенное состояние сознания демократических слоев населения древней Руси времени ожесточенной борьбы с внешними врагами. Для выражения чувств и настроений народных масс, занятых этой борьбой, в народной поэзии была выработана стройная образная система. Враг — насильник, это — змеей Тугарин („туга“ — угнетение, насилие, несчастье, тоска), Тугарин Змеевич, Притугалиник и пр., насилие которого особенно образно раскрыто в одном из вариантов былины об Алеше Поповиче:

... Что во Киеве беда там случилася:
 Покорился Киев Тугарину Змеевичу,
 Поклонился Тугарину поганому.
 Садился Тугарин в оголовь стола,
 Овладал он у Владимира Евпраксею...
 Опоганил он церкви православныя,
 Осмердил девиц, молодых вдовиц,
 Истоптал он конем всех малых детей,
 Попленил Тугарин всех купцов, гостей...

¹ А. Афанасьев. Русские народные сказки. М., 1914, т. II, стр. 179. См. эпизод выведывания причин смерти Кощея в такой же форме: Живая старина, XXI, 1912, вып. 2—4, стр. 334; А. Эрленвейн. Народные сказки, собранные сельскими учителями. М., 1863, № XII, стр. 63—64; Русские и инородческие сказки Енисейской и Томской губерний (Зап. Красноярск. подъяотд. Вост.-сибирского отдела Русск. геогр. общ. по этногр.), т. I, вып. 2, стр. 62—63, Томск, 1906, № 15; Богдан Бронницын. Русские народные сказки. СПб., 1833, стр. 13, и проч. Аналогичное признание насильника см. также в сказке „Лягушка-потягушка“ (А. Смирнов. Сб. великор. сказ. Арх. Русск. геогр. общ., вып. 2, Пгр., 1917, № 345, стр. 867—868) и „Царевна-лягушка“ (Афанасьев. Русск. нар. ск., т. IV, № 150, стр. 40).

² П. Кулиш. Записки о Южной Руси, т. II. СПб., 1857, № I, стр. 27—28. (См. также: Москвитянин, 1846, № 9 и 10, стр. 146—149). Хорошие варианты этой сказки см.: Ап. Novosielski. Lud Ukrainski, т. II. Wilno, 1857, стр. 278—284. „Bajka o Zmiju i Cyrillu skórniku“; П. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного Края, т. II. СПб., 1893, стр. 170—182, № 82 „Кирило Кожемякин“ и В. Даль. Картина русского быта. Отечественные записки, 1857, №№ 7—8, стр. 426—430. Сокращенные варианты: М. Драгоманов. Малорусские народные предания и рассказы. Киев, 1876, отд. XII, стр. 248—249, № 1 „Илья Швед и змий“

Противник врага — насильника, это — олицетворение народной силы и мощи, герой, богатырь. Но сходство между повестью о Петре и Февронии и этим циклом произведений следует объяснять не только этой общей причиной. Можно предполагать, что в основу первой части повести о Петре и Февронии легло определенное русское народно-поэтическое сказание или песня об огненном летающем змее, причем в таком составе компонентов, в каком ни одно из произведений этого цикла не сохранилось в фольклоре поздних записей.¹

5

В центре второй части повести о Петре и Февронии стоит образ героини повести. В нем ярче всего выражены основные идеи и пафос повести. В связи с этим, вокруг него группируются все эпизоды повествования, им в значительной степени определяется композиция второй части повести.

Образ героини повести — это поэтический образ пряхи, мудрой крестьянской девушки, своей сказочной мудростью побеждающей князя. Она — носительница активной любви, организующей, преобразующей обывденную жизнь до уровня христианского идеала. Она вместе с тем — идеал женщины-правительницы, как он складывался в сознании некоторых слоев русского общества второй половины XV в. Характерно то, что используя народно-поэтический сюжет и в то же время видоизменяя его, автор повести углубляет и решает в социальном плане сказочную мотивировку ухода героини из дома мужа вследствие ослушания. Героиня повести вынуждена оставить княжеский дом вследствие мятежа бояр. Она же и посрамляет их, оказавшись умнее и дальновиднее их. В создании образа героини повести с наибольшей выразительностью художественно претворено и сожаление о невозвратимом прошлом, сожаление об утерянной областной самостоятельности, и ясное ощущение идеалов нового времени — необходимости сильной и мудрой княжеской власти. Это — своеобразное отражение одного из противоречий, которыми так богат имевший огромное значение в истории русской культуры XV век.

Вопрос о создании образа героини повести осложняется и приобретает еще больший интерес вследствие того, что как образ героини, так и вся вторая часть повести, вне всякого сомнения, теснейшим образом связаны с русским фольклором — они явились в результате творческого переосмысления русской сказки о мудрой девице.

Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский Край, т. II. СПб., 1873, стр. 129—130, № 45 „Кирило Кожемяка“; А. Афанасьев. Русские народные сказки, т. II. М., 1914, стр. 128—129, № 85 „Никита Кожемяка“; Е. Романов. Белорусский сборник, т. I, вып. 3, Витебск, 1887, стр. 217—218, № 32 „Курило Кожемяка“.

¹ В народных эпических песнях южных славян также можно указать ряд совпадений с первой частью повести о Петре и Февронии. — См. об этом: М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии и эпические песни южных славян об огненном змее. (Научн. бюл. Ленингр. Гос. ордена Ленина унив., 1946, № 11—12, стр. 35—39).

Сказка о мудрой деве сохранилась в русском фольклоре во многих вариантах. Но все они известны нам в поздних записях XIX—XX вв., при этом, в ряде случаев уже в сильно деформированном виде. Ввиду этого, для создания правильного представления о ее первоначальном составе необходимо прибегнуть к сопоставлению по возможности большого числа ее вариантов. Только в этом случае можно рассчитывать на достоверность выводов о ее значении в образовании повести.

Нам известны две группы русских сказок о мудрой деве.

Первая из них представлена следующими вариантами:

1. Афанасьев, № 188 в. Народные русские сказки. Изд. 3, т. II, 1897, стр. 283 и сл.
2. Смирнов, № 285. Сборник великорусских сказок Архива Русск. географ. общ. СПб., 1917, вып. 2, стр. 739.
3. Кудрявцев, № 4. Сказки из разных мест Сибири. Иркутск, 1928, стр. 35.
4. Красноженова, № 25. Сказки Красноярского Края. Л., 1937, стр. 35.
5. Акимова и Степанов. Сказки Саратовской области. Саратов, 1937, стр. 53—58.

Варианты сказки о мудрой деве этой группы обнаруживают сходство с повестью о Петре и Февронии, прежде всего, в развитии сюжета: и там и здесь есть моменты обнаружения мудрости девушки, испытания ее мудрости и следствия этого испытания. Но сходство это слишком общего характера, чтобы, опираясь на него, можно было говорить о непосредственной генетической связи повести о Петре и Февронии с данной формой сказки о мудрой деве. Более конкретные черты сходство это имеет только в одном из невыполнимых требований, которое в сказке предъявляет мудрой деве царь и пр., а в повести князь Петр. Царь и пр. сказки предлагает мудрой деве соткать к утру из ниточки или „необмятой коноплянки“ полотенце или десять аршин холста. Князь Петр посылает своего гонца к Февронии с наказом: „Аще мудра есть, да в сем едином повесьме лну учинит мне срачицу и порты и убрусець в ту годину, в ню же аз в бани пребуду“. Этим, собственно, и исчерпывается сходство повести со сказкой о мудрой деве в этой ее форме.

Вторая группа русских вариантов сказки о мудрой деве представлена следующими записями:

- А. Худяков, № 6. Великорусские сказки. СПб., 1862, вып. 1, стр. 30.
- Ж. Смирнов, № 47. Сборник великорусских сказок Архива Русск. географ. общ. Вып. 1, Пгр., 1917, стр. 225.
- З. Смирнов, № 116. Там же, стр. 370.
- И. Записки Красноярского подъяезда Восточно-Сибирского Отдела Русск. географ. общ. по этнографии, т. I, вып. 1. Красноярск 1902, стр. 131. Побывальщинки, № 1.
- К. Красноженова, № 27. Сказки Красноярского Края. Л., 1937 стр. 219.

Л. Афанасьев, № 188а. Народные русские сказки. Изд. 3, т. II, 1897, стр. 282.

М. Смирнов, № 192. Ук. соч., вып. 2, стр. 541.

Н. Ончуков, № 49. Северные сказки. СПб., 1909, стр. 135.

О. Смирнов, № 18. Ук. соч., вып. 1, стр. 127.

П. Ончуков, № 217. Ук. соч., стр. 485.

Р. Ончуков, № 212. Ук. соч., стр. 482.

Русские варианты сказки о мудрой деве этой второй группы отличаются большим разнообразием, которое объясняется тем, что перед нами только отдельные звенья нескольких форм сказки, каждая из которых прошла свой длинный путь развития. Но сопоставление этих вариантов показывает, что все они объединяются в родственную группу одним весьма характерным композиционным п. знаком: все они имеют в различных сочетаниях ряд иносказательных изречений девушки, цель которых — обнаружить ее мудрость. Эти изречения представляют собою неустойчивое, но совершенно определенное композиционное ядро первой части сказки: обнаружения мудрости девушки. Н. П. Андреев выделяет эту группу иносказательных изречений в самостоятельный сказочный сюжет под № 921 („Умные ответы“, „Невестины загадки“ и пр.). Действительно встречаются вполне замолченные народные рассказы, в основе которых лежит это ядро иносказательных изречений. Но существовало ли оно отдельно и позже проникло в сказку о мудрой деве или, наоборот, оно сложилось в процессе развития сказки о мудрой деве и в отдельном виде является только ее фрагментом, — этот вопрос еще не решен в специальной литературе.

Сюжет сказки в целом в этой группе вариантов, по сравнению с первой группой, представлен значительно полнее: мудрая дева выходит замуж за царя (воеводу, барина и пр.), нарушает данное ею при вступлении в брак обещание не вмешиваться в дела мужа, вынуждена вследствие этого оставить мужа и, благодаря своей мудрости, вновь соединяется с ним.

Если сравнить сказку о мудрой деве, как она представлена второй группой русских вариантов ее, с соответствующей частью повести о Петре и Февронии, то окажется, что сходство между ними захватывает и идею произведений — признание примата разума в жизни человека, и общие линии сюжета, и ряд отдельных эпизодов с их устойчивым словесным выражением. Нас не должно смущать то обстоятельство, что это сходство становится особенно очевидным только тогда, когда мы учитываем всю совокупность вариантов сказки: каждый из них в отдельности сохранил какие-либо черты той формы сказки, которая в свое время оказалась прототипом второй части повести о Петре и Февронии.

Царь, воевода, барин, жених и пр. сказки и слуга князя Петра повести является в дом незнакомой крестьянской девушки. Он застаёт ее дома одну, за работой; она не ожидала прихода постороннего чело-

века и поэтому одета по-домашнему. Застигнутая врасплох, девушка в иносказательной форме выражает свое сожаление о том, что никто не предупредил ее о приходе постороннего человека. Пришедший спрашивает ее о ее отце, матери и братьях, на что получает ответы опять в иносказательной форме. — Так обнаруживается мудрость девушки и в сказке и в повести.

Царь, воевода, барин и пр. сказки и князь Петр повести испытывает мудрость девушки и с этой целью посылает ей небольшое количество пряжи с требованием соткать ему из нее рубашку, полотенце и т. п. Девушка сказки и героиня повести одинаково парируют это невыполнимое задание столь же невыполнимым требованием: из небольшого куска дерева сделать ткацкий станок и все необходимое для работы.

Воевода и пр. сказки и князь Петр повести женится на девушке, ставя при этом условие, чтобы она не вмешивалась в его дела; в противном же случае она должна будет уйти от него с тем, что ей всего больше нравится. В повести это излагается фрагментарно.

В скором времени героиня сказки нарушает данное ею при вступлении в брак обещание: она вмешивается в дела мужа. В повести здесь коренная переработка. Вынужденная возвратиться к своим родным, она берет вместе с собою и своего мужа, так как он „всего больше ей нравится“. Вслед за этим и в сказке и в повести герои возвращаются в свой дом.

Беспорность сходства сказки о мудрой деве и повести о Петре и Февронии — это первый вывод из сопоставления сказки и повести. Конечно, многие из сказочных черт в повести сильно изменились. Почему и как — об этом мы еще будем говорить ниже.

Затем, при более детальном анализе данных сличения сказки о мудрой деве и повести о Петре и Февронии становится очевидным особенно большое сходство сказки и повести в цикле иносказательных изречений мудрой девы. Эти изречения особенно полно представлены вариантами *О, П, Р* (которые по классификации Н. П. Андреева относятся к типу 921). Но эти же изречения в виде неустойчивого сюжетного ядра первой части сказки то в большем, то в меньшем числе встречаются и в тех вариантах сказки о мудрой деве, которые явно принадлежат к типу 875: *А, Ж, Э, И, К, Л, М, Н*. Из какой же сказки — 875 или 921 — они попали в повесть о Петре и Февронии?

Рассматривая русские варианты второй группы, мы замечаем, что они представляют собою, — хотя недостаточно полное, — но все же объединение основных эпизодов сказки типа 875 и типа 921. Особенно это надо сказать о варианте *А, К, М, Н*. Таким же объединением сказки типа 875 и типа 921 является и вторая часть повести о Петре и Февронии. Поэтому естественно предположить, что сказочным прототипом повести была сказка № 875, осложненная ядром иносказательных изречений, в современных записях существующим в виде отдельной сказки № 921. — Это второй вывод из сопоставления сказки и повести.

Сопоставление сказки и повести проливает свет и на некоторые детали состава народной сказки, с одной стороны, и повести, — с другой. Так, можно с уверенностью говорить о том, что встреча юноши с мудрой девой в сказочном прототипе повести изображалась иначе, чем в поздних записях вариантов этой сказки. Встреча с мудрой пряхой, как изображается этот эпизод в повести, значительно лучше согласуется в отношении содержания с дальнейшим испытанием мудрой девушки, требованием согнать сорочку и пр., чем встреча с прачкой и пр. по поздним вариантам сказки. Подтверждение этого предположения мы находим в одном из украинских вариантов сказки: „Пошли они (сваты); входят в хату; девка сидит одна, голая и за кроснами...“¹ Очевидно, в повести этот эпизод сохранен в своем первоначальном сказочном виде.

С известной долей вероятности можно восстановить и разговор о родителях мудрой девы в том виде, в каком он был в сказочном прототипе повести. В повести мы имеем два вопроса: 1) где отец и мать? и 2) где брат? Очевидно, как об этом свидетельствует история сказочного сюжета о мудрой деве, первый вопрос повести в несколько искаженном виде объединяет два вопроса своего сказочного прототипа. В русских вариантах сказки число вопросов колеблется от одного до трех. Наиболее близок к повести по формулировкам ответов на вопросы о матери и брате вариант *P*, но в нем отдельно стоит и третий вопрос об отце. Вероятно, и в сказочном прототипе повести был этот третий вопрос, и в ответе на него по значению было: „отец поехал сеять“. Но какой была иносказательная форма этого ответа? Если *P* облекает ответ на этот вопрос в примитивную иносказательную форму: „В поле, взад да вперед ходит“, то украинская сказка, в которой девушка носит имя „Гирка“, дает более интересную иносказательную форму. Вариантов сказки с этим именем несколько, напр.: 1) *Етнографічний збірник*. Львов, 1903, т. XIV, № 55; 2) Ал. Н. Малинка. Сборник материалов по малорусскому фольклору. Чернигов, 1902, № 68; 3) *Zbiór wiadomości do antropologii Krajo wej*. Krakow, 1885, т. IX, № 26. Все они очень близки по своему составу ко второй группе русских вариантов сказки. Ответ на вопрос об отце в одном из наиболее полно сохранившихся вариантов („*Zbiór*... , IX, № 26) имеет следующую форму: „*Pan... pytajetsia — De twij ba't'ko? — Pojichaw, każe Hurka, u pole, sam sobi szkodu robyty*“ и ниже дается разъяснение этому иносказательному ответу: „*a pro ba't'ka, to posijaw win proso nad doròhoju, a lude jizdia't i wybywajut' proso, a win kopaw jamkÿ, ałe lude objiżajut' jich ta szcze biłsz szkody robla't'...*“

Идя дальше по пути восстановления сказочного прототипа повести, следует остановиться на II части сказки — испытании мудрости девушки. Русские варианты и первой и второй группы знают испытание мудрости девушки: 1) через невыполнимые требования: а) из яиц (часто вареных)

¹ Памятники старинной русской литературы, вып. 1, стр. 49—50.

вывести за ночь дыплат, б) из небольшого количества льняной пряжи или шелка выткать за ночь полотенце, рубаху и т. п. и в) накопить от быка в зиму пять нудов масла; 2) через обусловленный приход. В повести о Петре и Февронии есть только одно испытание мудрости: князь посылает Февронии „повесьмо льну“ и предлагает „учинить в сем повесме срачицу, и порты, и убрусець“. Ни в одном из русских вариантов сказки нет формулировки данного требования, точно совпадающей с этой формулировкой. Но можно привести ряд свидетельств, подтверждающих наличие ее в сказочном прототипе повести. В вариантах Б, В, Г — „соткать полотенце“, А — „полотенце и рубашку“. Все это, очевидно, уже расщепление старой формы, которая в полном и начальном виде была представлена в сказочном прототипе повести.

В повести нет обусловленного прихода героини, но с уверенностью можно говорить о том, что он был в сказочном прототипе ее. Это подтверждается прямыми свидетельствами записей устной легенды о Петре и Февронии.

Этих записей немного и они далеко не равной ценности.

Остановимся на обзоре записей легенд о Петре и Февронии более подробно, так как их свидетельства имеют значение не только для воссоздания сказочного прототипа повести.

Наиболее полная запись легенды о Петре и Февронии была сделана в третьей четверти XIX в. В. Соколовским.¹

„Преподобный Петр, — читаем мы в этой записи, — был князь Муромский, сын Георгия Ярославича, княживший в Муроме до 1228 года... У князя Петра был брат Иоанн, которого в народе звали птицеведом, потому что Иоанн, добрый и простой человек, был охотником с самых молодых лет, и все свое время проводил в поле и в лесу, гоняясь за зверями и птицами. Иоанн был женат, но, несколько не склонный к семейной жизни, он редко бывал дома и по несколько месяцев не видел молодой своей жены... И грустила одинокая молодая жена его, запершись в своем тереме, и плакала и роптала на скучную свою, забытую всеми молодость“. Вскоре произошло таинственное событие в ее жизни: „Призрак, с лицом и голосом ее супруга, каждую ночь начал посещать ее, — таинственный, увлекательный и ужасный в одно и то же время, оставаясь с ней до самого рассвета, обуяв ее душу чудными чарами соблазна и искушения. Жена Иоанна начала таять и худеть с каждым днем, и поняла, наконец, что это злой дух, приняв облик ее мужа, приходил смущать ночные сны ее; и она решилась сказать об этом брату ее мужа, князю Петру, в благочестие и мудрость которого глубоко верила“. Петр советует ей выведать у призрака, от чего тот может погибнуть. Призрак сообщает: „От Петрова плеча, да от Гаррикова меча“... „И узнал от иноков Петр, что действительно был когда-то один благочестивый воин Гаррик, которого тело скорочено под монастырскою стеною, а в стене заложено его оружие и доспехи. По приметам, да по старым церковным книгам наши, наконец, по желанию князя Петра то место, где скорочен Гаррик; разломали стену, — и между другими оружиями найден был и меч Гаррика“. Взяв этот меч, Петр убивает беса. Но кровь убитого попадает на руку Петра; от этого

¹ В. Соколовский. Народное предание о жизни преподобных муромских Петра и Февронии. „Странник“, 1865, т. III, стр. 87—95.

рука покрывается язвами и стружьями. . . „И разослал тогда князь гонцов по всему своему княжеству — искать человека, который бы излечил его от этого недуга, и велел говорить всем так: кто излечит князя, того он осылет наградами и своею княжескою милостию: если излечит его старик, то он будет отцом княжеским, если молодой, — назовется его братом, если старица, — матерью станет, а если молодая, — его женою“. Гонцы князя разошлись по всему княжеству. Как-то раз один из них „шел утром одним селением и на краю деревни остановился. Жара была летняя, и захотелось ему водой освежить высохшую грудь свою. Видит гонец крайнюю избу, ворота в ней растворены, — он и зашел на двор. На дворе нет ни души. Гонец огляделся кругом и вошел в избу. В избе у окна сидела молодая девушка в одной рубашке и ткала холсты. Видя гонца, девушка вскрикнула и убежала одеваться за перегородку, сказав пришельцу, что если б у нее был язык, он не застал бы ее в таком виде“ и затем подсыпала: „если бы у нее в доме была собака, то при его приходе залаяла бы и лаем своим предупредила бы хозяйку о госте“. Узнав, что девушку зовут Февронией и что она живет с отцом и матерью, княжеский гонец спрашивает: „— Где же теперь отец твой и матушка? — А их дома нет, — отвечала Феврония, — пошли они на село взаймы поплакать“. Объяснение этого иносказательного ответа обычное. Гонец сообщает Февронии о болезни князя. Феврония отвечает, „что с помощью божиею можно все сделать и от всяких недугов излечить“. Тут же взяла Феврония стоявший на столе жбан с молодым квасом, слала его весь, и вынув оставшуюся гущу, отдала ее послу и велела помазать ею раны и стружья на руке больного, отчего он выздоровеет“. Петр выздоравливает. „Вылечившись, задумался князь о своем обете жениться на молодой женщине, если та исцелит его. Полюбив тихую безбрачную жизнь, Петр не решался сделаться мужем и семьянином, и потому, чтобы избежать брака, послал с тем же послом к Февронии моток льну и приказывал, чтоб она в ночь одну к следующему утру наярала из льна ниток, соткала б холст и сшила ему рубашку. Когда посол передал Февронии приказание Петра, Феврония промолвила: „хорошо“, и подняв с полу ощепок полена, подала его послу. „— Если князь Петр, — сказала Феврония, — из этого ощепка сделает к утру кресны, то и я в одну ночь наярю ему ниток, сотку холст и сошью рубашку. Так и скажи князю“. Петр решает, „что мудрая Феврония будет хорошей женой его и помощницей“ и женится на ней. „Быв очень хороша собой, она вызвала не одно искательство со стороны многих приближенных к ее супругу людей; но все эти искательства она отвергла мудро и строго. В числе таких людей был один военачальник, человек красивый и молодой, который сильно домогался расположения юной княгини. . . Однажды, когда этот военачальник сопровождал ее на катанье в лодке по реке Оке, она попросила его зачерпнуть воды с правой стороны лодки. Он зачерпнул. Потом она просила попробовать вкус этой воды, и когда тот исполнил ее просьбу, она попросила сделать то же самое с левой стороны лодки и спросила его: где вода чище — с правой или с левой стороны. Военачальник отвечал княгине, что вода одинаково чиста, как с одной, так и с другой стороны лодки. И сказала тут ему Феврония: « — Точно как эта чистая вода, так и чистая женщина: с которой стороны не испытывай ее, она все будет чиста и неизменна. Молодой военачальник, который был уже женат, понял урок Февронии и, стыдясь, оставил все прежние свои искания, и его любовь к молодой княгине перешла в робкое и тихое благоговение“. Петр и Феврония дожили до глубокой старости и оба приняли пострижение. „При пострижении, Петр принял имя Дионисия, а Феврония — Евпраксии“. Умирая, Петр захотел увидеть Февронию и послал за нею. Феврония в это время вышивала воздухи. Она выслушала посланников Петра, но „желая остаться верною монашескою заповеди отречения, Феврония не спешила ославлять кельи“. Только узнав, что Петр уже женат, она пошла к нему, но уже не застала его в живых. Она умирает у его тела, и их обоих хоронят в одной гробнице.

Такова эта легенда, называемая В. Соколовским „народным преданием“. Но язык этой легенды, типичный литературный язык середины XIX в., интерес к трогательным романическим положениям (в частности, описание ночных посещений княгини призраком-бесом) и точное историческое приурочение событий ко времени Давида Юрьевича — все это ставит под сомнение ее народное происхождение.

Но может быть это только внешний недостаток записи, а основа легенды народна? Сопоставление содержания легенды и повести опровергает и это предположение. В легенде нет ни одного факта, который нельзя было бы вывести из соответствующего события, описанного в повести. Различие есть только в незначительных отступлениях или в трактовке событий, причем самый характер этих изменений обнаруживает их происхождение не из народной традиции. Таким является эпизод о мече „благочестивого воина Гаррика“, такова мотивировка нежелания князя Петра вступить в брак с Февронией, таковы же переработки мотива соблазнения в лодке и заключительного эпизода повести. На всех этих изменениях лежит отпечаток церковной интерпретации фактов, известных по тексту повести. Вывод из этих наблюдений может быть только один: в основе легенды, записанной В. Соколовским, лежит текст повести о Петре и Февронии, некоторое время обращавшийся в устной передаче, вернее всего, местного муромского духовенства и грамотного, благочестиво настроенного, мещанства. Таким образом, легенда о Петре и Февронии в этой записи лишена какого бы то ни было значения для выяснения преемственности повести.

Несколько большее значение для изучения повести о Петре и Февронии имеет легенда, записанная в последней четверти XIX в. Н. Любодуровым.¹

„... Блаженная Феврония, — читаем мы здесь, — живя в доме своих родителей и с юных лет преданная глубокому благочестию, отличалась также даром прозорливости, узнавала мысли и чувства других и обладала искусством врачевания. Случилось, что князь муромский Петр Георгиевич заболел проказою, от которой, сколько ни лечили его, никто не мог излечить его. В сонном видении открыто было князю, что его может исцелить одна благочестивая девица Феврония, за которую и отправлены были княжеские люди. Когда блаженная отправлялась из деревни в Муром с присланным княжеским поездом, то, прощаясь с своими односельцами, из которых одни дивились ее возвышению, другие жалели о ней, сказала им, что отбытие ее от них не произведет между ними никакой перемены, — что „после нее у них не придет и не убудет“ — и предсказание преподобной, как утверждают жители Ласкова, будто бы доселе в точности исполняется, — число их с тех пор не прибавляется и не убавляется, никто не богатеет больше и никто не беднеет меньше; прибывающие к ним со стороны жители то богатеют, то беднеют, то приходят, то уходят; но число и быт самих жителей деревни не изменяются. С прибытием Февронии, князь Петр, видя благочестие блаженной, дал обет что если она исцелит его, то он женится на ней. Преподобная действительно исцелила князя; но когда последний, слушая внушения других, хотел было нарушить данный обет, то снова впал

¹ Рязанские епархиальные ведомости. Прибавления, 1877, 1 сентября, стр. 5—6.

в пражнюю болезнь. Раскаявшись в своем непостоянстве и получив опять исцеление, благочестивый князь, не изменяя более обету, сочетался браком с блаженной. Мирная и благочестивая жизнь их подверглась испытанию, — они терпели изгнание и разлуку. В этой разлуке один из сопровождавших Февронию княжеских воинов, когда они плыли по реке, возымел к блаженной нечистый помысл, но она, прозрев его мысли, вразумила его добрым наставлением, — воин этот был женат. Велевши ему почерпнуть воды с одной стороны лодки и выпить, и потом то же сделать с другой, спросила: „не одна ли вода?“ — и затем сказала: „так равны и все женщины, ослепляет лишь одно безумное чувство“.

И эта запись легенды о Петре и Февронии, подобно предыдущей, во многом непохожа на „местнонародное предание“, как называет ее Н. Любоумров. Ее язык также пестрит поздними церковно-славянизмами: „блаженная“, „преданная глубокому благочестию“, „предречение преподобной“, „возымел к блаженной нечистый помысл, но она, прозрев его мысли, вразумила его добрым наставлением“ и т. п. И все же народно-поэтическую основу этой легенды отрицать нельзя. Это один из вариантов народной легенды о Петре и Февронии. Это можно подтвердить третьей, уже современной нам, записью:

„У муромского князя была на ноге рана и сильно болела; мокнет и мокнет... Он услышал, что в Ласкове дурочка хорошо лечит, поехал к ней. Полюбился он ей, она и говорит: „Вылечу я тебя, только после возьми меня себе в жены“. Он пообещал ей: хворать не хотелось. Когда она его вылечила, и взяло его раздумье: „Я мол, князь, неужто мне брать за себя замуж дурочку?“ Взял и уехал к себе в Муром, а ее оставил. Опять разболелась у него нога, пришлось опять ехать в Ласково к дурочке лечиться. Она опять ему говорит: „Вылечу я тебя, только после возьми меня себе в жены“. Делать нечего, он согласился. Вот и спрашивает ее: „Когда же мне, мол, за тобой приезжать?“ Она и говорит: „Приезжай за мной на Петров день, на санях“. Удивился он: „Как же это так, на Петров день, в такую жару и приезжать на санях?“ Пришел Петров день и ударил мороз, да такой лютый; снег выпал, и вправду поехал он за ней на санях. Посадил ее в сани, едут, а наши ласковские смеются над ней, кричат ей вслед: „Вон нашу дурочку в санях повезли с князем венчаться“. Она обернулась и говорит: „Ни болеть вам, и ни мѣнеть“. Прокляла она наше Ласково, как стоит в нем шесть дворов, так не убавляется и не прибавляется. Молодые, какие роятся, помирают. Стали ей тут молиться, праздники ее почитать, молебны служить, ну, простила она нас, стало наше село прибавляться. Она и теперь, говорят, ходит сюда богу молиться. Да знамо, мы, грешные, ее не видим, а благочестивые люди видят иногда огонек в церкви, есть у нас такие. Св. Хаврония была наша ласковская, благочестивая была, богу все молилась, а наш народ смеялся над ней, дурочкой ее считал. А она вон какая была: сама святость получила, да и мужа прославила. И сейчас растет ореховый кустик, под которым она молилась, и две ямки: следы ее от долгого стояния на коленях остались. Да бабы далеко их расковыряли: песочек все оттуда больным берут“.¹

Обе последние записи представляют собою, очевидно, варианты одной и той же легенды о Петре и Февронии. Их родство видно из совпадений

¹ Легенда записана в 1921 г. в дер. Ласкове студентами Рязанского ИГО под руководством Н. П. Сидорова и напечатана В. Ф. Ржигой (Летопись занятий Археологической комиссии за 1923—1925 гг., вып. 33, Л., 1926, стр. 145—146).

эпического проклятия („Ни бóлеть вам, и ни мѣнеть“) и рассказа о многовековой сохранности орехового куста, под которым молилась Феврония. Предание об этом кусте слышал и Н. Любомудров, но, вероятно, уже не в органической связи с легендой, почему он и упомянул о нем отдельно.¹ Конечно, эти особенности данной легенды не представляют собою ее оригинальных черт; но их соединение с повествованием о Петре и Февронии необходимо признать очень древним. Эпическая формула проклятия: „Ни бóлеть вам, и ни мѣнеть“ — местного окского распространения. Она связана с именем митрополита Алексея, которому здесь в середине XIII в. был дан на кормление город, получивший, очевидно, вследствие этого наименование „Алексин“. В окской легенде рассказывается о том, что

„Алексей ехал в орду, будучи вызван туда для исцеления жены хана. У города Алексина ему пришлось переправляться через Оку, и он обратился к помощи жителей пригородной Рыбацкой слободы. Те перевезли его и за это потребовали платы“. У Алексея не было денег, и они сняли с него крест; тогда митрополит им сказал: „за то, что вы со мною так поступили, вы всегда будете жить ни бедно ни богато“.²

Связь эпического проклятия с именем митрополита Алексея (XIII в.) в какой-то мере говорит о древности его распространения, а это в свою очередь косвенно свидетельствует о древности рассматриваемой нами легенды о Петре и Февронии. Кроме этого, следует обратить внимание на самый характер ласковской легенды о Петре и Февронии в научной записи XX в. Феврония здесь настойчиво называется „дурочкой“; отношение к ней окружающих недоброжелательно: „народ наш смеялся над ней“, наконец, сама Феврония обнаруживает мстительность и злобу, проклиная жителей Ласкова. Легенда в таком своем виде не могла сложиться на основе повести, где образ Февронии уже запечатлен чертами христианской морали. Очевидно, легенда идет не от повести, а от сказочного прототипа ее, представляя собою вторую, параллельную повести, линию развития этого сюжета. Так, рассматриваемая легенда о Петре и Февронии заслуживает более пристального внимания: она является ключом к некоторым историко-литературным проблемам, связанным с изучением повести о Петре и Февронии.

Прежде всего, она дает новые данные для уточнения наших представлений о сказочном прототипе повести. Вопрос о наличии в этом прототипе обусловленного прихода героини, благодаря ее свидетельству, решается положительно. В обоих вариантах есть следы этого эпизода. Но в варианте Н. Любомудрова, в изложении, далеко ушедшем от народной традиции, говорится только, что за Февронией „отправлены были княжеские люди“. В варианте же Рязанского ИНО Феврония требует, чтобы Петр приехал за нею летом на Петров день на санях. Это, конечно, рудимент сказочной

¹ Ук. соч., стр. 5.

² Г. Анофриев. Алексин. Местные предания и легенды. Тр. Тульск. губ. уч. арх. ком., кн. 1, стр. 21¹.

формулы: ср., например, в варианте А — девушка должна притти „ни пешком, ни на лошади, ни на саях, ни на телеге“ и пр.

Можно с уверенностью говорить о том, что автор повести о Петре и Февронии пользовался при создании повести не непосредственно сказкой о мудрой деве, а легендой о Февронии из села Ласково, возникшей на основе этой сказки.

Выше мы привели уже фрагменты легенды о Февронии из села Ласково. Как ни бедны они, но одну, — пожалуй самую характерную, черту процесса превращения сказки в легенду они засвидетельствовали: сказка постепенно обростала рядом народно-поэтических легендарных черт, взятых из разных сказаний. Так проникла в нее эпическая формула проклятия Февронией своих односельчан за насмешки над нею, рассказ об „ореховом кусте“ и пр. Это был изменчивый, подвижной, недостаточно прочно сраставшийся с основной сказочной тканью материал, о чем свидетельствует то обстоятельство, что все три известные нам остатка легенды из села Ласково (записи Н. Любомудрова, Рязанского ИНО и вторая часть повести) сохранились в разном составе.

Какими же народно-поэтическими легендарными чертами осложнился сказочный прототип повести, прежде чем он получил литературную обработку? Запись Н. Любомудрова, подобно повести, знает эпизод, содержание и смысл которого в фольклористике принято условно передавать словами „все женщины одинаковы“: очевидно, он проник в сказку о мудрой деве в момент перехода ее в легенду о Февронии из села Ласково. Он хорош известен в фольклоре народов СССР. Мы встречаем его в ряде сказок и легенд.¹ Особенно же близко к повести он изложен в псковском сказании о княгине Ольге в записи П. Якушкина.

„...В той деревне Лыбуше родилась царица благоверная российская Ольга; родилась она в крестьянском звании и была перевозчицей; а за тем, что горазд из себя красавица была, да и горазд хитра была — царицей сделалась, а там во святые вошла... Раз перевозит она князя Всеволода... Увидал Всеволод Ольгу и помыслил на Ольгу; а этот князь был женат. Стал тот князь говорить Ольге, а Ольга ему на те его на пустые речи ответ: «Князь, зачерпни рукой справа водицы, испей». Тот зачерпнул, испил. — «Теперь, — говорит Ольга, — теперь, князь, зачерпни слева, испей и этой водицы» — Князь зачерпнул и слева водицы, испил. «Какая же тут разнота: та вода и эта вода?» — спрашивает Ольга у князя. — «Никакой тут разноты нет, — говорит князь: все одна вода». — «Так, — говорит Ольга, — что жена твоя, что я, для тебя все равно». Князь Всеволод зарделся, замолчал и отстал от Ольги...»²

В этом сказании по смыслу, композиционно и стилистически эпизод „все женщины одинаковы“ стоит очень близко к соответствующему месту второй

¹ См., напр., К. М — с. Башкиры, Русская жизнь, 1892, № 265, стр. 4; Ф. Э м и н. Нравоучительные басни. 3 изд., СПб., 1793, стр. 15—23; Д. К. З е л е н и н. Великорусские сказки Пермской губернии. Пгр., 1914, стр. 447—449; П. И. Из области малорусских народных легенд. Этногр. обзор., кн. XVII, 1893, № 2.

² П. Я к у ш к и н. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний. СПб. 1860, стр. 155—157.

части повести о Петре и Февронии: Ольга, подобно Февронии, „родилась в крестьянском звании“; благодаря своей красоте и хитрости она „царицей сделалась, а там во святые вошла“; Всеволод, как и боярин Февронии, женат; он „помыслил на Ольгу“; Ольга предлагает Всеволоду зачерпнуть воды сперва с правой стороны лодки, затем с левой и т. д. Но все это: то типичные фольклорные формулы, то устойчивая агиографическая фразеология, оцутимая равно в обоих произведениях. Вопрос о каких бы то ни было отношениях зависимости между сказанием об Ольге и повестью о Петре и Февронии должен быть снят: и в сказание об Ольге и в повесть о Петре и Февронии этот эпизод попал из народно-поэтической традиции. Но псковское сказание интересно тем, что оно подтверждает его существование в фольклоре русского средневековья, так как это сказание находится в ближайшем родстве с поздним житием Ольги, вошедшим в Макарьевские Четы-Минеи и Книгу Степенную: именно из народно-поэтического запаса автор позднего жития Ольги взял этот эпизод, только лаконичный ответ мудрой девы-перевозчицы заменен здесь пространством наставлением в церковно-христианском духе.¹

Картина встречи слуги князя Петра с Февронией очевидно также была создана в процессе перехода сказки о мудрой деве в легенду о Февронии из села Ласково. Самое образование ее в устной традиции происходило постепенно. Если слуга князя Петра находит в избе одетую по-домашнему, занятую работой, крестьянскую девушку, которая затем на ряд заданных ей вопросов дает иносказательные ответы, то это — типичная черта сказки о мудрой деве. Но осложнение этой картины тем, что перед Февронией „скачет заяц“, говорит о дальнейшей обработке исконного сказочного материала или о частичном замещении его другим, ему аналогичным. В фольклоре и письменности древней Руси заяц — это символ плодородия, духовного богатства, правды.² Общеизвестность этой символики могла быть причиной того, что новая черта, — мудрая дева — носительница правды, — была наслоена на старый сказочный образ, в то время, когда при превращении сказки о мудрой деве в легенду о Февронии переосмыслился сам этот образ. Тогда создание картины, — Феврония, ткущая полотно и скачущий перед нею заяц, — следует приурочить ко времени образования легенды о Февронии из села Ласково.

Обе записи легенды о Февронии из села Ласково и вторая часть повести о Петре и Февронии согласно говорят о двухкратном исцелении Февронией больного князя: после первого исцеления князь нарушает свое обещание жениться на Февронии, но вскоре опять заболевает, вновь обращается за помощью к Февронии и, получив исцеление, женится

¹ Книга Степенная царского родословия. Полн. собр. русск. летоп., т. XXI, 1908.

² Н. С. Тихонов. Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863, т. I, стр. 269; Ф. И. Буслаев. Исторические очерки... СПб., 1861, т. II, стр. 20, прим. 1; П. А. Бессонов. Калики переходные. М., 1861, ч. I, вып. 1, стр. 273; № 76, стих. 161—167, стр. 292; № 80, стих. 231—235, стр. 297; № 81, стих. 181—184.

на ней. Наличие этого эпизода во всех фрагментах легенды свидетельствует о появлении его в процессе преобразования сказки о мудрой деве в легенду о Февронии из села Ласково.

Итак, сказка о мудрой деве типа 875, осложненная рядом характерных черт сказки типа 921, в устной традиции на территории Рязанского княжества не позже середины XV в., как частное отклонение от основной линии ее развития, дала особый вариант, качественно отличный от нее, — легенду о Февронии из села Ласково. Это произведение продолжало существовать в устной традиции, но в отличие от сказки оно было запечатлено новыми чертами: интересом к определенной личности, народно-христианским истолкованием ее поведения, специфически-религиозной фантастикой. Основной образ сказки — мудрая дева был существенно изменен в легенде.

Как можно представить себе этот переход сказки в легенду?

Какое-то смутное предание говорило о происхождении одной из муромских княгинь из села Ласково Рязанского княжества. Факты биографии этой княгини были давно уже забыты на ее родине. Ее высокое положение требовало особого объяснения: достигнуть такого положения, по народным представлениям, могла только исключительная девушка — мудрая и провидица. Но в фольклоре был уже готовый образ такой девушки — мудрая дева сказки. Черты этого сказочного образа стали канвой биографии муромской княгини, образ которой постепенно все более усложнялся, притягивая к себе другие сказочные и легендарные черты: двухкратное исцеление жениха, проклятие уезжающей из села девушкой своих односельчан, и т. п. Не весь этот новый материал прочно и навсегда присоединялся к основной сказочной ткани повествования: кое-что терялось или замещалось еще более свежими наслоениями. Но вся эта работа народной фантазии вращалась вокруг одной определенной задачи — дать образную мотивировку необычной биографии простой крестьянской девушки, ставшей княгиней.

Один из вариантов рязанской легенды о Февронии из села Ласково, стоявший несравненно ближе, чем поздние записи ее фрагментов, к народной сказке о мудрой деве, и лег в основу второй части повести о Петре и Февронии.

6

Народно-поэтическая песня об огненном летающем змее, в какой-то мере уже связанная с именем муромского князя Петра, и рязанская легенда о Февронии из села Ласково в устной традиции не были объединены. Во всяком случае о таком объединении у нас нет никаких данных. Наоборот, фрагменты легенды о Февронии из села Ласково свидетельствуют скорее против этого, они не знают князя-змееборца: по легенде, в записи Н. Любомудрова, князь Петр „заболел проказою“, в записанном же в наши дни варианте легенды о болезни князя говорится следующее: „у муромского князя была на ноге рана и сильно болела; мокнет

мокет... "Трудно предположить, чтобы легенда забыла князя-змеборца. Видно эти два произведения были объединены в одно художественное целое автором повести. По тому, как в процессе этого объединения были изменены и образы главных героев и сюжеты народно-поэтических композиций, довольно ясно можно представить основные идеи, руководившие вторым, его литературную манеру и тот жанр, в плане которого было задумано это произведение. Конечно, в данном случае нельзя рассчитывать на исчерпывающую характеристику литературной работы автора повести, так как прототип повести поддается восстановлению только частично, но уловить основные тенденции писателя все же можно.

В первой части повести автор сохраняет сюжет, персонажи и среду (княжеский двор) эпической песни или сказания об огненном летающем змее. Но он насыщает фабулу некоторыми новыми деталями, тоже за счет фольклорного материала, придает образу главного героя больше героических черт и сообщает своему повествованию местный колорит.

Образ змея-двойника князя Павла, конечно, фольклорная реминисценция, так как превращения змея в мужа его жертвы обычны в русском фольклоре.

Формула „смерть моя есть от Петрова плеча, и от Агрикова меча“ уже не что иное как перифраза формулы, хорошо известной в народной поэзии. Так, например, Иван Пономаревич, найдя на поле сражения меч-ладенец, говорит: „Сей меч моево плеча богатырскова“. Самое название меча в повести — „агриков меч“, — книжного характера: „агриков“ от мени Агрика. Но Агрика повести стоит в какой-то связи с былинным Агриканом. В былинке „Илья и Сокольник“¹ говорится о том, что среди богатырей на заставе находятся „два брата Агрикановы“. Кроме того, в сказке Чулкова о Добрыне, несмотря на ее литературный характер, сохранились народно-поэтические черты, несколько уясняющие генеалогию Агрикова меча повести. По этой сказке Агрикан, побеждая богатырей, собирает богатырское оружие и прячет его в горе в кладовой. Умирая, он завещает свое оружие сильнейшему из богатырей. В конце концов оружие это достается рязанскому богатырю Добрыне, который убивает им Тугарина Змеевича.² Возможно, что Агрика повести является книжным замещением Агрикана, известного в Рязанском княжестве по былинам.

Значительно яснее роль автора повести в том случае, когда речь идет о местонахождении агрикова меча. Агриков меч, по повести, находится в алтарной стене церкви Воздвиженского монастыря „между керемидами“.

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2, т. 1, 1909, стр. 425; А. Гильбердинг, № 114.

² М. Д. Чулков. Русские сказки. 2 изд., 1807, ч. 1, стр. 104—117. Сопоставление Агрики повести и Агрикана былины впервые сделал Н. Костомаров (Пам. стар. русск. лит., вып. 1, СПб., 1860, стр. 51); затем: П. А. Бессонов (см. его „Заметку“ в ч. II Песен, собранных П. Н. Рыбниковым, изд. 1862, стр. 25—28); Ф. И. Буслаев, Исторические очерки (Народная поэзия). СПб., 1837, стр. 164.

В прототипе повести, очевидно, уже шла речь о чудесном мече, находящемся в храме меж каменями, и автор повести, везде носящей следы тщательной литературной обработки, употребил слово „керемиды“ вместо слова „камни“ как технический термин, хорошо известный в древней Руси.

С еще большей вероятностью можно признавать авторство книжника за следующим добавлением: „Он же (Петр) от неприазнивыя тоя крови острупе; и язвы быша; и прииде нань болезнь тяжка зело. И искаше в своем одержании ото многа врачей исцеления, и ни от единого получи“.¹ Эпизод этот, заболевание от крови змея, совсем не встречается в цикле произведений об огненном летающем змее. Мы знаем, что нет его и в сказке о мудрой деве. Нет его и в той народной переделке сказки, которую мы назвали легендой о Февронии из села Ласково. В повести же его функция очень важна: он объединяет в одно произведение два самостоятельных сюжета. Автор повести использовал его в композиционных целях с вполне осознанным намерением. Он завершил объединение двух сюжетов, в устной традиции уже как-то соединявшихся с именами муромского князя Петра и княгини Февронии родом из села Ласково.

Местный колорит в первой части повести намечается уже совершенно отчетливо: „Сей убо в русьтей земли град, нарицаемый Муром; в нем же бе самодержьствуяй благоверный князь, яко же поведяху именем Павел. . .“, „имяше же (Петр) обычай ходити по церквам, уединяяся; бе же вне града церковь в женьстем монастыре Воздвижение честнаго креста, и прииде ту един помолитися“; отмечаются обычаи княжеского двора: князь и княгиня живут в различных „храминах“, Петр ходит „по вся дни к брату своему и к сносе на поклонение“ и т. п.

Эпические образы и змея и героя-змееборца, как и борьба героя со змеем, несколько переосмыслены в повести в легендарно-агиографическом плане. Змей посещает молодую жену князя Павла вследствие исконной ненависти дьявола к человеческому роду. Князь Петр не сам находит меч, а получает его благодаря помощи чудесного отрока. Сражаясь со змеем, он надеется не на свою силу, а на „божью помощь“. Но это чисто внешний христианский налет. Он не значителен и не глубок. Не в нем основной пафос творческого замысла автора повести. Он важен для автора не сам по себе, а как привычное средство идеализации героя.

Действительно, самой характерной особенностью литературной обработки народно-поэтического сюжета в этой части повести надо считать идеализацию образа князя Петра, придание ему героических черт, причем идеализация эта не вневременная: герой приобретает черты идеального князя конкретно-исторической действительности — феодальной Руси. С исключительным мастерством несколькими штрихами автор повести рисует этот, для второй половины XV в. уже архаичный, образ молодого

¹ См. ниже, стр. 229

князя, беззаветно преданного своему старшему брату-правителю, ради защиты его чести идущего „не сумняся мужествене... братися со змием“. Этот образ возвращает Русь XV в. к княжеским взаимоотношениям времени создания „Сказания о Борисе и Глебе“. И в то же время образ брата Петра, князя Павла, этого „самодержца“, правящего княжеством единолично, так что за его фигурой не видно ни бояр, ни дружины, — это отражение совершенно иных представлений, новых взглядов на природу княжеской власти, характерных для второй половины XV в.

Во второй части повести творческая работа автора проявилась значительно ярче. Крайне характерно, прежде всего, то, что автор повести широко использовал основную идею сказки, удержанную также и легендой, идею сугубо демократическую, ценности в человеке прежде всего его интеллектуальных и моральных свойств, не взирая на социальное или имущественное положение его, идею о примате разума в жизни человеческого общества. Эта идея прочно сохранялась во всех вариантах сказки (хотя в поздних перифразах сказка приобретала гротесковый характер) и легенды о мудрой деве. Очевидно именно она в народном сознании была основой их. Автор повести очень близко подошел к подлинному пониманию своих народно-поэтических источников, пониманию русской народной мудрости. Народная идея о высоких достоинствах человека, обладающего мудростью, более всего способствовала воплощению творческих замыслов автора повести. Она помогла ему нарисовать идеальные образы героев: мудрой княгини и мягкого, поддающегося ее влиянию князя. Благодаря ей автор смог дать повествование в замечательно мягкой тональности: окружить женщину глубоким уважением и мужа, и приближенных и даже враждебно настроенных бояр, показать торжество разума в жизни, установление на его основе идеальных взаимоотношений между князем и подданными и пр. Весь идеальный мир прошлого, который грезился автору, направляется этой основной идеей.

Но, наряду с этим, автор изменяет и пополняет сказочную схему народной легенды в угоду своему замыслу и волнующим его идеям, черпая материал из местного быта, фольклора, исторических преданий и пр.

Вторая часть повести начинается с рассказа о том, как покрытый язвами и стовпами князь посылает „синьклит свой искать врачей“, и один из приближенных князя находит бедную крестьянскую девушку, которая и исцеляет князя. Так в традиционную сказочную схему (875) вторгаются, видоизменяя и ломая ее, несвойственные ей черты. Вместо одного из испытаний мудрости, обычного в сказке типа 875, Феврония должна *исцелить* князя Петра. Эпизод исцеления князя оказался весьма благодарным для раскрытия образов князя и мудрой девы в совершенно ином, не сказочном понимании их. Он положил начало романическому элементу повести, ее любовной интриге. Сказочно-легендарный сюжет превратился во второй части повести в трогательный рассказ о любви князя Петра и крестьянской девушки, любви, встречающей различные препятствия вследствие социального неравенства героев. Все последующие эпизоды легенды

демократически настроенный автор повести также перерабатывает в этом новом социальном аспекте. Нарушение условий брака в повести заменяется недовольством бояр крестьянским происхождением Февронии. При этом, недовольство это облачается в правдоподобную и в историческом и в бытовом отношении форму: „Княгини же его Февронии бояре его не любяху жен ради своих, яко бысть княгини не отечества ради ея“.¹ „Не отечества ради ея“ в данном контексте значит „не боярского рода“, как и переводит это место одна из более поздних редакций повести. Общий смысл этого эпизода, говорящего об укладе древне-русского княжеского двора, полностью раскрывается ниже: „И по мнозе же времени приидоша к нему съ яростию бояре его, ркуще: «Хощем вси, княже, праведно служити тебе и самодержцем имети тя. Но княгини Февронии не хощем, да господствует женами нашими. Аще хощеши самодержьцем быти, да будет ти ина княгини. Феврония же, взем богатство доволно себе, отоидет амо же хощет»“.² От традиционного сказочного изложения здесь сохранилась даже целая формула: пусть Феврония, взяв свое богатство, идет, куда хочет. Но в целом этот эпизод совершенно изменен на основе исторических преданий об укладе жизни древне-русского княжеского двора и современных автору представлений о боярской верхушке как силе, враждебной князю.

В описание недовольства бояр вклинивается эпизод превращения Февронией хлебных крох в фимиам. П. Владимиров в этом случае видел отражение сказки. „Княгиня, — говорит он, — выходит из-за стола, кладет в рукав крохи со стола; из этих крох выходит ладан и добровонный фимиам. Так переделал благочестивый повествователь известный сказочный мотив о мудрой вещице женщине: на пиру она кладет в рукава кости и всякие остатки, после махнет рукавом, и из этих остатков выходят чудесные предметы, драгоценности, — даже сады и дворцы“.³ Но вряд ли можно в данном случае согласиться с мнением П. Владимирова. Интерпретация этой картины в повести агнографическая: она необходима для характеристики Февронии, благодаря ей автор показывает, что „богу проелавающе ю добраго ради жития ея“. Весь этот вставной эпизод должен быть отнесен за счет творчества автора повести, что доказывається его связью с описанием недовольства бояр крестьянским происхождением Февронии; обычай Февронии после обеда собирать со стола хлебные крошки в руку раздражает боярынь, лишний раз напоминая им, что ими „господствует“ княгиня „не отечества ради ея“, — и вот „некто от предстоящих ей“ направляется к князю с целью „навадити на ню“ и т. д.

Подобно сказке и в повести говорится об изгнании и возвращении героев. Здесь эта картина дается с любопытными бытовыми и истори-

¹ См. ниже, стр. 237.

² См. ниже, стр. 237—238.

³ П. В. Владимиров. Введение в историю русской словесности. Киев, 1896, стр. 146.

ческими деталями. Бояре говорят Февронии: „Госпоже княгини Февронии! весь град и бояре глаголют тебе: дай же нам, его же мы у тебе просим“ и, получив согласие Февронии, просят у нее Петра. Феврония в свою очередь обращается к боярам с просьбой: „Дадите мне, его же аще аз вьспрошу у ваю“ и, получив согласие бояр, говорит: „Ничто же ино прошу, токмо супруга моего князя Петра“. В этом обращении бояр с просьбой к Февронии и в просьбе Февронии к боярам еще слышится традиционный диалог сказки типа 875. Но здесь этот диалог уже потерял свой исконный вид и дается в совершенно ином контексте. Бояре устраивают пир, „и егда же быша весели, начаша простирати безстудныя своя гласы, аки пси лающе“ и обращаются со своей просьбой к Февронии. Они соглашаются отпустить вместе с Февронией и Петра, так как „кииждо бо от бояр в уме своем дръжаше, яко сам хошет самодержецъ быти“, и дают князю и княгине „суды на реце“. Таким образом, изгнание героини мотивируется здесь совсем иначе, чем в сказочно-легендарном прототипе повести. Причины изгнания политические — недовольство бояр княжением Петра и Февронии, их честолюбивые намерения занять место князя. Точно также и возвращение героев изображается совсем не по сказочному: через день пути посланник бояр настигает Петра и Февронию и умоляет от имени „всех велмож и ото всего града“ возвратиться „на свое отечествие“, страдающее от междоусобий бояр. Политическая позиция автора повести ясна: он сторонник князя и противник бояр.

В описание изгнания и возвращения героев вставлен эпизод „о древиях“, фольклорного происхождения: Феврония благословляет два воткнутых для котлов дерева и произносит над ними: „Да будутъ сиа на утрии дrevие велико, имущи ветви и листвие“; к утру дерева выросли и покрылись листьями. Автор повести придал ему символическое значение для доказательства невинности Февронии. Эпизод „о древиях“ в повести идет непосредственно вслед за рассказом о том, как изгнанные из Мурома Петр и Феврония, проплыв день по Оке, к вечеру „начаша ставитися на брезе“. Всегда колеблющийся и неустойчивый, Петр и в данном случае стал сомневаться в правильности своего решения оставить Муром: „Како будет, — размышлял он, — понеже волею самодержъства гоньзнув?“ Вся вина в оставлении Мурома пала, таким образом, на голову Февронии. И вот она, утешив Петра („Не скорби, княже: милостивый бог, творецъ и промысленикъ всему, не оставитъ нас в нищете быти!“), благословляет два воткнутых в землю для котла дерева, к утру прорастающие в доказательство ее невинности во всем происшедшем. Приход посланца из Мурома подтверждает истинный смысл „чюда блаженной о древиях“. Вся эта часть повести при таком понимании функции „чюда о древиях“ приобретает вид стройного, логически обоснованного повествования, а не случайного сцепления различных эпизодов, как это кажется на первый взгляд.

Во второй части повести автор характеризует Петра и Февронию как идеальных князя и княгиню, достойных правителей. Создавая их образы,

он значительно отстывает, особенно в конце повести, от своего основного источника. Князь и княгиня, какими изображает их автор в зрелые годы и в старости, имеют очень мало общих черт и со сказочными героями и с героями легенды. Разница эта объясняется особым художественным замыслом писателя. Его идеалы, — общественные, этические и эстетические, — не только не исчерпывались теми представлениями о человеческом обществе и о взаимоотношениях между людьми, которые были отражены в устной легенде, своеобразно претворившей уже народную сказку, но во многом прямо противостояли этим представлениям. Автор повести жил в эпоху, когда в общественном строе и культуре Руси происходили глубокие изменения. Идеи нового государственного порядка, особенно — сильной княжеской власти, не были ему чужды, поэтому и историческое прошлое его княжества представилось ему в новом свете: он почувствовал в нем и политическую и социальную борьбу и смог об этом рассказать, далеко уйдя от легенды. Новые задачи повествования сказались на всем художественном строе произведения. Характеры героев легенды и сказки статичны. Характеры героев повести автор дает в развитии, в движении. Так же в развитии, в движении он дает и связывающее героев чувство любви. Иначе он не смог бы выразить все богатство своих идей. Благодаря этому, собственно, под пером писателя и создавалась повесть с ярко выраженными общественно-политическими идеями, с романической интригой, с изображением постепенно усложняющегося душевного мира героев.

Автор повести последовательно проводит своих героев через ряд этапов: юность — зрелость — старость. И всякий раз, сохраняя внутреннее единство образов, а иногда и нарушая его, он раскрывает новые душевные качества своих героев.

Юность — это встреча героев в селе Ласково и состязание их в мудрости. Петр и Феврония, как они зарисованы в этом эпизоде, близко стоят к сказочным образам (фрагменты легенды не сохранили этой части сюжета). Даже фразеологически этот эпизод очень близок сказке. Автор мастерски владеет всеми приемами фольклорной изобразительности. Без психологической углубленности, чисто внешними средствами (иносказательные изречения, состязание невыполнимыми требованиями) он создает образы героев повести, как и в сказке противопоставляя друг другу умную, находчивую девушку, дочь бедных родителей и посредственного, не лишённого лукавства и сословных предрассудков юношу, наследника княжеского престола. Он даже не замечает, что образ князя, как он дан в этом эпизоде, несколько противоречит тому героическому облику князя, который уже нарисован выше, в первой части повести.

Годы зрелости героев — это годы их правления Муромом до изгнания и после изгнания. Сюжет этой части повести повторяет сюжет сказки, частично сохраненный и в фрагментах легенды. Сохраняется здесь и основная идея сказки и легенды: мудрость достойна уважения, она — основа личного счастья и общественного порядка. И еще одна особен-

ность Февронии, как она изображается в легенде, намеренно подчеркивается писателем: княгиня — человек, наделенный даром провидения, для нее доступны дела, стоящие за пределами реальности, чудеса. Во всем же остальном автор повести выходит из круга сказочных и легендарных представлений. Они, очевидно, не охватывали всего строя личных чувств и общественных отношений, как они представлялись ему. Он рисует образ Февронии, любящей и преданной жены и незлобивой княгини, на заметку, но постоянно благотворно влияющей на управление княжеством. Как бы оттеняя ее высокие душевные качества, он показывает и князя Петра — мягкого, всегда колеблющегося в своих решениях человека, но с хорошей моральной основой, с годами приобретающего все более и более просветленный облик. И были князь и княгиня, — говорит автор повести, — „ко всем людем, под их властию сущим, аки чадолюбивый отец и мати“. Этой патриархальностью отношений между правителями и подданными больше всего дорожит писатель. Показав боярский мятеж и гибельные последствия его, он вкладывает в уста бояр рабопенные слова раскаяния: „Ныне со всеми домы своими раби ваю есмы. И хощем, и любим и молим, да не оставита нас раб своих!“

Идеальная личная жизнь и мудрое правление княжеством, — с точки зрения автора, — заслуживают ореола святости. Он и украшает им своих героев в последние моменты их жизни. Это третий аспект, в котором автор повести показывает Петра и Февронию. Но это не было основной задачей его труда, и поэтому здесь он предельно лаконичен. В этой части повести он окончательно покидает свой фольклорный источник. Он обнаруживает осведомленность в агиографическом мастерстве, хорошо знает специфически агиографическую образность, но все же и на последних страницах повести не подчиняет свое изложение житийной манере письма.

Лучшие страницы „Повести о Петре и Февронии“, крайне сложной и противоречивой по своему идейному смыслу, подсказаны автору исторической действительностью и богатым источником литературы его времени — фольклором. Являясь в известной мере выразителем демократических идей конца XV в., он в своей творческой работе опирался на местные муромо-рязанские народно-поэтические произведения именно потому, что они были родственны ему по своей демократической направленности. Но под его пером историческое прошлое муромо-рязанского княжества получило более конкретное и глубокое освещение чем в фольклоре: он показал образы прошлого, как они могли рисоваться человеку, очень близко стоявшему к уходящей с исторической сцены удельной Руси. И вместе с тем, на легендарно-историческом материале он поставил политические и социальные вопросы, волновавшие передовых людей конца XV века.

А. П. ЕВГЕНЬЕВА

Язык русской устной поэзии

(Синонимия)

Советская фольклористика поставила и по-новому решает основные проблемы устного народного творчества (происхождение устной поэзии, ее историческое развитие, социальная обусловленность и т. д.), но есть вопросы, которые еще ждут своего разрешения. Одним из них является вопрос о языке устной поэзии, который давно назрел и требует нового освещения и нового решения. Почти все крупные ученые XIX и начала XX вв. привлекали материал устной поэзии в своих исследованиях, а в некоторых случаях посвящали ей отдельные работы, но эти исследования устарели, и методологические позиции их для нас совершенно неприемлемы.

Исключительно важное значение имеют работы Н. Я. Марра и его учеников (В. И. Абаева и др.), привлекавших в своих исследованиях фольклор, так как они освещают истоки устного творчества, отдельные этапы в его развитии, в развитии человеческого мышления и человеческого слова.

Но вопросы поэтического языка, художественных особенностей русского фольклора в его поздний исторический период (записи русского фольклора имеются на протяжении более 3-х столетий: от начала XVII в. до наших дней) до сих пор не затрагивались в нашей науке.

Огромное, исключительное по своему богатству и разнообразию жанров и форм устное творчество русского народа представляет собой замечательное искусство устного слова с высокой художественной традицией, в создании которой принимали участие лучшие художники и мастера, выражавшие в слове мысли и чувства своего народа.

Пора пристально и внимательно заняться изучением художественного языка этой богатой литературы, изучать язык устной поэзии как художественный язык, имеющий свою специфическую (устную) художественную традицию, различно проявляющуюся в разных жанрах и исторически изменяющуюся, нужно изучать его во взаимодействии с языком письменной литературы и живыми говорами, в каждую историческую

эпоху различном в зависимости от роли и социально-эстетической функции устной поэзии.

Но прежде всего необходимо выяснить, что входит в понятия „язык устной поэзии“, „литературный язык“, „поэтический язык“. В научной литературе эти понятия не имеют точных границ и употребляются различно. Иногда (и это чаще) „литературный язык“ понимается как грамматическая и лексическая система русской письменной литературы. Несколько реже в это понятие включаются и художественные выразительные средства, теснейшим образом связанные с „языком“ — „стиль“, понимаемый узко. Когда же говорят „язык устной поэзии“, то всегда имеют в виду собственно поэтические средства языка, к которым причисляют и те языковые особенности (грамматические, лексические), которые отличают фольклор от письменной литературы. „Поэтический язык“ — синоним „поэтики“ трактуется как система поэтических приемов и средств, безотносительно к виду и жанру художественного произведения.

Язык „устной поэзии“, „устного творчества“ следует сопоставить с другим понятием — язык художественной литературы (понятием более узким, чем „литературный язык“), также до сих пор неясным и расплывчатым. Неясно и расплывчато понятие „стиля“, так как иногда это термин широкого объема: реализм, романтизм, классицизм и т. п., в других случаях, оно сужается до обозначения только художественных средств, индивидуальных особенностей речи автора. Оставляя для теоретиков литературы и языка решение вопроса об объеме и содержании названных понятий, необходимо найти рабочее решение, без которого невозможно вести исследование.

Одним из достижений советской филологии является разработка истории русского литературного языка. В дореволюционной науке (в конце XIX — начале XX вв.), в связи с господством младограмматической школы в лингвистике, образовалась пропасть между „языком“ и „литературой“. Лингвисты ограничили область языка фонетикой, морфологией и, в лучшем случае, синтаксисом. Изучались, анализировались явления языка как изолированная система, имеющая свои „законы“. Социальная функция языка игнорировалась. Советские ученые поставили проблему литературного языка совершенно иначе, но предшествующая научная традиция сказалась в том, что до сих пор понятие литературного языка раскрывается очень узко: в него обычно включается только „грамматическая“ сторона языка и отчасти лексическая. Значение „грамматической“ стороны в развитии литературного языка чрезвычайно велико, так как представляет собой его основу, и она получила наиболее широкое освещение в исследованиях (чему способствовала предшествовавшая научная традиция). До сих пор мало затронута другая сторона литературного языка: художественная, выразительная,¹ которую нельзя отрывать, нельзя рассматривать, как изолированную область,

¹ Здесь можно назвать работы В. В. Виноградова, Л. А. Булаховского.

потому что она также представляет собой не что иное как явления языка в собственном смысле слова, но использованные (а в целом ряде случаев — разработанные) с целью эмоциональной, более яркой семантической и художественной выразительности. Включив лексику и фразеологию в круг изучаемых явлений языка, нельзя обойти молчанием тропы и фигуры, так как семантика слов и словосочетаний неизбежно влечет за собой вопрос о функции и месте их в художественном произведении.

Художественная, выразительная сторона языка имеет свою историю, теснейшим образом связанную с грамматической и лексической системой языка. Одна из задач истории литературного языка раскрыть ее.

Понятие „язык устной поэзии“ принципиально не отличается от понятия „язык художественной литературы“, так как и тот и другой — язык художественных произведений. Их отличие в специфике устного и письменного творчества. Поэтому как в языке художественной литературы, так и в языке устного народного творчества мы различаем две стороны, неразрывно связанные между собой: 1) сторону грамматическую и лексическую, имея в виду в этом случае реальный состав их в сопоставлении и отличии по отношению к другим жанрам речи (например язык фольклора и литературы — и науки, фольклора и диалекта); язык того же жанра речи (т. е. фольклора и литературы) в его историческом развитии и изменении; 2) сторону выразительную, художественную, т. е. нарочитое использование тех или иных языковых явлений (например, употребление тех или иных синтаксических форм, особое употребление глагольных форм, подбор специфической лексики и т. п.), разработку особых форм в языке, дополняющих и расширяющих возможности выражения различных семантических и эмоциональных оттенков (способы усиления, акцентуации значения, различные „тропы и фигуры“).

Занимаясь языком устного народного творчества, автор пришел к выводу, что принятая до сих пор в науке характеристика „художественных средств“ фольклора не отвечает действительности и не раскрывает их сущности и отличительных особенностей.

Настоящая статья представляет собой часть большой работы о языке устной поэзии.¹ Задача ее заключается в том, чтобы показать роль синонимии в устной поэзии как средства художественной выразительности, а отнюдь не частного проявления „излюбленного приема повторения“ (Фр. Миклошич, М. Н. Сперанский, Ю. М. Соколов и др.), поэтому большое место в статье занимает описание различных форм синонимии, до сих пор не отмеченных (или отмеченных лишь частично) и не описанных, несмотря на их широчайшее и постоянное использование. Автор считал необходимым показать основу синонимии как средства

¹ См. например, в Трудах отдела древне-русской литературы, т. VI, Л., 1948 г. статья: „О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII—XIX вв.“ (постоянный эпитет).

смысловой художественной выразительности, невозможность отрывать ее от собственно языковых явлений, на которых она сложилась, а также обосновать положение, что синонимия в ее богатейшем использовании в фольклоре действительно является художественным, выразительным средством, а виды ее представляют собой результат тщательной работы художников слова.

Сочетания синонимов и синонимические группы в различных жанрах русской устной поэзии обращают на себя внимание не только частотой употребления, но и разнообразием, богатством своих форм. Они не могли остаться незамеченными: в русской и славянской фольклористике неоднократно отмечались парные сочетания синонимов (знаю-ведаю, гляжу-смотрю, путь-дорога, бой-драка, сильные-могучие и т. п.) как характерная особенность „поэтического языка устного эпоса“, но никто из исследователей не пытался вскрыть смысл и функцию синонимических пар. Что же касается синонимических групп, то, кроме Ф. И. Буслаева и А. А. Потехина, никто на них не останавливался, хотя синонимические синтагмы и предложения, синонимические стихи встречаются в устной поэзии очень часто, например:

Было пированье почестной пир,
Было столованье почестной стол.¹

Тут ему за беду стало,
За великую досаду показалось.²

Как ясен сокол вон вылетывал,
Как бы белой кречет вон выпархивал.³

Что по утру было рано ранешенько,
Как на светлой заре на утренней,
На восходе было краснова солнушка ...⁴

Синонимические группы и стихи особенно широко употребляются в причитаниях и лирических песнях:

Позабудешь всю великую кручинушку
Пооставишь всю злодейную обидушку.⁵

Уж как речь стала у ей непостатейная,
Разговорушки у ей да нехорошни.⁶

Кручинушки моей не убоялися,
Обидушки моей не устрашилися.⁷

¹ Сборник Кирши Данилова, СПб., 1901, стр. 23, 36, 52 и др.

² Там же, стр. 28, 86, 103 и др.

³ Там же, стр. 9, 84, 116 и др.

⁴ Сборник Кирши Данилова, СПб., 1901, стр. 127.

⁵ Е. В. Барсов. Причитания Северного края, I. М., 1872, стр. 22.

⁶ Там же, стр. 23.

⁷ Там же, стр. 110.

Здесь синонимичны целые стихи, синтагмы или предложения. Иногда каждое слово синтагмы или стиха имеет соответственный синоним в парном стихе, иногда только некоторые слова:

а утоптана трава
утолочена мурава . . . ¹

Суды рассуживает,
ряды разряживает . . . ²

Парные сочетания синонимов (бой-драка, знаю-ведаю . . .), отмечаемые исследователями, рассматриваются фольклористами всегда как частное явление того или иного „поэтического приема“. В течение последних 50—60 лет сочетания синонимов определяются как один из видов „повторения“. Так определяют их М. Н. Сперанский,³ Ю. М. Соколов,⁴ Н. П. Андреев⁵ и др., но в данном случае названные авторы не оригинальны: они следуют за Фр. Миклошичем,⁶ который утверждал, что „повторение“ — основное поэтическое средство устного эпоса, так как выражает ту специфическую особенность народного певца, которая отличает его от писателя, художника и заключается в том, что народный певец „не может сразу отделаться от овладевшего им представления“, а поэтому „повторяется“. Фр. Миклошич различал 8 видов „повторений“ в устном эпосе — и в числе их сочетание синонимов.

Несколько иначе рассматривал синонимию Ф. И. Буслаев. Первой характерной особенностью народной поэзии он называет тавтологию и определяет ее двояко: 1) как „повторение одного и того же слова“, „одного и того же звука“ и 2) как „совокупление двух и трех подобозначащих“ слов.⁷ Он же говорит, что тавтология может „распространяться на целые предложения“. Таким образом Ф. И. Буслаев соединяет тавтологию в буквальном смысле с тавтологией семантической, т. е. с сочетанием синонимов.

Чтобы определить место и роль синонимии в устной поэзии (в былинах) и специфические ее особенности, необходимо остановиться на тех видах ее, которые встречаются в русском фольклоре, на их семантике и стилистической⁸ функции.

Стилистическая роль синонимов в устной поэзии (в записях XVIII—XIX вв.) глубоко отлична от стилистического их использования в художественной литературе второй половины XVIII в. и XIX в. В конце XVIII

¹ Сборник Кирши Данилова, стр. 129.

² Там же, стр. 13.

³ Русская устная народная словесность. М., 1916, стр. 146.

⁴ Русский фольклор. М., 1938, стр. 235.

⁵ Былины, Изд. „Сов. писатель“, 1938, стр. 21.

⁶ Изобразительные средства славянского эпоса. Древности Тр. Слав. Ком., т. I, М., 1895, стр. 207, 208.

⁷ Ф. И. Буслаев. О преподавании отечественного языка. Л., 1941, стр. 180.

⁸ Пользуюсь в работе термином „стилистический“ в силу его общепринятости и употребляю его в значении: художественный, выразительный.

и нач. XIX вв. стилистическая проблема синонима живо интересует писателей и филологов. Начиная с 80-х годов XVIII в., в журналах появляется ряд статей, посвященных синонимам, даются группы синонимов и их истолкование. Общая идея множества этих статей сводится к тому, что „богатство языка причиною тех слов, которые обыкновенно называются синонимами или подобозначащими“, они выражают „степени и тончайшие оттенки в знаменовании речений, которые естественным образом имеют между собою сходство, но вместе и различие“. „От разности значений слов произошло различие в слогах или родах сочинений. Искусный писатель дает каждому из них приличные выражения: не употребляет там слова высокого, где должно изъясняться просто; он хороший хозяин, который всякую вещь бережет для случая“.¹

Фонвизин, Шишков, Саларев, Княжевич, Ибрагимов, Калайдович, Галич, Бередников, Давыдов — вот неполный перечень писателей и ученых, которые занимались вопросом синонимов, их значений и стилистической роли. В центре внимания — семантическое различие, потому что „ни в одном языке нет двух равнозначащих слов, в противном случае один язык заключал бы в себе два языка“.²

Д. И. Фонвизин в „Опыте русского сословника“, подчеркивая семантическое различие синонимов, составляет фразы, в которых отмечает различие значений в употреблении синонимов одного ряда. Например, для группы: „Старый, давный, старинный, ветхий, древний, заматерелый“ — он приводит такую фразу: „*Старый* человек обыкновенно любит вспоминать *давныя* происшествия, и рассказывать о *старинных* обычаях: а есть ли он скуп, то в сундуках его найдешь много *ветхого*: нередко бывает он *заматерел* в своих привычках. Сих примеров столько ныне сколько бывало и в *древние* времена“.³

Таким образом отношение писателей XVIII в. к синонимам и их стилистической функции в художественной письменной литературе определяется следующими положениями: 1) в синонимах выражается богатство языка, и они служат обозначению „степеней и тончайших оттенков в знаменованиях речений“, 2) дают возможность выбора слов в полном соответствии с темой и задачей художественного произведения.

Иную картину в отношении синонимов и их использования дает устная поэзия. С одной стороны, в различных жанрах устной поэзии XVIII в. мы находим совпадение в употреблении синонимов с литературой письменной, например в былине о Василии Буслаеве в стихах:

от тое борбы от ребячия,
от тово бою от кулачнова,
началася драка великая...⁴

¹ Северный вестник, СПб., 1804, I, § V, стр. 31.

² Труды Общества любителей российской словесности, М., 1817, ч. VII, стр. 134.

³ Собеседник любителей российского слова, СПб., 1783, ч. I, стр. 126.

⁴ Сборник Кирши Данилова, СПб., 1901, стр. 33.

синонимы — борьба, бой, драка — фиксируют различные оттенки „в знаменовании речений“ и служат тому, чтобы показать переход от одной ступени к другой.¹

Также и в другом произведении Сборника Кирши Данилова („Когда было молодцу . . .“) в стихах:

Господь бог *миловал*
государь царь *жаловал*
отец-мать молодца у себя *во любви держал* . . .²

где синонимы — миловал, жаловал, во любви держал — показывают различные оттенки значения.

Но эта семантико-стилистическая функция синонимов не получила особенно широкого развития в устной поэзии (в частности в эпосе).

В отношении синонимов (как и в отношении других поэтических средств) устная поэзия (в записях XVIII—XIX вв.), с одной стороны, сохраняет старые, более древние принципы, от которых уже отказалась письменная литература XVIII—XIX вв., и по своему развивает их, а, с другой, — она опирается на те особенности синонимии, которые в письменной литературе не получили развития или имеют иную стилистическую функцию.

Отвлекаясь от очень сложного и разнообразного происхождения слов-синонимов и синонимических выражений в языке в целом и в письменной литературе, а также от их не менее разнообразных и сложных стилистических функций, выделим основное.

1. а) Наличие в литературном языке пар и рядов слов, полностью совпадающих в своем значении: глядеть-смотреть-зреть, бой-сражение-битва, грядущий-будущий, губы-уста, щеки-лаины, дорбга-путь и т. д., б) наличие слов с различным (иногда близким, иногда далеким) значением, которые в определенном контексте, в определенном сочетании могут полностью совпадать в своем значении, например: статья — исследование — работа³ („Большая *статья* NN, посвященная вопросам этногенеза, вызвала оживленную дискуссию, так как это *исследование* построено на совершенно новых данных. *Работа* NN раскрывает новые перспективы . . .“ и „Эта *статья* представляет собой глубокое *исследование*, выросшее на основе длительной *работы* в области этногенеза“). К этой второй группе должны быть отнесены также всевозможные замены слова, термина, как путем метафоры или метонимии („выпить чашу“ и „осушить

¹ См., например, определения слов: борьба, бой, драка в „Словаре Академии российской“, ч. I, стр. 179, 291; ч. II, стр. 633.

² Стр. 124.

³ Первая категория слов проявляется, главным образом, в различных по стилю произведениях или частях произведения: „грядущие годы таятся во мгле, но вижу твой жребий на светлом челе . . .“ — грядущий-будущий, таиться-скрываться, чело-лоб. Вторая категория значительно менее связана с жанром и стилем произведения, она

чашу“), так и перифразой („солнце погасло“ и „погасло дневное светило“).¹

II. Наличие слов, „близких“ по значению (скорбь-грусть-тоска-печаль-уныние-меланхолия), основная семантико-стилистическая функция которых заключается в выражении богатства оттенков значения, тончайших его нюансов. Эта группа, кроме своей основной функции, используется как и слова-синонимы первой категории.

В устной поэзии также используются обе категории синонимов: I) слова и сочетания, полностью совпадающие в своем значении или могущие быть так употреблены, и II) слова-синонимы, близкие по значению, выражающие различные оттенки и степени основного значения. Но формы их использования и стилистические функции глубоко отличны от тех, которые характеризуют письменную литературу, а чрезвычайное богатство и разнообразие видов синонимии в устной поэзии говорит о том, что здесь мы имеем дело с художественным средством, сложившимся на определенной языковой основе и имеющим свой особый художественный смысл и функцию.

Наиболее яркой и обращающей на себя внимание особенностью использования синонимии в устной поэзии является парное сочетание синонимов, послановка их рядом, так что слова как бы сливаются в одно целое, образуют новое сложное слово. Именно эта особенность и получила наибольшее освещение в литературе. В плане стилистическом она, как было указано выше, рассматривается или как частный случай повторения, или тавтологии, в плане лингвистическом — как один из видов сложных слов.²

Остановимся на различных видах сочетаний синонимов в устной поэзии. Записи XVII—XX вв. самых разнообразных жанров фольклора дают богатый материал в этом отношении. На первом месте следует поставить парные сочетания синонимов. Парные сочетания синонимов, т. е. два слова, поставленные так, что представляют собой как бы единое

используется, во-первых, для выделения основного признака в каждом отдельном случае, во-вторых, для того, чтобы полностью, со всех сторон, охарактеризовать явление, в-третьих, также и для того, чтобы не утомлять внимание повторением одного и того же слова, что в современном литературном языке определяется семантико-синтаксической и эстетической нормой (повторение одного и того же слова в современном литературном языке используется как стилистический прием, имеющий большую смысловую нагрузку).

¹ Основой этих двух категорий является то, что одно и то же явление, понятие, один и тот же предмет или действие могут быть названы различно в зависимости от жанра, стиля произведения, отношения автора, точки зрения и т. д.

² А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, III. Харьков, 1899, стр. 552.

целое, встречаются во всех жанрах и видах русского фольклора от древнейших записей (XVII в.) до настоящего времени. Все категории речи (существительные, прилагательные, глаголы, причастия, наречия, предлоги) выступают в определенных случаях в синонимических парах, но наибольшее количество их дают глаголы и существительные.

Основанием для сочетания синонимов служит совпадение значения, определяющее как подбор слов и сочетаний, так и стилистическую функцию их, которая заключается в усилении, уточнении значения (а не в создании „нового значения“).

Анализ парных сочетаний синонимов обнаруживает, что количество их лексически ограничено, причем ограничение это обусловлено самим принципом, лежащим в основе сочетания — обязательным совпадением значения компонентов. Можно наметить несколько категорий синонимов, которые образуют сочетания.

1) Слова, совпадающие в своем значении в языке в целом (как в литературном языке, так и в диалектах), например: гляжу-смотрю, говорит-молвит, знаю-ведаю, очи-глаза, правда-истина, крюки-багры, холост-неженат и т. д.¹

¹ Предлагаемое деление синонимических пар на группы довольно относительно в отношении состава каждой из этих групп (но не категорий слов, которые их образуют), так как в работе привлекаются записи от XVII до XX в. включительно. Лексический состав, границы, отношение литературного языка к диалектам различно на протяжении тех трех веков, которые охватываются в работе, а история лексики русского литературного языка совершенно не исследована, поэтому автору приходилось опираться только на имеющиеся словари, отчасти на картотеку Исторического словаря Академии Наук, на различные диалектологические записи и материалы. В отношении почти каждого сочетания необходимо решать вопрос отдельно. Чрезвычайно трудно, а иногда невозможно определить стилистические границы слова в литературном языке в особенности для XVII и XVIII вв., тем более трудно сделать это в языке устной поэзии и диалектах. Если, например, в современном литературном языке „гляжу“ - „смотрю“ не только полностью совпадают в своем значении (в данном употреблении), но и стилистически почти не различаются (см. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, М., 1940, стр. 308. „Смотреть“ — то же, что глядеть в 1-м значении, но более свойственно собственно литературной речи), то сочетания „знать-ведать“, „очи-глаза“, состоят из слов, различных по стилистическому употреблению: „ведать“ — архаизм („книжн. устар.“ по характеристике Толкового словаря Д. Н. Ушакова), „око“ — архаизм („старинн. редко“ — там же), иную картину получим в северных говорах, где слово „ведать“ встречается очень часто, а „око“, „очи“ представляет собой лексическую норму, наряду с „глаза“ — словом относительно новым. Поэтому для текстов устной поэзии, которые привлечены в работе (почти все тексты, за единичными исключениями для XVII в., представляют собой записи в области севернорусских говоров: Сборник Кирши Данилова по своей лексике и художественной манере также почти полностью лежит в северной традиции), сочетания „очи-глаза“, „знаю-ведаю“, „говорит-молвит“, „говорит-промолвит“ несомненно принадлежат к первой категории. Значительно сложнее решить вопрос о том, в какую группу отнести, например, сочетания „колыбель-люлька“ (XVIII в.), „скоро-борзо“ (XVII в.) („скоро-борзо скидывал сь себя платье посолское“). Если бы это сочетание встретилось в записях XX и даже XIX вв., у нас были бы основания отнести его в группу, где одним из компонентов является архаизм, слово,

2. Следующая группа представляет собой сочетание слова местного, диалектного с „общерусским“, литературным. В этой группе устанавливать границы очень трудно, так как не ясна история (самая элементарная) значительной категории слов, время появления их в литературном языке и неизвестна степень распространенности их в диалектах. К этой группе должны быть отнесены, например, такие сочетания: „краса-баса“, „призагуньте-призамолокните“, „сочить-искать“, „петь-жупеть“, „боять-ся-полохаться“, „кричать-реветь“, „баска-хороша“, „речь-поговорье“, и т. д.

3. Третью группу представляют сочетания, в которых одно из слов является архаизмом (в отношении к диалекту или русскому языку в целом) например: „кущы-гости“, „деялось-учинилося“, „светлицы-гридни“, „биться-ратиться“ и т. д. К этой категории относятся также слова, значение которых утратило свою специфичность, в связи с историческими изменениями, и приблизилось, а во многих случаях полностью совпало со словами, близкими им по значению, например: „дедина-отчина“, „род-племя“ „дани-пошлины“, „дани-выходы“, „нянюшки-мамушки“ и т. п.

4. В особую группу должны быть выделены сочетания, где одним из компонентов является иноязычное слово, хотя и вошедшее в широкий обиход, но тем не менее представляющее собой дублет, например: „месяц-луна“, „талан-участь“, „бусы-корабли“¹ и т. д.

5. Большую группу представляют сочетания синонимов, которые, не являясь в полном смысле дублетами, имеют незначительное расхождение в значении, обусловленное в гораздо большей мере жанрами речи, чем содержанием и объемом значения самих слов, например: „отец-батюшко“, „присек-прирубил“, „опочивали-спали“, „кидались-метались“, „ушиб-убил“ и т. д.

К этой группе должна быть отнесена значительная часть слов, прочно вошедших в фольклор и диалект из литературного (в широком смысле), письменного, книжного языка. Некоторые из них имеют широкое распространение в живой речи, другие же представляют собой пассивный лекси-

исчезающее из живого обращения и имеющее свою замену, потому что в областных словарях XIX—XX вв. слово „борзо“ почти не встречается (отмечено только В. Н. Добровольским в Смоленском словаре), но для XVII в., вероятно, оно еще не было архаизмом и имело большее распространение, потому что встречается с древнейших пор в оригинальных русских памятниках (в Житии Бориса и Глеба, в Поучении В. Мономаха, в Псковских летописях, в Новгородских летописях и т. д.). Слово „борзо“ встречается и в двух записях былии XVII в., кроме того, в говорах (в записях XIX—XX вв.) встречается производные, например „боржом“ — поспешно, быстро (Воронежск.), „наборзе“ — быстро, поспешно (Псковск.).

¹ В данном случае считаем иноязычным только слово „бусы“, так как вопрос о слове „корабль“ недостаточно ясен. Во всяком случае оно принадлежит к числу тех, которые не представляют собой дублета, а входят в основной лексический фонд русского языка. Возможно также, что это сочетание придется отнести в предыдущую категорию, так как „буса“ принадлежит к числу очень старых заимствований (см. „Материалы“ И. И. Срезневского) и стало архаизмом к XVIII и тем более XIX в.

ческий запас и почти не встречаются в живой разговорной речи. Это — слова, семантика которых совершенно ясна говорящим и соотнесена с семантикой диалектного, наиболее употребительного в речи слова, например: „пора-время“, „спесь-гордость“, „рубите-казните буйну голову“, „попы-отцы духовные“, „орать-пахать-крестьяновати“, „непаханая-неараная“ и т. д.

6. Сознание и ощущение эквивалентности другого слова, возможность назвать предмет, явление, действие различными словами обуславливает наличие таких парных сочетаний, где второе слово, в общем далекое по своему значению, в определенном употреблении (часто в зависимости от контекста) полностью совпадает с другим: „послужи ты мне верою, да ты *верою-правдою*“, К. Д. 122; „а с тово *время-часу* захворала она“, К. Д. 97; „многой *миръ-народъ* погубили“ (Песни запис. для Р. Джемса, П. К. Симони. Памятники старинн. русск. яз. и слов. XV—XVIII ст., вып. 2, I, СПб., 1907, стр. 4); „во те во *подвалы-погребы*“, К. Д. 54; „аи *столники-чашники поворачивают-пошевеливают* своих оне приспешников“, К. Д. 95; „*скачут-пляшут* вси промежу собой“, Гильф. 250; „*ходила-гуляла*“, „*ездил-гулял*“ (там же, очень часто) „*честь-хвала*“, „*пир-радость*“, „*выбежали-выребали* тридцать кораблей“, К. Д. I; „*прошла-протекла* Камышевка река“, К. Д. 135 и т. д.

Категория этих парных сочетаний расширяется и за счет того, что одно из слов может быть употреблено в переносном значении, или представлять собой метафору, например: „*катит-жалует* сестрица двуродимая, на руках несет белую сорочечку“, Рыбн. III, 16;¹ „*Выпей-высуши* чару зелена вина, наливаньца сокола братца родимого“, Рыбн. III, 38 и т. п.

Основой всех приведенных примеров является совпадение значения компонентов, составляющих синонимическую пару. Это особенно ясно в сочетаниях, которые образуются из элементов, представляющих собой дублеты, например в названии предметов и „прямых“ действий: „*колыбель-люлька*“, „*очи-глаза*“, „*школочки-училища*“, „*месяц-луна*“ и т. д. или „*сочить-искать*“, „*гляжу-смотрю*“, „*говорит-молвит*“ и т. п. Таким образом, то, что в письменном литературном языке XVIII—XX вв. служит средством стилистических или семантических различий (следовательно взаимно исключает друг друга), в устной поэзии ставится рядом, используется как средство усиления значения, причем это касается не только дублетов в буквальном смысле, на той же основе совпадения значений образуются синонимические пары, где компоненты только частично совпадают, но именно это семантическое совпадение и выдвигается на первый план в сочетаниях: „*радость-веселье*“, „*собирались-съезжались*“, „*стосковалась-сгоревалась*“ и т. д.

¹ Ср. — „что *идет* ко мне и *жалует* дорогая честна гостейка“ (П. В. Шейн, Великорусс... СПб., 1900, вып. 2, стр. 416).

Особенностью парных синонимических сочетаний является их слитность, спаянность, проявляющаяся в том, что 1) часто один из компонентов превращается почти в энклитику, теряет свое ударение или получает ослабленное: „знáю-вѣдаю“, „цѣны-смѣты нет“, „вѣрой-правдою“, правда-истина“, „пора-время великая“, „чѣсть-хвала“ и т. д.; 2) определение относится ко всему сочетанию в целом, например: „И многой *мирь-народъ* погубили“, Р. Дж. 4; „Когда было молодцу *пора-время* великая, *честь-хвала* молодецкая“, К. Д. 124; началась у них *драка-бой* великая“, К. Д. 33; „Пошла у них *пир-радость* великая“, К. Д. 150; „учинилася *бой-драка* тут великая“, К. Д. 128; „*речь-пословица* умильная“, Рыбн. II, 557; „наряжать станут *судьи-власти* немилостивы“, Рыбн. III, 19; „*вси отцы-попы* духовныи собираются“, Барс. I, II и т. п.

Такая спаянность, превращающая сочетание в единое целое, формально ставит синонимические пары как бы в один ряд с парами типа: а) хлеб-соль, б) кипарис-дерево и т. п. (т. е. „двандва“¹ и атрибутивными). Объясняется это тем, что в синонимических парных сочетаниях, смысл которых в усилении значения, очень важной стороной является и уточнение значения, как особый элемент усиления. Но это — уточнение художественное, стилистическое, потому что оно касается не только таких сочетаний, как „сочить-искать“, „призагуньте-призамолкните“, „месяц-луна“ и т. п. (т. е. сочетаний, где возможен „перевод“, „объяснение“, уточнение в силу происхождения слова), но и во всех разнообразных категориях синонимических пар, например: „ходила-гуляла“, „ездил-гулял“, „скачут-пляшут“, „бегати-скакати на добрых на конях ис Клева скакать до Чернигова“ К. Д. 25² и т. п. Здесь оба слова взаимно ограничивают друг друга, уточняя, усиливая, выделяя только одно, общее им обоим значение.

В III т. „Из записок по русской грамматике“ А. А. Потебня дает анализ и объяснение многим парным синонимическим сочетаниям устной поэзии. Отмечая смысловое совпадение компонентов в современном употреблении, А. А. Потебня пишет: „Усугубление в речи одного и того же слова (разрядка автора) дает новое значение объективное или субъективное. Первое — когда при сравнении итога с отдельным слагаемым заметна разница в признаках обозначаемого; второе — когда итог указывает на изменение состояния самого говорящего, именно, когда повторение слова и оборота вызвано чувством, замедляющим течение мысли, например гневом, который располагает к тождесловию.

¹ Термин обозначает сложение двух разнозначащих слов для образования единого делого.

² Если для первых трех примеров не требуется пояснений, так как и современное литературное употребление дает совпадение в одном (основном или частном) значении, то последнее сочетание „бегати-скакати на добрых на конях“ вполне закономерно для XVII—XVIII вв., например: „А с вѣсьми *бегати* тѣмь станичникомъ въ Новосиль, а *постѣють* о дву конь в три дни“. Акты Московского государства, т. I. СПб., 1390 стр. 12.

Если это так, то тем более сочетание синонимов, слов различного происхождения, должно рассматриваться как средство создать новое значение¹. А. А. Потебня не исключает возможности образования синонимических сочетаний, однако, происхождение не только самого явления, но и конкретно всех приводимых им примеров видит либо в сложении двух разнозначущих слов (типа: хлеб-соль) для образования единого целого, либо в атрибутивном сочетании, где второе или первое существительное выступает в качестве определения (типа: мед-липец, палец-мизинец и т. п.). Он пишет: „Первоначально, т. е. при своем возникновении, синонимы, как путь и дорога, означали различные вещи, как и слова несинонимичные, как хлеб-соль и т. п. вышерассмотренные сочетания. То же о синонимичных названиях действий, качеств, отношений. Разница между первыми и вторыми сочетаниями в том, что значения сочетаемых образца хлеб-соль в мысли говорящего не совпадают, а в сочетаемых путь-дорога совпадают в большей или меньшей степени. К этому совпадению говорящий приведен постепенным ходом своей собственной или унаследованной мысли, и в силу этой постепенности в отдельных случаях бывает трудно сказать, стоит ли перед нами сочетание одного или другого рода. Так, лишь по контексту, не всегда ясно указывающему на мысль говорящего, можно узнать, какого рода сочетания ст(аршего) вр(емени) животы и статки“². В соответствии с этим положением, А. А. Потебня и рассматривает в определенных разделах своей книги те или иные сочетания. Так, синонимическая пара „род-племя“ отнесена им к группе „двандва“ (типа отец-мать). „Это сочетание не трудно различных синонимов, как рать-сила (как у Бусл., I. с.), а слов различных по значению, ибо род—ближайшие, племя—дальнейшие родственники“³. Особенно много синонимических пар отнесено А. А. Потебней к атрибутивным сочетаниям: „дани-пошлины“⁴, „рать-сила“⁵, „пир-радость“⁶, „честь-хвала“⁷ и т. д.

Поразительной чертой примеров на синонимические (или „тавтологические“) сочетания, приводимых А. А. Потебней, является то, что все они почерпнуты из устной поэзии.

А. А. Потебня находит этому следующее объяснение. „Аттрибутивность существительного должна увеличиваться по направлению к древности. Если примеры этого явления обычны в недавно записанных памятниках народной словесности и живой речи простонародья и редки в древних памятниках, то это объясняется отвлеченностью и заимствованностью содержания этих памятников и бедностью их подражательного

¹ Из записок по русской грамматике, т. III. Харьков, 1899, стр. 552.

² Там же, стр. 552.

³ Там же, стр. 530.

⁴ Там же, стр. 154.

⁵ Стр. 157.

⁶ Стр. 158.

⁷ Стр. 554, стр. 556.

языка“.¹ Таким образом, устная поэзия, по мнению А. А. Потебни, хранит архаичнейшие формы (правда он отмечает их переосмысление, в связи с изменением семантики одного из компонентов).² Все изложенное не отвечает действительности, а положение А. А. Потебни, что смысл сочетаний синонимов в том, чтобы „создать новое значение“, „объективное или субъективное“, сформулировано в такой общей форме, что ничего не раскрывает и дано безотносительно к текстам и видам речи, в которых живут сочетания синонимов.

А. А. Потебня исходил из лексического состава языка и места в нем слов-синонимов вообще, не анализируя их стилистической и семантической функции применительно к тексту, он не учел также в достаточной мере чрезвычайно важное обстоятельство, что сочетания синонимов — явление, свойственное и характерное почти исключительно устному творчеству, а отнюдь не языку в целом. Синонимические сочетания (парные бессоюзные) в письменной литературе и разговорном языке очень редки и представляют собой „заимствования“ из устной поэзии.

Нельзя думать, что в сочетаниях синонимов устная поэзия „донесла“ до наших дней древние формы, в прошлом свойственные всему языку в целом, так как: 1) в этих сочетаниях нет ни архаических форм, ни архаической лексики; нет слов, которые бы не употреблялись в диалектах или книжном, литературном языке, 2) до настоящего времени сочетание синонимов представляет собой живое художественное средство языка, очень широко применяемое многими современными сказителями,³ причем между „древними“ и „новыми“ синонимическими парами нет никакой семантической и стилистической границы („кушцы-гости“, „дедина-отчина“, „ученьице-образованьице“, „обычай-порядки“ и т. д.).

Сочетания: „дани-пошлины“, „рать-сила“, „пир-радость“, „честь-хвала“ и т. д. отнесены А. А. Потебней в категорию атрибутивных сочетаний по своему происхождению на основании истории (часто гипотетической) развития и изменения семантики отдельных слов, которая представляется ему идущей внутри сочетания. Никаких данных, кроме самого сочетания, зафиксированного в устной поэзии XVIII—XIX вв., и в изолированном употреблении слова в древней письменности, у него нет. „Дань-пошлина“ т. е. „пошлая, обычная“, пишет А. А. Потебня⁴ и приводит ряд примеров

¹ Там же, стр. 131.

² См. стр. 554 и далее.

³ См., напр., М. С. Крюкова. Новины. Архангельск, 1939:

Они глядят-смотрят во все стороночки,
У них очи-глаза очень зоркие,
У них уши-слухи очень чуткие (стр. 9).

С людьми-народом со премудрым (стр. 9)
„Ученьице-образованьице“,
„Школочки-училища“, „сетью-неводом“,
„приказаньице-повелеьице“,
„отослать-отправить“, „обычай-порядки“ и т. д.

⁴ Ук. соч., стр. 154.

на это сочетание из „Песен, собранных П. В. Киреевским“, но в древнерусской письменности оно совсем не встречается, а это было бы совершенно невероятно, если бы оно существовало, так как это термин юридический и государственный. Летописи, договорные грамоты, деловые документы знают многие разновидности „дани“, но никогда не определяют „дань“ словом „пошлина“. Другой компонент сочетания — слово „пошлина“ — также термин широкого употребления и в древней письменности имеет свое особое значение, поэтому постоянно сопровождается определениями (пошлина ордынская, царева, княжая, государева, торговая, церковная, судовая, старая, дьячая, дворцовая и т. д.), которые указывают конкретные разновидности „пошлин“.¹ Другая синонимическая пара „дани-выходы“ (чаще встречающаяся в фольклоре, чем „дани-пошлины“) подтверждает наше предположение, что основой сочетания является синонимия (а не атрибутивность), так как три синонима: „дань“, „пошлина“, „выход“ (каждый со своими разновидностями, кроме совпадений), очень характерны для древней письменности и никогда не встречаются в таких парных сочетаниях, где одно из них определяет другое (типа: мед-липец, земля-пустошь). В устной поэзии есть другое парное сочетание: „дани-невыплаты“, К. Д. 106,² его, несомненно, следует отнести в группу атрибутивных сочетаний, которых не мало в устной поэзии.

Атрибутивными отношениями объясняет А. А. Потебня и другие синонимические пары („пир-радость“, „честь-хвала“ и т. д.). Он пишет: „читать можно было различно, между прочим угощая напитком, . . . почему честь значило и подносимую чару . . . и угощение. Поэтому сочетания «честь-хвала», «честь-слава» сначала суть определительные по отношению к «честь» и лишь в конце дают тавтологию.“³

Таким образом, в синонимических парах устной поэзии А. А. Потебня видит обломки, рефлексy далекого прошлого, архаичного состояния языка. В действительности же те или иные синонимические пары образовывались в тот момент, когда в результате различных историко-семантических изменений одно слово становилось синонимом другого, т. е. сочетание „честь-хвала“ появилось, когда „честь“ и „хвала“, „читать“ и „хвалить“ стали синонимами. То же самое следует сказать и относительно синонимических пар: „род-племя“, „дедина-отчина“, — рассматриваемых А. А. Потебней, как образования „двандва“. Они сложились не раньше, чем слова, входящие в их состав, сблизились или совпали в своем значении. Замечание А. А. Потебни относительно того, что „род — ближайшие, племя — дальнейшие родственники“, — едва ли отвечает действительности, так как

¹ В „Материалах для терминологического словаря“ (М.—Л., 1937) слово „пошлина“ дано более чем с 30-ю определениями, и Г. Е. Кочин (составитель), определяя слово как „разновидность платежей в пользу феодала и государственной власти“, считает необходимым указать, что другое значение „старина, издавна установленный обычай“ встречается редко.

² Ср. в другом произведении Сборника: „вывоз млад Щелкан дани-выходы царские невыплаты“, стр. 13.

³ Ук. соч., стр. 554.

старые тексты не дают такой дифференциации и употребляют как то, так и другое слово безразлично 1) в значении: семья, родственники, 2) в значении: род, 3) в значении: племя, народ. Поэтому основанием для сочетания „род-племя“ в устной поэзии надо считать их синонимичность (точнее, в данном случае — полное совпадение значения, причем слово „племя“ имеет архаический или, может быть, книжный характер). Так понимать это сочетание обязывают нас тексты устных произведений, в которых они встречаются, например:

И все глядят многи добрые людюшки:
По кресту дородний доброй молодец
Ученого отца — матери!
И по покловчиком дородний добрый молодец
Разумного *роду-племени*...¹

Вы, чаю, два вьюнчика малые,
Чьего вы *роду-племени*,
Где у вас родной батюшка?²

Вот придумал твой батюшко
С *родом-племенью* расстатися.
Спознавайся мое солнышко,
С чужим *родом-племенью*.³

Нет никаких оснований рассматривать сочетание „род-племя“ как сложение двух разных по значению слов, тем более, что в других случаях на месте этого сочетания стоит только слово „род“ (слово „племя“ вне сочетания не встречается ни в записях XVII в., ни в Сборнике Кирши Данилова, ни в записях Гильфердинга и Рыбникова).

В устной поэзии часто встречаются атрибутивные сочетания, в которых определение выражено существительным. Они разнообразны, и некоторые из них представляют собой архаизмы языка, сохраняющиеся в наиболее традиционных жанрах фольклора и некоторых выражениях живых диалектов (например: „удача добрый молодец“, „сапоги турецко-сафьян“, „тур золотые рога“, „кипарис-дерево“, „Волга-матка река“, „потолок черных соболей“, „бой-девка“, „дрянь-человек“ и т. п.). Также не редки и образования типа „двандва“, например: „холоду-голоду“, „наготы-босоты“, „злато-серебро“, „калина-малина“ и т. д., но ни те ни другие не могут служить для объяснения синонимических сочетаний, представляющих собой художественное, выразительное средство русской устной поэзии.

Синонимические пары, несмотря на свою слитность (которая выражается в том, что один из компонентов получает ослабленное ударение, и в том, что определение относится ко всему сочетанию в целом), тем

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, I. М., 1910, стр. 311.

² Там же, стр. 417.

³ Там же, III, стр. 72.

не менее не являются неразрывными. Если бы это явление было „лингвистическим“ — языковым (в узком смысле), то оно выступало бы в таком виде в языке или в отдельных говорах в целом, а не только в устной поэзии. Синонимические пары — художественное средство, которое прекрасно осознается и до сих пор является продуктивным.

Когда синонимическая пара оказывается поставленной в косвенном падеже с предлогом, то предлог стоит перед каждым из компонентов, и ослабленное ударение одного из них опять становится полным:¹ „пьют едят прохлаждаются *во веселье в радости*“, К. Д. 124; „молоду Касьяну поклоняетца *бестыда без сору*“, К. Д. 99; „с *няньками с мамками* и с сеньными красными девицами“, К. Д. 99; „*во тою путі во доробеньки*“, Гильф. 575; „*что за чудо за диво* великое“, Шейн 1284 и т. д. То же самое происходит и в отношении глагольных пар, когда перед глаголами оказывается отрицание „не“ или усилительная частица „ни“: „ко мне *не ходишь не жалуеть*“, Квашн. VII, 928;² „*не двинули ни крянули* ни черным волосом“, Сим. Ск., 23;³ „*нигде не мешкал не стоял*“, К. Д. 91; „*не шатаютца не матаютца*“, К. Д. 142; „про то ты веть *не знаешь не ведаешь*“, К. Д. 24; „да как-то мне *не драться не ратиться*“, Гильф. 245 и т. д.

Кроме синонимических пар, где компоненты стоят рядом, без союзов, в устной поэзии (во всех жанрах) часты синонимические пары, соединенные союзами „и“, „да“, причем роль этих союзов значительно отличается от обычной их роли в современном литературном языке (соединительной и присоединительной), так как и в этих парах основанием для постановки рядом является совпадение значения, а не расхождение. Стилистическая функция синонимических пар, подчеркиваемая союзами „да“ и „и“, заключается в усилении значения, в подъеме его, тогда как в бессоюзных сочетаниях главное — в уточнении, взаимоограничении (тем самым тоже в усилении значения, но не путем подъема, а путем ограничения).⁴ Чтобы это положение было более убедительным, приведем несколько примеров из различных жанров устной поэзии в записях XIX в. „Вы *поеште да покушайте*, Вы любезны, милы дядевья“, Шейн 1629; „Вы на что, мои родители, *рассердились да разгневались*“, Шейн 1663;

¹ Даже в том случае, когда предлог представляет собой только одну согласную: в, с, к.

² М. Н. Сперанский. Из материалов для истории устной песни. Изв. АН СССР, ООИ, 1932, № 10, стр. 928.

³ П. К. Симоны. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII ст., вып. 1. Сказание о киевских богатырях. Пгр., 1922, стр. 23. Крянуть — тронуть, двинуть (северно-русские говоры).

⁴ Союз „да“ выступает в качестве усилительного и в других положениях (например в атрибутивных сочетаниях: „расцветет... все цветами-то *да* все алыми“, „с чужой-то дальней сторонюшки, со злодейки *да* незнакомья“, или между подлежащим и сказуемым, между зависимыми, управляемыми словами: „как на это *да* тепло местечко, где стояла *да* тепла паруша, я покину *да* бел-горюч камень“. Кириевский. Новая серия, вып. 1, М., 1911, стр. 38.

„Я учула да услышала, говорят милы подруженьки...“, Шейн 1665; „Я не боюсь да не полохаюсь, И не стыжусь да и не соромлюсь“, Рыбн. III, 35; „Ай как у меня столованье да почестен пир“, Гильф. 386; „Полно вам биться и ратися“, Рыбн. II, 93; „Вы глядите-тко народ да люди добрыи“, Барс. II, 67 и т. д.

Очень многие из синонимических бессоюзных пар имеют полное соответствие в синонимических парах с союзами „и“ или „да“: „знаю и ведаю“, „ходила и гуляла“, „ездил и гулял“, „закручинился и запечалился“, „верой и правдою“, „честь и хвала“, „бой и драка“ и т. д.

Такая же картина и в записях XVII—XVIII вв.: „Ты сам про них знаешь и ведаешь“, К. Д. 139; „он эжет и палит пламенем огненным“, К. Д. 92; „приказал казнить и вешати“, К. Д. 109; „исполать тебе добру молодцу, что служишь князю верою и правдою“, К. Д. 89; „у царя благовернова еще пир и стол на радости“, К. Д. 127; „со стыду и сорому о карачках под крылец ползет“, К. Д. 18; „тоска и кручина“ „шкарб и живот“ „притки и скорби“ и т. п. „ты дал мне загон земли непыханья и неаранья“, К. Д. 3; „стал радошен и веселешенек“, К. Д. 32; „сильные и могучие“, „счастливы и таланливы“ и т. д.

Усилительное значение союза особенно ярко выступает, когда он сочетается с повторением одного из синонимов, например: „а смею я царь похвалитися, похвалитися и похвастати“, К. Д. 138; „скоро она убиралася, убиралася и наряжалася“, К. Д. 99; „все молодцы закручинилися, закручинилися и запечалилися“, К. Д. 21 и т. д.

Нормы современного русского литературного языка (и русского языка в его целом, т. е. и большинства его говоров) оказывают огромное влияние на наше восприятие устных произведений, хотя далеко не всегда можно исходить из этих норм при анализе устной поэзии, в особенности традиционных ее жанров. В современном литературном языке невозможно соединение союзом „и“ дублетов — слов, совпадающих полностью в своем значении, например нельзя сказать: гляжу и смотрю, знаю и ведаю, народ и люди, сказал и молвил¹ и т. д., потому что функция союзов „и“ и „да“ (в значении „и“) в русском языке (в простом предложении) — соединение далеких или близких по значению однородных членов. Поэтому наличие союза „и“ заставляет воспринимать один из членов, как отличный от другого: сочетание „стыд и срам“ с точки зрения современного литературного языка представляется соединением слов с различными оттенками значения (стыд — более слабая степень, а срам — более высокая степень той общей семантики, которая является основой в каждом из этих слов), тогда как для большинства диалектов русского языка это дублеты, и в просторечии чаще встречается бессоюзное сочетание „стыд-срам“.

А. А. Потегня, останавливаясь в своих исследованиях на своеобразной функции союза „и“ в древних памятниках („и“ в атрибутивном сочетании, между подлежащим и сказуемым, между глаголом и причастием

¹ В просторечии мы иногда пользуемся средствами художественной выразительности устной поэзии.

или деепричастием), определяет ее так: „он (союз „и“) служит указанием на субъективную последовательность восприятий, явственным выражением медленности, с которою в говорящем один акт мысли следует за другим. В разных течениях языка, иногда личных, иногда более общих, различна степень потребности этих (с точки позднейшего, преимущественного письменного гипотактического языка) плеонастических частиц, заполняющих собою пробелы мысли. В немерной речи они более бросаются в глаза, чем в мерной. (В начале стиха или полустушия эксплетивные частицы менее заметны с позднейшей точки, чем внутри полустуший: чем теснее ожидается связь, тем более поражает ее нарушение). Чем строже стихотворный размер, напр. серб. десятисложный, чем реже встречаются в нем союзы эксплетивные, напр. в серб., тем более выделяются и обособляются, как остатки старины обороты «кита и сватови». Наоборот, — тем труднее выделить обороты «кита и сватови» в особый разряд, чем чаще эксплетивные союзы в случаях, например атрибу. сочетания существительного и прилагательного или объективного сочетания падежа с родительным принадлежности. Такое «и» плеонастичное в серб. и мр. редко; но оно часто у некоторых певцов свр. былии¹. Это — другая позиция, одинаково неприемлемая, как и первая, потому что все в фольклоре отличное от норм современного литературного языка, заносится в категорию архаизмов, а устная поэзия рассматривается как обломок, остаток глубокой старины, сохранивший ее в языке почти в полной неприкосновенности. Не может быть ничего более антиисторичного, чем это утверждение, так как устная поэзия живет на языке, современном моменту записи, и архаические формы чрезвычайно в ней редки, а то, что продолжает жить, переосмыляется в свете непрерывно изменяющегося сознания. Плеонастические союзы, частицы в записях русских былии XVIII—XX вв. нельзя объяснять на основе древних текстов. Таково, возможно, их происхождение, но семантическая и стилистическая функция их в устной поэзии XVII—XX вв. совершенно иная. Не говоря уже о том, что наличие плеонастических частиц, союзов и других слов обуславливается очень часто ритмом, способом исполнения, индивидуальной стилистической манерой (например, начинать каждый стих частицей или союзом: а, ай, аж, аї же, да, ну и, как и и т. п.), в языке устной поэзии есть свои специфические стилистические и семантические особенности и приемы, отличающие ее от современной письменной литературы (также от литературы XIX в.). К числу таких особенностей относятся рассматриваемые синонимические пары с союзами и без союзов, а следовательно и роль самих союзов. Вместе с этим, часто союзы „и“, „да“ выступают в фольклоре в той функции, которая присуща им в современном литературном языке (соединительная и присоединительная), но есть и другой ряд случаев, где „и“, „да“ являются союзами усилительными. В качестве усилительных они стоят и между синонимами, причем ощущаются как живая

¹ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, III. Харьков, 1899, стр. 281—282.

категория, а не окаменевший остаток старины: „Он жжет и палит пламенем огненным“, К. Д. 92; „полно вам биться и ратися“, Рыбн. II, 93; „учула да услышала“, „поешьте да покушайте“ и т. д.

Стилистическая функция синонимических пар, соединенных союзами „и“, „да“, отличается значительно большим акцентом на усилении, подъеме значения, тогда как в первой группе акцент на уточнении, ограничении значения (что также является усилением значения) „знаю-ведаю“ — „знаю и ведаю“ „жжет-палит“ — „жжет и палит“, „тоска-кручина“ — „тоска и кручина“, „сильные-могучие“ — „сильные и могучие“ и т. п.

Мы в праве утверждать, что основой сочетания синонимов при помощи союзов, как и в первом случае (при бессоюзном соединении), является совпадение, а не расхождение значения, потому что союзы очень часто соединяют слова — дублиеты, и почти все бессоюзные синонимические пары выступают и в виде пар, соединенных союзами. Но так как в устной поэзии союзы „и“, „да“ выполняют также функции соединения и присоединения, то не всегда можно с полной уверенностью определить, какой случай мы имеем. Если никакого сомнения не вызывают сочетания „ходил и гулял“, „орать и пахать“, „жить и быть“, „повыдти и повыступить“, „тоска и кручина“, „со стыду и сорому“, то несколько труднее решить, что представляют собой сочетания: „притки и скорби“, „драка и бой“¹ и т. д. Но в большей части подобных сочетаний основой является совпадение значения, об этом говорит контекст и вся система художественных средств устной поэзии.

Нам очень трудно отвлекаться от привычных семантико-синтаксических норм, поэтому все, что внешне под них не подходит, часто зачисляется в категорию архаизмов языка, несмотря на то, что явление продолжает быть весьма продуктивным и живым. Надо отвергнуть объяснение А. А. Потебни, что наличие союза „и“, а также других „эксплетивных“ частиц и слов в синонимических, атрибутивных и иных сочетаниях является „явственным выражением медленности, с которою в говорящем один акт мысли следует за другим“,² в отношении к устной поэзии в имеющихся записях XVII—XX вв., так как подобное психологическое объяснение стилистического средства, как явления языка, отражающего процесс мышления сказителя, совершенно снимает вопрос об устной поэзии, как искусстве. С этой точки зрения произведения фольклора — результат бессознательного творчества, и представляют собой точное отражение процесса мысли сказителя, причем процесс этот искажен или чрезвычайно архаизирован.

С особенной силой синонимия как художественный принцип выступает в двух случаях: 1) когда нет в языке слова-синонима, которое может полностью совпадать по значению (или слова-дублиета), и в этом случае

¹ См. приведенные выше примеры.

² Ук. соч., стр. 281.

сказитель в качестве синонима использует перифразу, и 2) в сочетании трех синонимов (причем одним из них также может быть перифраза).

1. Синонимическое сочетание с перифразой: „слово *безопалное* аи *бес тое* палы великая“, К. Д. 36; „*прогласил* государь слово *молвил*“, К. Д. 133; „*прогласил* царь государь слово *выговорил*“, К. Д. 138; „Под Ильею конь *окарачелся* и *падал* веть на *кукарачь*“, К. Д. 151; „*Воспроговорили* белые лебедушки, *проязычили* языком *человеческим*“, Г. 127, „*Говорит* царица ему, *ответ держит*“, Рыбн. II, 559; „*Приотвечу* я, желанна тоби матушка, *И на ответ скажу* солдат да я *бессчастный*“, Барс. II, 220; „*Долго спишь* да *засыпаешься*, в *крепкой сон-то* *задаваешься*“ Шейн, 1665; и т. д. Особенно часто перифраза появляется в случае сочетания 3-х синонимов.

2. 3 синонима: „спрашивает себе *сопротивника* себѣ *сильна* *могуча* богатыря *побитуца* *подратуца* *порататуца*, силы богатырски *приотведати*, а *могучи* плечи *приоправити*“ К. Д. 166; „после *веку* ево *долгова* *осталось* *житье-бытье-богатество* *осталась* ево *матера* *жена*... *осталась* чада *милая*...“, К. Д. 147; „не для ради *красы-басы-ужошества*...“, Барс. I, 30; „Как *нунечку-топеречку-зде-еще*“, Гильф. 232; „Мы *ходили* с тобой *красовалися* *сообща-вместе-заедино* о *катких* *гладких* *катищах*“, Шейн 1321;

Следует сделать несколько замечаний по поводу сочетания 3-х синонимов: а) третий синоним (иногда и второй) часто присоединяется к первым двум при помощи союзов „и“, „да“, „с кем *побитуца* *подратуца* и *порататуца*“, К. Д. 107; „Бог тебе *помочь*, *оратаюшко*, а *орать* да *пахать* да *крестьяновати*, с *края* в *край* *бороздки* *пометывати*“, Гильф. 436; б) третий синоним (а иногда первый или второй) имеет определение, зависимое слово, которое может относиться не только к нему, но и ко всем трем или к двум из них: „*Дай* бог *здоровья*, *живота*, *веку* *долгого*“, Рыбн. III, 18; „*Без бою* мне *без драки* *великия* *без того* *кроволития* *напраснаго*“, К. Д. 102; в) постановка трех синонимов осложняется повторением двух первых или одного из двух первых: „*вас* та *царей* *не бьют* *не казнят*, *не бьют* *не казнят* и *не вешают*“, К. Д. 103, 61; „*спесивая*, *горделивая*, *горделива*, *непоклонливая*“, Соб. ВВП. II, 205; „*сделалась* *жена* *трудня-больня*, *трудня* *больня*, *очень* *немочна*“, Рыбн. II, 383; г) третий синоним — перифраза „а *спишь* *лежишь*, *опочивѣ* *держишь*“, К. Д. 139; *мне* *не спится* *не ложится* и *сон* *меня* *не берет*“, Шейн. 682; „*зачал* *жить* *быть* *векушку* *коротати*“, Гильф. 574, Рыбн. II, 561; „*стала* ево *журить* *бранить* *на ум* *учить*“, К. Д. 105, 32; „*ая* *смилюися* *смилосердися*, *смилосердися* *покажи* *милость*“, К. Д. 116; „*бегати* *скакати* на *добрых* на *конях* *ис* *Киева* *скакать* до *Чернигова* *промежу* *обедни* и *заутрени* *ускоки* *давать* *конинья*, что *выметывать* *раздолья* *широкия*“, К. Д. 25.¹

¹ Ср. „и стал молодец лучше старова: зрел бы, глядел, с очей не спущшал“ — см.: Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губ. Пгр., 1914, стр. 25.

Совершенно несомненно, что и в этих сочетаниях основой соединения является совпадение значения: подбираются слова-дублеты или такие, которые в определенном контексте становятся дублетами, а когда автору недостает подобного слова, он обращается к перифразе: „бегати, скакати. . . ускоки давати конинные“, „смилуйся смилосердия. . . покажи милость“, „слезно плачешь, уливаешься, ронишь слезы из ясных очей“ и т. п.

Но синонимы ставятся не только рядом (с союзами или без союзов), очень часто они оказываются отделенными друг от друга различными членами предложения, и это разделение не случайно. Оно обусловлено тем, что на второй (или первый) синоним падает главное ударение предложения или синтагмы. При этом усилительная, уточняющая стилистическая роль синонима выступает особенно ярко. Если пользоваться принятой терминологией, то смысловое выделение, подчеркивание одного из синонимов, а вместе с этим и второго синонима, достигается путем инверсии. Эти инверсии имеют несколько определенных видов: 1) синонимы-сказуемые (глаголы) разделяются подлежащим (существительным, местоимением) или обращением: „втапоры млад Щелкан *зачванелся* он *загорделся*“, К. Д. 14; „*кричит* он *ревет* зычным голосом“, К. Д. 140; А *смотрит* он *глядит*, думу думает“, Гильф. 247; „*не знаю* я *не ведаю* молодец вины своей“, Квашнин, 930; „А *устрашишься* ты да *ужахнешься*“, Гильф. 557; „*Убоюсь* царь Василий *уполошался*“, Рыбн. II, 564; „Как *принимал* Илюшенька *взимал* к себе“, Гильф. 242; „Ты *встань*, Семиен царь *пробудися*“, К. Д. 119; „ты *зачем* в гости *не ходишь*, друг, *не жалуешь*“, Соб. ВВП., III, 334; 2) синонимы-определения (прилагательные) разделяются определяемыми (существительным): „*глупая* княгиня *неразумная*, у нее волосы долги ум короток“, К. Д. 54; „*нерадошна* вестка *кручинная*“, К. Д. 139; 3) зависимые слова (дополнения, обстоятельства) разделяются тем словом, к которому они относятся: „что *не тихая* пришла *не смиренная*, *не по-старому* пришла *не по-прежнему*“, Шейн 1233; 4) синонимы подлежащие разделяются сказуемым „а *пир* пошел и великой *стол*“, К. Д. 117. Иногда синонимы разделены несколькими словами, но в этом случае очень важную роль играет то обстоятельство, что второй синоним отнесен на конец стиха, являющийся (в силу стиховых ритмических особенностей устной поэзии) наиболее сильным местом как в отношении ритмического, так и смыслового ударения: „И он *заступушка* вам был да *заборонушка*“, Барс. II, 62; „*не путем* шел добрый молодец *не дорогою*“, Ончук. 157; „Вы *кругом* меня обстаньте и *около*“, Рыбн. III, 359. Отнесение синонима на конец стиха часто соединяется с повторением части предложения, в которую входит первый синоним, в этом случае усиление становится особенно ярким: „У Костентинушка умок *молодешеніок*, *молодешеніок* умокъ *зеленешеніок*“, К. Д. 103; „Для чего ты меня *несчастлиного* спородила, *несчастлиного неталанного*“, Гильф. 559.

Поскольку синонимия оказалась выдвинутой, как одно из художественных средств, естественно было от слов-синонимов перейти к синонимическим группам, синтагмам, целым предложениям и стихам. И, действительно, в устной поэзии мы встречаем самые разнообразные формы синонимических групп и синонимических предложений.

1) синонимические атрибутивные сочетания (существительное с прилагательным или местоимением): „в то же время и в тот же час приехал князь из чиста поля“, К. Д. 96; „А много де прошло поры много времени“, К. Д. 29; „чтобъ не итти бы имъ сево дня и сево числа“, К. Д. 96; „Чудо милое, дите любимое“, Гильф. 593; „И вы в какой орды, несчастны, во коей земли“, Барс. II, 73; „есть кручинушка великая и печал необъятная“, Квашн. 931; „а ныне уж молодду кручина великая и печаль немалая“, К. Д. 125; „в годы прежняя времена первоначалныя при бывшемъ волномъ царе“, К. Д. 15; „Как в досюльны времена да в прежны годыщки“, Барс. I, 290; „Со крепка ума с полна разума“, К. Д. 4. „Ах ты старая собака, седатый пес“, Гильф. 231 и т. д. и т. п.

2) Синонимические группы зависимых слов: „пир на веселе повел столы на радостех“, К. Д. 15; „аи нету у нас царя в орде, короля в Литве, мы тебе поставим царем в орду, королем в Литву“, К. Д. 107.

3) Синонимические предложения и фразеологические сочетания. В этом случае часто используются устоявшиеся в языке выражения: „Откуль приехал, откуль тебе бог принес“, К. Д. 85; „Куда вы едите и куда бог несет“, К. Д. 53; „Куда ты, Илья Муромец, едешь, куда путь держишь“, Гильф. 597; „и тут Ильи за беду стало, за великую досаду показалось“, К. Д. 28, 86, 103 и т. д.; „У тя есть ли охота, горит ли душа со моима стрельцамы потешиться“, Рыбн. II, 456; „Что по утру было рано ранешонко как на светлой заре на утреней, на восходе было краснова солнушка“, К. Д. 127.

Особенностью русской устной поэзии является строгость и простота форм, но это та строгая простота, за которой стоит многовековая художественная культура. У нас до сих пор нет работ, посвященных анализу устных произведений с точки зрения их развития, с точки зрения их языка и художественных особенностей, поэтому продолжает сохранять силу совершенно неприемлемый для нас взгляд на произведения традиционных жанров фольклора, как на произведения статические. Основой его является тезис, многократно высказанный исследователями-фольклористами и филологами. Он заключается, с одной стороны, в утверждении глубокой архаичности произведений устной поэзии, понимаемой чрезвычайно прямолинейно (тексты записей XIX—XX вв. трактуются как тексты глубокой древности по своей форме), с другой — в низведении сознания крестьянина XIX—XX вв. почти на первобытную ступень (напомним объяснения, которые даются Фр. Миклошичем, А. А. Потемней и другими художественным особенностям фольклора: так, Фр. Миклошич объясняет художественное

повторение тем, что сказитель „не может быстро отделаться от овладевшего им представления, поэтому он несколько раз повторяет одну мысль или ряд мыслей“:¹ А. А. Потебня утверждает, что союзы и частицы между зависимыми словами, — подлежащим и сказуемым, определением и определяемым и т. д., — являются „явственным выражением медленности, с которою в говорящем один акт мысли следует за другим“,² и „заполняют собою пробелы мысли“.³ Формальный анализ „приемов“, данный на основе норм письменной литературы XIX в., не может раскрыть художественной системы русской устной поэзии. Характерной чертой в этой художественной системе является чрезвычайная связанность и обусловленность всех ее сторон (в этом также отражается долгий и сложный путь поэтического развития). Важным и организующим моментом является ритмико-стиховая структура произведений, которая теснейшим образом связана с синтактико-семантическими особенностями устной поэзии. Они взаимно поддерживают и обуславливают друг друга.⁴

Синонимия включается в эту сложную ритмико-стиховую систему и занимает в ней определенное место. Здесь также можно наметить несколько определенных форм ее использования.

1) Синонимы в параллельных стихах.

а) Повторяется весь стих, кроме синонима, который стоит чаще всего на конце стиха и поэтому является наиболее ударным словом и в ритмическом и в семантическом отношении:

Она стала Добрынюшку покидызять,

Она стала Добрынюшку гобрасовать

Гильф. 346.

Как начал тут Ильюшенька допрашивать,

Как начал тут Ильюшенька доведывать:

— Как все ли то в Цари-гради по-старому,

— Как все ли то в Цари-гради по-прежнему

Гильф. 238.

То слово царю не влюбилось,

То слово не показалось

К. Д. 139.

Оны видели над Киевом чудным-чудным-чудно,

Оны видели над Киевом дивным-дионным-дивно

Рыбн. II, 683.

Синоним может быть и в начале и в середине стиха, но эти случаи значительно реже:

А й сидит, сидит кручинен доброй молодец,

Д й сидит печален доброй молодец,

¹ Фр. М и к л о ш и ч. Изобразительные средства славянского го са. Тр. слав. ком., I, М., 1875, стр. 203.

² А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике, III. Харьков, 1899, стр. 281.

³ Там же, стр. 282.

⁴ Этому вопросу посвящена особая статья автора.

Ты чего сидишь *печален*, доброй молодец,
 Ты чего сидишь *кручинен*, доброй молодец?
 Гильф. 542.

Надо заметить, что особенно широко эта форма развита в лирических произведениях: песнях, причитаниях и т. п.

Такая же картина и в более коротких стихах („скоморошских“) и внутри большого стиха, который разделен цезурой:

Скоморохи люди *вежливыя*,
 Скоморохи *очесливыя*
 К. Д. 6.

Стали ево *бити*,
 Стали *колотити*
 К. Д. 167.

б) Более сложной является фигура (обычно 2 параллельных стиха), в которой при разных синонимах, семантически организующих ее, остальная часть стиха не повторяется, а параллельно заменяется, причем для замены используется не синоним, а другое название предмета (или понятия) или происходит (на основе этого же принципа замены) разделение атрибутивного сочетания таким образом, что в первом стихе стоит определяемое, во втором — определение.¹

Ноне Настасья *просватана*
 Душа Дмитриевна *запоручена*
 К. Д. 57.

Туг девица *вздодалася*,
 Красавица *вздоумилася*
 Соб., ВВП, II, 204.

Приправил он своего добра коня,
Принастигивал богатырскова
 К. Д. 87.

У меня да красной девицы
Растосковалось сердечушко,
Разгоревалось ретивое
 Шейн, 1669.

Не ласточка *вылетывала*,
 Не косатая *выпурхивала*
 Рыбн, III, 66.

С Кострюком *поборотися*,
 С молодым *поломатися*
 Рыбн, II, 687.

Одеялышко *закуржевело*,²
 Собольно *призаиндевало*

Киреевский, н. с. II, стр. 12.

¹ На этом разделении определяемого с определением строятся параллельные стихи лирических, игровых, хороводных и прочих песен, например:

Зайнька, попытайся у ворот,
 Серенькой, попытайся у новых.
 Киреевский, н. с., II, стр. 13.

² Куржевина — иней, закуржеветь — заиндевать (северно-восточные говоры).

Иногда (в многосложных эпических стихах) мы находим: повторение части стиха, „замену“ и синонимы:

У т о т а р-то было все у хитрых,
У п о г а н ы х-то было все-то было у мудрых
Марков, 93.

Вы куда, в о л к и, *призадумали,*
Куда, с е р ы е, *призамыслили*
Рыбн. II, 707.

в) Синонимия как художественное средство настолько остро ощущается, что создаются параллельные стихи, в которых каждый член одного стиха синонимичен члену другого стиха:

Я из горницы во горницу ходила,
Я из светлицы во светлицу гуляла,
Я расчашевы шкапы отворяла
Соб., ВВП, II, 227.

Кручинушки моей не убоялся,
Обидушки¹ моей не устрашилися
Барс. I, 110.

Видно, думушки теперечко несчастных
Мои мысли у горюши неталанных
Барс. I, 107.

Не начаются обиды — накачаются,
Не надуются досады — принавидятся
Барс. I, 292.

Тот же самый принцип полного синонимического параллелизма часто организует обе части многосложного эпического стиха:

Благослови мне, Владимир-князь, слово молвити,
Слово молвити мне-ка речь говорити
Марков, 535.

А и холост я хожу, неженат гуляю
К. Д. 36.

Параллельные синонимические стихи мы находим во всех жанрах устной поэзии:

Перед нашими широкими воротами
а утоптана трава утолочена мурава,
кто траву стоптал, кто мураву столочил,
стоптала-столочила красная девица
К. Д. 129.

2) Особенно изысканными являются параллельные синонимические стихи (или половины многосложного стиха), построенные на тавтологии:

Не ровня со мной ровняется,
Не верста со мной верстается,
Молодым я молодешенька,

¹ „Обида“ — горе, кручина в северно-русских говорах.

И *глупым-то я глупешенька,*
Зеленым я *зеленешенька...*

Шейн 1354.

Сидит тут царь *Азвяк*
Азвяк *Тавруловичь*
Суды разсуживает
И *ряды разряживает*

К. Д. 13.

сужаное пересуживаешь
ряженое переряжеваешь

К. Д. 59, 60 и т. д.

будет *пир во полупире*
будет *стол во полустоле*

К. Д. 67.

Тошно л тошно л мне по миленком встошнилося,
Грустно по сердешном взгрустнулося

Квашнин, 932.

А что это *чудо-то счудилось,*
А что это *диво-то сдвилосе*

Гильф. 952.

Что не *стон-то стонется,*
Что не *вой-то воется,*
Восковые *свечки топятя*

Киреевский, н. с., I, 64.

Все *дела у нас не деланы,*
Все *работы не работаны*

Шейн 1663.

Я не *мылась, не парилась,*
Только с *волюшкой рассталася,*
Потеряла потеряшечку,
Обронила оброночку.

Рыбн. III, 66.

К этой группе относятся устоявшиеся традиционные стихи, говорящие о пире у князя Владимира:

было *пированье почестной пир,*
было *столованье почестной стол.*

К. Д. 23, 36, 52, 62, 65 и т. д.

Приведенные примеры (их можно умножать и умножать, потому что они встречаются во всех жанрах фольклора) свидетельствуют о богатстве и разнообразии форм и видов синонимии, используемой в устной поэзии как художественное средство. Назначение ее — усиление, уточнение, акцентуация семантики отдельных слов и целых фраз, в которых раскрываются наиболее важные стороны и детали содержания произведения. Синонимия теснейшим образом входит в ритмико-синтаксическую структуру народного стиха, во многих случаях представляя его организующую силу (например, синонимические параллельные стихи, стихи с параллельными конечными или начальными синонимами и т. д.).

Принципом, который положен в основу представленной здесь богатой системы синонимии, как было указано, является совпадение значения, т. е. то, что в письменной литературе со второй половины XVIII в. служит взаимоисключению, выбору одного из двух синонимов. Но изредка и письменная литература пользуется постановкой синонимов рядом с целью усиления значения. У М. В. Ломоносова в „Риторике“ в главе „О умножении и перемене слов“ находим следующее: „§ 94. Однозначенательные слова те называются, которыми ту же вещь или бытие назвать можно, например, хорош, изряден и проч. Такие слова часто присовокуплены бывают одно к другому ради сильнейшего и яснейшего представления речи, например, Цицерон в начале слова своего против Катилины говорит: «Мы его уже напоследи дерзостью бесящегося, беззаконием дышущего, на сенат и на все достатки наши пагубу воздвигающего, отпустили, извергли, истребили; отшел, отлучился, вырвался, бежал; ему возвратиться не дам, не поущу, не стерплю“.¹ Цитирую здесь М. В. Ломоносова, так как он стоит на грани между старым и новым отношением к роли синонимов в художественном произведении (в учении о трех стилях вопрос о синонимах поставлен М. В. Ломоносовым уже совершенно в другой плоскости).

В начале статьи было указано, что, в конце XVIII и начале XIX вв. проблема синонима решается иначе. В качестве основного принципа выдвигается различие значений, а в связи с этим постановка двух синонимов рядом получает иную художественную функцию. Акцентируется не усиление, уточнение значения слова или фразы, а полнота характеристики явления, предмета, качества, даваемая в различных оттенках. Синонимы воспринимаются с точки зрения их расхождения, а отнюдь не совпадения, поэтому в литературном языке невозможно образование бессоюзных синонимических парных сочетаний. Они встречаются только как „заимствование“ из устной поэзии или разговорного языка. Но между фольклором и литературой письменной, а также между старой и новой традицией нет китайской стены. И в классической литературе XIX в. изредка мы находим использование синонимов с целью усиления значения путем уточнения и ограничения, которое выступает в синонимах, поставленных рядом (чаще соединенных союзом „и“, реже — без союза). Но и в этих случаях привычное, ставшее давно нормой, отношение к синонимам, как словам разного значения, вызывает у нас восприятие полноты характеристики, а не уточнения и усиления значения, даже когда автор берет из живой речи устоявшееся широко употребительное сочетание (или из старой литературной традиции), например:² „Костюм ее был довольно ценный, но не отличался хорошим вкусом и сидел на ней как-то

¹ М. В. Ломоносов. Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия. Соч., т. III, СПб., 1895 г., стр. 52.

² Здесь даются примеры из самых разнообразных жанров художественной литературы, потому что синонимия в такой общей своей функции (полнота характеристики, усиление значения) присуща литературе в целом.

вкривь и вкось";¹ „Затих повсюду шум и гам, и воцарилось молчанье“;² „Это было уже из рук вон плохо“;³ „Навстречу мне вышла моя кормилица и обняла меня с плачем и рыданием, как многострадального Одиссея“;⁴ „Дом наш наполнен был тогда плачем и рыданием“;⁵ „И пира свадебного не было; по скорости гости развехались, тужа и горюя, а о чем, не говорил никто“⁶ и т. д. и т. п. Но иногда функция усиления преобладает, так как „амплитуда“ значения слова (в особенности в данном контексте) ничтожна или полностью совпадает, например: „Алели щечки, как заря, все жарче рдея и горя“;⁷ „Я не был до того задавлен, стеснен, как теперь“;⁸ „... и каждый лист её, подхваченный стремлением, как будто хочет сорваться, слететь и умчаться вдаль“;⁹ „родилась (сплетня) и принялась пускать отпрыски и усики, словно земляника“;¹⁰ „Это уже не та ярмарка, на которой я так веселился; та сибла и пропала вместе с моею молодостью“;¹¹ „Да это было в те дни полноты и личного счастья, в которые человек, не подозревая, касается высшего предела, последнего края личного счастья“;¹² „Огарев... был одарен особой магнитностью, женственной способностью притяжения“;¹³ „страстная, огненная натура“; „... беззаботной светлой жизни“;¹⁴ „Рукою чистой и безвинной в порабощенные бразды бросал живительное семя“;¹⁵ „И в тот же час смекнул и догадался, что в когти он нечистого попался“;¹⁶ „Ничто не обольстит и не очарует взора“.¹⁷ С другой стороны, устная поэзия, в полном соответствии с местом синонимии и нормами ее употребления, складывающимися в языке в целом и в письменной литературе, использует синонимы для показа различных оттенков и степеней значения, опираясь на семантическое расхождение синонимов. В начале статьи

¹ А. Ф. Писемский. Люди сороковых годов. Собр. соч., XI, СПб., 1895, стр. 25.

² Ф. И. Тютчев. Собрание стихотворений. Academia, 1933, т. II, стр. 20.

³ Ср. у Гоголя: „потом станет понемногу впутываться во все, и дело пойдет из рук вон“. О театре. Или у Тургенева: „Я слышала про него, что он чудак, но ведь уж это из рук вон“. Рудин.

⁴ А. С. Пушкин. История села Горюхина. Соч., Л., 1938, стр. 512.

⁵ М. Д. Чулков. Пригожая повариха. СПб., 1770, стр. 71. Ср. в древней литературе это сочетание „плач и рыдание“ (И. И. Срезневский. Материалы для словаря др.-русск. яз., т. II, столб. 957; т. III, столб. 209).

⁶ А. И. Печерский. Старые годы. Соч., VI, стр. 140.

⁷ Ф. И. Тютчев. Полное собрание стихотворений, т. I, 1933, стр. 185.

⁸ А. И. Герцен. Былое и думы. 1948, стр. 209.

⁹ И. С. Тургенев. Свидание. Записки охотника, соч., т. I, М., 1949, стр. 200.

¹⁰ Там же, стр. 285.

¹¹ М. Загоскин. Искуситель. Собр. соч., М., 1901, IX, стр. 33.

¹² А. И. Герцен. Былое и думы. 1948, стр. 213.

¹³ Там же, стр. 212.

¹⁴ Там же, стр. 196.

¹⁵ А. С. Пушкин. Свободы сеятель пустынный... Полн. собр. соч., АН СССР, 1947, стр. 302.

¹⁶ А. С. Пушкин. Монах. Полн. собр. соч., АН СССР, I, 1937, стр. 13.

¹⁷ Н. В. Гоголь. Мертвые души. Собр. соч., СПб., 1900, т. V, стр. 221.

были даны примеры такого употребления синонимов, приведу еще несколько:

О! бог над молодцом *прогневался*,
И сердешной друг *разкручинился*.

Квашн. 930.

Крепкая моя дума и *вѣрное* он мое слово,
Неизменная моя дружба. . .

Квашн. 923.

Загорелая во мне сердешная искра,
Сожгла мое сердце,
Палит мою душу день и ночь *непрестанно*.

Квашн. 931.

„Г[оспо]дь бог *миловал*,
Г[осу]дарь царь *жаловал*,
Отец мать молодца
у себя во *любве держал*.

К. Д. 124.

Во *дрокушке* был у матушки
И во *любви* был у батюшки.

Гильф. 573.

Как калачик-от съешь, другому *хочется*,
Другой съешь — по третьему *душа горит*,
Третий съешь — четвертый с *ума нейдет*.

Гильф. 779.

И вдовы та *безчестити*,
красны девицы позорити,
надо всеми *нарутися*,
над домами *насмехатися*.

К. Д. 14.

Красным девушкам был он *не насмешничек*,
Мужним женам *не срамитель* был,
Молодым вдовам — *не похабничок*,
Он солдаточкам был *не проказничок*

Барс. I, 202.

В классической литературе и в литературном живом языке синонимия играет большую роль, как средство избежать повторений одного и того же слова (в этом случае синоним, заменяющий уже употребленное слово, может быть полным семантическим дублетом его, в зависимости от контекста, и может также выражать новый семантический оттенок), например: . . . „все эти *битые* приветствия, *третьи* пошлости“;¹ „а *темные* силы, а *черные* люди влекут, не говоря ни слова, на край пропасти“;² „Ни тени *черного* воспоминания. ни малейшего *темного* предчувствия — молодость, дружба, любовь . . .“;³ „Когда театры одни оставались *прибе-*

¹ А. И. Герцен. Былое и думы. 1948, стр. 200.

² Там же, стр. 202.

³ Там же, стр. 213.

жищем уже повсюду изгнанного язычества и *притоном* бесчинных его вакханалий...¹ Этот принцип широко отражен и в устной поэзии, так как он является принципом языка в целом. А необыкновенно внимательное и бережное отношение к слову, столь характерное для устной поэзии, проявляется в данном случае очень ярко, так как малейшие семантические оттенки (проявляющиеся прежде всего в привычных лексических сочетаниях) учитываются. Вот несколько примеров:

*„Хорош мой миленкой, что наливная яблочка,
Пригош мой миленкой, как маков цветочик“.*
Квашн. 923.

*Износил свою молодость для друга милова,
Истаскал красоту свою.*
Квашн. 926.

*а князи збиралися, бояра съежались,
и дворяна сходилися,*
К. Д. 124.

*аи вырублю цють белоглазую,
прекročю сорочину долгополюю,*
К. Д. 81, 83.

*Стали дурня плетью стегати,
по ушамъ хлестати.*
К. Д. 168.

*Попусту да в поле ветры принавиются,
понапрасну в поле травка нашатається,*
Барс. I, 203.

*Якори метали в Непрь реку,
сходни бросали на круть бережек,*
К. Д. 2, 5.

*разводила те кореньца меды сладкими,
разсычала коренья белым сахаром,*
К. Д. 128.

Примеров подобного употребления можно привести много из самых разнообразных жанров фольклора. Эта линия в отношении к синонимам получает яркую и своеобразную разработку в стихах, различных по содержанию, но объединенных общей семантикой синонимов, которые организуют эти стихи, причем надо заметить, что эти формы характерны для более поздних лирических жанров (XVIII—XIX вв.).

*Заставила капусту садить,
приказала огород городить,
приневолила росаду поливать.*

Кир. н. с., вып. 2, ч. 1-я, стр. 12.

*Али дом они у нас да перестраивают,
Светлую светлицу ль оны да перерубливают,
Аль перено крылечко передельывают?*

Барс. 214.

¹ Н. В. Гоголь. О театре. Собр. соч., VII, стр. 59.

Без своей да без любимой семеняши
 Ты не *дольщичка* крестьянской будешь жирушки,
 Не *участница* участку деревенскому,
 Не *пристройщица* хоромному строению,
 Ты не *пайщичка* любимой скотинушки.

Барс. 1, 220.

и т. д.

Таким образом, в устной поэзии, на ряду со своеобразным и характерным для нее использованием синонимии, когда ставятся рядом два синонима по принципу совпадения значения (для усиления, уточнения значения), мы находим и другое, — которое полностью совпадает с использованием синонимов в литературном языке, когда принципом являются семантические отличия оттенков значения. Как было сказано выше, это последнее получило теоретическое обоснование в XVIII в., но практически сложилось гораздо раньше, и в записях устных произведений, сделанных в XVII в., мы находим как то, так и другое.

Примеры, приведенные в статье, взяты из записей XVII—XIX вв. (отчасти XX в.). Тексты XVII в. (записи былин, исторических песен, лирических песен) дают все виды синонимических сочетаний и форм.¹ Здесь мы часто находим синонимические пары (с союзами и без союзов) например: „в Новгороде заперлися и многои *мир-народ* погубили“, Р.Дж. 4. „кто бы ехал в землю турскую, взял бы *дани и выходы*“, Мих. Пот. „не можно нам тебя *нажурить ни наговорить*“, Ск. о к. б.; „не *двинули ни крянули* ни чернымъ волосом“, Ск. о к. б.; „*умею и самъ стоять и битца* с погаными во чисте поле“, Мих. Пот.; „*сильныя могуция* богатыри“, Мих. Пот., Алеша П.; „вести *прямые неизменяя*“, Ск. о к. б.; „*скоро-борзо* скидовал (с) себя платье посолское“, Ставер и т. д. Особенно богаты синонимические формы в записях песен Квашнина-Самарина. Объясняется это тем, что, во-первых, в лирике гораздо большую роль, чем в эпосе, играют средства эмоциональной, художественной выразительности, во-вторых, тем, что на записях былин и исторических песен XVII в. значительно сильнее сказалась рука книжника, вписавшего их в сборники прозаических произведений. Синонимические пары (с союзами и без союзов), синонимические перифразы, синтагмы, параллельные сино-

¹ К сожалению, два обстоятельства мешают получению полной картины положения в XVII в., это: 1) чрезвычайно малое число записей не только былин, исторических песен, но и других жанров устной поэзии, а также их дефектность, 2) записи XVII в., хотя и довольно точные, тем не менее не воспроизводят полностью произведения в его устном исполнении, так как, будучи включены в состав сборников, они (до известной степени) подчиняются законам письменного повествования — текст пишется в сплошную строку без разделения на стихи, при этом могут быть опущены те особенности, которые связаны со стихом или опираются на его строение (повторения, а также и некоторые виды синонимии).

нимические стихи — все сложные и изысканные формы можно найти в этих небольших, отрывочных и часто дефектных записях.

А и кто ни вѣдает, а што есть на моем сердцѣ,
Ай да за моею груд(ью) бѣлюю?
Есть *кручинушка великая* и печал *необъятная*.¹

Понду л младенка со печали я либо *постригуся*,
Со великие *кручины* *посхимлюся*.²

Тошно л тошно мнѣ по *миленком* *встоинилося*,
Грустно по *сердешном* *взируснулося*,
что покинул мене мои *сердешныи* друг.³

Кабы *знала* млада *ведала*
Нелюбов друга *милова*,
Неприятства друга *сердешного*,
Ой не обykle бы,
Не тужила б по *милом* другѣ и плакала,
Не давала тоски своему *ретивому* сердцу.⁴

Записи Квашнина-Самарина замечательны еще тем, что в них, наряду с описанной системой использования синонимии, очень ярко выступает и другая, характерная для современного живого литературного языка: отбор синонимов с целью раскрытия различных оттенков, употребление синонимов с целью избежания повторений.⁵

Синонимические пары и все разнообразные формы использования синонимов в устной поэзии не представляют собой окаменевших старых форм, уводящих нас в далекое прошлое языка, которое настолько древне, что мы не встретим его даже в самых древних памятниках письменности. Несомненно, синонимия как художественное средство, подобно целому ряду других (например, эпитету), используется в весьма отдаленную пору и имеет свою историю. В течение последних трех веков история отнюдь не заключается только в „сохранении традиции“, хотя многое из имеющегося в записях XVII в. продолжает жить до сих пор (но в самых различных вариациях).

Живая творческая сила народа проявляется всегда в творческом, активном усвоении и дальнейшем развитии художественных принципов (пока они отвечают художественному сознанию эпохи), а не в механическом усвоении окаменевшего текста. Записи XVIII—XIX вв., а также многие записи XX в. дают чрезвычайно богатый и обильный материал для представления о разных видах синонимии. Особенно богата она в лирических произведениях: в причитаниях и песнях. Здесь мы найдем и различные вариации того, что известно по записям XVII—XVIII вв., и очень много нового; это новое идет, прежде всего, за счет лексического и фразеологического состава синонимических групп и сочетаний, потому что принцип

¹ Известия АН СССР, ООИ, 1932, № 10, стр. 931.

² Там же, стр. 929.

³ Там же, стр. 932.

⁴ Там же, стр. 932.

⁵ См. примеры, приведенные на стр. 197.

совпадения значения, положенный в основу различных видов и форм синонимии, почти исчерпан; художественное сознание ищет новых средств, а развитие языка в его целом, все бóльшая и бóльшая роль письменного литературного языка открывают новые возможности и формы использования синонимов, но уже на основе иных принципов. Но и старый принцип (совпадение значения) еще продолжает сохранять свою силу как средство усиления значения. В синонимических парах (с союзами и без союзов) мы находим сочетания, которые складывались, несомненно, в более позднее время (XVIII—XX вв.).

Уж послушай-ко, ласкогница желанная матушка,
Наложу-то я *службу-работу* не тяжелую:
Найди-ко хороший частозубчатый гребешок,
Зачеши-тко мою младую буйную голову.

Шейн, 1304.

Небеса вы сини, роздайтесь¹
Обложа-тучи, во едину не скопляйтесь.¹

Рыбн. II, 701.

Уж я *за молодость да за ребячество*
Пасывал я скотину крестьянскую

Рыбн. II, 563.

Как тут она *сокрутилась-обладилась*

Гильф. 281.

Меня *принуждали-приневолили*
Все мои родны родители.

Шейн 1679.

Уж мы съездим в город Вологду,
Мы разыщем фотографию,
Снимем *патрет* да с себя *карточку*
С моего да лица белого.

.....
Погляжу я, красна девица,
На свой *патрет да карточку*
Как припомню и припамячу,
Когда была душой девицей.

Шейн 1687.

Во всех жанрах фольклора XIX и XX вв. мы находим свободное и широкое использование синонимических пар и не только в поэзии, но и в прозе: например известная сказительница М. Р. Голубкова в повести „Два века в полвека“ часто ими пользуется: „Все собрались, пришли в избу, *огляделись-осмотрелись*, поклонились и запели“...;² „Не гостить наезжают, не на богату наживу, не на великий промысел *на войну, на бой да на побоище*“ (стр. 87); „Авдотья *не сердилась*

¹ Чрезвычайно интересно, что в Сборнике Кирши Данилова совсем не встречается слово „облако“, а есть только слово „туча“, хотя эпическая традиция сборника принадлежит Северу.

² М. Р. Голубкова. Два века в полвека. М., 1946, стр. 60, далее указываю только страницы повести.

не гневалась, не бранилась, не ругалась, а с той поры делать начала, как и добры люди“ (стр. 207); „А он куражится да ломается. Накланылась, я, навеличалась, а легли, он меня с койки кулаками столкнул“ (стр. 69). В записях XIX—XX вв., главным образом в лирических жанрах, очень часты произведения, в которых синонимия (иногда в сочетании с другими средствами, например тавтологией, повторениями и т. п.) является основным композиционным элементом.

.....
 Ты желанна, моя болезнь,
 В день денная печальщица,
 В ночь ночная богомольщица!
Посмотри-тко ты погляди
 На меня многокручинную:
 Меня красит ли, хорошит ли
 Меня природная девья красота
 И дорого мое цветно платье?
 Хоть не скажешь, моя желанная,
 Сама знаю — ведаю,
 Не красит и не хорошит,
 Дорога моя девья красота
 Потемнела да почернела
 Чернее черного потолка,
 Чернее ворона да поднебесного.

Шейн 1326.

Примеров такого широкого использования синонимии много как во всех собраниях XIX в., так и в современных записях. Широко пользуется синонимией М. С. Крюкова в своих „Новинах“, например:

Они глядят-смотрят во все стороночки,
 У них очи-глаза очень зоркие,
 У них уши-слухи очень чуткие,
 Не пройти мимо них никому, не проехать.¹
 Тут сходилися народы да все скоплялися.
 Всем хотелось им проститься.
 Загораживали путь-дорожечку урядники,
 Разбивали они народ да все расталкивали,
 Не дозволили с вождем проститься.²

В повести М. Р. Голубковой „Два века в полвека“ много сказов и плачей, сложенных автором о ее жизни. Для М. Р. Голубковой синонимия — одно из излюбленных художественных средств.

Тяжелехонько я вздохнула,
 Свою мать я вспоминала

 Кинула да бросила
 Безродну да бесплеменну,
 Бесприютну да безпризорну,

¹ М. С. Крюкова. На родине вождя. Новины. Архангельск, 1939, стр. 9.

² Там же, стр. 16.

Я шатаюсь, бедна девушка,
 Как *бесприкольна* будто лодка,
 Как *безвязвенна* будто корова.
 От того я берега отстала,
 А к другому я не пристала.
 Куда *присунешься* — *приткнешься*?
 Все не свое мне да не мило,
 Не любо мне-ка, не родно . . .

(стр. 27)

Не могли меня горя избавить
 Ни *выкупить* меня, ни *выручить* —
 Еще больше мне горя прибавили:
Поспешили они поторопили,
Кинули они меня да бросили
 Из *лихой беды* да во *кручинушку*,
 Из *жарка пламя* да во *палюч огонь*.
 Мне-ка *участь да бесталанна*.
 Мне *судьба-то да горемычна*.
Бил-терзал меня муж-каналья
 Не за дело, не за *провинность*,
 Не за *вину* меня, не за *проступки*,
 Не от голоду, не от холоду —
 От своей ли *великой лютости*,
 От *злости да приехидной*.
 Мне нигде-то счастья не было,
 Куда *кинуся*, куда *брошуся*?
 Мне нигде, бедной, не *укрытися*
 Мне-ка не за кем *ухранитися*
 Ни от ветру да мне-ка буйного,
 Ни от грому да мне-ка грозного,
 Ни от крупна ли *дождя мокрого*.

(стр. 177—178)

В XIX в. устная поэзия — поэзия крестьянская, по преимуществу. Между письменной художественной литературой и устной поэзией все углубляется разница, взаимодействие между ними ослаблено. Совершенно иное отношение между письменной и устной художественной литературой в XVII веке и в более раннюю пору. Роль устной поэзии чрезвычайно велика, она представляет собой достояние и искусство всех слоев общества. И, несомненно, лучшие передовые художники устного слова, представители различных социальных групп, сделали в нее свой вклад.

Связь и взаимодействие устной и письменной художественной литературы обнаруживаются с древнейшей поры и многократно были предметом исследования литературоведов. В работах, посвященных этой проблеме, очень часто привлекался и язык, как одно из ярких свидетельств тесной связи или, наоборот, расхождения устной и письменной традиции. Частная тема данной статьи — роль синонимии — не нашла себе места в исследованиях филологов, затрагивавших вопросы литературного языка древней поры, поэтому трудно говорить о какой-либо системе в использовании синонимии в произведениях древней литературы, так как для этого

необходимо проделать огромную предварительную работу по собиранию и изучению материала. Но некоторые наблюдения над использованием синонимов дают основания в качестве предположения высказать следующее: в литературе XVII в., а также и в более раннюю пору, мы находим некоторые общие черты с устной поэзией в отношении к синонимам. Надо принять во внимание, что приходится говорить только об общих принципах, так как устная поэзия по своим жанровым особенностям стоит очень далеко от литературы письменной. В тех случаях, когда письменное произведение опирается на устную традицию, художественные принципы устного произведения являются организующими в художественном языке. Так, в „Повести о горе-злочастии“ мы найдем все формы синонимических групп и сочетаний (характерные для устной поэзии), используемые широко и свободно.¹

Значительно сложнее обстоит дело с письменными литературными жанрами, но и здесь во многих случаях можно найти общие черты. Например в исторических повестях начала XVII в. широко используется постановка двух синонимов с целью усиления, акцентуации значения. Синонимы обычно соединяются союзом „и“ (бессоюзные парные сочетания встречаются очень редко).

„И самим королем уже истинно допряма вызнан, и реклся ему *пособляти* и *помогати* Московскаго государства доходити“;² „чтоб *молили* и *просили* на царство брата ее Бориса Федоровича“ (790); „крепко вооружился и укрепился и *не покорился* и *не здался*, да и ныне стоит и крепится“ (197); „и многими головами и душами врагом и губителем *покорился* и *предался* и в волю их дался“ (197); „во уме ему *запрещает* и к нам итти *возбраняет*“ (198); „аще будет, милая моя

¹ См., например:

Учинил бог заповѣдь законную:
велѣл он браком и женитбам быть.

(стр. 75)

не дружися, чадо, з *глупыми, немудрыми*;
не думай *украсти, ограбити*,
и *обмануть, солгать* и *неправду учинить*.

(стр. 76)

Чары и чулочки — все *поснимано*,
рубашка и портки — все *слуплено*,
и вся собина его *ограблена*.

(стр. 78)

Молодец на пиру *невесел съдит*,
кручиноват, скорбен, нерадостен,

(стр. 78) и т. п.

См.: П. К. С и м о н и. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII ст. СПб., 1907.

² Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Русск. истор. библ., т. XIII, вып. 1, Л., 1925, стр. 25. Дальше указываются только **страницы**.

премудрая жена Варвара, *збудетца* мое хотение и *исполнитца*“ (761); „и не наполнил своя окуянная *утробы*, и не насытил своего неполного *чрева*“ (785); „О любимые и милые мои гадатели!“ (758); „И повеле ее Борис заточить в место *бедно* и *горко*“ (786); „не увидели *пути* себе и *дороги*“ (768); „И на всех нападе *страх* и *трепет* и *плачь* и *рыдание* велие“ (764); „что стоиши предо мною добре *невесел* и *кручиноват* и часто *воздыхаешь*“ (773); „с великим дерзновением *без опасения* и *без страху* (807); „*страха* и *трепета* наполнися сердце Борисово“; „*изумелся* и *подивился* велми“ (760) и т. д.

Усиление значения при помощи второго слова-синонима чрезвычайно широко представлено в этих повестях,¹ встречаются и синонимические синтагмы, предложения, причем синонимы подбираются свободно, без ограничения традицией.

В произведениях, которые связаны с устной традицией (в той или иной мере), еще более ярко выступает принцип использования синонимии. Так, в повести о разорении Батыем Рязани синонимика занимает большое место как средство художественной выразительности. „И едва отдохнув от великого того *плача* и *рыдания*“;² „и воеводы *храбры* и *мужественны* ездяше по воем“ (141); „так *храбро* и *мужественно* бьяшеся, яко всем полком татарьским *подивитися крепости* и *мужеству* резанскому господству“ (142); „и воинства *удальцы* и *резвцы*, узорочье и воспитанье рязанское, вси *равно умроша* и *едину чашу смертнюю пиша*“ (142); „и веля *бити* и *сечи* и без милости“ (142); „Посланы отъ князя Ингваря Ингоревича резанскаго тебя, сильна *царя*, *почтити* и *честно проводити* и *честь* тебе *воздати*, да не подиви, царю: не успевати наливати чашу на великую *силу рать* татарскую“ (143); „и от *великаго кричания* и *вопля страшнаго* лежаща на земли, яко мертв“ (144) и т. д.

Один из самых ранних памятников древней литературы, в котором так блестяще и органично слиты устная и письменная традиции, Слово о полку Игореве также обнаруживает использование синонимии в качестве художественного средства: „*Туга* и *тоска* сыну Глебову“.³ Своеобразной чертой использования синонимов в Слове о полку Игореве является употребление их в параллельных предложениях и синтагмах: „То было въ ты *рати*, и въ ты *плъкы*, а сицей *рати* не слышано“ (69); „ищучи себе *чти*, а князю *славѣ* (67);⁴ „пути имъ *въдоми*, яругы имъ *знаеми*“ (67); „что ми *шумить*, что ми *звенить* далече рано предъ зорями?“ (69); „уже намъ своихъ милыхъ ладъ *ни мыслию смыслити*, *ни думою сду-*

¹ В некоторых оно встречается реже, в других применяется чрезвычайно широко, например в „Сказании о царстве царя Феодора Иоанновича“, в „Ином сказании“, в „Новой повести о преславном Российском царстве...“ и др.

² „Повесть о приходе Батыя на Рязань в 1237 г.“ Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков. М., 1938, стр. 141. Дальше указываются только страницы.

³ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М.—Л., 1938, стр. 72. Далее указываются только страницы этого издания.

⁴ Обычное парное сочетание „честь-слава“, „честь и слава“.

мати, ни очима сгледати“ (70); „темно бо бѣ въ тѣ день: два солнца помѣркаста, оба багряная стѣпа погасоста“ (71); „ничить трава жалощами, а древо с туюю къ земли преклонилось“ (69); „тоска разлияся по Русской земли, печаль жирна утече средь земли Руския“ (70); „Уныша цвѣты жалобю, и древо с туюю къ земли прѣклонилось“ (75); „въстона бо, братие, Киевъ туюю, а Черниговъ напастѣми“ (70).

В научной литературе неоднократно указывалось на большую синонимичность древне-русского языка по сравнению с языком современным.¹ Это, главным образом, касается терминов, определенных понятий, названий предметов (в буквальном смысле), которые представляли собой тождество и, по мнению исследователей, вызвано было, с одной стороны, самим процессом складывания письменного литературного языка, который был призван выражать, в значительной мере, понятия и представления нового мировоззрения (христианского),² — с другой, диалектной раздробленностью и отсутствием единого литературного языка. Но уже в древнейшую пору определенные области языка (выражение эмоций, некоторых сторон человеческой деятельности и т. д.) содержат значительное количество синонимов (не только слов-дублетов, но и слов-синонимов) в нашем понимании. Оставляя вопрос о происхождении или путях вхождения этих синонимов в литературный язык, укажем на то, что уже в самых старых памятниках мы встречаем синонимы, поставленные рядом (обычно с союзом „и“), причем как контекст, в котором они встречаются, так и постоянство их сочетания, а также частота употребления не оставляют никакого сомнения в том, что художественная, выразительная функция их заключается в усилении значения. Например синонимы горя, печали: „туга“, „скорбь“, „печаль“, „тоска“, „беда“, „сухота“, „кручина“, встречаются очень часто в текстах в сочетаниях,³ некоторые из них являются как бы „постоянными“, например „туга и скорбь“, „туга и печаль“. Синонимы эти, будучи взяты отдельно, имеют целый ряд оттенков в семантике, но и постоянно перекрещиваются, совпадают, дополняя и усиливая друг друга. Например слова „скорбь“, „туга“, „печаль“ одинаково передают в переводах греческие: ἡ στενωχώρα, ὁ θλιμὸς (ἡ θλίψις), ἡ ἀμνηχανία, ἡ ἀθυμία. И в данном случае для нас не важно, каковы происхождение и история этих слов в русском языке до XI—XII вв., а важно то, что эти слова выступают в памятниках в качестве синонимов в одном предложении, являются однородными членами, дополняющими и усиливающими друг друга. Слово „кручина“ включается в круг этих синонимов значительно позднее (веро-

¹ П. С. Билярский Замечания о языке сказания о св. Борисе и Глебе. Записки АН т. II, СПб., 1862, стр. 120; Б. А. Ларин. Проект древне-русского словаря. М.—Л., 1936, стр. 51; Ф. П. Филин. Очерк истории русского языка до XIV столетия. Л., 1940, стр. 81—83.

² Именно поэтому область новых понятий и содержит особенно большое число синонимов, точнее: различных названий одного и того же понятия или предмета.

³ См., например, цитацию на эти слова в „Материалах для словаря др.-русск. яз.“ И. И. Срезневского, в особенности на слова „туга“, „скорбь“, „печаль“.

ятно в XV—XVI вв.). Соединений двух синонимов из этого круга бесчисленное множество, поэтому здесь даются только некоторые примеры: „Зде убо скорбь и туга, и недуг вмале, а тамо радость и веселие“;¹ „туга и тоска сыну Глебову“;² „А вьстона бо, братие, Киев тугою, а Чернигов напастьми. Тоска разлися по Руской земли, печаль жирна утече среди земли Рускый“;³ „ни отеч сынови, ни мать дъчери, ни сосед соседу не уламляше хлеба; не бысть милости межи нами, нъ бяше туга и печаль, на уличи скърбь друг с другом, дома тьска, зряще детей плачуще хлеба, а другая умирающа“;⁴ „плачуще со слезами горькими и глаголаша: лучьше вам, преже сего часа горкого изомроша, а нам люте, видяще сию тугу и печаль“;⁵ „и бысть туга и печаль и плачь велик зело“;⁶ „и бысть Ольгерду князю и Кестуту и инем князем скорбь и печаль по Любце князи. А в то время притужно бяше Изборску; и прислаша изборяне гонецъ во Псков со мною печалию“;⁷ „и печаль свою и кручину им, светом моим, забывала“⁸ и т. д. В соответствии с существительными-синонимами встречаются глаголы и прилагательные того же корня: „чтоб ни о чем не печалились, и не скорбели по домех своих, и о имени своем не тужили“⁹ и т. д.

Еще более часты и „постоянны“ соединения слов-синонимов проявления горя: „плач“, „рыдание“, „вопл“, „стон“ (стенание), „кричание“, „слезы“, которые также встречаются в самых разнообразных памятниках и в различных вариациях. Особенно частым и „постоянным“ является соединение: „плач и рыдание“,¹⁰ которое мы находим во всех жанрах письменной литературы, начиная с древнейших памятников:¹¹ „И едва отдохнув от великаго того плача и рыдания, и нача совокупляти воинство свое. . .“;¹² „и поехала вборзе с плачем и рыданием многим“;¹³ „бысть плачь и рыдание велие, яко им быти вполы живым сущим“¹⁴ и т. д. Но синонимическое соединение „плач и рыдание“, несмотря на свое „постоянство“, — не окаменевшая формула, поэтому вся группа синонимов (плач, рыдание,

¹ Патерик Киевского печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 127.

² А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М.—Л., 1938, стр. 72.

³ Там же, стр. 70.

⁴ Новгородская летопись по Синодальному списку. СПб., 1888, стр. 238. См. также стр. 124, 144, 168 и др.

⁵ Псковские летописи, I. М.—Л., 1941, стр. 11, 16.

⁶ Там же, стр. 47, 78 и др.

⁷ Там же, стр. 19, 20 и др.

⁸ Русская историческая библиотека, т. XIII, вып. 1, Л., 1925, стр. 768.

⁹ Там же, стр. 781.

¹⁰ Как мы видели, оно доживает до XIX в. См. примеры на стр. 196.

(Пушкин. История села Горюхина).

¹¹ Даются только некоторые примеры, так как невозможно привести их из всех жанров, в виду их многочисленности и постоянства.

¹² Повесть о приходе Батыя на Рязань в 1237 г. Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе. М., 1938, стр. 141, 145 и др.

¹³ Псковские летописи, I. М.—Л., 1941, стр. 95, 86, 103 и др.

¹⁴ Русская историческая библиотека, т. XIII, вып. 1, стр. 565, 74, 764, 809 и др.

воплъ, кричание, стенание, а также: плакати, рыдати, вопити, возопити, кричати, стонати и т. д.) дает самые разнообразные сочетания: „Тогда бѣше мног плач зело и лютое кричание с горьким рыданием“;¹ „и бысть вопль и плачь и печаль по городом и по селам“;² „во псалмов и песней место кричаше вельми и рыдаше“;³ „и от великаго кричания и вопля страшнаго лежаше на земли яко мертвъ“;⁴ „на такой вопль и неутешимое кричание“;⁵ „И начаша бегати казанцы сюду и сюду по улицам градным... и ревущи горькими гласы, вопиюще сами о себе... своим языком варварским: О люте нам, — глаголюще, — уже бо время смерти нашея приближися днесь (далее следует „плач“ казанцев)“;⁶ „Да кто каменносердечен тогда не восплакася или не востона о семъ“;⁷ „слезами своими обливался и горко плачущеся и рыдаше, вспоминая отца его, государя... милость“;⁸ „и много она государыня кричав и причитав и жалостно и умилно глаголя“;⁹ „И възкличаша и возопиша жены орешанки на трубы московския“¹⁰ и т. д. Также „постоянным“ является соединение синонимов, обозначающих противоположные чувства — „радость и веселие“ (встречается во всех литературных жанрах) и часто противопоставляется синонимам „плач и рыдание“. Область эмоций представлена в большом количестве синонимов в древней литературе, и соединение синонимов в пары обычно служит усилению семантики, акцентирует высокую степень проявления чувства (реже — взаимное дополнение, например, „плач и рыдание“). Укажу еще некоторые группы синонимов, например: „страх“, „ужас“, „трепет“, „боязнь“, „опасение“ (тоже в глаголах, прилагательных, наречиях с этими корнями); „гнев“, „ярость“, „кручина“; „храбрость“, „крепость“, „мужество“; „сеча“, „бой“; „рать“, „сила“, „войско“ и т. д. Первая группа (страх, трепет, ужас, боязнь) встречается в самых различных вариациях от первых памятников письменности,¹¹ поэтому приведу несколько примеров только из текстов XVII в.: „и их де всех сторожев в те поры взял *страх* и *ужас* велик“;¹² „Треклѣтый же

¹ Псковские летописи, I. М.—Л., 1941, стр. 22, 12 и др.

² Новгородская летопись по синодальному списку. СПб., 1888, стр. 219 и др.

³ Повесть о приходе Батыя на Рязань в 1237 г. Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе. М., 1938, стр. 144.

⁴ Там же, стр. 144.

⁵ Русская историческая библиотека, т. XIII, вып. 1, Л., 1925, стр. 769 и др.

⁶ История о казанском царстве. Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе. М., 1938 г., стр. 252.

⁷ Русская историческая библиотека, т. XIII, вып. 1, Л., 1925, стр. 34.

⁸ Там же, стр. 783.

⁹ Там же, стр. 769.

¹⁰ Псковские летописи, I. М.—Л., 1941, стр. 98.

¹¹ См., например, Патерик Киевского печерского монастыря, Повесть временных лет, Историю о Казанском царстве, Памятники Смутного времени и др.

¹² Повесть временных лет, Остромирово евангелие, Толковая псалтирь XI в., и далее: Новгородская I летопись, Псковская I летопись, Патерик Киевского печерского монастыря и т. д. Русская историческая библиотека, т. XIII, вып. 1, Л., 1925, стр. 186, 31, 105, 33 и др.

Гришка Отрепиев наипаче *страхом* и *великим трепетом* объят бысть“;¹ „и *страха* и *трепета* наполнися сердце Борисово“;² „И нападе во граде Угличе *страх велий* и *трепет* и *боязнь* во всем народе“;³ „тотчас пошел наскоро в царствующий град Москву с великим дерзновением *без опасения* и *без страху*“⁴ (ср. в тексте XVII в. Сказания о киевских богатырях: „Сердце ся у меня *ужаснуло трепещется*“), и т. д. Следует сделать замечание, что один из синонимов — „трепет“ — редко употребляется как одно слово для обозначения страха, ужаса; обычно „трепет“ выступает в синонимическом соединении (объясняется это отношением внутри синонимической группы: трепет — следствие, внешнее проявление страха, а синонимы такого рода обычно употребляются в соединении, в сочетании). Невозможно перечислить в статье синонимические соединения, встречающиеся в памятниках древней письменности. Некоторые из них представляют собой более „постоянные“ соединения, другие более свободные. К числу первых, кроме названных выше, относятся, например, „стыд и срам“, „честь и слава“, „честный и славный“, „хвала и слава“, „хвалять и славить“, „хитрость и мудрость“, „чудо и диво“, „чудный и дивный“, „род и племя“, „дедина и отчина“, „стук и гром“, „сеча и бой“, „битися и сечися“ и т. д. Но, кроме этих, очень часты синонимические соединения более свободные. Функция почти всех этих соединений — усиление значения: „Слышав же Святослав, *распалеся иневом* и *разжеся яростью* и размысли во уме своем, река“;⁵ „А что бяше отняли юриевцы старин псковских много... они же погании возвратиша *со стыдом* и *с срамом* вся старины псковския ко Пскову“;⁶ „и поидоша немцы ко озеру *жуучи* и *паляче* Псковскую волость“;⁷ „и начаша дивитися *храбрости* и *крепости* и *мужеству* резанскому господству“;⁸ „А зде у нас прожереченный непоколебимый столп сам *крепко* и *непоколебимо* во уме своем стоит... а зде от того *крепкаго* нашего и *непоколебимаго* столпа, — никакже такова *повесть* велия и *притча* во многих землях утаится, но повсюду пронесется и прославится, яко таковыми мерами оно царство *спасеся* и *от врагов* своих *избавися*... чтобы мы все, видев его *крепкое* и *непреклонное* стояние, тако же крепко вооружилися...“⁹ и т. д.

Сочетания синонимов в качестве художественного средства усиления очень широко применяются в древней литературе, поэтому часто встре-

¹ Там же, стр. 34.

² Там же, стр. 775.

³ Там же, стр. 775 и др.

⁴ Там же, стр. 807, 766 и др.

⁵ Ипатьевская летопись. Полн. собр. русск. летоп., т. II, изд. 2. СПб., 1908.

⁶ Псковские летописи, I. М.—Л., 1941, стр. 49, 16 и др.

⁷ Там же, стр. 77.

⁸ Повесть о приходе Батые на Рязань в 1237 г. Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе. М., 1938, стр. 144.

⁹ Русская историческая библиотека, т. XIII, вып. 1, Л., 1925, табл. 199.

чаются предложения и абзацы, в которых будет по несколько пар или групп различных синонимов: „И не оста в граде ни един живых, вси равно умроша, и едину чашу смертную пиша, несть бо ту ни стонюща ни плачюща“;¹ „И на всех найде страх и трепет и плачь и рыдание велие, и вси стали страху его боятися и волю его во всем чинить и слушати повеления его“;² „И тот день ради пришествия его бысть радость великая в царствующем граде Москве, и веселие и питие и пирование, вкупе рещи, великая радость и веселие, после же того в то место бысть плачь и рыдание и кровопролитие и убивство“...³ и т. д.

Приведенные примеры иллюстрируют только одну сторону использования синонимов в древней русской литературе (притом очень суммарно, без исторической и жанровой характеристики), интересную для нас тем, что функция ее совпадает с функцией, которая получила наиболее яркое и своеобразное развитие в устной поэзии. Несомненно, в древней русской литературе синонимика используется как художественное средство различно в разные исторические эпохи и не ограничивается только одной функцией — усиления, акцентуации значения. Кроме того, формы и виды использования синонимов в письменной литературе во многом отличаются от того, что мы находим в устной поэзии, но эти вопросы выходят за пределы данной статьи.

Подведем итоги. 1. Богатые и чрезвычайно разнообразные формы и виды использования синонимии, теснейшая связь их с ритмико-стиховыми особенностями устных поэтических произведений не оставляют никаких сомнений в том, что синонимия является одним из очень ярких и своеобразных средств художественной выразительности русской устной поэзии. 2. Синонимия служит усилению значения, акцентуации отдельных слов, синтагм, стихов, на которые падает основная смысловая нагрузка. 3. Принцип, на котором основано использование синонимов как художественного средства, — это совпадение значения, что отличает устную поэзию в данном случае от письменной художественной литературы XVIII—XX вв., так как со второй половины XVIII в. в письменной литературе складывается (в художественной практике и в теории) другое отношение, выдвигается, как ведущий и определяющий, принцип расхождения значений слов — синонимов, дающий основание для разработки оттенков значения. Основанием для сохранения слов — дублетов является жанровая характеристика, которую они приобретают. 4. В древней русской литературе одна из функций синонимии также усиление значения путем постановки рядом двух синонимов, что дает основание говорить не только о глубоком взаимодействии письменной и устной литературы, но и об их общих художественных принципах. 5. Устная поэзия, как и письменная литература, базой своей имеет язык в его сложном и богатом целом. Устные произведения, живущие в области

¹ Повесть о приходе Батыя на Рязань в 1237 г., стр. 142—143.

² Русская историческая библиотека, т. XIII, вып. 1, Л., 1925, столб. 764.

³ Там же, столб. 809.

определенного диалекта (и на этом диалекте), представляют собой долгую и сложную художественную традицию, в которой проявляется язык в различных его сторонах в силу специфики жизни устных произведений, переходящих из уст в уста. Поэтому в устной поэзии находит отражение и та линия в развитии синонимии, которая особенно характерна для письменной литературы XVIII—XX вв. 6. Синонимия, как и целый ряд других художественных средств (например тавтология, эпитет) устной поэзии свидетельствует о необыкновенно внимательном отношении к слову и его семантике, о высоком мастерстве народных художников, выработавших богатые и разнообразные формы художественной выразительности.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Алеша П. — Отрывок былины об Алеше Поповиче (из сборника: „Русские былины старой и новой записи“. Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894).
- Барс. — Причитания Северного края, собр. Е. В. Барсовым. М., 1872.
- Гильф. — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. СПб., 1873.
- Кваши. — М. Н. Сперанский. Из материалов для истории устной песни. Изв. АН СССР ООИ, 1932, № 10.
- К. Д. — Сборник Кириши Данилова. СПб., 1901.
- Мих. Пот. — Повесть о князе Владимире киевском .. и о Михаиле Потоке Ивановиче (из сборника: „Русские былины старой и новой записи...“).
- Ончук. — Н. Е. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904.
- Рыби. — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2. М., 1910.
- Соб. ВВП — А. И. Соболевский. Великорусские народные песни. СПб., 1895—1902.
- Ставер — А. И. Соболевский. Былина о Ставре Годиновиче по списку половины XVII в. Изв. ОРЯС АН, т. XVI, кн. 1, 1911.
- Шейн — Великорусс в своих песнях, обрядах... Материалы, собранные П. В. Шейном. СПб., 1898—1900.¹

¹ Во всех перечисленных изданиях указываются страницы, кроме сборников П. В. Шейна, в которых указываются номера текстов.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

М. О. СКРИЩИЛЬ

Повесть о Петре и Февронии

(Тексты)

„Повесть о Петре и Февронии“ публикуется в ее старейшей редакции, т. е. без предисловия и похвалы, с которыми она была широко распространена уже в XVI в. Ее списки этого времени по составу своих чтений очень сильно отличаются друг от друга. Это можно установить даже при беглом знакомстве с критическим аппаратом настоящего издания. При этом, разница между текстами повести такого типа, когда крайне трудно решаются вопросы генеалогии текстов. С таким явлением мы, обычно, встречаемся в тех случаях, когда списки произведения представляют собою не начальный, а один из последующих моментов его литературной истории. Это обстоятельство является новым доказательством возникновения повести не в XVI в., а в XV в.

Для издания повести мы отобрали из общего числа известных нам 120 списков первой ее редакции лучшие по сохранности 60 списков XVI и XVII вв. Текстологическое изучение их показало, что для поставленных нами целей издания повести можно ограничиться только древнейшими списками XVI в. и конца XVI—начала XVII в., так как более поздние списки не дают новых данных для восстановления архетипа повести.

Приводим перечень списков 1-й редакции „Повести о Петре и Февронии муромских“ XVI—XVII вв.

1. ГИМ. Хлудов. № 147, XVI в., лл. 405 об. — 425. Обознач. Г.

Заглавие: „Повесть от жития святых новых чудотворецъ муромских, благовернаго и преподобнаго и достохвалнаго князя Петра, нареченнаго в иноческом чину Давида, и супруги его благоверныя и преподобныя и достохвалныя княгини Февронии, нареченныя в иноческом чину Еуфросинии. Благослови, отче“.

Предисловие: „Богу отцу и съприсносущному слову божию сыну и пресвятому и животворящему духу...“ ...„яко же сих святых прослави, о них же нам слово предлежит“.

Н а ч а л о : „Сеи убо в русиистей земли град, нарицаемый Муром. В нем же бе самодръжствуяи благоверный князь, яко поведаху, именем Павел“... .

Конец похвалы: „Прославлени бо есте и венчани на небесех истинными нетленными венцы ото общаго всех владыки Христа. Ему же подобает с безначальным его отцем купно и с пресвятым благим и животворящим духом всяка слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веком. Аминь“. В рукописи недостает двух листов.

2. ГИМ. Уваров. № 1136 (№ 221), XVI в., лл. 1—21. Обознач. Д.

Заглавие: „Житие святых чудотворцев муромских, благовернаго князя Петра, нареченнаго во святом крещении, а во иноцех Давида, и благочестивыя княгини Февронии, а во иноцех Ефросинии. Господи, благослови, отче“.

Предисловие, как в списке Г, но обрывается на словах: „... и просвещающему и прославляющему, еже хотящу, своим самовластием. Нам же о сем слово предлежит“.

Начало: „Град убо есть в рустей земли, нарицаем Муром. В нем же бе самодержествуя благоверный князь именем Павел“... Похвала, как в списке Г.

3. Библия. им. В. И. Ленина. Тихонр. № 258, XVI в., лл. 544—560 об. Обознач. Е.

Список этот во всем подобен списку Г, но обрывается на словах: „Рече ему: «Почерпи убо воды из реки сия с сию страну судна сего». Он же, рече, почерпе. И повеле...“

4. ГПБ. Погод. № 1594, XVI в., лл. 60 об.—71 об. Обознач. Ж.

Список этот во всем подобен списку Г.

5. БАН. 13.3.32 (Ядмирск.), XVI в., лл. 208—233. Обознач. З.

Заглавие: „Житие и подвизи благовернаго и христоролюбиваго великаго князя Петра, нареченнаго во мнишеском чину Давида, и супруги его благоверныя и преподобныя и достохвалныя княгини Февронии, нареченныя во иноческом чину Еуфросиния, муромских чудотворцов. Благослови, отче“.

Предисловие, как в списке Г, но со следующим добавлением: „И паки на предлежащее да возвратимся. О нем же начяхом, то и скажем. Начяло повести о сих святых, како и откуда бе“. Во всем остальном этот список подобен списку Г.

6. ГИМ. № 2192, XVI в., лл. 190—209 об. Обознач. И.

Заглавие, как в списке Г; предисловие опущено. Начало: „Сей убо в русистей земли град, нарицаемый Муром. В нем же бе самодержавствуя благоверный князь, яко преди поведяху, имянем Павел, брат благовернаго князя Петра“.

Конец похвалы: „Прославлени бо есте и венчани на небесех истинными и нетленными венцы от общаго всех владыки Христа. Ему же подобает всяка слава и честь и держава и поклоняние со отцем и святым духом, ныне и присно и в веки веком. Аминь“.

7. Библия. им. В. И. Ленина. Большак. № 91, к. XVI в., лл. 101—133 об.

Обознач. К.

Заглавие: „Повесть от жития святых новоявленных чудотворцев муромъских, благовернаго и преподобнаго князя Петра, нареченнаго во иноцех Давида, и супруги его княгини Февронии, во иноцех Ефросении. Благослови, отче“.

Предисловие, как в списке Г. Начало: „Сей бо в рустей земли град, нарицаемы Муром. В нем же бе самодержествуя благоверный князь, исповедаху именем Павел...“

Конец похвалы: „Прославлени бо есте и венчани на небесех истинными и нетленными венцы общаго всех владыки Христа бога нашего. Ему же подобает всяка слава, честь и поклоняние, ныне и присно и в веки веком. Аминь“.

8. ГИМ. № 2931, кон. XVI — нач. XVII в., лл. 305 об. — 328. Обознач. Л.
Этот список ближайше родствен списку И.

9. ГПБ. Погод. № 1590, кон. XVI — нач. XVII в., лл. 34 об. — 46 об. Обознач. М.

Заглавие и предисловие, как в списке Г. Начало: „Есть убо в русистей земли град нарицаемый Муром. В нем же бе самодержавный благоверный князь, яко поведаху, именем Павел...“ Похвала, как в списке Г.

10. ГИМ. Уваров, № 1056 (523), кон. XVI — нач. XVII в., лл. 353—369 об. Обознач. Н.

Заглавие, как в списке Г; предисловие опущено. В начале повести характерное изменение четвертого предложения. В списке Г читаем: „И являшеса ей [змий] своими мечты, яко же бяше и естеством; приходящим же людем являшеса, яко же князь сам седяше з женою своею“. В списке же Н это предложение имеет следующий вид: „И являшеса ей [змий], яков же бе естеством; приходящим же людем являшеса своими мечты, яко же князь сам седяше з женою своею“.

Конец похвалы: „Прославлени бо есте на небесех и венчани истинными нетленными венцы от общаго владыки Христа. Ему же подобает всяка слава, честь и поклоняние со безначальным его отцем купно и с пресвятым и благим и животворящим духом, ныне и присно и во веки веком. Аминь“.

11. БАН. 13.2.4., кон. XVI — нач. XVII в., лл. 33—47 об. Обознач. О.

Заглавие, как в списке Г; предисловие опущено. Четвертое предложение в начале повести читается в следующем виде: „И являшеса ей [змий] своими мечты, яко же естеством. Приходящим же людем являшеса своими мечты, яко же князь сам седяше с женою своею...“

Конец похвалы: „Прославлени бо есте на небесех и венчани истинными нетленными венцы от общаго всех владыки Христа. Богу нашему слава...“

12. ГИМ. Синод. библ. № 555, кон. XVI — нач. XVII в., лл. 746—757 об. Обознач. П.

Заглавие и предисловие, как в списке *Г*. Начало: „Бе убо в росиистей земли град, нарицаемый Муром. В нем же бе самодръжствуя благоверный князь, яко же поведаху, именем Павел...“ Четвертое предложение в начале повести читается, как в списке *Н*; конец похвалы, как в списке *Г*. Список этот ближайше родствен списку *Н*, но текст его старше, чем текст списка *Н*.

13. ГИМ. № 719, кон. XVI — нач. XVII в., лл. 457—470. Обознач. *Р*.

Список этот во всем подобен списку *Г*, но имеет много индивидуальных чтений.

14. ГПБ. Соловецк. № 936 (826), кон. XVI — нач. XVII в., лл. 550 об.—568 об. Список этот во всем подобен списку *Г*; это один из лучших из числа неиздаваемых нами списков; по составу своих чтений он близко стоит к *ГД*. Разночтения не приводим.

15. ГИМ. № 2772, XVII в., лл. 225—235 об. Заглавие, как в списке *Г*. Предисловие обрывается на словах: „Пребывая в человецех ум, яко отец слову...“ Во всем остальном список этот подобен списку *Г*; ближе всего он стоит к спискам *ЕР*. Разночтения не приводим.

16. Библия им. В. И. Ленина. Тихонрав. № 587, XVII в. лл. 542—558. Список этот во всем подобен списку *Г*; в ряде чтений он обнаруживает близость к спискам *ЖПР*. Разночтения не приводим.

17. ГПБ. Погод. № 820, XVII в., лл. 193—209. Тоже подобен *Г*; в ряде чтений обнаруживает близость к *ЗМР*. Разночтения не приводим.

18. ГПБ. Q. XVII. 140, XVII в., лл. 172 об.—193. Заглавие, предисловие и начало, как в списке *Г*. Конец похвалы, как в списке *Н*. В ряде чтений список этот обнаруживает близость к спискам *ЗМНР*. Разночтения не приводим.

19. Библия им. В. И. Ленина. Ундольск. № 605, XVII в., лл. 27—49. Список этот происходит от общего со списком Погод. № 820 архетипа. Разночтения не приводим.

20. Библия им. В. И. Ленина. № 2782, XVII в., лл. 118—139. Заглавие: „Повесть от жития святых чудотворцев муромских благовернаго и преподобнаго великаго князя Петра, нареченнаго во иноческом чину Давида, и супруги его благоверныя и преподобныя, достохвалныя великия княгини Февронии, нареченныя во иноческом чине Еуфросинии“.

Предисловие опущено. Начало: „Бысть убо в рустей земли град, нарицаемый Муром. В нем же бо самодръжствуя благоверный князь, яко поведа именем Павел...“

Конец похвалы: „Прославлени бо есте и венцы на небесех истинными нетленными от общаго владыки всех Христа венчани. Ему же подобает всякая слава со безначальным его отцем купно с пресвятым и благим и животворящим твоим духом честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь“. Список этот по ряду чтений примыкает к группе *ЕЗР*. Разночтения не приводим.

21. ГПБ. Q. I. 352 (Толст. II, № 510), XVII в., лл. 78—95. Список этот во всем подобен списку *Г*; по составу различий он почти полностью совпадает со списком *Р*. Различия не приводим.

22. ГИМ. Вахром. № 92, XVII в., лл. 319—343 об. (следует отметить ошибку в нумерации листов: вслед за л. 322 обозначен л. 333). Тоже подобен *Г*; в ряде чтений он обнаруживает близость к спискам *ЕЛР*. Различия не приводим.

23. БАН. Никольск. № 16^а (Инв. № 8434), XVII в., лл. 69 об.—89. Тоже подобен *Г*, но окончание похвалы типа *Н*. В ряде своих чтений список этот обнаруживает близость к *ЕЗНПР*. Различия не приводим.

24. ГИМ. Забел. № 439 (723), XVII в., лл. 102—144 об. Заглавие и предисловие, как в списке *Г*. Конец похвалы скомкан: „Хотя вама нашего ради смирения самодержавства и преподобства по преставлении... Ему же слава ныне и присно и во веки веком. Аминь“. В ряде чтений этот список сближается с *ГДЗПР*. Различия не приводим.

25. ГПБ. Q. XVII. 139, XVII в., лл. 23—37 об. Заглавие: „Повесть жития святых новых чудотворцев муромских, благоверного и преподобного князя Петра, нареченного во иноческом чину Давида, и супруги его, правоверныя и преподобныя достохвалныя святыя Февронии, нареченныя во иноческом чину Ефросинии“. Предисловие опущено. Конец похвалы: „Прославлению бо есте и венчани на небесех истинными и нетленными венцы общаго владыки Христа. Ему же подобает всяка слава, честь и поклонение ныне и присно и во веки веков. Аминь“. Список этот происходит от общего со списком Забел. № 439(723) архетипа. Различия не приводим.

26. ГИМ. № 1720, XVII в., лл. 359 об.—373. Заглавие: „Повесть и жизнь святых чудотворцев муромских князя Петра и княгини Февронии, нареченного во святом иночестве князя Давида и супруги его во иноцех Еуфросинии. Благослови, отче, прочести“. Предисловие опущено; начало, как в списке *Г*. Конец похвалы сильно сокращен: „Радуися, честная главо, яко во одержани и в молитвах и в милостынях без гордости пожиста; тем же и Христос вам дал благодать, яко и по смерти телеса ваши неразлучны во гробе лежаща. Богу нашему слава ныне и присно и во веки веком. Аминь“. Список плохой, с многочисленными, ничем не мотивированными, мелкими изменениями. По составу своих чтений он сближается с группой *ЗМР*. Различия не приводим.

27. ГИМ. Вахром. № 435, XVII в., лл. 123—137 об. Заглавие: „Повесть благоверного князя Петра и благоверной княгине Февронии, муромских чудотворцов“. Предисловие, начало и конец похвалы, как в списке *Г*. Список этот обнаруживает близость к *ЗР*. Различия не приводим.

28. ГИМ. Муз. № 1749, XVII в., лл. 43—49 об. Заглавие: „Житие святых чудотворец муромских благоверного князя Петра и благоверныя княгини Февронии“. Предисловие опущено. Начало: „Есть град,

нарицаемый Муром. В нем же самодержествуя благоверный князь, именован Павел. Искони же ненавядя добра роду челоуечю диавол всели неприязненнаго летящаго змия к жене на блуд князя того. И являшеся ей, яко же муж ея тем же образом и естеством, приходящим же людем являшеся своими мечты, яко же сам князь седя з женою своею". Похвала сокращена до нескольких слов: „По преставлении бо есть на небесех и венчани истинными и нетленными венцы небеснаго царя, общаго владыки, Христа бога нашего. Ему же слава ныне и присно и во веки веков. Аминь". Список этот характеризуется большим количеством индивидуальных чтений, но происхождение его ясно: он стоит в связи с группой *ЗПР*. Разночтения не приводим.

29. ГИМ. № 1866, XVII в., лл. 151—181 об. Заглавие и предисловие, как в списке *Г*; конец похвалы—типа *Н*. В ряде чтений этот список сближается с *ЗКНП*. Разночтения не приводим.

30. ГПБ. Погод. № 656, XVII в., лл. 1—26. Заглавие и предисловие, как в списке *Г*. Конец похвалы: „Прославлени бо есте и венчани на небесех истинными нетленными венцы от общаго всех владыки Христа. Ему же подобает со безначальным его отцем купно со пресвятым благим и животворящим духом ныне и присно и во веки веком. Аминь". В ряде чтений список этот обнаруживает близость к спискам *ЗКОП*. Разночтения не приводим.

31. ГПБ. Погод. № 654, XVII в., лл. 83 об.—102 об. Заглавие: „Повесть и житие святых новых чудотворцев муромских, благовернаго и преподобнаго и достохвалнаго князя Петра, нареченнаго во иноческом чину Давида, и супруги его благоверныя княгини Февронии, нареченныя во иноческом чину Евфросинии. Благослови, отче". Предисловие, как в списке *Г*; начало, как в списке *П*. Список этот происходит от общего со списком Погод. № 656 архетипа.

32. Библ. им. В. И. Ленина. Румянц. № 2521, XVII в., лл. 141—154 об. Заглавие и предисловие, как в списке *Г*. Конец похвалы—типа *Н*. В ряде чтений список этот сближается с *ГДЗНР*. Разночтения не приводим.

33. БАН. 21. 7. 14, XVII в., лл. 337—354. Заглавие, как в списке *Г*; предисловие опущено; конец похвалы—типа *Н*. В ряде ошибочных чтений список этот совпадает со списком Библ. им. В. И. Ленина. Румянц. № 2521. Разночтения не приводим.

34. ГПБ. Титов. № 1499 (Охр. 1425), XVII в., лл. 20—48. Заглавие и предисловие, как в списке *Г*; похвала опущена. Список оканчивается словами: „Богу нашему слава, ныне и присно и во веки веком". Происходит этот список от общего с *ЕКР* архетипа. Разночтения не приводим.

35. ГИМ. Муз. № 2248, XVII в., лл. 9—34 об. Заглавие, как в списке *Г*; предисловие опущено. Список обрывается на словах: „Радуйся, Петре, яко, струпы и язвы на теле своем нося, доблествейней скорби претерпел еси. Радуйся, Февроние, яко от бога..." В ряде

чтений список этот обнаруживает близость к спискам *ДНП*. Разночтения не приводим.

36. Библ. им. В. И. Ленина. Румянц. № 571, XVII в., лл. 296—329. Заглавие, как в списке *Г*; предисловие опущено. Конец похвалы: „Аще убо грешен есмь, но на божию милость надеюся, ея же да сподобимся вси ми получити молитвами преподобных Петра и Февронии, князей муромских, в сий век и в будущи. Аминь“. Конец этот, начиная со слова „милость“, написан другой рукой. Список происходит от общего с *П* архетипа. Разночтения не приводим.

37. ГПБ. Погод. № 828, XVII в., лл. 98—113 об. Список этот без заглавия и предисловия; конец похвалы у него — типа *Н*; происходит он от общего с *Н* архетипа. Разночтения не приводим.

38. ГИМ. Синод. библ. № 477, XVII в., лл. 56—69 об. Заглавие, как в списке *Г*; предисловие опущено. Список этот имеет много мелких индивидуальных чтений, ближе всего он стоит к группе *ЕЗКМР*. Разночтения не приводим.

39. ГПБ. Погод. № 1558, XVII в., лл. 213 об. — 220. Заглавие, как в списке *Г*; в предисловии — большой пропуск, начиная со слов „...роде вся праведники, грешныя же милуя“ и кончая „и льстяще ся мира сего красотами“; конец похвалы — типа *Н*. В ряде чтений список этот обнаруживает близость к *ГДЕНР*. Разночтения не приводим.

40. ГИМ. № 1907, XVII в., лл. 109 об. — 140. Заглавие, как в списке *Г*; предисловие опущено. Происходит этот список от общего с *НП* архетипа. Разночтения не приводим.

41. Библ. им. В. И. Ленина. Румянц. № 230, XVII в., лл. 200—218 об. Заглавие, как в списке *Г*; предисловие опущено; список обрывается на словах: „Прославлени беста на небесех и венчании истинными нетленными венъци от общаго...“ Как и предыдущий список, этот список также происходит от общего с *НП* архетипа. Разночтения не приводим.

42. ГПБ. Титов. № 1501 (45), XVII в., лл. 90—115 об. Заглавие: „Житие святаго благовернаго князя Петра и благоверных княгини Февронии, нареченных во иноцех Давида и Еуфросинии муромских чудотворцов. Благослови, отче“. Этот список также происходит от общего с *НП* архетипа. Разночтения не приводим.

43. ГИМ. Забел. № 424 (175), кон. XVI — нач. XVII в., лл. 168—183 об. Заглавие: „Повесть от жития святых новых чудотворцов муромских, благовернаго князя Петра, нареченнаго во иноческом чину преподобнаго и достохвалнаго Давида и супруги его, благоверных княгини Февронии, нареченных во иноческом чину преподобных Ефросинии достохвалных. Благослови, отче“. Предисловие опущено. Начало: „Бе убо в русийей земли...“ Конец похвалы — типа *Н*. Список этот происходит от общего с *НП* архетипа. Разночтения не приводим.

44. ГПБ. Q. XVII. 18 (Толст. II, № 175), XVII в., лл. 340—350; издан в „Памятниках старинной русской литературы“, вып. 1, стр. 34—39.

Список этот ближайше родственен списку ГИМ. Забел. № 424 (175). Разночтения не приводим.

45. Библ. им. В. И. Ленина. Ундольск. № 1265, XVII в., лл. 1—18.

Список этот родственен двум предыдущим. Разночтения не приводим.

46. ГПБ. Вяземск. Q. ССXXXI, XVII в., лл. 21—38. об. Список этот родственен трем предыдущим. Разночтения не приводим.

47. ГПБ. Соловецк. № 515, XVII в., лл. 235—251 об. Заглавие: „Повесть о житии святых новых чудотворцов муромских, благоверного князя Петра, нареченного во иноческом чину Давида, и супруги его, благоверная княгини Февронии, нареченная во иноческом чину Ефросинии. Благослови, отче“. Во всем остальном список этот подобен Г; по составу своих чтений он близко стоит к ГД; родственен ГПБ. № 936 (826). Разночтения не приводим.

48. Библ. им. В. И. Ленина, № 925, XVII в., лл. 163 об.—188.

Заглавие: „Повесть и жития...“; дальше, как в предыдущем списке. Предисловие опущено. Список этот родственен группе ГДР. Разночтения не приводим.

49. ГИМ. № 3151, XVII в., лл. 175—216 об. Список этот во всем подобен списку К и происходит с ним от одного архетипа. Он свидетельствует о том, что конец похвалы архетипа этих списков был таким же, как и у Н; у К конец похвалы сокращен. Разночтения не приводим.

50. ГПБ. Q XVII. 34 (Толст. II, № 167), XVII в., лл. 238 об.—260.

Заглавие: „Повесть от жития святых муромских чудотворцов, благоверного князя Петра, нареченного во иноческом чину Давида и его супруги, благоверная княгини Февронии, нареченная во иноческом чину Еуфросинии“. Предисловие, как в списке Г; конец похвалы — типа Н. Список этот происходит от общего с ЕНР архетипа, но имеет ряд мелких индивидуальных чтений и переделок отдельных предложений. Разночтения не приводим.

51. ГПБ. Q. XVII, № 143, XVII в., лл. 43—66 об. Список этот ближайше родственен списку ГПБ. Q. XVII. 34 (Толст. II, № 167) и происходит с ним от одного архетипа. У него есть пропуск: после предисловия он начинается только со слов: „...убо глаголет ти какова словеса, да воспросиши его лестию...“ Разночтения не приводим.

52. ГПБ. О.Л.Д.П. Ф. ХСVII, № 3131, XVII в., лл. 485 об.—500. Заглавие: „Память святых новоявленных чудотворць муромьских, благоверного князя Петра, нареченного во иноческом чину Давида, и благоверную княгиню Февронию, во иноческом чину Ефросинию. Благослови, отче“. Во всем остальном этот список подобен Г; он хорошо сохраняет старый текст и стоит ближе всего к спискам ГДКП. Разночтения не приводим.

53. ГПБ. Q. I, № 1394, XVII в., лл. 25—51 об. Заглавие: „Повесть от жития святых новых чудотворцов муромских, благоверного князя Петра, нареченного во святом иноческом чину Давида, и супруги его благоверная княгини Февронии, нареченная во иноческом чину Ефро-

сении. *Благослови, отче*. Предисловие опущено; начало и конец похвалы, как в списке *Г*. По составу своих чтений этот список сближается с группой *ГДКР*. Разночтения не приводим.

54. ГИМ. Вахром. № 354, XVII в., лл. 287—314 об. Этот список ближайше родствен списку *ГПБ. Q. I, № 1394*. Разночтения не приводим.

55. ГИМ. Уваров. № 533 (Царск. № 396), лл. 87—100. Заглавие: „Житие и жизнь и преставление святого благоверного великаго князя Петра, нареченнаго во иноческом чину Давида, и его супруги святыя благоверныя великия княгини Февронии, нареченныя во иноческом чину Еуфросиния, муромских чудотворец. *Благослови, отче*“. Предисловие опущено; конец похвалы, как в списках *ИЛ*. Список этот происходит от общего с *ИЛ* архетипа; в нем много мелких изменений и искажений первоначального текста. Разночтения не приводим.

56. Библ. им. В. И. Ленина. Ундольск. № 643, XVII в., лл. 204—225 об. Заглавие и предисловие, как в списке *Г*; конец похвалы — типа *Н*. По составу своих чтений этот список близко стоит к *ЕЗНР*. Разночтения не приводим.

57. ГИМ. Муз. № 1595, XVII в., лл. 191—209 об. Заглавие: „Повесть от жития святых новых чудотворцев муромских благовернаго князя Петра, нареченнаго во иноческом чину Давида и супруги его благоверныя княгини Февронии, нареченныя во иноческом чину Евфросинии. *Благослови, отче*“. Предисловие опущено; начало, как в списке *Г*. Конец похвалы сокращен: „Прославлени бо есте на небесех и венчани истинным и нетленным венцем от общаго всех владыки Христа. Ему же слава ныне и присно и во веки веком. Аминь“. Список этот происходит от общего с *КНПР* архетипа. Разночтения не приводим.

58. ГПБ. Погод. № 799, XVII в., лл. 91 об.—104 об. Список этот во всем совпадает со списком *ГИМ. Муз. № 1595*. Разночтения не приводим.

59. ГИМ. Барс. № 834, XVII в., лл. 1—12 об. Список этот также во всем совпадает со списком *ГИМ. Муз. № 1595*, но похвала в нем опущена и он оканчивается словами: „Богу нашему слава ныне и присно и во веки векомь. Аминь“. Разночтения не приводим.

Три последних списка необходимо иметь в виду при решении вопроса о возникновении 2-й редакции повести.

60. Библ. им. В. И. Ленина. Собран. Фунд. библ. б. Моск. Дух. акад. № 224, XVI в., лл. 221—235 об. Заглавие: „Повесть от жития святых новых чудотворец муромьских, благовернаго и преподобнаго и достохвалнаго князя Петра, нареченнаго во иноческом чину Давида, и его супруги благоверныя и преподобныя и достохвалныя княгини Февронии, нареченныя во иноческом чину Еуфросинии. Творение господина смиреннаго мниха Иеразма. *Благослови, отче*“. Предисловие и начало, как в списке *Г*; похвала обрывается на словах: „Радуися, честная глава, яко во одержании ваю в смиреннии...“; в списке два пропуски.

Это единственный из всех списков „Повести о Петре и Февронии“ с именем Иеразма. Именно он дал основание ряду русских ученых говорить об авторстве Ермолая-Еразма и относить написание повести к середине XVI в.¹ Текстологическое изучение повести не подтверждает эту гипотезу. По составу своих чтений этот список примыкает к группе *ЕИЛОР*. Совпадения между ними касаются не только отдельных слов, но и целых предложений (см., напр., III⁹⁵⁻⁹⁹; VI⁶⁻⁸; IV¹⁰⁻¹⁸; IX³⁸⁻⁴¹; IX⁴²⁻⁴³ и др.); кроме этого, у них общие пропуски (см., напр., I^{V93-97}; I^{X45-47} и др.). Таким образом, текст повести, представленный списком с именем Иеразма, далеко отстоит даже от того архетипа повести, который можно воссоздать на основе сохранившихся ее списков XVI—XVII вв. Вопрос об авторстве Ермолая-Еразма отпадает сам собою.

Мы издаем текст повести по этому списку отдельно, условно обозначая его связи с группой *ЕИЛОР* и его индивидуальные чтения.

ТЕКСТЫ

Первая редакция

<i>Основной текст</i> —	Список ГИМ. Хлудов. № 147	<i>Г</i>
<i>Разночтения</i> —	1. Список ГИМ. Уваров. № 1136 (221)	<i>Д</i>
	2. „ Библ. им. В. И. Ленина. Тихонр. № 258	<i>Е</i>
	3. „ ГПБ. Погод. № 1594	<i>Ж</i>
	4. „ БАН. 13.3.32	<i>З</i>
	5. „ ГИМ. № 2192	<i>И</i>
	6. „ Библ. им. В. И. Ленина. Большак. № 91	<i>К</i>
	7. „ ГИМ. № 2931	<i>Л</i>
	8. „ ГПБ. Погод. № 1590	<i>М</i>
	9. „ ГИМ. Уваров. № 1056 (523)	<i>Н</i>
	10. „ БАН. 13.2.4	<i>О</i>
	11. „ ГИМ. Синод. библ. № 555	<i>П</i>
	12. „ ГИМ. № 719	<i>Р</i>

Варианты заглавий повести см. выше. При издании титла везде раскрыты; ъ в конце слова опущен; і заменено и; ъ — е; оу, ѳ — у; пунктуация современная. Пропуски, встречающиеся в положенном в основу издания списке, восстанавливаются с учетом свидетельств всей совокупности списков 1-й редакции повести. Архетипные чтения, устанавливаемые также на основе всей совокупности списков 1-й редакции повести с учетом их генеалогии, переносятся в основной текст. В критическом аппарате даются разночтения и к восстановленным местам и к архетипным чтениям. Сюда же переносятся и индивидуальные чтения положенного в основу издания повести списка.

¹ См. особенно указанное выше исследование В. Ф. Ржиги.

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ *

I

Сеи¹¹ убо² в руснистеи³ земли град,⁴ нарицаемыи Муром. В нем же бе самодръжствуя⁵ благоверный князь, яко⁶ же⁷ поведасу,⁸ именем Павел.⁹ Искони же ненавидя¹⁰ добра роду челоуечю¹¹ диваол¹² всели неприазненнаго¹³ летящаго змиа к жене¹⁴ князя¹⁵ того¹⁶ на блуд.¹⁷ И являшеся¹⁸ ей¹⁹ своими²⁰ мечты²¹ яко²² же бяше²³ и естеством,²⁴ приходящим же людем являшеся,²⁵ яко же²⁶ князь сам²⁷ седяше²⁸ з²⁹ женою своею. Теми же мечты³⁰ многа³¹ времена³² преидоша.³³ Жена же сего не таяше,³⁴ но³⁵ поведасе³⁶ князю мужеву³⁷ своему вся³⁸ ключашася³⁹ ей.⁴⁰ Змии же неприазнивыи⁴¹ осиле⁴² над нею.

Князь же⁴³ мысляше,⁴⁴ что змиеву⁴⁵ сътворити,⁴⁶ но⁴⁷ недоумеяшеся.⁴⁸ И рече⁴⁹ к⁵⁰ жене⁵¹ си.⁵² „Мыслю,⁵³ жено,⁵⁴ но⁵⁵ недоумеюся,⁵⁶ что⁵⁷ сътворити⁵⁸ неприазни⁵⁹ тому.⁶⁰ Смерти⁶¹ убо⁶² не вем, како⁶³ нанесу нань.⁶⁴ Аще убо⁶⁵ глаголеть к⁶⁶ тебе какова⁶⁷ словеса,⁶⁸ да въспросиши⁶⁹ и⁷⁰ с⁷¹ лестию⁷² о сем: весть ли сеи⁷³ неприазнивыи⁷⁴ духом своим, от чего ему смерть хошет⁷⁵ быти.⁷⁶ Аще ли⁷⁷ увеси⁷⁸ и⁷⁹ нам поведасеши,⁸⁰ свободиши⁸¹ не токмо в нынешнем⁸² веце злаго его⁸³ дыханиа⁸⁴ и⁸⁵ сипения⁸⁶

* „Повесть о Петре и Февронии муромских“ предворяется особым предисловием и заканчивается похвалой. Печатаем их по списку ГИМ. Хлудов. № 147, XVI в. ниже на стр. 246—247.

¹¹М Есть; ^Н Се; ^П Бе ¹⁻²Д Град убо есть ³ЖК бо ³ДЕЗКР в русьтей; ^П в росийстей ⁴Д нет ⁵ДЕКО самодръжствуя; ^{ЖИП} самодержавствуя; ^{ЛН} самодержавствуя; ^{ЗМ} самодержавный ⁷ГЖЗМНО нет ⁷ИЛ преди ⁶⁻⁸К исповедашу; ^Д нет ⁹ИЛ доб. брат благовернаго князя Петра ¹⁰КО ненавидя ¹¹ДНП челоуеческому ¹²ДЕЖЛМНП диваол ¹²ОР дьявол ¹²Э нет ¹³Е неприазниваго ¹⁴М к княжине ¹⁵Ж доб. же ¹⁵⁻¹⁶П его ¹⁷Р на блудное дело ¹⁸ЕИЛР являся; ^Е доб. же ¹⁹ДПР нет; ^Р доб. убо ²⁰⁻²¹НП нет ²²ДНП яков ²³Н бе; ^О нет ²⁴П доб. князь ²⁵НОП доб. своими мечты ²⁶Ж нет ²⁷⁻²⁸Д нет ²⁸Ж доб. с нею ²⁹ЕЗП со ³⁰Р доб. своими ³¹ИЛ многи ³¹⁻³²Э многа времени ³³К преидоша ³⁴Р доб. убо ³⁵Д нет ³⁶ЕО поведас; ^{ЖР} поведасе ³⁷ДИЛ мужу ³⁸⁻³⁹К все сключившееся ³⁹ЕЖ ключившася; ^{ИЛОР} приключившася; ^З приключшася ³⁹⁻⁴⁰Д нет ⁴¹ЕЖИЛОР неприазненный ⁴²ГД осиле ⁴³И доб. Павел ⁴³П нет ⁴⁴Ж мысля; ^З мысляше; ^Н не домысляше ⁴⁴К доб. во уме своем; ^Р доб. в себе ⁴⁵Р доб. бы ⁴⁶ДЕЗЛМНОП сотворити; ^Ж учинити ⁴⁶П доб. неприазненому тому ⁴⁷ЕИЛ и; ^О нет ⁴⁷⁻⁴⁸П нет ⁴⁸Е недоумеша ⁴⁸Е доб. ничто же ⁴⁹Р доб. князь ⁵⁰ГДКН нет ⁵¹ДПР доб. своей ⁵²З сия; ^{ЕИЛО} се; ^Р сей убо ⁵²ДП нет ⁵³⁻⁵⁵Д нет ⁵⁴ЕЗИ жена ⁵⁵П и ⁵⁵К нет ⁵⁶ЕЗИЛМНП недоумею ⁵⁷Р доб. бы ⁵⁸ДЕЖЗИЛНОП сотворити ⁵⁹Д змию ⁵⁹⁻⁶⁰ИЛ нет ⁶⁰Д сему; ^П той ⁶¹ЭНП смерть ⁶¹⁻⁶²ИЛ нет ⁶¹⁻⁶³Д Како смерть ⁶³ИЛМОР како; ^К какую ⁶³⁻⁶⁴Е како ни на нь ⁶⁴ИЛ на ня; ^Д таковому неприазни врагу ⁶⁵К ли; ^{НП} бо; ⁶⁵Д доб. како ⁶⁶ЖП нет ⁶⁷Е кая ⁶⁸П доб. и ⁶⁹ДЖЗКМОПR воспросиши; ^Н воспросиши; ^Е вопрошай; ^{ЛИ} вопросы . ⁷⁰ИКЛНОР его ⁷⁰ГЕЗМ нет ⁷¹ИЛН нет ⁷²ГЖЗМНПR доб. и ⁷³И еси; ^Л сие; ⁷³Р доб. окаянный; ⁷³К нет ⁷⁴Е неприазненный; ^{ГДЖП} неприя(Г-а)звивым. ⁷⁵К хочет ⁷⁵⁻⁷⁶ЗР будет (^Р доб. или како хошет ему быти) ⁷⁷Р доб. же ⁷⁸Л уведаеши ⁷⁹З доб. ты ⁷⁹МН нет ⁸⁰З поведай; ⁸⁰ЗИЛ доб. и; ^Р доб. но ⁸¹Д свободиши ⁸¹Р доб. от оной неприазни ⁸²Н в нынешном; ^{ИКЛ} в сем ⁸²З доб. сем времянем ⁸³П нет ⁸⁴Е зыхания ⁸⁵⁻⁸⁶К нет ⁸⁶Д сопения; ^Е пеня; ^{ЗИЛМ} шипения

и всего⁸⁷ скаряди, еже⁸⁸ смрадно⁸⁹ есть⁹⁰ глаголати,⁹¹ но и⁹² в⁹³ будущи
век⁹⁴ нелицемернаго⁹⁵ судию⁹⁶ Христа милостива⁹⁷ себе⁹⁸ сътвориши⁹⁹.
Жена же¹⁰⁰ мужа¹¹¹ своего глагол² в³ сердца си⁴ твердо приемши,⁵ умысли⁶
во уме⁷ своем:⁸ „Добро⁹ тако быти“.

Во¹⁰ един же от днии¹¹ неприазнивому¹² тому¹³ змию¹⁴ пришедшу¹⁵
к неи. Она же¹⁶ добру¹⁷ память¹⁸ при¹⁹ сердца²⁰ имея,²¹ глагол²² с²³ лестию²⁴
предлагает²⁵ к²⁶ неприязни²⁷ той,²⁸ глаголя²⁹ многи³⁰ иныя³¹ речи³² и по
сих³³ с³⁴ почтением³⁵ въспросив³⁶ его³⁷ хваля, рече³⁸ бо,³⁹ яко⁴⁰ „много⁴¹
веси,⁴² и⁴³ веси⁴⁴ ли⁴⁵ кончину⁴⁶ си,⁴⁷ какова⁴⁸ будет и⁴⁹ от чего“?⁵⁰ Он же
неприязниви⁵¹ прелестник прелщен⁵² добрым прелщением от⁵³ верныя
жены,⁵⁴ яко⁵⁵ непщева⁵⁶ тайну к неи изрещи,⁵⁷ глаголя: „Смерть моя есть
от петрова плеча,⁵⁸ от⁵⁹ агрикова⁶⁰ меча“.

Жена⁶¹ же, слышав⁶² такову⁶³ речь,⁶⁴ в⁶⁵ сердца⁶⁶ си⁶⁷ твердо сохрани⁶⁸
и⁶⁹ по отшествии⁷⁰ неприязниваго того поведат⁷¹ князю мужеви⁷² своему,
яко же рекл есть⁷³ змии⁷⁴. Князь же то⁷⁵ слышав,⁷⁶ недоумеяшеся,⁷⁷ что
есть смерть⁷⁸ от петрова плеча и⁷⁹ от⁸⁰ агрикова меча,⁸¹ имеяше⁸² же⁸³
у⁸⁴ себе⁸⁵ приснаго брата,⁸⁶ князя именем Петра; во⁸⁷ един же от⁸⁸ днии⁸⁹
призва⁹⁰ его к себе и нача⁹¹ ему поведати змиевы речи, яко⁹² же⁹³ рекл⁹⁴
есть⁹⁵ к⁹⁶ жене его.⁹⁷

87О сего 87Р доб. бысть 88ЕЖКНОР его же; ЗИЛМ его 89К срамно 89-90Е
смрадно; И срамное 90Д доб. и 90П нет 91Р изглаголати 91Н нет 92Е нет
93-94ЕК в будущем веце 95ЗМ нелицемерна 96ЗК судью 97ЕР милостиваго 98ЕК
собе 99ДЕЖЗИКАМНОП сотвориши 100Р доб. послушавше

111-2Ж мужу своему глаголет 2ИЛР глаголы 3ЕЖЗИО во 4З сии; Р своем;
4ОП нет 5ЕЛ приемши; З прият; К примее; М прияша; Р примше 5И доб. но
ЛР доб. и 6Е мысли 6-7П и во уме помысли 8П нет 9К доб. бы 10ДИКМ в
11Д от дней; Е во дни; Ж от день 12Е неприязни 13П нет 14К змиеви 15Е пришед-
ши; ОР пришедши; НП прилетевшу 16К доб. ему 17ЕОР добрую 17О доб. сию
18З доб. прия; ИЛ доб. прием 19ЕИР во 19-20Д при сердца; Ж при сердце;
Л во сердца 20Р доб. своем 21ЖР имеяше 21О доб. и 22Ж глаголет; ЗК глаголя
(3-а) 23ЕН нет 24Р доб. к нему 25К прилагает 26КО нет 26-27З к неприязненному
28ЕЗ тому 28К доб. к ней; Р доб. и 29ЗМ доб. и; Р доб. к нему 30ЖЗНОР многия
(Ж-а; О-е); ИМ многы 31ИЛМ ины 32Р доб. к нему 33Р доб. убо 34К нет
35Р доб. многим 36ЕР воспросиша; ЗИКАМОП воспроси 37Р доб. и 38Е и речь;
З и рече; КЛ речь 39ЕЖИКЛОР нет (Р доб. ему) 40Р доб. же ты 41ЗМ многа
42Е весть 43Р по 43П нет 43-44З ведаеш 45З доб. ты; Р доб. убо 46К доб. века
47-IV 63Г пропуск; текст восстанавливаем по спискам ДЕЖЗИКАМНОП, придержи-
ваясь в основном списка Д 47ЕИЛР свою; З себе 47К нет 48Р како ти 49К нет
50З доб. смерть; Р доб. бяше 51О неприязненный 52ЗИЛПР доб. бысть 53П нет
54ЗР доб. тоя 55КР доб. же 56Р доб. свою 57З изрече 58ЗМ доб. а; ИЛ доб. и
59Е ото 60ЖЗНП доб. же 61-81О пропуск 62ЕИЛР слышавши (Р-е) 63ДР таковую;
Н такую; П таку 63П доб. и 63-64З таковы речи 65ЕЖЗ во 65-66ДН в сердца
67ЕПР своем; З и; К сии 68Е сохраниша; ЗМ сохранив; П храняше 69М нет
70ЕЗМ доб. же 71Р поведавше 72ИЛ мужу 72Р нет 73ЕИЛР ей 74Р доб. той; Д доб.
сиде 75Р той 75-76Ж посылшав 76ИЛ слыша 76К доб. и; Р доб. глаголы ея, и
77ИЛ недомышляшеся; П недоумевашеся 77Р доб. сему словеси тако быти 78К доб.
его 79ЕЖКР нет 80Е ото 81Р доб. И той князь Павел 82З имевше 83ИЛ нет;
83К доб. убо 84-85П у себя; ЕЖ у себя; 84-85К нет 86Р доб. благовернаго 87К в
8-89Д от дней; ИЛ день 90ДИЛ призвав 91НП начат 92-97Д пропуск 93П нет;
94Е рек 95ЕО нет 95П доб. змий 96ЗКМНОП нет

Князь⁹⁸ же⁹⁹ Петр, слышав¹⁰⁰ от брата своего, яко змии^{III} нарече² тезоименита³ ему⁴ исходатая⁵ смерти своей,⁶ нача⁷ мыслити⁸ не⁹ сумняся¹⁰ мужествене,¹¹ како бы¹² убити змия.¹³ Но¹⁴ и еще¹⁵ бяше¹⁶ в нем мысль,¹⁷ яко не ведыи¹⁸ агрикова меча.¹⁹

Имеяше же²⁰ обычаи²¹ ходити по²² церквам²³ уединяся.²⁴ Бе²⁵ же вне²⁶ града²⁷ церковь в женьстем монастыри²⁸ воздвижение²⁹ честнаго³⁰ креста.³¹ И прииде ту³² един³³ помолитися. Яви³⁴ же ся³⁵ ему отроча,³⁶ глаголя:³⁷ „Княже!³⁸ Хощеши ли, да³⁹ покажу ти⁴⁰ агриков мечь?“ Он же⁴¹ хотя желание свое исполнити,⁴² рече:⁴³ „Да вижу,⁴⁴ где⁴⁵ есть!“⁴⁶ Рече⁴⁷ же⁴⁸ отроча: „Иди во⁴⁹ след⁵⁰ мене.“⁵¹ И показа ему⁵² во⁵³ олтарной⁵⁴ стене⁵⁵ между⁵⁶ керемидами⁵⁷ скважню,⁵⁸ в ней⁵⁹ же⁶⁰ лежаше⁶¹ мечь.⁶² Благоверный же князь Петр⁶³ взем⁶⁴ мечь той,⁶⁵ прииде⁶⁶ и⁶⁷ поведя⁶⁸ брату своему.⁶⁹ И от того дни⁷⁰ искаше⁷¹ подобна времени да убьет⁷² змия.

По⁷³ вся же⁷⁴ дни ходя⁷⁵ к⁷⁶ брату своему и к⁷⁷ сносе своей на поклонение.⁷⁸ Ключи⁷⁹ же ся⁸⁰ ему прити во⁸¹ храмину⁸² ко⁸³ брату своему.⁸⁴ И в⁸⁵ том⁸⁶ же⁸⁷ часе шед⁸⁸ к сносе⁸⁹ своей во⁹⁰ храмину⁹¹ и⁹² виде⁹³ у нея сидяща брата своего. И, паки пошед от нея,⁹⁴ вьстрете⁹⁵ некоего⁹⁶ от⁹⁷ предстоящих брату⁹⁸ его⁹⁹ и рече ему:¹⁰⁰ „Изыдох убо^{IV} от брата

⁹⁸⁻⁹⁹Р Благоверный же князь ¹⁰⁰Р доб. глаголы те

^{III}Р доб. сей ¹⁻²ИЛ змиины речи ²П нарекл естъ ³ИЛ тезоименитого; ^К тезоименитая ³Р доб. его и ⁴П нет ⁵Д ходатая ⁵⁻⁶Е исходатаем смертем своим ⁶КОР доб. и ⁷Р начаша ⁸Р доб. в себе ⁹⁻¹⁰Д сумняся; ^Е не сомняся; ^Ж не сумня же ся; ^{ЗИЛ} не сумняся ¹⁰Р доб. убо ¹¹ЕКО мужестве, ^Р о мужестве своем ¹²О нет ¹³Р того змия неприязниваго ¹⁴⁻¹⁹Д но и о сем зело мыслит, не ведает бо что агриков мечь ¹⁵К доб. же ¹⁶П нет ¹⁷К мысли ¹⁷Р доб. его ¹⁸Р доб. где ¹⁹Р доб. кто бы ему о нем возвестил, и ²⁰Л доб. бо; ^Р доб. той ²¹Е обычаем; ^З доб. Петр; ^Р доб. свой благоверный князь Петр ²²З доб. святым ²²⁻²³И к церквам; ^Р и молитися господеву богу нашему и пречистой его божи матере и всем святым его ²⁴Д уединяся ²⁴Р доб. убо и отгребаяся от всякаго злаго нашествия дьявола и человека ²⁴О нет ²⁵ЕИЛР Бысть; ^О Бех ²⁶⁻²⁷ИЛ тогда ²⁸ЕЖП монастыре ²⁹ПЖ Воздвижения ³⁰ЕЖЗИКЛМНПР доб. и животворящаго ³¹ЗМР доб. господня ³²ЕЖЗИЛМНОПР к ней ³²Р доб. благоверный князь Петр ³²К нет ³³П нет ³⁴⁻³⁵К Явися ³⁶Р доб. и ³⁷Р доб. ему во церкви стоя ³⁸Е ошибочно: к жене ³⁹Д нет ⁴⁰ОП нет ⁴¹Р доб. убо от радости тоя ⁴²ЗМПР доб. и ⁴³И доб. господи; ^К доб. же; ^Р доб. ему ⁴⁴ЕЖЗИОР вижду ⁴⁴Р доб. чадо ⁴⁵⁻⁴⁶ЗМ господине ⁴⁷⁻⁴⁸П И рече ⁴⁸Р доб. ему ⁴⁹⁻⁵⁰ЕЖИКМНП в след ⁵¹ЕЗ меня ⁵²Ж же ⁵²Р доб. место ⁵³⁻⁵⁵Е во олтарном месте в стене ⁵³ИКЛМ в ⁵⁴КНП олтарней ⁵⁶ИЛР между ⁵⁶⁻⁵⁷Н межи камения; ^П межи камением ⁵⁸Е скважни ⁵⁸З доб. и ⁵⁹Е в нем ⁶⁰З нет ⁶¹ЗМ лежа; ^{НР} лежаше ⁶¹Р доб. агриков ⁶²⁻⁶⁴ИЛ пропуск ⁶²Р доб. Отроча же невидимо бысть ⁶³П нет ⁶⁴ЗМ взя ⁶⁵ЕР доб. нарицаемый агриков; ^{ЕИКЛНОР} доб. и ⁶⁶Ж нет ⁶⁷ЕИЛМОР нет ⁶⁷⁻⁶⁸К исповеда ⁶⁹ДИ доб. князю Павлу ⁷⁰НП нет ⁷¹ЕЖ искаша ⁷²ЕЖН убьет ⁷²Р доб. того ⁷³⁻⁷⁴ЕОР И по вся ⁷³⁻⁸⁴ИЛ пропуск ⁷⁵Е ходяще ⁷⁶Е ко ⁷⁷О нет ⁷⁸Р доб. им ⁷⁹⁻⁸⁰ЖК Случи же ся ⁷⁹⁻⁹¹НП пропуск ⁸¹ЖКМ в ⁸²З доб. свою ⁸³ЕЗКМО к ⁸⁴Ж доб. и к сносе своей на поклонение ⁸⁵⁻⁸⁸ЕИЛОР по том ⁸⁷ИЛ нет ⁸⁸К нет ⁸⁹Л к сносе ⁹⁰ИК в ⁹⁰ЕЖЗИЛМОР доб. ину ⁹²К нет ⁹³ЖК видя; ^{ЗМ} увиде; ^{ИЛНОПР} виде ⁹⁴ЖЗИКЛОП доб. и ⁹⁵ЕЖЗОР стрете ⁹⁵Р доб. на пути ⁹⁶П нет ⁹⁶⁻⁹⁹ЛЛ слугу своего ⁹⁷⁻⁹⁹ЕР человека; ^О нет ⁹⁸⁻⁹⁹Н ему ¹⁰⁰К нет.

^{IV}Н бо ¹П нет

моего² к³ сносе⁴ моеи,⁵ брат же мои оста⁶ в⁷ своем храму.⁸ Мне же,⁹ не¹⁰ косневшу¹¹ ни¹² камо же,¹³ пришедшу¹⁴ ко¹⁵ сносе моеи¹⁶ и¹⁷ не свем¹⁸ и¹⁹ чюжуся,²⁰ како брат мой²¹ напреди²² мене²³ обретеса²⁴ у снохи²⁵ моеи²⁶. Тои же человек рече ему: „Никако же,²⁷ господи,²⁸ по твоём отшествии не изыде²⁹ брат твой из своєю³⁰ храмины“. Он же разумев³¹ быти пронырьство³² лукаваго змяя.³³ И прииде к³⁴ брату³⁵ рече ему: „Когда³⁶ убо³⁷ семо прииде?³⁸ Аз бо³⁹ от тебе⁴⁰ из⁴¹ сея⁴² храмины⁴³ изыдох, и⁴⁴ нигде же ничесо⁴⁵ же помедлив,⁴⁶ приидох⁴⁷ к⁴⁸ жене твоєї⁴⁹ в⁵⁰ храмину и видех⁵¹ тя с нею сидяща⁵² и чюдився,⁵³ како⁵⁴ напреди⁵⁵ мене⁵⁶ обретеса тамо.⁵⁷ Приидох же паки⁵⁸ скоро⁵⁹ семо,⁶⁰ ты же⁶¹ не⁶² вем како мя⁶³ предтече⁶⁴ и⁶⁵ напред⁶⁶ мене⁶⁷ аде⁶⁸ обретеса“. ⁶⁹ Он же рече:⁷⁰ „Никако же,⁷¹ брате,⁷² ис храма⁷³ сего⁷⁴ по твоём отшествии не⁷⁵ изыдох⁷⁶ и⁷⁷ у жены своєї⁷⁸ никако⁷⁹ же бех!⁸⁰ Князь же Петр рече: „Се⁸¹ есть,⁸² брате, пронырьство лукаваго змяя, да⁸³ тобою ми ся кажет, аще⁸⁴ не⁸⁵ бых⁸⁶ хотел⁸⁷ убити его, яко⁸⁸ непшуя⁸⁹ тебе⁹⁰ своего⁹¹ брата.⁹² Ныне⁹³ убо,⁹⁴ брате, отсюду никако⁹⁵ же⁹⁶ иди.⁹⁷ Аз же⁹⁸ тамо⁹⁹ иду¹⁰⁰ братися с¹⁰¹ змием, да

²ЕОР своего ³ИЛ ко ³⁻⁴Р к снохе ⁵ЕОР своей ⁵ИЛ доб. и ⁶Е остави; ⁷Ж остав; ⁸ЗЛОР остася ⁷⁻⁸ЕОР во своей храмине; ⁹З во своем храме ¹⁰ИЛ в моем храме; ¹¹К в храмине; ¹²П во своем дому ¹³Н храме ¹⁴О нет ¹⁰⁻¹¹Е прикоснувшю ¹⁰⁻¹³Ж не коснувшю никому же; ¹⁴ИЛО не коснувшю ни где же; ¹⁵Р не коснувшю ми ся нигде же и ничесо же помедлив ¹²⁻¹³Е нигде же ничесо же помедлив; ¹⁶КП ни како же ¹³ЖИКАМНП доб. вскоре ¹⁴ЗМ прииде; ¹⁵О приидох ¹⁴ЖИКАМНОП доб. во храмину ¹⁴⁻¹⁶ЕР нет ¹⁵ЗИКАМНОП к ¹⁶КО своей ¹⁷ЖИЛ нет ¹⁸ЕКОР не вем ¹⁸Р доб. убо ¹⁹ЕЗНОР нет ²⁰ЕЗИЛНОПР чюжуся ²⁰Р доб. о сем ²¹И нет ²²ЕЖЗИЛНОПР наперед ²³З меня ²³ЕР доб. предтече и ²⁴ЕЖЗИЛМНОПР доб. во храмине ²⁵ЕКО у сноси (О-е-) ²⁶ЕЖЗИЛМНПР моя ²⁶Е доб. той же час ²⁷Р нет ²⁸ЕК господине ²⁸ЗМ доб. мой ²⁹ЕИЛР не изыдох ³⁰ИЛ из твоея ³¹О из своей ³¹ЕИКАМНП разуме ³²ЕЗИЛМНПР пронырьству ³³Р доб. того ³⁴ЕЗ ко ³⁴⁻³⁸ИЛ пропуск ³⁵ЕЗМОР доб. своему и; ³⁶КНПР доб. И ³⁶О ошибочно тогда ³⁷Е бо ³⁷Н нет ³⁹ЕИЛОР убо ⁴⁰ЖИКА от тебя ⁴¹⁻⁴³НП нет ⁴²К нет ⁴⁴ЕЗИКАМОР нет ⁴⁵Е ни часу; ⁴⁶ИЛ ни часа; ⁴⁷К ни что; ⁴⁸М ничего; ⁴⁹Р и ни что ⁴⁸ЕИЛОР доб. и ⁴⁰⁻⁶⁰К пропуск ⁴⁷Р прииде ⁴⁷ЕР доб. убо ⁴⁸⁻⁴⁹Е к сносе своей; ⁵⁰Р к снохе своей ⁵⁰ЗИЛОР во ⁵¹Е видев ⁵²О сидяща ⁵²Р доб. того убо не вем и о сем ⁵³ЕР чюжуся ⁵³Е доб. не вем ⁵³НП почюдихся ⁵⁴ЕР доб. ты ⁵⁵ЕЖЗИЛМНОПР напред ⁵⁶ЕЗ меня ⁵⁶ЕР доб. предтече, у снохи моея ⁵⁷ЕЖЗИЛМНОПР нет ⁵⁷ЕЗИЛОР доб. и ⁵⁸ОП нет ⁵⁹ЕЖЗИЛМНОПР нет ⁶⁰ЕЖЗИКАМО доб. нигде же ничто (ЖО доб. паки; ⁶¹ЗМ доб. же паки; ⁶²ИКА доб. же) помедлив (О медлив); ⁶³НП доб. нигде же ничесо же помедлив; ⁶⁴Р доб. и ничто же помедлившу ми ⁶¹Р доб. убо ⁶²⁻⁶⁹Д како преди мя не вем куда оптече ⁶³ЕР нет ⁶⁴К преже тече; ⁶⁵О преди тече; ⁶⁶Р обтече скоро ⁶⁵ЕН нет ⁶⁶К напреди; ⁶⁷Р преди ⁶⁷ЕЗМ меня ⁶⁸О нет ⁷⁰ЕР доб. ему ⁷¹Р нет ⁷²О нет ⁷³⁻⁷⁴ЕК из храмины сея ⁷⁵К нет ⁷⁶ИО не идох ⁷⁷Ж нет ⁷⁸П моея ⁷⁹⁻⁸⁰П не бывах ⁸⁰Е не бех; ⁸¹К бых ⁸¹К нет ⁸²ЕО бо; ⁸³Р убо; ⁸⁴И его ⁸³Д нет ⁸⁴ДЗО доб. бы; ⁸⁵Р доб. же ⁸⁴⁻⁸⁷ИЛ а се ныне хошу ⁸⁵⁻⁸⁶ДО нет ⁸⁷ДЕ хотех ⁸⁸⁻⁹²Д мяню тебе, брата своего, убию ⁸⁸Р доб. же ⁸⁹ЕЖИЛО непшуую; ⁹⁰ЕЗ тебя ⁹¹Р доб. господина ⁹²ЕР доб. и ⁹³ЗП доб. же ⁹⁴Ж нет ⁹⁵Н ни камо ⁹⁶ЗМ нет ⁹⁷Е не иди; ⁹⁸К не исходи; ⁹⁹З идеши ⁹⁷Р доб. из храмины сея ⁹⁸ЕЗ нет ⁹⁸З доб. бо; ¹⁰⁰Р доб. убо ⁹⁹⁻¹⁰⁰К иду токмо ¹⁰⁰Д хожду и хошу

¹⁰¹ДЕЖЗИЛНО со ¹Р доб. лютым

некли² божиею помощью³ убиен⁴ да⁵ будет лукавыи сеи⁹ змии^{4, 7}.

И взем мечь,⁸ нарицаемы⁹ агриков,¹⁰ и прииде в¹¹ храмину¹² к¹³ сносе¹⁴ своеи и виде¹⁵ змиа зраком¹⁶ аки¹⁷ брата си¹⁸ и¹⁹ твердо²⁰ уверися,²¹ яко²² несть²³ брат²⁴ его,²⁵ но прелестныи змии, и²⁶ удари²⁷ его²⁸ мечем. Змии же явися, яков²⁹ же³⁰ быаше³¹ и естеством,³² и нача трепетатися³³ и³⁴ бысть мертв³⁵ и³⁶ окропи³⁷ блаженнаго³⁸ князя³⁹ Петра кровию своею.⁴⁰ Он⁴¹ же⁴² от⁴³ неприазныи⁴⁴ тоя⁴⁵ крови острупе, и язвы быша,⁴⁶ и⁴⁷ прииде⁴⁸ нань⁴⁹ болезнь тяжка⁵⁰ зело. И⁵¹ искаше⁵² в⁵³ своем одержании⁵⁴ ото⁵⁵ мног⁵⁶ врачей исцеления,⁵⁷ и⁵⁸ ни от единого⁵⁹ полуци.⁶⁰

II

Слыша⁶¹ же,⁶² яко мнози⁶³ суть врачеве⁶⁴ в⁶⁵ пределех Рязаньския⁶⁶ земли⁶⁷ и⁶⁸ повеле себе⁶⁹ тамо⁷⁰ повести,⁷¹ не⁷² бе бо сам⁷³ мощен⁷⁴ на кони⁷⁵ сидети⁷⁶ от великиа⁷⁷ болезни.⁷⁸ Привезен⁷⁹ же бысть⁸⁰ в⁸¹ пределы⁸² Рязанския⁸³ земли⁸⁴ и посла⁸⁵ синклит⁸⁶ свои⁸⁷ весь⁸⁸ искати врачей.

Един же от предстоящих ему юноша уклонися⁸⁹ в весь, нарицающу(ю)ся⁹⁰ Ласково.⁹¹ И прииде⁹² к некоего⁹³ дому⁹⁴ вратом и⁹⁵ не виде⁹⁶ никого⁹⁷

²Е никако ли; Р никако ли; Ж неколи; ИЛ како ли; КНП негли; О некако же ли ³К милостию
⁴⁻⁷Д убию лукаваго ⁴ЖКН убыен ⁵ЕИЛОР нет ⁶И нет ⁸ЕО доб. той; Р доб. благоверный
князь Петр ⁹⁻¹⁰Д нет ¹¹ДЕЗИМОР во ¹¹⁻¹²П нет ¹³Л ко ¹³⁻¹⁴М к снохе ¹⁵ЕНП видов;
Р увидев того злаго ¹⁶Ж нет ¹⁷К и ¹⁸ЕИЛР своего ¹⁸ЕР доб. сидяща ¹⁹ИКЛМ нет
¹⁹⁻²¹Р благоверный же князь Петр крепко утвердися на лукаваго змиа ²⁰З твердо
веру ят и ²¹ЕИЛО утвердися; К увери ²²Р доб. же ²³Л нет ²⁴ЕЗИЛ брата
²⁵Д нет ²⁶ЕР он же ²⁶Л нет ²⁷З доб. Петр ²⁸З змиа ²⁹ЕЗИКЛР яко ²⁹О нет
³⁰ИЛО нет ³¹ЖЗМ доб. и ³²Р доб. змии прелестник ³³ЕЖИЛОР трепетати
³⁴⁻³⁵Р нет ³⁶ИЛ нет ³⁷ДР окровави; Ж окрови ³⁷ИЛ доб. же ³⁸ДО нет ³⁹К нет
⁴⁰Р доб. и бысть мертв злыи прелестник ⁴¹⁻⁴²Р Благоверный же князь Петр ⁴³Д нет
⁴³⁻⁴⁴Е неприязни; ИЛОР от неприязныя ⁴⁵К нет ⁴⁶ДЕ доб. многи; З доб. мнози
на теле его; Р доб. многи на нем ⁴⁷⁻⁴⁹ИЛ от тоя крови и от язвы ⁴⁸Р придоша
⁴⁹КМ на него ⁵⁰Р тяжкая ⁵⁰З доб. ошибочно: на него ⁵¹ЕЖО нет ⁵²ЕЛ искаша
⁵²Р доб. же ⁵³ЕЗКНОПР во ⁵³⁻⁵⁴Ж в своей одержавии; ИЛ во своей державе
⁵⁴М одержании; О граде ⁵⁵ЖЗНОП от ⁵⁵⁻⁵⁶ДЕИКЛР от многих ⁵⁷⁻⁶⁰Е и не получив
исцеления ни от единого ⁵⁸⁻⁸⁰Д и не получи; З ни от единого же не получив;
К и не обрете ни от единого помощи ⁵⁹Р доб. же ⁶⁰Р доб. себе ⁶¹⁻⁶²Д и слышав
⁶¹Е слышав; ЖЗКМНОПР слышав ⁶²Р доб. блаженный князь Петр ⁶²Е нет
⁶³ЕИЛ многи ⁶⁴Е врачева ⁶⁵З во ⁶⁵⁻⁶⁷О во пределех Рязанских ⁶⁶ДП Рязанския
⁶⁷ДИЛ земля ⁶⁸⁻⁸⁴М пропуск ⁶⁹ЕЗИК себя; ОП собя ⁷⁰Е там ⁷⁰З доб.
в землю Рязанскую ⁷¹ИКЛНО вести ⁷²⁻⁷⁸К от великиа болезни привезен бысть,
и не бе мощен на коне седити и ⁷³⁻⁷⁴Л мощно самому ⁷³Д нет ⁷⁴З может
⁷⁴Д доб. и ⁷⁵ДЕЖИЛОПР на коне ⁷⁶Р ездити ⁷⁷З доб. тоя ⁷⁸З доб. и; Р доб.
тоя тяжкия ⁷⁹К нет ⁸⁰П быв ⁸⁰Р доб. благоверный князь Петр ⁸¹З во ⁸²К нет
⁸³ДЖП Рязанския (Ж-е-) ⁸⁴ИЛ земля ⁸⁵ИЛНПР послав ⁸⁶ГЗИМОП сункаят
⁸⁶⁻⁸⁷Е суньклиты своя ⁸⁷ИЛО своих ⁸⁸ДЕЗИКЛО в весь ⁸⁸Д доб. ту ⁸⁸НП нет
⁸⁹Е уклонився ⁹⁰Д нарицаемому; ЕИКЛОПР нарицаемую ⁹¹Е Лаускаво; ИЛ Ласкаву
⁹²Р доб. убо ⁹³ЕЖЗИМОПР к некоему ⁹³К доб. врача ⁹⁴Н двору ⁹⁴ЗЛМР доб. ко
⁹⁴ИК доб. к ⁹⁵⁻⁹⁸К пропуск ⁹⁶Р доб. на дворе ⁹⁷ЖЛ никою

же.⁹⁸ И вниде в⁹⁹ дом,¹⁰⁰ и ^{VI} не бе, кто бы его² чюл.³ И вниде в⁴ храмину и зря⁵ видение чюдно:⁶ сидяше⁷ бо едина⁸ девица,⁹ ткаше красна,¹⁰ пред нею же¹¹ скача¹² заець.¹³

И глаголя¹⁴ девица:¹⁵ „Нелепо есть быти¹⁶ дому¹⁷ безо¹⁸ ушню¹⁹ и храму²⁰ безо²¹ очию“! Юноше же той²² не²³ внят²⁴ в²⁵ ум²⁶ глагол²⁷ тех,²⁸ рече²⁹ к³⁰ девице.³¹ „Где есть человек³² мужеска полу, иже зде живет“?³³ Она же рече.³⁴ „Отец³⁵ и матери моя поидоша³⁶ в заем³⁷ плакати. Брат же мой иде чрез³⁸ ноги³⁹ в нави зрети.⁴⁰

Юноша же той⁴¹ не разуме глагол ея,⁴² дивляшеся,⁴³ зря⁴⁴ и слыша⁴⁵ вещь⁴⁶ подобну⁴⁷ чюдеси,⁴⁸ и глагола⁴⁹ к девицы:⁵⁰ „Внидох⁵¹ к тебе,⁵² зря⁵³ ты делающу и видех⁵⁴ заець⁵⁵ пред тобою скача⁵⁶ и⁵⁷ слышу⁵⁸ ото⁵⁹ устну⁶⁰ твоею⁶¹ глаголы⁶² странны⁶³ некаки⁶⁴ и⁶⁵ сего⁶⁶ не⁶⁷ вем,⁶⁸ что⁶⁹ глаголеши. Первые⁷⁰ бо⁷¹ рече: „нелепо есть быти дому⁷² безо⁷³ ушню⁷⁴ и⁷⁵ храму⁷⁶ безо⁷⁷ очию“. Про отца же⁷⁸ своего⁷⁹ и⁸⁰ матерь рече,⁸¹ яко „идоша⁸² в заим⁸³ плакати“⁸⁴ брата же своего⁸⁵ глаголя⁸⁶ „чрез⁸⁷ ноги⁸⁸ в нави зрети“, ⁸⁹ и⁹⁰ ни единого⁹¹ слова от⁹² тебе⁹³ разумех!⁹⁴ Она⁹⁵ же глагола⁹⁶ ему:⁹⁷ „Сего ли⁹⁸ не разумеши,⁹⁹ прииде¹⁰⁰ в дом сии^{VI} и² в³ храмину мою⁴ вниде и виде⁵ мя⁶ сидящу⁷ в простоте?“⁸ Аще бы⁹ был

⁹⁹Д доб. той ¹⁰⁰К доб. его ¹⁰⁰Р доб. той

^{VI}—³Н нет ²К нет ³Е чюв ⁴ДЕЗМОР во ⁵Р зряше убо ⁶Р чюдное
⁷ИЛ сидящи; О сидяще ⁸О нет ⁹ДЗНОПР доб. и ¹⁰ЖЗК красна ¹¹О нет
¹²ЕИЛОР скачет; ³ скакаше; ^М скага ¹³К заяц ¹⁴ЕИЛОР рече; ^{ЗМП} глагола
¹⁵Р доб. к юноше ¹⁶П нет ¹⁷Р доб. всякому ^{18—19}Е без ушей; ^Ж без ушью;
^Р безо ушью ²⁰ЕК храмине ²¹Ж без ^{22—28}Н тоя глагол не внят во ум
^{23—24}Ж не взяв; ^К не внят ^{23—28}З не внят глагол ея тех во уме ²⁵ДКМП во
^{25—26}Р себе ^{25—27}ЕИЛО нет ^{27—28}ИЛ глаголом тем (Л доб. и) ²⁸КОП доб. и
²⁸Р доб. девицыных и ^{29—VII}11Е пропуск ²⁹Р доб. юноша ³⁰О ко ^{30—31}ИМНПР
к (Н нет) девицы (И-и) ³¹К нет ³²Р доб. той ³³Р доб. и где ся уклони? ³⁴Р доб.
ему ³⁵ИКЛНОПР доб. мой ³⁶ИО поидоста ³⁷КНПР в заим ³⁸Ж через ^{38—39}ИЛР
чрез (Л через) ногу ³⁹Р доб. зряе ⁴⁰К зрит ⁴¹П нет ⁴²Р доб. и сему словеси
⁴³Р доб. и о ответе ея ⁴⁴Р зряе убо ^{44—48}Д пропуск ⁴⁵Р слышав ⁴⁶Р сию
⁴⁷КР подобную ⁴⁸К чюдяся ⁴⁹К глаголя; ^Р глаголаше ⁴⁹Р доб. юноша ⁵⁰ДЖЗИКЛНО
к (К нет) девице (ДН—и) ⁵⁰ЗМ доб. юноша той ⁵¹К Идох ⁵²Д доб. девице; ^{КНП}
доб. и; ^Р доб. семо аз ⁵³К зряк; ^{НП} вижу ⁵⁴Р доб. убо ⁵⁵Д заеце; ^К заяц
⁵⁶ИЛОР скачет ⁵⁷Д доб. ныне ⁵⁸К слыша ⁵⁹КОР от ^{59—60}И ото устию ⁶⁰КЛ уст
⁶¹КЛ твоих ⁶²Р доб. сия ⁶²Ж нет ⁶³ЗИЛМОР страшны ⁶³И доб. и чюдны
⁶⁴ИКАМ никако; ^П некия ⁶⁴Л доб. же ^{64—68}З ни сего вем; ^Р и не вем сего никако же
⁶⁵КАМП нет ^{66—68}Д недоумеюся ⁶⁶П доб. бо ⁶⁷М нет ⁶⁹П еже ⁶⁹Р доб. убо сие
⁷⁰КАНОПР Первое ^{70—71}И Первое убо ⁷¹М нет ⁷²Р доб. всякому ^{73—74}Ж без ушью;
^Р безо ушей ⁷⁵Л нет ⁷⁶К храмине ⁷⁷Ж без ⁷⁸Ж доб. про ⁷⁹ГДЖЗИЛМНП твоего
⁸⁰ИЛОР доб. про ⁸¹Д речеши; ^Р рекла еси ⁸¹О нет ⁸²Р поидоша они ⁸³ЖК в заимы;
^{ЗИЛМОР} в заем ⁸⁴ОР доб. про ⁸⁵Д нет ⁸⁶Д глаголеши; ^{ИЛ} глагола ⁸⁶Д доб. яко
иде; ^Р доб. яко же иде брат мой ^{87—88}ИЛР чрез (Л через) ногу; ^М чрез ноги
⁸⁹К зрит ⁹⁰И Аз же ⁹⁰Л доб. аз ⁹¹К доб. же; ^Р доб. есмь аз ^{92—94}ИЛ не разумех
от тебе ^{92—93}К от тебя ⁹⁴Д разумею; ^Р уразумех ⁹⁵Р Девица ⁹⁶ДО рече;
^М глаголя ⁹⁷К к нему ⁹⁸К доб. ты; ^Р доб. ответа моего ⁹⁹Р доб. како ты
¹⁰⁰К приидеши ¹⁰⁰П доб. убо ты
^{VII}11АР сей ¹К нет ²ИКАМ нет ³ЗО во ⁴К нашу ⁵ЗИЛМ видех ⁶ИЛ нет
⁷З седа; ^П седаща ⁸Р доб. моей ⁹И нет

в дому наю¹⁰ пес¹¹ и¹² чюв¹³ тя к¹⁴ дому¹⁵ приходяща¹⁶ лаял¹⁷ бы на тя:¹⁸ се¹⁹ бо есть дому²⁰ уши. И²¹ аще бы²² было в²³ храмине моеи²⁴ отроча²⁵ и²⁶ видев²⁷ тя к²⁸ храмине²⁹ приходяща,³⁰ сказало³¹ бы³² ми:³³ се³⁴ бо³⁵ есть³⁶ храму³⁷ очи. А еже³⁸ сказах³⁹ ти про отца⁴⁰ и⁴¹ мать и про⁴² брата,⁴³ яко⁴⁴ „отець мой и мати моя⁴⁵ идоша⁴⁶ в заем⁴⁷ плакати“⁴⁸ — шли⁴⁹ бо суть⁵⁰ на погребение⁵¹ мертваго⁵² и тамо⁵³ плачют.⁵⁴ Егда же⁵⁵ по них смерть приидет,⁵⁶ инии⁵⁷ по них учнуть⁵⁸ плакати:⁵⁹ се⁶⁰ есть займованный⁶¹ плач.⁶² Про⁶³ брата же⁶⁴ ти⁶⁵ глаголах,⁶⁶ яко⁶⁷ отець мой⁶⁸ и⁶⁹ брат⁷⁰ древолазцы⁷¹ суть, в лесе бо⁷² мед⁷³ от⁷⁴ древия⁷⁵ берут.⁷⁶ Брат⁷⁷ же мой ныне⁷⁸ на таково⁷⁹ дело иде⁸⁰ и⁸¹ яко⁸² же⁸³ лести⁸⁴ на древо⁸⁵ в высоту,⁸⁶ чрез⁸⁷ ноги⁸⁸ зрети⁸⁹ к земли,⁹⁰ мысля,⁹¹ абы⁹² не урватися с⁹³ высоты.⁹⁴ Аще ли⁹⁵ кто⁹⁶ урвется,⁹⁷ сеи⁹⁸ живота⁹⁹ гонзнет,¹⁰⁰ сего^{VIII} ради² рех,³ яко⁴ „иде⁵ чрез⁶ ноги⁷ в нави зрети“.⁸

Глагола⁹ ей¹⁰ юноша: „Вижу¹¹ тя, девице,¹² мудру сушу.“¹³ Повежь¹⁴ ми имя свое“. Она же рече:¹⁵ „Имя ми¹⁶ есть¹⁷ Феврония“. Тои же юноша¹⁸ рече к¹⁹ неи:²⁰ „Аз²¹ есмь²² муромьскаго князя Петра, служи²³ ему. Князь же²⁴ мой имей²⁵ болезнь²⁶ тяжкую²⁷ и²⁸ язвы.²⁹ Острупленну

³⁰Э моем; КПР нашем ¹²КП нет ¹³ИЛ видел бых; К чуяв ¹⁴К к ¹⁴⁻¹⁶П в дом входяща ¹⁵Р доб. сему ¹⁶К доб. и ¹⁷⁻¹⁸О сказа бы ми ¹⁹Р ошибочно: сей ²⁰Е в дому ²⁰Р доб. сему ²¹ЕОР нет ²²Р нет ²³ЗАР во ²³⁻²⁴К в дому моем ²³⁻²⁴О нет ²⁴Е моем ²⁵О детище ²⁶Е нет ²⁷Е видех; ИЛ видело; Н виде; О узрев ²⁷ЕИЛ доб. бы ²⁸ЗАР ко ²⁸⁻³⁰О нет ²⁹Д д.б. моеи; Р доб. сей ³⁰ДЛ идуща; ЗМ пришедша ³⁰О д.б. и; Р доб. той бо ³¹КР сказал; О сказа ³²⁻³³О нет ³³ЕЗИЛ мне ³³Р доб. есть ³⁴ДО то; Р ошибочно: сей ³⁵Д нет; О ми ³⁶О нет ³⁶⁻³⁷Р храмине суть ³⁷ДК храмине ³⁸Р доб. убо ³⁹⁻⁴⁸Д отец мой и мати, — рекла ти, — в заим плачют ⁴⁰ЗО доб. моего ⁴¹ЕИЛОР доб. про ⁴¹⁻⁴⁴К нет ⁴²НО нет ⁴³Р доб. моего ⁴⁵П нет ⁴⁶Н идоста ⁴⁷ЗНОП в заим; К в заимы ⁴⁸ИЛОР плакаться ⁴⁹Р пошли ⁵⁰Р доб. они ⁵¹ЕЖ на погребание ⁵²Е мертвым ⁵³⁻⁵⁴Д нет ⁵³ИЛ доб. же ⁵⁴Н доб. и ⁵⁵Е нет ⁵⁵⁻⁵⁶Д сами умрут ⁵⁶Ж придет ⁵⁷З ино ины; КР ино; Е и те ⁵⁷ИЛ доб. и ⁵⁸Д будут ⁵⁹О плакаться ⁵⁹Е доб. также ⁶⁰Д то; Е си бо; НОР сеи ⁶⁰Р доб. бо ⁶¹Д заемный; ИКЛ заимодавный ⁶²ИЛ плачу ⁶³⁻⁷⁶Д Брат же мой ныне от древия мед емлет. ⁶⁴ЕР доб. своего ⁶⁵ЕР нет ⁶⁶ЕР рече; П сказах ⁶⁷К доб. же ⁶⁸И нет ⁶⁹⁻⁷³М пропуск ⁷⁰ЕН доб. мой ⁷¹ИЛ древоделцы ⁷²К нет ⁷⁴Е с ⁷⁵ЖЗИМНОПР древия; К древа ⁷⁶КНП емлют ⁷⁶Р доб. и ⁷⁷⁻⁸⁶Д и на древо идет высоко ⁷⁸К нет ⁷⁹Е на такое; ЗМНОР на такое; ИЛ на то же ⁸⁰З идет; И поешл; Л шед ⁸¹ЕЗМНР нет ⁸²⁻⁸⁶К пропуск ⁸³Р доб. убо ⁸³ЗИМНОП нет ⁸⁴ЗМ доб. ему ⁸⁵Р доб. ему и ⁸⁶З доб. и ⁸⁷⁻⁸⁹Д и врит чрез ноги ⁸⁷⁻⁸⁸ЕИЛР чрез ногу; М чрез ноги ⁸⁹К зрит ⁹⁰ЗМР доб. и ⁹¹З мысляше; Р помышляя ⁹¹З доб. в себе; Р доб. себе ⁹¹⁻⁹⁴Д мыслят, абы ся не урвати ⁹²ЕИЛ чтобы; ЗР како бы; К аще бы; О кабы ⁹³⁻⁹⁷ЕИЛР пропуск ⁹⁴З доб. древа ⁹⁵К нет ⁹⁶Д нет ⁹⁷Ж урветца ⁹⁸Е себе; П той ⁹⁸Р доб. бы ⁹⁸Д нет ⁹⁹З доб. своего ¹⁰⁰Д гонзнется

^{VIII}Р доб. бо ¹⁻⁸Д пропуск ²⁰О доб. и ³ЗР доб. ти ⁴ЗМ доб. же; Р доб. брат мой ⁴Е нет ⁵Ж идя; О идет; ЗМ и ⁶⁻⁷ЕИЛР чрез ногу; М чрез ноги ⁸К зрит ⁸КР доб. и ⁹⁻¹⁰Е ошибочно: глас ей им ¹¹Д вижу ¹²ЕЖЗИКЛО девицу; М девица ¹³Ж доб. и ¹⁴ОПР повеждь ¹⁵Р доб. ему ¹⁶З мне; ИЛП мое ¹⁶О нет ¹⁷Д нет ¹⁸Ж уноша ¹⁹⁻²⁰КР ей ¹⁹⁻²⁰ДЕИЛО нет ²¹Р доб. же ²²ЕЖ еси ²²Р доб. сий ²³ЕЖИЛР служа ²⁴К нет ²⁵К имеет ²⁵Р доб. у себя ²⁶О нет ²⁷К тяжка; Р тяжкую ²⁷КР доб. вело ²⁸ИР нет ²⁹ЗМ язву ²⁹ИЛ доб. и струпы и; Р доб. велия и; П доб.

бо³⁰ бывшу ему от крови неприазниваго³¹ летящаго³² змиа, его же есть³³ убил³⁴ своею³⁵ рукою.³⁶ И в³⁷ своем одержании³⁸ искаше³⁹ исцеления⁴⁰ ото⁴¹ мног⁴² врачей и⁴³ ни от⁴⁴ единого⁴⁵ получи.⁴⁶ Сего⁴⁷ ради семо повеле себе⁴⁸ привести,⁴⁹ яко⁵⁰ слыша⁵¹ зде мнози⁵² врачава.⁵³ Но⁵⁴ мы⁵⁵ не вемы,⁵⁶ како именуются,⁵⁷ ни⁵⁸ жилищ⁵⁹ их вемы,⁶⁰ да⁶¹ того ради вопрошаем⁶² о⁶³ нею⁶⁴. Она же рече:⁶⁵ „Аще⁶⁶ бы⁶⁷ кто⁶⁸ требовал князя твоего себе,⁶⁹ мог⁷⁰ бы⁷¹ уврачевати⁷² и“.⁷³ Юноша⁷⁴ же⁷⁵ рече:⁷⁶ „Что убо⁷⁷ глаголеши, еже⁷⁸ кому⁷⁹ требовати князя моего себе.⁸⁰ Аще⁸¹ кто уврачует и,⁸² князь⁸³ мой⁸⁴ дасть ему⁸⁵ имение⁸⁶ много. Но⁸⁷ скажи ми⁸⁸ имя⁸⁹ врача того, кто⁹⁰ есть⁹¹ и⁹² камо⁹³ есть⁹⁴ жилище его“.⁹⁵ Она⁹⁶ же рече:⁹⁷ „Да приведеш⁹⁸ князя твоего⁹⁹ семо.¹⁰⁰ Аще¹⁰¹ будет мяхкосерд² и смирен в³ ответех, да⁴ будетъ здрав!“ Юноша же⁵ скоро⁶ възвратися⁷ к⁸ князю своему и поведат⁹ ему¹⁰ все¹¹ подробну,¹² еже¹³ виде и еже¹⁴ слыша.¹⁵

Благодарныи же¹⁶ князь Петр рече:¹⁷ „Да везете¹⁸ мя, где есть девица“.¹⁹ И²⁰ привезоша²¹ и²² в²³ дом той, в²⁴ нем же бе²⁵ девица.²⁶ И посла²⁷ к ней²⁸ ото²⁹ отрок³⁰ своих, глаголя:³¹ „Повежь³² ми,³³ девице,³⁴ кто есть,³⁵ хотя³⁶ мя³⁷ уврачевати? Да³⁸ уврачует мя и възмет³⁹ имение⁴⁰ много“.⁴¹

по всему телу ³⁰П убо ³⁰ЕЗКМОР нет ³¹ИЛП неприазненаго ³²Н доб. свирепаго ³³ЕР суть ³³К нет ³³⁻³⁴Д убил он ³⁴К уби ³⁴Р доб. сам ³⁵⁻³⁶Е своими руками ³⁶Р доб. князь ³⁷ЕЗМОПР во ³⁸Ж доб. и ³⁹ЕЖР искаша ³⁹О доб. врача; ^Р доб. ему ³⁹⁻⁴⁰Д нет ⁴¹ДЕЖЗИКМНОПР от ⁴²Е много; ^ИКЛОР многих ⁴³Е нет ⁴⁴О нет ⁴⁵Р доб. же ⁴⁶З получив; ^Р получивше ⁴⁶ЗИЛ доб. исцеления ⁴⁷Р доб. бо ⁴⁸ЕЗИ себя; ^ЖП себе ⁴⁹К привезти ⁵⁰Р доб. же ⁵¹Е слышав; ^З есть слышано; ^Р слышаше ⁵²ДЕЖЗНП многи ⁵²ЕОР доб. суть ⁵³Ж врачеви ⁵⁴О Ино ⁵⁵З доб. их ⁵⁶З не ведаем ⁵⁶Р доб. их ⁵⁷ЕЗИОР именяются; ^Ж именяются ⁵⁷К доб. и; ^Р доб. они ⁵⁸З и ⁵⁹ИКА жилища ⁶⁰ЕР не вемы; ^З не ведаем; ^П знаем ⁶⁰Е доб. и ⁶¹Ж нет ⁶²ЕЗ вопрошаем; ^Ж опрошаем; ^Н вопрошаю ⁶³⁻⁶⁴ДИЛ о них; ^З оных; ^{ЕОР} от тебе (^Е тебе) ⁶⁵Р доб. к нему ⁶⁶Р доб. же ⁶⁷⁻⁶⁸Р наоборот ⁶⁹Ж себе ⁶⁹Р доб. той убо ⁷⁰ЕЗИЛНОПР могла; ^Ж смогла; ^К могла ⁷¹К бых ⁷¹Е доб. ему ⁷²КР врачевати ⁷³ДКР его; ^{ЕЖЗИЛМНП} нет ⁷⁴З уноша ⁷⁵ИА доб. той ⁷⁶Р доб. девицы ⁷⁷П доб. девице ⁷⁸⁻⁷⁹Р кому есть ⁸⁰ЖК себе ⁸⁰О доб. и ⁸¹Р доб. ли же ⁸²ЗКОР князя моего (^{ЗР} доб. и) ⁸²НП доб. то ⁸²ЕИЛМНП нет ⁸³⁻⁸⁴КО нет ⁸¹ДР нет ⁸⁵Д тому ⁸⁵О нет ⁸⁶ДЕЖЗИЛМНОПР именя; ^К именя ⁸⁷⁻⁹⁵Н пропуск ⁸⁸З мне ⁸⁸Р доб. госпоже ⁸⁹ЕЖИКЛОПР нет ⁹⁰⁻⁹¹О нет ⁹¹ЗМ доб. той; ^Р доб. сей врач ⁹²К нет ⁹³ИЛП где ⁹⁴К нет ⁹⁶⁻⁹⁷З отвеца девица ко уноше и рече ⁹⁶Р девица ⁹⁷Р доб. ему ⁹⁸КП привезеш; ^Р приведи ми ⁹⁹ЕК своего ¹⁰⁰З доб. ко мне

¹П Доб. же ²Д мяко сердце имеа; ^{ЕИЛ} милосерд ³ЕЖЗИЛМНОПР во ⁴ДП нет ⁵ИЛН доб. той ⁶ЕИЛР нет ⁷ДЕ възвратися ⁸ДЕЖЗКЛНОПР ко ⁹Р исповеда ¹⁰Р доб. девицыны речи ¹⁰И нет ¹¹Д вся ¹²Е поряду; ^К подробну; ^О подобно ¹³ИА яже; ^О ею же ¹³Р доб. убо ¹⁴ЗКМ нет ¹⁵КО слышав; ^{НОП} от девицы (-а) ¹⁵Р доб. от нея ¹⁶К нет ¹⁷Р доб. слугам своим ¹⁸ДЕЖИЛР везите ¹⁹Р сия девица живет ¹⁹Д доб. та ²⁰⁻²⁶ЖК пропуск ²¹ЕО приведоша ²²ДЕИЛМНР его ²²ЗО нет ²³⁻²⁶Д пропуск ²⁴⁻²⁵Р иде же бе живяше ²⁵Н есть ²⁵ОП нет ²⁷Р послав ²⁸З доб. князь; ^Р доб. вестники своя прежде ²⁹НП от ²⁹ЕЖЗИКЛМОР нет ³⁰ЖР отроков ³¹ИА нет ³²ОП повеждь ³³З мне; ^Р нам ³³Р доб. госпоже ³⁴ЕЖИКЛМП девица ³⁵Е нет ³⁶ДЗМР хотяи ³⁷З меня; ^Р князя нашего ³⁸З доб. врачует и ³⁸⁻³⁹Е и дай ему; ^{ИЛО} и дам ему (^О ей); ^Р и дал бы ему ³⁹ДЗКН възмет ³⁹Д доб. у мене ⁴⁰ДЕЖЗИЛНОПР именя; ^К именя ⁴¹Р многа ⁴¹ИА доб. елико хочет ⁴¹А нет

Она¹² же не обинуюся рече:⁴³ „Аз⁴⁴ есмь⁴⁵ хотяи⁴⁶ врачевати,⁴⁷ но⁴⁸ имениа не⁴⁹ требую от него прияти.⁵⁰ Имам же⁵¹ к нему слово таково:⁵² аще бо⁵³ не⁵⁴ имам быти супруга ему,⁵⁵ не⁵⁶ требе⁵⁷ ми⁵⁸ есть врачевати его“. И пришед⁵⁹ человек⁶⁰ той,⁶¹ поведа⁶² князю своему, яко же рече⁶³ девица.

Князь же Петр, яко не брегии⁶⁴ словеси ея⁶⁵ и⁶⁶ помысли:⁶⁷ „Како,⁶⁸ князю сущу, древолазца⁶⁹ дщи пояти⁷⁰ себе⁷¹ жену!“⁷² И, послав⁷³ к⁷⁴ ней,⁷⁵ рече:⁷⁶ „Рцыте ей,⁷⁷ что есть врачевство⁷⁸ ея, да врачует.⁷⁹ Аще⁸⁰ ли⁸¹ уврачует,⁸² имам пояти⁸³ ю⁸⁴ себе жене“. ⁸⁵ Пришедше же,⁸⁷ реша⁸⁸ ей⁸⁹ слово то.⁹⁰ Она же взем⁹¹ съсудець⁹² мал,⁹³ почерпе⁹⁴ кисляжди⁹⁵ своя и дуну⁹⁶ и рек:⁹⁷ „Да учредять князю вашему баню и⁹⁸ да⁹⁹ помазует¹⁰⁰ сим¹ по телу своему,² иде же с³ ть³ струпы и язвы. И⁴ един струп да⁵ оставит⁶ не⁷ помазан.⁸ И⁹ будет здрав“. И¹⁰ принесоша к¹¹ нему¹² таково¹³ помазание.¹⁴ И повеле¹⁵ учредити баню.¹⁶

Девицу же¹⁷ хотя¹⁸ в¹⁹ ответех²⁰ искусити, аще²¹ мудра есть,²² яко же слыша²³ о²⁴ глаголах²⁵ ея от²⁶ юноши²⁷ своего.²⁸ Посла²⁹ к ней с³⁰ единым³¹ от³² слуг своих³³ едино повесмо лну,³⁴ рек,³⁵ яко:³⁶ „Си,³⁷ девица³⁸ хошет³⁹ ми⁴⁰ супруга быти мудрости⁴¹ ради.⁴² Аще⁴³ мудра есть,⁴⁴ да в⁴⁵ сием⁴⁶

⁴²З девица ⁴²⁻¹³ЕИЛО, и рече девица (Р доб. к посланным к ней) ⁴⁴⁻¹⁷ИЛ пропуск ⁴⁴⁻⁴⁸Е пропуск ⁴⁵Ж есмь ⁴⁵⁻⁴⁷ОР нет ⁴⁶М хотя ⁴⁶К нет ⁴⁷Д уврачевати; М изврачевати ⁴⁸ИЛ ни; О убо; Р бо ⁴⁹ИЛ нет ⁵⁰ЖО прияти ⁵⁰Р доб. но ⁵⁰⁻⁵⁵К пропуск ⁵¹ИЛ бо ⁵²Е тако ⁵³П нет ⁵⁴Р нет ⁵⁶К во ⁵⁶Р нет ⁵⁷К треба ⁵⁸З мне ⁵⁹К доб. же ⁵⁹⁻⁶⁰Р пришедше же слуги княжески ⁶¹ЕЗКЛ доб. и ⁶²Р поведаша ⁶³Р рекла им ⁶⁴ЕЖИКЛМО не бреги (М-ы) ⁶⁵О сего ⁶⁶П нет ⁶⁷Р помыслив себе ⁶⁸О яко ⁶⁸Р доб. убо ⁶⁹ЕОР древоделца; З у древолазца; ИЛ древоделница ⁷⁰К пояти ⁷¹Е себе ⁷¹М доб. в ⁷²О жене ⁷³ЕЖИКЛО посла ⁷⁴⁻⁷⁵ИЛО князь ⁷⁵П доб. с лестию; Р доб. князь Петр слуг своих ⁷⁶Е речи; Р глаголя ⁷⁷ДП нет ⁷⁸Л врачевства ⁷⁹Д уврачует ⁷⁹Р доб. мне ⁸⁰⁻⁸²НП нет ⁸¹К нет ⁸²Е уврачуется ⁸²Р доб. но ⁸³ЕР пояти ⁸⁴ЗМ нет ⁸⁵ДЕЖИКЛНПР жену ⁸⁵Р доб. Те же убо слуги княжие ⁸⁶Ж пришед; ЗП пришедши; М пришедший; О пришедша ⁸⁶⁻⁸⁷Е пришед же той же человек ⁸⁷Р к ней и ⁸⁷З доб. и ⁸⁸Д реша; Е извеща ⁸⁸О доб. же ⁸⁹Е нет ⁹⁰Р доб. государя своего ⁹¹Р вземше ⁹¹⁻⁹³Д пропуск ⁹²ЕЖИМО сосудець; КЛНП сосудець; Р сосуд ⁹³ЕЗР доб. и ⁹⁴Д почерп; З почерпи ⁹⁵ДК кисляди; Е воды им сляжши; З кисляжи ⁹⁶НР дунув ⁹⁶ДЕЖИКЛМОПР доб. на ня; Н доб. на но ⁹⁷ЕЖИКЛМНОПР рече ⁹⁷Р доб. им ⁹⁸ЗМП нет ⁹⁹ЕИЛР нет ¹⁰⁰ДЕИЛ помазает; Ж мазует; З помазуют; О помазает; Р помажется

¹Е сем ¹Р доб. в бане ²З князя Петра; П его ³ЕК нет ⁴К а ⁴Л нет ⁵ДКОР нет ⁶Л оставити; Р оставил бы ⁷⁻⁸О и не помажет ⁸Л доб. будет ⁹Р Да ¹⁰Р доб. они ¹¹⁻¹⁴Е и таковая к нему помазания ¹¹⁻¹²ЖП ему ¹³ЗМП таковое; ИЛ таковая; О такового; Р такова ¹⁴ИЛОР помазания ¹⁵ЗМ доб. ему ¹⁶Р доб. слугам своим ¹⁷Р доб. ту ¹⁸З хотяи; Р хотяше ¹⁸О нет ¹⁹ДЖЗМНП во; ЕО по; К о ¹⁹⁻²⁰ИЛ по (И нет) ответом ея; Р по отлетех ея ²¹К яко ²¹⁻²²Е мудрости ради ея; Р мудрости ради тся девицы ²³ЗР слышав; КО слышав ²³П доб. же ²⁴⁻²⁵Е глагол; Д о глаголе; З о смыслех ²⁶Л ото ²⁷ЖП уноши ²⁷⁻²⁸Р слуг своих и ²⁸ИКО доб. и ²⁹Р послав князь ³⁰ДЕЖЗЛНОР со ³⁰⁻³¹П со единым ³²⁻³³КР слугою своим ³⁴ЕЗО доб. и ³⁵ЕИЛОР рече ³⁵Р доб. убо князь Петр сие слово слуге своему: „Возвести ей от мене таково слово ³⁵К нет ³⁶Н аще ³⁷ЕЗИЛМНОПР сия; К сия ³⁸Ж девице ³⁹ИЛ хошеши ⁴⁰О доб. ся ⁴¹К доб. ея ⁴¹Р доб. своя ⁴²МН доб. и ⁴³⁻⁴⁴Р аще ли же она бысть ⁴⁵⁻⁴⁷З во лну сем ⁴⁵⁻⁴⁶ЕИКЛОПР в сем

лну⁴⁷ учинит⁴⁸ мне⁴⁹ срачицу и порты и убрусець в ту⁵⁰ годину, в ню же аз в бани⁵¹ пребуду“. Слуга⁵² же⁵³ принесе⁵⁴ к⁵⁵ ней⁵⁶ повесмо лну и⁵⁷ дасть⁵⁸ ей⁵⁹ и⁶⁰ княже слово сказа. ⁶¹ Она⁶² же рече слуге:⁶³ „Възди⁶⁴ на печь⁶⁵ нашу⁶⁶ и,⁶⁷ снем⁶⁸ з⁶⁹ гряд поленце,⁷⁰ снеси⁷¹ семо“. ⁷² Он⁷³ же, послушав⁷⁴ ея,⁷⁵ снесе⁷⁶ поленьце. ⁷⁷ Она⁷⁸ же, отмерив⁷⁹ пядию,⁸⁰ рече:⁸¹ „Отсеки⁸² сие⁸³ от⁸⁴ поленца сего“. ⁸⁵ Он⁸⁶ же отсече. ⁸⁷ Она⁸⁸ же глагола:⁸⁹ „Възми⁹⁰ сии⁹¹ утинок⁹² поленца⁹³ сего и⁹⁴ шед⁹⁵ даждь⁹⁶ князю своему⁹⁷ от⁹⁸ мене⁹⁹ и¹⁰⁰ рцы^{X11} ему:² «В кии час³ се⁴ повесмо⁵ аз⁶ очешу,⁷ а⁸ князь⁹ твои¹⁰ да¹¹ пригровит¹² ми¹³ в сем утинце¹⁴ стан¹⁵ и все строение¹⁶ киим¹⁷ сочтется¹⁸ полотно его». ¹⁹ Слуга же²⁰ принесе²¹ ко²² князю своему²³ утинок²⁴ поленьца²⁵ и речь²⁶ девичю²⁷ сказа. ²⁸ Князь²⁹ же³⁰ рече:³¹ „Шед³² рцы³³ девицы,³⁴ яко³⁵ невъзможно³⁶ есть³⁷ в такове мале³⁸ древе³⁹ и⁴⁰ в таку⁴¹ малу⁴² годину⁴³ сицева⁴⁴ строения⁴⁵ сътворити“. ⁴⁶ Слуга же пришед⁴⁷ сказа⁴⁸ ей⁴⁹ князю⁵⁰ речь. ⁵¹ Девица же отрече:⁵² „А се ли⁵³ възможно⁵⁴ есть⁵⁵ человеку⁵⁶ мужеска⁵⁷ върасту⁵⁸ въ⁵⁹ едином повесме лну⁶⁰ в⁶¹ малу

⁴⁷ИЛ повесме лну; К повесме едином лну ⁴⁸Ж учини ⁴⁹ДК ми ⁴⁹ИЛ нет ⁵⁰НП нет ⁵⁰Р доб. убо ⁵¹ЕЗИКМОР в бане; Ж в баню ⁵²⁻⁵³Р Той же слуга ⁵⁴Е принес ⁵⁵⁻⁵⁶ЖИЛОР ей ⁵⁷⁻⁵⁹ЕЖИЛОР нет ⁵⁷⁻⁶⁰К нет ⁵⁸НП дав ⁶¹Е скавах ⁶¹ЕЗКР доб. ей ⁶²К Девица ⁶³ЖЛ слуге ⁶³Р доб. противу того словеси ⁶⁴К доб. убо; Р доб. ты слуга ⁶⁵Л на печь ⁶⁶ИЛ сию ⁶⁷ЭКМП нет ⁶⁸Е снимы; П взем; Р соими ⁶⁹Е из ⁷⁰ДЕЗОП поленцо; К полено ⁷⁰ИЛР доб. и ⁷¹Е и снем; Ж неси; Р принеси ми его ⁷¹К доб. ми ⁷²Э доб. ко мне ⁷³ЭК Слуга ⁷⁴ЕИЛ послуша ⁷⁵К нет ⁷⁵Р доб. словесе и ⁷⁶ЭР доб. ей ⁷⁷ДЕЗМО поленцо; К полено ⁷⁷Р доб. с печи тоя ⁷⁸К Девица ⁷⁹Д отмерила; ЕЗМ отме (Е-и) ряв; П отмеряше ⁸⁰ДЕЗЛ доб. и; К доб. полена и; Р доб. своею и ⁸¹К доб. слуге; Р доб. ему ⁸¹О нет ⁸²О отнеси ⁸²Е доб. ми ⁸³Е сея ⁸³П нет ⁸⁴⁻⁸⁵Д нет ⁸⁵Р доб. и отнеси своему князю ⁸⁶Д Слуга. ⁸⁷Р доб. и послушав ея ⁸⁸Р Девица ⁸⁹ЕЛР глаголя; К рече ⁸⁹ДР доб. ему; К доб. слуге ⁹⁰ДЕЖЗИКМНОПР возми ⁹¹ЕМ сие; Э сей ⁹²ИЛ усечек ⁹³ЕНП от поленца; К полена ⁹⁴⁻⁹⁵Е шед ⁹⁵Д нет ⁹⁶ЭЛ дай (Э доб. же); О даст ⁹⁷ЗОР доб. и ⁹⁸⁻⁹⁹П нет ⁹⁸⁻⁹⁹ДЗ от меня ⁹⁹Р доб. убо ¹⁰⁰ЭМОР нет.

^{X11}ИН рцы ²Д доб. сие; Э доб. сице ³П доб. аз ⁴Е си; ЗИКРЛП сие; ДО нет ⁵Э доб. лну ⁶НП нет ⁷Е исчешю ⁷Р доб. его ⁸ЕК нет ⁹ЭК доб. бы; Р доб. же ¹⁰К ваш ¹¹К нет ¹²ЭК пригровил ¹³Э мне ¹⁴ЭКМ поленце; ИЛ усечке ¹⁵К станы; П станок ¹⁶Е сотворение; К строение ¹⁷ДНОП ким; ЭК чем; М чим ¹⁷Р доб. убо ¹⁸Е сочтется; ЖМ сочтетца; НО сочтетца; Э сочтати; И сочтеса; К ткати; Р сочтется ¹⁹К сие ²⁰Д доб. той ²¹Е принес ²²ИК нет ²³ЕЖЗИКМНОП нет ²⁴И усечек ²⁴П доб. от ²⁵Е поленьцо; К полена ²⁵Р доб. того ²⁵Д нет ²⁶ЕР глаголение ²⁶⁻²⁸И рече, что девица сказа; Л рече девица и сказа ²⁷Е девицы; Р девическое ²⁸ЕЗКР доб. ему ²⁹⁻³¹Р Благоверный же князь Петр глагола слуге своему ³⁰Ж нет ³¹К доб. слуге ³²К иди ³²Р доб. убо и ³³ЖН рцы ³³ЗМО доб. к; Р доб. таково слово ³⁴Е ко девице; ЖК девице; ИН девицы ³⁵⁻³⁶К невозможно убо ³⁶⁻³⁷Д несть мощно ³⁷Р бысть ³⁸Д нет ³⁹Д поленьце ³⁹Э доб. толдика дела аделати ⁴⁰ЕИЛР нет ⁴¹ДЕИКЛР такову; Ж ту; ЭО такую ⁴²П кратку; Р малую ⁴³Р доб. сию ⁴⁴ЕК сего; И сицеваго ⁴⁵К дела ⁴⁵Е нет ⁴⁶ДЕЖЗИЛОПР сотворити ⁴⁷Д шед ⁴⁷ЕК доб. ко (К к) девице (К доб. и); Р доб. к ней ⁴⁸О доб. же ⁴⁹Д девице ⁴⁹П нет ⁵⁰⁻⁵¹ЕР княже слово ⁵²ЕКЛ рече ⁵²Э доб. сице; К доб. иди рцы князю своему; Р доб. ему противу того словеси ⁵³⁻⁵⁵К возможно ли ⁵⁴ДЖЗИКНОПР возможно; возможно ⁵⁶⁻⁵⁸К нет ⁵⁷Д мужеску ⁵⁷О доб. полу ⁵⁸Е возраст; ЗИМНП возраста ⁵⁹ДЖЗИКМОПР во ⁶⁰П доб. и ⁶¹Е доб. такову

годину,⁶² в ню же пребудет⁶³ в бани,⁶⁴ сътворити⁶⁵ срачицу и порты и убрусець?⁶⁶ Слуга же⁶⁶ отоиде⁶⁷ и⁶⁸ сказа⁶⁹ князю.⁷⁰ Князь⁷¹ же⁷² дивлеса⁷³ ответу⁷⁴ ея.

И⁷⁵ по⁷⁶ времени⁷⁷ князь Петр⁷⁸ иде⁷⁹ в⁸⁰ баню⁸¹ мытися и повелением девици⁸² помазанием⁸³ помазая⁸⁴ язвы⁸⁵ и струпы своя⁸⁶ и⁸⁷ един⁸⁸ струп остави⁸⁹ непомазан по⁹⁰ повелению⁹¹ девицы.⁹² Изыде же⁹³ из бани,⁹⁴ ничто же болезни⁹⁵ чюяше.⁹⁶ На утрии⁹⁷ же узрев⁹⁸ си⁹⁹ все¹⁰⁰ тело^{XII} здраво и гладко,² развие³ единого струпа,⁴ еже⁵ бе⁶ непомазан⁷ по⁸ повелению девицю.⁹ И¹⁰ дивляшеса¹¹ скорому исцелению. Но¹² не въсхоте¹³ пояти¹⁴ ю¹⁵ жену¹⁶ себе¹⁷ отечества¹⁸ ея¹⁹ ради и послав²⁰ к ней²¹ дары.²² Она²³ же²⁴ не приат.²⁵

Князь²⁶ же Петр²⁷ поехав²⁸ во²⁹ отчину³⁰ свою, град³² Муром, здравьствуя.³³ На нем же³⁴ бе непомазан³⁵ един струп³⁶ повелением³⁷ девицим.³⁸ И³⁹ от того струпа⁴⁰ начаша многи⁴¹ струпы⁴² расходитися⁴³ на теле его от⁴⁴ перваго⁴⁵ дни, в онь же⁴⁶ поехав⁴⁷ во⁴⁸ отчину⁴⁹ свою.⁵⁰ И⁵¹ бысть

61—62Р в такую малую сию годину 63НП ошибочно: требует 64ЕЗИКАОР в бане 64Ж доб. и; К доб. человек мужеска полу возрасту; Р доб. той бы 65ДЕЖЗИЛНОП сотворити 66Р доб. той 67ДЗИЛНОР отиде; К шед 67Р доб. от нее 68З доб. пришед 68ЕЖИКЛОП нет 69ДР поведа; Е изповеда 70М ему 70ДЕ доб. своему; ИЛ доб. и; К доб. речь девицю; Р доб. своему глаголю девици 71—72Р Благоверный же князь Петр 72З доб. Петр 73Д удивися; ЕЖИЛР дивяся; З дивляся; К удивлеса; Н удивлься 74П о ответех 75—79Р и по том времени убо поиде князь 76—78К нет 77ЖЗЛО по времени 77Е доб. же 78ЕИЛП нет 80—81ИЛ нет 82ГЖЗО девица; ЕИНР девицы; К девицыным; М девицим 82Р доб. тоя 83—84К кислядию помазати 83П нет 84ДЕ помаза; Ж помазав; ЗМО помазася ИЛ помазуя 85Д доб. своя 86О своя 86Р доб. тела своего 86Д нет 87ЕИЛР а 87ЖЗ нет 88Р доб. убо 89З оставлен; К оставити; Р оставив 90—91Е повелением; Н по повелению 90—92Д пропуск 91Р доб. тоя 92ЗИКЛМ девицю 92ДКЛР доб. и 93Р доб. вон; 93ДЕЖК нет 94ДР доб. и; З доб. князь Петр 95—98НП болезнено пострада 95Р доб. тоя 96Е чю(я)ша; О не чюяше 96Р доб. на теле своем 97ЕН на утри; МОП на утри(О-е)я 98КН узре; И уздраве; Л оздраве; П обрете 98—99Р узреша вси людие, яко бысть 98—XII 2Д князь все тело свое узре гладко и здраво 99О же; П свое 99ЕКИЛМН нет 99—100З все свое 100П нет

XIIИЛ доб. его 1Р доб. княже 3ДЖКМНОП разве; ЗИР развее 4ИЛ нет 5ЕНР иже 6—7Е не бе мазан 6П нет 7Г не помазал; Ж немазан; О не помазася 8—9П повелением девицы 9ЕИЛН девици (Е-ы); Р девицу 10К нет 11Р доб. вси людие тому 12З и 12К нет 13Р не восхотев князь 14ЕКО поняти 15ЖЗМОП ея; К девицу 15Н нет 16М в жене; Н женоу 17ЕЖР себе 18О отечествия 19ЕИКА нет 20ЕИКАНОПР посла 21З доб. князь Петр; ДК доб. многи 22Е доб. великы; ЗИ доб. многи; Р доб. многи для ради врачевания ея 23К Девица 24К доб. даров; Р доб. даров от него 25Р не восприяла 25Е доб. от него дару 26—27Р Благоверный же князь Петр 28Д поехал; З посла; ЛМН поеха 29—30ЕКР в вотчину 31ДЕЗИЛПР доб. во; К доб. в 32Л доб. в 33Д здрав; ЕИЖКЛОП здравьствуя; ЖК здравствуа 33ЕР доб. а; ИЛН доб. и; К доб. токмо 34О нет 34—36К един струп, еже бе непомазан 35—36ЕЖЗМНОПР един струп, иже (ЗМНОПР еже) бе непомазан 37—38 ДЗКМ по повелению девицю (ЗК-ью); Е по повелению девицы 39Л нет 39—50К и по пришествию его в град Муром от перваго дни от того струпа нача многиа струпы расходитися по нем 40Ж нет 41ЗР многие (Р-я); М многие; НП мнози 42Д нет 42ДЕР доб. и язвы; О доб. и язвы, яко же первие 43Д множитися 44—60Д и, не доехав до града своего, озело изнеможе, як же и преже 45И прьваго 45НП доб. же 46П нет 47ЖН поехал; ЗЛМ поеха 48—49ЕИР в вотчину 50И доб. в Муромград 51Л нет

паки⁵² весь⁵³ острүүлен⁵⁴ многими⁵⁵ струпы⁵⁶ и⁵⁷ язвами, яко⁵⁸ же⁵⁹ и первые.⁶⁰

И⁶¹ паки⁶² възвратися⁶³ на готовое⁶⁴ исцеление к⁶⁵ девицы.⁶⁶ И⁶⁷ яко же приспе в дом ея, с студом посла к ней,⁶⁸ прося⁶⁹ врачеваниа. Она⁷⁰ же, нимало⁷¹ гневу⁷² подержав,⁷³ рече:⁷⁴ „Аще⁷⁵ будет ми⁷⁶ супружник,⁷⁷ да⁷⁸ будет уврачеван.⁷⁹ Он⁸⁰ же с⁸¹ твердостию⁸² слово⁸³ дасть⁸⁴ ей,⁸⁵ яко⁸⁶ имать⁸⁷ пояти⁸⁸ ю⁸⁹ жену⁹⁰ себе.⁹¹ Сиа⁹² же паки, яко⁹³ и⁹⁴ прежде⁹⁵ то⁹⁶ же врачевание⁹⁷ дасть ему,⁹⁸ еже⁹⁹ предписах.¹⁰⁰ Он же въскоре^{XIII} исцеление² получив,³ поят⁴ ю⁵ жену себе.⁶ Такою⁷ же⁸ виною⁹ бысть Феврониа¹⁰ княгини.¹¹

Придоста¹² же¹³ во¹⁴ отчину¹⁵ свою,¹⁶ град¹⁷ Муром, и¹⁸ живяста¹⁹ в²⁰ всяком благочестии,²¹ ничто²² же от²³ божиих заповедей оставляюще.²⁴

III

По мале²⁵ же²⁶ днии²⁷ предреченны²⁸ князь Павел отходить²⁹ жития³⁰ сего.³¹ Благоверный же³² князь Петр по³³ брате своем³⁴ един самодержец³⁵ бывает³⁶ граду своему.³⁷

51—54 *ЕР* И паки (*Р* доб. же) острүүлену бывшую (*Р*-у) ему 52 *ЖК* нет 52—53 *Н* нет 53 *ОП* нет 55 *М* многими 55—57 *К* нет 56 *Е* струпами 56—57 *Н* нет 58—60 *О* нет 59 *Ж* нет 60 *Ж* впервые 60 *ЕР* доб. расходится на теле (*Р* доб. его). 61 *К* князь же Петр; *Р* Благоверный же князь Петр и 61 *Ж* нет 62 *ИМ* паки 62 *Е* доб. князь 63 *Е* возвратится; *ДЖЗИЛНОПР* возвратися 63 *К* доб. ехав 64 *Д* на готово 65 *О* ко 65—66 *ДЕ* ко девици (*Е*-е); *ЖЗ* к девице 67 *ЕЗМО* нет 67—68 *К* И приехав на прежний свой стан, и посла к девицы с студом 68 *ЗМ* доб. и 69 *Р* доб. от нея 70 *К* Девица 71 *Д* немало; *ЖИЛ* нималу; *О* ни мала 72 *ЕКОР* гнева 73 *П* подержа; *Р* держав к нему и 74 *Р* доб. слазе его 75 *И* да 75 *К* доб. князь ваш 75 *ЕЛ* нет 75—77 *Р* „Да будет ли ми супружник мой? Аще ли же ми будет, но 76 *З* мне; *К* ли 77 *К* доб. мне 78 *И* и 79 *Р* доб. князь ваш 80 *Р* Князь 80—85 *К* Князь же Петр крепкое свое слово даша девице 81 *ДЕО* нет 82 *О* твердости 82 *Р* доб. глаголя и 83 *Р* доб. свое невозвратное 84 *НП* дав 86 *ЗК* доб. же; *Р* доб. уже отселе 87 *К* ему; *ЕИЛ* имам 88 *Е* поять; *КОР* пояты 88—91 *Н* пояты ю в жену себе 89 *ЗК* ея; *ИЛ* тя 89 *П* нет 90—91 *Р* себе женою своему 91 *Ж* себе 92 *ЕИЛР* Она 92—100 *К* Девица же посла к князю врачевание с слугами его, яко же прежде писано 93 *ДЖЗМНО* доб. же 93—95 *ЕПР* нет 94 *М* нет 95 *ИЛ* прежние дни; *О* прежь 96 *Л* его; *О* та 97 *ДО* врачевания; *Е* врачеванием 98 *Д* нет 99—100 *Р* и еже есть преднаписано бысть слово сие 100 *Д* писах; *ИН* преди писах; *М* преже рех

XIII *Е* скоро; *ДЖМНОП* вкоре 1 *Р* доб. от нея 2 *Р* доб. себе 3 *ЕКНПР* получи 3 *ДЗНП* доб. и; *Е* доб. и поехав в во(т)чину свою, град Муром, и здравствуй 3 *К* доб. И бысть ему радость велиа вместо болезни и; *Р* доб. Благоверный же князь Петр поехав в вотчину свою, во град Муром, здравствуй и хваля бога и 4 *Е* пояты; 3 ят 4—6 *Н* поят ю жену себе 4—6 *О* нет 5 *К* девицу 6 *ЕЖ* себе 6 *ЗКП* доб. и 7 *ЕЗИЛНП* таково 7—9 *К* И таковым случаем 8 *П* нет 10 *Д* Ефросиниа 11 *Е* княгиня 11 *З* доб. и 12 *ЗП* приидоша 13 *М* доб. князь Петр 14—15 *ЕИКЛР* в вотчину 16 *ЕЗИКЛ* доб. во 17—19 *Р* и живяста во граде Муроме 18—19 *И* еже беста; *Л* еже быста 20 *ДЕЖЗИКЛНОПР* во 21 *ЕЖ* благочестие 21 *ЗЛ* доб. и; *Р* доб. и благоговейнии и во страхе божи и 22 *ИЛ* никогда 23 *ИЛ* нет 24 *ДОР* оставляющи; *Е* не отступающе; *Н* преступающе 25 *ЕМН* По малех 26 *Е* нет 27 *МНП* днех 27 *К* нет 28 *ДИН* предреченный; *К* прежереченный 29 *ЗКНП* доб. от 30 *Л* живота 31 *ЕИЛ* своего 32 *ЖП* нет 33—34 *К* после брата своего 35 *И* самодержецъ 36 *Д* остана 37 *ДНО* нет 37 *ДНОР* доб.

Княгини⁸ же его³⁹ Февронии⁴⁰ бояре⁴¹ его⁴² не любяху⁴³ жен⁴⁴ ради своих,⁴⁵ яко⁴⁶ бысть княгини⁴⁷ не⁴⁸ отечества⁴⁹ ради ея.⁵⁰ Богу же прославляющу ю⁵¹ добраго ради житиа ея.

Некогда бо⁵² некто⁵³ от предстоящих ей⁵⁴ прииде⁵⁵ ко⁵⁶ благоверному⁵⁷ князю Петру⁵⁸ навадити⁵⁹ на ню,⁶⁰ яко⁶¹ „от коегождо, — рече,⁶² — стола своего⁶³ без⁶⁴ чину⁶⁵ исходит:⁶⁶ внегда бо⁶⁷ встати⁶⁸ ей⁶⁹ взимает⁷⁰ в руку свою⁷¹ крохи,⁷² яко⁷³ гладна!“⁷⁴ Благоверныи же князь Петр, хотя⁷⁵ ю⁷⁶ искусити,⁷⁷ повеле⁷⁸ да обедует⁷⁹ с⁸⁰ ним⁸¹ за единым⁸² столом. И⁸³ яко убо⁸⁴ скончавшуся⁸⁵ обеду,⁸⁶ она же,⁸⁷ яко⁸⁸ же⁸⁹ обычаи имейше,⁹⁰ взем⁹¹ от стола⁹² крохи⁹³ в⁹⁴ руку свою.⁹⁵ Князь же Петр прим⁹⁶ ю⁹⁷ за руку и, развед,⁹⁸ виде⁹⁹ ливан добровонныи¹⁰⁰ и фимиан.^{XIV I} И² от³ того дни⁴ остави ю⁵ к тому⁶ не⁷ искушати.

И⁸ по⁹ мнозе¹⁰ же времени¹¹ придоша к¹² нему¹³ съ¹⁴ яростию¹⁵ бояре¹⁶ его, ркуще:¹⁷ „Хощем¹⁸ вси,¹⁹ княже,²⁰ праведно служити тебе²¹ и²² самодержцем²³ имети тя.²⁴ Но²⁵ княгини²⁶ Февронии не хощем,²⁷ да²⁸ господьствует²⁹ женами³⁰ нашими.³¹ Аще³² хощеши самодержьцем³³ быти, да будет

Мурому ³⁵КР Княгиню ³⁹ЖИКР нет ⁴⁰Ж Февронья; КР Февронию; М Феврония ⁴⁰М доб. и ⁴¹Е бояра; Ж бояра; О бояре ⁴¹ЕЗМ доб. же ⁴²Д нет ⁴³ДЗИКЛН не любляху; Е не любяше; Ж не возлюбляху; Р не любляше ⁴³ЗМ доб. ея ⁴⁴⁻⁴⁵Р для ради жен своих ⁴⁶⁻⁵⁰К пропуск ⁴⁷Р доб. Феврония христианска родителей, а не боярска ⁴⁸⁻⁴⁹О не отечествия ⁴⁸Ж доб. от ⁴⁸ЕЗИЛР нет ⁵⁰Д нет ⁵⁰Р доб. и не хотяше ея имети ю себе. ⁵¹ЕЗИКАМНОПР нет ⁵²П убо ⁵³Ж неки ⁵³КМ нет ⁵⁴КР ему ⁵⁴ЛР доб. и; М доб. некогда ⁵⁴ИП нет ⁵⁵Е приде ⁵⁶ЖКАМНП к ⁵⁷О блаженному ⁵⁷Д нет ⁵⁸ГЖЛО Петрови ⁵⁸З доб. и ⁵⁹Е повадити; Ж наводити; ЗП навади ⁶⁰ЗКР на княгиню Февронию; ИЛ на нея ⁶⁰К доб. и рече ⁶¹Р доб. же бо ⁶²Р доб. до ⁶²КР нет ⁶³Ж нет ⁶⁴⁻⁶⁵ЕИЛ бесчесну; ЖО безчинну ⁶⁵ИЛ исходити; О сходит; Р отходит; ЗК доб. своего ⁶⁶Е доб. и ⁶⁶З нет ⁶⁷Р же ⁶⁷ДЕИКАП нет ⁶⁸ДЗИКАР востати; Ж поставити; Н стати ⁶⁹ЗИМР доб. и ⁶⁹ИЛ нет ⁷⁰КР вземлет ⁷¹П свою ⁷²Ж крухи; К кроху ⁷²Р доб. хлебныи ⁷³Р доб. же ⁷⁴К алича ⁷⁴З доб. есть; Р доб. бысть ⁷⁵ЕЗМ хоте; Р хотяше ⁷⁶ЕЗ ея; О ею ⁷⁷КО доб. и ⁷⁸Р доб. ей ⁷⁹ЕЗК обедает; О обедают ⁸⁰⁻⁸¹Р нет ⁸⁰⁻⁸¹З с нею ⁸²З за одним; П за едином ⁸³⁻⁸⁴Е Яко же суть; Ж Яко бо; ЗР Яко же убо ⁸³ИКАМ нет ⁸⁴П нет ⁸⁵К скончавшу ⁸⁶Е доб. тому ⁸⁷Ж ж ⁸⁸⁻⁸⁹Ж нет ⁸⁹ЕИКАЛОР нет ⁸⁹Р доб. свой ⁹⁰ИП имяше; О мяше ⁹⁰П доб. и ⁹¹Ж взяв ⁹²ЕЗИМ доб. своего ⁹³Ж крухи ⁹⁴⁻⁹⁵ЕИЛП нет ⁹⁵З нет ⁹⁶З прият; П прием ⁹⁷ЗР ея ⁹⁷К нет ⁹⁸ЕЗИКАМР разведе ⁹⁸З доб. у нея руку и; ИКО доб. и; М доб. ю; Р доб. перста ея и ⁹⁹Р доб. видел в рцѣ ея ¹⁰⁰Е добровольныи; О добровонной

XIV I ДЗИЛМНР фимиан; ЕЖКОП фимьян ² П нет ³⁻⁴П от того дне ⁵З ея ⁶К доб. у же ⁷К нет ⁸ЖЗКМНОПР нет ⁹⁻¹⁰Д не по мнозе ¹¹З времени ¹²⁻¹⁷З ко князю Петру и ко княгини Февронии бояре их съ яростию великою и рекоша сице ¹²⁻¹³О нет ¹⁴⁻¹⁵Д нет ¹⁴⁻¹⁷ бояре его и с яростию к нему рекуще ¹⁶Е бояра; Ж бояря; О бояре ¹⁷МН рекуще ¹⁷К доб. ему ¹⁸Р доб. убо ¹⁹Р доб. мы ¹⁹ЕИЛ нет ²⁰НП нет ²¹Ж тебе ²²ИЛ нет ²³Д самодержьц; ЕЛМ самодержьц; И самодержьцем ²³Р доб. над нами ²⁴З тебя ²⁵Р а ²⁶З княгини ²⁷Р доб. имети ²⁸⁻³¹К государыни нам и женам нашим не будет ²⁹ЗО не господьствует; НП государьствует ²⁹Е доб. с ²⁸⁻³¹Р государыни нам и женам нашим да не будет ³⁰Е доб. с ³⁰З доб. над ³²НОПР доб. ли ³³ДНП самодержьц; И самодержьцѣ

ти³⁴ ина³⁵ княгини.³⁶ Феврония же,³⁷ взем³⁸ богатство³⁹ довольно⁴⁰ себе,⁴¹ отоидет,⁴¹ амо же хочет!⁴¹ Блаженный⁴³ же⁴⁴ князь⁴⁵ Петр, яко же⁴⁶ бе⁴⁷ ему обычай,⁴⁸ ни⁴⁹ о чесом же⁵⁰ ярости⁵¹ имея,⁵² со⁵³ смирением⁵⁴ отвеща.⁵⁵ „Да⁵⁶ глаголита⁵⁷ к⁵⁸ Февронии, и⁵⁹ яко же⁶⁰ речет,⁶¹ тогда⁶² слышим“.⁶³

Они же неистовии,⁶⁴ наполнившеся⁶⁵ безстудиа,⁶⁶ умыслиша,⁶⁷ да учредят⁶⁸ пир. И сътвориша.⁶⁹ И,⁷⁰ егда же⁷¹ быша⁷² весели,⁷³ начаша простирати⁷⁴ безстудныя⁷⁵ своя гласы,⁷⁶ аки⁷⁷ пси⁷⁸ лающе,⁷⁹ отнемлюще,⁸⁰ у⁸¹ святых⁸² божи⁸³ дар,⁸⁴ его же ей⁸⁵ бог и по смерти неразлучна⁸⁶ обеща⁸⁷ есть.⁸⁸ И⁸⁹ глаголаху:⁹⁰ „Госпоже⁹¹ княгини⁹² Феврония!⁹³ Весь град⁹⁴ и боляре⁹⁵ глаголють тебе:⁹⁶ «дай⁹⁷ же⁹⁸ нам,⁹⁹ его¹⁰⁰ же мы^{XV1} у тебе² просим!»“ Она³ же рече:⁴ „Да⁵ възмета,⁶ его⁷ же⁸ просита.“⁹ Они же,¹⁰ яко идинеми¹¹ усты,¹² ркоша:¹³ „Мы убо,¹⁴ госпоже, вси князя¹⁵ Петра хотим, да самодръжствует¹⁶ над нами. Тебе¹⁷ же¹⁸ жены наши¹⁹ не хотя-

³⁴ЗК тебе ³⁵ЕЗИЛР иная ³⁶З княгини; П княгиня ³⁶КМ доб. а ³⁷О нет ³⁷Р доб. княгини ³⁸О взмие; Р вземше ³⁹ЕЗИКЛ богатства; НОП богатство; Р богатства своего ⁴⁰⁻⁴¹И нет ⁴¹ЕЖ себе ⁴¹ДЗКПР доб. и ⁴¹Л нет ⁴²ЛЕВИКЛНОП отидет ⁴²Е доб. и ⁴³К Благоверный ⁴⁴Е нет ⁴⁵ГНР нет ⁴⁶Ж нет ⁴⁷⁻⁶⁶Е оторвана часть листа ⁴⁸ГЕЗ обычной ⁴⁸Р доб. и ⁴⁹⁻⁵⁰ЗР ни о чем же; П не о чем ⁵¹ИЛ ярость ⁵¹К доб. к ним ⁵²З имети; К имевше; Р не имея себе ⁵²ЗИЛНР доб. но ⁵²П нет ⁵³Д нет ⁵³⁻⁵⁴П но тихо ⁵³⁻⁵⁴К нет ⁵⁴З доб. к ним ⁵⁵З отвещав; И отвещеваше; ЛР отвещаше; ⁵⁵ИЛР доб. им ⁵⁶⁻⁶³Р глаголя, тако же и Февронии, яко же рече, тогда услышим ⁵⁷ДМ глаголите; ЗИЛ глаголете; КП глаголета ⁵⁸ДЖИКЛНО нет ⁵⁹К нет ⁵⁹⁻⁶³ИЛ пропуск ⁶⁰З доб. что ⁶¹К рече ⁶¹З доб. Феврония ⁶²ЭКМ того да ⁶³З послушаем ⁶²⁻⁶³Н то да слышим; П да слышим ⁶⁴⁻⁶⁶ИЛ неистовия и безстудия наполнившеся ⁶⁴О неистовии ⁶⁵ЖО наполнившеся; ЗКМ наполнишася ⁶⁵К доб. и; Р доб. своего ⁶⁶К безстудная ⁶⁶ЗИЛНР доб. и ⁶⁷О умысливше ⁶⁸ЕИЛ сотворят ⁶⁹ДЕЖЗИЛНОП сотвориша ⁶⁹К доб. и бша челом князю и княгине, яко же бе обычай. Князь же и княгиня не презре моления их и приехаша к ним на обед. И быша у них пирова(ние), князю и княгине (не) честь велиа, но леть ⁶⁹ЗИЛР доб. тако ⁷⁰⁻⁷¹Е его, да ⁷⁰ИКЛПР нет ⁷¹ЖЗИЛМОП нет ⁷¹Н уже ⁷²⁻⁷³К пиша и веселишася и; П бяху в веселии ⁷³ЕИЛР весельи ⁷³З доб. на пиру и; ОР доб. и ⁷⁴Р доб. они ⁷⁵⁻⁷⁶К безстудная словеса княгини Февронии; Р безстудная своя словеса ⁷⁶Е гласи; ЖЭМНП глаголы ⁷⁷П яко ⁷⁷⁻⁸²Е а иже ни лающе и от'емлюще усты ⁷⁸О пси ⁷⁸⁻⁷⁹ИЛ желание ⁸⁰Ж отнемлюща; ИКЛОР от'емлюще; М и емлюще ⁸⁰⁻⁸²З и не внемлюще, яже святых ⁸¹⁻⁸²Р усты своими ⁸²Ж святых; К у святых ⁸²И доб. сий; Л доб. сия ⁸³⁻⁸⁴О дары божиа ⁸⁵М им; ЕИКЛНПР нет ⁸⁶К неразлучи бе; П неразлучно ⁸⁷⁻⁸⁸И и обьящая сотвори; Л и обща и сотвори ⁸⁸К и даровал им; Р и даровал им. Они же неразумнии и злии сотвориша тако. ⁸⁹⁻⁹⁰З И боляре рекоша ⁸⁹КР нет ⁹⁰Ж глаголаше ⁹⁰Р доб. к ней ⁹⁰⁻⁹⁵М нет ⁹¹О госпожа ⁹¹⁻⁹⁶З пропуск ⁹¹⁻⁹⁶ИЛ весь град и боляре(Л-я) его: „Госпоже княгини Февроние ⁹²КР нет ⁹³НП Февроние; О Февронии ⁹⁴Р доб. наш ⁹⁵Е боляра ⁹⁵Ж боляра ⁹⁵Ж доб. рече ⁹⁶Е тебе; М боляре к Февронии: „Госпоже ⁹⁷ЖКМНОП даждь ⁹⁸ЖКМНОП нет ⁹⁹Е доб. князя Петра ¹⁰⁰Л чего

^{XV1}ЕЖИЛ нет ²Е у тебе; ЖЗ у тебя; О у тебя ³⁻⁴ЕЖО пропуск ⁴ЛИ глагола ⁴ИКЛР доб. им ⁵ЭМ нет ⁶З Возмите; М Возмита; ИЛ возмете ⁷⁻⁸П еже ⁹Е просиша; ЗИЛР просите; К просиета ¹⁰Р доб. убо ¹¹ДЕЖЗ едиными ¹²Р доб. к ней ¹²⁻²³Е оторвана часть листа ¹³ЗИКЛМОР рекоша; НП реша ¹⁴П нет ¹⁵Р князи и боляре ¹⁶ДЛМНО самодержествует; ЗР самодержавствует ¹⁷З тебя ¹⁷⁻²³ИЛ пропуск ¹⁷⁻¹⁸К А тебе ¹⁹ДКНР наша

хуть,²⁰ яко²¹ господствуеши²² над ними.²³ Взем²⁴ богатство²⁵ довольно себе²⁶ отидеши,²⁷ амо же хоцеша²⁸. Она же рече:²⁸ „Обещахся²⁹ вам,³⁰ яко, елика³¹ аще³² просите,³³ примете.³⁴ Аз же³⁵ вам глаголю: «дадите³⁶ мне,³⁷ его³⁸ же аще³⁹ аз⁴⁰ въспрошу⁴¹ у ваю». ⁴² Они же⁴³ зли⁴⁴ ради⁴⁵ быша,⁴⁶ не ведуще будущаго, и⁴⁷ глаголаша⁴⁸ с⁴⁹ клятвою,⁵⁰ яко⁵¹ „аще⁵² речеши,⁵³ единою⁵⁴ без прекословия⁵⁵ възмеша⁵⁶“. Она⁵⁷ же рече:⁵⁸ „Ничто⁵⁹ же⁶⁰ ино⁶¹ прошу,⁶² токмо супруга⁶³ моего⁶⁴ князя Петра“. Реша⁶⁵ же они:⁶⁶ „Аще⁶⁷ сам възхоцет,⁶⁸ ни о том тебе⁶⁹ глаголем“. ⁷⁰ Враг⁷¹ бо⁷² наполни⁷³ их⁷¹ мысли,⁷⁵ яко, аще не будет⁷⁶ князь⁷⁷ Петр,⁷⁸ да поставят⁷⁹ себе⁸⁰ инаго⁸¹ самодержцем:⁸² киждо⁸³ бо⁸⁴ от⁸⁵ боляр⁸⁶ в⁸⁷ уме своем⁸⁸ дрѣжаше,⁸⁹ яко⁹⁰ сам⁹¹ хоцет⁹² самодержец⁹³ быти.

Блаженныи же⁹⁴ князь⁹⁵ Петр, не възлюбил⁹⁶ временнаго⁹⁷ самодержавства,⁹⁸ кроме божиих заповедей, но⁹⁹ по¹⁰⁰ заповедем его^{XVI}¹ шествуя,² держашеся³ сих,⁴ яко же⁵ богогласныи⁶ Матфеи в⁷ своем благовестии вещает.⁸ Рече бо, яко⁹ „иже¹⁰ аще¹¹ пустит жену свою, развие¹² словеси¹³ прелюбодеинаго,¹⁴ и оженится¹⁵ иною, прелюбы¹⁶ творит“. ¹⁷ Сеи¹⁸ же бла-

²⁰КНПР не хотят; О не хотяку ²¹Д нет ²¹ДЗР доб. да ²²Ж господиствуеши; Э господствуешь; КПР государствуеши(К-ъ) ²³О над нами ²³З доб. но; М доб. и; ИЛ доб. Ты же ²⁴КО возми; Р взмеше ²⁴КР доб. убо ²⁵ЕЗЛ богатства; Ж богатство ИК богатства; НП богатство ²⁶ЖК себе ²⁶ЗКЛ ОП доб. и; Р доб. да; ²⁶ИЛ нет ²⁷ДЖЗКНПР отидеши; ЕЛ отиди; И отиди ²⁷ИЛ доб. от нас ²⁸ИЛ доб. Аз бо; Р доб. к ним ²⁹⁻³⁰П нет ³¹ДЕЗ елико ³²ЗМ нет ³³ДЕЗИКЛМНОП просита; Ж проста ³³Д доб. да; ЕИЛ доб. и ³⁴ЕЖЗКНПР примета; О примета ³⁵К нет ³⁶ЖЗ дадата ³⁶З доб. ли; Р доб. вы ³⁷Е нет ³⁷КО ми ³⁸⁻⁴⁰К яже ³⁸ЕЖР нет ⁴⁰НП нет ⁴¹ДЖ вопрошу ⁴²ЗИКЛОР у вас ⁴³Ж иже ⁴⁴ЖК зли; ИЛ велми ⁴⁵Е рады; Д раби ⁴⁶ЕЖИКЛПР бывше ⁴⁸Е доб. а; Р доб. и лукави ⁴⁶Д нет ⁴⁷Р нет ⁴⁸ЕИЛР глаголюще; Ж глаголаше ⁴⁸Р доб. к ней ⁴⁹Е со ⁴⁹⁻⁵⁰З с клятвами ⁵¹О доб. же ⁵²К же ⁵²П нет ⁵³Ж рече ⁵³Р доб. нам ⁵⁴Е едино ⁵⁵ИЛ бес прекосновения ⁵⁵Р доб. то и ⁵⁶ДЕЖЗИЛМНОП возмеша ⁵⁷К Княгини ⁵⁸Р доб. к ним ⁵⁹⁻⁶⁰Ж что ⁵⁹⁻⁶²ИЛ ни чего же иного не прошу, но ⁶¹КР иного ⁶¹Р доб. у вас ⁶²М вопрошу; О не прошу ⁶³К государя ⁶⁴ДП своего ⁶⁵⁻⁶⁶З Боляре же реша к ней; Р Они же реша ей ⁶⁶О ей ⁶⁷Р доб. ли ⁶⁸ДЖЗИКЛМНОП възхоцет ⁶⁹ЕЖ тебе ⁷⁰ЗМ не глаголем ⁷¹К ошибочно: Град ⁷²О же ⁷²З доб. насея и ⁷³Р наполнил сердца ⁷⁴К нет ⁷⁴⁻⁷⁵П мысль их ⁷⁵ЕН мысли ⁷⁵ДКР доб. злых ⁷⁶Р доб. у них ⁷⁷⁻⁷⁸ЗКР князя Петра ⁷⁹ЕИЛ поставим ⁸⁰ЕЖК себе ⁸¹КПР иного ⁸¹Р доб. князя ⁸²Е самодержца; И самодержцем; О самодержца; П самодержца ⁸³⁻⁸⁴З а каждо бо их ⁸³⁻⁸³К пропуск ⁸⁴ПР нет ⁸⁵⁻⁸⁶Р боля ⁸⁶Л от бояр ⁸⁷ДЕЖЗИКЛМНОП во ⁸⁸П нет ⁸⁹ДЕЗМНО держаше; Ж держаша; И дрѣжаша; Л держашу; Р держаше ⁹⁰Р нет ⁹¹⁻⁹²Е сами хоцут самодержцы ⁹¹⁻⁹²Р сами хотят ⁹¹О нет ⁹³ОР самодержцем ⁹⁴КЛ нет ⁹⁵ИЛР нет ⁹⁶ДЕЖЗИКЛНОП не възлюби ⁹⁷ЗК временнаго ⁹⁸ДЕЖИКЛН самодержства; П самодержавства; Р самодержства ⁹⁹Р И ¹⁰⁰Ж нет

^{XVI}1З нет ²Ж шествуа ²П доб. и ³⁻⁴К дрѣжаше их ³ОП держася; Р держаше ⁴Е их ⁵К нет ⁶И доб. евангелист ⁷ДЕЗЛОПР во ⁸КР доб. днесь ⁹⁻¹⁰П нет ¹⁰ИЛ же; ДЗКР нет ¹¹З доб. хто ¹¹ЕИЛ нет ¹²ЖКН развие; ЗМОР развие ¹²⁻¹⁴П нет ¹³ДКР словесе; Е слова ¹⁵ЕК женитася; Ж женитца ¹⁶Е прелюбодейство ¹⁷ИЛ сотвори ¹⁸М Сий ¹⁸⁻²⁸К Сей же блаженный князь Павел (!) сьтвори, да запо-

женныи¹⁹ князь²⁰ по евангелию²¹ сътвори:²² одержание²³ свое²⁴, яко²⁵ уметы,²⁶ да²⁷ заповеди божиа не разрушита.²⁸

IV

Они же²⁹ злочестивии³⁰ боляре³¹ даша им³² суды³³ на³⁴ реце,³⁵ — бяше³⁶ бо³⁷ под градом тем³⁸ река, глаголемая³⁹ Ока.⁴⁰ Они⁴¹ же пловуще⁴² по⁴³ реце⁴⁴ в⁴⁵ судех.⁴⁶ Некто же⁴⁷ бе⁴⁸ человек⁴⁹ у блаженныя⁵⁰ княгини Февронии⁵¹ в судне,⁵² его⁵³ же и⁵⁴ жена⁵⁵ в том же судне бысть.⁵⁶ Тои же⁵⁷ человек, прием помысл⁵⁸ от лукаваго беса⁵⁹, възрев⁶⁰ на святую⁶¹ с⁶² помыслом.⁶³ Она же, разумев⁶⁴ злым⁶⁵ помысл⁶⁶ его,⁶⁷ вскоре⁶⁸ обличи⁶⁹ и.⁷⁰ Рече⁷¹ ему:⁷² „Почерпи убо⁷³ воды⁷⁴ из⁷⁵ реки сиа⁷⁶ с⁷⁷ сю⁷⁸ страну судна сего.“⁷⁹ Он же⁸⁰ почерпе.⁸¹ И⁸² повеле ему испити.⁸³ Он⁸⁴ же пит.⁸⁵ Рече же⁸⁶ паки⁸⁷ она:⁸⁸ „Почерпи убо⁸⁹ воды⁹⁰ з⁹¹ другую страну⁹² судна сего.“⁹³ Он же почерпе.⁹⁴ И повеле ему⁹⁵ паки⁹⁶ испити.⁹⁷ Он⁹⁸ же⁹⁹ пит.¹⁰⁰ Она^{XVIII} же рече:² „Равна ли³ убо⁴ си⁵ вода есть,⁶ или едина⁷ слажеша?“⁸ Он же рече:⁹ „Едина¹⁰ есть, госпоже,¹¹ вода.“¹² Паки¹³ же¹⁴ она¹⁵ рече¹⁶ сице:¹⁷ „И¹⁸ едино¹⁹ естество женьское есть.²⁰ Почто убо, свою жену оставя,²¹

ведь божию не разрушит ¹⁹ИЛ благоверный ¹⁹М доб. же ²⁰ДЗИР доб. Петр ²¹З по евангильскому словеси ²²ДЕЖЭНОР сотвори ²²З доб. и ^{23—26}ЖИЛР пропуск ^{23—24}Н одержанияи своем ²⁵О доб. же ²⁶М вменив ²⁷Л доб. по ²⁷ЕО нет ²⁸ДИЛНОР не разрушит; Е не разорив; Ж не раздрушит; З неразрушенны сохранил; М не разруши; П не разорит ²⁹З доб. злыя изменники ³⁰Д злочестии; Е злочестивыи; К злочестивыа ³¹ГЖИЛ боляря; Е боляра ³²М князю Петру и княгине Февронии ³³Е сосуды ^{34—35}И нет ³⁵К доб. Оке ³⁶Л быша ³⁷Р убо ³⁷К нет ^{38—40}Р на Оке ^{38—40}К пропуск ³⁸О глаголема ³⁹П нет ⁴¹М Блаженный же князь Петр и с княгинею своею Феврониею всежде в суды и ⁴²ИЛ попыша ^{43—44}ЕР по реке ^{43—44}П нет ⁴⁴З доб. той ^{45—46}Ж в судех; М на низ ^{45—46}З нет ⁴⁶Д доб. волею самодержства остае, но и паче бог прослави и ⁴⁶Е доб. и ⁴⁷ПР нет ⁴⁸Д нет ^{49—57}Р пропуск ⁵⁰Ж блаженныи; О блаженныи ⁵¹К нет ⁵²Д доб. бысть ⁵³П ему ^{53—55}Е и его же жена; ЭК и жена его (К доб. бе); ИЛ жена же его ⁵⁴ОП нет ⁵⁶ЕЖИЛ бяше ⁵⁶И доб. же ⁵⁶К нет ⁵⁷И нет ⁵⁸О помыслы ⁵⁸КР доб. блудный ⁵⁹Ж ошибочно: себе ⁶⁰ДЕЖЭМНОР възрев; ИЛ взорив; К възре; П възре ⁶⁰Р доб. убо ⁶¹ЗР доб. Февронию ⁶²ЖИЛ нет ^{62—63}КР нет ⁶³З доб. злым ⁶⁴П разуме; Р уразумевше ⁶⁵Д нет ^{65—86}ЕИЛ злыя (И-е) помыслы ⁶⁷Р доб. и ^{68—70}Д пропуск ^{68—72}К пропуск ⁶⁹ЭМ обличив ⁶⁹ЗР доб. его ⁷⁰ЕЖЗ нет ⁷¹ДЭП И рече ⁷¹Н доб. бо ⁷²Р доб. святая княгини Феврония ⁷³П нет ^{74—76}Д воды сея из реки ⁷⁵П от ^{76—79}Ж страну сия из судна сего ⁷⁶ЗИКЛНПР сея ^{77—78}ЕИЛР с сию ^{77—79}К пропуск ⁸⁰Е доб. рече; Р доб. убо ⁸¹Д почерп ⁸¹Р доб. воды ⁸¹На этом список Е обрывается ⁸²П Она же ⁸³ЭКМ пяти ^{84—85}Д пропуск ⁸⁵З пив; К испи; Л пия; Р испив ⁸⁵ИКЛР доб. и ⁸⁶ЗИЛМПР нет (ИР доб. ему) ^{86—88}К нет ^{87—88}Р святая ⁸⁹П нет ⁹⁰Р доб. сея ^{91—92}Р в другия страны ⁹³Д нет ⁹⁴Р доб. воды ⁹⁵Р доб. святая ⁹⁵НП нет ⁹⁶ДО нет ⁹⁷Д „Испий!“; ЭК пяти ^{98—100}КР пропуск ⁹⁹П доб. паки ¹⁰⁰Д испи; З испив; ИЛ пиег

XVIII—2 Д И рече ему ²ЭМР доб ему ³Р доб. есть ⁴ДП нет ⁵ЗИКЛОР сия ⁵М нет ⁵П суть вода сия ⁶ДР нет ⁷ИЛ нет ⁸Д сладши; Э сладстнее; И слажде; ЛМН сладыши (Л-е); К сладчаше; П слажде; Р сладчайши ⁹ИЛР доб. ей ¹⁰З Единак ¹¹Ж госпожа ¹²З доб. и; Л доб. та; И доб. та, из единой реки; Р доб. равна убо по обе страны ¹³Л Сие ^{13—15}ИР Она же; К княгини же ¹⁴ЭП нет ¹⁶Р доб. ему ^{17—20}Р сице убо в женьском естестве едино есть ¹⁸ДЗИЛНОП нет ¹⁹Д доб. и; ИЛ доб. есть ²⁰ЖИКЛМНП нет ²⁰К доб. то ²¹З оставил еси;

чюжиа²² мыслиши!“. Тои же человек,²³ уведе,²⁴ яко²⁵ в ней есть²⁶ прозре-
ния²⁷ дар,²⁸ бояся²⁹ к³⁰ кому³¹ таковая помышляти.

Вечеру же приспевшу,³² начаша³³ ставитися на брезе.³⁴ Блаженный же
князь Петр яко³⁵ помышляти начат:³⁶ „Како³⁷ будет,³⁸ понеже³⁹ волею⁴⁰
самодержьства⁴¹ гоньзнув“?⁴² Предивная⁴³ же⁴⁴ Феврониа⁴⁵ глагола ему:
„Не скорби,⁴⁶ княже,⁴⁷ милостивый⁴⁸ бог⁴⁹, творец⁵⁰ и промысленник
всему,⁵¹ не оставит нас⁵² в нищете быти!“⁵³

На⁵⁴ брезе же⁵⁵ том блаженному⁵⁶ князю Петру⁵⁷ на⁵⁸ вечерю его⁵⁹
ядь готовляху.⁶⁰ И⁶¹ потче⁶² повар его⁶³ древца малы,⁶⁴ на них же котлы
висяху.⁶⁵ По вечери же святая княгини⁶⁶ Феврониа⁶⁷ ходящи⁶⁸ по берегу
и видевши⁶⁹ древца⁷⁰ тья,⁷¹ благослови,⁷² рекши:⁷³ „Да⁷⁴ будут⁷⁵ сиа⁷⁶
на⁷⁷ утри⁷⁸ древие⁷⁹ велико,⁸⁰ имущи⁸¹ ветви⁸² и листие“.⁸³ Еже⁸⁴ и бысть.⁸⁵
Вставши⁸⁶ бо⁸⁷ утре⁸⁸ обретоша⁸⁹ тья⁹⁰ древца велико⁹¹. древие,⁹² имуще
ветви⁹³ и листие.⁹⁴ И⁹⁵ яко⁹⁶ уже⁹⁷ хотяху⁹⁸ людие⁹⁹ их¹⁰⁰ рухло^{XVIII} вме-
тати² в³ суды⁴ с⁵ берега,⁶ приидоша же⁷ вельможа⁸ от града Мурома,⁹
ркуще:¹⁰ „Господи¹¹ княже,¹² от всех¹³ вельмож и ото¹⁴ всего¹⁵ града¹⁶

КР оставляеши ²²*Д* чюжие; *Ж* чюжая; *ИЛ* к чюжей; *КОР* а на (*О* нет) чюжую
²³*П* нет ²⁴*ЗПР* увидев; *КЛ* увиде ²⁵*Р* доб. убо ²⁶*З* доб. благодать святого духа
²⁶*Р* доб. святое ²⁷*КР* прозрение ²⁸*К* да ²⁸*ИЛР* доб. и ²⁸*Р* нет ²⁹*ИКЛР* убояся
³⁰⁻³¹*КР* нет ³²*К* доб. и ³³*Ж* начася; *К* начаше ³³*Р* доб. убо ³⁴*Л* на берегу;
Н на берег ³⁴*Д* доб. обночевати ³⁵*ИЛП* нет ³⁶*Р* нача ³⁷⁻⁴²*Д* яко „волею само-
держьства гоньзул. Како что будет?“ ³⁸*КР* доб. ми ³⁹*Р* доб. убо ⁴⁰*Р* доб. своею
⁴¹*ЗИМН* самодержавь (*И-ь*)ства; *К* самодръжьства ⁴²*К* гоньзул; *О* гоньзнут; *П* гоньзу
⁴¹⁻⁴²*Р* самодержавство оставил есмь ⁴³*М* преподобная ⁴⁴*ЖЗИКЛМНОПР* доб.
княгини (*Ж-е*; *З-ни*); *Д* нет ⁴⁵*ЖКЛ* нет ⁴⁶*ЗК* доб. господине; *Р* доб. о сем
⁴⁷*Р* доб. Петре ⁴⁸*ЖИКЛР* милостив ⁴⁹*К* бо есть ⁴⁹*П* доб. и ⁵⁰*И* доб. вся земля
⁵¹*Р* доб. и ⁵²*О* доб. бог ⁵³*Р* жити ⁵⁴⁻⁵⁷*И* Блаженному же князю Петру на брезе
у реки тоя ⁵⁵*К* нет ⁵⁶⁻⁵⁷*Д* блаженным ⁵⁶*К* доб. же ⁵⁷*К* нет ⁵⁷*К* доб. и княгине
⁵⁷⁻⁵⁹*Р* нет ⁵⁸⁻⁶⁰*К* снедь готовяше ⁵⁹*ДЗМО* нет ⁶⁰*ЗМР* готовяху ⁶¹⁻⁶⁴*ИЛ* *И* нача
повар (*Л* доб. его) древие младое (*Л-малое*) наклоняти ⁶²*З* подьсече; *Р* вотькнувше
⁶³*Д* нет ⁶⁵*ИЛ* висят; *К* складаху ⁶⁶*ИЛП* нет ⁶⁷*Ж* Феврониа ⁶⁸*ЖЗКО* ходяще
⁶⁹*КМР* видевше ⁷⁰*Ж* древцы ⁷¹*З* та; *ЛР* те ⁷¹*ЗКР* доб. и ⁷²*Д* доб. я; *Р* доб. их
⁷³*КМР* рекше ⁷³*Р* доб. убо ⁷⁴⁻⁷⁵*ИЛ* древца ⁷⁵*Ж* будет ⁷⁵*К* доб. убо ⁷⁶*Ж* сиа ⁷⁶*О* нет
⁷⁷⁻⁷⁸*Д* на утрени; *ЖИНР* на утрие; *ОП* на утрия ⁷⁷⁻⁷⁸*К* нет ⁷⁹*ЗК* древия ⁸⁰*Д* великая;
К велика; *Н* велие; *Р* великое ⁸⁰*Р* доб. и ⁸¹*Д* имущия; *ЖЗИКЛНОПР* имуще
⁸²*ЗИКЛМОР* ветвие; *НП* древие ⁸³*ИЛ* лествие ⁸⁴⁻⁸⁵*К* пропуск ⁸⁴⁻⁸⁴*ИЛР* пропуск
⁸⁶*ДЖ* воставши; *НО* воставше; *З* ставше; *КМ* вьставше ⁸⁷*КНП* убо ⁸⁷*М* нет
⁸⁷⁻⁸⁸*З* на утри; *М* заутра; *О* на утре ⁸⁸*П* доб. и ⁸⁹⁻⁹²*Д* тья древца узреша
возрастоша ⁸⁹*З* доб. же; *П* доб. убо ⁹⁰*З* та; *Н* тоя ⁹¹*НОП* великое ⁹¹⁻⁹³*К* велика
имуще ветвие ⁹²*М* нет ⁹³*ДЗМО* ветвие ⁹⁵*ЖИКЛ* нет ⁹⁶*ДИКЛНОР* доб. же
⁹⁷⁻⁹⁸*З* хотяху же ⁹⁷*ИКЛР* нет ⁹⁸*К* хотяще ⁹⁹*М* люди ¹⁰⁰*ДИЛ* нет

^{XVIII}*З* доб. и ядь ¹*ИЛМ* рухлядь; *О* рухледи ¹⁻⁸*К* в судно с берега класти
рухлядь и ²*ДО* метати; *М* вносити ³⁻⁴*О* в судно ³⁻⁴*НП* нет ⁵*ДЖЗМНОР* со
⁵⁻⁶*Л* с берегу ⁶*ЗР* доб. и ⁷*ЖЗИКЛМПР* нет ⁷*Р* доб. вся ⁸*ДИЛНПР* белможи
⁹*Д* нет ⁹*Д* доб. мнози, со слезами от всего града; *Р* доб. и ¹⁰*ДЗ* глаголюще;
МНП рекуще (*П-и*) ¹⁰*З* доб. сице; *Р* доб. ему таковы словеса ¹¹*ПР* Господине
¹¹⁻¹²*З* Государь князь Петр ¹¹⁻¹²*К* нет ¹²*Р* доб. Петр ¹³*О* нет ¹⁴*ДЖЗКМНОПР* от
¹⁴*К* доб. мужей ¹⁵*К* всех ¹⁶*К* доб. Мурома; *Л* доб. и; *Р* доб. нашего

придохом¹⁷ к¹⁸ тебе, да¹⁹ не оставиши²⁰ нас сирых, но²¹ възвратишися²² на²³ свое отечествиe.²⁴ Мнози бо²⁵ вельможа²⁶ во граде²⁷ погибоша от меча.²⁸ Книждо²⁹ их³⁰ хотя³¹ державствоватьи,³² сами³³ ся³⁴ изгубиша.³⁵ А³⁶ оставшии³⁷ вси³⁸ с³⁹ всем народом⁴⁰ молят⁴¹ тя,⁴² глаголюще:⁴³ „Господи⁴⁴ княже,⁴⁵ аще и⁴⁶ прогневахом тя⁴⁷ и⁴⁸ раздражихом тя,⁴⁹ не хотяще,⁵⁰ да⁵¹ княгини⁵² Феврония⁵³ господствует⁵⁴ женами нашими,⁵⁵ ныне⁵⁶ же⁵⁷ с⁵⁸ всеми дома своими⁵⁹ раби⁶⁰ ваю⁶¹ есмы,⁶² и⁶³ хощем, и⁶⁴ любим и молим,⁶⁵ да не оставита⁶⁶ нас⁶⁷ раб своих.⁶⁸”

V

Блаженный⁶⁹ же⁷⁰ князь Петр и блаженная⁷¹ княгини Феврония⁷² възвратишася⁷³ в⁷⁴ град свои.⁷⁵

И⁷⁶ беху⁷⁷ державствующе⁷⁸ в⁷⁹ граде том,⁸⁰ ходяще⁸¹ в⁸² всех заповедех и⁸³ оправданиих⁸⁴ господних бес⁸⁵ порока,⁸⁶ в⁸⁷ молбах непрестанных и⁸⁸ милостынях⁸⁹ и⁹⁰ ко всем людем,⁹¹ под их⁹² властью сущим,⁹³ аки⁹⁴ чадолубивии⁹⁵ отец⁹⁶ и⁹⁷ мати. Беста⁹⁸ бо⁹⁹ ко всем¹⁰⁰ любовь равну имуще, XIX¹ не любяще² гордости, ни³ граблениа,⁴ ни⁵ богатства⁶ тлен-

¹⁷ДЗМ придох; П придем ¹⁷К нет ¹⁸⁻¹⁹К тебе государю бити челом, чтобы еси, государь, пожаловал нас в свое государство, град Муром, и ²⁰КО не остави ²¹ИЛ нет ²²ДЖИНОП возвратишася; ЗКЛМР возвратиши ²²Р доб. господине наш ²³ИКА во ²⁴ДЗИЛОП отечество ²⁵П нет ²⁵Р доб. убо ²⁶ДЖИКЛМОП вельможи ²⁷Р доб. Муроме ²⁸Р доб. своего ²⁹Д Книждо; Э а каждо ²⁹ДЭК доб. бо ²⁹⁻³³О пропуск ³⁰Д нет ³¹ЗМ хотяше; И хотяху; Р хотяще ³²ДЖР державствоватьи; И државствоватьи; П државствоватьи ³²Р доб. но ³⁴Э собя ³⁴ИЛ нет ³⁵ИЛ изгибоша; КП избиша; Н убиша; Р между собою избиша ³⁵Э доб. оружием ³⁶НП и ³⁷Ж оставише; ИЛ оставиши; Р оставшии ³⁷К доб. же; Р доб. во граде Муроме ³⁸⁻⁴⁰К вельможи, и священицы, и весь причет церковный со множеством народа ³⁸Э доб. вельможа, и со всеми людьми ³⁸ПР нет ³⁹ЖЭКНОП со ³⁹ДИЛ нет ⁴⁰И градом ⁴¹Н молим ⁴²⁻⁴⁵К тебя государя князя Петра и государиню княгиню Февронию ⁴²П нет ⁴³МО глаголющи ⁴⁴⁻⁴⁵Э Государь князь Петр ⁴⁴ИР Господине; А Государю ⁴⁵Р доб. Петре ⁴⁶КМО нет ⁴⁷К нет ⁴⁸⁻⁴⁹ИЛР пропуск ⁵⁰ЖЭК не хотящи; Р нехотящи ⁵¹НП еже ⁵¹К доб. государини; ЛР доб. и ⁵²Э княгиня ⁵²ИЛ доб. же; Д доб. твоя ⁵³НП Февронии ⁵³Д нет ⁵⁴К государьствуещи; Н господарствоватьи. П государьствоватьи; Р государьствовала бы ⁵⁵К наши ⁵⁵ИЛ доб. и ⁵⁶КР мы ⁵⁷О нет ⁵⁸ДЖЗИЛНОП со ⁵⁸К вашими ⁶⁰АЛОП рабы; Р будем уже раби ⁶¹Э вам; КР ваши ⁶²К нет ⁶³ДКР нет ⁶³⁻⁶⁴Р хотяше убо вси мы в совокуплении быти ⁶⁵КР доб. вас ⁶⁶ЭНОП не оставиши; ИКАР не оставите ⁶⁷Р доб. сирых ⁶⁸К доб. сирых ⁶⁹П Благоверный ⁷⁰ЖО нет ⁷¹⁻⁷²К с блаженною княгинею Феврониею ⁷¹Д нет ⁷²ДЖЗИЛМНП Феврония; О Февронии ⁷²Д доб. послуша их молящихся ⁷³ДЖАЛНОП возвратишася; Э возвратишася; К възвратися ⁷⁴ДЖЗИНОР во ⁷⁵ЭР доб. Муром ⁷⁶КР нет ⁷⁷ДЗИКАМНПР бяху ⁷⁷Р доб. убо ⁷⁸ДЖОР державствующе; М државствующе; П државствующе ⁷⁹ДЖЗИЛНОП во ⁷⁹⁻⁸⁰Р град свой, и бяху ⁸⁰ДК своим ⁸⁰ЭК доб. и ⁸¹Ж хотяще ⁸²ДЖЗИЛНОП во ⁸³К доб. в ⁸³⁻⁸⁴Р нет ⁸⁵⁻⁸⁶П безпорочна ⁸⁶ИЛ доб. в правду ⁸⁷⁻⁸⁹Р в молбах непрестанно день и ночь и милостнню творяще по вся дни ⁸⁸К доб. в ⁸⁹Э милостинах ⁹⁰⁻⁹¹Д иже ⁹⁰⁻⁹¹П нет ⁹²Д нет ⁹³ЭКА сущих; П всем людем ⁹³Э доб. им ⁹⁴КР яко ⁹⁴Р доб. же ⁹⁵И чадолубивых; О любимый; Р самолюбивый ⁹⁵⁻⁹⁶Ж чадолубивии отцы ^{97-XIX}1КР пропуск ⁹⁸А быша ⁹⁹ЖИЛП нет ¹⁰⁰ИЛ доб. людем

XIX¹Д имуща; ЗМП имущи ¹Э доб. и ²ДК не любящи ²Р доб. же ³Д и ⁴Ж граблениа ⁵⁻¹²К не богатюща. Таковаго бо стяжаста гражаном. ⁶ДНОП богатъ-

наго⁷ щадяще,⁸ но в⁹ бо¹⁰ богатеюще.¹¹ Беста бо своему граду¹² истинна¹³ пастыря¹⁴, а не яко¹⁵ наймника.¹⁶ Град бо¹⁷ свои истинною и¹⁸ кротостию,¹⁹ а²⁰ не яростию,²¹ правяще.²² Странныя²³ приемлюще,²⁴ алчныя²⁵ насыщающе,²⁶ нагиа²⁷ одевающе,²⁸ бедныя²⁹ от напасти³⁰ избавляюще.³¹

Егда же приспе благочестное³² преставление ею,³³ умолиша³⁴ бога да в³⁵ един час будет преставление ею.³⁶ И³⁷ совет сътворише,³⁸ да будут положена³⁹ оба⁴⁰ въ⁴¹ едином гробе,⁴² и⁴³ повелеша⁴⁴ учредити себе⁴⁵ въ⁴⁶ едином камени два гроба,⁴⁷ едину токмо преграду⁴⁸ имущи⁴⁹ между⁵⁰ собою.⁵¹ Сами же въ⁵² едино время облекошася⁵³ во⁵⁴ мнишеския⁵⁵ ризы.⁵⁶ И наречен бысть блаженный⁵⁷ князь Петр во иноческом чину Давыд, преподобная⁵⁸ же⁵⁹ Феврония⁶⁰ наречена⁶¹ бысть⁶² во⁶³ иноческом чину⁶⁴ Еуфросиниа.⁶⁵

В⁶⁶ то же время преподобная⁶⁷ и⁶⁸ блаженная⁶⁹ Феврония,⁷⁰ нареченная⁷¹ Еуфросиниа,⁷² во⁷³ храм пречистыя⁷⁴ съборныя⁷⁵ церкви⁷⁶ своима⁷⁷ рукама⁷⁸ шиаше⁷⁹ въздух,⁸⁰ на нем же бе⁸¹ лики⁸² святых. Преподобныи⁸³ же⁸⁴ и⁸⁵ блаженныи⁸⁶ князь⁸⁷ Петр, нареченныи⁸⁸ Давид, прислав⁸⁹ к ней, глаголя: „О,⁹⁰ сестро⁹¹ Еуфросиниа!⁹² Хошу уже⁹³ отоитти⁹⁴ от тела,⁹⁵ но⁹⁶ жду⁹⁷

ства; Ж богатство 7 ИЛ тлеющего 7Р доб. такового бо 8-14Р стяжаша граждане сии пастыря истиннаго 9-10ИЛ богом; Э в господа бога Иисуса нашего; МП в бога; 9-10О нет 11Д богатея; МО богатеюца 13ДИЛНП истинная; Э истинныя; К истиннаго 15О нет 16Э наймники; КЛНПР наймника 17НПР нет 18Р доб. своею 18ИКЛОП нет 19Ж кротостию 20-21К нет 22О доб. и 23Ж странныя; 23-24Н нет 24Ж приемлюща 25Ж алчныя 25-26ИЛ нет 26Ж насыщающа 27Р нагья 28Д одевающи; Ж одевающа 29Ж бедныя 30МНР от напастей 31Ж избавляюща; ЭК избавляющи 31ИЛ доб. и просто рещи всех милующе 32Э благочестие и; М благочестивым 32-33Р время благочестному их преставлению 33ИЛО их; ЭМ нет 33ЭМП доб. и 34-36ЖИКЛОР пропуск 35ДЭН во 36Э их 37КР нет 38ЗИЛМНОП соговориша 38К доб. благоверный же князь Петр со своею супругою благоверною княгинею Феврониею 38О доб. текст между 34-36; доб. и 38Р доб. князи и бояре и велможи и всеи освященный собор 39ЗИКЛОР положени (Л-ы) 40Р святых телеса их 40ЭКМО нет 41ДЖЭКНОР во 41-45Л нет 42О доб. оба вкупе 43-47И пропуск 44Д повелеша; К повеле 45ЖКП себе 46ДЖКНОР во 46-47Э гроб во едином камени 48-51КР ограду имуща 49ДЖЗИЛМНОП имуща 50-51К межь собя 50П межи 52ДЖЭКЛМНОП во 53Ж облекешеся; К облекешеся; Н облекостася 54-56ЗИЛ во мнишеский ангельский образ; О во мнишеский чин 55К монашеския 56Ж образи 57П нет 58И блаженная 59КНР доб. княгини 60-69К пропуск 61О нареченная 62Д нет 63-64Ж нет 65ДНОП Ефросиния; Л Ефросинии; М Ефросиниа; Р Ефросиния 66-72ИЛ пропуск 67-68Р нет 68-69ЖН нет 69Р доб. княгини 70Ж Февронья 70-71П нет 71Р нареченна бысть 71К доб. во иноческом чину; Р доб. во инокинях 72ДЖКНОП Ефросиния; Р Ефросиния 73ЖМП в 74ЖКН пречистыя 74ИР доб. богородица 75Д соборная; ЖКН соборныя; ЗИЛОП соборныя 76Р церкви 77-78НПР своими руками 78Р доб. учрежаше 79Д шияще; Ж шиаша; Э шьюще; ИКОП шьяше; М шьюще; Р шьяше 79Р доб. убо 80ДЖЗИКЛНОП воздух 81ЭМ нет 81ЭМ доб. и вси 82ИКЛНПР лек 83-85Д нет 83-84ЗИЛМ преподобных 85ИКАМР нет 86П благоверный 86ДИЛМ доб. же 87-88Д нет 88Р доб. во иноцех 89ДЗИЛР присла; К посла; П послав 90НП нет 91И сестра 92ДЖКНО Ефросиния (Н-е); П Еуфросиние; Р Ефросиния 93Э доб. аз 93К нет 94ДЖЭКНП отити; ИЛ итти 95Э доб. своего; Р доб. моего 96М доб. да 96-101Р пропуск 97П вижу

тебе,⁸⁸ яко⁸⁹ да¹⁰⁰ купно отоидем¹⁰¹. Она^{XXI} же отрече:² „Пожди, господине,³ яко⁴ дошню⁵ въздух⁶ в⁷ святую церковь“. Он же⁸ вторицею⁹ послав¹⁰ к¹¹ ней,¹² глаголя:¹³ „Уже¹⁴ бо¹⁵ мало пожду тебе“. ¹⁶ И¹⁷ яко же¹⁸ третицею присла,¹⁹ глаголя:²⁰ „Уже²¹ хощу преставитися и²² не жду²³ тебе!“ ²⁴ Она²⁵ же остаточное²⁶ дело въздуха²⁷ того²⁸ святого²⁹ шиаше,³⁰ уже бо единого³¹ святого³² риз³³ еще³⁴ не шив,³⁵ лице же³⁶ нашив³⁷ и³⁸ преста³⁹ и⁴⁰ вотче иглу свою в⁴¹ воздух и⁴² преверте⁴³ нитью,⁴⁴ ею⁴⁵ же шиаше.⁴⁶ И послав⁴⁷ ко блаженному⁴⁸ Петру,⁴⁹ нареченному⁵⁰ Давиду, о преставлении купнем.⁵¹ И,⁵² помолився,⁵³ предаста⁵⁴ святаа⁵⁵ своя душа⁵⁶ в руке божии месяца июня в К̄ пятый день.⁵⁷

По преставлении же⁵⁸ ею⁵⁹ хотеста⁶⁰ людие, яко да⁶¹ положен⁶² будет⁶³ блаженный князь⁶⁴ Петр⁶⁵ внутрь⁶⁶ града у соборныхъ церкви пречистыя⁶⁷ богородицы,⁶⁸ Феврония⁶⁹ же⁷⁰ вне града⁷¹ в женstem⁷² монастыри⁷³ у⁷⁴ церкви Въздвигения⁷⁵ честнаго и⁷⁶ животворящаго⁷⁷ креста,⁷⁸ ркуще⁷⁹, яко⁸⁰ „во⁸¹ мнишестем⁸² образе⁸³ неугодно есть положить святых⁸⁴ въ⁸⁵ едином гробе“. И⁸⁶ учредиша им гроби⁸⁷ особны⁸⁸ и вложиша⁸⁹ телеса⁹⁰ их⁹¹ в⁹² ня:⁹³

⁸⁸Ж тобя; ^{ЗК} тебя ⁹⁹К нет ¹⁰⁰ЗМО нет ¹⁰¹Д отидеве; **ЖЗИКЛМНОП** отидем ¹⁰¹И доб. от жития сего

^{XXI}—²К Преподобная же княгиня Ефросиния рече; *Р* она, послав, и рече к нему ²**ЖЗИЛМНОП** роче ³*Р* доб. мой ⁴**НП** доб. да; *Р* доб. учрежу и ⁵**ЗИМНОПР** дошью; *К* шью ⁶**ДЖЗИКЛМНОПР** воздух ⁷**ДЖЗИКЛНОПР** во ⁸*Р* доб. убо ⁹*Л* второе ⁹**ЗМ** нет ¹⁰*Ж* присла; **ИКЛНОР** посла ¹¹—¹²*Ж* нет ¹³**ЗМ** доб. вторицею ¹⁴—¹⁵*З* убо ¹⁶*Ж* тебе; *ЗК* тебя ¹⁷**ЗИКЛМР** нет ¹⁸*ДР* доб. уже ¹⁸**НОПР** нет ¹⁹**ДНПР** посла ¹⁹**ДЗИЛМПР** доб. к ней ²⁰*П* рек ²¹**ЖЗИЛМНОР** доб. бо ²²**ЗКМП** нет ²³*Р* не дождуса ²⁴*ЗР* тобя; *К* тебя ²⁵*К* Преподобная ²⁶*Ж* останешнее; *ИКЛ* останочное; *О* остави точное ²⁷**ДЖЗИЛМНОПР** воздуха ²⁸*Д* нет ²⁹**ИЛН** нет ³⁰*Ж* шиаша; **ЗИКМНОП** шьяше ³⁰*З* доб. и ³¹—³⁷*К* святого едино лице нашив, а риз не дошив ³¹—³²*Р* у святаго у единого ³²*П* доб. единых ³³*О* ризы ³⁴**НПР** нет ³⁵**ЖИЛНПР** не дошив; *З* не сшила; *М* не дошила; *О* не шив ³⁶*З* доб. святаго ³⁸*ЗК* нет ³⁹**ИЛ** престах; *Н* воста; *О* предета ³⁹*Р* доб. шти ⁴⁰**ЖКР** нет ⁴¹*О* на ⁴²*Р* нет ⁴³**ДЖЗИЛМОР** приверте; *К* приверте ⁴⁴**ДЗЛМНП** нитью; *О* нитьею ⁴⁵*Н* его ⁴⁶*Ж* шьяша; **ЗИМОП** шьяше; *К* шьяше ⁴⁷**ДЗИКЛМОПР** посла ⁴⁸*И* доб. князю ⁴⁹—⁵⁰*Д* нет ⁵⁰*ИР* доб. во иноцех ⁵¹*О* купне ⁵²*К* нет ⁵³**ЗМНП** помолившеса; *О* помолившаса; *И* помолитаса ⁵³*И* доб. и; *Р* доб. богу и пречистой его матере и всем святым его и ⁵⁴**ИЛ** преставитаса ⁵⁴*И* доб. оба вкупе ⁵⁴**ПР** предаша ⁵⁴**ЖЗИМНОП** доб. вкупе ⁵⁴—⁵⁶*К* предаст святую свою душу ⁵⁵**П** святаыя ⁵⁶**ИЛ** доб. предаша ⁵⁷*З* доб. на память святаыя мученицы Февронии многострадалныя ⁵⁸*Ж* нет ⁵⁹*ЗК* святаых; *Р* их ⁶⁰*З* восхотеша ⁶¹*К* нет ⁶²—⁶³**ЗМ** положенна будут ⁶⁴**ДЖЛМНОПР** нет ⁶⁵*Д* Давид ⁶⁵*Р* доб. во иноцех Давид ⁶⁶**ИКЛ** внутри(*И-е*) ⁶⁷**ЖК** пречистыя ⁶⁸**ДЖЗМОПР** богородица ⁶⁹*Д* Ефросиния; **КНП** Февронию ⁶⁹—⁷⁰*Р* блаженную же Февронию в инокинях Ефросинию хотяше ю положить ⁷¹*Р* доб. Мурома ⁷²*О* в девичестем ⁷³**ДЖЗО** монастыре ⁷⁴*Р* в ⁷⁵**ДЖЗИЛНОПР** Въздвигения ⁷⁶—⁷⁷*О* нет ⁷⁷*Ж* животворящего ⁷⁸**ЗПР** доб. господня; *И* доб. положенна будет; *Р* доб. и ⁷⁹**ЗИКМНО** рекуще ⁷⁹*З* доб. сиде; *Р* доб. людие ⁸⁰*Р* доб. убо ⁸¹*Г* по ⁸¹—⁸²**ИЛ** во мнишесте (*И-стве*); ⁸¹—⁸³**ЗКМОПР** во мнишеском образе (*О-чину*) ⁸⁴*Р* доб. телеса ⁸⁵**ДЖЗМОП** во ⁸⁶**ИК** по ⁸⁷**ИКЛМНОР** гробы ⁸⁸**ДП** особнии; *З* особнии; **ИЛМНОР** особныя; *К* особныя ⁸⁹**ИОР** положиша ⁹⁰*З* нет ⁹⁰—⁹¹*Д* нет ⁹⁰—⁹⁸*К* пропуск ⁹⁰—⁹³*М* пропуск ⁹¹—⁹³*П* в них ⁹²—⁹⁸*З* пропуск

святаго⁹¹ Петра,⁹⁵ нареченнаго⁹⁶ Давида, тело⁹⁷ вложиша⁹⁸ в⁹⁹ особныи¹⁰⁰ гроб^{XXI1} и² поставиша³ внутрь⁴ града⁵ в⁶ церкви⁷ святыа⁸ богородицы⁹ до¹⁰ утрия,¹¹ святыа¹² же¹³ Февронии,¹⁴ нареченныа¹⁵ Еуфросинии,¹⁶ тело¹⁷ вложиша¹⁸ в¹⁹ особныи²⁰ гроб²¹ и поставиша²² вне града в²³ церкви Вздвигения²⁴ честнаго и²⁵ животворящаго²⁶ креста.²⁷ Общи же²⁸ гроб,²⁹ его же сами повелеша³⁰ истесати³¹ себе³² в³³ едином камени,³⁴ оста³⁵ тощ³⁶ в том же³⁷ храме³⁸ пречистыа³⁹ съборныа⁴⁰ церкви, иже⁴¹ внутрь⁴² града.⁴³ На⁴⁴ утрии⁴⁵ же, вставше,⁴⁶ людие⁴⁷ обретоша⁴⁸ гроби⁴⁹ их⁵⁰ особныа⁵¹ тщи,⁵² в ня⁵³ же их⁵⁴ вложиста.⁵⁵ Святаа⁵⁶ же⁵⁷ телеса их обретоста⁵⁸ внутрь града⁵⁹ в⁶⁰ соборней⁶¹ церкви пречистыа⁶² богородицы⁶³ в⁶⁴ едином гробе,⁶⁵ его же сами себе⁶⁶ повелеша⁶⁷ сътворити.⁶⁸ Людие же неразумнии, яко⁶⁹ же в⁷⁰ животе⁷¹ о них⁷² мятушеся,⁷³ тако⁷⁴ и по честнем ея⁷⁵ преставлении.⁷⁶ паки⁷⁷ преложиша⁷⁸ я⁷⁹ в⁸⁰ особныа⁸¹ гробы⁸² и⁸³ паки⁸⁴ разносоша.⁸⁵ И⁸⁶ паки же⁸⁷ на утрии⁸⁸ обретосаша⁸⁹ святыи⁹⁰ в⁹¹ едином⁹² гробе.⁹³ И⁹⁴ к тому⁹⁵ не смеяху⁹⁶ прикоснутися⁹⁷ святем⁹⁸ их телесем⁹⁹ и¹⁰⁰ поло-

⁹⁴И доб. князя; ОПР доб. же ⁹⁵⁻⁹⁶Д нет ⁹⁶ИР доб. во иноцех ⁹⁶⁻⁹⁸М пропуск ⁹⁷Р доб. его святое ⁹⁷Д нет ⁹⁸ДНОПР положиша ^{98-XXI19}И и гроб во особой церкви у пречистыа богородица ^{98-XXI2}Л и гроб во особой церкви ⁹⁹ЖЭКМНП во ^{99-XXI13}ДР нет ^{99-XXI13}З во особныа гробы ⁹⁹⁻¹⁰⁰О во особой

XXI3 доб. их ⁴⁻²²К пропуск ⁵П граду ⁵Р доб. Мурома ⁶ДЖЗО во ⁶Р доб. соборней ⁷Л доб. у ⁸ЖЗЛМР пречистыа (Ж-а) ⁹ЖЗЛМОПР богородица ¹⁰⁻¹¹З нет ¹¹З доб. поставиша князя Петра во особном гробе ¹²Ж святыа ¹²⁻¹³ИЛ а святыа ¹³Ж нет ¹⁴⁻¹⁵Д нет ¹⁴З доб. тело ¹⁵О нареченная ¹⁵З доб. во мнишеском образе; ИР доб. во инокинях; Н доб. княгини ¹⁶ДЖМНР Ефросинии; ¹⁶З доб. преподобныа; Р доб. святое ¹⁷Р доб. ея ¹⁷ЗП нет ¹⁸ДИНОПР положиша ¹⁹ДЖЗИЛМНОПР во ²⁰ИЛ особой ²⁰ЗМП доб. же ²⁰Д нет ²¹Д гробе ²²Д положиша ²²ЗМ доб. же; Р доб. ю ²³ДЗО во; ЖИЛ у ²⁴ДЖЗИЛНОПР Воздвижения (О-е) ²⁵⁻²⁶ДНОП нет ²⁶Ж животворящаго ²⁷ЗР доб. господя (Р доб. а) ²⁸Ж нет ²⁹ЗР доб. их ³⁰К повелеша ³⁰ИЛ доб. святыа ³¹ИЛ сотворити ³²ЖКР себе ³²З нет ³³ДЖЗИЛНОПР во ³⁴З доб. той ³⁵КР оставиша ³⁶Ж ночь; Р его ³⁶К нет ³⁷К нет ³⁸⁻⁴³Д граде внутрь церкви пресвятыа богородица ³⁸ЖКО пречистые (К-а) ³⁹ЗИЛР доб. богородица ⁴⁰ЖК соборныа; З в соборной; ИЛМНОПР соборныа ⁴¹О доб. суть ⁴¹П нет ⁴²К вне; НП внутри ⁴⁴⁻⁴⁶О на утре иже вставше ⁴⁵Н на утрие; П на утрия ⁴⁶ДЗИЛН вставше; ЖП вставши; К всташа; Р всташа ⁴⁷ЗИКЛНР доб. и ⁴⁸И обретоста ⁴⁹ИКЛНОР гробы ⁵⁰М нет ⁵⁰ЗМ доб. иже ⁵¹Ж особная ⁵¹Р нет ⁵²ЗИМР тощи ⁵²⁻⁵⁵ИЛ где мощи их особь положиша людие, стояще тощи ⁵³ДР в них ⁵⁴Ж нет ⁵⁵ДР положиша; З вложина; К положила ⁵⁶⁻⁵⁷О яже ⁵⁸ЗИКЛР обретоша; НП обретошася ⁵⁹П граду ⁶⁰⁻⁶¹ЗКНО в соборной; И соборныа ⁶²ЖК пречистыа; О святыа ⁶³ДЖЗИКНПР богородица ⁶⁴ДЖЗИОП во ⁶⁵Ж нет ⁶⁶ЖКПР себе ⁶⁷Ж велеша ⁶⁸ДЖЗИЛОР сотворити; НП истесати ⁶⁹⁻⁷³ИЛ яко ожиста (Л оживе), они же мятушеся ⁷⁰⁻⁷²К в животе оных ⁷⁰⁻⁷¹П в животех ⁷¹Р доб. их ⁷³Д мятушеся ⁷⁴К яко ⁷⁴Р доб. же ⁷⁵КОР их ⁷⁶Ж преставление ⁷⁶ЗМР доб. и ⁷⁷Р доб. же ⁷⁷О нет ⁷⁸З положиша; ИЛ вложина ⁷⁹ДЗР их ⁷⁹ИКЛМ нет ⁸⁰ДЖЗИЛНОПР во ⁸¹М доб. их ⁸²ЖЗМ гроби ⁸³⁻⁸⁴З нет ⁸⁵К разнесоста телеса святых ⁸⁶ДР нет ⁸⁶⁻⁸⁷П нет ⁸⁸⁻⁸⁹К из единого гроба ⁸⁷Н нет ⁸⁸ИЛ на утрие; П на утрия ⁸⁸П доб. же ⁸⁹Ж обретоша ⁸⁹⁻⁹⁰Р обретоста святых ⁹¹ДЖЗИОПР во ⁹²П нет ⁹⁴Ж нет ^{94-XXI14}О пропуск ⁹⁵Р доб. уже ⁹⁶К не смеяше ⁹⁷⁻⁹⁹прикоснутися святых тем телесем ⁹⁸ИКЛ к (Л ко) святым; НПР святым ¹⁰⁰Р доб. после того времени

жиша^{XXII} я² въ³ едином гробе,⁴ в нём же⁵ сами⁶ повелеста⁷, у соборныя⁸ церкви Рождества пресвятыя⁹ богородица¹⁰ внутрь¹¹ града,¹² еже¹³ есть¹⁴ дал бог на просвещение¹⁵ и на спасение¹⁶ граду тому:¹⁷ иже бо¹⁸ с верою приришуще¹⁹ к²⁰ раце мощей²¹ их,²² неоскудно исцеление²³ приемлют.²⁴

Предисловие

Богу отцу и съприсноущному слову божию сыну и пресвятому и животворящему духу, единому божию естеству, безначалному, куино в троицы въспеваемому и хвалимому, и славимому, и почитаемому, и превъзносимому, и исповедуемому, и веруемому и благодаримому Содетелю и творцу, невидимому и неописанному, искони самосилно обычною си премудростию свершающему и строящему всяческая, и просвещающему и прославляющему, еже хотящу, своим самовластием. Яко же бо исперва сътвори на небеси ангелы своя, духы и слуги своя, огонь палящ, умнии чинове, бестелесная воинства, их же неисповедимо величество есть, тако и вся невидимая сътвори, о них же недостижно есть уму человеческу. Видимая же небесная стихия сътвори: солнце и луну и звезды. И на земли же древле създа человека по своему образу и от своего трисолнечнаго божества подобие тричисленно дарова ему: ум и слово и дух животен. И пребывает в человецех ум, яко отец слову; слово же исходит от него, яко сын посылаемо; на нем же почует духъ; яко у коегождо человека изо уст слово без духа исходити не может, но дух с словом исходить, ум же начальствует. И да не продолжим слова в твари человечесей, но на подлежащее възвратимся.

Бог же безначалныи, създав человека, почти и надо всем земным существом дарем постави и, любя же в человечестем роде вся праведники, грешныя же милуя, хотя бо всех спасти и в разум истинныи привести. Егда же благоволением отчим и своим хотением и споспешеством святаго духа единый от троица сын божи, не ин ни инак, но той же бог слово, сын отчъ, благоволи родитися на земли плотию от пречистыя девица Мариа, и бысть человек, еже не бе, не преложив божества; еже бе, на земли ходя, ни како же отчих недр отлучися. И в страсть его божественное его естество безстрастно пребысть. Безстрастие же его неизреченно есть, и невъзможно есть никакою притчею сказать, ни мощно к чесому приложити, зане же все тварь его есть, в твари же его разумеваем безстрастие, ибо аще какову древу стоящу на земли, солнцу же с небеси сияющу на нь, в ту же годину древу тому, аще ключится посеемаму быти, и сим страдати, ифир же солнечныи от древа того не отступит, ниже спосекается з дровом, ни стражет.

Глаголем же убо о солнце и о древе, понеже тварь его есть; Зижитель же и Содетель неизглаголим есть. Сеи бо пострада за ны плотию, грехи наша на кресте пригвозди, испуив ны (от) миродръжителя лествца ценою, кровию своею честною. О сем бо рече сосуд избранныи Павел: „Не будите раби человеком, куплени бо есте ценою“. По распятии же господь наш Иисус Христос тридневно въскресе и в четыредесятныи день възнесеся на небеса и седе одесную отца и в пятидесятныи день ото отца послав дух святыи на святыя своя ученики и апостолы. Они же всю вселенную просветиша верою, святым крещением.

И „елицы во Христа крестяшася, во Христа облекошася“. Аще ли же во Христа облекошася, да не отступают от заповеден его, не яко же лествцы и блазнители

XXII Н положыста 2З святых; КПр их 2ИЛМ нет 3ДЖЗИКП во 5Р доб. 6е 6Р доб. ся 7ЗКР повелеста 7К доб. собя положити 8Ж соборныя 9ДЗИКЛМОР пречистыя; Ж пресвятыя 10ИМО богородицы 10Р доб. положити 11Ж внутри 11-12ДКР нет 13-14К ею же 15ИЛ на прощение 16П на утвержение 17ЗР Мурому 17Р доб. и 18ИКА бе 18НП нет 19З приходяще и прикасающесе и призирающе; Ж приришуще; ИЛ притекающим; К приришущым; Р приришущих 20-21 ЖЗИКЛМНОПР к мощем 22ЗМ доб. и 23И исцеления 24ЗК приемлюще.

по крещении оставльше заповеди божиа и лъстяще ся мира сего красотами, но яко же святѣи пророцы и апостоли, тако же и мученицы и вси святѣи, Христа ради страдавше в скорбех, в бедах, в теснотах, в равах, в темницах, в нестроених, в трудах, в бдениих, в пощениих, в очищениих, в разуме, в долготерпении, во благодсти, в душе святе, в любви нелицемерне, в словеси истинне, в силе божии, — иже сведоми суть единому, ведущему танны сердечныя, ими же землю просветил есть, яко же небо звездами украси, и почтив их чудотвореньми, овых убо молитв ради и покаяния, и трудов, овых же мужества ради и смирения, яко же сих святых прослави, о них же нам слово предлежитъ.

Похвала

Мы же по силе нашеи да приложим хваление има.

Радуися, Петре, яко дана ти бысть от бога власть убити летящего свирепаго змя! Радуися, Февроние, яко в женьстеи главе святых мужь мудрость имела еси! Радуися, Петре, яко струпы и язвы на теле своем нося, доблестевне скорби претерпел еси! Радуися, Февроние, яко от бога имела еси дар в девственней юности недуги делити! Радуися, славныи Петре, яко заповеди божиа ради самодержьства волею отступи, еже не остати супруги своея! Радуися, дивная Февроние, яко твоим благословением в едину ночь малое древие велико възрасте и изнесоша ветви и листвие! Радуитася, частная главо, яко во одержании ваю в смиренни и молитвах и в милостыни без гордости пожиста; тем же и Христос дасть вам благодать, яко и по смерти телеса ваю неразумно в гробе лежаще, духом же предстоита владыце Христу! Радуитася, преподобная и преблаженная, яко и по смерти исцеление с верою к вам приходящим невидимо подаете!

Но молим вы, о, преблаженная супруга, да помолитесь о нас, творящих верою память вашу!

Да помянете же и мене прегрешнаго, списавшего сие, еяко слышаш; неведыи, аще инии суть написали, ведуще выше мене. Аще убо грешен есмь и груб, но на божию благодать и на щедроты его уповая и на ваше моление ко Христу надеяся, трудихся мыслми. Хотя вы на земли хвалами почтити, и не у хвалы коснухся. Хотех вама, ради вашего смиреннаго самодержьства и преподобьства, по преставлении вашем венца плести, и не уплетения коснухся. Прославлени бо есте и венчани на небесех истинными нетленными венцы от общаго всех владыки Христа. Ему же подобает с безначальным его отцем купно и с пресвятым блгагим и животворящим духом всяка слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веком. Аминь.

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ

(По списку б. Московской духовной академии № 224. Библ. им. В. И. Ленина).

При издании соблюдаются указанные на стр. 224 правила. Кроме этого, дополнения к архаичным чтениям берутся в скобки; чтения данного списка, сближающие его с группой ЕИЛОР, печатаются полужирным шрифтом; оригинальные же его чтения печатаются курсивом.

Повесть от жития святых новых чудотворец муромских, благовернаго и преподобнаго и достохвалнаго князя Петра, нареченнаго во иноческом чину Давида, и его супруги благоверныи и преподобныи, и достохвалныи княгини Февронии, нареченныи во иноческом чину Еуфросинии.

[Творение господина смиренного мниха Иеразма.]

Благослови, отче!

Богу отцу и присносущному слову божию, и пресвятому и животворящему духу, единому божию естеству, безначалному, купно в троицы въспеваему и славимому, и почитаемому, и превозносиму, исповедаемому, и веруемому и благодаримому, Содетелю и творцу невидимому и неопи-санному, искони самосилному, обычною си премудростию совершающему и строящему всяческая, и просвещающему и прославляющему, еже хотящу своим самовластием. Яко же бо исперва сотвори на небеси ангелы своя, духы и слуги своя, огонь палящъ, умнии чинове, безтелесная воинства, их же неисповедимо величество есть, тако и вся невидимая сотвори, о них же недостижно уму человеческому. Видимая же небесныя стихия сотвори: солнце, луну и звезды. И на земли же древле созда человека по своему образу и от своего трисолнчнаго божества подобия тричисленно дарова ему: ум и слово и дух животен. И пребывает в человецех ум, яко отецъ слову; слово же исходит от него, яко сын, посылаемо; на нем же почивает дух; яко у коегождо человека изо уст слово без духа исходити не может, но дух с словом исходит, ум же начальствует. И да не продолжим слова в твари человечестей, но на подлежащее возвратимся.

Бог же безначалныи, создав человека и подчте, и надо всем существом постави, и любя же в человечестем роде вся праведники, грешныя же милуя, хотяи бо вся спасти и в разум истинныи привести. Егда же благоволением отчим и своим хотением и споспешеством святаго духа единныи от троица сын божиин, не ин ни инак, но той же бог слово, сын божиин, благоволи родитися на земли плотию от пречистыя девица Мариа, и бысть человек, еже не бе, не преложив божества; еже бе, на земли ходя, никако же отчых недр отлучися. И во страсть его и божественное его естество безстрастно пребысть. И безстрастие же его неизреченно есть, и невозможно никакою притчею сказати, ни мощно к чесому приложити, зане же вся тварь его есть, в твари же его разумеваем безстрастие, ибо аще какову древу стоящу на земли, солнцу же с небеси сияющу на нь, в ту же годину древу тому, аще ключится посекаему быти, и сим страдати, ифир же солнечныи от древа того не отступит, ни посекается з древом, ни стражет. Глаголем убо о солнце и о древе, понеже тварь его есть, Зижитель же и Содетель неизглаголим есть. Сеи убо пострада за ны плотию, грехы наша на кресте пригвозди, искупив ны (от) миродръжителя лествца ценою, кровию своею честною. О сем бо рече сосуд избранныи Павел: „Не будете раби человеком, куплени бо есте ценою“. По распятии же господь наш Иисус Христос, тридневно въскресе и в четыредесятныи день вознесесе на небеса и седе одесную отца и в пятидесятныи день от отца послав дух святыи на святыя своя ученики и апостолы. Они же всю вселенную просветиша верою, святым крещением.

И „елицы во Христа крестяшася, в Христа облекошася“, да не отступают от заповедей его. Не яко же лестыцы и блазнители по крещении оставяша заповеди божиа и льстяще ся мира сего красотами, но яко же святии пророцы и апостоли, тако же и мученицы и вси святии, Христа ради пострадавша в скорбех, в бедах, в теснотах, в ранах, в темницах, в нестроених, в трудах, в бдениих, в пощених, в очищених, в разуме, в долготерпении, во благодости, в душе святе, в любви нелицемерне, во словеси истинне, в силе божиен, — иже сведоми суть единому, ведущему тайны сердечныя, ими же землю просветил еси, яко же бо небо звездами украси, и почьти их чудотворенми, овых убо молитв ради и покаяния и трудов, овых же мужества ради и смирения, яко же сих святых прослави, о них же нам слово предлежит.

I

Сеи убо в русистей земли град, нарицаемый Муром. В нем же бе самодержавьствуя благоверный князь, яко же поведяху, именем Павел. Искони же ненавяди добра роду челоуечю диавол всели неприязненаго летящаго змия к жене князя того на блуд. И являся ей своими мечты, яко же бяше естеством, приходящим же людем являшася, яко же князь сам седяше с женою своею. Теми же мечты многа времена преидоша. Жена же сего не таяше, но поведа князю мужеву своему вся ключившася ей. Змии же неприязнены осиле над нею.

Князь же мысляше, что змиеви сотворити, и недоумеяшася. И рече к жене се: „Мыслю, жено, но недоумеюся, что сотворити неприязни тому и смерти убо не вем, како нанесу на нь. Аще убо глаголет к тебе какова словеса, да воспросиши его с лестию и о сем: весть ли и се неприязневыи духом своим, от чего ему смерть хошет быти. Аще ли увеси и нам поведаеши, свободишися не токмо в нынешнем веце злаго его дыхания и сипения и всего скаредия, **его же** смрадно есть глаголати, но и в будущи в век нелицемернаго судию Христа милостива себе сотвориши“. Жена же мужа своего глагол во сердци си твердо примыши и умысли во уме своем: „Добро есть тако быти“.

Во един же от днии неприязнивому тому змию пришедши к ней. Она же добрую память при сердцы имея, глагол с лестию предлагает к неприязни той, глаголя многия и иныя речи и по сих с почтением воспроси *велича* его, хваля, рече, яко „много веси, и веси ли коньчину си, какова будет и от чего?“ Он же неприязнивыи прелестник прелщен добрым прелщением от верныя жены и яко непщева тайну к ней изрещи, глаголя: „Смерть моя есть от петрова плеча, а от агрикова меча“.

Жена же, слышавши таковую речь во сердцы си твердо съхрани и по отшествии неприязниваго того поведа князю мужеву своему, яко же рекл есть змии. Князь же то слышав и недоумеяшася, что есть смерть от петрова плеча и от агрикова меча. Имелаше же у себе присного брата,

именем князя Петра; во един же от днии призва его к себе и нача ему поведати змиевы речи, яко же рекл есть к жене его.

Князь же Петр, слышав от брата своего, яко змии нарече тезоименита ему и исходатая смерти своеи, и нача мыслити не сумняся **мужестве**, како бы убити змия. Но и еше бляше в нем мысль, яко не ведыи агрикова меча.

Имеяше же обычаи ходити по церквам, уединяся. Бе же вне града церковь в женьстем монастыре Воздвижение честнаго креста. И прииде к ней един помолитися. Яви же ся ему отроча, глаголя: „Княже! Хочеш ли, да ти покажу агриков мечь?“ Он же, хотя желание свое получитьи, рече: „Да вижду, где есть!“ Рече же отроча: „Иди во след мене“. И показа ему во олтарной стене межи кремидома скважню, в ней же лежаше мечь. Благоверный же князь Петр взем мечь той, **нарицаемый агриков** и прииде поведати брату своему. И от того дни искаше подобна времени да убьет змия.

[Сеи же блаженный князь Петр слышав апостольскую повесть, глаголавша Иоанна богословца, иже, „аще кто бога любит, а брата своего ненавидит, ложь есть: любяи бо брата своего и бога любит“. Блаженный же князь Петр имеяше смирение и велию любовь к брату своему.] И бе ему обычеи по вся дни ходяи к брату своему и к сносе своеи на поклонение. Ключи же ся ему приитьти во храмину к брату своему. И по том же часе шед ко сносе своеи во **ину** храмину и виде у нея сидяща брата своего. И, пакы пошед от нея, **стрете** некоего **человека слугу** брата своего и рече ему. „Изыдох убо от брата моего к сносе своеи, брат же мой **остася в своей хранине**. Мне же, **не коснувшу ми ся ни где же, ни чесо же помедлив** и не вем чюждуся, како брат мой напред мене **предтече** и обретеся во хранине у снохи моеи“. Той же человек рече ему: „Никако же, господи, по твоём отшествии не изыде брат твой из своей хранины!“ Князь же Петр разуме быти пронырьство лукаваго змия. И прииде к брату своему и рече ему: „Когда убо семо прииде? Аз **убо** от тебе из сея хранины изыдох, нигде ничесо же помедлив. И приидох **убо** во храмину к сносе моеи и видех тя с нею сидяща и **не вем чюждуся**, како ты наперед мене **предтече** и у снохи моеи обретеся. И приидох же пакы семо, **ни где же ни что же пакы помедлив**, ты же не вем како мя предтече и напред мене zde обретеся“. Он же рече: „Никако же, брате, из храма сего по твоём отшествии не изыдох и у жены своей никакo же бех“. Князь же Петр рече: „Се **бо**, брате, пронырьство лукаваго змия, да тобою ми ся кажет, аще не бых хотел убити его, яко непщюя тебе (пропущено несколько листов)...

...той не разуме глагол ея, дивляшеся, зря и слыша вещь подобну чудеси, и глагола ко девице: „Внидох к тебе, зрях тя делающу и видех пред тобою заец **скачет** и слышак ото устну твоею глаголы **страшны и никакo же** сего не вем, что глаголеши. **Первое** рече: „нелепо сть быти дому **безо ушен** и храму **безо очию**“. Про отца же своего

и **про** мать рече, яко „идоша в заем плакати“, **про** брата же своего глаголя, яко „иде **через ногу** в нави зрети“. И ни единого *ти* слова от тебе разумех!“ Она же глагола ему: „Сего ли не разумеши, прииде в дом **сеи** и во храмину мою вниде и видев седящу мя в простоте? **Аще** бы был в дому наю пес и, чюв тя к дому приходяща, лаял бы на тя: се бо есть дому уши. **Аще** бы было во храмине моеи отроча и, видев тя ко храмине приходяща, сказал бы ми: се бо есть храму очи. А еже сказах ти про отца и **про** мать и про брата, яко „отец мой и мати моя идоша в заем плакати“, — шли бо суть на погребение мертваго и тамо плачют. Егда же по них смерть приидет, ини по них учнут плакати: и се есть займованныи плач. Про брата же **своего** глаголах, яко отец мой и брат **мои древоделцы** суть, в лесе бо мед от дровия берут. Брат же мой ныне на таковое дело иде и, яко же лести на древо в высоту **через ногу зрети к земли, мысля абы не урватися, себе живота гонзнет**, — сего ради рех, яко „иде **через ногу** в нави зрети“.

И глагола ей юноша: „Вижду тя, девице, мудру суцу. Певеж ми имя свое“. Она же рече: „Имя ми есть Феврония“. Тои же юноша рече **еи**: „Аз есмь муромского князя Петра, служай ему. Князь же мой имея болезнь тяжку **зело** и язвы **зли**, и острупленну бывшу ему от крови летящаго неприязниваго **лукаваго** змия, его же **суть** убил своею рукою. И в своем одръжании искаша исцеления *от многа* врачей, ни от единого получи *ползы*. Сего ради семо повеле себе *привезсти*, яко слыша зде мнози **суть** врачи. Но мы не вемы, како **имянутся**, ни жилищ **их не вемы**, да того ради вопрошаем **от тебе**“. Она же рече: „**Аще кто бы** требовал князя твоего себе **могл бы врачевати**“. Юноша же рече: „Что убо глаголеши, еже кому требовати князя моего себе! **Аще** кто уврачует и, князь мой даст ему имения много. Но скажи ми врача того, кто есть и камо есть жилище его“. Она же рече: „Да приведеш князя твоего семо, и **аще** будет мяккосерд и смирен во ответех, да будет здрав!“ Юноша же возвратися ко князю своему и поведа ему все подробну, еже виде и еже слыша.

Благоверный же князь Петр рече: „Да везете мя, где есть девица!“ И привезоша **его** в дом тои, в нем же бе девица. И посла от отрок своих, глаголя: „Повежь ми, **девица**, хто есть, хотя уврачевати? **И дам ему имения много**“. **И рече девица**: „**Аз убо** имения не требую от него прияти. Имам же к нему слово таково: **аще** бо не имам быти супруга ему, не тебе ми есть врачевати его“. И пришед человек тои, поведа князю своему, яко же рече девица.

Князь же Петр, яко не брегии словеси ея, и помысли *во уме своем*: „Како, князю суцу, древолазца дщи пояти жену себе!“ И, **посла** к неи, рече: „**Рцйте** ей, что есть врачество ея, да врачует. **Аще** ли уврачует, **имам пояти ю жену себе**“. **Тои же человек пришед изрече** ей слово то. Она же **взем сосудец мал** и почерпе кисляжди своя и дуну **на ня** и **рече**: „Да учредят князю вашему баню и *по времени* помазует сим

по телу своему, иде же суть *струпи* и язвы. И един струп да оставит не помазан. **Да будет здрав**. И принесоша к нему **такова помазания**. И повеле *себе* учредити баню.

Девицу же хотя **по** ответех искусити, **мудрости ради ея**, яко же слыша о глаголах ея от юноши своего. И посла к ней со единым от слуг своих едино повесмо лну и рече, яко: „Сия девица хошет ми супруга быти мудрости ради. Аще мудра есть, да в сем лну учинит мне срачицу и порты и убрусец в ту годину, в ню же аз в бане пребуду“. Слуга же принесе **ей** повесмо лну и княже слово сказа **ей**. Она же рече слуге: „Взыди на печь нашу и, снем з гряд поленцо, снеси семо“. Он же, **послуша** ея, снесе поленцо. Она же, отмерив пядию, рече: „Отсеки сие от поленца сего“. Он же отсече. Она же глаголя: „Возми сии утинок поленца сего и шед даждь князю своему и от мене **рцы ему**: „В кин час се повесмо аз очешу, а князь твои да приготовит ми в сем утинце стан и все строение, ким сочтется полотно его“. Слуга же принесе ко князю утинок поленца и глаголение *девичье* сказа **ему**. Князь же рече: „Шед, **рцы ко девице**, яко невозможно есть в такове мале древе в ту малу годину сицева строения створити“. Слуга же пришед и **княжее слово сказа ей**. Девица же рече: „А се ли возможно есть человеку мужеска возрасту во едином повесье лну в **таку** малу годину, в ню же в бане пребудет, сотворити срачицу и порты и убрусец?“ Слуга же отиде и **поведа** князю **своему**. Князь же дивляся ответу ея.

И по времени князь иде в баню мытися и повелением девицы помазанием помазая язвы и струпы своя, а един струп остави непомазан по повелению девицы. И изыде же из бани, ничто же болезни чюяше. На утрие же узрев си все тело здорово и гладко, развие единого струпа, **иже** бе непомазан по повелению девицы. И дивляшеся скорому исцелению. Но не восхоте **поняти** ю жену себе отечества ради ея и посла к ней дары. Она же не прият.

Князь же Петр поеха в **вотчину** свою, град Муром, здравьствуя. И на нем же бе **един струп, иже** бе непомазан повелением девичим. И от того струпа начаша многи струпы и язвы расходитися на теле его от перваго дни, во нь же поеха в **вотчину** свою. И **паки острупленну бывшу ему многими струпы и язвами**.

И паки возвратися на готовое исцеление **ко девице**. И, яко же приспе в дом ея, со студом посла к ней, прося врачевания. Она же, нимало **гнева** подержав, рече: „Аще ми будет супружник, да будет уврачеван“. Князь же с твердостью слово даст ей, яко „**имаю** поняти ю жену себе“. Она же паки то же врачевание даст ему, еже предписях. Он же вскоре исцеление получи и поят ю жену себе, **поеха в вотчину свою град Муром, здравьствуя**. Такою же виною бысть Феврония княгини.

Приидоста же в **вотчину** свою, град Муром, и живяста во всяком благочествии и ничто же от заповедей божиих оставляюще.

III

По мале же дни *преднареченнии* князь Павел отходит жития сего. Благовернии же князь Петр, *по брата своего преставлении*, един самодержец бывает граду своему.

Княгини же Февронии бояря его не любляху жен ради своих, яко бысть княгини *отечества* ради ея. Богу же прославляющу добраго ради жития ея.

Некогда убо некто от предстоящих ей прииде ко благоверному князю Петрови навадити на ню, яко „от коегождо, -- рече, — стола своего без чину исходит; и, внегда востати ей, *взимает в руку свою крохи, яко гладна*“. Благовернии же князь Петр хотя ю искусити и повеле, да обедует с ним за единым столом. И яко убо скончавшуся обеду има, она же, яко *обычай* имаше, *взем от стола своего крохи*. Князь же Петр прием ю за руку и розвед и виде ливан добровоннии, фимиян. И от того дни остави ю к тому не искушати.

И не по мнозе же времени приидоша к нему со яростию бояря его, ркуще: „*Хощем, княже, вси праведно служити тебе и самодержьцем имети тя*. Но княгини Февронии не хощем, да господствует *над* женами нашими. *Аще хощеш самодержьцем быти, да будет тебе и ина княгини*. Феврония же, *взем богатства доволно себе, отидет, амо же хощет*“. Блаженный же князь Петр, яко же бе ему *обычай*, ни о чесом же ярости имея, со смирением *отвеща*: „*Да глаголите к Февроние, яко же речет, тогда слышим*“.

Они же неистовии, *наполнишася бестудия и умыслиша, да сотворят пир*. И сотвориша. А егда быша весели и начаша *простирати бестудныя своя глаголы, яко пси брешуще, и от'емлюще* у святых божии дар, его же еи бог и по смерти неразлучно обещал есть. И глаголаху: „*Госпоже, княгини Феврония! Весь град и бояря глаголют тебе: „Даи же нам, его же у тебе просим!*“ Она же рече: „*Да возмета, его же просита*“ Они же, яко *единими усты, рекоша: „Мы убо, госпоже, вси князя Петра хощем, да самодержьствует над нами. Тебе же жены наши не хотяху, яко господствуеши над ними. И взем богатства доволно себе отидеши, амо же хощеши*“. Она же рече: „*Обещахся вам, яко елика аще просита, возмета*. Аз же вам глаголю: «*Дадите мне, его же аз вопрошаю у ваю*»“. Они же злии ради бывше, не *ведуше будущего, и глаголаша с клятвою, яко „аще речеши, единою без прикословия возмеш*“. Она же рече: „*Ничто же ино прошу, токмо супруга моего, князя Петра*“. Реша же они: „*Аще сам восхоцет, ни о том тебе глаголем*“. Враг бо наполни их мысли, яко, *аще не будет князь Петр, да поставят себе инаго самодержьцем: кийждо бо от бояр во уме своем держаше, яко сам хощет самодержьцем быти*.

Блаженный же князь Петр, не возлюби временнаго самодержавства, *кроме божинх заповедей, но по заповедем его шествуя, держашеся сих, яко же богогласнии Матфеи в своем благовестии вещает*. Рече бо, яко же

„аще кто пустит жену свою, развие словеси прелюбодейнаго, и **женится** иноу, прелюбы творит“. Сеи же блаженный князь Петр по евангельскому словеси сотвори: одръжание свое, яко уметы вмени, да заповеди божия не раздрушит.

IV

Они же злочестивии боляре даша им суды на реке, — бяше бо под градом тем река, глаголемая Ока. Они же пловуще по реке в судех. Некто же бе человек у блаженных княгини Февронии в судне, его же и жена в том же судне **бяше**. Той же человек, прием помысл от лукаваго беса, возрев на святую с помыслом. Она же, разумеv злыи его помысл, вскоре обличи. Рече ему: „Почерпи убо воды из реки сия с сю страну судна сего“. Он же почерпе. И повеле ему пити. Он же пит. **И** рече же паки она: „Почерпи убо воды з другую страну судна сего“. Он же почерпе. И повеле ему паки пити. Он же пит. Она же рече ему: „Равна ли убо вода сия, или едина **слаждши**?“ Он же рече **ей**: „Едина есть, госпоже, вода“. *Блаженная* же рече сице: „И едино есть естество женское. Почто убо свою жену оставя, чюжия мыслиши!“ Той же человек, уведа, яко в ней прозрения дар, бояся к тому таковая помышляти.

Вечеру же приспешу, начаша ставитися на брезе. Блаженный же князь Петр **нача** помышляти: „Како се будет, понеже волею самодержьства гонъзнув“. Предивная же княгини Феврония глагола ему: „Не скорби, княже, милостивый бог, творец и промысленик всему, не оставит нас сырых в нищете быти“.

На брезе же том блаженному князю Петру на вечерю ядь готовляху. **И** подтче повар его древца малы, на них же котлы висяху. По вечераи же святая Феврония ходяще по берегу и видеvше древца тыя, благослови, **рекше**: „Да будут сия на утрие древця велико, имущи ветвие и листвие“. *Еже и бысть. На утрие же воставше людие их и видеvше древца тыя, на них же котлы висяху, великое древие возрасте, имуще ветвие и листвие. И дивляхуся, како во единой ноци древие велико возрасте, имущи ветвие и листвие.*

[Сия же видеv князь Петр, возвеселися душею и дивляшеся, како сухое древие усырися. Предстоящи же людие удивишася преславному сему чудеси.]

И яко же хотяху их людие рухло вметати в суды со берега, придоша же велможи от града Мурома, ркуще со слезами: „Господи княже, от всех велмож и от всего града приидохом к тебе, да не оставиши нас сырых, но возвратися на свое отечество. Мнози бо велможи во граде погибоша от меча. Книждо их хотя державъст. . . . ми ся изгубиша. А оставши. . . со всем народом молят тя глаголяще: «Господи княже, аще и прогневахом тя и раздражихом тя, не хотящи, да княгини Феврония господствует женами нашими, и ныне со всеми дома своими раби ваю есмы. И хощем и любим и молим, да **не оставите нас раб своих**“.

V

Блаженный же князь Петр и блаженная княгини Феврония возврати-
шася в свой град, на свое отечестве.

*[И яко бысть близ града и пристава на пристанище ко берегу
реки, глаголемыя Оки. Священицы же вси и клирицы со кресты
и со образы с честными, и весь народ з женами и со младенцы
изыдоша во стретение има, со слезами вопиаху, глаголюще: „Виждьте,
господие наши, виждьте належащую беду нашу, яко мнози велможи
хотяху сами...]* (Пропущен лист).

...Еуфросиния, и шьяше во храм пречистыя богородицы соборныя
церкви своима рукама воздух, на нем же бе лики святых. Преподобныи же
и блаженный князь Петр, нареченныи Давид, присла к неи, глаголя:
„О, сестро Еуфросиния! Хочу уже отити от тела, но жду тебе, яко да
купно отидем ко общему нашему владыце Христу“. Она же рече:
„Пожди, господи мои, яко дошью воздух во святую церковь“. Он же
вторицею послав к неи, глаголя: „Уже бо мало пожду тебе“. Яко же
третицею паки присла к неи, глаголя: „Уже бо хочу преставитися
и не жду тебе“. Она же остаточное дело воздуха того святого шьяше,
уже бо единого святого риз еще не дошив, лице же нашив, и преста
и вотче иглу свою в воздух, ею же шьяше. И посла ко блаженному
Петру, нареченному Давиду, о преставлении купнем. И, помолився, пре-
даста в купе святая своя душа в руже божи месяца июня в 25 день.

По преставлении же ею хотеста людие, яко да положен будет бла-
женный Петр внутрь града у пречистыя богородицы соборныя церкви,
Феврония же вне града в женьстем монастыре у церкви Воздвижения
честнаго и животворящего креста, ркуще, яко „во мнишестем образе
неугодно есть положить святых во едином гробе“. И учредиша им гроби
особныя и вложиша телеса их в ня: святого же Петра, нареченнаго
Давида, тело вложиша во особныи гроб и поставиша внутрь града
в соборнои церкви пречистыя богородица до утрия; святыя же Февро-
ния, нареченная Еуфросинии, тело вложиша во особыи гроб и поставиша
вне града у церкви Воздвижение честнаго и животворящаго креста.
Общи же гроб, его же сами повелеша истесати себе во едином камени,
оста тощ, иже внутрь града, в том же храме соборныя церкви пречистыя
богородицы. На утрие же, воставше, людие обретоша гроби их особныя
тощи, в ня же их вложиста. Святая же телеса их **обретоша** внутрь града
соборныя церкви пречистыя богородица во едином гробе, его же сами
себе повелеша сотворити. Людие же неразумныи, яко о животе их мятущеся,
тако и по честнем ею преставлении: и паки преложиша я во особ-
ныя гробы и паки разнесоша, *яко же впереди писахом*. На утрии же
паки обретошася святии во едином гробе. И к тому не смеяху прикосну-
тися ко святем их телесем и положиша я во едином гробе, в нем же
сами повелеша, у соборныя церкви Рождства **пречистыя** богородица
внутри града, еже есть дал бог на просвещение и на спасение граду

тому: иже бо с верою приищуше к мощем их, неоскудно исцеление приемлют.

Мы же по силе нашей да приложим хваление има.

Радуися, Петре, яко дана ти бысть от бога власть убити летящаго свирепаго змия. Радуися, Феврония, яко в женьстеи главе святых муж мудрость имела еси. Радуися, Петре, яко, струпы и язвы на теле своем нося, добльственне скорби претерпел еси. Радуися, Феврония, яко от бога имела еси дар в девьственней юности недугы целити. Радуися, славный Петре, яко заповеди божия самодержьства волею отступи, еже не остави супругы своея. Радуися, дивная Феврония, яко твоим благословением во едину ноць малое *сухое* древие *возсырися*, великое возрасте и изне-соша ветвие и листвие. Радуися, честная глава, яко во одержании ваю в смиренни...

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Повести о Николе Заразском

(тексты)

Цикл повестей о Николае Заразском принадлежит к выдающимся явлениям древней русской литературы. По своему составу цикл этот неоднороден. Отдельные его части составлены разными авторами, дополнялись, изменялись и корректировались, разрастались новыми эпизодами, новыми повествованиями о событиях, связанных с иконой Николы Заразского. Внешняя история этого цикла во многом напоминает собою движение и развитие летописных сводов. Цикл этот и в самом деле включает в себе много летописного, кое в чем отражая и летописные стилистические трафареты („В лето 6730“, „В лето 6733“, „В лето 6745“ и др.). Он носит характер „свода“ — в данном случае „свода“ различных рязанских повестей, разновремененно сложившихся и разновремененно связанных с иконой Николы Заразского. Все вместе эти повести и составляли, очевидно, ту „летописную книгу“, по „рассмотрении“ которой в 1665 г. князь Никита Григорьевич Гагарин поставил три каменных креста на месте предполагаемых могил Федора, Евпраксии и Ивана.¹ Такой оригинальный характер „свода“, или „летописца“, имел не один только цикл повестей о Николе Заразском. Можно привести в пример аналогичные „своды“ повестей и житий: „Соловецкий летописец“, „Китежский летописец“, исследованный В. Л. Комаровичем,² различные сибирские „летописи“ (по существу — „своды“ повествовательного исторического материала); в составе таких же „сводов“ дошли до нас в рукописях многие и другие местные повести — новгородские, муромские и т. д. Этот принцип подбора повествовательного исторического материала в „своды“, по местному, или какому-либо другому объединяющему принципу, составляет важную особенность древне-русского литературного сознания и требует внимательного изучения в его соотнесении с аналогичной организацией исторического

¹ „Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии ныне существующих и упраздненных“, т. 1. Сост. И. Добролюбов. Зарайск, 1884, стр. 163.

² „Китежская легенда“, Л., 1938.

материала в летописных сводах, в сводах хронографических и патериках.

Вместе с этим следует отметить, что литературную историю тех или иных повестей, входящих в какой-либо местный „свод“, ни в коем случае нельзя изучать вне общей литературной истории этого свода. Меняется не одна какая-либо повесть, меняется весь „свод“ в целом, в зависимости от задач, которые ставятся в ту или иную эпоху, в той или иной социальной среде сознательно или стихийно, всему своду в целом. Это положение принципиально важно при публикации повестей, и оно вызывает необходимость при научном издании текстов повестей о Николе Заразском публиковать их все — в том числе и те, которые имеют относительно меньшую ценность.

„Свод“ заразских повестей по своему составу весьма разнотипен и неравноценен: местная легенда сочетается в нем с воинской повестью, литературная переработка эпических сказаний — с типичным рассказом о чуде от иконы. Центральная „воинская“ повесть этого заразского „свода“, по единодушному мнению исследователей древней русской литературы, принадлежит к лучшим после Слова о полку Игореве произведениям древней русской литературы. Последняя из повестей этого цикла, наоборот, — одно из самых трафаретных церковных „чудес“.

Различно и время создания отдельных повестей. Центральные „воинские“ части этого цикла в основе своей несомненно принадлежат первой половине XIV в. (об этом я буду говорить в особой работе, посвященной восстановлению архетипа повестей о рязанском разорении), последняя же из повестей относится к середине XVI в.

Точно так же весьма различно и отношение отдельных частей цикла к самой иконе Николы. В Заразске (а впоследствии и в Коломне) были соединены в местный цикл различные по происхождению повести: и те, которые имели узко местное значение, и те, которые имели значение общерусское. Местные интересы сказываются только в церковной части цикла и в самом факте объединения отдельных повестей по „местному“ принципу. Первая повесть и последний рассказ о „коломенском чуде“ прямо посвящены иконе и ее служителям; воинские же повести — лучшие в этом цикле — имеют к этой иконе весьма отдаленное отношение. Они не могли быть созданы при церкви Николы ее служителями; они только были включены в Заразский цикл, переписывались и переделывались в его составе. Именно этим и объясняется то большое общерусское значение этого заразского цикла, которое явственно чувствуется уже в начале XV в. (см. ниже о влиянии этих повестей на московский свод 1418 г.).

Локальный, местный характер цикла повестей о Николе Заразском особенно резко выступает в родословии „служителей“ при церкви Николы, которое читаем во многих списках этого цикла. Это родословие, различно заканчивающееся в различных редакциях цикла, важно также и для определения хронологии отдельных этапов в развитии повестей. Последние

его этапы отмечены в родословии как „335 лет по пренесении“ иконы, т. е. 1561 г., или „389 лет“, как те попы служили „непрерывно“, т. е. 1615 г. Однако после этого родословие „служителей“ Николы Заразского не продолжалось, хотя род Евстафия корсунского отнюдь не иссяк.¹ Объясняется это, несомненно, тем, что цикл повестей о Николе Заразском после середины XVI в. перестает вовсе развиваться как местный цикл и все решительнее вступает на путь общерусского развития. История текста повестей о Николе Заразском в XVII в. свидетельствует не об областном, местном, а об общерусском этапе его развития. Заключительная повесть цикла о Николе Заразском, так называемое „коломенское чудо“, относится к событиям 1522 (набег крымцев) — 1531 (построение каменной стены в Заразске) годов и связано также с иконою Николы Заразского и с действующими в этом цикле „служителями“ этой иконы. В дальнейшем события Смутного времени затронули и Заразск, и самый культ иконы Николы Заразского, и одного из „служителей“ этой иконы, но в цикле повестей о Николе они не отразились.² Перестав дополняться местными легендами, местными произведениями, цикл Николы Заразского в различных переработках начинает дифференцироваться по своему составу: в некоторых переработках выделяются лишь церковные части этого цикла, подвергающиеся дальнейшему оцерковлению, в других переработках выделяются по преимуществу воинские эпизоды, подвергающиеся сближению с национальным эпосом. Оторвавшись от своих „местных“ корней и перестав наращиваться дополнительными эпизодами и вставками, текст повестей в то же время обнаруживает в XVII в. удивительную живучесть в различной социальной среде, подвергается множеству переработок, переписывается в большом числе экземпляров и распространяется в различных областях. Он отражает типичную для XVII в. социальную дифференциацию литературы, а также дифференциацию ее на светскую и церковную, при которой одни и те же произведения в светской среде освобождались от элементов церковности, а в церковной среде становились еще

¹ „Вероятно, род их (служителей Николы. — Д. Л.) продолжался и после того, что видно из синодика Николорадовицкого монастыря (в 60 верстах от Зарайска), составленного в половине XVI в.: «Род протопопа Зарайскаго города Никиты Семёнова сына, через Иосифа схимника, протопопа Никиты, монаха Саватия Корсунского» (С. Бочарников. Зарайск. 1865, стр. 22—23, примеч. Ср. также: И. Добролюбов. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, т. I. Зарайск, 1884, стр. 167. И. Добролюбов здесь же, между прочим, отмечает, что последний из перечисленных в родословии служителей — Иван — упомянут в документах под 1560 и 1578 г.). М. Баранович утверждает: „и теперь еще жители (Зарайска. — Д. Л.) показывают место, называемое Корсаковскою горою, где были его (рода священников корсунских. — Д. Л.) жилища“. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния. Составил М. Баранович, СПб., 1860.

² К 1608 г. относится украшение иконы Василием Шуйским, к 1610 г. подвиги заразского протопопа Дмитрия вместе с Пожарским и т. д.

более церковными. Особенно обильными были в XVII в. переработки повестей о Николе в духе сближения с фольклором. Публикуемые ниже тексты повестей по редакциям „сказания“, „воинским“ и „стрелецкой“, свидетельствуют об этом достаточно красноречиво. Важно при этом отметить, что переработки XVII в. текста в духе фольклора основываются в первую очередь на жанровых сближениях литературы устной и письменной: воинские эпизоды повести подвергаются некоторой переработке, сближающей их с былинной традицией, а в плаче Ингоря Ингоревиича ощущается воздействие народных причетей.

* * *

В цикле повестей о Николе Заразском, несомненно, чувствуется древняя, весьма близкая по времени возникновения к изображаемым событиям основа. В цикле отображены отдельные исторические факты, в летописи не зарегистрированные. В нем иначе, а частично и полнее, чем в летописи, представлен „род“ рязанских князей. В нем сохранена старая, домонгольская еще, воинская дружинная фразеология (особенно в обращениях рязанского князя Юрия Ингоревиича к своей дружине). В похвале доблестям рязанских князей отмечены весьма архаические качества („к боярам ласковы“, „на пирование тщивы, до осподарьских потех охочи“, „ко греческим царем велику любовь имуща, и дары у них многи взимающа“, „а с погаными половцы часто бьяцся за святыя церкви и православную веру“, „и ласкою своею многих от неверных царей детей их и братию к себе примаста и на веру истинную обрацста“.¹ Следует отметить также неоднократно обращавшую на себя внимание архаическую лексику повести.²

В основе своей текст цикла повестей о Николе Заразском независим от какой-либо из дошедших до нас летописей и дает много отличного от летописей нового материала. Отметим, например, отличающееся от летописного родословие рязанских князей. Попытки разобраться в генеалогии рязанских князей в повестях о Николе Заразском³ пока-что не привели к общепризнанным результатам. Объясняется это, очевидно тем,

¹ Имеются в виду аманаты, бравшиеся русскими князьями у половцев. Институт этот с нашествием Батия исчез.

² Не могу, впрочем, согласиться с В. Л. Комаревичем, усматривавшим особый архаизм в слове „насочи“ основной редакции А (цит. соч., стр. 67). Слово это действительно встречается в весьма древних памятниках — у Иосифа Флавия (по изданию В. М. Истрина, т. I, стр. 228 и 230), в Прологе XIII в. (БАН, 4, 9, 20, л. 182), в Прологе XIV в. (БАН, 17, 11, 4, л. 293), однако наряду с этим — в Летописи Авраамки (ПСРА, т. XVI, стр. 190, под 1446 г.), в Псковской судной грамоте (см. „Исторические записки“, № 6, стр. 287), а также в Великих четьях минеях (декабрь, 1112).

³ Н. М. Карамзин. ИГР, т. III, гл. VIII; А. В. Экземплярский. Великие удельные князья Северной Руси, т. II, стр. 570—572; Д. И. Иловайский. История Рязанского княжества. 1858; А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства. П., 1918, стр. 225—226.

что исследователи подходили к сведениям этих повестей без учета их эпического происхождения. Между тем, в основе генеалогии повестей о Николе Заразском можно усматривать характерное для художественной литературы переосмысление родственных отношений, вызванное желанием создать свои, отвечающие литературным требованиям генеалогические комбинации с целью подчеркнуть трагизм событий. Среди сыновей рязанского князя Ингваря Ингоревича летопись называет только Юрия Ингаревича (действующее лицо третьей повести). Восстанавливающий разоренную Рязань князь Ингварь Ингоревич в летописях не известен. Н. М. Карамзин считал Ингваря Ингоревича¹ внуком Игоря Глебовича — следовательно сыном Юрьева брата (то же — Д. Иловайский, А. Экземплярский, А. Пресняков), но в самой повести Ингварь назван не племянником, а братом Юрия (Ингварь находит „мать свою“ Агриппину Ростиславовну, она же по повести — и мать Юрия). По повести к „братии“ Юрия Ингоревича, кроме Ингваря, относятся также Давид Муромский и Глеб Коломенский (не известен больше нигде и в древнейшей редакции не встречается), Кир Михайло Пронский (на самом деле двоюродный брат Юрия) и Олег Красный. Последний, повидимому, в действительности не брат, а племянник Юрия — сын Ингваря, упоминаемый в летописях под 1252 и 1258 гг. Эпизод с Олегом Красным во второй повести носит характер вставки (он вступает в различные отношения с основным текстом в редакциях основной А и основной В), сделанной на основании устных легенд, смешавших его с другим племянником Юрия — Романом. На самом деле Олег Ингаревич возвратился из Орды „на свою отчину“ в 1252 г. и умер в 1258 г. (см. Лавр., Симеон., Воскрес. и Никон. летописи). Между тем, сын Олега Ингаревича Рязанского князь Роман был замучен в Орде в 1270 г., и Симеоновская летопись сравнивает его мучение с мучениями Иакова Перского, — того самого святого, житие которого отчасти послужило образцом и для описания мученической кончины Олега Красного в повести. Таким образом, мы наблюдаем в цикле отчетливое стремление сблизить и упростить родственные отношения действующих лиц.

Из других „эпических“ неточностей повестей о Николе Заразском назовем и такую: князь Игорь Глебович (сын Глеба Ростиславича Рязанского) назван Игорем Святославичем Черниговским; рязанские князья называются внуками великого князя Святослава Ольговича Черниговского (и Киевского — отца Игоря Святославича). В этом странном искажении генеалогии рязанских князей можно отчасти подозревать какое-то стремление возвести генеалогию рязанских князей к герою Слова о полку Игореве.

Позднейшие наслоения и вставки в текст повестей разнообразны: они шли и от риторических произведений конца XIV—XV вв., и от местных легенд. Так, например, эпизод с пестуном князя Федора — Апоницея² —

¹ ИГР, т. III, гл. VIII, примеч. 358.

² В некоторых поздних списках переосмыслен как „Аполоница“ (см. текст).

возможно местная легенда. Во всяком случае, автор брошюры „Чудотворный образ святителя Христова и чудотворца Николая Зарайского“ (М., 1860) связывает имя Апоницы с селением „Апоницищи“ Зарайского уезда.

Повести о Николе Заразском интересны и в их постоянных взаимодействиях с летописью и с хронографом.

Между прочим, колебания первой повести, описывающей перенос иконы на Рязань, в определении той церкви в Корсунь, в которой крестился Владимир, — то как церкви Иакова, то как церкви Василия — отражают аналогичные колебания и в летописи. Так, например, по Ипатьевской летописи Владимир крестился в церкви Софии; по Лаврентьевской — в церкви Василия, по Новгородской первой (отражающей древнейшую из дошедших версий Начальной летописи) — в церкви „св. Василиска“. Радзивилловская заменяет церковь Василия церковью богородицы. В Новгородской четвертой, Софийской первой, Воскресенской, Хронографе и других, восходящих к Полихрону Фотия (1423 или 1418 г.), — церковь, в которой крестился Владимир, определена как церковь Иакова согласно с житиями Владимира, также называющими церковь Иакова. Летописные определения церкви, где крестился Владимир, как церкви Василиска, — весьма возможно, — результат ошибочного чтения греческого слова τὸ βασιλικόν (базилка — церковь). Чтение „св. Василия“ — может быть результат дальнейшего искажения. Первоначальным в первой повести о Николе Заразском следует, очевидно, считать наиболее близкий к древнейшей летописи вариант с церковью Василия, так как в летописях этого типа Владимир исцеляется от слепоты — также как и в повести. В житии же Владимира, в котором он получает крещение в церкви Иакова (отсюда церковь Иакова и в Полихроне Фотия), он исцеляется от „язвы“, в повести не упоминаемой. В перемене некоторыми редакциями первой повести церкви Василия на церковь Иакова, несомненно, сказалось знакомство с Русским Хронографом, явственно ощущаемое и в ряде других случаев. В частности, к тому же воздействию Русского Хронографа следует отнести и колебание списков между наименованиями „Корсунь“ и „Херсунь“. Сербская форма „Херсунь“ проникла в некоторые из поздних русских летописей из того же Русского Хронографа, являясь одним из типичных для него сербизмов (ср. также в некоторых списках повести „Светослав“). Специальная „хронографическая“ редакция повести имеет еще больше следов влияния Хронографа (ср., напр., „на реке на Онозе“, Батый — „молниенная стрела“, согласно с включенным в Русский Хронограф сербским житием Стефана Лазаревича, составленным в 1431 г.). Требуется особое исследование происхождения совпадения второй повести, описывающей разорение Батыем Рязани, с одним из известий наших поздних летописей: в Никоновской и в некоторых других, а также во второй повести о Николе читается одна и та же подробность, в более ранних летописях не встречающаяся, — о выходе рязанских князей на битву с Батыем к окраинам Рязанской земли у Воронежа. Возможность знаком-

ства (и очень раннего) летописцев с циклом повестей о Николе Заразском, во всяком случае, не исключена. В доказательство сошлюсь на те добавления, которые были сделаны в летописной повести о нашествии Тохтамыша на Москву в своде Фотия 1418 г. к предшествующей редакции этой повести, читающейся в своде 1409 г. В этих добавлениях (и только в них, а не в основной части летописной повести) явно ощущается их зависимость от повестей о Николе, как от своего литературного образца.

Вторая повесть о Николе Заразском (список Волоколамск. № 523)
„яко и самому царю возбоятися“

„тако их бьяше нещадно, яко и мечи притунишася“

„И прииде [князь Ингварь] из Чернигова в землю Резанскую во свою отчину, и видя ея пусту, и услыша, что братья его все побиены от нечестивого законопреступника царя Бытия, и приде во град Резань и видя град разорен, и матерь свою, и снохи свои, и сродник своих, и множество много мертвых лежаща, и град разорен, церкви пожжены и все узороче в казне черниговской и резанской взято... [далее плач Ингваря]...“

„Кто боне возпачетца толика погибели? или кто не возрыдает о селице народе людей православных? или кто не пожалит толико побито великих государей? или кто не постонет такового пленения? Князь Ингварь Ингорович разбирая трушна мертвых и наиде тело матери своей...“ [далее похоронь].

„Сия бо град Резань и земля Резанская изменися доброта ея, и отиде слава ея, и не бе в ней ничто благо видети — токмо дым и пепел, а церкви все погореша, а великая церковь внутрь погоре и почернеша. Не един бо сий град пленен бысть, но и инии мнози“.

Новгородская IV летопись
(ПСРЛ, т. IV, вып. 2, Л., 1925)

„яко и самому царю стужити о сем“
(стр. 332).

„только же [сечаху, дождеже] руде их и плещи их измолкоша, сила их изнеможе, сабли их не имуть, острия их притупишася“ (стр. 333).

„...въехаста [князь Дмитрий] в свою отчину, в град Москву, и виде ша град взят и пленен и огнем пожжен, и святыя церкви разорены, а людья побитых трушья мертвых безчисла лежащих, и о семь сжалиша си зело, яко и расплакатися има с слезами. Кто бо не въсплачется таковыа погибели градныа? кто не жалуеть толика народа людей? кто не потужит о селице множестве крестьян? кто не сетуеть си [и] еваго пленения и съкрушения? И повелеша телеса мертвых хоронити“ (стр. 338).

„... и паки в единомъ часе изменися видение его, е[г]да взят бысть и посечен и пожжен, и нечего его видети, развеи токмо земля, и персть, прах, попел, трушья мертвых многа лежаще, и святыя церкви стояще, аки разорены, аки осиротевше, аки овдовевше“ (стр. 336). „Не токмо же едина Москва взята бысть тогда, но и прочии гради и страны пленени быша“ (стр. 336—337).

На ту же зависимость добавлений к повести о Тохтамыше от цикла повестей о Николе Заразском указывают и некоторые другие соответ-

ствия (в частности, употребление в этих добавлениях слова „узорочие“).

Взаимоотношение повестей о Николе Заразском со „Словом о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского“ и с повестью Нестора Искандера о взятии Царьграда требует внимательного исследования.

Сравнивая схожие между собой плачи Ингоря Ингоровича и вдовы Дмитрия Евдокии можно заметить в основном большую первоначальность¹ плача Евдокии, к которой лучше подходят основные мотивы и образы плача, а иногда и грамматические формы (за исключением, впрочем, сравнения Евдокии с трубой „рать поведающей“). Однако с другой стороны, заключительная в цикле Николы похвала рязанских князей отличается явно большей логичностью и цельностью, чем рассеянные по разным местам те же образы в „Слове“. Наконец, отдельные сходные с повестями о Николе места имеются и в других частях „Слова“ (не только в плаче Евдокии, и не только в похвальной характеристике Дмитрия).

Ряд общих мест с повестями о Николе Заразском имеется и в повести Нестора-Искандера (в плаче цесаря, в описании приступа — „един бьяшесь с тысящею, а два с тьмою“, цесарь — „исполни силою“ и др.). Однако и здесь едва ли было бы правильным, как это предполагал акад. А. С. Орлов, усматривать простую зависимость повестей о Николе от повести Нестора-Искандера.² Само собой разумеется, что круг литературных связей повестей о Николе, установление которых необходимо для изучения „движения“ его текста, далеко не исчерпан вышеприведенными краткими замечаниями. В частности, оставляю за собой право высказаться в будущем и о такой существенной детали, как появление во втором виде основной редакции Б сцены торжественного погребения Евпатия и дополнения его имени мало употребительным в древней Руси отчеством „Львович“.

* * *

Предлагаемая разбивка текстов Повестей о Николе Заразском на редакции дополняет и развивает классификацию В. Л. Комаровича,³

¹ Так указано В. П. Адриановой-Перетц; ср. обратное мнение, впрочем не подтвержденное доказательствами: А. И. Соболевский. К Слову о полку Игореве. Изв. по русск. яз. и слов., 1929, т. II, кн. 1, стр. 181.

² В частности, акад. А. С. Орлов предлагал видеть заимствование в повести о Николе из повести Нестора-Искандера термина „санчакбей“. Отметим однако, что термин этот встречается только в одной из редакций третьей повести (в основной Б) и отражает не столько литературное влияние, сколько непосредственно-деловое употребление его в действительности (тюркск. *з а н с а к* — знамя, флаг, *с а н ч а к б е й* — военачальник). Кроме повести Нестора-Искандера, слово „санчакбей“ встречается и в других памятниках (см., напр., Степенная книга, ПСРЛ, т. XXI, ч. 2, стр. 503).

³ В. Л. Комарович. К литературной истории повести о Николе Зарайском. Труды Отдела древне-русской литературы Инст. лит. АН СССР, т. V, 1947.

предложенную им на основании двенадцати списков. Редакцию „распространенную“ мы предпочли называть редакцией основной А; редакцию „компилятивную“ — редакцией основной Б. Последняя может быть прослежена в двух основных видах. Кроме указанных еще В. Л. Комаровичем редакций — редакции хронографической, редакции святцев, редакции особой (в дальнейшем называем ее „стрелецкой“) и редакции проложной, — должны быть указаны: редакция воинская (в двух видах), редакция типа „Сказания“ (в двух видах), редакция риторическая, редакция церковная и редакция распространенная. Существуют, кроме того, переделки XIX в., которые здесь не рассматриваются. „Краткая редакция“ выделена В. Л. Комаровичем ошибочно.

В указанные В. Л. Комаровичем признаки различия между собой двух основных редакций должны быть внесены изменения. Признак первый, по которому в редакции основной А Евстафий прибывает в город Ригу, а в основной Б — в город Кесь,¹ не может быть принят. Не может быть принят также и признак четырнадцатый, по которому в редакции основной А захваченные татарами дружинники Евпатия Коловрата называют себя „храбрами“, а не „рабами“ князя Юрия Ингоревича: „храбрами“ называют себя дружинники Евпатия только в тексте списка БАН, 16. 15. 8; во всех остальных списках редакции основной А дружинники говорят про себя: „раби великого князя Юрья Ингоревича Резанского“. Несомненно однако, что в списке БАН 16. 15. 8 отразился древнейший вариант текста (слово „храбр“ вышло из употребления уже в XVI в.). Неточно указан В. Л. Комаровичем также признак четвертый: Глеб Коломенский упоминается и в списках компилятивной редакции. Следует вообще отметить, что перечисление участвовавших в бою с Батыем и павших князей, а также их расстановка в этом перечислении сильно колеблется в различных списках и требуют особого изучения. Неточно указан В. Л. Комаровичем и признак восьмой, по которому эпизод о нашедшем тело Федора пестуне Апонице (эта форма имени пестуна Федора встречается в списках чаще, чем указанная В. Л. Комаровичем форма „Аполоница“) имеется только в списках редакции основной Б. Признак девятый, касающийся прощания перед битвой рязанских князей, относится только к первому виду основной редакции Б.

Отличия редакции основной А от редакции основной Б в главнейшем следующие: 1) в редакции основной Б имеется небольшое дидактическое вступление перед рассказом о нашествии Батыя. Этого

¹ Кесь, Кезис-Венден, ныне Цесис. Н. И. Петров в докладе „Сказание о перенесении образа св. Николая Зарайского из Корсуя через Ригу в Зарайск в 1224—25 гг.“ („Археологические известия и заметки“, издаваемые Моск. археолог. общ., № 9—10, М., 1896, стр. 296) неправильно предположил, что Кесь — Икескола. В русских летописях Кесь постоянно — Венден.

дидактического вступления в редакции основной А нет; 2) в редакции основной А отказ владимирского князя Юрия Всеволодовича помочь Юрию Ингоровичу предшествует созыву рязанских князей и эпизоду с убиением Батыем князя Федора: в редакции же основной Б рязанские князья получают этот отказ после отмеченных событий; 3) в редакции основной А отмечено место батыева стана, куда прибыл Федор — „на реку на Воронеж“; в редакции основной Б место батыева стана остается неизвестным; 4) в редакции основной Б Батый тешит приехавших к нему рязанских князей „потехою“, чего нет в редакции основной А; 5) эпизод с Олегом Красным изложен в редакции основной А в иной последовательности, чем в редакции основной Б; 6) в перечислении жертв татарского погрома в редакции основной А, в отличие от редакции основной Б, названа мать великого князя Юрия Ингваревича — „Агрепена“; 7) в редакции основной А Евпатий Коловрат во время разгрома Рязани находится в Чернигове „со князем Ингорем Ингоровичем“, в редакции основной Б к этому добавлено: „емля подать государя своего великого князя Георгия Ингоровича“; 8) в редакции основной А, в отличие от основной Б, точно указано, где настиг Батыя Евпатий Коловрат: „угнаша Батыя в земли суздальстей“; 9) в редакции основной А татары наводят на Евпатия Коловрата „множество пороков“, а в редакции основной Б — „множество саней с нарядом“ (или „с народом“); 10) в редакции основной А Батый после гибели Коловрата посылает „по мирзы и по князи“, а в редакции основной Б добавлено — „ординския и по санчакбеи и по паши“.

Эти наиболее важные отличия могут быть дополнены рядом других — мелких и текстовых отличий.

Главное отличие первого вида редакции основной Б от второго заключается в том, что в этом последнем Евпатию придано отчество „Львович“ и дополнительно рассказывается о торжественных похоронах Евпатия в рязанском соборе, причем указывается и точная дата погребения — 11 января. Иначе изложена и вся сцена отправления на битву рязанских князей — более сжато во втором виде, чем в первом (в первом виде, между прочим, князь Юрий Ингорович кланяется образу Одигитрии, „юже принесе Ефросин иза Святыя горы“, нигде более не упоминаемому). Ни первый вид редакции основной Б, ни второй ее вид не могут быть признаны древнейшими: в обоих есть черты более первоначальные и черты более новые. Оба эти вида восходят, очевидно, к одному — древнейшему. Во втором виде всюду упоминается Глеб Коломенский, как в основной редакции А (с ней же сближает этот вид и ряд других деталей). „Род поповский“ во втором виде доведен до 11 колена и помещается обычно после первой повести — в отличие от первого вида редакции основной Б и от редакции основной А. Второй вид редакции основной Б обычно заключается „Коломенским чудом“. В некоторых списках других редакций эта коломенская добавка имеет особую заключительную часть, объясняющую возвращение в Заразск

к „старому престолу“ образа Николы Заразского и, что особенно интересно — построение в Заразске каменных стен.¹

К редакциям основным А и Б (в обоих видах) восходит большинство остальных редакций (кроме, может быть, редакции святцев).

В основу издания основной редакции А положен список:

1) Гос. Библиот. СССР им. Ленина, Волоколамск. собрание № 526. Сборник, полууставом XVI в.,² весь одним почерком, 4°. Лл. 229—258 об.: повести без заглавия. Начало: „В лето 6730. Приход из Корсуня чудотворнаго Николы образа Заразского. Како приде из пременитаго града Херсони в пределы рязанския“.

Все три части. „Род поповский“ отсутствует. Для вариантов привлечены списки:

2) Гос. Публ. библиот. в Ленинграде, собрание М. П. Погодина № 1570. Сборник середины XVII в., скорописью, 4°. Лл. 1—24 об. Повести без заглавия. Начало: „В лета 6733 году. Явися святыи великий чудотворец Николае Корсунский в преименитом граде Херсони служителю своему Остафею имянем“. „Род поповский“ после второй (воинской) повести.

3) Гос. Библиот. СССР им. Ленина, Румянц. собрание № 378. Сборник, писан скорописью в 1682 г. Лл. 80—104 об.: „... та 6733 году... приход ис Корсуня гра... чудотворнаго образа Николина, како приде ис преименитаго града Корсуня“ (левый верхний край листа вырван). После второй (воинской) повести — Повесть об убиении Батя; за ней — „Род поповский“.

Списки П и Р близки между собой и в некоторых случаях представляют более правильные чтения, чем основной список. Кроме того, для вариантов привлекается список:

4) Библиот. Акад. Наук СССР № 16. 15. 8. Сборник, скорописью (разными почерками) второй половины XVII в., 4°. Лл. 41 об.—68 об., 74—74 об.: „О принесении чудотворнаго образа святаго Николая ис Корсуни града в пределы Рязанския земли, яже в Росийской области“. Текст повести перебит на лл. 68 об.—74 Повестью об убиении Батя. После Повести об убиении Батя следует „Род поповский“.

Повидимому, писец списывал свой текст с весьма ветхого оригинала и, при этом, многого в нем не понимал. Однако в списке этом сохраняются черты весьма древние.

Не привлечены к изданию следующие списки той же редакции:

5) Гос. Публ. библиот. в Ленинграде, собрание ОЛДП Q. 235. Сборник скорописью конца XVII в., 4°. Лл. 53—61 об.: „О приходе

¹ Каменные укрепления в Заразске построены при Василии III в 1531 г. (см.: Н. М. Карамзин. История государства российскаго, т. VII. Изд. 2, стр. 188, примеч. 364.

² Флигранги: сфера (Briquet № 11211—1553 г., № 1210—1546 г., № 11216—1588 г.).

безбожного царя Батыя на Рускую землю". Первая повесть (о переносе иконы) и „Род поповский“ отсутствуют.

Список этот отражает преимущественный интерес к воинской части цикла, только в нем и представленной и снабженной особым заголовком: „О приходе безбожного царя Батыя на Рускую землю“. Эпизод с Апоницей в нем имеется так же, как и в основном списке этой редакции (Волокол. 526). Для списка характерны некоторые (очень слабые) изменения в лексике: „не лепо есть нам“ (л. 53 об.) вм. „не полезно есть нам“ в других списках; „урядиша вся полки“ (л. 54) вм. „учредиша полки“; битва „велика и преужасна“ (л. 54 об.) вм. „зла и ужасна“; „отступника“ (л. 57 об.) вм. „отметника“ и др. Из других особенностей списка отметим: Евпраксия разбивается о „сырую землю“ (л. 54), также и Ингварь Ингоревич ударяется „о сырую землю“ (л. 58 об.); вместо разорения Батыем трех городов — Пронска, Белаграда и Ижеславца, упомянуто только разорение „славнаго града Пронска“ (л. 55); рязанский епископ назван „архиепископом“ (л. 55.; рязанские архиепископы — с 1585 г.); Евпатий назван „неким воеводой“ (л. 56); в конце повести упоминается льгота, которую Ингорь Ингоревич дал Рязанской земле на 100 лет (л. 61). В некоторых местах текст явно испорчен; так, например, в эпизоде с Олегом Красным пропущены слова „и хотя его изврачевати от великих ран“ (л. 55 об.), в связи с чем обесмысливается текст этого эпизода.

6) Библ. Ак. Наук СССР 16. 17. 21. Сборник скорописью разных почерков и полууставом XVII в., 4°. Лл. 173—194: „Приход ис Корсуня чудотворнаго Николина образа Заразского, како приде ис преименитаго града Корсуня...“ (лл. 178—183 об. и 184—189 перепутаны при переплете: текст с л. 177 об. переходит на лл. 184—189, а с л. 189 об. — обратно на лл. 178—183 об.). „Род поповский“ отсутствует. Заключается текст Повестью об убиении Батыя.¹ Почерк повести — второй четверти XVII в.

Первая дата повести в этом списке не 6730 г., а 6732, в связи с чем пропущено — „в третье лето по Калском побоище“. Из мелких особенностей текста отметим — татары обступают Рязань „а нини с токмочи“ (л. 178 об.). Имеются мелкие искажения.

7) Исторический музей, собрание Синод. патр. библ. № 409. Сборник, скорописью конца XVII в., 4°. Описан у А. С. Орлова „Исторические и поэтические повести об Азове“, М., 1906, стр. 3. Лл. 97—110 об.: повести без заглавия. Начало: „В лето 6745 12 лета по принесении чудотворнаго образа Николина ис Корсуни прииде безбожный царь Батый...“ Первая повесть (о переносе иконы) и „Род поповский“ отсутствуют. С л. 107—Повесть об убиении Батыя.

¹ Повесть об убиении Батыя в настоящем издании цикла повестей о Николе Заразском не помещается. Ее издание и исследование о ней см.: С. П. Розанов. Повесть об убиении Батыя. ИОРЯС, т. XXI, кн. 1, 1916.

Список отчасти близок к П и Р. Имеются ясные искажения текста и поновления. Некоторые варианты сближают список с основной редакцией Б: „сказа“ (л. 97 об.) вм. „насочи“ и „Товрул“ вм. „Хозтаврл“ (л. 101 об. и сл.). Из вариантов отметим некоторые; о приходе Батыя сказано: „и множество с ним татар поганных половец“ (л. 97) вм. „со множеством вой татарских“; в молитве Юрия Ингоревича: „буди полк их и путь их тма и ползок“ (л. 99) вм. „буди путь их тма и ползок“; мать Юрия Ингоревича однажды названа „Аграфена“ (л. 99) вм. „Агрена“; о побитых в Рязани сказано — „и несть бо никому оно тужити, ни отцу по детех, ни детем по матери“ (л. 100 об.) вм. „несть бо ту ни стонюща ни плачаща — и ни отцу и матери о чадах, или чадом о отци и о матери“; о Евпатии говорится — „Еупатей же сильной полки проезжая“ (л. 101) вм. „Еупатей же сильна полк проезжая“; о захваченных в плен Батыем сказано — „и не могоша их от великих ран излечити“ (л. 101 об.) вм. „изнемогших от великих ран“; Евпатия побивают „из седмочисленных пороков“ (л. 102) вм. „тмочисленных пороков“.

Редакция основная Б, первый вид, печатается с присоединением Коломенского эпизода по списку:

1) Гос. Публ. библ. в Ленинграде, собрание М. П. Погодина № 1594. Сборник, 4°, конца XVI—начала XVII в. (филиграни: Briquet № 12783—1594—1569 гг., № 12802—1594 г., Каманин № 155—1589—1590 гг., № 52 и № 53—1590 г.). Лл. 40 об.—63 об.: „Приход чудотворнаго Николаина образа Заразского иже бе изо Корсуни града в пределы Резанские...“ „Род поповский“ — после второй (воинской) повести.

Разночтения даются по спискам:

2) Исторический музей, собрание Уварова № 1876. Сборник, скорописью XVII в., 4°. Лл. 1—74: повести без заглавия. Начало: „В лето 6733 при великом князе Георгии Всеволодовиче Владимерском и при великом князе Ярославe Всеволодовиче Новгородском...“ „Род поповский“ после второй (воинской) повести. Затем следует Повесть об убиении Батыя (лл. 70—74), после чего приписка: „а писан сей Николин приход лета 7122 году“.

3) Гос. Публ. библ. в Ленинграде, собрание Погодина № 1442. Хронограф неопределенного состава. Рукопись XVIII в. — продолжение Погод. хронографа № 1441, полууставом, 2°. Лл. 199—208. „Род поповский“ — после второй (воинской) повести.

Второй эпизод „Коломенского чуда“, легендарно объясняющий возвращение образа Николы Заразского в Заразск и построение каменных стен Заразска в 1531 г., издается по списку неопределенного (неполного) вида:

4) Историч. музей, Воскресенск. собрание № 211. Сборник конца XVII в., скорописью, 4°. Лл. 149—164: „В лета 6733 году. Приход ис Корсуни чудотворнаго Николаина образа, како прииде ис пре-

именитого града Херсони в пределы Резанские“. Первая повесть (о переносе иконы). Вторая (воинская) повесть и „Род поповский“ отсутствуют. Заклчается цикл „Коломенским чудом“, включающим и второй эпизод.

Не привлечены для разночтений следующие списки первого вида:

5) Гос. Публ. библ. в Ленинграде, собрание Погодина № 1574.

Сборник из 5 рукописей XVII в. Лл. 2—17 об. скорописью: „О пленении безбожного царя Батыя, егда пленил Резанскую землю“. Первая повесть (о переносе иконы) и „Род поповский“ отсутствуют. Заклчается Повестью об убиении Батыя.

Отметим следующие особенности текста: Батый посылает к рязанским князьям послов с „бездельными грамоты“ (л. 2); о рязанском войске сказано — „и едва одолеша их сильные полки казанские“ (л. 6); плененные ратники Коловрата говорят Батыю: „не подиви царю — не успевали наливати чашу на велику силу татарскую, что не всякому доставалась“ (л. 8 об.); „И Еупатий же ис полку с силою (вм. „исполни силою“) наехав на Таврула“ (л. 9).

6) Гос. Библ. СССР им. Ленина, собрание Ундольского № 761. Сборник, скорописью петровского времени, 4°. Лл. 88 об. — 100: „Сказание о пришествии на Рускую землю царя Батыя“. Только вторая (воинская) повесть.

7) Исторический музей, собрание Барсова № 940. Рукопись XIX в., полууставом, 4°. „Приход чудотворного Николина образа Зарасскаго, иже бе из Корсуня града в пределы резанские“. „Род поповский“ после второй (воинской) повести.

Редакция основная Б, второй вид, публикуется по списку:

1) Гос. Публ. библ. в Ленинграде, собрание Погодина № 643.

Сборник, полууставом разных почерков, XVI—XVII вв., 8°. Лл. 106—160 об. (третья четверть XVI в.): „Приход чудотворного образа Николина из Корсуня града“. Филиграния: сфера (наиболее близки: Briquet № 14008—1559 г., Лихачев № 1839 и № 1840—1562 г.), змея (Лихачев №№ 1638—1648—первой полов. XVI в.) и перчатка (Лихачев №№ 1688—1690—1572 гг.). „Род поповский“ после первой повести (о переносе иконы). В конце „Коломенское чудо“.

Разночтения к этому списку приводятся по следующим рукописям:

2) Гос. Публ. библ. в Ленинграде, Ф. I. 286. Сборник, полууставом конца XVI или начала XVII в. Лл. 158—168: „Чудо святого Николы о приходе чудотворного его образа от Корсуня в пределы Рязанския“. „Род поповский“ отсутствует. Без конца; обрывается на плаче Ингваря Ингваревича на словах: „к чему, господине мои, не возрите ко мне и не промольвите со мною. Уже забыли есте мене“.

3) Исторический музей, собрание Уварова № 1823. Сборник из трех рукописей, полууставом XVII в. Лл. 37 об. — 73: повести о Николе Зарасском без заглавия. Начало: „Явился святыи великийи

чюдотворец Николае Зараский в преименитом граде Корсуне служителю своему Еустафию именем...“ „Род поповский“ отсутствует. Заканчивается на „Коломенском чуде“.

4) Гос. Публ. библ. в Ленинграде, Соловецкое собр. № 1016 (стар. № 906). Сборник XVII в., составной, 4°. Лл. 310—351 (скорописью и полууставом, переходящим в скоропись, второй полов. XVII в.): „Принесение чюдотворнаго образа великого чюдотворца Николы Зараскаго из преименитаго града Корсуня“. „Род поповский“ после первой повести. Заключается „Коломенским чудом“.

К этому же виду редакции основной Б относятся следующие не привлекаемые к изданию списки:

5) Исторический музей, собрание Барсова № 1472. Сборник, скорописью XVII в., 4°. Лл. 275 об.—309 об.: „Повесть чюдотворнаго образа Николина из Корсуня града“. „Род поповский“ после первой повести. В конце „Коломенское чудо“.

Список недурной с немногими искажениями.

6) Гос. Публ. библ. в Ленинграде, собрание ОЛДП, Ф. 97. Сборник XVII в. Лл. 236—256 (полуустав): повести о Николае Зараском без заглавия. Начало: „... растославица. В лето 6733 [приписано на правом поле: „июлия в 12 день“] явися святыи великий чюдотворец Николае Зараский...“ „Род поповский“ после первой повести. Заключается цикл „Коломенским чудом“.

Список неисправный, отдельные части спутаны. После первой статьи следует „в лета 6745 убиен бысть благоверный князь Феодор Юриевич Рязанский...“, а на полях: „преступи лист“, на следующем листе — „чти+“ и статья „Прииде безбожный царь Батый + на Русскую землю“ На л. 242 „чти назад убиен бысть“. Эта статья „убиен бысть“ поставлена вперед, так как ею заменен конец первой повести, где говорится о том же „заразе“; этот „зараз“ на л. 242 после отметки „чти назади убиен бысть“. После статьи „убиен бысть“ следует „род служителей“ (л. 240 об.). Есть прямые искажения, например: „великий князь Ингварь Ингоревич поиде ко граду Корсуню, и собра труп брата своего князя Олга Ингоревича Краснаго“ (л. 250 об.).

7) Библ. Ак. Наук СССР 4. 7. 3. Сборник из шести различных рукописей (полууставом и скорописью) последней четверти XVII в., 4°. Лл. 285—302 (скорописью): „Перенесение чюдотворнаго образа великаго чюдотворца Николая Зараскаго“. „Род поповский“ после первой повести. Заключается „Коломенским чудом“.

Список хороший, хотя есть некоторые искажения: „исполнен силою“ (л. 294 об.) вм. „исполин силою“; „крепости исполнена“ (л. 294 об.) вм. „крепка исполина“; „с погаными полцы“ (л. 300) вм. „с погаными половцы“ и др.

8) Гос. Публ. библ. в Ленинграде, Соловецкое собрание № 947 (стар. № 837). Сборник разных рукописей, 4°. Лл. 298—321 (полууставом конца XVII в.): „Принесение чюдотворнаго образа великаго

чюдотворца Николы Зараского ис преименитого града Корсуня“. „Род поповский“ после первой повести. Текст обрывается на л. 321 об. в конце второй (воинской) повести на словах: „от сея вины зовется Никола Зарайский, понеже благоверная княгиня Еупраксия с сыном Иваном Постником сама себе зарази. Великий же Ингварь Ингоревич...“

Список близок к Солов. № 1016 (стар. № 906), но менее исправен.

9) Гос. Публ. библ. в Ленинграде Q. I. 398. Сборник конца XVII в. Лл. 83—96 (первая повесть скорописью, остальные полууставом): „В лето 6733 году приход ис Карсуни чюдотворнаго Николаина образа Зарайскаго“. Обрывается (вследствие утраты листов) на плаче Ингоря Ингоревича на л. 95 об. на словах: „Бысть убо тогда многи туги, и скорби, и слезы, и въздыхания, и страх, и трепет, и всех злых зло находящих на ны грех ради наших. Князь же великий Ингорь Ингоревич“... Затем следует на л. 96 текст конца Повести об убиении Батяя со слов: „... виша сотворен же бысть медным льянием короля на коне сидя...“ и до конца. „Род поповский“ отсутствует.

10) Гос. Публ. библ. в Ленинграде, собрание Титова № 1144. Отдельный список полууставом XVIII в., 4°. Лл. 1—50 об.: „О принесении чюдотворнаго образа Николы из града Корсуня во град Зарайск“. Вторая часть первой повести (зараз) отсутствует. „Род поповский“ отсутствует. Заключается повесть „Коломенским чудом“.

Вступительная часть, рассказывающая о крещении Владимира в Корсуне отсутствует. Некоторые из частей имеют особые заголовки: „О Ипатии Коловрате“ (л. 18 об.), плач Ингваря Ингоревича носит название „Молитва“ (л. 29), „О принесении чюдотворнаго образа града Зараска на Коломну и чюдо бысть от чюдотворныя иконы его“ (л. 39 об.).

Хронографическая редакция в целом является переработкой редакции основной А. Дополнительно к тем ее отличительным признакам, которые указаны в работе В. Л. Комаровича, отметим: текст хронографической редакции несколько сокращает текст редакции основной А; Евстафий является сперва в Ригу, а затем в Кесь; второй части предшествует риторическое вступление, заимствованное из Хронографа редакции 1512 г.; распространено нравоучение по поводу отказа Георгия Всеволодовича Суздальского явиться на помощь рязанским князьям; сцена самоубийства Евпраксии драматизирована несколькими новыми деталями (Евпраксия, ожидая мужа, держит сына „на своих белых руках“, „поглядяюще ласковаго и любимаго своего супруга“, она кончает жизнь самоубийством, узнав, что ее супруг „любви ради ея красоты убиен бысть“); эпизод с Олегом Красным ближе к редакции основной Б (более логичной); татары, разорив Рязань, направляются к Коломне; Евпатий назван вельможей „русским“, о нем сказано — „бе бо храбр зело“, к нему приложен эпитет „львояростный“; плач Ингоря Ингоревича опущен; несколько сокращена заключительная похвала рязанским князьям. Для

этой (хронографической) редакции основным является не текст „Русского временника“ (или Костромской летописи), составленного в 1680-х годах в Богоявленском монастыре игуменом Павлом, а текст одного из видов Хронографа (вид этот еще недостаточно изучен), который был использован игуменом Павлом.

Хронографическая редакция печатается по списку:

1) Библ. Ак. Наук СССР 31. 6. 27. Хронограф редакции 1599 г., 4°, скоропись и полуустав самого начала XVII в., бумага второй половины XVI в. (Briquet № 12882—1583 г., №№ 12669 и 12670—1546 г., Лихачев № 4006—1581 г.). В Описании рукописного отделения БАН В. И. Срезневского и Ф. И. Покровского, т. 3, вып. 1, стр. 5, и в надписи А. А. Шахматова на самой рукописи — на тыльной стороне верхней крышки переплета — дата рукописи — XVI в. По замечанию А. А. Шахматова, в этом хронографе „слиты две редакции хронографа — редакция 1512 года и редакция, предшествовавшая Русскому Временнику, т. е. тот вид хронографа, из которого извлечен этот летописный сборник“ („К вопросу о происхождении хронографа“, Сб. ОРЯС, т. LXVI, № 8, СПб., 1899, стр. 52. Подробное описание рукописи — там же, стр. 49—55). Лл. 467—468 об.: „О пришествии Николина образа на Рязань из Корсуня“; лл. 472—473 об.: „В лето 745 нашествие безбожного царя Батыя на Русскую землю“; лл. 474 об.—476 об.: „О Еупатии Коловрате“ и „О пришествии князя Ингоря на Рязань“. На л. 475 скоропись сменяется полууставом на бумаге с теми же знаками.

Не привлекается к изданию список:

2) Исторический Музей, собрание Уварова № 1364. „Хронограф Сергея Кубасова“, 4°, скорописью XVII в. Лл. 71 и сл.: „О нашествии на Русь нечестиваго Батыя царя“, начало: „Хощу рещи, о друзи, повесть, иже и самех безсловесных может подвигнути на плачь...“ Вторая часть хронографической редакции.

Краткая хронографическая редакция печатается по списку:

1) Гос. Публ. библ. в Ленинграде, Ф. XVII. 17. Хронограф неопределенного состава XVII в., но не позже 1661 г. Скоропись.

Редакция стрелецкая, известная в единственном списке, представляющем собою копию со списка 1633 г. стрелецкого головы¹ Н. Л. Анненкова, является переработкой второго вида редакции основной Б. В ней особенно интересны постоянные соотнесения с современностью и рассуждения автора по поводу „неустройства сущих властей“ и оборонительных сооружений Русского государства; Евстафий приходит в Коломну, Евпраксия обращается перед самоубийством с речами к сыну

¹ Стрельцы были постоянными жителями Заразска. По статистическим сведениям, сохранившимся в „книгах окладных монастырям, церквам и часовням Рязанской епархии, учиненных в 7184 (1676) г.“ (выписка из книг напечатана Надеждиным в Журнале Мин. внутр. дел, 1848, кн. 3), в нем значилось 476 домов, из которых 25 было стрелецких. Стрельцы обслуживали укрепления, построенные еще в 1531 г.

и бросается с полатей церковных; Евпатия обступают враги „сенными возами“; и др. Для датировки редакции имеет значение упоминание „нового града Смоленска“.

Редакция стрелецкая печатается по списку:

1) Библ. Ак. Наук СССР 38. 4. 40. Сборник из собрания Ф. М. Плюшкина из различных рукописей (полууставом и скорописью) конца XVII в., 4°. Лл. 330—352 об. (скорописью): „Приход чудотворного образа святого Николы чудотворца ис Корсуня града в Рязанскую землю“, с датой — 1633 г. и именем Никиты Анненкова-рязанца, как владельца того оригинала, с которого списывался список, в послесловии.

Редакция „Сказания“ имеет особое заглавие, отличное от других редакций повестей: „Сказание о пришествии скверного и безбожного царя Батыя, и како он пленил грады русския и Рязанское государство раззорил“ (пространный вид редакции) и „Сказание о пришествии на Рускую землю безбожного царя Батыя, и как он окоянный разорил Рязанское государство“ (краткий вид редакции). Редакция представляет собой переработку второй (воинской) повести редакции основной Б первого вида. Оба вида редакции довольно сильно различаются между собой, но оба перерабатывают текст своего протографа в одном направлении, — подчеркивая воинские и фольклорные эпизоды. Из отличий пространного вида отметим: Евпраксия бросается с терема; в молитве Юрия Рязанского перед битвой вставлен отрывок из молитвы митр. Илариона („да не когда рекут во языцех: где есть бог их“); Юрий просит прощения у всего народа; описание битвы рязанских князей с войском Батыя дополнено несколькими „воинскими трафаретами“; о нашествии Батыя сказано (сходно с хронографом) — „яко некая страшная молния пожигающи и попадающи“; Евпатий учреждает полки в „день недельный“; на Евпатия наводят „пушки и многия снаряды оружейныя“; Батый отпускает остатки дружины Евпатия со словами — „возмите сего своего храброго воина для его храбрости. И вас пощадих, идете куда хотите“; в плаче Ингоря Ингоревича имеется обращение не только к земле и дубравам, но и к горам, холмам и лугам. В кратком виде Апалица отпущен Батыем; Евпраксия разбивается „о сыру землю“; Юрий Ингоревич обращается к „служивому воинству“; против Юрия выступают „полки турския“; Батыево войско подступает к Рязани „с порохи“; Евпатий собирает 1800 человек, сечет татар „вострым своим мечем“, „выскакал против Хостоврула“, действует „с товарищи“; Батый, „зря на тело Еупатиево, прослезися“ и называет Евпатия „Колоbrate“; заканчивается этот вид раньше, чем пространный — на прочувственных словах Батыя по поводу Евпатия, после чего сказано: „И поеха царь Батый во свояси. Богу слава“.

Редакция типа „Сказания“ печатается по списку:

1) Гос. Публ. библ. в Ленинграде. Q. XVII. 209. Сборник, скорописью XVII в., 4°. Лл. 137—149 об.: „Сказание о пришествии скверного и безбожного царя Батыя, и како он окоянный пленил грады“

русския и Резанское государство раззорил“. В конце (л. 149 об.) тем же почерком: „Справил Ивашко иконник Калашников“.

Разночтения к этому списку приводятся по рукописи:

2) Библ. им. Ленина, собрание Овчинникова № 712. Сборник полууставом, переходящим в скоропись, XIX в., 4^о, миниатюры грубоватой работы в красках на лл. 1, 4, 7, 9, 12, 15, 18, 21, 27, 30, 32, 34, 38, 41, 49, 52, 55, 59. Лл. 1 об.—24 об.: „Сказание о пришествии сквернаго и безбожнаго царя Батыя и како он окояный пленил грады руския и резанское государство раззорил“.

Сокращенный вид редакции типа „Сказания“ печатается по списку:

3) Гос. Публ. библ. в Ленинграде, собрание Погодина № 1936.

Сборник, скорописью второй половины XVII в., 4^о. Лл. 172—186: „Сказания о пришествии на Рускую землю безбожнаго царя Батыя, и как он окояны разорил Резанское государство“.

Оба вида редакции во и н с к о й представляют собой аналогичные редакции „Сказания“ переделки основной редакции А в виде, близком к Волоколамскому списку № 526 (есть эпизод с Апоницей, не названным, впрочем, по имени). Используется в этих видах только вторая (воинская) повесть, подвергшаяся некоторой переделке (в первом виде несколько фольклоризуется собственно воинская часть и плач Ингоря). В обоих видах (каждый из них представлен только одним списком) основной текст слегка сокращен — кроме тех частей повести, которые приближают ее к былинам (в них имеются некоторые распространения фольклорного характера). В первой воинской редакции (список Погод. № 1606) обращают на себя внимание следующие детали: вместо слова „насочи“, которым определяется донос некоего рязанского вельможи на князя Федора в редакции основной А, употреблено слово „вложи“; в описании битвы Юрия Ингоревича Рязанского с Батыем добавлено: „и выехоша из Батыева войска попытатися сильныи и храбрыи богатыри против силы резанские“: а также — „полки Батыевы проезжая бьяшесе храбро и мужественно и по всем полком подвизащесе резанское господство крепко и мужественно бьяшесе, изнемогоша, а Батыево войско охраброшаса и едва их одолеша силнии полки татарскии“; в описании битвы Евпатия с Хостоврулом вместо слов „соступишаса сильныя полкы татарскиа“ — сказано „разступишаса сильныи полки татарскиа“, благодаря чему меняется вся картина битвы, превращенная в единоборство Евпатия с Хостоврулом; убивают Евпатия из „тмочисленных пушек“; Батый посылает „по мурзы, и по князей, по сановники“ (вм. „по санчакбен“ Волоколамского списка); сожалеющих слов Батыя по Евпатии нет; „Игорь Игоревич“, пришедший из Чернигова вместе с Евпатием, бежит „ис полков татарских“. Он оплакивает не только братию свою и мать, но и „крепкого и силного Евпатия Коловратова“; в целом плач „Игоря Игоревича“ сильно сокращен (главным образом в тех его частях, которые носят книжный характер) и отчасти приближен к народным

плачам: земля имеет эпитет „пустешенька“ (дважды), дуброва — „зеленая“, месяц — „пресветлый“ (вм. „красный“); утвердительный оборот „меня единого оставиша в толице погибели“ обращается в более свойственный народным плачам в аналогичных случаях вопросительный — „мене ли единого оставиша в толице погибели“ и др.; заканчивается первый вид на описании похорон Ингоря Ингоревича, Федора Юрьевича, Евпраксии и их сына, и на объяснении названия Николы „Зарайского“. В отличие от первого вида воинской редакции, во втором (представленном единственным списком БАН 34. 8. 25) Апоница назван по имени; Евпраксия стоит на „некоем месте высоце“; в перечислении участников рязанской обороны назван Глеб Коломенский; донос „некоего вельможи“ определен термином „навади“; текст молитвы Юрия Ингоревича перед выступлением в поход опущен; Евпатий назван „неким воеводой“; плач Ингоря Ингоревича опущен; последний раздает „малу часть имения“ оставшимся людям на поминание матери и братии. Заключительная часть соответствует первой воинской редакции, но с добавлением упоминания „льготы“, которую дал „Игорь Игоревич“ Рязанской земле на сто лет.

Редакция воинская первого вида печатается по списку:

1) Гос. Публ. библ. в Ленинграде, собрание Погодина № 1606. Сборник последней четверти XVIII в. Описан у А. С. Орлова „Исторические и поэтические повести об Азове“. М., 1906. Лл. 327 об. — 337: повести без заглавия. Начало: „В лета 6745, во фторое лето по принесению образа великаго чудотворца Николы приде безбожный царь Батый“.

Редакция воинская второго вида печатается по списку:

2) Библ. Ак. Наук 34. 8. 25. Сборник, принадлежавший собранию Головкина, из шести рукописей третьей четверти XVII в. Ско-рописью. Лл. 376—378 об., 372, 372 об., 371, 371 об., 379 (листы при переплете спутаны): повести без заглавия. Начало: „В лето 6745-го, во 12 лето по принесении чудотворнаго Николина образа ис Корсуня града приде безбожный царь Батый“.

Редакция распространенная представляет собою переработку редакции основной Б первого вида. Основная часть цикла расширена, наоборот конец, в частности, плач Ингоря Ингоревича, сокращен; там же имеются и некоторые перестановки и изменения (введен новый персонаж, сын Юрия Ингоревича — Юрий Юрьевич). Всему циклу придано единство изложения, превращающее его в единую повесть.

Редакции распространенная издается по списку:

1) Исторический музей, собрание Черткова № 313. Сборник XVII—XVIII вв., 4°. Лл. 487 об. — 495 (полууставом XVIII в.): „Месяца нуля 30 день. Слово о явлении иконы святаго чудотворца Николы, како явися во граде Херсоне священнику некоему именем Евстафию“. В конце книги на л. 495 более поздним почерком,

скорописью: „Сия книга выписана из пролога житий святых и чудеса их московскова купца Алексеевской слободы второй гилди Ивана Тихонова сына Медовщикова“ и др.

Редакция риторическая представляет собою позднюю (конца XVII в.) переработку редакции основной. В ней значительной переработке и распространению подвергся рассказ о убиении князя Федора Батыем. Батый склоняет Федора перейти в магометанство, Федор отклоняет это предложение, обличает Батыя и погибает. Диалог Федора и Батыя происходит через „толка“ (толмача). Батый требует выдать ему Евпракию, так как она „рода есть и крове царския, юже достоин имети мне сушу царю“. Собственно воинские части повести сильно сокращены. Ингорь Ингоревич превращен в Юрия Игоревича — „брата великого князя Георгия Игоревича“. Отметим также подмену старой Рязани Переяславлем Резанским (нынешняя Рязань). К этому последнему городу чувствуется особое внимание составителя этой редакции (в частности, отмечено, что Зараск отстоит от Переяславля на 50 верст).

Редакция риторическая печатается по списку:

1) Библ. им. Ленина, собрание Никифорова № 501. Сборник разных рукописей скорописью второй половины XVII в., 4°. Лл. 72—89: „Сказание известно от древняго списания о принесении многочюдеснаго образа, иже во святых отца нашего Николая архиепископа Мирликийских чудотворца из греческаго града Корсуня в великую Россию на Рязань в Зараск“.

Как явствует из исследования В. Л. Комаровича, а также из приводимого и нами материала, различия в основных редакциях (А и Б) устанавливаются по преимуществу на основании второй (воинской) повести цикла, поэтому отсутствие этой второй повести делает затруднительным точное определение редакции — во всяком случае в его двух основных редакциях.

К неполным спискам Повестей о Николе Заразском без их третьей части принадлежат следующие (в издании текстов нами не используются):

1) Исторический музей, собрание Уварова № 1819. Сборник, скорописью, 1642 г., 4°. Лл. 12—24 об.: „Принесение чудотворнаго образа великого чудотворца Николы Зараскаго ис преименитаго града Корсуня в Рязаньския пределы“. „Род поповский“ после первой повести. Вторая повесть отсутствует. Заключается „Коломенским чудом“. После „Коломенского чуда“ следует статья „Страдание великого князя Романа Ольговича Рязанского во Орде за веру Христову“.

2) Библ. Ак. Наук СССР, Арханг. собр. № 365. Сборник канон, слов и сказаний, скорописью XVII в., 8°. Лл. 254—258: „Чудо Николы Заразского“. Только первая повесть.

3) Гос. Публ. Библ. в Ленинграде Q. XVII. 30. Сборник разных очерков второй половины XVII в., 4°. Лл. 220—246: „Приход великаго чудотворнаго образа Николы Заразского, како прииде из

преименитаго града Корсуни в пределы Резанския ко князю Федору Юрьевичу Резанскому, во второе лето по Калмыцком побоище“. Первая повесть и „Род поповский“.

4) Исторический музей, собрание Уварова № 1914. Сборник, скорописью XVII в., 8°. Лл. 55—61: „Коломенское чудо“ без заглавия. Начало: „Лета 7021 пришли крымские люди на Рязанские украинь“.

5) Гос. Публ. библ. в Ленинграде, собрание Колобова № 333. Сборник конца XVIII в. Лл. 59. об.—66 об.: „Приход великаго чудотворнаго образа Николина Зарайскаго. Како прииде ис преименитаго града Корсуни в пределы рязанския“. Первая повесть и „Род поповский“.

Редакция святцев издается по списку:

1) Гос. Публ. библ. в Ленинграде, собрание Погодина № 675. Сборник: святцы с житиями, скорописью XVII в. Лл. 230 об.—232: „Сказание о чудотворном образе святого Николы Заразского, еже откуду приде в Резанскую землю и для которые вины Заразский наречется“.

Разночтения приводятся по списку:

2) Библ. Ак. Наук СССР 33. 13. 24. Святцы, 1694 г., 4°. Лл. 109 об.—110: „Сказание о чудотворном образе святого Николы Заразского, еже откуда прииде в Резанскую землю и для которые вины Заразский наречется“.

Проложная редакция издается по второму изданию Пролога, где она впервые помещена:

1) „Пролог“, М., 1662, под 29 июля, лл. 391—391 об.

Из этого и последующих изданий Пролога Повесть о Николѣ Заразском переписывалась с незначительными изменениями. Нам известны списки:

2) Библ. Ак. Наук СССР 38. 4. 40; тот же сборник, в котором находится на лл. 330—352 об. так. наз. Стрелецкая редакция. На лл. 196 об.—198 (скорописью конца XVII в.): „Месяца того же в 29 день. Повесть о чудотворном образе великаго чудотворца Николы“.

3) Гос. Публ. библ. в Ленинграде, собрание Петерб. дух. акад. № 280. Сборник XVII—XVIII вв., 4°. Святцы. Л. 147: „Месяца иуниа в 29 день. Повесть о чудотворном образе великаго чудотворца Николаа, како принесен бысть на Рязань в Заразской“.

4) Гос. Публ. библ. в Ленинграде, Q. XVII. 212. Сборник начала и первой половины XVIII в. нескольких почерков, скорописью. 4°. Святцы. Л. 371 (скорописью начала XVIII в.): „Месяца иулиа в 29 день. Повесть о чудотворном образе великаго чудотворца Николаа, како принесен бысть на Рязань в Заразской“. На л. 370 об. изображение иконы Николы Заразского и подпись: „diakoni Wasilii Nestrow“.

5) Библ. им. Ленина, собрание Ундольского № 412. Рукопись XIX в. (первой половины). См. ниже в описании списков так наз. церковной редакции. Проложная редакция на лл. 14—15: „Месяца июля в 29 день. Повесть о чудотворном образе великаго чудотворца Николы, како принесен бысть на Рязань в Заразской“. На поле л. 14 отметка: „из пролога новопечатнаго“.

Церковная редакция представляет собой одно из приспособлений Повестей о Николе Заразском для нужд богослужения. По словам С. Бочарникова („Зарайск“, М., 1856, стр. 6, примеч.) „Сказание это (т. е. Повести о Николе) с древних времен читалось и читается до сих пор в Зарайском Николаевском соборе 28 июля у всенощной, под день на память принесения чудотворной иконы“. Из этой редакции изъята вся ее „воинская“ часть; первая часть, связный и несколько переработанный рассказ о самоубийстве Евпраксии, а также „Коломенский эпизод“ в ней обязательны. Редакция эта имела довольно длительную историю, которая здесь не рассматривается. Текст этой редакции нами не издается.

Редакция церковная известна нам в следующих списках:

1) Исторический музей, собрание Вострякова № 925. Сборник XVII в., скорописью разных почерков, 4°. Лл. 128—137 об.: повести без заглавия. Начало: „В лето 6733-го году, июля в 29 день принесен бысть чудотворный образ великаго чудотворца Николы в Заразск ис преименитого града Корсуни“.

2) Библ. Ак. Наук СССР 13. 2. 23. Сборник из собрания А. И. Ядмирского, почерками (полууставом и скорописью) XVII—XVIII вв., 4°. Лл. 65 об.—71 (скорописью последней четверти XVII в.): повести без заглавия. Начало: „В лето 6733 году, июля в 29 день принесен бысть чудотворный образ великаго чудотворца Николая в Заразски ис преименитаго града Корсуни“.

3) Библ. им. Ленина, собрание Тихонравова № 395. Сборник скорописью Петровского времени, 4°. Лл. 164—169: повести без заглавия. Начало: „В лето 6733 году, июля в 29 день принесен бысть чудотворный образ великаго чудотворца Николая в Заразск ис преименитаго града Корсуни“.

4) Исторический музей, Епархиальное собрание № 690. Сборник, XVIII в., 4°. Лл. 123—135 об.: „Повесть о принесении многочудеснаго образа, иже во святых отца нашего Николаа архиепископа Мирликийских чудотворца, из Корсуня града в пределы Рязанския земли во град Зарайск“.

5) Гос. Публ. библ. в Ленинграде, собрание Погодина № 1623. Сборник, скорописью XVIII в., в лист. Лл. 103—106: Повести без заглавия. Начало: „В лето 6733 году 20-му июля в 29 день принесен бысть чудотворный образ великаго чудотворца Николы во град Заразск ис преименитого града Карсуни“.

6) Архив Лен. отд. Института истории Ак. Наук СССР № 232. Сборник, скорописью конца XVIII в., 4°. Лл. 1—5 об.: повести без

заглавия. Начало: „Лета от сотворения света 6733, а от воплощения бога слова, 1225 года, месяца июля в 29 день принесен бысть чудотворный образ великаго святителя Николая во град Зарайск из преименитаго града Корсуня“.

7) Библ. им. Ленина, собрание Ундольского № 412. Рукопись XIX в. (первой половины) на 15 л. в отдельном переплете. На обороте верхней крышки переплета надпись рукою Ундольского о том, что она куплена „у Сухаревой башни“ 21 ноября 1854 г. Заголовок (л. 1): „Повесть о принесении чудотворнаго образа великаго святителя и чудотворца Николы во град Зарайск из Корсуня града“. Заключается рукопись проложной редакцией (см. стр. 406) той же повести на лл. 14—15.

8) Исторический музей, Епархиальное собрание № 545. Рукопись XIX в., полууст., 4°. Л. 1 — изображение иконы Николы Зарайского. Лл. 2—22: „Повесть о принесении чудотворнаго образа, великаго святителя и чудотворца Николы во град Зарайск из Корсуня града“. Заклучается рукопись тропарем Николу чудотворцу (л. 23) и канонем ему же (л. 23 об.), приписанными другим почерком. Не привлечены к изучению следующие списки повести:

1) Исторический музей, собрание Уварова № 1363. Хронограф редакции 1601 г. (по выкладке в статье об отложении мяс). Скорописью XVII в., в лист. Лл. 806—816: „Приход образа Николы Зарайского, како приде в пределы Рязанския ко князю Федору Юрьевичу Рязанскому“.

2) Большакова № 305, 4°, полуустав начала XVIII в. (сборник описан у А. С. Орлова „Исторические и поэтические повести об Азове“, М., 1906).

3) Библиотека им. Ленина, собрание Шибанова, сборник начала XIX в. Лл. 128—133.

4) Гослитмузей, № 2975.

Укажем, кроме того, печатные издания Повестей сделанные по спискам, здесь не привлекаемым:

1) Пролог — все издания, начиная со второго — 1662 г., где Повесть о Николу Заразском напечатана впервые (второе издание привлечено к настоящей публикации — остальные не привлечены).

2) „Летописец, напечатанный в Московской Синодальной типографии в 1791 г.“ („Русский временник“, хронографическая редакция).

3) „Русский временник“, ч. 2, М., 1820 (хронографическая редакция).

4) И. Сахаров. „Сказания русского народа“, т. I, кн. 4, изд. 3, СПб., 1841, стр. 46—56 (хронографическая редакция).

5) „Чудотворный образ Николы Заразского“, М., 1860 (пересказ церковной редакции).

6) В. Ундольский. „Приход чудотворнаго Николина образа Зарайскаго, иже бе из Корсуня града в пределы Рязанские“, Временник

Общ. ист. и древн. росс., XV, М., 1852, отд. III, стр. 11—21 (вторая редакция „по списку XVI в.“ — повидимому Погодинск. № 1594, но с некоторыми отличиями — см. Труды ОДРЛ, V, 1947, стр. 57, примеч.).

7) С. Бочарников. „Зарайск“. М., 1865 (пересказ по списку церковной редакции).

8) И. И. Срезневский. „Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках“. СПб., 1867, XXXIX, стр. 77—90 („сводный текст“, неоднократно перепечатывавшийся).

9) „Зарайский Николаевский собор“, Рязань, 1878, стр. 65—88: „Повесть о образе Николая Чудотворца“ (пересказ церковной редакции). Втор. изд. 1892.

10) И. Добролюбов. „Сказание о перенесении образа св. Николая из Корсуня в Зарайск в 1225 г.“ М., 1891. Изд. по списку Рязанской Архивной комиссии (церковная редакция).

Во избежание субъективной интерпретации малоизученного текста повестей о Николе Заразском, мы не ставили себе задачей при их издании восстановление архетипов тех или иных редакций. Каждая из редакций издается нами по лучшему списку с привлечением вариантов только тех списков, которые имеют значение для будущего восстановления первоначального текста или для его истории. Варианты приводятся по возможности все (с тем, чтобы можно было иметь полное представление о списках), за исключением тех вариантов, которые имеют лишь орфографическое значение. Явные описки писца исправляются в тексте и оговариваются в примечаниях, обозначаемых буквами. Примечания с вариантами обозначаются цифрами.

В издаваемых текстах допущены следующие упрощения орфографии подлинников: титла раскрыты, ъ в конце слов опущен, і заменено через и, ѣ через е, фита через ф, кси через кс, пси через пс, омега и ук через о, оу через у, иотированный аз и юс малый через я, иотированное есть через е, юс большой через у. Выносные буквы внесены в текст. причем выносное ж передается через же, с в окончании возвратных и притяжательных глаголов через ся. Буквы-цифры переданы цифрами. Введено деление слов, написанных слитно; пунктуация — современная.

М. В. Щепкиной любезно указаны мне следующие номера рукописей Исторического музея, содержащие повести о Николе Заразском: Барсова № 940 и № 1472, Черткова № 313, Вострякова 925, Епархиального собрания № 545 и № 690. В. И. Малышеву я обязан указаниями на следующие рукописи: Библиотеки им. В. И. Ленина, собр. Овчинникова № 712, собр. Никифорова № 501, собр. Шибанова, Гослитмузея № 2975 и Лен. отд. Института истории АН СССР № 232. За эти указания приношу М. В. Щепкиной и В. И. Малышеву глубокую благодарность.

РЕДАКЦИЯ ОСНОВНАЯ А

Основной текст — список Библиотеки им. Ленина, Волоколамск. № 523 В

Разночтения — список Библиотеки им. Ленина, Румянцевск. № 378 . . . Р

„ Г. Публ. библ., Погодинск. № 1570 П

„ БАН № 16, 15, 8 А

В лето¹⁻¹ 6730.² Приход из Корсуня³ чудотворнаго⁴ Николы образа⁴ Заразскаго.⁵ Како приде из пременитаго⁶ града Херсони⁷ в пределы рязанския⁸ в⁹ треть¹⁰ лето по Калском¹¹ побоище.¹² Тогда убито много князей русских и сташа князи рустии за половець, а побьяни быша за Днепром на речке на Хортицы на Калском поле Половецкой земли на Калках месяца июня в 16 день.¹³

В лето 6733. При великом князе Георгии Всеволодовичи¹⁴ Владимерском, и при великом князе Ярославе Всеволодовичи¹⁵ Ноугородцком,¹⁶ и сыне его кнзѣ¹⁷ Александре Ярославичи¹⁸ Невском, и при Рязанском¹⁹ великом²⁰ князе Юрьи Ингоревиче,²¹ принесен²² бысть чудотворный образ²³ великаго чудотворца Николы Корсунскаго Заразскаго²⁴ из преименитаго²² града Херсони²⁵ в пределы²² резанския во область благоверна²⁰ князя Федора²² Юрьевичя Резанскаго. А стоял чудотворный образ во граде Корсуни посреди града близ²⁷ церкви²⁸ апостола Иякова брата Богослова.²⁹ А у сего бо³⁰ апостола Иякова³⁰ крестися³¹ самодержавный и³² великий князь Владимер Святославич Киевской и³³ все³⁴ Руси.³⁵ А полата была большая краснаа³⁵ у чудотворцева храма сзади олтаря,³⁶ в ней же³⁷ гречестии цари³⁸ веселяшася³⁹ Василей,⁴⁰ Костянтин⁴¹ Парфиенитос — православный.⁴² Сии бо цари даша⁴³ сестру свою Анну⁴⁴ за великаго князя Володимера⁴⁵ Святославича Киевского и прислаша⁴⁶ ю во град Корсунь. Благоверная⁴⁷ царица⁴⁸ Анна не сочтася⁴⁹ брака со⁵⁰ Владимером Святославичем и⁵¹ нача его молити⁵² быти крестьяна.⁵³ Князь велики⁵⁴ Владимер Святославич⁵⁵ возлюбил совет⁵⁶ православныа⁵⁷ царицы⁵⁸ невесты своея⁵⁹ и призва епископа Анастаса⁶⁰ Корсунскаго и повеле себя просвятити святым крещением. И по божию

^а В рук.: Ингоревиче.

11... та [левый край листа оборван] Р. ²6730-го году Р. ³Корсуня гра.. [далее оборв.] Р. ⁴⁻¹образа Николина Р. ⁵Зарайсково Р. ⁶преименитаго Р. ⁷Корсуня Р. ⁸Резанские земли ко князю Феодору Юрьевичю Резанскому Р. ⁹во Р. ¹⁰второв Р. ¹¹Кальском Р. ¹²побоищи Р. ¹³⁻¹³отсутствует Р. ¹⁴Всеволодичи Р. ¹⁵Всеволодичи Р. ¹⁶Новгородском Р. ¹⁷нет Р. ¹⁸нет Р. ¹⁹резанском Р. ²⁰нет Р. ²¹Игоревиче Р. ²²Далее часть листа (около 10 букв) вырвана Р. ²³Николин образ Зарайский Р. ²³⁻²⁴нет Р. ²⁵Корсуня Р. ²⁶нет Р. ²⁷где стоит Р. ²⁸церковь Р. ²⁹Богослова Р. ³⁰⁻³⁰Иякова брата богослова Р. ³¹⁻³²нет Р. ³³нет Р. ³⁴всая Р. ³⁵Росии самодержец Р. ³⁶красная Р. ³⁶⁻³⁷иде же Р. ³⁷⁻³⁸перестан.: цари гречестии Р. ³⁹веселяшася Р. ⁴⁰Василей и Р. ⁴¹⁻⁴²нет Р. ⁴³даше Р. ⁴⁴Анну царевну Р. ⁴⁵Владимера Р. ⁴⁶прислаше Р. ⁴⁷благоверная же Р. ⁴⁸царевна Р. ⁴⁹сочтася Р. ⁵⁰с великим князем Р. ⁵¹⁻⁵¹умоли его Р. ⁵³крестьянина Р. ⁵³⁻⁵⁴Великий же князь Р. ⁵⁵⁻⁵⁶послуша Р. ⁵⁷православия Р. ⁵⁸царица Р. ⁵⁹своея невесты Р. ⁶¹Анастася Р.

строению в то время разболеся Владимир⁶¹ очима и ничто же не видяше.⁶¹ Епископ Анастас⁶² с попы царьыны⁶³ вне^а ⁶⁴ града Херусони⁶⁵ крестиша Владимира и погрузиша его въ⁶⁶ святей⁶⁷ купили⁶⁸ и абие прозре.⁶⁹ И виде Владимир, яко воскоре⁷⁰ исцеле, и прослави бога, и рек: „Во истину велий⁷¹ бог христьянеск⁷² и чюдна вера ся“. Не токма очима⁷³ прозре и⁷¹ душевныма очима позна творца своего. Тогда⁷⁵ бысть радость велия во граде Корсуни о крещении благовернаго великаго князя Владимира Святославича.

⁷⁶ В⁷⁷ лето ⁷⁸ 6732-го. ⁷⁹ Явися святой⁸⁰ великий чюдотворецъ Николае⁸¹ Корсунской⁸² в преименитом граде Харсунии⁸³ служителю⁸⁴ своему Астафию⁸⁵ именем⁸⁶ в привидении.⁸⁷ И рече ему великий чюдотворецъ Николае:⁸⁸ „Астафие,⁸⁹ возми мой чюдотворный⁹⁰ образ Корсунски,⁹¹ супругу⁹² свою Феодосию и сына своего Остафия⁹³ и гряди в землю Резанскую. Тамо хошу быти, и чюдеса творити, и место прославити“. ⁹⁴ Остафей⁹⁵ убужся⁹⁶ от такова⁹⁷ видения⁹⁸ и нача ужасатися.⁹⁹ А во¹⁰⁰ вторую ночь чюдотворецъ¹¹ тако же² ему³ явися.⁴ Остафей⁵ в боли⁶ страх⁷ вниде, и нача помышляти: „О великий чюдотворецъ Николае! камо⁸ волиши⁹ ити?“ ¹⁰ Аз⁶ ¹¹ раб твой ни земли рязаньския¹² знах,¹³ ни¹⁴ на сердце¹⁵ мое възде. Не вем бо¹⁶ та¹⁷ земля,¹⁸ яко на восток,¹⁹ или на запад, или на юг, или²⁰ на север“ — в себе²¹ помышляше.²² И в третью²³ ночь чюдотворецъ²⁴ явися Остафию,²⁵ и утыкая в ребра, и²⁶ веля немедленно²⁷ ити, яко на восток, и поручаяся²⁸ его²⁹ доправити³⁰ до Резанския³¹ земли. Остафей³² нача трепетен³³ быти от таковаго видения,³⁴ и мышляше³⁵ в³⁶

^а В рук.: нѣи.

^б В рук.: из.

^в В рук.: трепен.

⁶¹⁻⁶¹отсутствует Р. ⁶²Анастасий Р. ⁶³царевны Р. ⁶⁴вне Р. ⁶⁵Корсуни Р. ⁶⁶во Р. ⁶⁷святой Р. ⁶⁸купели Р. ⁶⁹⁻⁶⁹отсутствует Р. ⁷⁰вскоре Р. ⁷¹велик Р. ⁷²крестьянский Р. ⁷³очима телесныма Р. ⁷⁴но и Р. ⁷⁵И тогда Р. ⁷⁶Начало списка БАН 16.15, 8—А: О принесении чюдотворнаго образа святаго Николая ис Корсуни града в пределы Резанския земли, яже в Росийской области. Отсюда же начинается список Погод. 1570—П. ⁷⁷нет Р. ⁷⁸лета ПР. ⁷⁹6733-го П. ⁸⁰⁻⁸²Николае чюдотворецъ корсуньскый Р. ⁸¹Никола А. ⁸²Корсунскый ПА. ⁸²⁻⁸²нет А. ⁸³Хорсуни П, Корсуни Р. ⁸⁴того града служителю А. ⁸⁵Остафию П, Еустафию РА. ⁸⁵⁻⁸⁷нет Р. ⁸⁶⁻⁸⁷нет ПА. ⁸⁸Никола А. ⁸⁹Остафие П, Еустафию Р, Еустафие А. ⁹⁰нет А. ⁹¹нет А. ⁹²и супругу ПРА. ⁹³Еустафия РА. ⁹⁴⁻⁹⁶Остафей же Р. ⁹⁵Иерей же Еустафий А. ⁹⁶убояся А, убужся П. ⁹⁷таковаго ПРА ⁹⁸сна и видения РА. ⁹⁸⁻⁹⁹воста во ужасе А. ¹⁰⁰нет А.

¹¹нет П, чюдотворецъ Николае Р. ²такожде А. ²⁻⁴явися ему Р. ³нет А. ⁴явися чюдотворецъ Николае П, явися Еустафию А. ⁵Еустафий же Р, Он же А. ⁶въшши А. ⁷в страх А. ⁸како А. ⁹велиши Р, мне А. ¹⁰итти с тобою А. ¹¹Аз ПРА. ¹²резанские ПРА. ¹³не вем А. ¹⁴и А. ¹⁵⁻¹⁹не възде знати тое земли яко А. ¹⁶убо ПР. ¹⁷тое Р. ¹⁸земли Р. ²⁰и Р. ²¹себе ПРА. ²²помышляя РА. ²³третью Р. ²⁴нет Р. ²⁵Еустафию А. ²⁶нет ПРА. ²⁷немедля А. ²⁸поручая А. ²⁹во А. ³⁰допроводити ПР, допроводити А. ³¹Резанския ПА, Резанские Р. ³²Остафие П, Еустафий Р, Еустафий же А. ³³трепетен ПР. ³⁴видения А. ³⁵мышля П, мысля Р, моляся А. ³⁶во П.

сердцы³⁷ своем — како остати³⁸ града³⁹ Корсуня.⁴⁰ И мало позамедли,⁴¹ и абие нападе нань⁴² болезнь главная.⁴³ И от толикые⁴⁴ болезни⁴⁵ абие ослепе, и нападоша на очию⁴⁶ его⁴⁷ яко чешуя. Остафей⁴⁸ же нача⁴⁹ скорбети и плакаться.⁵⁰ И по мале нача ум свой собирати, и каются о них же содея.⁵² И прилежно припаде к⁵³ чудотворному образу, и нача плакаться:⁵⁴ „О великий чудотворецъ Николае, возвеличенный⁵⁵ от господа на небесех и прославленный на земли в чудесех! съгреших⁵⁶ пред тобою, владыко, — не послушах твоего⁵⁷ повеление.⁵⁸ Прости мя грешнаго раба своего.⁵⁹ Буди воля твоа,⁶⁰ яко же изволи“. И в той час прозре и быша глава его без болезни, а⁶² очи его без мозоля, яко же преже.⁶³ Остафей⁶⁴ нача молити всемилостиваго бога и пречистую его мать⁶⁵ и великаго чудотворца Николу, чтобы ему по чудотворьцеву изволению получитьи желание свое:⁶⁷ дойти⁶⁸ уречена⁶⁹ места Рязанския⁷⁰ земли.⁷¹ И мыслиша ити вверх по Непру, и паки ити за Днепр в Половцкую землю на возсток к Рязанския земли,⁷² уповаше бо на всемилостиваго бога и пречистую его мать,⁷³ и на великаго чудотворца Николу, яко той может его съхранити⁷⁴ от поганых половецъ. И не⁷⁶ избысса⁷⁷ мысль⁷⁸ его:⁷⁹ великий чудотворецъ⁸⁰ Николае⁸¹ явися Остафию⁸² и рече ему: „Не полезно ти есть ити чрез⁸³ землю поганых половецъ. Иди⁸⁴ во⁸⁵ устье⁸⁶ Днепръское⁸⁷ в Понтеньское море⁸⁸ и сяди в корабль, и доиди моря Варяжского в Немецкия⁸⁹ области. И оттуду ити сухим путем до великаго⁹⁰ Новаграда и паки и⁹¹ до Рязанския⁹² земли невозбрано, но и⁹³ чти приемлемо“. ⁹⁴ Остафей⁹⁵ вборзе⁹⁶ взя чудотворное⁹⁷ образ великаго чудотворца Николы Корсунскаго, и жену свою⁹⁸ Федосию,⁹⁹ и сына своего¹⁰⁰ Остафия,^{III}¹ и единаго от клирик предстатель своих, и забы преименитаго града Херсони,² и отрекъся всего³ имени,⁴ и поиде в путь, яко же чудотворецъ⁵ изволи⁶, богу⁷ его соблюдающе,⁸ а⁹ чудотворецъ¹⁰ ему путь¹¹ правяще. Прииде¹² во¹³ устье

^a В рук.: от ликие.

³⁷сердцы РА. ³⁸оставити РА. ³⁹град РА. ⁴⁰Корсуни Р, Корсунъ А.
⁴¹позамедлив Р. ^{42—43}главная болезнь Р. ⁴⁴оттоликые П, оттоликыя РА.
⁴⁵беды и болезни А. ⁴⁶очи РА. ⁴⁷ево А. ⁴⁸Остафие П, Еустафей РА. ^{49—50}плакати.
и скорбети П. ⁵²содея П, содеях РА. ⁵³ко А. ⁵⁴плакаться ПА. ⁵⁵возвеличанный А.
⁵⁶согреших ПРА. ⁵⁷твоево А. ⁵⁸повеления ПРА. ⁵⁹твоего ПРА. ^{59—60}нет А.
⁶⁰твоа ПР. ⁶²и А. ⁶³прежде А. ⁶⁴Остафие П, Еустафей Р, Еустафий А.
⁶⁵богоматьер Р. ⁶⁶желания ПР. ⁶⁷своего ПР, нет А. ⁶⁸дойти Р. ⁶⁹уреченнаго ПРА.
⁷⁰Рязанския РА. ^{71—72}нет ПРА. ⁷³богоматьер Р. ⁷⁴сохранити РА. ⁷⁶нет А.
⁷⁷збысса ПРА. ⁷⁸мысли Р. ⁷⁹ево А. ⁸⁰чудотворецъ ПРА. ⁸¹нет Р ⁸²Еустафия РА.
⁸³чрез П. ⁸⁴И иди А. ⁸⁵в П. ⁸⁶усть РА. ⁸⁷Днепра РА, ^{87—88}нет ПРА. ⁸⁹немец-
кие РА. ⁹⁰велика П, ⁹¹нет ПРА. ⁹²Рязанския РА. ⁹³нет А. ⁹⁴приемла П.
⁹⁵Остафие П, Еустафий же А. ^{95—96}нет РА. ⁹⁷чудотворный ПРА. ⁹⁸нет А.
⁹⁹Федосью Р. ¹⁰⁰своево А.

^{III}¹Еустафия РА. ²Херсуни П, Корсуни Р, Карсуни А. ³своего П. ⁴имения П, имения своего РА. ⁵чудотворецъ его и Р. ⁶нет ПРА. ⁷его богу П, богу его РА
⁸соблюдающе ПР, соблюдающе А. ⁹и П. ^{10—11}путь его Р. ¹²И прииде ПРА.
¹³в П.

Днепрское и¹⁴ сяди¹⁵ в корабл^а 16 в Поньтенское¹⁷ море,¹⁸ — се же словет море¹⁹ Руское. И²⁰ доиде моря Варяжскаго,²¹ и паки прииде²² в Немецкия²³ области во град Кесь,²⁴ и²⁵ мало пребы в нем. И²⁶ поиде оттуду²⁷ сухим путем, и прииде²⁸ в Великий Новград²⁹ к великому князю Ярославу Всеволодовичю³⁰ и сыну его князю³¹ Александру,³² пребысть³³ ту много³⁴ дни. Велики³⁵ чудотворецъ Николае³⁶ нача великие чудеса творити. И³⁷ жена же Остафиева³⁸ Феодосия возлюби Великий Новград,³⁹ и⁴⁰ не хотя ити во⁴¹ след чудотворнаго образа, и⁴² скрыся от мужа своего. И абие разслабе все⁴³ уды и⁴⁴ телеси ея,⁴⁵ и быша, яко мертва, и недвижима, — едино дыхание в персех⁴⁶ ея баше.⁴⁷ И нещы⁴⁸ сказаша Остафию,⁴⁹ яко жена твоя⁵⁰ при смерти.⁵¹ Остафие⁵² услыша,⁵³ яко жена его при кончине⁵⁴ живота ея,⁵⁵ и припаде к чудотворному образу, и глаголаше⁵⁶ со слезами:⁵⁷ „Великий чудотворецъ Николае, прости мя⁵⁸ рабу свою,⁵⁹ яже⁶⁰ ти⁶¹ согреших,⁶² яко едина от безумных⁶³ жен“. И в том часе исцелена бысть. Остафей⁶⁴ вскоре взя⁶⁵ чудотворный Николин⁶⁶ образ, иде⁶⁷ в путь свой с великою радостью и славою,⁶⁸ и хотя дойти желаемаго. И⁶⁹ многими денми⁷⁰ доидет⁷¹ Рязанския⁷² земли, и нача помышляти в себе: „О великий чудотворецъ Николае, се⁷³ земля Рязанская, камо хошу ити и покой обрести. Остафие⁷⁴ согреших в мысли своей, забы⁷⁵ прежняго⁷⁶ чудотворцева⁷⁷ видения⁷⁸ и чудес его. Бог бо творит чудеса⁷⁹ угодником своим елико хошет“.

Великий чудотворецъ Николае явися благоверному князю Федору⁸⁰ Юрьевичю Рязанскому и⁸¹ поведа⁸² ему приход чудотворнаго^б своего образа корсуньскаго,⁸³ и рек: „Княже, гряди во стретение чудотворнаго моего образа корсунскаго.⁸⁴ Хошу бо⁸⁵ zde⁸⁶ быти и чудеса⁸⁷ творити. И умолю⁸⁸ о тебе⁸⁹ всемилостиваго⁹⁰ и человеколюбиваго владыку⁹¹

^а бл написаны сверху иными чернилами.

^б В ррк.: чудо чудотворного.

¹⁴нет ПРА. ¹⁵сяде ПРА. ¹⁶корабль ПРА. ¹⁷Понтьское П, Понтийское РА. ¹⁸моря П. ¹⁹нет А. ²⁰нет А. ²¹Варяжское А. ²²Приде ПР, преда А. ²³Немецкие ПА. ²⁴Ригу ПР, Ригий А. ²⁵нет А. ²⁶—²⁷оттуду поиде Р. ²⁸приде Р. ²⁹Новгород П. ³⁰Всеволодичю ПР. ³⁰—³²нет П. ³¹нет РА. ³²Ярославу РА. ³³и пребысть ПРА. ³⁴многи Р. ³⁵Великий П, И великий РА. ³⁶—³⁷Николае Корсунский в Великом Новеграде исцелил А] множество народа и показал своя преславная [нет РА] чудеса. Остафие [Еустафей Р, Еустафие А] нача помышляти, како бы ему дойти [прибавл.: до Р] Рязанския [Рязанские А] земли ПРА. ³⁸Астафиева П, Еустафьева РА. ³⁹Новъгород А, Новъград ПР. ⁴⁰нет РА. ⁴¹в А. ⁴²нет ПРА. ⁴³вси РА ⁴⁴нет РА. ⁴⁵еъ П, ен Р. ⁴⁶перси же А. ⁴⁷нет Р, биша А. ⁴⁷—⁵¹нет П. ⁴⁸нещы же Р, нещы же А. ⁴⁹—⁵³Еустафие же оставишася А. ⁵⁰его РА. ⁵²Астафие П, Остафей же Р. ⁵³услыша се Р. ⁵⁴канчине П. ⁵⁵еъ П, нет Р. ⁵⁶глаголаша А. ⁵⁷испр. из: со юзами А. ⁵⁸нет ПРА. ⁵⁹своему А. ⁶⁰яко же П. ⁶¹нет ПР, тни А. ⁶²согрешила Р. ⁶³худых Р. ⁶⁴Остафие П, Еустафий А. ⁶⁵взем А. ⁶⁶нет РА. ⁶⁷и иде ПА. ⁶⁸со славою РА. ⁶⁹нет А. ⁷⁰дни Р. ⁷¹доиде ПРА. ⁷²Рязанския ПР, Рязанские А. ⁷³сия А. ⁷⁴Астафие П, Еустафий Р, О Еустафие А. ⁷⁵и забы ПА. ⁷⁶прежняго ПР, прежняя А. ⁷⁷чудотворцова ПРА. ⁷⁸видения ПРА. ⁷⁹чудеса Р. ⁸⁰Феодору РА. ⁸¹нет А. ⁸¹—⁸³отсутствует Р. ⁸²пропева П. ⁸³—⁸⁴отсутствует А. ⁸⁴корсуньсково Р. ⁸⁵убо ПР. ⁸⁶здесь А. ⁸⁷чудеса Р. ⁸⁸молю А. ⁸⁹тебе ПРА. ⁹⁰—⁹¹бога Р. ⁹¹бога и владыку П.

Христа сына божия — да подарует ти венець царствия⁹² небснаго, и жене твоей, и сынови твоему“. Благоверный⁹³ князь Федор⁹⁴ Юрьевич возбну⁹⁵ от сна,⁹⁶ и устрашися от таковаго видения,⁹⁷ и нача помышляти в тайнем храме сердца своего, яко страхом объят бысть. И не поведати единому страшнаго видения, и нача помышляти: „О великий чудотворецъ Николае, како умолиши о мне милостиваго бога — да сподобит мя венца⁹⁹ царствия небснаго,¹⁰⁰ и жене моей, и сынови моему: аз бо ни^{IV}1 браку сочтася,² ни³ плода чреву⁴ не⁵ имех“. И вскоре иде во стретение чудотворнаго образа, яко же ему⁶ чудотворецъ повеле. И прииде⁷ предреченное⁸ место, и увиде⁹ издалуче¹⁰ от¹¹ чудотворнаго¹² образа,¹³ яко свет неизреченный¹⁴ блистаяся.¹⁵ И припаде к чудотворному Николину¹⁶ образу любезно сокрушенным сердцем, и¹⁷ испущая слезы от¹⁸ очию, яко струю.¹⁹ И приа²⁰ чудотворный образ, и принесе во область свою. И вскоре посла вѣсть^a 21 ко отцу своему великому князю Юрию Игоревичю²² Резанскому, и²³ веля ему поведати^b 24 приход чудотворнаго образа Николлина²⁵ из²⁶ Корсуня града. Великий князь²⁷ Георгий Игоревич²⁸ услыша приход чудотворнаго Николлина²⁹ образа, и³⁰ возблагодари³¹ бога и угодника его чудотворца Николу, яко посети бог люди³² своих, и не забы дело³³ руку свою. Князь велики³⁴ взя собою³⁵ епископа Ефросима³⁶ Святогорца,³⁷ и вскоре поиде во область сыну своему князю Федору³⁸ Юрьевичю. И увиде^b 39 от чудотворнаго^г образа великиа⁴⁰ и преславны⁴¹ чюдеса, и радости наполнися⁴² о⁴³ преславных чюдесех.⁴⁴ И создаша храм⁴⁵ во имя⁴⁶ святого⁴⁷ великаго⁴⁸ чудотворца Николы^д 49 Корсунскаго.⁰ И святы ю⁵¹ епископ Ефросин,⁵² и торжествовав светло, и отиде⁵³ во⁵⁴ свой⁵⁵ град. Не по мнозе⁵⁶ же летех князь Федор⁵⁷ Юрьевич сочтася⁵⁸ браку,⁵⁹ и поят⁶⁰ супругу от царьска⁶¹ рода именем⁶²

^a вѣсть исправлено на вѣсть.

^b В рук.: подати.

^г увидѣть исправлено на увидѣ.

^г р вставлено.

^д В рук.: Никиколы.

⁹²царствия ПРА. ⁹³Благоверный же А. ⁹⁴Федор РА. ⁹⁵возбнув ПРА. ⁹⁶сна своего А. ⁹⁷видения ПА. ^{99—100}небснаго царства Р, небснаго царствия А.

^{IV}1 и Р. ²не сочтася Р, сочетания А. ³и ни Р, нет А. ⁴чрева ПРА. ⁵нет РА. ⁶бо ему РА. ⁷приде ПР. ⁸на предреченное Р. ⁹увиди П, увидевъ Р. ¹⁰издалуча ПРА. ¹¹нет РА. ¹²чудотворный РА. ¹³образ РА. ¹⁴неизреченно ПРА. ¹⁵сияет РА. ¹⁶нет ПРА. ¹⁷нет РА. ¹⁸ото А. ¹⁹струя РА. ²⁰прия ПР, приня А. ²¹вѣсть ПРА. ²²Игоревичю ПР. ²³нет А. ²⁴поведати ПРА. ^{25—27}нет А. ²⁶ис ПР. ²⁸Игоревич ПР, из Игоревича переправлено на Игоревича А. ²⁹нет ПРА. ³⁰и возде руке и ПРА. ³¹благовослови Р. ³²людей ПР, людей А. ³³дела ПРА. ³⁴великий ПРА. ³⁵с собою ПРА. ³⁶Ефросина Р. ³⁷Святоградца А. ³⁸Федору РА. ³⁹увиде ПР, увидав А. ⁴⁰великии П, великая Р, великая А. ⁴¹преславныи П, преславная Р, справная А. ⁴²исполнися П. ⁴³и РА. ⁴⁴чюдес Р. ^{45—46}нет А. ⁴⁷святого А. ⁴⁸великого ПР. ⁴⁹Николы ПА, Никиколы Р. ⁵⁰Карсунскаго А. ⁵¹нет РА. ⁵²Ефросим А. ⁵³отиде РА. ⁵⁴в Р. ⁵⁵нет А. ⁵⁶мнозех РА. ⁵⁷Федор А. ⁵⁸сочетася А. ⁵⁹брака ПРА. ⁶⁰доя Р. ⁶¹царьскаго ПА. ⁶²именем А.

Еупраксею^{а 63} И помале и⁶⁴ сына роди имянем⁶⁵ Ииоана⁶⁶ Посника.⁶⁷

В лето 6745.⁶⁸ Убиен бысть благоверный князь Федор⁶⁹ Юрьевич Резанский⁷⁰ от безбожного царя Баты⁷¹ на реке на Воронежи.⁷² И услыша благоверная княгиня Еупраксея⁷³ царевна убиеение господина⁷⁴ своего блаженного князя Федора⁷⁵ Юрьевича,⁷⁶ и абие ринуся ис⁷⁷ превысокаго храма своего и⁷⁸ сыном своим со⁷⁹ князем Иваном Федоровичем,⁸⁰ и заразишася^{6 81} до смерти. И принесоша тело блаженного князя Федора⁸² Юрьевича во область его к великому чудотворцу Николе Корсунскому, и положиша, и⁸³ его благоверную княгиню Еупраксею царевну, и сына их Ивана⁸⁴ Федоровича⁸⁵ во едином месте, и⁸⁶ поставиша над ними кресты камены.⁸⁷ И от сея вины да зовется⁸⁸ великий чудотворец Николае⁸⁹ Зараский,⁹⁰ яко благовернаа⁹¹ княгиня⁹² Еупраксея⁹³ с сыном⁹⁴ князем Иваном⁹⁵ сама себе⁹⁶ зарази.

В лето 6745.⁹⁷ В второе^в на десят⁹⁸ лето по принесении чудотворнаго образа⁹⁹ ис Корсуни¹⁰⁰ прииде^{в1} безбожный царь Батый² на Русскую⁷ землю со множество⁴ вой татарскими,⁵ и ста на реце⁶ на Воронеже⁷ близ Резанския⁸ земли. И присла⁹ на Резань к великому князю Юрию Ингоревичю¹⁰ Резанскому¹¹ послы бездельны,¹² просяща¹³ десятины в¹⁴ всем:¹⁵ во¹⁶ князех и во всяких людех, и во всем. И¹⁷ услыша¹⁸ великий¹⁹ князь Юрь²⁰ Ингоревич²¹ Резанский приход безбожного царя Баты,²² и воскоре²³ посла в²⁴ град Владимир к²⁵ благоверному к²⁶ великому²⁷ князю Георгию Всеволодовичю²⁸ Владимирскому, прося²⁹ помощи у него^{г 30} на безбожного царя Баты,³¹ или бы сам пошел.³² Князь великий³³ Георгий Всеволодович³⁴ Владимирской³⁵ сам не пошел и на³⁶ помощь³⁷ не послал,³⁸ хотя о себе³⁹ сам сотворити брань з Батыем.⁴⁰ И услыша⁴¹

^а В рук.: Еупраксею.

^б В рук.: заразиша мя.

^в В рук.: фторое.

^г го и сверху приписано: не.

⁶³Еупраксею ПРА. ⁶⁴нет Р. ⁶⁵именем РА. ⁶⁶князя Ивана ПА, князя Ивана Федоровича Р. ⁶⁷Постново Р, Постника А. ⁶⁸6745 году Р. ⁶⁹Феодор Р. ⁷⁰Резанской П. ⁷¹Баты ПРА. ⁷²Воронеже ПРА. ⁷³Еупраксея ПРА. ⁷⁴государя РА. ⁷⁵Феодора А. ⁷⁶Юрьевича ПРА. ⁷⁷из А. ⁷⁸с ПРА. ⁷⁹нет Р. ⁸⁰Федоровичем РА. ⁸¹заразишася ПРА. ⁸²Феодора ПРА. ⁸³нет П, его и Р. ⁸⁴князя Ивана ПР, князя Ивана А. ⁸⁵Феодоровича РА. ⁸⁶нет А. ⁸⁷каменный Р. ⁸⁸зоветца П. ⁸⁹нет Р. ⁹⁰Зарайский РА. ⁹¹благоверная ПРА. ⁹²княгини Р. ⁹³Еупраксея ПРА. ⁹⁴сыном своим со ПРА. ⁹⁵Иваном Федоровичем А. ⁹⁶себя П, себя Р. ⁹⁷—⁹⁸12 П, во 12 Р. ⁹⁹образа Николаина ПР. ¹⁰⁰Корсуни Р.

^{в1}приде ПР. ²Ботый П. ³Рускую ПРА. ⁴множеством ПРА. ⁵татарскими РА. ⁶реке ПР. ⁷Воронежи П. ⁸Резанския П, Резанские РА. ⁹присла послы бездельны ПРА. ¹⁰Игоревичю ПРА. ¹¹—¹²нет ПРА. ¹³просяще у него ПРА. ¹⁴во ПРА. ¹⁵всех ПРА. ¹⁶нет РА. ¹⁷нет А. ¹⁸Услыша же А. ¹⁹велики Р. ²⁰Юрий Р, Юрья А. ²¹Игоревич ПР; Игоревич передано из Игоревич А. ²²Батыя ПРА. ²³вскоре ПРА. ²⁴во ПРА. ²⁵нет ПРА. ²⁶и ПА, нет Р. ²⁷нет Р. ²⁸Всеволодичю Р. ²⁹просяще РА. ²⁹—³⁰нет А. ³⁰него ПР. ³¹Батыя ПРА. ³²пошел П. ³²—³³Великий же князь Р. ³³нет П. ³³—³⁴нет А. ³⁴Всеволодич Р ³⁵Владимерский РА, Владимирской П. ³⁶нет П. ³⁷помоч А. ³⁸посла Р. ³⁹себе А. ⁴⁰Зотыем ПР. ⁴¹—⁴²князь

великий князь⁴² Юрий⁴³ Ингорович⁴⁴ Резанский, что несть⁴⁵ ему помощи от великаго князя Георгия Всеволодовича⁴⁶ Владимирьскаго,⁴⁷ и вскоре посла по братью⁴⁸ свою по князя Давида Ингоровича⁴⁹ Муромского, и по князя Глеба Ингоровича⁵⁰ Коломенского,⁵¹ и по князя Олга Краснаго,⁵² и по Всеволода⁵³ Проньского,⁵⁴ и по прочии⁵⁵ князи.⁵⁶ И начаша совещевати, яко нечистиваго подобает утоляти дары. И посла сына своего князя Федора⁵⁷ Юрьевича Резаньскаго⁵⁸ к⁵⁹ безбожному царю Батыю⁶⁰ з дары и молении⁶¹ великими,⁶² чтобы не воевал Резанския⁶³ земли. Князь⁶⁴ Федор⁶⁵ Юрьевич прииде⁶⁶ на реку на Воронеже⁶⁷ к⁶⁸ царю⁶⁹ Батыю, и⁷⁰ принесе ему⁷¹ дары и моли царя,⁷² чтобы не воевал Резанския⁷³ земли. Безбожный⁷⁴ царь Батый, лстив бо⁷⁵ и немилосерд,⁷⁶ в⁷⁷ прия⁷⁷ дары, охачися⁷⁸ лестию не⁷⁹ воевати⁸⁰ Резанския⁸¹ земли.⁸¹ И яряся-хваляся⁸² воевати⁸³ Русскую⁸⁴ землю. И нача⁸⁵ попросити у рязаньских⁸⁶ князей тщери⁸⁷ или⁸⁸ сестры⁸⁹ себе⁹⁰ на ложе. И некий от велмож резанских завистию насочи⁹¹ безбожному царю Батыю на князя Федора⁹² Юрьевича Резанскаго,⁹³ яко имеет⁹⁴ у себе⁹⁵ княгиню от царьска⁹⁶ рода,⁹⁷ и⁹⁸ лепотою-телом⁹⁹ красна бе¹⁰⁰ зело. Царь Батый лукав есть и немилостив в неверии своем, пореваем в¹¹ похоти¹² своея, и рече князю Федору⁴ Юрьевичю: „Дай мне,⁵ княже, ведети⁶ жены твоей⁷ красоты.“⁸ Благоверный⁹ князь Федор¹⁰ Юрьевич Резанской¹¹ и¹² посмеяся,¹³ и рече царю.¹⁴ „Не полезно бо¹⁵ есть нам хрестияном¹⁶ тебе¹⁷ нечестивому царю водити жены своя¹⁸ на блуд. Аще нас приодолеши,¹⁹ то и женами нашими владети начнеши.“²⁰ Безбожный²¹ царь Батый²² возяряся²³ и огор-

^a В рук.: Слеваде.

^b В рук.: рцю.

^b В рук.: немлсдрь.

^г Здесь в рук. вставка: плоти.

великий РА. ⁴³Юрий Р. ⁴⁴Игоревич ПР. ⁴⁵нет РА. ⁴⁶Всеволодича ПР. ⁴⁷Владимерского П, Владимирсково Р, Владимирскаго А. ⁴⁸братию РА. ⁴⁹Игоревича Р, Игоревича переправлено из Игоревича А. ⁴⁹⁻⁵⁰пропуск Р. ⁵⁰Игоревича переправлено из Игоревича А. ⁵¹⁻⁵²пропуск РА. ⁵²Красного П. ⁵³Всеволода ПРА. ⁵⁴Пронского П, Пронсково Р, Резаньскаго А. ⁵⁵прочих А. ⁵⁶князи, и по Олга князя Красново Р, князей и по Олгу князя Краснаго А. ⁵⁷Федора Р. ⁵⁸Резанскаго ПР. ⁵⁹ко А. ⁶⁰нет Р. ⁶¹молением ПРА. ⁶²великим ПРА. ⁶³Резанские А. ⁶⁴И князь ПРА. ⁶⁵Феодор Р. ⁶⁶приде ПР. ⁶⁷Воронеж ПРА. ⁶⁸и Р. ⁶⁹царю ПРА. ⁷⁰нет Р. ⁷¹нет Р. ⁷²его А. ⁷³Резанские Р, Резанской А ⁷⁴И безбожный же А. ⁷⁵нет А. ⁷⁶немилостив П, немилосерд РА. ⁷⁷прия ПРА. ⁷⁸охачился П, охачися А. ⁷⁹что не РА. ⁸⁰повоевати Р. ⁸¹Резанския ПР, Русские земли резанские А. ⁸²⁻⁸²И ересь и хваляся П, и яряся, и хваляся РА. ⁸³нет П. ⁸⁴Русскую ПРА. ⁸⁵начаша ПРА. ⁸⁶резанских ПРА. ⁸⁷дщерей ПРА. ⁸⁸и ПРА. ⁸⁹сестр ПРА. ⁹⁰себе РА. ⁹¹насочи переправлено из насочи А. ⁹²Федора Р. ⁹³Резансково ПР. ⁹⁴имея РА. ⁹⁵собя ПР, себя А. ⁹⁶царьскаго А. ⁹⁷рода А. ⁹⁸а ПРА. ⁹⁹нет „телом“ ПРА. ¹⁰⁰нет Р. ¹¹и в А. ²похоти плоти ПРА. ⁴Феодору ПР. ⁵ми ПРА. ⁶видети ПРА. ⁷твоея РА. ⁸красоты ПРА. ⁹Благоверный же ПА. ¹⁰Феодор Р. ¹¹Резанский ПР, Резаньский А. ¹²нет ПРА. ¹³посмеялся А. ¹⁴нет ПРА. ¹⁵нет Р. ¹⁶крестьяном ПР, нет А. ¹⁷тебе ПА. ¹⁸своея П. ¹⁹преодолеши ПА, преодолеешь Р. ²⁰станеша А. ²¹Безбожный же А. ²²Ботый П. ²³розяряся П, возяряся Р.

чися,²⁴ и повеле вскоре²⁵ убити благовернаго князя Федора²⁶ Юрьевича,²⁷ а тело его повеле поврещи зверем и птицам на разтерзание; и^а инех князей, нарочитых людей воинских побил.

И един от пестун князя Федора Юрьевича укрыся именем Апоница, зря на блаженое тело честнаго своего господина горько плачущися, и видя его никим брегوما, и взя возлюбленаго своего государя, и тайно сохрани его. И ускори к благоверной княгине Еупраксее, и сказа ей, яко нечестивый царь Батый уби и благовернаго князя Федора Юрьевича.²⁸

Благоверная²⁹ княгиня³⁰ Еупраксея³¹ стояше³² в превысоком³³ храме своем и держа³⁴ любезное чадо свое князя Ивана Федоровича³⁵, и услыша таковыя³⁶ смертноносныя³⁷ глаголы, и горести исполнены,³⁸ и абие ринуся³⁹ из⁴⁰ превысокаго⁴¹ храма своего с^б 42 сыном⁴³ своим⁴⁴ со князем⁴⁵ Иваном на среду земли, и заразися⁴⁶ до смерти. И услыша великий князь Юрь⁴⁷ Ингоревич⁴⁸ убиение возлюбленаго сына своего блаженаго⁴⁹ князя Федора,⁵⁰ инех⁵¹ князей,⁵² нарочитых людей много побито от безбожнаго царя,⁵³ и нача⁵⁴ плакаться, и⁵⁵ с великою княгинею, и со⁵⁶ прочими⁵⁷ княгинями,⁵⁸ и з⁵⁹ братею.⁶⁰ И плакашеся⁶¹ весь град⁶² на мног⁶³ час. И⁶⁴ едва отдохнув от великаго того⁶⁵ плача и рыдания,⁶⁵ и начаша совокупляти⁶⁶ воинство⁶⁷ свое,⁶⁸ и⁶⁹ учредиша.⁷⁰ Князь великий Юри⁷¹ Ингоревич,⁷² видя братию свою и бояр⁷³ своих⁷⁴ и воеводе⁷⁵ храбры и⁷⁶ мужествены⁷⁷ ездяше,⁷⁸ и возде⁷⁹ руже на небо⁸⁰ со слезами и рече⁸⁰: „Изми нас⁸¹ от враг наших, боже.⁸² И от востающих нань⁸³ избави нас,⁸⁴ и покры нас⁸⁵ от сонма лукавнующих, и от множества творящих безаконие.⁸⁶ Буди путь их тма и ползок“. И рече братии⁸⁷ своей: „О господия⁸⁸ и⁸⁹ братия⁹⁰ моя,⁹¹ аще от руки господия⁹² благая прияхом, то злая ли не потерпим! Лутче⁹³ нам смертию живота купити, нежели⁹⁴ в поганой воли⁹⁵ быти.

^а В рук.: отсутствует.

^б В рук.: отсутствует.

²³—²⁴возяряся горько А. ²⁵скоро А. ²⁶Федора РА. ²⁷—²⁸Отсутствует эпизод с нашедшим тело Федора пестуном Апоницей ПРА. ²⁹И благоверная ПРА. ³⁰княгини Р. ³¹Еупраксея ПРА. ³²стояше ПР, стоящи А. ³³превысоцем ПРА. ³⁴держаше Р. ³⁵Федоровича РА. ³⁶таковыя П, тако Р, таковое А. ³⁷смертноносныя ПР, смертноносное А. ³⁸исполнися РА. ³⁹ринуся Р. ⁴⁰с ПА и с Р. ⁴¹превысока П. ⁴²и с ПРА. ⁴³чадом Р. ⁴⁴—⁴⁵нет Р. ⁴⁶заразися П. ⁴⁷Юрий Р, Юрье А. ⁴⁸Игоревич Р, Игоревич *переправлено* из Ингоревич А. ⁴⁹благовернаго Р, и благовернаго А. ⁵⁰Федора РА. ⁵¹иных П, инных Р, и иных А. ⁵²князей русских ПРА. ⁵³царя Батыя РА. ⁵⁴начаша П. ⁵⁵нет РА. ⁵⁶с П. ⁵⁷прочими П. ⁵⁸княгинями ПРА. ⁵⁹со П. ⁶⁰братею РА. ⁶¹—⁶²всегда РА. ⁶³долг Р. ⁶⁴нет РА. ⁶⁵нет РА. ⁶⁵рыдания ПРА. ⁶⁶совокуплятися РА. ⁶⁷воинством П, с войском РА. ⁶⁸своим ПР, нет А. ⁶⁹нет А. ⁷⁰учредиша полки ПРА. ⁷¹Георгий Р, Юрие А. ⁷²Игоревич Р, Ингоревич А. ⁷³бояр Р, бояря А. ⁷⁴своих и вои Р. ⁷⁵воевод П, воеводы РА. ⁷⁶храбро ПРА. ⁷⁷мужественно ПРА. ⁷⁸ездыше П, ездяку Р, бѣ зделаша А. ⁷⁹воздев РА ⁸⁰—⁸⁰перестан.: и рече со слезами П. ⁸¹нас боже П, мя боже РА. ⁸²нет ПРА. ⁸³ны П, нас Р, мя А. ⁸⁴—⁸⁵нет РА. ⁸⁶безакония П, безакония А. ⁸⁷братие А. ⁸⁸господне Р. ⁸⁸—⁹¹моя милая братия А. ⁸⁹милая П, милая Р. ⁹⁰братия Р. ⁹¹нет ПР. ⁹²господни А. ⁹³Лутши П, Лутчи Р. ⁹⁴а нежели РА. ⁹⁵вере ПРА.

Се бо⁹⁶ я,⁹⁷ брат ваш, напред⁹⁸ вас⁹⁹ изопью¹⁰⁰ чашу смертную за VII г святых² божиа³ церкви, и за веру христьянскую,⁴ и за очину⁵ отца⁶ нашего великаго князя Ингоря⁷ Святославича“. И поидоша в церковь пресвятых⁸ владычиц⁹ богородици¹⁰ честнаго¹¹ ея Успения.¹² И¹³ плакая много пред образом пречистых¹⁴ богородици¹⁵ и великому чудотворцу Николе и сродником¹⁶ своим¹⁷ Борису¹⁸ и Глебу.¹⁹ И дав²⁰ последнее целование великой²¹ княгини²² Агрепене²³ Ростиславне,²⁴ и прием²⁵ благословение от епископа²⁶ и от всего²⁷ священнаго собора. И поидоша против нечестиваго царя Батыя, и стретоша²⁸ его²⁹ близ придел³⁰ резанских. И нападоша³¹ на нь, и начаша³² битися крепко и мужественно, и бысть сеча³³ зла³⁴ и³⁵ ужасна.³⁶ Мнози³⁷ бо силнии³⁸ полки³⁹ падоша Батыеви.⁴⁰ Царь⁴¹ Батый, и⁴² видяше,⁴³ что господство рязанское крепко и мужественно бьяшеса,⁴⁴ и возбояся.⁴⁵ Да⁴⁶ противу гневу⁴⁷ божию⁴⁸ хто⁴⁹ постоит!⁵⁰ А Батыеве⁵¹ бо⁵² и⁵³ силе велице⁵⁴ и⁵⁵ тяжце,⁵⁶ един бьяшеса⁵⁷ с тысящей,⁵⁸ а два со⁵⁹ тмою.⁶⁰ Видя⁶¹ князь великий убиение брата своего⁶² князя Давида Ингоревича,⁶³ и⁶⁴ воскричаша:⁶⁵ „О братие⁶⁶ моя милая!⁶⁷ князь Давид,⁶⁸ брат наш, наперед нас чашу⁶⁹ испил,⁷⁰ а мы ли сея⁷¹ чаши⁷² не пьем!⁷³ Преседаша⁷⁴ а⁷⁵ с коня на кони,⁷⁵ и начаша битися прилежно. Многиа⁷⁶ сильныя⁷⁷ полки⁷⁸ Батыевы⁷⁹ проежда,⁸⁰ храбро и⁸¹ мужественно бьяшеса,⁸² яко всем полком татарским⁸³ подивитися крепости⁸⁴ и мужеству резанскому господству. И едва⁸⁵ одолеша их⁸⁶ сильныя полки⁸⁷ татарския. а⁸⁸ Ту убиен бысть благоверный⁸⁹

^a В рук.: предсебоша.

^b В рук.: „крепко“.

^v В рук.: „татарския“.

⁹⁶убо ПРА. ⁹⁷нет РА. ⁹⁸наперед ПР. ⁹⁹нет А. ¹⁰⁰изопию П, ивпия Р, испивает А.

^{vii}и за РА. ²святых ПРА. ³божия ПА, нет Р. ⁴крестьянскую П. ⁵отчину ПР. ⁶нет ПРА. ⁷Игоря, Игоря переделано из Ингоря А. ⁸пречистых Р. ⁹владычицы наша П, владычица наша РА. ¹⁰богородицы РА. ¹¹честнаго и славаго РА. ¹²Успения А. ¹³нет П. ¹⁴пречистые П, пречистых Р, пресвятых А. ¹⁵богородицы ПРА. ¹⁶сродник РА. ¹⁷своих РА. ¹⁸Бориса РА. ¹⁹Глеба РА. ²⁰дасть ПРА. ²¹нет ПРА. ²²княгине ПРА. ²³Огрофене П. ²⁴Ростислаевне Р. ²⁵приим А. ²⁵⁻²⁶от епископа благословение РА. ²⁷нет П. ²⁸Стретиша П, стретоша РА. ²⁹ево А. ³⁰предел ПРА. ³¹нападе А. ³²нача А. ³³⁻³⁵нет ПР. ³⁴нет А. ³⁶ужасно П, ужасъ А. ³⁷И мнози А. ³⁸силныя П, силни А. ³⁹полкы РА. ³⁹⁻⁴⁰Батыеви падоша Р. ⁴⁰Батыевы ПА. ⁴¹Царь же А. ⁴²нет ПРА. ⁴³видяще А. ⁴⁴бьюшеса Р, бьюшеса А. ⁴⁵убояся А. ⁴⁶нет ПРА. ⁴⁷гнева РА. ⁴⁷⁻⁵⁰Господия поити А. ⁴⁸божия ПР. ⁴⁹нет ПР. ⁵⁰постоять П, поитьи Р. ⁵¹Батыеве Р, Батый А. ⁵²нет ПРА. ⁵²⁻⁵⁵нет А. ⁵³нет ПР. ⁵⁴нет Р. ⁵⁵нет Р. ⁵⁶тяжко Р, тяшко А. ⁵⁷бьется Р, бився А. ⁵⁷⁻⁵⁸нет А. ⁵⁸тысящею ПР. ⁵⁹с А. ⁶⁰тмою с тысящею А. ⁶¹И видя П, И виде РА. ⁶²своево А. ⁶³Игоревича Р, Нигоревича А. ⁶⁴нет Р. ⁶⁵воскрича гласом ПРА. ⁶⁶братия ПРА. ⁶⁷милая П. ⁶⁸Давыд А. ⁶⁹чашу смертную Р. ⁷⁰испиша А. ⁷¹сия ПРА. ⁷²чаша П. ⁷³пьем ПРА. ⁷⁴И преседа ПР, И спреседа А. ⁷⁵конь РА. ⁷⁶Многиа ПР, и многи А. ⁷⁷силнии А. ⁷⁸полки ПРА. ⁷⁹Батыеви Р. ⁸⁰падоша, проезжая П, падоша, проезжая Р, падоша приезжая А. ⁸¹нет А. ⁸²бьяшеса ПР, бьюшеса А. ⁸³татарским ПР, татарским А. ⁸⁴крепости ПРА. ⁸⁵едва А. ⁸⁶нет П, их и А. ⁸⁷полки ПРА. ⁸⁷татарския П, татарския РА, ⁸⁹благоверный же А. ⁸⁹⁻⁹⁰перестан.: великий

князь велики⁹⁰ Георгий Ингоревич,⁹¹ брат^а ⁹² его⁹³ князь Давид⁹⁴ Ингоревич⁹⁵ Муромской,⁹⁶ брат⁹⁷ его⁹⁸ князь Глеб Ингоревич⁹⁹ Коломенской,¹⁰⁰ брат^{VIII 1} их² Всеволод Проньской,³ и многая⁴ князи месныя⁵ и воеводы крепкыя,⁶ и воинство:⁷ удалцы⁸ и резвещы резанския.⁹ Все равно умроша¹⁰ и¹¹ едину¹² чашу смертнующую¹³ пища. Ни¹⁴ един от них возвратися¹⁵ вспять: вси¹⁶ вкупе мертвыи¹⁷ лежаша.¹⁸ Сиа¹⁹ бо наведе бог грех ради наших. А²⁰ князя Олга Ингоревича²¹ яша еле²² жива суща.²³ Царь²⁴ же,²⁵ видя²⁶ свои полкы²⁷ мнозии²⁷ падоша,²⁸ и нача²⁹ велми скръбети³⁰ и ужасатися, видя своя силы татарския³¹ множество побьеных.³² И начаша³³ воевати Резанскую землю и веля³⁴ бити, и сечи,³⁵ и³⁶ жещи³⁷ без милости.³⁸ И град Прънеск,³⁹ и град Бел,⁴⁰ и⁴¹ Ижеславецъ розари⁴² до основания,⁴³ и все люди побиша без милости. И течаше⁴⁴ кровь⁴⁵ христьянская,⁴⁶ яко река сильная,⁴⁷ грех ради наших.⁴⁸ Царь Батый⁴⁹ и⁵⁰ видя князя⁵¹ Олга Ингоревича⁵² велми красна и храбра, и⁵³ изнемогающы⁵⁴ от великих⁵⁵ ран,⁵⁶ и⁵⁷ хотя его изврачевати⁵⁸ от великих⁵⁹ ран⁶⁰ и на свою прелесть возвратити.⁶¹ Князь⁶² Олег⁶³ Ингоревич⁶⁴ укори царя Батыя,⁶⁵ и нарек его⁶⁶ безбожна,⁶⁷ и⁶⁸ врага христьянска.⁶⁹ Окаяный⁷⁰ Батый и⁷¹ дохну⁷² огнем от⁷³ мирскаго⁷⁴ сердца⁷⁵ своего, и⁷⁶ вскоре⁷⁷ повеле Олга ножи⁷⁸ на части роздробити.⁷⁹ Сий⁸⁰ бо есть вторый страстоположник⁸¹ Стефан, приа⁸² венецъ своего страдания⁸³ от всемилостиваго бога, и⁸⁴ испи⁸⁵ чашу смертнующую свою⁸⁶ братею⁸⁷ ровню.⁸⁸ Царь Баты⁸⁹ окояный⁹⁰ нача⁹¹ воевати Резанскую землю, и поидоша ко граду к⁹² Резани. И⁹³ обшту-

^а В рук.: „брата“.

князь ПР. ⁹⁰великий А. ⁹¹Игоревич Р, Нигоревич А. ⁹²и брат ПРА. ⁹³ево А. ⁹⁴Давыд А. ⁹⁵Игоревич Р, Нигоревич А. ⁹⁶нет Р, Муромский А. ⁹⁷и брат ПР, повторено.: и брат его князь Давыд Нигоревич, и брат А. ⁹⁸нет А. ⁹⁹Игоревич Р, Нигоревич А. ¹⁰⁰Каломенский А.

^{VIII 1}и брат ПРА. ²его РА. ³Пронский ПРА. ⁴многия ПРА. ⁵месныя ПРА. ⁶крепкия ПРА. ⁷воинству А. ⁸и удалцы П, нет А, ⁹резанские П, резанския земли Р. ¹⁰умерша Р. ¹¹нет РА. ¹²⁻¹³смертнующую чашу Р. ¹⁴И ни РА. ¹⁵возвратися ПР, не возвратися А. ¹⁶вси бо А. ¹⁷мертвы П. ¹⁸лежашу ПРА. ¹⁹Сия П, И сия А. ²⁰нет ПА, И Р. ²¹Игоревича Р, Никифоровича А. ²¹⁻²³еще жива суща яша Р. ²²еще ПА. ²⁴Безбожный царь Р. ²⁵нет РА. ²⁶виде П. ²⁷полки ПРА. ²⁷мнози ПРА. ²⁸падша А. ²⁹начаша П. ³⁰скръбети ПРА. ³¹татарския П, татарские Р, татарския А. ³²падоша побьеных Р. ³³нача РА. ³⁴велми А. ³⁵⁻³⁸без милости и жещи П. ³⁶нет Р. ³⁷нет Р, жеци и А. ³⁹Пронск ПР, Пронск А. ³⁹⁻⁴⁰и Белград ПРА. ⁴¹нет РА. ⁴²разори А. ⁴³основания ПРА. ⁴⁴течаша А. ⁴⁵кров А. ⁴⁶крестыянская ПР, христьянская А. ⁴⁷⁻⁴⁸за наше согрешение РА. ⁴⁹Ботый Р. ⁵⁰нет ПРА. ⁵¹нет РА. ⁵²Игоревича Р, Нигоревича А. ⁵³не П, нет РА. ⁵⁴изнемогающе ПА, изнемогающих Р. ⁵⁵великих ПРА. ⁵⁶⁻⁶⁰пропуск А. ⁵⁷нет П. ⁵⁸врачевати ПР. ⁵⁹великих ПР. ⁶¹возвратитися Р. ⁶²И князь РА. ⁶³Олг Р. ⁶⁴Игоревич Р, Нигоревич А. ⁶⁵Батыя ПРА. ⁶⁶ево А. ⁶⁷безбожнаго Р. ⁶⁸нет ПРА. ⁶⁹крестыянска ПР, христьянска А. ⁷⁰Окояный П, Окаянный царь Р. ⁷¹нет ПР, царь А. ⁷²дохну РА. ⁷³⁻⁷⁵сердца мерскаго А. ⁷⁴мерскаго П, смертнаго Р. ⁷⁶нет ПРА. ⁷⁷вскоре П. ⁷⁸ножива А. ⁷⁹розныя Р, разняти А. ⁸⁰С ним А. ⁸¹страстотерпец Христов ПРА. ⁸²прия ПР, пия А. ⁸³страдания ПР, острования А. ⁸⁴нет ПА. ⁸⁵испый А. ⁸⁶с своею ПР. ⁸⁷братею А. ⁸⁸равно ПРА. ⁸⁹Ботый П Батый РА. ⁹⁰окаянный РА. ⁹¹начаша П. ⁹²нет ПРА. ⁹³нет А.

пиша⁹⁴ град, и начаша битися неотступно⁹⁵ пять дней.⁹⁶ Батыево⁹⁷ бо⁹⁸ войско⁹⁹ премеишася,¹⁰⁰ а граждане непременно бьяшеся.^{IX1} И² многих³ граждан побиша,⁴ а инех⁵ узавиша,⁶ а инии⁷ от великих трудов^{a8} изнемогша.⁹ А в шестый день рано приидоша¹⁰ поганин¹¹ ко граду, овии¹² с¹³ огни, а ини¹⁴ с пороки, а иinei¹⁵ со¹⁶ тмочисленными¹⁷ лестницами, и взяша град Резань месяца декабря¹⁸ 21 день. И приидоша в¹⁹ церковь собрнью²⁰ пресвятыа²¹ Богородици,²² и великую²³ княгиню Агрепену²⁴ мать великаго²⁵ князя, и²⁶ снохами²⁷ и с²⁸ прочими²⁹ княгинями³⁰ мечи³¹ исекоша,³² а епископа и священнический³³ чин огню предаша, во святей церкви³⁴ пожегоша,³⁵ а³⁶ иinei³⁷ мнози³⁸ от оружия³⁹ падоша. А во граде многих людей, и⁴⁰ жены,⁴¹ и дети⁴² мечи исекоша.⁴³ И⁴⁴ иных⁴⁵ в реце потопиша, и ерен черноризца⁴⁶ до останка исекоша,⁴⁷ и весь град пожгоша, и все узорочие⁴⁸ нарочитое,⁴⁹ богатство⁵⁰ резанское и⁵¹ сродник их⁵² киевское⁵³ и черньниговское⁵⁴ поимаша. А⁵⁵ храмы божиа⁵⁶ разориша, и во святых олтарех много⁵⁷ крови пролиаша.⁵⁸ И не оста во граде ни^{б59} един живых⁶⁰: вси⁶¹ равно⁶² умроша и⁶³ едину⁶⁴ чашу смертную⁶⁴ пиша. Несть⁶⁵ бо ту⁶⁶ ни стонюща,⁶⁷ ни плачуща⁶⁸ — и⁶⁹ ни отцу и⁷⁰ матери⁷¹ о чадах,⁷² или чадом о отци и о матери,⁷² ни брату о⁷³ брате, ни ближнему⁷⁴ роду, но⁷⁵ вси вкупе мертви⁷⁶ лежаща.⁷⁷ И⁷⁸ сия⁷⁹ вся наиде грех ради наших. Безбожный царь Батый⁸⁰ и⁸¹ вида⁸² велие⁸³ пролитие⁸⁴ крови⁸⁵ христианския,⁸⁶ и⁸⁷ возярся⁸⁸ зело, и огорчися, и поиде на град Суздаль и Владимир,⁸⁹ и⁹⁰ желая⁹¹ Рускую землю поплентити,⁹² и веру⁹³ христианскую⁹⁴ искоренити,⁹⁵ и церкви божи⁹⁶ до основаниа⁹⁷ разорити.

^a В рук.: тродов

^б В рук.: ние.

⁹⁴обступиша ПР, опстужиша А. ⁹⁵нет Р. ⁹⁶дни Р. ⁹⁷Батыева П, Батыево Р. ⁹⁸нет ПРА. ⁹⁹войска П.

¹⁰⁰перемеишася П, премеияющись Р, применяючи А. ^{100—IX1}пропуск РА ^{100—2}пропуск П. ³много РА. ^{4—5}от тыных А. ⁵иних ПР. ⁶узавиша ПРА. ⁷ни Р, иных А. ⁸ран и трудов Р. ⁹изнемогающе А, изнемогша ПР. ¹⁰придоша А. ¹¹поганин П. ¹²овии ПА. ¹³со ПРА. ¹⁴инны П, иннии с топоры, а инные Р. ^{14—17}с топоры, а инны с топорки, инны с токмачи и с ынными А. ¹⁵инные П, инны Р. ¹⁶с токмачи и со Р. ¹⁸декабря в ПРА. ¹⁹во П. ²⁰соборную ПРА. ^{20—22}нет А. ²¹пречистые П, пречистыя Р. ²²Богородицы Р. ²³нет А. ²⁴Агрепену П. ²⁵великого П. ²⁶з П, нет РА. ²⁷сноху А. ²⁸со П. ²⁹протчими А. ³⁰княинями ПР, княгинями А. ³¹ел П. ³²изсекоша ПРА. ³³священнический ПРА. ³⁴церкви РА. ³⁵пожгоша ПРА. ³⁶и А. ³⁷ни П, инны Р, инии А. ³⁸мнозии Р. ³⁹оружия ПРА. ⁴⁰нет П. ⁴¹жен РА. ⁴²детей РА. ^{43—47}пропуск РА. ⁴⁴нет П. ⁴⁵Инех П. ⁴⁶черноризцы П. ⁴⁷исекоша П. ⁴⁸узорочье Р, узо А. ⁴⁹нарочитая и Р, нарочитая А. ⁵⁰богатство РА. ^{51—52}нет ПР. ^{51—53}нет А. ⁵⁴черньниговское ПРА. ⁵⁵и А. ⁵⁶божия ПРА. ⁵⁷многи Р. ⁵⁸пролияше ПРА. ⁵⁹ни ПРА. ⁶⁰нет А. ⁶¹но вси А. ⁶²равнодушно А. ⁶³нет А. ^{64—64}смертную чашу ПРА. ⁶⁵Несту РА. ⁶⁶нет РА. ⁶⁷стонющаго Р, стонущаго А. ⁶⁸плачущахся П, плачущаго РА. ⁶⁹нет ПРА. ⁷⁰ни ПРА. ⁷¹матере А. ^{72—72}пропуск ПРА. ⁷³от А. ⁷⁴ближних А. ⁷⁵нет ПРА. ⁷⁶мертвы П, мертвыи Р. ⁷⁷лежаще Р, лежащи А. ⁷⁸А РА. ⁷⁹сия ПА. ⁸⁰нет РА. ⁸¹нет ПА. ^{82—85}кровопролитие великое РА. ⁸³велия П. ⁸⁴пролития П. ⁸⁶крестьянской П, христианское РА. ⁸⁷нет А. ⁸⁸возярся Р. ^{89—91}нет А. ⁹⁰нет ПР. ⁹²потребити П, искоренити РА. ⁹³Русь А. ⁹⁴крестьянскую ПР. ⁹⁵погребити РА. ⁹⁶божия РА. ⁹⁷основания ПРА.

И⁹⁸ некий от велмож резанских именем⁹⁹ Еупатий¹⁰⁰ Коловрат в то время был в Чернигове со князем Ингварем^{XI} Ингоревичем,² и услыша приход зловернаго царя Батыя,³ и⁴ иде⁵ из Чернигова с малою дружиною, и гнаша скоро. И приеха⁶ в землю Резанскую,⁷ и⁸ виде⁹ ея опустевшую, грады¹⁰ разорены,¹¹ церкви¹² пожены,¹³ люди¹⁴ побьены.¹⁵ И пригна во град Резань,¹⁶ и¹⁷ виде град¹⁸ разорен,¹⁹ государи²⁰ побиты, и²¹ множества²² народа лежаща;²³ ови²⁴ побьены²⁵ и посечены,²⁶ а ины²⁷ позжены,²⁸ ины²⁹ в реце истоплены,³⁰ Еупатий³¹ воскрича в горести душа своя³² и разпалася³³ в³⁴ сердца своем. И собра мало дружины:³⁵ тысячу семсот³⁵ человек, которых³⁶ бог³⁷ соблюде³⁸ быша вне града. И погнаша^{39a} во след безбожного царя и едва⁴⁰ угнаша^a ⁴¹ его⁴² в⁴³ земли Суздастей,⁴⁴ и внезапно нападоша на станы Батыевы.⁴⁵ И⁴⁶ начаша сечи⁴⁷ без милости, и сметоша⁴⁸ яко все⁴⁹ полкы⁵⁰ татарския.⁵¹ Татарове⁵² же стаща, яко⁵³ пьяны,⁵⁴ или неистовы.⁵⁵ Еупатию⁵⁶ тако их бьяше⁵⁷ нещадно, яко и⁵⁸ мечи притупишася, и емя татарския⁵⁹ мечи⁶⁰ и сечаша⁶¹ их.⁶² Татарове⁶³ мянша,⁶⁴ яко мертви⁶⁵ восташа.⁶⁶ Еупатий⁶⁷ сильныя⁶⁸ полкы⁶⁹ татарския⁷⁰ проеждя,⁷¹ бьяше⁷² их⁷³ нещадно. И езда по⁶ полком⁷⁴ татарским⁷⁵ храбро и мужественно, яко и самому царю возбоятися.⁷⁶ И едва⁷⁷ поимаша⁷⁸ от полку Еупатиева пять человек воинских,⁷⁹ изнемогших⁸⁰ от великих ран.⁸¹ И приведоша их⁸² к⁸³ царю Батыю. Царь⁸⁴ Батый нача⁸⁵ вопрошати:⁸⁶ „Коея⁸⁷ веры⁸⁸ еста вы,⁸⁸ и коея⁸⁹ земля,⁹⁰ и⁹¹ что мне много⁹² зла творите?“⁹³ Они же реша:⁹⁴

^a—^a В рук. пропуск, восполняется по П и Р.

^б В рук. отсутствует.

^в ти приписано позднее.

⁹⁸нет А. ⁹⁹именем ПРА. ¹⁰⁰Еупатей Р, Еупатия А.

^{XI}Игорем Р, Григорием А. ²Игоревичем Р, Иньгоревичем А. ³Батыя ПРА.
⁴нет ПА. ⁵изыде А. ⁶приехаша ПРА. ⁷Резанскою А. ⁸нет А. ⁹видя ПРА.
¹⁰опустевшу ПРА. ¹¹и грады ПР. ¹²розоренныя А. ¹³и церкви божня П.
¹⁴поженыи РА. ¹⁵и люди Р. ¹⁶побиты ПРА. ¹⁷нет А. ¹⁸нет Р. ¹⁹разорением А.
²⁰и государи П. ²¹нет А. ²²множество П. ²³лежаща А. ²⁴и ови А. ²⁵побиении П,
 побieni А. ²⁶посеченыи ПР, посеченыи А. ²⁷инныя П, ины Р, инныи А.
²⁸позжены Р, поженыи А. ²⁹а ины ПР, а иныи А. ³⁰состомьяныи А. ³¹Еупатия А.
³²своего П. ³³росполаяся А. ³⁴во П. ³⁵—³⁵1700 ПРА. ³⁶которыя ПРА. ³⁷богом ПРА.
³⁸соблюдены ПР, соблюдени А. ³⁹погнаше А. ⁴⁰едва А. ⁴¹согнаша А. ⁴²ево А.
⁴³—⁴⁴перестан.: Суздастей земли П. ⁴⁴Суздальской А. ⁴⁵Батыевы Р. ⁴⁶и вси А.
⁴⁷сечь РА. ⁴⁸смятошася ПР, смятоша А. ⁴⁸—⁴⁹нет ПР. ⁵⁰полки ПРА.
⁵¹татарския П, татарские Р, татарския А. ⁵²Татарова А. ⁵³—⁵⁸пропуск А. ⁵⁴пьяни ПР.
⁵⁵неистови Р. ⁵⁶Еупатей П, Еупатий Р. ⁵⁷бьяше ПР. ⁵⁸нет Р. ⁵⁹татарския ПА,
 татарские Р. ⁶⁰мечя Р, мечи татарския А. ⁶¹сечаше ПР. ⁶²их без милости Р.
⁶³Татарове же Р, Татарова же А. ⁶⁴мянше ПР, мянше А. ⁶⁵мертвыя П, мертвни А.
⁶⁶и восташеся А. ⁶⁷Еупатей П, Еупатий же Р. ⁶⁸сильныя ПР, их силни А.
⁶⁹полки ПРА. ⁶⁹—⁷¹проежжая татарские Р, прободая татарския А. ⁷¹татарския П.
⁷⁰проежжая ПР, прободая А. ⁷²бьяше ПА. ⁷³нет П. ⁷⁴по ПРА, ⁷⁴полкам А.
⁷⁵татарским ПРА. ⁷⁵нет ПРА. ⁷⁶подивитися Р. ⁷⁷едва А. ⁷⁸поимаше А.
⁷⁹воинских ПРА. ⁸⁰изнемогоша РА. ⁸⁰—⁸¹нет А. ⁸²нет ПРА. ⁸³ко ПРА.
⁸⁴И царь П. Царь же А. ⁸⁵нача их РА. ⁸⁶воспрашивати П, спрашивати РА.
⁸⁷Коея ПРА. ⁸⁸—⁸⁸вы еста П, вы есте РА. ⁸⁹коея ПРА. ⁹⁰земли ПРА. ⁹¹нет ПРА.
⁹²многа Р. ⁹³сотворяше Р. ⁹⁴рекоша А.

„Веры⁹⁵ христианския есве,⁹⁵ раби⁹⁶ великаго князя Юрья⁹⁷ Ингоревича⁹⁸ Резанскаго,⁹⁹ а от¹⁰⁰ полку Еупатиева^{XI}¹ Коловрата.² Посланы³ от князя Ингваря Ингоревича Резанскаго⁴ тебя⁵ сила⁶ царя почтити⁷ и⁸ чества⁹ проводити,¹⁰ и честь¹¹ тебе¹² воздати.¹³ Да¹⁴ не подиви,¹⁵ царю, не успевати¹⁶ наливати чаш¹⁷ на¹⁸ великую¹⁹ силу-рать²⁰ татарскую.“²¹ Царь же подивися ответу их мудрому.²² И посла шурича²³ своего Хостоврула²⁴ на²⁵ Елупатиа,²⁶ а²⁷ с ним сильныя²⁸ полкы²⁹ татарския.³⁰ Хостоврул³¹ же похвалися³² пред³³ царем,³⁴ хотя Еупатия жива³⁵ пред царя привести.³⁵ И ступишася сильныя³⁶ полкы³⁷ татарския,³⁸ хотя Еупатиа³⁹ жива яти.⁴⁰ Хостоврул⁴¹ же съехася⁴² съ⁴³ Еупатием. Еупатей⁴⁴ же исполни⁴⁵ силою и⁴⁶ разсече⁴⁷ Хостоврула⁴⁸ на полы⁴⁹ до седла.⁵⁰ И начаша⁵¹ сечи⁵² силу татарскую,⁵³ и многих тут⁵⁴ нарочитых⁵⁵ багатырей⁵⁶ Батыевых побил,⁵⁷ ових⁵⁸ на полкы⁵⁹ пресекоша,⁶⁰ а иных⁶¹ до седла краяше.⁶² Татарове⁶³ возбоишася,⁶⁴ видя Еупатия⁶⁵ крепка⁶⁶ исполина.⁶⁷ И навадиша⁶⁸ на него множество пороков,⁶⁹ ⁷⁰и нача⁷¹ бити по нем ис тмочисленных⁷² пороков,⁷³ и едва⁷⁴ убиша его. И принесоша тело⁷⁵ его⁷⁶ пред царя Батыя.⁷⁷ Царь Батый⁶ посла по мурзы, и по князи⁷⁸ и по санчакбеи,⁷⁸ и начаша дивитися храбрости, и крепости, и мужеству⁸⁰ резанскому господству.⁸¹ Они же⁸² рекоша царю: „Мы со многими цари,⁸³ во многих землях, на⁸⁴ многих бранех⁸⁵ бывали,⁸⁶

^a В рук.: точисленных.

^b В рук. добавл.: и (нет в ПРА).

^v В рук.: писанчакбеи.

⁹⁵—⁹⁵есмя крестьянския П, бо есмя крестьянские Р, бо мы есми христианьския А.
⁹⁶а раби [рабы Р] есмя ПР, а храбры есми А. ⁹⁷Георгия Р. ⁹⁸Игоревича Р, Нигоревича А. ⁹⁹Резансково П, Резанского Р. ¹⁰⁰нет ПР.

^{XI}¹Еупатия Р, Еупатиева А. ²нет А. ³Посланы есмя ПР, Коли послани есми А.
³—⁴нет ПРА. ⁵тобя Р, тебе А. ⁶нет ПРА. ⁷нет П, силно почтити РА. ⁸нет ПРА.
⁹чесно ПА, чество Р. ¹⁰проводити и почтити А. ¹¹—¹³воздати тебе Р. ¹²тебе ПА.
¹⁴нет П. ¹⁵подивуй К. ¹⁶успеваем ПРА. ¹⁶—¹⁷чашь наливати РА. ¹⁸нет А.
¹⁹—²⁰твою рать ПРА. ²¹татарскую ПРА. ²²и мудрости РА. ²³шурина ПРА.
²⁴Хостоврула П, Хоставрула Р, Возставрула А. ²⁵и А. ²⁶Еупатия ПРА. ²⁷нет А.
²⁸сильныя П, посла сильныя Р, посланы на те А. ²⁹полки ПРА. ³⁰татарския П, татарские РА. ³¹Хостоврул ПР, Хоставрус А. ³²хвалися П. ³³нет ПРА.
³⁴царю ПРА. ³⁵—³⁵перестан.: привести пред царя ПРА. ³⁶сильныя Р, силнии А.
³⁷полки ПРА. ³⁸татарския П, татарские РА. ³⁹Еупатия ПРА. ⁴⁰язти ПРА.
⁴¹Хостоврул ПР. ⁴²съехося П. ⁴³со Р. ⁴⁴И Еупатей П, Еупатий Р. ⁴⁵исполнен ПРА.
⁴⁶нет РА. ⁴⁷розсече РА. ⁴⁸Хостоврула ПР, Хоставруса А. ⁴⁹пола А. ⁵⁰седла ево А.
⁵¹нача А. ⁵²сечь Р. ⁵³татарскую Р. ⁵⁴ту П, нет Р. ⁵⁵нет ПРА. ⁵⁶багатырей РА.
⁵⁷поби ПРА. ⁵⁷—⁶⁰Здесь в списке А текст испорчен заменой: царь же подивися ответу их мудрости и посла шурина своего Хоставруса поби. ⁵⁸а иных ПР.
⁵⁹полы ПР. ⁶⁰пресекаше П, пресекоша Р. ⁶¹—⁶²на поле пересекоша, а иных до седла краяше, а иных до седла А. ⁶²крояша П, кроише Р. ⁶³татаровя ПА, татарове же Р.
⁶⁴убоишася ПРА. ⁶⁵Еупатия ПР, нет А. ⁶⁶крепко Р, сила крепко А. ⁶⁷и исполнена Р, исполнена А. ⁶⁸наведоша ПРА. ⁶⁹порокав А. ⁷⁰—⁷³пропуск П. ⁷¹начаша РА.
⁷²тмочисленных ПРА. ⁷⁴едва А. ⁷⁵тела А. ⁷⁶нет А. ⁷⁷Батыя ПРА. ⁷⁸—⁷⁸пропуск ПРА. ⁷⁹нет Р. ⁸⁰нет Р. ⁸⁰—⁸¹господству резанскому Р. ⁸²нет А. ⁸³царю П, нет Р.
⁸⁴и на П. ⁸⁵боих ПА, боех Р. ⁸⁶нет А.

а таких⁸⁷ удалцов⁸⁸ и резвецов⁸⁹ не видали,⁹⁰ ни^а ⁹¹ отци⁹² наши воз-
вестиша нам. Сии⁹³ бо⁹⁴ люди крылатыи,⁹⁵ и не имеющие⁹⁶ смерти и⁹⁷
тако крепко⁹⁸ и мужественно ездя,⁹⁹ бьяшесь: ¹⁰⁰ един с тысящею, XII 1
а два со тмою. Ни един² от них может³ съехати⁴ жив с побоища⁴. ⁴ Царь
Батый и⁵ зря на тело Еупатиево, и рече: „⁶ ⁷Коловрате Еупатие!⁸
гораздо⁹ еси меня¹⁰ подщивал¹¹ малою ¹² своею дружиною, ¹³ да ¹⁴ мно-
гих¹⁵ богатырей¹⁶ сильной¹⁷ орды побил еси,¹⁸ и¹⁹ многие²⁰ полкы²¹
падоша. Аще бы у меня²² такой²³ служил,²⁴ — держал бых²⁵ его против
сердца своего“. И даша²⁶ тело Еупатиево²⁷ его дружине²⁸ останочной,²⁹
которые³⁰ пойманы на побоище.³¹ И веля³² их царь Батый отпостити,³³
ни³⁴ чем³⁵ вредити.

Князь³⁶ Ингварь³⁷ Ингоревич³⁸ в то время был в Чернигове у брата
своего³⁹ князя⁴⁰ Михаила Всеволодовича⁴¹ Черниговского⁴² богъм⁴³ соблю-
ден от злаго того отметника⁴⁴ врага хрстьянскаго.⁴⁶ И прииде⁴⁷ из⁴⁸
Чернигова в землю Резанскую во⁴⁹ свою отчину,⁵⁰ и видя⁵¹ ея пусту,⁵²
и услыша, что братья⁵³ его⁵⁴ все⁵⁵ побиены⁵⁶ от нечестиваго законопре-
ступника⁶ ⁵⁷ царя Батыя,⁵⁸ и прииде⁵⁹ во град Резань⁶⁰ и видя⁶¹ град⁶²
разорен,⁶³ а мать свою, и снохи своа⁶⁴ и сродник своих,⁶⁵ и ⁸⁶ множество
много⁶⁷ мертвых⁶⁸ лежаща,⁶⁹ и⁷⁰ град разорен, церкви⁷¹ пожжены⁷² и все
узорочье⁷³ в казне черниговской⁷⁴ и резанской⁷⁵ взято. Видя⁶ ⁷⁸ князь
Ингварь⁷⁷ Ингоревич⁷⁸ великую конечную⁷⁹ погибель грех ради наших,

^а В рук.: и

^б В рук. ни надписано позднее.

^в В рук. дя надписано позднее.

^г В рук. у переделано из о

⁸⁷таковых А. ^{87—89}резвецов удалцов Р. ⁸⁸уволцов А. ⁹⁰видано РА. ⁹¹но ни П, ни РА. ⁹²отци ПРА. ⁹³Си Р. ⁹⁴нет А. ⁹⁵крылати ПРА. ^{96—97}смерти не имеют РА. ⁹⁸имеют П. ⁹⁷нет ПА. ⁹⁸и крепко ПА. ⁹⁹нет ПРА. ¹⁰⁰бояшесь А.

XII тысящаю Р. ²един бо А. ³не может А. ^{4—4}перестан.: с побоища жив ПР, сбодоша жив А. ⁵нет ПРА. ⁶нет РА. ^{7—8}перестан.: Еупатие Коловрате ПР, Еупатие Коло...е [пропущено несколько букв] А. ⁹горазда А. ^{10—11}мя еси ПРА. ¹¹подщивал ПР, пойду к вам А. ¹²с малою РА. ^{12—13}дружиною своею Р. ¹³друженкою А. ¹⁴и РА. ¹⁵много РА. ¹⁶багатырей ПР. ¹⁷сильныи ПРА. ¹⁸нет РА. ¹⁹нет А. ²⁰многия ПРА. ²¹полки от тебя ПРА. ^{22—24}служил такой П. ²³таков РА. ²⁵бы ПРА. ^{26—28}его тела и к Еупатие дружине ево А. ²⁷Еупатиево Р. ^{27—28}перестан.: дружине его ПР. ²⁹остатошной П, остаточний А. ³⁰которыи П. ³¹побоищи Р. ³²велел ПРА. ³³отпостити ПРА. ³⁴и ни ПРА. ³⁵чим А. ³⁶Князь великий П. ³⁷Ингвор П, Игорь Р, Инвгарь А. ³⁸Ингворович П, Игоревич Р, Инггаревич [описано] А. ³⁹у своего А. ⁴⁰у князя А. ⁴¹Всеволодича П. ⁴²добавлено: и прииде [приде РА] из [ис А] Чернигова ПРА. ⁴³богом ПРА. ⁴⁴отместника А. ⁴⁶хрстьянска ПРА, хрстьянскаго А. ⁴⁷приде Р. ⁴⁸ис Р. ⁴⁹в П, и в РА. ⁵⁰вотчину П. ⁵¹виде А. ^{51—52}Еупатий А. ⁵³Батия ПР. ⁵⁴ево А. ⁵⁵нет А. ⁵⁶побити ПРА. ⁵⁷нет ПР, преступника А. ⁵⁸Батия преступника П, Батия РА. ⁵⁹приде ПРА. ⁶⁰Резански РА. ⁶¹виде ПРА. ⁶²грады Р. ⁶³раззорены Р. ⁶⁴своя ПР. ⁶⁵их А. ⁶⁶нет ПРА. ⁶⁷много побитых [побито А] и РА. ⁶⁸мертвы РА. ⁶⁹лежаще РА. ⁷⁰нет А. ⁷¹и церкви ПР, и церкви богия А. ⁷²пожжены А. ⁷³узорочьа А. ⁷⁴черниговское ПР. ⁷⁵резанское ПР, резанской А. ⁷⁶И виде ПРА. ⁷⁷Ингвор П, Игорь РА. ⁷⁸Ингворович П, Игоревич Р, Нигоревич А. ⁷⁹кончину и ПРА.

и жалостно возкричаша,⁸⁰ яко труба рати⁸¹ глас подавающе,⁸² яко сладкий арган⁸³ вещающе.⁸⁴ И⁸⁵ от великаго⁸⁶ кричания,⁸⁷ и вопля страшнаго лежаща⁸⁸ на земли, яко мертв. И⁸⁹ едва⁹⁰ отляеяша⁹¹ его,⁹² и носяща⁹³ по ветру.⁹⁴ И едва⁹⁵ отдохну⁹⁶ душа его⁹⁷ в нем. Кто⁹⁸ бо не возплачетца⁹⁹ толика¹⁰⁰ погибели, или хто^{XIII 1} не возрыдает о селице² народе³ людей¹ православных, или хто⁵ не пожалит⁶ толико побито⁷ великих государей, или хто⁸ не постонет такового пленения. Князь Ингварь⁹ Ингоревич,¹⁰ разбирая¹¹ трупиа¹² мертвых, и наиде тело матери своей¹³ великия княгини Агрепены¹⁴ Ростиславны,¹⁵ и позна снохи своя,¹⁶ и призва попы¹⁷ из веси,¹⁸ которых бог соблюде,¹⁹ и погребе мать свою, и снохи своа²⁰ плачем²¹ великим²² во²³ псалмов²⁴ и песней²⁵ место:²⁶ кричаше велми и²⁷ рыдаше. И похранше прочиа²⁸ трупиа²⁹ мертвых, и очисти град, и освати. И собращася³⁰ мало³¹ людей, и даша им мало утешения.³² И плачася³³ безпрестано,³⁴ помяная мать свою и братию свою, и род свой,³⁵ и все узорочье резанское³⁶ — вскоре³⁷ погибе.³⁸ Сиа³⁹ бо⁴⁰ вся наиде грех ради наших. Сий бо град Резань и⁴¹ земля Резанская изменися⁴² доброта ея, и отиде слава ея,⁴² и не бе в ней ничто⁴³ благо видети⁴⁴ — токмо дым и пепел, а церкви все погореша, а⁴⁵ великая⁴⁶ церковь⁴⁷ внутрь⁴⁸ погоре⁴⁹ и почернеше.⁵⁰ Не⁵¹ един бо сий град пленен бысть, но и инии⁵² мнози. Не⁵³ бе бо⁵⁴ во граде пения,⁵⁵ ни звона,⁵⁶ в⁵⁷ радости место⁵⁸ всегда плач творяще.⁵⁹ Князь Ингварь⁶⁰ Ингоревич⁶¹ поиде и⁶² где побьени⁶³ быша⁶⁴ братья⁶⁵ его⁶⁶ от нечестиваго царя Батыа:⁶⁷ великий князь Юрьи⁶⁸ Ингоревич⁶⁹

^a В рук.: отдохо.

^b В рук.: моло.

^b В рук.: попого(с.

^г В рук.: нимн.

⁸⁰воскрича РА. ⁸¹нет ПРА. ^{82—84}нет А. ⁸⁵орган ПР. ⁸⁴вещающе П. ⁸⁵нет РА. ⁸⁶велика Р, повторено дважды: от великаго А. ⁸⁷кричания ПА, крика Р. ⁸⁸лежаше П, лежаще Р, лежаша А. ⁸⁹нет ПРА. ⁹⁰едва А. ⁹¹отляеяше ПРА. ⁹²его водою Р, сво А. ⁹³носяше ПР, носяще А. ^{93—94}нет А. ⁹⁵едва А. ⁹⁶отдохну ПР, отдохнув А. ⁹⁷ево А. ⁹⁸Хто ПР, Хте А. ⁹⁹плачется Р, плачете А. ¹⁰⁰толикне П, толиквн Р, толиквн беды и А.

XIII кто ПА. ²сем РА. ³народа П. ⁴нет А. ⁵кто РА. ⁶пожалили П. ⁷побитых РА. ⁸кто ПР, кто кто А. ⁹Игорь Р, Нигорь А. ¹⁰Игоревич Р, Нигоревич А. ¹¹собирает РА. ¹²трупия ПР, трупиа А. ¹³своя ПРА. ¹⁴Агрпены ПА. ¹⁵Ростиславны Р. ¹⁶своя А. ^{17—18}нет РА. ¹⁹соблюдет А. ²⁰своя ПРА. ²¹с плачем ПРА. ²²великим ПР, с великим А. ²³со ПА, и со Р. ²⁴псалмы ПРА. ²⁵песньми ПРА. ²⁶сам стоя ПРА. ²⁷нет Р. ²⁸нет ПА, прочия Р. ²⁹трупия ПРА. ³⁰собраща П, собращеся РА. ³¹мало ПРА. ³²утешение ПР, утешения А. ³³плачется Р. ³⁴безпрестани ПА. ³⁵весь А. ^{35—36}нет ПР. ³⁷вси вскоре П, веи вскоре Р. ³⁸погибоша ПР, побитые А. ³⁹Сиа ПР, нет А. ⁴⁰нет Р. ⁴¹нет П. ^{42—42}доброта ея отиде [отыде погибели А] и слава ея погибе [нет А] ПРА. ⁴³ничто же Р. ^{43—44}же видети благо П. ⁴⁵и ПРА. ⁴⁶великия А. ⁴⁷церкви А. ⁴⁸внутре ПА. ⁴⁹погоре ПРА. ⁵⁰почерне ПРА. ⁵¹нет А. ⁵²инии П, ии РА. ⁵³И но А. ⁵⁴нет А. ⁵⁵пения ПРА. ⁵⁶звону ПРА. ⁵⁷и в РА. ⁵⁸места П, нет Р. ⁵⁹творяше ПА. ⁶⁰Игорь Р, Нигорь А. ⁶¹Игоревич Р, Нигоревич А. ⁶²нет ПРА. ⁶³побиты РА. ⁶⁴нет ПРА. ⁶⁵братия ПРА. ⁶⁶ево А. ⁶⁷Ботыя П, Батыя РА. ⁶⁸Юрий Р, Юрье А. ⁶⁹Игоревич ПА, Игоревич Р.

Резанской,⁷⁰ брат⁷¹ его⁷² князь⁷³ Давид Ингоревич,⁷⁴ брат его⁷⁵ Всеволод Ингоревич⁷⁶ и многиа⁷⁷ князи месныя,⁷⁸ и бояре,⁷⁰ и воеводы,⁸⁰ и все воинство,⁸¹ и удалцы и резвцы,⁸² узорочие⁸³ резанское. Лежаша⁸⁴ на земли пuste,⁸⁵ на траве⁸⁶ ковыле,⁸⁷ снегом⁸⁸ и ледом померзша,⁸⁹ ни ким⁹⁰ брегома.⁹¹ От зверей телеса их снедаема,⁹² и⁹³ от множества птиц разъстерзаемо.⁹⁴ Все⁹⁵ бо лежаша,⁹⁶ купно умроша, едину⁹⁷ чашу⁹⁸ пиша смертную.⁹⁹ И видя¹⁰⁰ князь Ингварь^{XIV} Ингоревич² велия³ трупиа⁴ мертвых лежаша,⁵ и⁶ воскрича⁷ горько⁸ велием⁹ гласом, яко труба распалаяся,¹⁰ и в перьси свои¹¹ рукама¹² биюще,¹³ и ударяшеша¹⁴ о¹⁵ земля.¹⁶ Слезы же¹⁷ его¹⁸ от очию,¹⁸ яко поток,¹⁹ течаше и жалосно²⁰ вещающе:²¹ „О милая моа²² братья²³ и²⁴ господие!²⁵ како успе²⁶ животе мой²⁷ драгии!²⁸ Меня единого оставиша²⁹ в толице погибели.²⁹ Про что³⁰ аз³¹ прежде вас не умрох? И камо³³ заидесте³⁴ очию³⁵ моею, и где отошли³⁶ есте³⁷ сокровища³⁸ живота моего?³⁹ Про что⁴⁰ не промолвите ко мне брату вашему,⁴¹ цветы прекрасныи,⁴² винограде мои незозрелыи?⁴³ Уже не подасте⁴⁴ сладости души моеи!⁴⁵ Чему, господине, не зрите ко мне⁴⁶ — брату вашему,⁴⁷ не⁴⁸ промолвите^ж со мною?⁴⁹ Уже ли забыли есте⁵⁰ мене⁵¹ брата свзего,⁵² от единого⁵³ отца роженаго,⁵⁴ и⁵⁵ единыи⁵⁶ утробы⁵⁷ честнаго плода матери нашей⁵⁸ — великие⁵⁹ княгини⁶⁰ Агре-

и вставлено позднее.

^б ша приписано позднее.

^в зо вписано позднее.

^г В рук.: от.

^д В рук.: госводие.

^е В рук.: отвели.

^ж ни вписано позднее.

^з В рук.: уробы.

⁷⁰Резанский РА. ⁷¹и брат РА. ⁷²⁻⁷⁴пропуск Р, Глеб Ингоревич и А. ⁷³добавлено: Глеб Ингоревич и брат его князь П. ⁷⁴⁻⁷⁵и брат его князь П. ⁷⁵ево А. ⁷⁶Ингоревич Р. ⁷⁷многия ПРА. ⁷⁸месныя П, месныя Р, месныя А. ⁷⁸⁻⁸⁰нет А. ⁷⁹добавлено: и ПР. ⁸¹войско Р. ⁸¹⁻⁸²перестан.: резвцы и удалцы П, резвцы и удалцы и все РА. ⁸³узорочье Р, ⁸⁴Лежаше ПРА. ⁸⁵пусто Р, нет А. ⁸⁶добавлено: на П. ⁸⁷ковыли П, нет А. ⁸⁸и снегом А. ⁸⁹померзша П, померзша РА. ⁹⁰кем Р. ⁹¹брегома П, брегомы РА. ⁹¹⁻⁹²телеса их от зверей снедаемо П. ⁹³нет А. ⁹⁴раздробляемы РА. ⁹⁵Все ПРА. ⁹⁶лежаше РА. ⁹⁷⁻⁹⁸смертную чашу пиша Р. ⁹⁸⁻⁹⁹перестан.: смертную чашу ПА. ¹⁰⁰виде ПР.

^{XIV}Ингорь Р, Ингорь А. ²Ингоревич Р. ³много ПРА. ⁴трупия ПРА. ⁵лежаша П, лежаше РА. ⁶нет П. ⁷воскричаша П. ⁸горьким РА. ⁹велиим П, великим РА. ¹⁰росполаяся П. ¹¹своя РА. ¹²рукама РА. ¹³бияше П. ¹⁴ударяшася П, ударися Р, ударяшася А. ¹⁵о ПРА. ¹⁶землю ПРА. ¹⁷⁻¹⁸нет А. ¹⁸⁻¹⁸нет ПР. ¹⁹оток Р. ²⁰жалосно Р. ²¹вещающе ПРА. ²²моа РА. ²³братие Р, братия А. ²⁴нет ПРА. ²⁵нет ПРА. ²⁶уснета Р, сие А. ²⁷нет ПРА. ²⁸драги П. ²⁹⁻²⁹пропуск ПРА. ²⁹⁻³⁰Почто ПР. ³¹яз П, уже Р, нет А. ³³како ПРА. ³⁴заидесте Р. заидете А. ³⁵ото очию П. от очию Р. ³⁶отошли ПРА. ³⁷есте Р, естя А. ³⁸сокровище РА. ³⁹моево А. ³⁹⁻⁴⁰И почто ПА. ⁴¹нашему А. ⁴²прекрасныи ПРА. ⁴³не узре жи А. ⁴⁴подаете А. ⁴⁵моеа РА. ⁴⁶⁻⁴⁷нет А. ⁴⁸ни РА. ⁴⁸⁻⁵⁰ужели забыли естя повторено дважды Р. ⁵¹меня ПРА, ⁵²своево А. ⁵³единого Р. ⁵⁴рожденнаго А. ⁵⁵нет А. ⁵⁶единыи ПА. ⁵⁷матери утробы ПРА. ⁵⁸нашея ПРА. ⁵⁸⁻⁶⁰нет А. ⁵⁹великия ПР.

пены⁶¹ Ростиславне,⁶² и единым сосцом⁶³ воздоеных⁶⁴ многоплоднаго винограда? И кому приказали есте⁶⁵ меня — брата своего? Солнце мое драгое, рано⁶⁶ заходящее^а ⁶⁷, месяци⁶⁸ красныи,⁶⁹ скоро⁷⁰ изгибли есте;⁷¹ звезды⁷² восточныи,⁶ ⁷³ почто рано зашли есте!⁷⁴ Лежите на земли пuste, ни⁷⁵ ким⁷⁶ брегома,⁷⁷ чести-славы⁷⁸ ни⁷⁹ от кого приемлемо!⁸⁰ Изменися бо⁸¹ слава ваша.⁸² Где⁸³ господство⁸⁴ ваше?⁸⁵ Многим⁸⁶ землям государи были есте,⁸⁷ а ныне лежите на земли⁸⁸ пuste,⁸⁹ зрак⁹⁰ лица ващего изменися во ислении.⁹¹ О милая моя братиа⁹² и⁹³ дружина ласкова,⁹⁴ уже не повеселюся⁹⁵ с вами!⁹⁶ Свете⁹⁷ мои драгии,⁹⁹ чему помрачилися¹⁰⁰ есте? ^{XV} ¹ Не много нарадовахся² с вами!³ Аще⁴ услышит бог⁴ молитву вашу, то⁵ помолитесь о мне, о брате вашем, да вкупе умру с вами. Уже бо⁶ за⁷ веселием⁸ плач⁹ и слезы придоша^в ¹⁰ ми,¹¹ а за утеху и радость сетование и скръбь¹² яви ми ся! Почто аз¹³ не преже вас¹⁴ умрох, да бых¹⁵ не видел смерти вашей, а своя погубели. Не слышите¹⁶ ли бедных моих¹⁷ словес жалостно вещающа?¹⁸ О земля,¹⁹ о земля,²⁰ о дубравы²¹ поплачите²² со мною! Как нареку²³ день той,²⁴ или како вопишу²⁵ его²⁶ — в он же²⁷ погубе²⁸ толико²⁹ господарей³⁰ и³¹ многие³² узорочье резанское храбрых³³ удалцев.³⁴ Ни един от них возвратися вспять, но вси равно^г ³⁵ умроша, едину³⁶ чашу смертную пиша. Се бо в горести души³⁷ моея³⁸ язык мой связается,³⁹ уста загражаются,⁴⁰ зрак⁴¹ опустевает,⁴² крепость⁴³ изнемогает.

Бысть⁴⁴ убо тогда⁴⁵ многи туги⁴⁶ и⁴⁷ скорби, и слез,⁴⁸ и въздыхания,⁴⁹ и⁵⁰ страха,⁵¹ и трепета⁵² от всех злых, находящих⁵³ на ны.⁵⁴ Великий⁵⁵

^а В рук.: заходяще; еще одно е приписано позднее.

^б В рук.: воздушныи.

^в Позднее вписано второе и: придоша.

^г В рук.: рано.

⁶¹ Агриппы ПР. ⁶² Ростиславны ПА, Розстиславны Р. ⁶³ сосцем Р. отцем А. ⁶⁴ воздоенным П, воздоена Р, воздаянием А. ⁶⁵ естя ПР. ⁶⁶ нет Р. ⁶⁷ заходяща П. ⁶⁸ месяцы ПР, и месяцы А. ⁶⁹ красныя П, светлыя Р, красныя А. ⁷⁰ рано ПРА. ⁷¹ естя ПР. ⁷² и звезды А. ⁷³ восточныя ПА, восточныя Р. ⁷⁴ естя ПА. ⁷⁵ и ни А. ⁷⁶ кем ПРА. ⁷⁷ брегома есте А. ⁷⁷⁻⁷⁸ чести и славы ПР, и славы А, ⁷⁹ нет А. ⁸⁰ приемлете ПРА. ⁸⁰⁻⁸¹ Измени бо ся А. ⁸² нет А. ⁸² добавлено: Где, господине, честь и слава ваша? П. ⁸³ нет А. ⁸⁴ господства РА. ⁸⁵ ваши П, ваша Р. ⁸⁶ Многим бо РА. ⁸⁷ естя ПР. ⁸⁸ земли А. ⁸⁹ нет А. ⁹⁰ зря А. ⁹¹ исления П исление РА. ⁹² братия ПР. ⁹³ нет П. ⁹⁴ ласковая РА. ⁹⁵ повеселитесь ПРА. ⁹⁶ нами ПРА. ⁹⁷ Свети А. ⁹⁸ драгие А. ¹⁰⁰ помрачили РА.

^{XV} ¹ естя ПР. ² радовахся ПРА. ³ нами А. ⁴⁻⁴⁶ бог услышит ПРА. ⁵ нет РА. ⁶ ми П. ⁷ эде А. ⁸ веселие ПА. ⁹ пиан А. ¹⁰ прииде П. ¹¹ нет П. ¹² скорбь ПРА. ¹³ яз П. ¹³⁻¹⁴ перестан.: преже вас не П, преже вас не Р. ¹⁵ их А. ¹⁶⁻¹⁷ моих бедных Р. ¹⁸ вещающе РА. ¹⁹ нет РА. ²⁰ нет Р. ²¹ дубровы ПР, дуброва А. ²² поплачитесь РА. ²³⁻²⁴ перестан.: той день П. ²⁵ возведу ПРА. ²⁶⁻²⁷ нет А. ²⁸ погубели ПА, погубли Р. ²⁹ толика ПР, толики А. ³⁰ государей ПР, государем А. ³¹ нет ПР. ³² многое ПА, много Р. ³³ храбрых же А. ³⁴ удалцов ПРА. ³⁵ равно ПРА. ³⁶ и едину РА. ³⁷ душа ПР. ³⁸ моея П, своя РА. ³⁹ связаетца и П. ⁴⁰ заграждютца П. ⁴¹ а зрак П. ⁴² опустевает ПРА. ⁴³ вся крепость А. ⁴⁴ и бысть РА. ⁴⁵⁻⁴⁶ туги многи ПР, тут и многи А. ⁴⁷ нет ПА. ⁴⁸ слезы ПР, язвы А. ⁴⁹ въздыхание П, въздыхание РА. ⁵⁰ нет Р. ⁵¹ страх РА. ⁵² трепет РА. ⁵³⁻⁵⁴ на ны всяких ПА, на ны всяких Р. ⁵⁵ нет ПРА.

князь^{а 56} Ингварь⁵⁷ Ингоревич⁵⁸ возде⁵⁹ руце на небо⁶⁰ со слезами⁶¹ возва,⁶² глаголаша:⁶³ „Господи, боже мой, на тя уповах, спаси мя, и⁶⁴ от всех гонящих⁶⁵ избави мя.⁶⁶ Пречиста⁶⁷ владычице⁶⁸ Христа бога нашего, не остави мене⁶⁹ во время⁷⁰ печали моя.⁷¹ Великие⁷² страстотерпы⁷³ и⁷⁴ сродники⁷⁵ наши Борис и Глеб, буди⁷⁶ мне помощники,⁷⁷ грешному,⁷⁸ во бранех. О братие⁷⁹ моа⁸⁰ и господие,⁸¹ помогайте⁸² мне во святых своих молитвах на супостаты⁸³ наши⁸⁴ — на агаряне⁸⁵ и⁸⁶ внуци⁸⁷ измаительска⁸⁸ рода“. Князь^{б 89} Ингварь⁹⁰ Ингоревич⁹¹ начаша⁹² разбирати⁹³ трушпе⁹⁴ мертвых, и⁹⁵ взя⁹⁶ тело брати⁹⁷ своей,⁹⁸ и⁹⁹ великаго¹⁰⁰ князя Георгия Ингоревича,^{xvi 1} и князя² Глеба Ингоревича³ Коломенского,⁴ и⁵ инех⁶ князей месных — своих сродников,⁷ и⁸ многих бояр, и воевод, и⁹ ближних знаемых,¹⁰ принесе^{в 11} их во град Резань, и похранише¹² их честно, а¹³ инех¹⁴ тут¹⁵ на¹⁶ месте¹⁷ на¹⁸ пусе¹⁹ собираше²⁰ и надгробное²¹ пеша.²² И похранише²³ князь^{г 24} Ингварь²⁵ Ингоревич,^{д 26} и²⁷ поиде ко граду Пронску, и собра раздроблены²⁸ уды^{е 29} брата своего³¹ благовернаго и христоролюбиваго князя Ольга Ингоревича³¹ и несоша³² его³³ во град Резань, а честную его³⁴ главу сам князь велики³⁵ Ингоревич:^{ж 36} и³⁷ до³⁸ града³⁹ понеси,⁴⁰ и целова ю любезно, положиша⁴¹ его

^в В рук.: князя.

^б В рук.: князя.

^в В рук.: присе.

^г В рук.: князя.

^д В рук.: Ингоревича.

^е В рук.: куды.

^ж Переделано позднее на Ингварь Ингоревич.

⁵⁶Князь ПА, И князь Р. ⁵⁷Игорь Р, Нигорь А. ⁵⁸Игоревич Р, Нигоревич А. ⁵⁹воздев РА. ⁶⁰на небо руце. ⁶¹прибавлено: воздыхания П, и воздыхания РА. ⁶²возгласи Р, возглаголаша А. ⁶³нет РА. ⁶⁴нет ПРА. ⁶⁵—⁶⁶мя избави Р, мя избави мя А. ⁶⁷пречистоя П, пречистая Р, нет А. ⁶⁸прибавлено богородице мати ПРА. ⁶⁹меня П, мя А. ⁷⁰прибавлено: живота моего, не остави мене в Р, живота моево в А. ⁷¹моей РА. ⁷²Великия РА. ⁷³страстотерпцы ПР. ⁷⁴нет ПРА. ⁷⁵угодники А. ⁷⁶будите ПРА. ⁷⁷помощника Р, помочники А. ⁷⁷—⁷⁸перестан.: грешному помощники П. ⁷⁸нет РА. ⁷⁹братия ПРА. ⁸⁰моя ПР, моя милая А. ⁸¹господия ПА. ⁸²помагайте П. ⁸³сопостаты Р. ⁸⁴наша П ⁸⁵огоряни П, огоряны Р, агаряны А. ⁸⁶нет ПР. ⁸⁷внуцы ПРА. ⁸⁹ноизмалтеска П, измаилтеска РА. ⁸⁹Князь ПА, И князь Р. ⁹⁰Ингвор П, Игорь Р, Иньгорь А. ⁹¹Игоревич Р, Ингоревич А. ⁹²нача Р, нет А. ⁹³разбирати ПР, разбирав А. ⁹⁴трупия ПР. ⁹⁵нет ПРА. ⁹⁶взыска ПРА. ⁹⁷братий А. ⁹⁸своих А. ⁹⁸—¹⁰⁰нет П. ⁹⁹нет РА.

^{xviii}Игоревича Р, Нигоревича А. ²добавлено: Давида Ингоревича [Игоревича Р, Ингоревича А] Муромского [и РА] князя ПРА. ³Игоревича Р. ⁴Коломенсково Р, Коломенскаго А. ⁵нет А. ⁶иных ПРА. ⁶—⁸пропуск РА. ⁷сродник П. ⁹нет Р. ¹⁰и знаемых А. ¹¹и принесе П, принесе РА. ¹²храняше А. ¹³нет П. ¹⁴ивных Р, ивих А. ¹⁵ту ПА. ¹⁶—¹⁹пусе месте ПА. ¹⁷нет Р. ¹⁸нет Р. ²⁰собираша П, ²¹над гробы ПА, над гробы их Р. ²²пев А. ²³похраняша РА. ²⁴князь П, их честно и князь РА. ²⁵Игорь Р, Нигорь А. ²⁶Игоревич П, Игоревич Р, Нигоревич А. ²⁷нет РА. ²⁸раздробленныя ПР, разбиенных А. ²⁹уды ПР, увы А. ³⁰своево А. ³¹Игоревича Р. ³²несяше П. ³³ево А. ³⁴ево А. ³⁵великий А. ³⁶Ингвар Ингоревич П, Игорь Игоревич Р, Ингорь Ингоревич А. ³⁷нет ПРА. ³⁸во РА. ³⁹град РА. ⁴⁰понесе ПРА. ⁴¹и положиша П, и положи РА.

с великим князем Юрьем⁴² Ингоревичем⁴³ во единой раце. А⁴⁴ братью⁴⁵ свою князя Давида Ингоревича,⁴⁶ да князя Глеба Ингоревича⁴⁷ положиша⁴⁸ у него⁴⁹ близ⁵⁰ гроба их⁵¹ во единой раце. Поиде же князь Ингвар⁵² Ингоревичъ⁵³ на реку на Воронеж, иде⁵⁴ убьен⁵⁵ бысть князь Федор⁵⁶ Юрьевич Резанской,⁵⁷ и⁵⁸ взя честное⁵⁹ тело его,⁶⁰ и плакася⁶¹ над ним на долг час. И принесе во область его к великому чудотворцу Николе⁶² Корсунскому, и его благоверную⁶³ княгиню⁶⁴ Еупраксею, и сына их князя Ивана Федоровича⁶⁵ Посника⁶⁶ в⁶⁷ во едином⁶⁸ месте.⁶⁹ И поставиша над ними кресты камены.⁷⁰ И⁷¹ от сея вины да зовется⁷² великий чудотворец Николае⁷³ Заразский,⁷⁴ яко благоверная княгиня Еупраксеа⁷⁵ и с сыном^а своим⁷⁶ князем Иваном⁷⁷ сама себе⁷⁸ зарази.

Сии бо государи рода Владимира⁷⁹ Святославича — сродника⁸⁰ Борису⁸¹ и Глебу,⁸² внучата⁸³ великаго князя Святослава Олговича Черниговского. Бяше родом христороубивы,⁸⁴ братолюбивы,⁸⁵ лецем⁸⁶ красны,⁸⁷ очима светлы,⁸⁸ взором грозны,⁸⁹ паче меры храбры,⁹⁰ сердцем легкы,⁹¹ к⁹² бояром⁹³ ласковы, к⁹⁴ приеждим⁹⁵ приветливы,⁹⁶ к церквам⁹⁷ прилежны,⁹⁸ на пиrowанье тщивы,⁹⁹ до осподарских¹⁰⁰ потех охочи, XVII¹ ратному делу² велми искусны,³ к братье⁴ своей и⁵ ко⁶ их посолником⁷ величавы. Мужествен⁸ ум имеяше,⁹ в правде-истине¹⁰ пребываства,¹¹ чистоту душевную и телесную без¹² порока соблюдаста.¹³ Святого¹⁴ корени отрасли, и¹⁵ богом насажденнаго сада¹⁶ цветы¹⁷ прекрасны.¹⁸ Воспитани быша¹⁹ и²⁰ благочестии со²¹ всяцем^г ²² наказании²³ духовнем.²⁴ От самых²⁵ пелен²⁶ бога²⁷ возлюбилы.²⁸ О церквах божиих велми печат-

^а В рук.: сыным.

^б В рук.: грозным.

^в В рук.: велмискусны.

^г В рук.: свяцем.

⁴²Георгием Р. ⁴³Игоревичем Р, Нигоревичем А. ⁴⁴И РА. ⁴⁵братию Р. ⁴⁶Игоревича Р, Нигоревича А. ⁴⁶⁻⁴⁷нет Р. ⁴⁸⁻⁴⁹уного А. ⁵⁰⁻⁵¹нет А. ⁵²Игорь Р, Нигорь А. ⁵³Игоревич Р, Нигоревич А. ⁵⁴и где П, где РА. ⁵⁵убиен А. ⁵⁶Феодор Р. ⁵⁷Рязанский РА. ⁵⁸нет РА. ⁵⁹чесно П, нет Р. ⁶⁰его честно Р, ево А. ⁶¹плакося П. ⁶²⁻⁶⁴пропуск А. ⁶³благоверную Р. ⁶⁵Феодоровича Р. ⁶⁶Посника положиша их П, Постника и положиша их РА. ⁶⁷нет ПРА. ⁶⁸едино А. ⁶⁹место А. ⁷⁰каменныя А. ⁷¹нет ПРА. ⁷²зоветца П. ⁷³Никола А. ⁷⁴Заразский РА. ⁷⁵Еупраксея ПРА. ⁷⁵⁻⁷⁶своим сыном ПА, зъ своим сыном Р. ⁷⁷Иванном А. ⁷⁸собя Р, себя А. ⁷⁹Владимерова Р. ⁸⁰сродники А. ⁸¹Бориса РА. ⁸²Глеба РА. ⁸³внучета Р. ⁸⁴христороубивы П. ⁸⁵братолюбивы ПР, нет А. ⁸⁶лицем РА. ⁸⁷красны Р. ⁸⁸светлы А. ⁸⁹грозны ПА, грозны Р. ⁹⁰храбры Р. ⁹¹легки ПР, лехки А. ⁹²их А. ⁹³боляром А. ⁹⁴и к Р. ⁹⁵приеждим ПРА. ⁹⁶⁻⁹⁷царем Р, сердцем А. ⁹⁸прилежны Р. ⁹⁸⁻⁹⁹нет Р. ⁹⁹тчивы П, тчивых А. ¹⁰⁰господарских П, государских РА.

XVII¹нет А. ²делы А. ³добавлено: на недруги [недруга А] добре храбры, половцем грозны [грозны Р] ПРА. ⁴брати Р, братии А. ⁵нет ПА. ⁶к ПРА. ⁷посланником ПРА. ⁸Мужественно РА. ⁸⁻⁹имеша умь Р. ⁹имеяше П, имеша А. ¹⁰правде и истине Р. ¹¹пребываше РА. ¹²бес П. ¹³собоудоста РА. ¹⁴И святого П. ¹⁵нет ПРА. ¹⁶винограда Р, суда А. ¹⁷цветы Р. ¹⁸прекрасны РА. ¹⁸⁻¹⁹воспиташа А. ²⁰во РА. ²¹во А. ²²всяцем ПР, всяце А. ²³наказанием ПРА. ²⁴христовем ПР, христовым А. ²⁵самех РА. ²⁶⁻²⁸боговозлюблены РА. ²⁷богом П. ²⁸возлюбленны П.

шеся, пустошных бесед не творяще, срамных²⁹ человек отвращашеся,^{а 30}
^{а 31} со благыми³² всегда³³ беседоваша,³⁴ божественных писаний³⁵ все-
 года³⁶ во умилении послушаше.³⁷ Ратным во бранех страшениа³⁸ ивля-
 шесея,³⁹ многия враги, востающии⁴⁰ на них, побежаша,⁴¹ и во всех странах
 славна⁴² имя имяща.⁴³ Ко греческим царем велику любовь имуща,⁴⁴ и дары
 у них многи взимаша.⁴⁵ А по браце целомудрено живяста, смотряющии⁴⁶
 своего⁴⁷ спасениа.⁴⁸ В чистой совести, и крепости, и разума предержа
 земное царство и⁴⁹ к небесному приближаяся. Плоти угодие⁵⁰ не тво-
 ряще, соблюдающии⁵¹ тело свое по браце греху⁵² непричасна.⁵³ Госу-
 дарьский сан держа, а посту⁵⁴ и⁵⁵ молитве прилежаста; и⁵⁵ кресты на
 раме⁵⁶ своем носяща.⁵⁷ И честь и славу от всего мира примаста,
 а святыа⁵⁸ дни святого поста честно⁵⁹ храняста, а⁶⁰ по вся святыа⁶¹
 посты причащаста⁶² святых пречистых⁶³ бесмертных таин. И многи
 труды и победы по правой вере показаста. А с погаными половцы
 часто бьяшася⁶⁴ за святыа⁶⁵ церкви, и⁶⁶ православную веру. А отчину
 свою⁶⁷ от супостат велми без лености храняща. А⁶⁸ милостину⁶⁹ неос-
 скудно⁷⁰ даяше,⁷⁰ и ласкою своею многих от неверных⁷¹ царей, детей⁷²
 их и⁷³ братью⁷⁴ к себе⁷⁵ примаста,⁷⁶ и⁷⁷ на веру истинную⁷⁸ об-
 ращаста.

Благодарный⁷⁹ во святом крещении Козма сяде⁸⁰ на столе отца
 своего⁸¹ великаго⁸² князя Ингоря⁸³ Святославича. И обнови землю
 Резаньскую, и⁸⁴ церкви постави, и монастыри⁸⁵ согради, и пришельцы
 утеша,⁸⁶ и люди собра. И⁸⁷ бысть радость христианом,⁸⁸ их же⁸⁹ избави
 бог⁹⁰ рукою своею крепкою⁹¹ от безбожнаго зловернаго⁹² царя Батыя.⁹³
 А Кир Михайло Всеволодовича Пронского посади на отца его отчине.^{6 94}

^а В рук.: отвращесея.

^б В рук.: очине.

²⁹ добавлено: глагол не любяще [не любяще Р, не любяще А] и [нет РА] злоправ-
 ных ПРА. ³⁰отвращашеся ПРА. ³¹нет ПРА. ³¹⁻³³всегда со благими Р.
³²благими А. ³⁴беседоваше РА. ³⁵писаний ПРА. ³⁶всегда ПРА. ³⁷послушати рад А.
 Отсюда начинается пропуск в Р и А до слов „А милостини“. ³⁸страшными П.
³⁹ившася П. ⁴⁰востающе П. ⁴¹побежаше П. ⁴²славно П. ⁴³имяше П. ⁴⁴имяше П.
⁴⁵взимаше П. ⁴⁶смотряюще П. ⁴⁷свое П. ⁴⁸спасение П. ⁴⁹нет П. ⁵⁰угодия П.
⁵¹соблюдающе П. ⁵²нет П. ⁵³непричасно П. ⁵⁴по часту П. ⁵⁵нет П. ⁵⁶рамо П.
⁵⁷носяще П. ⁵⁸святыа П. ⁵⁹чисто П. ⁶⁰и П. ⁶¹святыа П. ⁶²причащаста П.
⁶³пречесных П. ⁶⁴бьяшася П. ⁶⁵святыа П. ⁶⁶и за П. ⁶⁷нет П. ⁶⁸отсюда вновь
 начинается текст Р и А. ⁶⁹милостини РА. ⁷⁰неоскудну ПА. ⁷⁰дающе ПРА.
⁷¹нескверных А. ⁷²и детей РА. ⁷²⁻⁷³нет А. ⁷⁴братья А. ⁷⁵себе А. ⁷⁶примаста Р.
⁷⁷нет ПРА. ⁷⁸⁻⁷⁹пропуск ПРА. ⁸⁰седе РА. ⁸¹своево А. ⁸²великого П. ⁸³Игоря П.
 Ингоря А. ⁸⁴нет ПРА. ⁸⁵монастыря П, монастыри А. ⁸⁶утешая А. ⁸⁷нет А.
⁸⁸крестыном Р. ⁸⁸⁻⁸⁹иже РА. ⁸⁹⁻⁹⁰Русскую землю РА. ⁹⁰⁻⁹¹нет А. ⁹²нет ПА.
⁹³⁻⁹⁴Князь великий Ингвар [Игорь Р, Ингорь А] Ингоревич [Игоревич Р] отпусти
 князя Михаила Всеволодича [Всеволодовича А] Пронского на отца его вотчину [отчину
 отца Р] и посади на [нет Р] отца [отческой А] его [своего Р, нет А] вотчине
 [в вотчине князем Р, очине князем А] ПРА. Дальше в Р и в А следует повесть
 „О убиении злочестиваго царя Батыя“, за которой помещен „Род поповский“
 [в Р на оборванном листе].

Род служителей по списку Погодинскому № 1570

Род служителей чудотворца Николы Зараскова

1. Поп, служил у Николы чудотворца Остафей, пришел ис Корсуня с чудотворным Николиным образом. 2. Сын его Остафей по отце своем служил. 3. Поп по Остафе служил сын его Прокофей. 4. Служил Прокофьев сын Никита. 5. Служил сын Никитин Василиск. 6. Служил сын Василисков Захарей Покид. 7. Служил сын Захарьев Феодосей. 8. Служил сын Феодосев Матвей. 9. Служил сын Матфеев Иван Вислоух. 10. Служил сын Иванов Петр. И всех лет служил не премеаяся 335 лет род их. Сии написа Еустафей второй Еустафьев сын Корсунскова. На память последнему роду своему.

Род служителей по списку Румянц. № 378

Род служителей чудотворца Николы Зарайсково

1. Поп Еустафей, что пришел ис Корсуни с чудотворным образом Николиным
2. Поп сын Еустафиев — Еустафей Рака, служил 3 поп слу
. 6. Поп сын Василисков
Захария Покид. 7. Поп служил сын Захарьев Феодосей. 8. Поп служил сын Феодосьев Матвей. 9. Поп служил сын Матфеев Иван Вислоух. 10. Поп служил сын Иванов Вислоух Петр. А всех лет служили те попы 335 лет, род их непременился. Сия бо написа правнук Еустафиев на память роду своему. Аминь.

Род служителей по списку БАН № 16. 15. 8

Род служителей святого чудотворца Николая Резанскаго

1. Иерей Еустафий, иже принесе образ ис Корсуни Николая в Резанския пределы.
2. Иерей, сын — Еустафий же, по отце служил. 3. Иерей, сын Еустафиев — Прокопий. 4. Иерей, сын Прокопиев — Никита. 5. Иерей, сын Прокопиев — Василиск. 6. Иерей, служил сын Василисков — Захария. 7. Иерей, служил сын Захариев — Феодосей. 8. Иерей, служил сын Феодосиев — Матфей. 9. Иерей служил по Матфее — сын его Иоанн. 10. Иерей, служил Иванов сын — Петр Вислоухов. А всех служили те иереи 335 лет род велся — Еустафиева роду единого, ис Корсуни пришедшими.

РЕДАКЦИЯ ОСНОВНАЯ Б. 1-й ВИД

Основной текст — список Публичн. библ. в Ленинграде, Погодинск. № 1594

Разночтения — 1. Список Гос. Исторического Музея, Уварова № 1876 У
2. „ Публичн. библ. в Ленинграде, Погод. № 1442 П

Приход¹ чудотворнаго Николина образа Зараского², иже бе из Корсуни града³ в пределы Резанские⁴ ко князю Феодору Юрьевичу Резанскому⁵ во фторое⁶ лето по Калском⁷ побоище.⁸

В лето 6733.⁹ При великом князе¹⁰ Георгии Всеволодича¹¹ Владимирскаго,¹² и при великом князе Ярославe Всеволодиче¹³ Наугородцком,¹⁴

¹Приход ис Корсуни П. ²⁻³како прииде П. ⁴Рязаньския П. ⁵Рязанскому П. ⁶ П. ⁷Кальском П. ⁸побоищи П. ⁹6730 третьяго У, *прибавл.*: году П. ¹⁰князи П. ¹¹Всеволодовиче У, Всеволодичи П. ¹²Владимирском УП. ¹³Всеволодовиче У, Всеволодичи П. ¹⁴Новгородском УП.

и сыне его Александре¹⁵ Невском, и пре¹⁶ Резанском¹⁷ великом князе¹⁸ Юрье¹⁹ Ингоревиче,²⁰ принесен бысть²¹ чудотворны Николин²² образ²³ Зараской²⁴ из²⁵ преименитого града Корсуня, в пределы Резанские,²⁶ во область князя Федора²⁷ Юрьевича Резанского. А стоял²⁸ чудотворный Николин²⁹ образ во граде Херсони³⁰ посреди³¹ града, где стоит церковь³² апостола³³ Иякова брата Богословя.³⁴ А у сего апостола Иякова крестися великий князь Владимир Святославич всеа Руси³⁵ самодержец. А полата была³⁶ красная³⁷ болшая³⁸ у³⁹ чудотворцова⁴⁰ храма сзади⁴¹ олтаря⁴² и⁴³ где⁴⁴ же цари⁴⁵ гречестии⁴⁶ веселяшася⁴⁷ Василей и Костянтин.⁴⁸ Си⁴⁹ бо цари даша сестру свою Анну царевну за великого князя Владимира Святославича Киевского и⁵⁰ прислаша⁵¹ ю⁵² во град Корсунь. Благоверная же царевна⁵³ Анна не сотщася⁵⁴ брака⁵⁵ со⁵⁶ Владимиром Святославичем⁵⁷ и умоли его быти христианина. Великий же князь Владимир Святославич⁵⁸ послуша⁶⁰ совета православнай⁶¹ царицы⁶² невесты своеа,⁶³ и призва епископа Анастасиа⁶⁴ Ерусалимского,⁶⁵ и веля⁶⁶ себе⁶⁷ просветити⁶⁸ святым крещением. И по божию строению⁶⁹ в се⁷⁰ время разболися⁷¹ Владимир очима, и не видяше ничтоже. Епископ же Анастасий⁷² с попы царицыны⁷³ крести⁷⁴ Владимира⁷⁵ и погрузиша⁷⁶ его во святей купели, и⁷⁷ абие прозре. И виде Владимир,⁷⁸ яко вскоре⁷⁹ изцеле, и прославиша⁸⁰ бога, рече:⁸¹ „Во истинну велий бог хрестьянский⁸² и чудна вера ся“. ⁸³ Не токмо очима⁸⁴ прозре, но и душевными очима прозре,⁸⁵ позна⁸⁶ Творца своего.⁸⁷ Тогда бысть радость велиа⁸⁸ во граде Корсуне⁸⁹ о крещении великого князя Владимира Святославича.

^a В лето 6722.⁹⁰ Явися⁹¹ святой великий чудотворец Николае⁹² Корсунский⁹³ и Зараский⁹⁴ в преименитом граде Херсони⁹⁵ служителю своему

^{a-a} пропуск в тексте, восстанавливается по П.

^a Над этой строкой находился киноарный заголовок из 12 (приблизительно) букв, обрезанный при переплетании.

¹⁵Олександре У. ¹⁸при УП. ¹⁷Рязанском П. ¹⁸князи П. ¹⁹Юрье П. ²⁰Игоревичи П. ²¹бысь У. ²¹⁻²²перестан.: Николин чудотворный П. ²³образ У. ²⁴Ский У, Зараский П. ²⁵ис У ²⁶Резанския УП. ²⁷Федора УП. ²⁸⁻²⁹ перестан.: Николин чудотворный П. ³⁰Корсуне У, Корсуни П. ³¹посреде П. ³²царстве У, церковь П. ³³апостала У, святого апостола П. ³⁴Богослова У. ³⁵Росии У, Русии П. ³⁶был У. ³⁶⁻³⁸перестан.: болшая красна П. ³⁷нет У. ³⁹и у У. ⁴⁰чудотворца У, чудотворцева П. ⁴¹созда У, созады П. ⁴²⁻⁴⁴иде П, ⁴³нет У. ⁴⁵царие П. ⁴⁶⁻⁴⁸перестан.: Василей и ованстин веселшася П, ⁴⁷веселяшася У. ⁴⁹С ними У. ⁵⁰а У. ⁵¹пришла У. ⁵²ею У. ⁵³княиня У. ⁵⁴сочтася У, сочотася П. ⁵⁵браку УП. ⁵⁶со князем У. ⁵⁷⁻⁵⁹пропуск, как и в основном списке — в У. ⁶⁰послушав П. ⁶¹православной УП. ⁶²царевны У, добавл.: и П. ⁶³своея УП. ⁶⁴Настасия У, Анастаса П. ⁶⁵Корсуньского УП. ⁶⁶повелз У. ⁶⁷себѣ УП. ⁶⁸прости У. ⁶⁹строю П. ⁷⁰то УП. ⁷¹разболесц УП. ⁷²Анастас П. ⁷³цари У. ⁷⁴крестиша П. ⁷⁵князя Владимира У. ⁷⁶погрузи У. ⁷⁷нет П. ⁷⁸князь Владимир У. ⁷⁸⁻⁷⁹нет П. ⁸⁰прослави УП. ⁸¹рек УП. ⁸²христианск П. ⁸³си П. ⁸⁴⁻⁸⁵нет У. ⁸⁶⁻⁸⁷перестан.: своего Творца П. ⁸⁸велика У, велия П. ⁸⁹Корсуни У. ⁹⁰6723) втораго У. ⁹¹⁻⁹²Николае чудотворец У. ⁹³⁻⁹⁴нет УП. ⁹⁵Корсуня У, Корсуни П.

⁹⁶Еустафью⁹⁷ именем⁹⁸ в⁹⁹ привидении. Рече¹⁰⁰ ему¹ великий святитель:² „Еустафье,³ возми образ мой чудотворный курсунский⁴, и супругу свою Феодосию, и сына своего Остафия⁵ и гряди в землю Резанскую. Тамо⁶ хощу⁷ быти, и чудеса творити, и место прославити“. Еустафей⁸ же убуждися⁹ от такова¹⁰ видения¹¹ и нача узапастися¹² и¹³ во¹⁴ вторую ночь¹⁵ чудотворец¹⁶ тако же ся¹⁷ ему яви.¹⁸ Еустафие¹⁹ же²⁰ в большой²¹ страх вниде, и начаша²² помышляти:²³ „О великий чудотворец Николае, како велишь²⁴ итти? Аз раб твой и²⁵ земли Резанские²⁶ не²⁷ слышах, ни на сердце²⁸ мое²⁹ не³⁰ взыде.³¹ Не вем³² бо—та³³ земля,³⁴ яко на восток, или на запад, или на юг, или на сивер³⁵—в³⁶ себе помышляяше. А³⁷ в³⁸ третью ночь чудотворец³⁹ явился Еустафью,⁴⁰ и утыкая в ребра, веля⁴¹ немедленно⁴² итти, яко на⁴³ восток, и поручаяся⁴⁴ его допроводити⁴⁵ до Резанские⁴⁶ земли. И⁴⁷ Еустафей⁴⁸ же нача⁴⁹ трепетен быти⁵⁰ от такового видения, и⁵¹ помышляше во⁵² сердцы своем, како⁵³ остати предивнаго⁵⁴ града Курсуня.⁵⁵ И⁵⁶ бысть во⁵⁷ скорби и во⁵⁸ унынии.⁵⁹ И мало поза-медли,⁶⁰ и абие нападе⁶¹ нань болезнь главная. И от толика⁶² болезни абие⁶³ ослепе, и нападоша⁶⁴ на очию его, яко чешуя. И⁶⁵ Еустафий⁶⁶ же⁶⁷ нача⁶⁸ по мале⁶⁹ ум свой собирати, и каятися⁷⁰—о них же содеях. И прилежно припаде к⁷² чудотворному⁷³ Николину образу Курсунскому и Зараскому,⁷⁴ и нача плакаться⁷⁵ и каятися, яже согреши,⁷⁶ и нача⁷⁷ велием⁷⁸ гласом⁷⁹ и рыданием⁸⁰ молити:⁸¹ „О великий чудотворче⁸² Николае, возвеличинный⁸³ от⁸⁴ господа на небесех и прославленный⁸⁵ на земли в чудесех! согреших пред тобою, владыко,—не послушах твоего повеления.⁸⁶ Прости мя грешнаго раба твоего. Буди воля твоя,⁸⁷ яко же изволи“. И абие прозре на чудотворный образ, и бысть глава его без болезни, а⁸⁸ очи его без мозоля,⁸⁹ яко же преж.⁹⁰ Еустафей⁹¹ же возрадовася, яко изцелен бысть, и нача молити всемилостиваго⁹² бога, и пречистую его

⁹⁶—⁹⁸перестан.: именем Еустафию У. ⁹⁷Евстафию. П. ⁹⁸нет П. ⁹⁹в соннем П. ¹⁰⁰И рече У.

¹—²нет У. ³Еустафие У, Евстафий П. ⁴нет У. ⁵Еустафию У, Евстафия П. ⁶Тамо бо П. ⁷хощу П. ⁸Евстафий П. ⁹убуждися У, убуждся П. ¹⁰такового УП. ¹¹видения УП. ¹²ужасатися У, ужасатися П. ¹³Тако же и П. ¹⁴въ У. ¹⁵—¹⁸перестан.: тако же чудотворец явись ему У. ¹⁶—¹⁷нет П. ¹⁸явился П. ¹⁹И Еустафий У, Евстафий П. ²⁰и У. ²¹большой У. ²²нача УП. ²³добавл.: глаголя П. ²⁴велиши У, ²⁵ни УП. ²⁶Резанския УП. ²⁷нет УП. ²⁸сердцы У. ²⁹моем У. ³⁰нет П. ³¹вниде У, вьнде та земля П. ³²—³⁴нет П. ³³тое У.³⁴земли У. ³⁵сивер УП. ³⁶и то. в У, сиде в П. ³⁷И У, Паки же и П. ³⁸нет У. ³⁹чудотворец Николае У, нет П. ⁴⁰Еустафию У, ему П. ⁴¹веляше У, и веля П. ⁴²немедляно У. ⁴³нет У. ⁴⁴поручает У. ⁴⁵допроводити У, доправити П. ⁴⁶Резанския УП. ⁴⁷нет УП. ⁴⁸Еустафий П. ⁴⁹нет П. ⁵⁰бысть П. ⁵¹и ту У. ⁵²в П. ⁵³такое У. ⁵⁴премудраго П. ⁵⁵Курсуня У. ⁵⁶нет У. ⁵⁷в УП. ⁵⁸в П. ⁵⁹унынии У, унынии П. ⁶⁰позамеда У. ⁶¹—⁶⁴пропуск У. ⁶²толика П. ⁶³нет П. ⁶⁴нападе П. ⁶⁵нет УП. ⁶⁶Еустафий У, Евстафий П. ⁶⁷—⁶⁹перестан.: по малу нача П. ⁶⁸—⁶⁹поле У. ⁷⁰каятися же У, раскаяся П. ⁷²и к У. ⁷³—⁷⁴образу Николину У, образу Николину Курсунскому П. ⁷⁵плакати П. ⁷⁶согреших У. ⁷⁷нет П. ⁷⁸великим П. ⁷⁹плачем У. ⁷⁹—⁸⁰нет П. ⁸¹молитись У, молитися П. ⁸³чудотворец УП, ⁸³возвеличинный П. ⁸⁴и от У. ⁸⁵прославлеши У. ⁸⁶повеления УП. ⁸⁷той У. ⁸⁸и У. ⁸⁹мозоли У, мозолия П. ⁹⁰и преж УП. ⁹¹Еустиаф У, Евстафий П. ⁹²милостиваго П.

матерь, и великого чюдотворца Николу Корсунскаго,⁹³ чюбы ему по⁹⁴ чюдотворцову изволению⁹⁵ получитьи желание свое⁹⁶ — дойти уреченного⁹⁷ места⁹⁸ Резанские⁹⁹ земли.¹⁰⁰ И мысляше итти на возток¹ вверх по Днепру. И² мысляше итти³ за Днепр к Резанской⁴ земле.⁵ И нещи^{а5} же⁷ знаеми⁸ сказаша⁹ Еустафью,¹⁰ яко¹¹ за Днепром¹² жилище поганых половец. Еустафей¹³ же уповая¹⁴ на всемилостиваго бога и¹⁵ пречистую его матерь и на¹⁶ великаго чюдотворца Николы¹⁷ Корсунскаго,¹⁸ и хотяй¹⁹ итти чрез землю поганых половец на восток к Резанской земле,²⁰ и мысляше,²¹ яко²² может его бог сохранить²³ и великий чюдотворец²⁴ Николае²⁵ от поганых половец.²⁶ И не збылся мысль его.²⁷ Великий²⁸ чюдотворец Николае²⁹ явися Еустафью:³⁰ „Не полезно ти есть чрез³¹ землю поганых половец итти.³² Подобает ти³³ итти во устье Днепровское,³⁴ итти³⁵ Понетским³⁶ морем в³⁷ море Варяжское итти³⁸ и³⁹ в Немецкия⁴⁰ области. Оттуду⁴¹ итти сухим путем до великаго Новагорода,⁴² итти⁴³ до Резанские⁴⁴ земли невозбранно“. Еустафей⁴⁵ же взем⁴⁶ чюдотворный образ Николин Корсунской,⁴⁷ и жену свою Феодосию, и сына своего Еустафия,⁴⁸ и единого от крылик⁴⁹ предстатель своих, и забы прменитаго⁵⁰ града⁵¹ Херсоня,^{а52} и отрекся всего своего имени,⁵³ и⁵⁴ поиде в путь, яко⁵⁵ чюдотворец⁵⁶ изволи, богу его⁵⁷ соблюдающе,⁵⁸ а чюдотворец ему путь правяще.⁵⁹ И доиде до⁶⁰ устья⁶¹ Днепрскаго⁶² Понетскаго⁶³ моря,⁶⁴ сеже⁶⁵ словет⁶⁶ море Руское,⁶⁷ и сяде в корабль и поиде Понетским^{б68} морем⁶⁹ в море Варяжское. И Варяжским⁷⁰ морем доиде⁷¹ до Немецкия⁷² области, и приде⁷³ во град нарицаемый⁷⁴ Кесь,⁷⁵ и пребысть ту мало⁷⁶ дней.⁷⁷ И поиде⁷⁸ путем сухим⁷⁹ чрез⁸⁰ Немецкия⁸¹ области. Чюдотворец⁸² Николае нача путем⁸³ великия⁸⁴ чюдеса творити, яко⁸⁵ немощно съчести⁸⁶ или писанию

^а В рук.: нещи.

^а В рук.: Хевророния.

^б В рук.: Днебрскаго.

^в В рук.: Понеским.

⁹³нет У. ⁹⁴по его У. ^{95—96}желание свое исполнити и П. ⁹⁷реченнаго У. ^{98—100} земли Резанския П. ⁹⁹Резанския У.

¹восток У. ^{2—3}нет УП. ⁴Рязаньской П. ⁵земли УП. ⁶нещи УП. ^{6—8}нет У. ⁷нет П. ⁸знаемии П. ⁹сказываша П. ¹⁰Еустафью У, Евстафью П. ^{11—12}зап-редно П. ¹³Евстафий П. ¹⁴упова П. ¹⁵и на П. ¹⁶нет П. ¹⁷Николу УП. ¹⁸нет У, ¹⁹хотя УП. ²⁰земли УП. ²¹мысляше УП. ^{22—23}перестан.: бог может сохранить его У. ²⁴чюдотворец УП. ²⁵Никола П. ^{26—27}нет П. ²⁸Великий же П. ²⁹Никола П. ³⁰ему и рече ему У, Евстафью и рече ему П. ³¹ити чрез УП. ³²нет УП. ³³тебе У. ³⁴Днеперское У, Днепрское П. ³⁵нет П. ³⁶Понетским У, Понтьским П. ³⁷да в У. ³⁸еже есть П. ³⁹и ити П. ³⁹нет УП. ⁴⁰Немецкия УП. ⁴¹Откуду У, И оттуду П. ⁴²Новаграда П. ⁴³и ити П. ⁴⁴Резанския У, Резанския П. ⁴⁵Евстафий П. ⁴⁶в борзе взем У. ⁴⁷нет У. Корсуньскаго П. ⁴⁸нет У, Евстафий П. ⁴⁹клирик УП. ⁵⁰преимянитый П. ⁵¹град П. ⁵²Корсуна У, Корсунь П. ⁵³имения УП. ⁵⁴нет П. ⁵⁵яко же У. ⁵⁶чюдотворец У. ⁵⁷нет П. ⁵⁸считающе У. ⁵⁹палаше У, правит П. ⁶⁰нет У. ⁶¹устья П. ⁶²Днепрского У, Днепрскаго П. ^{62—64}до моря Понтьскаго П. ⁶³Понетс У. ^{64—65}иже П. ^{66—67}Руское море. ⁶⁸Понтейским У, Понтьским П. ^{69—71}нет П. ⁷⁰Варяжским У. ⁷²Немецкия У, немецкия П. ⁷³приде УП. ⁷⁴на-рицаемый и У, нарицаемый П. ⁷⁵Кес П. ⁷⁶⁴ П. ⁷⁷дний П. ^{78—79}перестан.: сухим, путем П. ⁸⁰через У. ⁸¹Немецкия УП. ⁸²И чюдотворец У, чюдотворец ж П. ⁸³по пути П. ⁸⁴всякия У, великия П. ⁸⁵иже П. ⁸⁶исчести УП.

предати. И прииде в Великий Новгород,⁸⁷ и пребысть ту⁸⁸ многа⁸⁹ дни, чудесе⁹⁰ мнозе⁹¹ же от чудотворного образа⁹² болма умножишася. Жена же Еустафиева⁹³ Феодосия возлюби Великий⁹⁴ Новый град,⁹⁵ и не хотя⁹⁶ итти во след чудотворного образа,⁹⁷ устрелена⁹⁸ бранику вражию,¹⁰⁰ и скрися от мужа своего¹ на мало время.² И абие разслабився³ уды телеси⁴ ея, и быша⁵ яко мертва, и недвижима, и⁶ едино дыхание в персех ея⁸ бяше. И нещи^{а9} сказаша Еустафию, яко жена его при¹⁰ кончине¹¹ живота ея.¹² Еустафей же услыша,¹³ яко жена его при смерти,¹⁴ и припаде к чудотворному¹⁵ Николину¹⁶ образу,¹⁷ и нача молитися¹⁸ со слезами:¹⁹ „Великий²⁰ чудотворец Николае,²¹ прости рабу свою,²² яже тисогрешил²³ яко едина от безумных жен“. И в том часе изцелена бысть.²⁴ И²⁵ Еустафей²⁶ вскоре, взяв²⁷ чудотворный²⁸ образ, иде⁹ в путь свой,³⁰ хотя дойти³¹ желаемого. И паки³² многими деньми доиде до³³ Резанские³⁴ земли, и нача³⁵ в себе³⁶ помышляти:³⁷ „О великий чудотворец Николае, се земля Резанская,³⁸ камо хошу итти и покой обрести“. ³⁹ И⁴⁰ Еустафие⁴¹ согрешив⁴² в мысли своей, забы⁴³ прежнего⁴⁴ чудотворца⁴⁵ видения⁴⁶ и чудесех⁴⁷ его.⁴⁸ Великий же⁴⁹ чудотворец⁵⁰ Николае явися⁵¹ благоверному князю Федору⁵² Юрьевичу Иньгоревича⁵³ Резанскому, и⁴ поведа ему⁵⁵ приход изс⁵⁶ Корсуни⁵⁷ чудотворного своего образа, и рек:⁵⁸ „Княже,⁵⁹ гряди во⁶⁰ стретение⁶¹ чудотворного моего образа корсунскаго.⁶² Хошу бо зде^a быти, и чудеса творити, и место⁶⁴ прославити. Да умолю⁶⁵ о тебе⁶⁶ всемилостиваго бога и⁶⁷ человеколюбива⁶⁸ — да⁶⁹ подарует ти⁷⁰ венец царствия⁷¹ небеснаго, и жене твоей, и сынове⁷² твоему“. Благоверный же князь Федор⁷³ Юрьевич Резанский⁷⁴ возбну от сна своего,⁷⁵ и устрашися от таковаго видения, и⁷⁶ нача помышляти в тайнем храме сердца своего, яко страхом объят быв.⁷⁷ И не поведа⁷⁹ ни ко единому⁸¹

^a В рук.: нещи.

^a Слово зде вставлено на поле тем же почерком.

⁸⁷Новгород П. ⁸⁸в нем У. ⁸⁹мало У, многи П. ⁹⁰чудесем УП. ⁹¹нет УП. ⁹²образа Николина в Великом Новгороде У. ⁹³Евстафиева П. ⁹⁴нет У. ^{94—95}Новгород УП. ⁹⁶хоте П. ⁹⁷образа Николина У. ⁹⁸и устрелена бысь У, устрелена бо П. ¹⁰⁰вражию УП.

^{1—2}нет У. ³разслабе вся У, разслабешася вси П. ⁴телесныя У, телесе П. ⁵бысть П. ⁶нет У, токмо П. ⁸нет П. ⁹нещи же У, И нещи П. ¹⁰в У. ¹¹кончиде У. ^{12—13}есть. Слышав же Еустафий П. ¹⁴смерти есть П. ^{15—17}перестан.: образу Николину П. ¹⁶нет У. ¹⁸молитись У. ¹⁹добавл.: глаголя П. ^{20—21}перестан.: Никола чудотворец П. ²⁰„О великий У. ²²твою П. ²³согрешил У. ²⁴бысь жена его У. ²⁵нет УП. ²⁶Еустафий же П. ²⁷взем УП. ²⁸чудотворный Николин У. ²⁹из Великова града поиде У. ³⁰нет У. ³¹добавл.: места П. ³²паки У. ³³нет УП. ³⁴Резанския ПУ. ^{35—36}нет П. ³⁶себе У. ³⁷добавл.: глаголаше П. ³⁸Резанския У. ^{39—41}Се же П. ⁴⁰нет У. ⁴²согрешил УП. ⁴³и забы У. ⁴⁴прежняго УП. ⁴⁵чудотворца Николина У, чудотворца П. ⁴⁶видения У, гроба П. ⁴⁷чудес УП. ⁴⁸его не помянув П. ⁴⁹же УП. ⁵⁰чудотворец УП. ⁵¹явися во сне У. ⁵²Феодору, УП. ⁵³нет У, Игоревича П. ⁵⁴нет УП. ^{55—58}ис Корсуни приход своего образа чудотворного, глаголя П. ⁵⁶исо У. ⁵⁷Корсуни У. ⁵⁸и рече ему У. ⁵⁹Княже Феодоре У. ⁶⁰в П. ⁶¹стретение П. ⁶²нет У, ⁶³зде П. ⁶⁴место се У. ⁶⁵умолю У. ⁶⁶тебе УП. ⁶⁷нет П. ⁶⁸челоколюбиваго У. челоколюбива П. ⁶⁹да ти П. ⁷⁰тебе У, нет П. ⁷¹царствия УП. ⁷²сынови УП. ⁷³Феодор УП. ⁷⁴Резанской У, нет П. ⁷⁵нет УП. ^{76—77}нет У. ⁷⁷бысть П. ^{79—80}никому того У, никому же П.

страшного⁸¹ видения,⁸² и нача⁸³ помышляти:⁸⁴ „Великий⁸⁵ чудотворец Николае, како⁸⁶ умолиши милостиваго⁸⁷ и человеколюбиваго бога⁸⁸ — да⁸⁹ сподобит⁹⁰ мя венца⁹¹ царствия⁹² небесного,⁹³ и жене⁹⁴ моей,⁹⁵ и сынови⁹⁶ моему:⁹⁷ аз бо⁹⁸ ни брака⁹⁹ сотчтася,¹⁰⁰ ни¹ плода² чрева имех.“³ И вскоре⁴ поиде во⁵ стретение⁶ чудотворнаго образа. И увидя⁷ издалеца от чудотворнаго образа, яко⁸ свет⁹ свет неизреченный¹⁰ блистаяся. И припаде любезно¹¹ пред чудотворным образом¹² сокрушенным¹³ сердцем,¹⁴ испущая¹⁵ слезы, яко струа.¹⁶ И прия любезно чудотворный образ,¹⁷ и принесе во область свою. И вскоре¹⁸ посла¹⁹ весте²⁰ ко отцу своему князю²¹ Юрию Ингоревичю²³ Резанскому и веля²⁴ ему²⁵ поведати²⁶ приход из²⁷ Корсуня чудотворнаго²⁸ образа Николина. Великий²⁹ князь Юрь³⁰ Ингоревич³¹ слыша приход чудотворнаго образа Николина из³² Корсуня,³³ и возблагодарив³⁴ бога³⁵ и угодника его великаго³⁶ чудотворца³⁷ Николу, яко³⁸ посетив³⁹ люди своя,⁴⁰ и не забы дела⁴¹ руку свою. И поиде⁴² во область⁴³ вборзе⁴⁴ к сыну⁴⁵ своему⁴⁶ ко⁴⁷ князю⁴⁸ Федору⁴⁹ Юрьевичю Резанскому,⁵⁰ а з⁵¹ собою взя епископа Ефросина⁵² Святогорца. И прииде, видя⁵³ от чудотворца⁵⁴ великия⁵⁵ и преславные⁵⁶ чудеса, и радости наполнишась⁵⁷ о⁵⁸ преславных⁵⁹ чудех.⁶⁰ И вскоре⁶¹ создаша храм во имя чудотворца⁶² Николы Корсунскаго. И святы⁶³ я епископ, и торжествова⁶⁵ светло, и отиде в⁶⁶ свой град. И не по мнозих⁶⁷ же летех князь Федор⁶⁸ Юрьевич⁶⁹ сотчтася⁷⁰ браку и поя⁷¹ супругу⁷² от царска⁷³ рода⁷⁴ именем Еупраксию.⁷⁵ И⁷⁶ помале⁷⁸ и сына роди именем⁷⁹ Иоанна⁸⁰ Постника.⁸¹ д Богу нашему слава.⁸²

^a В рук.: повеле.

^b В рук.: велича.

^b В рук.: своя^x.

^г В рук.: и.

д—д Вставка киноварию.

⁸¹страшнаго сего П. ⁸²видения УП. ^{82—83}нет УП. ⁸⁴помышлять в тайине сердца своего У, помышляя в себе, глаголя П. ⁸⁵О великий УП. ⁸⁶яко П. ^{87—88}бога и человеколюбива У, бога и человеколюбца П. ⁸⁹нет У. ⁹⁰сподобить У. ⁹¹нет У ⁹²царствию У, царствия П. ⁹³небесному У. ⁹⁴жену П. ⁹⁵мою П. ⁹⁶сын П. ⁹⁷мой П. ⁹⁸добавл.: днесь П. ⁹⁹браку П. ¹⁰⁰счетахся П.

¹ни же П. ²плод П. ³име П. ⁴скоро П. ⁵в П. ⁶стретение П. ⁷видя У, узре П. ⁸нет УП. ⁹свете У. ¹⁰неизреченен У. ¹¹любезне П. ¹²Николиным образом У. ¹³в сокрушении П. ¹⁴сердца П. ¹⁵испущая УП. ¹⁶струа УП. ¹⁷Николин образ У. ¹⁸скоро П. ¹⁹посла УП. ²⁰весть УП. ²¹великому князю У. ²³Игоревичю П. ²⁴веля У, нет П. ²⁵нет П. ²⁶поведа ему П. ²⁷ис УП. ²⁸великаго чудотворнаго У. ²⁹Великий же УП. ³⁰Юрья У. ³¹Игоревичь П. ³²ис УП. ³³Корсуни П. ³⁴возблагодари П. ³⁵всещедраго бога У. ³⁶нет П. ³⁷чудотворца УП. ^{38—40}пасеть нас бог. благо людей своих У. ³⁹посети бог П. ⁴¹дел П. ⁴²поиде вскоре У. ^{42—43}нет П. ⁴⁴нет У. ⁴⁵сынови П. ^{46—48}нет У. ⁴⁷нет П. ⁴⁹Феодору УП. ⁵⁰к Резани П. ⁵¹с УП. ⁵²Ефросима У. ⁵³виде П. ⁵⁴чудотворцева образа У. ⁵⁵великия У, великая П. ⁵⁶пресветлыя У, преславная П. ⁵⁷наполнишася УП. ⁵⁸от У. ⁵⁹пресветлых П. ⁶⁰чудес У, чудесех П. ⁶¹скоро П. ⁶²святого великаго чудотворца У. ⁶³освяти П. ⁶⁴У, нет П. ⁶⁵торжествова У, торжествоваше П. ⁶⁶во УП. ⁶⁷мнозех УП. ⁶⁸Феодор УП. ⁶⁹Юрьевичь Резанской У. ⁷⁰сочтася У, сочтася П. ⁷¹поят си П. ⁷²нет П. ⁷³царскаго У. ⁷⁴роду УП. ⁷⁵Еупраксею У, Еупракся П. ⁷⁶нет П. ⁷⁸по матех У, помале же П. ⁷⁹нет П. ⁸⁰Ивана У, Иоанна глаголаемаго П. ⁸¹Посника УП. ^{81—82}нет УП.

Лета⁸³ 6745⁸⁴-го году.⁸⁵ Убиен бысть благоверный князь Федор⁸⁶ Юрьевич Резанской от безбожнаго царя Батыа⁸⁷ на реце⁸⁸ на⁸⁹ Вороняже.⁹⁰ И⁹¹ услыша благоверная княгини⁹² Еупраксеа⁹³ царевна о⁹⁴ убиенье⁹⁵ своего господина⁹⁶ князя Федора⁹⁷ Юрьевича Резанского,⁹⁸ и абие ринуся⁹⁹ из¹⁰⁰ превысокаго храма своего и¹ со² князем Иваном³ на среду⁴ земли,⁵ и заразися⁶ до смерти⁷ и с сыном князем Иваном.⁸ И принесоша тело блаженнаго князя Федора⁹ Юрьевича во область¹⁰ к великому чудотворцу Николе Корсунскому, и положиша его, и¹¹ его благоверную¹² княгиню¹³ Еупраксию,¹⁴ и сына их князя Ивана Федоровича¹⁵ во едином месте, и поставиша над ними три кресты каменныи.¹⁶ И от сея^а вины зовется¹⁷ великий чудотворец¹⁸ Николае¹⁹ Зараски,²⁰ яко благоверная княгини²¹ Еупраксия²² и с сыном²³ со князем Иваном²⁴ сама себя²⁵ заразиша.²⁶

В лето 6745²⁷ во второе на десять лето²⁸ по^б принесении²⁹ из Корсуня³⁰ чудотворнаго³¹ Николина образа,³² попущающу богу³³ за грехи наша иногда глад бысть великий,³⁴ а³⁵ иногда трус и градове³⁶ велицци,³⁷ и³⁸ овогда³⁹ пожар,⁴⁰ и нашествие⁴¹ поганых⁴² и межуособна⁴³ брань⁴⁴ за наше⁴⁵ прегрешение.⁴⁶ Прииде⁴⁷ безбожный царь⁴⁸ Батый на Рускую землю со множеством вой татарскими,⁴⁹ и ста на реке⁵⁰ на⁵¹ Вороняже.⁵² И посла на Резань⁵³ к великому князю⁵⁴ Иньгоревичю⁵⁵ Резанскому послы безделны,⁵⁶ просяще десятины⁵⁷ во всех⁵⁸ во⁵⁹ князех, и в людех, и в конех. И⁶⁰ услыша великий князь Юрьи⁶¹ Иньгоревич⁶² приход безбожнаго царя Батыа,⁶³ и вскоре посла — по братью⁶⁴ свою — по князя Олга⁶⁵ Иньгоревича⁶⁶ Краснаго, и по князя⁶⁸ Давида Ингоревича⁶⁹ Муромскаго, и по сына своего по⁷⁰ князя Федора⁷¹ Юрьевича,⁷² и по Пронскаго⁷³ князя⁷⁴ Все-

^а В рук.: сея.

^б В рук. нет.

⁸³В лето У, В лета П. ⁸⁴⁻⁸⁵нет УП. ⁸⁶Федор П ⁸⁷Батыа УП. ⁸⁸река У. ⁸⁹нет П. ⁹⁰Вороняже У, Вороняжи П. ⁹¹нет П. ⁹²княгиня У, княгиня П. ⁹³Упроксея У, Еупраксия П. ⁹⁴нет УП. ⁹⁵убиение УП. ⁹⁶⁻⁹⁸государя своего благовернаго У. ⁹⁷Федора УП. ⁹⁸нет П. ⁹⁹ринувся П. ¹⁰⁰ис У.

¹и с сыном своим УП. ²нет П. ³Иваном прозвищем Посник У, Иваном Посником П. ³⁻⁴низу на П. ⁵землю П. ⁶заразися У, заразишася П. ⁷⁻⁸нет УП. ⁹Федора УП. ¹⁰область его УП. ¹¹⁻¹²с ним благоверную его П. ¹³княгиню У. ¹⁴Еупраксею УП. ¹⁵Федоровича Посника П. ¹⁶каменныи П. ¹⁷да зовется У. ¹⁸чудотворец П. ¹⁹Никола П. ²⁰Зараский У, Заразьский П. ²¹княиня У. ²²Еупраксея У, нет П. ²³сыном своим УП. ²³⁻²⁴нет П. ²⁴Иваном Посником У. ²⁵себя У, себе П. ²⁶заразила У, зарази П. ²⁷⁻²⁸12 лето П. ²⁸лета У. ²⁹принесению У, превесени П. ²⁹⁻³⁰нет У. ³¹⁻³²перестан.: образа Николина П. ³²образа ис Корсуня У. ³²⁻³³перестан.: и богу попущающу У. ³⁴велик П. ³⁵нет П. ³⁶град У, градове с небеси П. ³⁷великий У. ³⁸нет П. ³⁷⁻³⁹а иногда У. ³⁹овогда же П. ⁴⁰пожары П. ⁴¹нашествия П. ⁴²иноплемennyх У. ⁴³междоусобныя У, межуособныя П. ⁴⁴брани УП. ⁴⁵наша П. ⁴⁶прегрешения П. ⁴⁷⁻⁴⁸царь безбожный П. ⁴⁹татарскими У. ⁵⁰реце П. ⁵¹нет П. ⁵²Вороняжи УП. ⁵³Рязань П. ⁵⁴Юрьи П. ⁵⁵Игоревичю П. ⁵⁶безделныя У, тяжки речи носящи П. ⁵⁷десятины у него У. ⁵⁷⁻⁵⁸всем П. ⁵⁹в УП. ⁶⁰И яко П. ⁶¹Юрья У, Юрьи П. ⁶²Иньгаревич У, Игоревич П. ⁶³Батыа УП. ⁶⁴братию УП. ⁶⁵Ольга У. ⁶⁶Игоревича П. ⁶⁷⁻⁶⁸нет У. ⁶⁹Юрьевича П. ⁷⁰нет П. ⁷¹Федора УП. ⁷²Юрьевича Резанскаго У. ⁷³Пронскаго У. ⁷⁴по князя У.

волода,⁷⁵ и по прочии⁷⁶ князи местныя,⁷⁷ и бояре и^а ⁷⁸ воеводы.⁷⁹ И начаша⁸⁰ совещавати,⁸¹ яко нечестива^а ⁸² подобает⁸³ утоляти дары.⁸⁴ Посла⁸⁵ сына своего князя Федора⁸⁶ Юрьевича⁸⁷ и иных князей к безбожному царю Батыю з⁸⁸ дары⁸⁹ и молением^б ⁹⁰ великими,⁹¹ чтобы не воевал Резанские⁹² земли.⁹³ Князь⁹⁴ Федор⁹⁵ Юрьевич вскоре⁹⁶ прииде ко царю Батыю и моли его утоляя дары, чтобы не воевал⁹⁷ Резанские земли.⁹⁸ Безбожный же царь Батый, льстив¹⁰⁰ бо есть¹ и немилосерд,² приа³ дары лестию⁴ и⁵ охабися⁶ воевати⁷ Резанские⁸ земли.⁹ И¹⁰ начаша¹¹ князей резанских¹² потехою¹³ тешити,¹⁴ и начаша¹⁵ у них 'просити¹⁶ сестры или¹⁷ тщери¹⁸ на ложе на блуд. И некий от велмож резанских, научен бесом, и сказа безбожному царю Батыю, яко благоверный¹⁹ князь Федор²⁰ Юрьевич Резанский²¹ имеет²² у себя²³ княгиню²⁴ от царска²⁵ рода,²⁶ а²⁷ телом²⁸ и лепотою²⁹ красна бе зело.³⁰ Безбожный³¹ царь Батый лукав³² бо³³ есть³⁴ и немилостив в неверии своем,³⁵ пореваем³⁶ в похоти³⁷ плоти своеа,³⁸ и рече князю Федору³⁹ Юрьевичю: „Дажь ми, князь,⁴¹ видети жены своеа⁴² красоты“. Благоверный же князь Федор⁴³ Юрьевич⁴⁴ посмеяся и рече царю: „Не полезна⁴⁵ бо⁴⁶ есть нам крестьяном⁴⁷ тебе нечестивому царю и безбожну¹⁸ водити жены своя на блуд. Аще нас преодолешь,¹⁹ то и женами нашими владети начнеши“. Безбожный же⁵⁰ царь Батый⁵¹ возярися зело и горчися,⁵² и повеле вскоре убити благовернаго князя Федора⁵³ Юрьевича, а тело его повеле⁵⁴ повреци⁵⁵ зверемо⁵⁶ и птицам на растерзание,⁵⁷ и иных князей нарочитых⁵⁸ побил.

И един от пестун князя Феодора Юрьевича именем Аполоница,⁵⁹ зря на блаженное⁶⁰ тело честнаго⁶¹ своего государя горко плачущися,⁶²

^а В рук.: и и.

^а В рук.: нетчива.

^б В рук.: моленены.

^в В рук.: совоем.

⁷⁵Волода П. ⁷⁶прочая У, прочия П. ⁷⁷месныя У, местныя П. ⁷⁸и по бояре П. ⁷⁹бояре и воеводы У. ⁸⁰нача У. ⁸¹сочаваати П. ⁸²нечестиваго УП. ⁸³⁻⁸⁴перестан.: дарми утоляти П. ⁸⁵И посла УП. ⁸⁶Феодора УП. ⁸⁷Юрьевича У. ⁸⁸со многим з У. ⁸⁹добавл.: великими П. ⁹⁰молением У, моления П. ⁹¹великим У, нет П. ⁹²Резанския У, Резаньския П. ⁹³⁻⁹⁰пропущено У. ⁹⁴Князь же П. ⁹⁵Феодор П. ⁹⁶вскоре П. ⁹⁷⁻⁹⁸перестан.: земли Резаньския П. ¹⁰⁰⁻¹нет П.

²немилостив У, немилосердый П. ³прия УП. ⁴⁻⁶не У. ⁵нет П. ⁶охабися П. ⁷⁻⁹перестан.: земли Рязаньския П. ⁸Резаньския У. ¹⁰⁻¹²нет У. ¹¹нача П. ¹²рязаньских П. ¹³потехам У, потехами П. ¹⁴тешити их У. ¹⁵нача У, начат П. ¹⁶прошати П. ¹⁷и У. ¹⁸дщери УП. ¹⁹нет П. ²⁰Феодор УП. ²¹Резанской УП. ²²яме П. ²³себя У, себе П. ²⁴княгню У. ²⁵царьского У. ²⁶роду У. ²⁷нет П. ²⁸⁻²⁹лепа и П. ²⁹⁻³⁰перестан.: бе зело красна У. ³¹Безбожный же УП. ³²⁻³⁴бысть У. ³³нет П. ³⁵своем У. ³⁶⁻³⁷похотию П. ³⁹своея УП. ³⁹Феодору УП. ⁴⁰⁻⁴¹Княже Феодоре, дай же ми У. ⁴¹княже П. ⁴²своея УП. ⁴³Феодор УП. ⁴⁴добавл.: Резанской У. ⁴⁵полезна У. ⁴⁶нет У. ⁴⁷крестьяном У, христианом П. ⁴⁸безбожному У. ⁴⁹преодолеши УП. ⁵⁰нет У. ⁵¹Ботый У. ⁵²горчися УП. ⁵³Феодора УП. ⁵⁴нет П. ⁵⁵поверже П. ⁵⁶зверем УП. ⁵⁷ростерзание У, снеденье П. ⁵⁸нарочетых У. ⁵⁹Опаница У. ⁶⁰блаженнаго П. ⁶⁰⁻⁶¹честное тело У. ⁶¹нет П. ⁶²плачущая У

и видя⁶³ его никим⁶⁴ брегома,⁶⁵ и взя тело возлюбленного⁶⁶ своего государя, и тайно сохрани его на мало время. И ускори к⁶⁷ благоверной⁶⁸ княгине⁶⁹ Еупраксии,⁷⁰ сказа⁷¹ ей, яко нечестивый царь Батый убил блаженного⁷² князя Федора⁷³ Юрьевича.

Блаженная же⁷⁴ благоверная княгини⁷⁵ Еупраксеа⁷⁶ царевна, стоя в превысоцем⁷⁷ храме своем⁷⁸ и держа любезное⁷⁹ чадо свое⁸⁰ князя Ивана Федоровича⁸¹ Постника,⁸² услыша таковы⁸³ смертноносныа⁸⁴ глаголы и горести исполнены;⁸⁵ и абие ринувся⁸⁶ с⁸⁷ превысокаго храма своего⁸⁸ на среду⁸⁹ земли⁹⁰ и з сыном своим⁹¹ со князем Иваном,⁹² и заразися⁹³ до смерти. И услыша⁹⁴ князь великий Юрь⁹⁵ Ингоревич⁹⁶ убиение возлюбленного⁹⁷ сына своего⁹⁸ князя Федора⁹⁹ Юрьевича, и иных князей нарочитых и людей много¹⁰⁰ побил¹ безбожный царь² Батый, и³ нача велми плакаться, и с великою княгинею, и⁴ з братьею.⁵ И плакашася⁶ весь град резански⁷ на мног час дни.⁸ И едва⁹ отдохнуша¹⁰ от великого плача и рыдания,¹¹ и посла¹² вскоре¹³ во град Владимир¹⁴ к великому князю¹⁵ Юрию¹⁶ ко¹⁷ Всеволодичю¹⁸ Владимирскому,¹⁹ прося помощи у него на безбожного²⁰ царя Батыя,²¹ или бы сам пошел.²² А сам²³ князь велики²⁴ з²⁵ братьею²⁶ вборзе²⁷ начаша совокупляти²⁸ войско свое и²⁹ укрепляти. Князь³⁰ великий Юрь³¹ Всеволодич³² Владимирской³³ сам не идяше, не³⁴ послуша³⁵ совета резанского,³⁶ хотя³⁷ сотворити³⁸ о себе³⁹ брань з Батыем.⁴⁰ Но противу гневу божию хто⁴¹ постоит,⁴ страха⁴³ и трепету⁴⁴ сия⁴⁵ вся наиде⁴⁶ грех ради наших. Князь⁴⁷ велики Юрь⁴⁸ Ингоревич⁴⁹ Резанской⁵⁰ з братьею,⁵² услыша, яко несть ему помощи ото⁵³ князя Юрья Всеволодича⁵⁴ Владимирскаго, и возде⁵⁵ руцы⁵⁶

^a В рук.: смертноносных.

^b В рук.: вборе.

^в В рук.: князя.

⁶³виде П. ⁶⁴никем У. ⁶⁵не брегома У. ⁶⁶возлюбленного У, любимаго П. ⁶⁷ко УП. ⁶⁸нет У, княгини П. ⁶⁹княгине У. ⁷⁰Еупраксеи и УП. ⁷¹поведа П. ⁷²блаженного УП. ⁷³Федора УП. ⁷⁴же и УП. ⁷⁵княгиня У. ⁷⁶Еупроксея У, Еупраксея П. ⁷⁷превысоком У, превысоде П. ⁷⁸нет У. ⁷⁹⁻⁸⁰перестан.: свое чадо П. ⁸¹Федоровича У. ⁸²Посника и УП. ⁸³таковыя УП. ⁸⁴смертныя У, смертносныя П. ⁸⁵исполнены УП. ⁸⁶ринуса УП. ⁸⁷ис У. ⁸⁸⁻⁸⁹долу на П. ⁹⁰землю П. ⁹⁰⁻⁹¹нет У. ⁹²Иваномъ Федоровичемъ У. ⁹³зарозися У. ⁹⁴слыша П. ⁹⁵Юрья У. ⁹⁶Игоревичъ П. ⁹⁷⁻⁹⁸перестан.: своего сына П. ⁹⁹Федора УП. ¹⁰⁰многих У.

¹⁻²нет П. ³нет У. ⁴нет У. ⁵братиею П. ⁶плакася У, плакашеса П. ⁷резанский У, резаньский П. ⁸нет УП. ⁹егда П. ¹⁰одохнувша У. ¹¹рыдания УП. ¹²посла великий князь Юрья Ингоревичъ У. ¹³нет У. ¹⁴в Володимер У. ¹⁵нет У. ¹⁶Юрь У. ¹⁷нет УП. ¹⁸Всеволодовичю У. ¹⁹Владимрьскому У. ²⁰безбожнаго и злоначестиваго У. ²¹Батыя УП. ²²пошел П. ²³⁻²⁴великий князь Юрья У. ²⁵из П. ²⁶братнею П. ²⁷вборзе У. ²⁸совокуплятися и У. ²⁹нет У. ³⁰А князь УП. ³¹Юрья У, Юрь П. ³²Всеволодовичъ У. ³³Владимрьский П. ³³⁻³⁵нет П. ³⁴не присла и не У. ³⁷но хотя особе У. ³⁶⁻⁴⁰не хотя о себе брань сотворити и з братиями П. ³⁸⁻³⁹нет У. ⁴¹кто П. ⁴²стоит П. ⁴³от страха У. ⁴⁴трепета УП. ⁴⁵и сия У, сия П. ⁴⁶илице (!) У. ⁴⁷Князь же УП. ⁴⁸Юрья У, Юрь П. ⁴⁹Игоревичъ П. ⁵⁰Резаньский П. ⁵⁰доб. и У. ⁵²братиею П. ⁵³от УП. ⁵⁴Всеволодовича У. ⁵⁵воздев УП. ⁵⁶руце (вписано сверху) У, руце П.

на небо со слезами и рече: „Изми⁵⁷ нас от враг наших, боже. И от востающих⁵⁸ на ны⁵⁹ избави нас, и покры нас от сонма⁶⁰ лукавнующих⁶¹ на ны,⁶² избави⁶³ нас⁶⁴ от творящих беззакониа.⁶⁵ Буди путь их тма и ползок, не попусти, господи, сему акоюному⁶⁶ владети Рускою землею, и нам,⁶⁷ рабом твоим, не дай⁶⁸ в воле⁶⁹ его быти“.⁷⁰ ⁷¹Князь великий Юрьи⁷² рече⁷³ братии⁷⁴ своей и всем сродником: „О господня⁷⁵ моя братья,⁷⁶ аще⁷⁷ от руки господня⁷⁸ благая⁷⁹ прияхом,⁸⁰ то злая ли не стерпим? Лутши⁸¹ нам смертью⁸² живота себе⁸³ купити, за святыя⁸⁴ божиа⁸⁵ церкви и за веру крестьянскую⁸⁶ смерти⁸⁷ вкусити, а неже⁸⁸ в⁸⁹ сего окаянного⁹⁰ и безбожнаго царя⁹¹ воли⁹² быти. Изопнем⁹³ чашу смертную за веру крестьянскую⁹⁴ и за отчину отца нашего⁹⁵ великого князя⁹⁶ Игоря⁹⁷ Святославича“. И поидоша в соборную и апостольскую⁹⁸ церьков⁹⁹ и плакашеся¹⁰⁰ пред¹ образом милостива² вседержителя³ и⁴ пречистой⁵ его матери⁶ Одигитрие,⁷ юже⁸ принесе епископ Ефросин⁹ иза¹⁰ Святыа горы,¹¹ а¹¹ и моля великого чудотворца Николу и сродник своих Бориса и Глеба, и прощаяся¹² у гроба отца своего¹³ великого князя¹⁴ Игоря¹⁵ Святославича. И¹⁶ дая последнее целование великии¹⁷ княгини¹⁸ и прочим княгиням сродник¹⁹ своих,²⁰ и прием²¹ благословение²² от епископа и приимо²³ прощение от²⁴ всего мира. И поидоша противу²⁵ нечестиваго царя Батыа,²⁶ и сретоша его близ²⁷ придел²⁸ резанских. И нападоша нань, и начаша²⁹ битися крепко, и бысть³⁰ сеча зла и ужастна³¹ Много³² бо бьяшася³³ на мно³⁴ час, и многиа³⁵ сильные³⁶ полки³⁷ Батыевы падоша. Царь³⁸ Батый, видя,³⁹ что⁴⁰ господство⁴¹ резанское крепко и мужественно бьяшася,⁴² и возбоися велми. Противу⁴³ гневу божию⁴⁴ кто⁴⁵ постоит. Батыеве бо силе велице и тяжце,⁴⁶ един бьяшеся⁴⁷

^a В рук.: гороры.

⁵⁷Изми УП. ⁵⁸⁻⁵⁹нас У. ⁶⁰сонма У. ⁶¹⁻⁶²нет П. ⁶³и сохрани П. ⁶⁴нет У. ⁶⁵беззаконие УП. ⁶⁶окоюнному У, окаянному П. ⁶⁷нет П. ⁶⁸даждь П. ⁶⁹воли У. ⁷⁰быть У. ⁷¹⁻⁷²И по сем П. ⁷²⁻⁷³И рече князь великий Юрья Иньгоревич У. ⁷⁴брати У. ⁷⁵господи П. ⁷⁶братия УП. ⁷⁷⁻⁷⁹перестан.: благая от руки господни П. ⁷⁸⁻⁸⁰перестан.: прияхом благая У. ⁸¹Лутчи П. ⁸²смертию УП. ⁸³нет УП. ⁸⁴святыя УП. ⁸⁵нет У. ⁸⁶божиа П. ⁸⁶христианьскую УП. ⁸⁶⁻⁹⁴пропуск П. ⁸⁷смерть У. ⁸⁸нежили У. ⁸⁹У. ⁹⁰окаяннаго У. ⁹¹царя Батыа У. ⁹²воли У. ⁹³Испнем У. ⁹⁴христианьскую У. ⁹⁵⁻⁹⁶нат У. ⁹⁷Иньгоря У. ⁹⁸апостольскую УП. ⁹⁹церковь УП. ¹⁰⁰плакося У. плакася П.

¹предо П. ²нет У, всемилостиваго П. ³вседержителя бога У, Спаса П. ⁴и пред П. ⁵пречистою П. ⁶материю П. ⁷Одегитреи У, Одигитрия П. ⁸его же У, иже П. ⁹Ефросим У. ¹⁰из У, от П. ¹¹горы УП. ¹²просящаяся У. ¹³⁻¹⁴нет У. ¹⁵Иньгоря У. ¹⁶нет У. ¹⁷и великой У, великой П. ¹⁸княгине У. ¹⁹сродником У. ²⁰своим У. ²¹и прием У. ²¹⁻²²от епископа Анастасия благословение и У. ²²благословение П. ²³нет П. ²⁴и от У. ²⁵против П. ²⁶Батыа У. ²⁷у У. ²⁸предел УП. ²⁹нача У. ³⁰бысь У. ³¹нет У, мужаста П. ³²⁻³³побияшеся У, бьяшеся П. ³⁴долг У. ³⁵многиа У, многие П. ³⁶сильныа У. ³⁷полкы У. ³⁸Царь же П. ³⁹виде П. ⁴⁰яко П. ⁴господие У, государство П. ⁴²бьяшеся УП. ⁴³Да противу УП. ⁴³⁻⁴⁴перестан. божию гневу У. ⁴⁵кто У. ⁴⁶тяжце У. ⁴⁷биеца У, бьяшес П.

с тысящами,⁴⁸ а два со тмами.⁴⁹ И видя⁵⁰ князь великий Юрьи⁵¹ Игоревич⁵² убиенна⁵³ брата своего князя⁵⁴ Давида Игоревича⁵⁵ и⁵⁶ инех⁵⁷ князей и⁵⁸ сродник⁵⁹ своих,⁶⁰ и воскрича⁶¹ в горести душа⁶² своея:⁶³ „Братия⁶⁴ моя милая, и дружина ласкова,⁶⁵ узорочье⁶⁶ и воспитание⁶⁷ резанское,⁶⁸ мужайтесь и⁶⁸ крепитесь; брат⁶⁹ наш⁷⁰ Давид прежде⁷¹ нас чашу испил и⁷² мы ли ее⁷³ не пьем.“⁷⁴ Удолцы⁷⁵ же и резвцы⁷⁶ резанския⁷⁷ тако бьяшеся⁷⁸ крепко и нещадно, яко и земли⁷⁹ постонати.⁸⁰ Батьевы полки⁸¹ сильные⁸² вси сметошася.⁸³ Князь⁸⁴ великий Егоргий⁸⁵ Ингоревич⁸⁶ з братьею⁸⁷ тако⁸⁸ мужественно и крепко бьяшеся,⁸⁹ многие⁹⁰ полки⁹¹ сильныя⁹² проезжая⁹³ храбро бьяшеся,⁹⁴ яко всем⁹⁵ полком татарским⁹⁶ подивитися⁹⁷ крепости и мужеству⁹⁸ резанскому господству.⁹⁹ И едва одолеша их¹⁰⁰ сильные¹ полки² татарския.³ И ту убен бысть благоверный⁴ князь великий⁵ Георгий⁶ Игоревич,⁷ и брат его князь Давид Игоревич, и брат ево⁸ князь Глеб Игоревич,⁹ и Всеволод Пронской,¹⁰ и многия¹¹ князи местные¹² и воеводы крепкия,¹³ и удольцы,¹⁴ и резвцы,¹⁵ и узорочье,¹⁶ и¹⁷ воспитание резанское. Вси равно умроша и едину чашу смертную пиша.¹⁸ Ни¹⁹ един от них возвратися²¹ вспять: вси вкупе мертвии²¹ лежаша.²² Сея²³ бо²⁴ наведе бог³⁵ грех²⁶ наших ради.²⁷ И²⁸ Олга Ингоревича²⁹ яша еле³⁰ жива. Царь³¹ Баты³², веде³³ Олга велми³⁴ красна и храбра,³⁵ и хотя его изврачевати от великих ран и на свою прелесть возвратити. Князь³⁶ Олег Игоревич³⁷ укори царя и нарече его⁶ безбожна³⁸ и³⁹ врага крестьянска.⁴⁰ Окаянный же Батый дохну⁴¹ огнем от мерскаго сердца своего и повеле Олга ножи⁴² на части разлабити.⁴³ Сий⁴⁴ бо есть мученик Христов, приа⁴⁵ венец своего изповедания⁴⁶ и мучения⁴⁷ со⁴⁸ сродником⁴⁹

^a В рук.: резанског.

^b В рук.: наречего.

^b В рук.: безбожно и безбожн.

⁴⁸тысящею У. ¹⁰⁰-ю П. ⁴⁹тмою У. ⁵⁰виде П. ⁵¹Юрья У. ⁵²Ингоревичъ У. ⁵³убиение У. ⁵⁴нет У. ⁵⁵Ингоревича У. ⁵⁶нет У. ⁵⁷иных У. ⁵⁸нет УП. ⁵⁹сродников У. ⁶⁰нет У. ⁶¹въскрича У. ⁶²души УП. ⁶³свои У. ⁶⁴Братия УП. ⁶⁵ласковая УП. ⁶⁶узорочие П. ⁶⁶⁻⁶⁷нет П. ⁶⁸и да У. ⁶⁹брати У. ⁷⁰неразб. У. ⁷¹наперед У. преди П. ⁷²нет У, то П. ⁷³чаши У, ея П. ⁷⁴нием УП. ⁷⁵Удалцы П. ⁷⁶и резвцы П. ⁷⁷нет П. ⁷⁸бьющеся П. ⁷⁹земля У. ⁸⁰⁻⁸²Батьевы же сильные полки П. ⁸¹полки У. ⁸²сильны У. ⁸³смятошася УП. ⁸⁴Князь же У, А князь П. ⁸⁵Юрья У. Юри П. ⁸⁶Игоревичъ П. ⁸⁷братьею П. ⁸⁸гако же У, нет П. ⁸⁹бьяшеся УП. ⁹⁰многия У, нет П. ⁹¹полки У. ⁹²сильныя У, сильны П. ⁹³проезжая У. ⁹⁴бьяшеся У, же бьяшеся П. ⁹⁵всем П. ⁹⁶татарским У. ⁹⁷побитися У, удивитися П. ⁹⁸⁻⁹⁹государства резанского П. ¹⁰⁰нет П.

¹сильныя У. ²полки У. ³татарския У, татарские П. ⁴⁻⁵и великий князь У. ⁵нет П. ⁶Юрья У, Юрьи П. ⁷Ингоревичъ У. ⁷⁻⁹нет У. ⁸его П. ⁸добавл.: князь Давид и П. ⁹Игоревичи П. ¹⁰Пронский У, Пронский П. ¹¹многия УП. ¹²местныя У, местные П. ¹³крепкия УП. ¹⁴удалцы П. ¹⁴⁻¹⁵резанския У. ¹⁵⁻¹⁶нет П. ¹⁷и все П. ¹⁸испиша У. ¹⁹И ни УП. ²⁰возвратись У. ²¹мертвыи У, мертви П. ²²лежаше П. ²³Сия УП. ²⁴⁻²⁵перестан.: бог наведе П. ²⁶⁻²⁷ради наших УП. ²⁸А У. ²⁹Игоревича П. ³⁰нет П. ³¹Царь же УП. ³²Батый УП. ³³видя У, виде П. ³⁴нет П. ³⁵веды его храбрость У. ³⁶Князь же УП. ³⁷Ингоревич У. ³⁸безбожным У, безбожна П. ³⁹нет У. ⁴⁰христианьска УП. ⁴¹и дохну У, дохнув П. ⁴²нет П. ⁴³раздобрити У, ножом раздобрити П. ⁴⁴Сей У. ⁴⁵прия У, прият П. ⁴⁶исповедания П. ⁴⁶⁻⁴⁷нет УП. ⁴⁷⁻⁴⁸с своим мучеником и П. ⁴⁸с У. ⁴⁹родним У.

своим⁵⁰ блаженным⁵¹ князем⁵² Феодором Юрьевичем, и прияша⁵³ венца⁵⁴ нетленная⁵⁵ от всемилостиваго бога. Царь⁵⁶ Батый⁵⁷ нача воевати Резанскую землю⁵⁸ и веля⁵⁹ бити, и⁶⁰ сечи, и жеши⁶¹ без милости. И град⁶² Пронеск, и град⁶³ Бел, и⁶⁴ Ижеславец разори⁶⁵ до основания. И все⁶⁶ люди⁶⁷ побиша⁶⁸ — мужа,⁶⁹ и жены, и чада их. Течаше⁷⁰ бо кров крестьянская,⁷¹ яко река,⁷² грех⁷³ наших ради.⁷⁴ И оттоле поидоша⁷⁵ ко граду Резани. И обступиша⁷⁶ град Резань, и начаша⁷⁷ битися⁷⁸ прилежно,⁷⁹ и бишася⁸⁰ у града пять⁸¹ дней⁸² неотступно.⁸³ Батыево⁸⁴ войско⁸⁵ пременияшеся, а граженя⁸⁶ непременно бяхуся.⁸⁷ И многих гражен⁸⁸ побиша, а инех⁸⁹ язвиша,⁹⁰ а ини⁹¹ от великих⁹² трудов изнемогоша. А в шестый день рано приидоша погании ко граду, овии⁹³ со огни⁹⁴ и⁹⁵ инии⁹⁶ с пороки,⁹⁷ а иные⁹⁸ со⁹⁹ тмочисленными¹⁰⁰ лестницами,¹ и взят бысть град Резань месяца декабря в 21 день. И пожегоша² весь град и³ княгиню великую⁴ со⁵ свохами и с прочими княгинями⁶ во⁷ церкви соборней⁸ мечи⁹ а⁹ изсекоша, иерея¹⁰ и черноризцов¹¹ до останка¹² изсекоша,¹³ и все¹⁴ узорочье¹⁵ нарочитое¹⁶ богатство¹⁷ черниговское и киевское поимаша. И храмы боžia¹⁸ разориша, и во святых алтарех¹⁹ многи²⁰ крови²¹ проляяша,²² и инех многих в воде²³ потопиша, и²⁴ ини²⁵ мнози²⁶ в полон поведении²⁷ быша. И²⁸ не оста²⁹ в³⁰ живых³¹ ни един³² во граде:³³ вси равно умроша и едину чашу смертнующую пиша.³⁴ Несть убо³⁵ стонуща³⁶ — ни отцу,³⁷ ни матери³⁸ о³⁹ чадах,⁴⁰ ни чадом о отцех⁴¹ и о⁴² матерех,⁴³ ни брату о брате, ни ближнему роду,⁴⁴ но вси вкупе мертви⁴⁵ лежаша.⁴⁶ Сия вся наведе бог грех ради наших. А безбожны⁴⁷ царь Батый, видя⁴⁸ велие⁴⁹ пролитие⁵⁰ крови хрестьянска, ⁵¹ и возярися зело и огорчиста,⁵²

^a В рук.: мучени.

^b В рук.: зорочье.

⁵⁰нет П. ⁵¹нет У. ⁵²со князем У. ⁵³прияста П. ⁵⁴венцы П. ⁵⁵нетленные УП. ⁵⁶Царь же УП. ⁵⁷⁻⁶⁰веля Резанскую землю людей побивать У. ⁵⁸⁻⁵⁹повелевая У. ⁶¹жечи У. ⁶²⁻⁶³нет (лишь на поле повторено: и град) У. ⁶⁴нет У. ⁶⁵разорити У. ⁶⁶все У. всех П. ⁶⁷людей П. ⁶⁸поби П. ⁶⁹мужи П. ⁷⁰Течаша У. ⁷¹хрестиянская УП. ⁷²реки П. ⁷³⁻⁷⁴перестан.: ради наших УП. ⁷⁵поиде П. ⁷⁶обступивъше П. ⁷⁷добавл.: к нему приступати и У, начася П. ⁷⁸бишася У, бити П. ⁷⁹⁻⁸⁰нет У. ⁸⁰бывся П. ⁸¹нет У, 5 П. ⁸²дней УП. ⁸³неотступну У. ⁸⁴Батыева же П. ⁸⁵воинско У, войска П. ⁸⁶гражане У, граждане П. ⁸⁷бяхуся У, биющеся П. ⁸⁸гражан УП. ⁸⁹иных У. ⁹⁰и язвиша У. ⁹¹иния У, прочии П. ⁹²велих У. ⁹³ови У, овии же П. ⁹⁴огнем У. ⁹⁵а УП. ⁹⁶ини У, иные П. ⁹⁷полоки У. ⁹⁸инии У. ⁹⁹со стран со П. ¹⁰⁰тмачисленными У.

¹лестницами П. ²пожгоша УП. ³⁻⁴перестан.: великую княгиню У. ⁵и со П. ⁶княгинями У. ⁷в УП. ⁸соборной УП. ⁹мечи У. ¹⁰иереев У, иереи П. ¹¹черноризци П. ¹²стара П. ¹³нет П. ¹⁴вся П. ¹⁵узорочья П. ¹⁶нарочетое У, нарочитая и П. ¹⁷богатство У. ¹⁸боžia УП. ¹⁹⁻²¹перестан.: крови много П. ²⁰многия У. ²²проляяша УП. ²³воду УП. ²⁴а У. ²⁵иных У, нет П. ²⁶многих У. ²⁷поведени УП. ²⁸нет У. ²⁹остави УП. ³⁰нет П. ³¹жива П. ³²единого УП. ³²⁻³³ни во граде, ни в селех У. ³³нет (!) П. ³⁴испиша У. ³⁵бо ту У, бо П. ³⁶стонуща, ни плачуща У, стеньуща, ни плачуща никого же П. ³⁷о отцы П. ³⁸о матери П. ³⁹ни о П. ⁴⁰⁻⁴⁴ни о брати, ни о сестрах, ниже о ближних роду П. ⁴¹отцы У. ⁴²нет У. ⁴³матери У. ⁴⁵мертви П. ⁴⁶лежаще УП. ⁴⁷безбожный УП. ⁴⁸и видя У, виде П. ⁴⁹нет У. ⁵⁰пролития У. ⁵¹хрестиянска УП. ⁵²огорчиста У, огорчиста П.

и⁵³ поиде на град Суздаль⁵⁴ и Владимирь,⁵⁵ хотя⁵⁶ Рускую землю попле-
нити,⁵⁷ и веру крестьянскую⁵⁸ изкоренити,⁵⁹ и⁶⁰ церкви⁶¹ божия⁶² до останка
разорити.

И некий от⁶³ велмож резанских именем Еупатий⁶⁴ Коловрат, и⁶⁵ в те⁶⁶
поры⁶⁷ был в Чернигове, емля подать своего государя великого князя
Ингоревича⁶⁸ Резанского,⁶⁹ услыша⁷⁰ приход безбожного царя Батыя,⁷¹
что идет со многими силами на Рускую землю, и иде из⁷² Чернигова
вборзе с малою дружиною. И вскоре⁷³ пригна в землю Резанскую, и видя
ея опустевшу,⁷⁴ грады разорены, и церкви⁷⁵ позжены,⁷⁶ и люди побиты.
И⁸⁰ пригна ко граду Резани, и виде град разорен, государи⁷⁸ побиты,
множества⁷⁹ же ⁷⁷народа лежаше.⁸¹ овии⁸² побииени⁸³ и посечены,⁸⁴ и⁸⁵ инии⁸⁶
позжены,⁸⁷ а инии⁸⁸ в реци⁸⁹ изтоплены,⁹⁰ и воскрича в горести душа⁹¹
своя,⁹² и распалаяся⁹³ во⁹⁴ сердцы своем. И собра⁹⁵ мало дружины:⁹⁶
тысящу⁹⁷ и семсот⁹⁸ человек, которых бог соблюде⁹⁹ — быша¹⁰⁰ вне
града. И погна¹ в² след безбожного³ царя Батыя,⁴ хотяше⁵ пити смертную
чашу с⁶ своими государи⁷ равно. И едва угнаша его,⁸ и внезапно на⁹
станы¹⁰ безбожного царя Батыя¹¹ нападаша¹² и нача¹³ сечи без милости,
и сметоша¹⁴ вси полки¹⁵ тотарские.¹⁶ Татарове же стояше,¹⁷ яко¹⁸ пьяни,¹⁹
или неистови.²⁰ И²¹ Еупатий²² же тако сечаши²³ их, яко и мечи притупи-
шася,²⁴ и емляше²⁵ мечи тотарския,²⁶ полки проезжая²⁷ и бьяща²⁸ их
нещадно.²⁹ И³⁰ езя по полком храбро и мужественно,³¹ яко и самому
царю возбоющяся.³² И едва поимаша³³ от полку³⁴ Еупатьева³⁵ пять чело-
век воинских, изнемогших³⁶ от великих ран. И приведоша ко³⁷ царю
Батыю, и ³⁸царь³⁹ Батый⁴⁰ нача их спрашивать: „Коя веры естя,⁴¹ и коя
земля,⁴² и⁴³ что мне⁴⁴ много зла⁴⁵ сотворили еста⁴⁶?“ Оне⁴⁷ же реша:
„Веры⁴⁸ христианские⁴⁹ все,⁵⁰ а раби⁵¹ великого⁵² князя⁵³ Георгия⁵⁴ Инго-

⁵²нет П. ⁵⁴Суздаль П. ^{54—55}и на град Володимер и П. ⁵⁶добавл.: всю П.
⁵⁷пленити П. ⁵⁸христианскую УП. ⁵⁹искоренити УП. ⁶⁰нет У. ⁶¹царствия У.
⁶²божия УП. ⁶³и от У. ⁶⁴Еупатей У. ⁶⁵нет У. ⁶⁶то П. ⁶⁷время П. ⁶⁸Юрья
Ингоревича У, Юрья Игоревича П. ⁶⁹Резанского У. ⁷⁰и услыша УП. ⁷¹Батыя УП.
⁷²ис У. ⁷³скоро П. ⁷⁴опустеша У. ⁷⁵церкви УП. ⁷⁶пожжены УП. ⁷⁷И яко П.
⁷⁸и государи УП. ⁷⁹и множество УП. ⁸⁰нет УП. ⁸¹лежаща У, лежаще П.
⁸²вси У, овы П. ^{83—84}нет У. ⁸⁴посечени П. ⁸⁵а УП. ⁸⁶инии же П. ⁸⁷пожжены У.
⁸⁸инии У. ⁸⁹реце УП. ⁹⁰потоплени П. ⁹¹души УП. ⁹²своя УП. ⁹³распалаем П.
⁹⁴в У. ^{95—96}нет У. ^{96—98}1700 П. ⁹⁷1000 У. ⁹⁹соблюл УП. ¹⁰⁰нет У.

¹погнаша У. ²во П. ³безбожного УП. ⁴Батыя УП. ⁵добавл.: в след У.
⁶хотяше ить П. ⁶нет У, со П. ⁷государи УП. ⁸добавл.: на стану У. ^{9—10}нет У.
^{10—12}перестан.: нападаша на безбожного царя Батыя У. ¹²нет П. ¹³начаша П.
¹⁴смятошася УП. ¹⁵полки У. ¹⁶татарския УП. ¹⁷стояще П. ¹⁸дважды яко У.
¹⁹пьянии У. ²⁰неистивие У. ²¹нет УП. ²²Еупатей У. ²³сечаще УП. ²⁴притупи-
шась У. ²⁵емлячи П. ²⁶татарския У, татарские П. ^{26—27}нет УП. ²⁸сечаще УП.
²⁹добавл.: Татарове же мняше (мняще П), яко мертви востаха. Епатеи (Еупатий П)
же сильный (силные П) полки (полки П) проезжая УП. ³⁰и бияше их нещадно. И П.
^{31—32}нет У. ³²устрашится П. ^{33—34}нет У. ³⁵Еупатиева У, Ипатиева П. ³⁶изне-
могших У. ³⁷их ко У. ³⁸нет УП. ³⁹царь же УП. ⁴⁰нет П. ⁴¹и есте У, есть П.
⁴²земли УП. ⁴³нет УП. ⁴⁴ми У. ^{44—45}перестан.: зла много П. ⁴⁶нет У,
есте П. ⁴⁷Они УП. ⁴⁸Веры естя У. ⁴⁹христианския УП. ⁵⁰нет У, есмь П.
⁵¹рабы естя У. ⁵²нет П. ⁵³князь П. ⁵⁴Георгия У, Юри П

ревича⁵⁵ от⁵⁶ полку Еупатъя⁵⁷ Коловрата. Послание⁵⁸ все⁵⁹ ото⁶⁰ князя⁶¹ Ингоря⁶² Ингоревича⁶³ Резанского⁶⁴ тебе⁶⁵ сила⁶⁶ царя почтити и честно проводити, и честь тебе⁶⁷ воздати. Да не подиви,⁶⁸ царю,⁶⁹ не успевати⁷⁰ наливати чаш на велику⁷¹ силу татарскую“. Царь же⁷² подивися⁷³ ответу их мудрому. Посла⁷⁴ шурина своего Таврула⁷⁵ на Еупатиа,⁷⁶ а с ним сильные⁷⁷ полки⁷⁸ татарския.⁷⁹ Таврул⁸⁰ же похвалился⁸¹ пред царем,⁸² и хотя Еупатеа⁸³ жива пред царя привести.⁸⁴ И сступишася⁸⁵ многие⁸⁶ полки⁸⁷ татарские,⁸⁸ и⁸⁹ хотя Еупатиа⁹⁰ жива взяти.⁹¹ Таврул же съехася⁹² со⁹³ Еупатием. И⁹⁴ Еупатей⁹⁵ же, исполни⁹⁶ силою, наехав⁹⁷ на Таврула и разсече его на полы до седла. И начаша⁹⁸ сечи рать татарскую,⁹⁹ овых на полы пресекая,¹⁰⁰ а инех¹ до коня² разсекоша³, и многих нарочитых⁴ ту побиша.⁵ Татарове же возбаяшася,⁶ видя⁷ Еупатиа⁸ крепка исполна.⁹ И наводиша¹⁰ на Еупатиа¹¹ множество саней с нарядом,¹² и едва одолеша его.¹³ И понесоша его¹⁴ пред царя мертва. Царь¹⁵ Батый посла по¹⁶ мурзы¹⁷ и по князи ардинския,¹⁸ и по санчакбеи¹⁹ паше,²⁰ и начаша²¹ с ними дивитися храбрости,²² и крепости,²³ и мужеству.²⁴ Они же рекоша царю: „Со многими цари,²⁵ и²⁶ во²⁷ многих землях, на²⁸ многих бранях²⁹ бывали³⁰ есмь,³¹ а таких³² удалцов³³ и резвцов³⁴ не видано,³⁵ ни отцы наши³⁶ возвестиша нам.³⁷ Сии бо³⁸ люди крыласты,³⁹ и безсмертны⁴⁰ — тако⁴¹ крепко и мужественно бьяшеся⁴² един⁴³ с тысящею,⁴⁴ а два со тмою. Ни един от ных⁴⁵ не⁴⁶ может⁴⁷ съехати жив⁴⁸ с побоища“. Царь⁴⁹ Батый, зря⁵⁰ на тело Еупатиево⁵¹ и рече,⁵² яко, „брате⁵³ Еупатие,⁵⁴ гораздо еси меня⁵⁶ потчивал⁵⁷ с малою своею⁵⁸ дружиною, да многих

^a Слово Ингоря вставлено в рук. на полях тем же почерком.

^a В рук.: мужество.

⁵⁵добавл.: Резанского великого князя У. ⁵⁶Игоревича П. ^{56a}от У. ⁵⁷Еупатиева У, Еупатия П. ⁵⁸Послани есмь У, Послани есми П. ⁵⁹нет УП. ⁶⁰от УП. ⁶¹великого князя У, князь П. ⁶²Георгия У, Игоря П. ⁶³Игоревича П. ⁶⁴нет У, Резаньского П. ⁶⁵тебя УП. ⁶⁶сила УП. ⁶⁷нет У, тебе П. ⁶⁸подивиси П. ⁶⁹царю, что П. ⁷⁰успеваем У, успевали П. ⁷¹твою великую У, великую твою П. ⁷²добавл.: Батый У. ⁷³удивися У. ⁷⁴И посла У. ⁷⁵Таврула У. ⁷⁶Еупатия УП. ⁷⁷сильныя У. ⁷⁸полки У. ⁷⁹татарския У, татарские П. ⁸⁰А Таврул У. ⁸¹похвалился УП. ⁸²⁻⁸⁴жива Еупатия поставити пред царя П. ⁸³Еупатия У. ⁸⁵ступишася УП. ⁸⁶все У, многия П. ⁸⁷полки У. ⁸⁸татарския УП. ⁸⁹нет У. ⁹⁰Еупатия УП. ⁹⁰⁻⁹¹взяти в жива У. ⁹¹яти П. ⁹²съехався У. ⁹³с УП. ⁹⁴нет УП. ⁹⁵Еупатий П. ⁹⁶исполни У, исполнен П. ⁹⁷и наехав У, наскочи П. ⁹⁸нача УП. ⁹⁹татарскую У. ¹⁰⁰пересекая У, иных У. ²седла У. ³разсекая У, разсече П. ⁴нарочетых У. ⁵поби П. ⁶возбаяшася У, устрашишася П. ⁷видяще П. ⁸⁻⁹исполна и крепка П. ¹⁰наводиша П. ¹¹него У, Еупатия П. ¹²народом П. ¹³ему П. ¹³⁻¹⁴нет У. ¹⁵Царь же УП. ¹⁶⁻²⁰князи и по мурзы ординския и по паше У. ¹⁷мурзы П. ¹⁸Ординьския П. ¹⁹сачакбеи и по П. ²⁰паше П. ²¹нет (!) П. ²²⁻²³нет У. ²⁴добавл.: резанскому господству У, християньскаго господства П. ²⁵⁻²⁷на У. ²⁶нет П. ²⁸и на УП. ²⁹бранях П. ³⁰были У. ³¹есмы П. ³²таковых П. ³³⁻³⁴нет П. ³⁵видали, яко же резанцы П. ³⁶добавл.: не У. ³⁷добавл.: о таковой храбрости П. ³⁸нет П. ³⁹крыласты У, крылаты П. ⁴⁰бесмертны УП. ⁴¹такое бо У. ⁴²бияшеся У, биюшеся П. ⁴³⁻⁴⁴убо с 1000 П. ⁴⁵них УП. ⁴⁵⁻⁴⁷хочет П. ⁴⁶нет У. ⁴⁸нет П. ⁴⁹Царь же УП. ⁵⁰и зря У. ⁵¹Еупатиево УП. ⁵²чере (!) У. ⁵²⁻⁵³О, Коловрата У, О, Колографе П. ⁵⁴Еупатей. ⁵⁶мене П. ⁵⁷подчивал У. ⁵⁸нет П.

нарочитых⁵⁹ богатырей⁶⁰ сильна орды⁶¹ побил еси, и многия⁶² от тебе⁶³ падоша. Аще ли,⁶⁴ бы у меня⁶⁵ царь,⁶⁶ таковы⁶⁷ служил,⁶⁸ держак⁶⁹ бы его⁷⁰ против своего⁷¹ сердца.⁷² Царь Батый⁷³ повеле⁷⁴ дати⁷⁵ тело Еупатьево⁷⁶ останной⁷⁷ его дружине, которые⁷⁸ поиманы⁷⁹ на побоище⁸⁰ еле живы⁸¹ суца.⁸² И повеле их⁸³ и⁸⁴ з⁸⁵ телом отпустить, и⁸⁶ ничем⁸⁷ вредити.

Князь⁸⁸ Игнварь⁸⁹ Ингоревич⁹⁰ в то время был у брата своего у князя Михаила Всеволодича⁹¹ Черниговского в Чернигове богом соблюден. И вскоре⁹² прииде⁹³ во град Резань, видя⁹⁴ брага⁹⁵ своя⁹⁶ побиенны⁹⁷ от нечистиваго царя Батыа⁹⁸ и снохи своя, и сродники своя, и множество много мертвых лежаща, а⁹⁹ град разорен,¹⁰⁰ земля пуста, церкви позжены,¹ святых² образы³ ободраны и переколоты, и все⁴ узорчье⁵ взято⁶ резанское⁷ и черниговское,⁸ и жалостно⁹ кричаше,¹⁰ яко труба¹¹ рати глас пуцающа.¹² И от великого¹³ кричания¹⁴ лежаше¹⁵ на земли,¹⁶ яко мертв. И едва отлияша¹⁷ его,¹⁸ и носяше¹⁹ по ветру, едва²⁰ отдохну душа его в нем.²¹ Кто бо не²² возплачетца²³ такие²⁴ погибели, или кто не²⁵ возрыдает о селище народа людий,²⁶ или кто не²⁷ пожалит множество²⁹ государей и храбрых воевод, и нарочитых³⁰ людей напрасно нужною³¹ смертью³² скончашася, или кто не постонет сицеваго³³ пленения.³⁴ Князь³⁵ Ингварь³⁶ Ингоревич³⁷ похраняше снохи своя³⁸ и сродники своя,³⁹ и призва епископа, и начаша⁴⁰ собирати попы и дяконы, которыя⁴¹ богом соблюдены. И похраниша⁴² трупице⁴³ мертвых, и очисти место, и освяти.⁴⁴ И собраша⁴⁵ людие,⁴⁶ даша⁴⁷ им мало утешения,⁴⁸ поминая братию свою и родство свое и все⁴⁹ узорчье⁵⁰ резанское,⁵¹ вскоре погибе. Сиа⁵² вся наиде грех⁵³ ради наших;⁵⁴ ибо⁵⁴ град и земля Резанская⁵⁵ изменися доброта ея,

^a В рук.: жалостно.

^b В рук.: напах.

⁵⁹нарочетых У. ⁶⁰—⁶¹нет У. ⁶²многия полкы У, многи полки П. ⁶³тебя П. ⁶⁴нет П. ⁶⁵мене П. ⁶⁶нет УП. ⁶⁷такий У, такой царь (!) П. ⁶⁸служил бы У. ⁶⁹держал УП. ⁷⁰нет У. ⁷¹своево У. ⁷²царства П. ⁷²—⁷³нет УП. ⁷⁴и повеле УП. ⁷⁵отдати У. ⁷⁵—⁷⁶перестан.: Еупатиево тело У. ⁷⁶Еупатиево П. ⁷⁷останешней У, остаточной П. ⁷⁸которыя У, которые П. ⁷⁹полонены П. ⁸⁰побоици УП. ⁸¹живи У. ⁸²суще П. ⁸³—⁸⁶отпустили с телом П. ⁸⁴нет У. ⁸⁵с Еупатьевым У. ⁸⁶нет! У. ⁸⁷ничим П. ⁸⁷добавл.: не УП. ⁸⁸Князь же великий У, А князь П. ⁸⁹Ингорь У, Игорь П. ⁹⁰Игоревич П. ⁹¹Всеволодовича У. ⁹²скоро П. ⁹³прииде УП. ⁹⁴виде П. ⁹⁵братию УП. ⁹⁶свою УП. ⁹⁷побиенных П. ⁹⁸Батыа УП. ⁹⁹а УП. ¹⁰⁰Резань У.

¹пожены У, сожены П. ²святыя УП. ³иконы честных образы П. ⁴вся П. ⁵узорчья П. ⁶взяты П. ⁷резанская П. ⁸черниговская П. ⁹жалостно У. ¹⁰воскряча П. ¹¹—¹²глас на рати подавающе П. ¹²подавающа У. ¹³добавл.: своего У. ¹⁴кричания УП. ¹⁵лежаще У. ¹⁵—¹⁶нет, У. ¹⁷отлияща У. ¹⁸—¹⁹нет У. ¹⁹носяще П. ²⁰и едва У. ²¹добавл.: бысть П. ²²тогда не П. ²³плачется У, восплачется П. ²⁴толика УП. ²⁵—²⁷нет П. ²⁶людей У. ²⁸о множестве П. ³⁰нарочетых У. ³¹нужную У. ³²смертию П. ³³таковаго П. ³⁴пренения (!) У, пленения П. ³⁵Князь же П. ³⁶Ингорь У, Игорь П. ³⁷Ингоревич У, Игоревич П. ³⁸—³⁹нет П. ⁴⁰нача У. ⁴¹которыя У, которые П. ⁴²похраняше УП. ⁴³трупия УП. ⁴⁴святи У. ⁴⁵обра УП. ⁴⁶люди УП. ⁴⁷и дая У, и дав П. ⁴⁸утешение У, утешения П. ⁴⁹взя(!) П. ⁵⁰узорочья П. ⁵¹нет У. ⁵²резанская П. ⁵²Сиа УП. ⁵³грех У. ⁵⁴Сий бо У. ⁵⁵Резанское У.

и отиде слава ея, и не бе, что⁵⁶ в ней⁵⁷ благо ведати,⁵⁸ токмо⁵⁹ дым⁶⁰ и земля и пепел.⁶¹ А⁶² церкви вси погореша, а сама⁶³ соборная церковь⁶⁴ внутри⁶⁵ погореша⁶⁶ и почерне. Не⁶⁷ един бо⁶⁸ сий⁶⁹ град пленен бысть, но ини⁷⁰ мнози. И не бе бо⁷¹ во граде⁷² пения,⁷³ ни звона,⁷⁴ — в⁷⁵ радости место плачь всегда творяще⁷⁶ и рыдании.⁷⁷

⁷⁸Плачи⁷⁹ князя Ингаваря⁸⁰ Ингоревича⁸¹ о брати побивенных от нечестиваго царя Батыа.⁸² Прииде⁸³ князь Ингаварь⁸⁴ Ингоревич⁸⁵ где⁸⁶ побинении⁸⁷ быша⁸⁸ братья⁸⁹ его⁹⁰ от Батыа.⁹¹ великий князь⁹² Юрь⁹³ Ингоревич⁹⁴ Резанский,⁹⁵ и брат ево⁹⁶ князь Олег⁹⁷ Ингоревич⁹⁸ Красной,⁹⁹ и брат его князь Давид Ингоревич¹⁰⁰ Муромской,¹ и брат ево князь Давид Ингоричев Коломенской,² и Всеволод Пронский,³ и ини⁴ князи месныя⁵ и воеводи⁶ и⁷ крепкия,⁸ и многие⁹ удольцы¹⁰ и¹¹ резвцы,¹² воспитания¹³ и узорочье Резанское лежаше¹⁴ на земли пусти,¹⁵ на траве ковыле никим¹⁷ брегомы;¹⁸ и¹⁹ от зверей²⁰ телеса их снедаемо²¹ и от множества птиц разтерзаемо²² — вси бо купно умроша и едину чашу смертную²³ пища.²⁴ Видя²⁵ же то²⁶ князь Ингварь²⁷ Ингоревич,²⁸ и возопи горким гласом, велми ревый, слезы²⁹ от очию³⁰ испущаючи,³¹ яко струю силу, утробю распалаючи,³² в перси рукама³³ бьющи³³ и³¹ гласом же,³⁵ яко труба рати³⁶ поведаящим,³⁷ яко³⁸ арган³⁹ слатко⁴⁰ вещающе.⁴¹ И рече сице: „О милая моя господия,⁴² братья,⁴³ како успе⁴⁴ животе⁴⁵ мои⁴⁶ драгии,⁴⁷ мене⁴⁸ единаго сира остависта в толице погибели⁴⁹ суща.⁵⁰ Почто⁵¹ аз преже вас не умрох⁵²! Како⁵⁴ заиде⁵⁵ свете⁵⁶ очию⁵⁷ моею, где отошли есте⁵⁸ сокровище живота моего! Почто не промолвите⁵⁹ ко мне, цвете⁶⁰ мои,⁶¹ и⁶² прекраснии⁶³ винограда⁶⁴ мои⁶⁵ многоплодни?⁶⁶

^a В рук.: по.

Резанская П. ⁵⁶нет УП. ^{57—58}видети ничто же благо П. ⁵⁸видети У. ⁵⁹токма У. ⁶⁰дыма У, дыма курящаяся П. ^{60—61}и поел и земля пуста П. ⁶²И П. ⁶³самая УП. ⁶⁴церкви П. ⁶⁵внутри У, внутри все П. ⁶⁶погоре УП. ⁶⁷И ни УП. ⁶⁸нет П. ⁶⁹сей П. ⁷⁰ини УП. ⁷¹нет У. ⁷²градех У ⁷³пения УП. ⁷⁴добавл.: Князь же Иньгорь Иньгоревич У. ⁷⁵но в П. ⁷⁶творя У. ⁷⁷рыдание У, рыдания П. ^{78—81}нет У. ⁷⁹Плачь П. ⁸⁰Игоря П. ⁸¹Игоревича П. ⁸²Батыа УП. ⁸³И прииде У. ^{83—85}нет У. ⁸⁴Игорь П. ⁸⁵Игоревичь П. ⁸⁶на место где П. ⁸⁷побинение У, побени П. ⁸⁸баша (!) У. ⁸⁹братиа У, братия П. ^{90—91}нет У. ⁹¹Батыа П. ^{91—92}князь П. ⁹³Юрь У. ⁹⁴Иньгоревичь У, Игоревичь П. ⁹⁵Резанской П, Резанской П. ⁹⁶его П. ⁹⁷Ольх У. ⁹⁸Игоревичь П. ⁹⁹Ерасной У. ¹⁰⁰Игоревичь П.

¹ Муромский П. ^{1—2}нет П. ³Пронской П. ⁴иния У, инии П. ⁵месныя У, месные П. ⁶воеводы УП. ⁷нет УП. ⁸крепкия УП. ⁹многия УП. ¹⁰удалцы П. ¹¹нет У. ¹²резанцы У. ¹³и воспитание У, воспитание П. ¹⁴лежаще УП. ^{14—15}на пусте земли П. ¹⁵пусте У. ¹⁷кем П. ¹⁸брегоми У, не брегоми П. ¹⁹нет УП. ²⁰диких зверей П. ²¹снедаема У. ^{21—22}и от птиц снадаема, телеса их и раздробляема П. ²²истерзаема У. ²³нет П. ²⁴испиша У. ²⁵Видев П. ²⁶се П. ²⁷Иньгорь У, Игорь П. ²⁸Игоревичь П. ²⁹и слезы П. ^{29—30}нет П. ³¹испущающа У, испущая П. ³²распалающа П. ³³руками П. ^{31—34}нет У. ³⁵бьющися П. ³⁵нет У. ³⁶рати П. ³⁷поведаяща У, поведаящи П. ³⁸и яко УП. ³⁹рган УП. ⁴⁰глас яко У, сладко П. ⁴¹вещающь П. ⁴²господия У, господие П. ⁴³братиа У, братие П. ⁴⁴успоста П. ⁴⁵святая П. ⁴⁶моя П. ⁴⁷драгая П. ⁴⁸а меня П. ⁴⁹в погибели У. ⁵⁰сущей П. ⁵¹И почто У. ⁵³умроша У. ⁵⁴Камо П. ⁵⁵заидоста П. ⁵⁶святая П. ⁵⁷от очию П. ⁵⁸еста П. ⁵⁹промолвита П. ⁶⁰цветца П. ⁶¹моя П. ⁶²нет УП. ⁶³прекраснии У, прекрасная П. ⁶⁴винограда П. ⁶⁵моя П. ⁶⁶многоплодни У, много-

Уже не подасте сладость⁶⁷ души моя!⁶⁸ Чему, государи, не взорите⁶⁹ ко мне и не промолвите со мною? Ужели забыли естя⁷¹ брата вашего⁷² единого⁷³ отца рожденного — великого князя Ингоря⁷⁴ Святославича, и единым сосцом⁷⁵ воздоеным⁷⁶ честнаго плода и святыне⁷⁷ утробы матери⁷⁸ наша⁷⁹ великие⁸⁰ княгини⁸¹ Агрепены⁸² Ростиславне,⁸³ многоплодного винограда?⁸⁴ Уже не подасте сладости душе⁸⁵ моей.⁸⁶ Кому приказываете⁸⁷ мя?⁸⁸ Солнце⁸⁹ мое⁹⁰ драгое,⁹¹ рано заходящия;⁹² месяц мой красной,⁹³ скоропогибший,⁹⁴ звезды восточны⁹⁵ — почто рано зашли есте, где, господине,⁹⁶ честь и слава ваша?⁹⁷ Многим землям⁹⁸ государи были есте,⁹⁹ а ныне лежите на земли пуста,¹⁰⁰ никим¹ брегомы,² ни³ чти⁴ приемлемо!⁵ Измени бо ся⁷ ваша слава⁸ и зрак лица вашего применися во исления.⁹ Милая¹⁰ моя братья,¹¹ дружина¹² ласкова,¹³ уже не повеселюся с вами! Свете¹⁴ мой¹⁵ светлыи,¹⁶ чему¹⁷ помрачилися¹⁸ есте?¹⁹ Не много бо порадовахся с вами; уность²⁰ бо не²¹ отиде от нас, а старость не постиже нас. Аще услышит бог молитву вашу, то²² помолитесь о мне, брате вашем, да вкупе умру с вами. За весельем²³ плач и слезы приидоша ми,²⁴ а за утеху и радость²⁵ сетование и скорбь²⁶ явися²⁷ ми!²⁸ Про что²⁹ яз³⁰ прежде вас не умрох, да бы не видел³² смерти ваши,³³ а своа³⁴ погубели. Не слышите³⁵ ли, господине,³⁶ бедных моих словес³⁷ жалосно³⁸ вещающе?³⁹ О земля,⁴⁰ земля,⁴¹ о дубравы⁴² поплачите⁴³ со мною. Како нареку день той или воспишу⁴⁴ его — вон⁴⁵ же погубе толико государей и⁴⁶ многое узорочье резанское храбрых⁴⁷ удалцов.⁴⁸ Ни един же от них не⁴⁹ возвратися⁵⁰ вспять, но вси равно умроша, и едину чашу⁶ смертную испиша.⁵¹ Се⁵² бо в горести душа⁵³ моя⁵⁴ язык мой связаетца,⁵⁵ уста⁵⁶ загражаютца,⁵⁷ гортань премолакает,⁵⁸ смысл⁵⁹ изменяетца,⁶⁰ зрак опустевает,⁶¹ крепость изнемогает⁶².

^a В рук.: ми.

^b В рук.: чашу.

плодная П. ⁶⁷ми благости П. ⁶⁸моей УП. ⁶⁹взорите У, позрите П. ⁷¹есте УП. ⁷²своего У. ⁷³от единого П. ⁷⁴Игоря П. ⁷⁵солнцем У. ⁷⁶воздоены П. ⁷⁷святыя У. ⁷⁸матере У. ⁷⁹наша УП. ⁸⁰великия УП. ⁸¹княгиня У. ⁸²Агрипины П. ⁸³Растиславны У, Ростиславне П. ^{84—86}нет П. ⁸⁷приказывает П. ⁸⁵души У. ⁸⁸нет У. ⁸⁹Солнца П. ⁹⁰моя П. ⁹¹драгая П. ⁹¹Батыя П. ⁹²заходяще У, заходящи П. ⁹³красной УП. ⁹⁴скоропогибши П. ⁹⁵восточны УП. ⁹⁶государи У, господия П. ⁹⁷добавл.: Где господство ваше? У. ^{98—99}бысте государи П. ¹⁰⁰пуста УП.

¹а ким У. ²брегомо У, не брегомо П. ³нет У. ⁴чести УП. ⁵приемлеми УП. ^{5—8}нет П. ⁷сь У. ⁹ислениа У, ислениа П. ¹⁰Милоя У, О милая П. ¹¹братия У, братия П. ¹²и дружина моя У, и дружина П. ¹³ласковая УП. ¹⁴Света П. ¹⁵моя П. ¹⁶светлая П. ¹⁷что П. ¹⁸помрачистася П. ¹⁹нет П. ²⁰уность УП. ²¹нет У, наша не П. ²²нет П. ²³веселие УП. ²⁴ми У. ²⁵се ми П. ²⁶скорби П. ^{26—28}многи П. ²⁷явись У. ²⁸мне У. ^{28—29}Почто УП. ³⁰аз УП. ³²видял УП. ³³ваша УП. ³⁴своа УП. ³⁵слышита П. ³⁶государи У, господина моя П. ³⁷слез У, словес слезно в П. ³⁸жалости П. ³⁹вещающа П. ⁴⁰земле П. ⁴¹нет У, земле П. ⁴²дуброва вы У, дубровы П. ⁴³плачистася П. ⁴⁴впишу У. ⁴⁵онь П. ⁴⁶нет П. ⁴⁷и храбрых У. ⁴⁸удалцов У. ⁴⁹нет УП. ⁵⁰возратися У. ⁵¹пивше П. ⁵²в сеи У, бе П. ⁵³души П. ⁵⁴своа У. ⁵⁵связаетьеть (!) У, связается П. ⁵⁶и уста У. ⁵⁷загражаются П. ⁵⁸премолакаше У. ⁵⁹не яснов У. ⁶⁰изменяется У, изменяется П. ⁶¹опустевает У, опустевает П. ⁶²нет У.

Бысть⁶³ убо тогда многи⁶⁴ туги,⁶⁵ и скорби,⁶⁶ и слезы,^a и въздыхание,⁶⁷ и страха,⁶⁸ и трепета,⁶⁹ и всех⁷⁰ злых⁷¹ находящих^b нань⁷² грех ради наших: Князь⁷³ великий Ингаварь⁷⁴ Ингоревич⁷⁵ возде⁷⁶ руцы⁷⁷ на небо со слезами глаголаша:⁷⁸ „Господи боже мой, на тя уповах, спаси мя⁷⁹ и от всех гонящих мя избави мя.⁸⁰ [Пречистая⁸¹ владычица⁸² богородица,⁸³ мати Христа бога нашего, не остави мене во время печали моея. О великия⁸⁴ стратотерпцы и сродники наши⁸⁵ Борис⁸⁶ и Глеб,⁸⁷ будите мне грешному помощники⁸⁸ в⁸⁹ бранех на супостаты⁹⁰ наша. О братис⁹¹ мой,⁹² государи,⁹³ помогайте ми во святых своих молитвах на агаряни⁹⁴ внуцы измаилтескаго⁹⁵ рода“.

⁹⁶Князь Ингавар Ингоревич взем⁹⁷ тело брата своего великого князя Георгия⁹⁸ Ингоревича⁹⁹ и¹⁰⁰ брата своего¹ князя Глеба Ингоревича² и Всеволода Пронского и инех³ князей⁴ сродник своих и⁵ многих бояр и воевод и мьногих⁶ удалцов⁷ и⁸ резвцов,⁹ узорочье¹⁰ резанское, и принесе их во град Резань¹¹ и похраняше¹² их честно, а иных¹³ многих¹⁴ ту на пуге месте собираше¹⁵ и похраняше¹⁶ их, пев¹⁷ над ними надгробное.¹⁸ Поиде¹⁹ князь Ингаварь²⁰ Ингоревич²¹ х²² Пронску, где убиен бысть²³ князь Олег Ингоревич²⁴ Красный,²⁵ и собра трупье²⁶ его и несяше²⁷ во град Резань, а честную его главу сам великий князь Ингаварь²⁸ Ингоревич²⁹ до града понесе, и целовав ю любезно, и положиша его с великим князем Георгием³⁰ Ингоревичем³¹ во единой раце.³² А братию свою князя Давида да князя Глеба Ингоревичей³³ положиша³⁴ у ног³⁵ их близ гроба их³⁶ во единой³⁷ раце. Поиде же князь великий Ингаварь³⁸ Ингоревичев³⁹ на Вороняж,⁴⁰ где убиен⁴¹ бысть⁴² сын великого князя Георгия⁴³ блаженный князь Федор⁴⁴ Юрьевич Резанский,⁴⁵ взя⁴⁶ тело его и плакася над ним на долг час. И приносяше⁴⁷ честное⁴⁸ его⁴⁹ и святое⁵⁰ тело во

^a В рук.: слез.

^b В рукописи: неходящих.

⁶³И бысть У. ⁶⁴многия У. ⁶⁵тугии У. ⁶⁶скорбь У. ⁶⁷воздыхания У. ⁶⁸страх У. ⁶⁹трепет У. ⁷⁰все У. ⁷¹злое У. ⁷²на ны УП. ⁷²добавл.: наполнишася П. ⁷³И князь У, И паки князь П. ⁷⁴Ингорь У, Игорь П. ⁷⁵Игоревич П. ⁷⁶воздев УП. ⁷⁷руце УП. ⁷⁸глаголюще У, глаголаше П. ⁷⁹⁻⁸⁰нет П. ⁸¹О пречистая П. ⁸²владычице УП. ⁸³богородице УП. ⁸⁴великая У, великие П. ⁸⁵наша УП. ⁸⁶Борисе П. ⁸⁷Глебе П. ⁸⁸помощники У. ⁸⁹во П. ⁹⁰сопостаты П. ⁹¹братия УП. ⁹²моя УП. ⁹³и господина У, и господе П. ⁹⁴агаряны У. ⁹⁵измаилтеска УП. ⁹⁶⁻⁹⁷И взем князь Ингорь Ингоревич У. ⁹⁶⁻⁹⁹И по сем взем телеса братии своей великаго князя Юрья Игоревича П. ⁹⁸Георгия У. ⁹⁹Ингоревича Резанского У. ¹⁰⁰⁻¹нет П.

²Игоревича П. ³иных УП. ⁴нет У. ⁵нет У. ⁶многих У. ⁷удалцов У. ⁸нет П. ⁹нет УП. ¹⁰и узорочье У, узорочие П. ¹¹нет П. ¹²похраняша У, похороняша П. ¹³инех У. ¹⁴мнозех У. ¹⁵собраша П. ¹⁶похраняша П. ¹⁷певше П. ¹⁸надгробное пение У, надгробная П. ¹⁹И поиде УП. ²⁰нет У, Игорь П. ²¹Игоревич П. ²²к УП. ²³нет У. ²⁴Игоревич П. ²⁵Красной УП. ²⁶труп УП. ²⁷носяще У, несше П. ²⁸нет У, Игорь П. ²⁹Игоревич П. ³⁰Юрьем П. ³¹Игоревичем П. ³²раке П. ³³Игоревичев П. ³⁴положи У. ³⁵нох У. ³⁶нет П. ³⁷единой же У. ³⁸Ингорь У, Игорь П. ³⁹Ингоревич У, Игоревич П. ⁴⁰Вороняже У, Воронеж П. ⁴¹убиен У. ⁴²бысь У. ⁴³Георгия Ингоревича Резанскаго У, Юрия П. ⁴⁴Феодор УП. ⁴⁵Резанской УП. ⁴⁶и взя УП. ⁴⁷принесоша УП. ⁴⁸⁻⁵⁰перестан.: и святое его У. ⁴⁹⁻⁵⁰нет П.

область его к великому чудотворцу Николе Корсунскому, и положиша его, и⁵¹ его благоверную княгиню⁵² Еупраксию,⁵³ и сына их⁵⁴ Ивана Постника⁵⁵ у великого чудотворца⁵⁶ корсунскаго.⁵⁷ И поставиша⁵⁸ над ними⁵⁹ кресты три⁶⁰ камены.⁶¹ И от сея вины да⁶² зоветца⁶³ великий⁶⁴ чудотворец Зараский,^а⁶⁵ яко благоверная княгини⁶⁶ Еупраксия⁶⁷ царевна и з⁶⁸ сыном своим⁶⁹ со князем Иваном сама себе⁷⁰ зарази.⁷¹

Тии⁷² бо государи рода Владимера Святославича, сродника⁷³ Борису⁷⁴ и Глебу,⁷⁵ внучата великого князя Святослава Ольговича Черниговского. Бяша⁷⁶ бо родом христоролюбивы⁷⁷ и братолюбивы,⁷⁸ лицом красны⁷⁹ и⁸⁰ очима светли,⁸¹ възором грозны, паче меры храбры, сердцем⁸² легки,⁸³ к⁸⁴ бояром ласковы,⁸⁵ к приезжим приветливы,⁸⁶ на пиrowании⁸⁷ тчтивы,⁸⁸ церквам⁸⁹ прилежны,⁹⁰ до⁹¹ государских⁹² потех охочии,⁹³ ратному делу вельми искусны,⁹⁴ на недруги вельми храбры;⁹⁵ половцом⁹⁶ грозны,⁹⁷ к братии⁹⁸ к⁹⁹ своей¹⁰⁰ и к их посланником величавы.¹ Мужественно² ум имуща,³ в правде⁴ же и⁵ истинне пребывае, чистоту душевную и телесную⁷ без⁸ порока соблюдае.¹⁰ Святаго корени отросли¹¹ и¹² богом¹³ насажденного¹⁴ сада цветы прекрасная.¹⁵ Воспитани¹⁶ быста во благочестии,^а милостивы,¹⁷ со всяцем¹⁸ наказанием¹⁹ духовным.²⁰ От самех²¹ пелен возлюблены.²² О церквах божих велми печашеся, пустошных бесед не творяща,²³ срамных глагол²⁴ не любяща,²⁵ злонаправных человек²⁶ отвращашеся,²⁷ а²⁸ со благиме²⁹ всегда³⁰ беседоваша,³¹ божественных³² писаний всегда во умилении послушавше.³³ Ратным же³⁴ во³⁵ бранех страшни³⁶ являшеся³⁷ и многи³⁸ враги, востающ³⁹ нань,⁴⁰ победиша, и во всех странах⁴¹ славно имя имяща.⁴² К⁴³ греческим царем велику⁴⁵ любовь

^а В рук.: Резанский.

^а В рук.: благости.

⁵¹ту, и с ним положиша П. ⁵²княгиню У. ⁵³Еупраксею У. ⁵⁴их вкупе П. ⁵⁵Постника УП. ⁵⁶чудотворца Николы УП. ⁵⁷нет У. ⁵⁸постави У. ⁵⁹⁻⁶⁰перестан.: три кресты УП. ⁶¹прибавл.: и оиде князь великий Иньгорь Иньгоревич во свой град У. ⁶²нет П. ⁶³зоветца УП. ⁶⁴⁻⁶⁵Никола Зараский чудотворец П. ⁶⁵Николае Зараский У. ⁶⁶княгиня УП. ⁶⁷Еупраксея УП. ⁶⁸нет У. ⁶⁹нет У. ⁷⁰себя У, себе П. ⁷¹зарази У. ⁷²Сии УП. ⁷³сроднику П. ⁷⁴Бориса У. ⁷⁵Глеба У. ⁷⁶беста П. ⁷⁷христоролюбивы УП. ⁷⁸братолюбивы УП. ⁷⁹красны П. ⁸⁰нет УП. ⁸¹светлы УП. ⁸²сердцем У. ⁸³и легки П. ⁸⁴г У. ⁸⁵⁻⁸⁶нет У. ⁸⁶нет П. ⁸⁷пиrowание У. ⁸⁸тчтивы, тщивы П. ⁸⁹к церквам УП. ⁹⁰прилежны У, прилежни П. ⁹¹да У. ⁹²государских У. ⁹³охочи УП. ⁹⁴искусни У, искусни П. ⁹⁵грозны и храбры П. ⁹⁶половцом У. ⁹⁷нет П. ⁹⁸⁻¹⁰⁰нет П. ⁹⁹нет У.

¹величавы У, своей величавы (!) П. ²Мужествен УП. ³имуще УП. ⁴⁻⁵нет П. ⁶и пребыста У, пребыста П. ⁷⁻⁸нет П. ⁸бес У. ¹⁰соблюдоста У, соблюдоста без порока П. ¹¹отросли У, нет П. ¹²нет УП. ¹³нет УП. ¹⁴благонасажденного У, богонасажденного П. ¹⁵прекрасни У, прекрасни П. ¹⁶Воспитани У, Воспитана П. ¹⁷и в молитве У, и в милости П. ¹⁸всяким П. ¹⁸⁻²⁰перестан.; духовным наказанием П. ¹⁹наказани У. ²⁰духовне У. ²¹самых УП. ²²богом возлюблены У, богом возлюбленни П. ²³творяше У. ²⁴словес П. ²⁵любяше У, любяще П. ²⁶человеку У. ²⁷отвращающесе П. ²⁸нет П. ²⁹благими УП. ³⁰нет П. ³¹беседоваше У. ³²а, б божественных У. ³³послушаше У, послушающа П. ³⁴нет П. ³⁵я У. ³⁶страшны УП. ³⁷явившася П. ³⁷⁻³⁸нет П. ³⁹востающе У, востающих П. ⁴⁰ны П. ⁴¹⁻⁴²славны бяше У. ⁴²имуще П. ⁴³И к У, Ко П. ⁴⁵нет П.

имуща,⁴⁶ и дары^а от них многии⁴⁷ взимаша.⁴⁸ И по браце целомудренно живяста,⁴⁹ смотряюща⁵⁰ своего спасения.⁵¹ В чистой⁵² совести и крепости,⁵³ и⁵⁴ разумно⁵⁵ держа⁵⁶ земное⁵⁷ царство,⁵⁸ а небесному приближаяся. Плоти угодия не творящи,⁵⁹ соблюдающи⁶⁰ тело свое по браце чисто и⁶¹ греха не причастна.⁶² Государьский бо⁶³ сан⁶⁴ держаща,⁶⁵ а⁶⁶ посту и молитве прилежаща,⁶⁷ и⁶⁸ честь от всего мира приимаста, а⁶⁹ крест Христов⁷⁰ на ramo⁷¹ своем⁷² ношаста. А святыя⁷³ дни святого⁷⁴ поста чисто храняста,⁷⁵ а по⁷⁶ вся святыя⁷⁷ посты⁷⁸ причастаста⁷⁹ святых пречистых⁸⁰ таин.⁸¹ И многи труды и победы по правой вере показаша.⁸² С⁸³ погаными половцы часто бьяшася⁸⁴ за святыя⁸⁵ църкви и за православную веру. А⁸⁶ отчину свою⁸⁷ от супостат⁸⁸ без лености храняща.⁸⁹ А милостину⁹⁰ неоскудно дояше,⁹¹ и ласкою своею многих⁹² от неверных⁹³ царей детей⁹⁴ их и⁹⁵ брагию к себе⁹⁶ приимаста,⁹⁷ и на веру истинную⁹⁸ обращаста.⁹⁹

Благоверный¹⁰⁰ великий князь¹ Ингавар² Ингоревич,³ нареченный⁴ во святом крещении⁵ Козма, приде⁶ во град Резань и сяде⁷ на столе⁸ отца своего великого князя Ингоря⁹ Святославича. И обнови землю Резанскую, и църкви постави, и монастыри согради,¹⁰ и пришелцы утеши, и¹¹ люди многи собра. И бысть¹² радость крестьяном,¹³ их же избави бог¹⁴ рукою своею кърпкою от безбожных тотар.¹⁵ Князь¹⁶ великий Ингаварь¹⁷ Ингоревич¹⁸ отпусти кир Михаила на отца его¹⁹ отчину,²⁰ на Пронск,²¹ Всеволода Пронского.²²

Род поповский²³ Николы чюдотворца Зараского²⁴ на Резани.²⁵ Первый⁶ служитель Еустафей,²⁷ что приде²⁸ с чюдотворным образом Николиным из Корсуня.²⁹ Второй³⁰ служитель сын³¹ его Еустафей же.³² Третий³³ служитель Прокопей³⁴ сын втораго Еустафия.³⁵ Четвертой³⁶

^а В рук. добавлено: и

⁴⁶имеяше У. ⁴⁷многия У, многи П. ⁴⁸взимаше У имаста П. ⁴⁹имяста П. ⁵⁰смотряюще УП. ⁵¹спасения УП. ⁵²чистой УП. ⁵³крепостию П. ⁵⁴нет П. ⁵⁵разуме У, разума П. ⁵⁶держаше П. ⁵⁷земному У. ⁵⁸царству У. ⁵⁹⁻⁶³греха ошастася П. ⁶⁰соблюдающе У. ⁶¹и х У. ⁶²причасно У. ⁶³нет П. ⁶⁴сам У. ⁶⁵дражаще У, держаща П. ⁶⁶а к У, нет П. ⁶⁷прилежаще У, прилежаста П. ⁶⁸нет П. ⁶⁹нет П. ⁷⁰Господень У. ⁷¹раме У, рамах П. ⁷²своих П. ⁷³святыя УП. ⁷⁴честнаго П. ⁷⁵храняще П. ⁷⁶⁻⁷⁸и во П. ⁷⁷святны У, святны П. ⁷⁸дни У. ⁷⁹причащастася УП. ⁸⁰бо ких У. ⁸¹⁻⁸²нет У. ⁸³и с У. ⁸⁴бияшася У, биющася П. ⁸⁵святны УП. ⁸⁶и за У. И П. ⁸⁷⁻⁸⁸нет П. ⁸⁹храняше У. ⁹⁰милостыню УП. ⁹¹давающе У, дающе П. ⁹²многие У. ⁹³верных У. ⁹⁴дети У, и детей П. ⁹⁵нет У. ⁹⁶с себе УП. ⁹⁷⁻⁹⁹нет П. ⁹⁸истинну У. ⁹⁹обращася У. ¹⁰⁰⁻¹князь великий П.

²Ингоръ У, Игоръ П. ³Ингоревичъ У, Игоревичъ П. ⁴нареченный УП. ⁵крещении УП. ⁶прииде УП. ⁷и сяде П. ⁸престоле У. ⁹Игоря П. ¹⁰соруди П. ¹¹нет П. ¹²⁻¹³христианом радость У. ¹³христианом П. ¹⁴Господь, бог У. ¹⁵татар УП. ¹⁶Князь же П. ¹⁷Ингоръ У, Игорь П. ¹⁸Игоревичъ П. ¹⁹своего УП. ²⁰отчину У. ²¹⁻²²на Всеволодово место Пронскаго У. ²³попов П. ²⁴Зараскаго П. ²⁴⁻²⁵великаго чюдотворца Николы П. ²⁶П. ²⁷Еустафий П. ²⁸⁻²⁹с Николы чюдотворца образом П. ³⁰П. ³¹⁻³²Еустафий П. ³³П. ³⁴Прокопий П. ³⁵Еустафия П. ³⁶П

служитель сын Прокопиев Никита. Пятой³⁷ служитель сын Никитин³⁸ Василиск. Шостой³⁹ служитель сын Василисков Захарей⁴⁰ Подкин.⁴¹ Седьмой⁴² служитель сын его⁴³ Феодосей⁴⁴ з⁴⁵ братьею. Осмый⁴⁶ служитель⁴⁷ Феодосиев сын⁴⁸ Матвей⁴⁹ протопоп⁵⁰ з братьею. Девятой⁵¹ служитель⁵² протопоп Иван⁵³ з братьею⁵⁴ протопопов сын Матвеев.⁵⁵ А всех⁵⁶ лет служили триста и полчетверта десят лет непременно род их.⁵⁷ Се⁵⁸ написа Еустафей⁵⁹ второй⁶⁰ Еустафьев сын⁶¹ Корсунска,⁶² на память последнему роду своему.

„Род поповский“ по списку У

Род попов Николы чудотворца Заравскаго

Поп служил Еустафей 1, что пришел с чудотворным Николиным образом ис Корсуня. Поп сын его Еустафей же 2. Поп Прокопей 3 — сын втораго Еустафия. Поп 6^a. Служил сын Прокопиев 4 — Никита поп. 5 служил сын Никитин. Василиск, поп. 6^a Служил сын Василисков Захарей, поп. 7 служил сын его Феодосей. 8 поп служил Феодосьев сын Матвей. 9 и протопоп служил протопопов Иван Вислоух з братьею. Протопопов 10 сын Матвеев поп служил Тимофей Аврамов сын Вислоухов. 11 племянник родной поп Семион брат его родной. А всех лет как пришел чудотворный Николин образ из Корсуня и те попы служили 389 лет непременно.

(Затем в списке 4 на л. 70—74 следлет повесть „О убийнии влочестивого царя Батыя“. На последнем (74) листе запись: „а писан сий Николин приход лета 7122 году“).

РЕДАКЦИЯ ОСНОВНАЯ В. 2-й ВИД

Основной текст — список Публичн. библ. в Ленинграде, Погодииск. № 643.⁶

Разночтения — 1. Список Публичн. библ. в Ленинграде, № F, I. 286 П
2. „ Гос. Исторического музея, Уварова № 1823 У
3. „ Публичн. библ. в Ленинграде, Соловецк. № 1016 (906) С

Приход¹ чудотворнаго образа Николина ис Корсуня града.² В лето 6733.³ При великом князи⁴ Юрии⁵ Всеволодичи⁶ Володимерском,⁷ и при великом князе Ярославe Всеволодичи⁸ Новгородском,⁹ и¹⁰ сыне его

^a Шестерка в рукописи стоит не на месте — перед словом Василиск.

⁶ В основном списке, Поюд. 643, сохраняем написание предлогов въ, къ, съ с „ѣ“ ввиду того, что конечная буква ѣ иногда требует в этом списке произношения как о.

375 П. ³⁸Прокопиев П. ³⁹⁶ П. ⁴⁰Захария П. ⁴¹Покид П. ⁴²⁷ П. ⁴³Захарин П. ⁴⁴Феодосий П. ⁴⁵нет П. ⁴⁶⁸ П. ^{47—48}перестан.: сын Феодосиев П. ⁴⁹Матфей П. ⁵⁰протопопов П. ⁵¹⁹ П. ^{52—53}Иван протопопов П. ⁵⁴братьею П. ^{54—55}сын протопопа Матфея П. ^{56—57}служителей непременно роду их 335. ⁵⁸И се П. ⁵⁹Еустафий П. ^{60—61}сын Еустафия П. ⁶²Корсунскаго П.

^{1—2} Чудо святого Николы о приходе чудотворнаго его образа от Корсуня в пределы рязаньския. Благослови. На правом поле: глава 41 П; Принесение чудотворнаго образа великаго чудотворца Николы Заравскаго из преименитаго града Корсуня С. ³⁶⁷³⁵ ПС. ⁴князе ПС. ⁵Юрье П, Юрья С. ⁶Всеволодовиче С. ^{6—8}нет П. ⁷Владимерском С. ⁸ Всеволодовиче С. ⁹ новгородском П, навгородском С. ¹⁰ и при П.

Александрѣ Невском,¹¹ и при рязанском¹² великом князе Юри¹³ Ингоревиче,¹⁴ принесен бысть чудотворный образ великаго¹⁵ чудотворца Николы Заразскаго¹⁶ ис преименитаго града Херсони,¹⁷ в пределы¹⁸ рязанския,¹⁹ въ²⁰ область князя²¹ Федора²² Юрьевича²³ Рязанскаго.²⁴ А стоял чудотворный образ Николин²⁵ в Корсунѣ²⁶ посреди²⁷ града близ торгу, близ²⁸ церкви апостола²⁹ Иакова³⁰ брата Богословя.³¹ А у³² сего бо³³ апостола Иакова³⁴ крестися³⁵ самодръжавный³⁶ великий князь Владимир Святославичъ Киевский³⁷ и всея³⁸ Руси. А полата болшая³⁹ красная была⁴⁰ у чудотворца свади⁴¹ олтаря, где цари гречестии веселяхуся Василий⁴² и Константин.⁴³ Сии бо⁴⁴ цари даша сестру свою Анну за великаго⁴⁵ князя⁴⁶ Владимира Святославича Киевскаго,⁴⁷ и прислаша ю въ⁴⁸ град Корсунь.⁴⁹ Благоверная⁵⁰ царица Анна не⁵¹ сочтася брака⁵² с⁵³ Володимером⁵⁴ Святославичем и умоли его быти⁵⁵ христиана.⁵⁶ Великий⁵⁷ князь Владимир Святославич послуша⁵⁸ совета православныя⁵⁹ царицы⁶⁰ невесты своея,⁶¹ и призва епископа Анастаса⁶² корсунскаго, и веля⁶³ себе⁶⁴ просветити⁶⁵ святым крещением. И по божию строению⁶⁶ в то время⁶⁷ разболея⁶⁸ Владимир⁶⁹ очима,⁷⁰ и не видяще⁷¹ ничто же.⁷² Епископ же⁷³ Корсунский⁷⁴ Анастас⁷⁵ с попы царицины⁷⁶ крести Владимира, и⁷⁷ погрузиша его въ⁷⁸ святей⁷⁹ купели,⁸⁰ и абие прозре. И виде⁸¹ Владимир, яко⁸² вскоре⁸³ исцеле, и прослави бога,⁸⁴ и рек:⁸⁵ „Въ⁸⁶ истину⁸⁷ велий⁸⁸ бог крестиянск⁸⁹, и чудна вера сия“. Не токмо бо⁹⁰ очима⁹¹ прозре,⁹² но и душевныма⁹³ очима⁹⁴ позна⁹⁵ творца своего.⁹⁶ Тогда⁹⁷ бо⁹⁸ бысть радость велиа⁹⁹ въ¹⁰⁰ граде том о крещении¹ великаго князя² Владимира³ Святославича.⁴

11 Невском ПС. 12 рязанском П, реванском С. 13 Юрьѣ П, Юрьѣ С. 14 Игоревичѣ ПС. 15 великаго С. 16 Рязанскаго П. 17 Корьсуна П, Корсуна С. 18 приделы С. 19 рязанския П, реванския С. 20 во ПС. 21 великаго князя ПС. 22 Федора ПС. 23 нет П. 24 Рязанскаго Юрьевича П, Реванскаго С. 25 Николы чудотворца П. 26 Корсуне ПС. 27 посреде С. 28 и близ ПС. 29 святого [святаго С] апостола ПС. 30 Иякова ПС. 30—31 нет ПС. 32—33 святого П, святаго С. 34 Иякова ПС. 35 крестился П. 36 самодержец ПС. 37 Киевский П, Киевский С. 38 всеа ПС. 39 была болшая ПС. 40 нет ПС. 41 совади ПС. 42 Василие С. 43 Константин П. 44 убо ПС. 45 великаго ПС. 46—47 перестан.: киевскаго Владимира Святославича С. 47 Киевскаго П. 48 во ПС. 49 Корьсун П. 50 Благоверная же ПС. 51 преже не П. 52 браку ПС. 53 со ПС. 54 Владимиром ПС. 55 быти П. 56 христианином ПС. 57 И великий ПС. 58 послушав ПС. 59 невесты своея православныя П, православныя С. 60 царицы Анны П, царицы С. 60—61 нет П. 62 Анастася ПС. 63 велел П, веле С. 64 себя П, себе П. 65 освятити П. 66—67 нет ПС. 68—70 очима великий князь Владимир П. 69 нет С. 71 веде П, веде С. 71—72 ничего ПС. 73—75 Анастасий Корсунский П. 74 нет С. 76 царицины ПС. 77 и егда П. 78 во ПС. 79 святую ПС. 80 воду ПС. 81 виде, яко мертв и [мертвыи] ПС. 82—82 нет ПС. 83 вскоре П, воскрес и С. 84—85 нет ПС. 86 Во ПС. 87 истину ПС. 88 велик ПС. 89 крестиянск П, крестиянск С. 90 нет П. 91 внешними очима С. 92 прозре от творца своего бога П. 93 душевными П. 94 очи отверзшася П. 94—96 нет П. 95 прозре от С. 97 И тогда ПС. 98 нет ПС. 99 нет ПС. 100 во ПС.

1 крещении ПС. 1—2 нет П. 3 Владимирове П. 4 нет П.

В лето 6733.⁵ а Явися святыи⁶ великий чудотворец Николае⁷ Зарайский⁸ в преименитом граде Херсони⁹ служителю своему Еустафию¹⁰ именем¹¹ в¹² привидении.¹³ И¹⁴ рече ему¹⁵ великий¹⁶ святитель Николае:¹⁷ „Еустафие, возми мой¹⁸ чудотворный образ¹⁹ Корсунский,²⁰ и супругу²¹ свою Феодосию, и сына своего Еустафия, и гряди в землю Рязанскую.²² Тамо²³ хошу²⁴ быти, и чудеса творити,²⁵ и место прославити.“²⁶ Еустафий²⁷ убуждся²⁸ от такового видения²⁹ и нача³⁰ ужасаться.³¹ А³² въ³³ вторую³⁴ ночь³⁵ чудотворец³⁶ тако же ся³⁷ ему яви³⁸. Еустафий же в³⁹ болии⁴⁰ страх вниде,⁴¹ и нача⁴² помышляти:⁴³ „О великий чудотворец Николае, како⁴⁴ велиши⁴⁵ иги?⁴⁶ Аз, раб твой,⁴⁷ ни земли Рязанския⁴⁸ слышах,⁴⁹ ни на сердце⁵⁰ мое не⁵¹ възде.⁵² Не вем бо⁵³ та земля,⁵⁴ яко⁵⁵ на восток,⁵⁶ или⁵⁷ на запад,⁵⁸ или на юг,⁵⁹ или на север“⁶⁰ — в себе⁶¹ помышляше.⁶² А⁶³ в третью⁶⁴ ночь⁶⁵ чудотворецъ явися ему,⁶⁶ и⁶⁷ утыкая⁶⁸ в ребра,⁶⁹ и веля⁷⁰ немедленно ити,⁷² яко⁷³ на восток,⁷⁴ и поручаяся⁷⁵ его⁷⁶ доправити⁷⁷ до Рязанския⁷⁸ земли.⁷⁹ Еустафий⁸⁰ нача трепетен быти от такового видения,⁸¹ и помышляя⁸² в сердци⁸³ своем, како остати⁸⁴ предивнаго града Корсуна.⁸⁵ И мало позамедли,⁸⁶ и абие⁸⁷ нападе нань⁸⁸ болезнь главная.⁸⁹ И не по мнзех днех абие⁹⁰ ослепе,⁹¹ и нападоша⁹² на очию⁹³ его, яко чешуа.⁹⁴ Еустафий же⁹⁵ по малу⁹⁶ нача⁹⁷ ум⁹⁸ свой⁹⁹ събирати,¹⁰⁰ и каятися —¹⁰² них же съдеях.³ И припаде прилежно к чудотворному образу,⁴ и⁵ нача⁶ плакаться⁷ и каятися:⁸ „О великий чудотворец Николае, възвеличанный¹⁰ от Господа¹¹ на небесех и прославленный на земли

^a Отсюда начинается список Уварова № 1823.

⁵ 6735 ПС ⁶⁻⁷ Николае чудотворец С. ⁸ Зарайский У. ⁹ Корьсуне ПС, Курсуне У. ¹⁰ Еустафию ПУС. ¹¹⁻¹³ ему в привидении П. ¹¹⁻¹⁵ нет П. ¹² и в С. ¹³⁻¹⁷ нет П. ¹⁴ нет УС. ¹⁶ великий УС. ¹⁸⁻¹⁹ образ мой чудотворный П. ²⁰ Корсунский П. ²¹ жену С. ² Рязанскую П, Рязанскую С. ²³ Тамо об ПС. ²⁴ хошу ПС. ²⁵⁻²⁶ нет ПУ. ²⁷ Еустафий же ПУ. ²⁸ убудися П, убуждися С. ²⁹ сновидения П, видения УС. ³⁰ начаг С. ³¹ ужасатися ПУС. ³² И ПС, нет У. ³³ во ПУС. ³⁴ вторую же У. ³⁵ ноц П. ³⁵⁻³⁸ како же чудотворецъ явися ему У. ³⁶ чудотворец Николае П. ³⁷ нет ПУС. ³⁸ явися ПУС. ³⁹ и в П. ⁴⁰ болший ПУ. ⁴¹ прииде П, впаде У. ⁴² начаг С. ⁴³ добавл.: во ему си, глаголя: У. ⁴⁴ како С. ⁴⁵ велиши ми П. ⁴⁵⁻⁴⁷ нет У. ⁴⁶ итти У. ⁴⁸ Рязанские П, Рязанския У, Рязанские С. ⁴⁹ свем, ниже слышал есмь П, слышал У. ⁴⁹⁻⁵² нет П. ⁵⁰ сердце УС. ⁵¹ нет У. ⁵²⁻⁵³ где П. ⁵⁴ земли У. ⁵⁵ нет ПУ. ⁵⁵⁻⁵⁷ нет С. ⁵⁶ востоке ПУ. ⁵⁸ западе ПУ. ⁵⁹ уге П, уг У. ⁶⁰ север П. ⁶⁰⁻⁶¹ се П, все С. ⁶⁰⁻⁶² и помышляше в себе У. ⁶² помышляюще ему П. ⁶²⁻⁶⁸ явися ему святыи Николае и в третью ночь, ударяя У. ⁶³ И абие П. ⁶⁴ грекою ПС. ⁶⁵ ноц П. ⁶⁵⁻⁶⁶ явися ему чудо:ворец Николае П. ⁶⁷ нет П. ⁶⁸ ребра его П, ребра ему С. ⁷⁰ веля ему ПС. ⁷² итти П, итти С. ⁷³ нет П. ⁷⁴ восток С. ⁷⁵ поручает ПС. ⁷⁵⁻⁷⁷ перестан: доправити его У. ⁷⁶ нет П. ⁷⁷ допроводити ПС. ⁷⁸ Рязанские П, Рязанския С. ⁷⁹⁻⁸⁶ нет У. ⁸⁰ Еустафий же ПС. ⁸¹ видения ПС. ⁸² помышляше П, помышляя С. ⁸³ сердци ПС. ⁸⁴ оставили С. ⁸⁵ Корьсуня П. ⁸⁶ позамедлив П, помедлив С. ⁸⁶⁻⁸⁷ нет С. ⁸⁸ на него П. ⁸⁸⁻⁸⁹ перестан: главная болезнь У. ⁹⁰ нет П. ⁹¹ ослеплен бмх П. ⁹² нападе ПУС. ⁹³ очи УС. ⁹⁴ чешуа П, чешуя УС. ⁹⁵⁻⁹⁶ нет УС. ⁹⁵⁻⁹⁷ нача помалу П. ⁹⁷⁻⁹⁹ по мале своя С. ⁹⁷⁻¹ помышляти во уме своем и каяся У. ⁹⁸ нет П. ⁹⁹ своя П. ¹⁰⁰ соби, аги П, сибирати (!) С.

¹ содеях У. ¹⁻³ о гресе своем П. ² от С. ³ содея С. ⁴ образу Николину П. ⁴⁻⁸ со слезами моляся П. ⁵ нет С. ⁶ нача С. ⁶⁻⁸ каятися и плакати С. ⁹ святителю чудотворец У. ¹⁰ възвеличанный ПС. ¹¹ бога ПС.

в чюдесех¹ съгреших¹² пред тобою, владыко,¹³ — не послушах твоего повеления.¹⁴ Прости мя, грешнаго раба твоего. Буди воля твоя, яко же изволи¹⁵.¹⁵ И абие прозре на¹⁶ чюдотворный образ, и бысть глава его без болезни, а¹⁷ очи его без мозоля,¹⁸ яко же преж.¹⁹ Еустафие²⁰ вборзе²¹ взем чюдотворный образ корсунской,²² и²³ жену²⁴ свою Феодосию,²⁵ и сына своего Еустафия,²⁶ единаго²⁷ от клирик —²⁸ предстатель своих,²⁹ и забы³⁰ преименитаго града Корсуни, и³¹ отрекся³² всего³³ своего имени.³⁴ И поиде в³⁵ след³¹ чюдотворнаго образа,³⁷ яко же³⁸ чюдотворец изволи,³⁹ богу⁴⁰ его съблюдаючи,⁴¹ а чюдотворец ему⁴² путь правяше.⁴³ Еустафий же⁴⁴ нача¹⁵ молити всемилостиваго бога и пречистую его мать,⁴⁶ и великаго чюдотворца Николу, чтобы ему по чюдотворцеву⁴⁷ изволению получитьи желание свое. И хотя ити⁴⁸ вверх по⁴⁹ Днепру,⁵⁰ и паки мысляща⁵¹ ити⁵² за Днепр⁵³ половецкою⁵⁴ страну,⁵⁵ уповаше бо на великаго чюдотворца Николу, яко тѣй⁵⁶ съхранити⁵⁷ можетъ⁵⁸ от поганых половець,⁵⁹ и доправитъ⁶⁰ его⁶¹ до Рязанския⁶² земли.⁶³ И не сбытсѣя⁶⁴ мысль его. Великий же чюдотворец⁶⁵ явился Еустафию и възбрани¹⁶ ему ити⁶⁷ чрес⁶⁸ землю поганых половець,⁶⁹ и велѣ⁷⁰ ему ити⁷¹ до устья⁷² Днепрьскаго,⁷³ и ити⁷⁴ Понтеским⁷⁵ морем в⁷⁶ море Варяжское,⁷⁷ и⁷⁸ ити⁷⁹ въ⁸⁰ области немецкия,⁸¹ и паки сухим путем ити⁸² до великаго Новаграда. И оттуду⁸³ дойти⁸⁴ до Рязанския⁸⁵ земля⁸⁶ невозбранно,⁸⁷ — от всего мира⁸⁸ чести приемлемо.⁸⁹ Еустафий же поиде, яко же чюдотворец изволи. И доиде устье⁹⁰ Днепрьское⁹¹ Понтескаго⁹² моря, — се же море словет Руское.⁹³ И⁹⁴ сѣде⁹⁵ в корабль, и доиде⁹⁶ моря Варяжскаго,⁹⁷ и паки прииде⁹⁸ в Немецкия⁹⁹ области въ¹⁰⁰ град Кес,¹ и² пребы³ ту мало дний.⁴ И поиде

¹²согреших ПУС. ^{12—13}владыко пред тобою ПС. ¹⁴повеления ПУС. ¹⁵изволи ты сотворю ныне П. ¹⁶взя на ПС. ¹⁷и ПУС. ¹⁸мозоля П, мозоли У. ¹⁹и преж ПС, и преже У. ^{19—23}И взем Еустафий чюдотворный образ вскорь и поим с собою У. ²⁰Еустафий же ПС. ²¹вскорь С. ²²корсуньскый П, корсуньскый С. ²⁴супругу П. ²⁵нет У. ²⁶нет У. ^{26—29}и предстатель своих, единаго от клирик У. ²⁷и единаго ПС. ^{28—29}перестан.: своих предстатель С. ³⁰подде ис У. ³¹нет ПС. ³²отречеся ПС. ³³нет ПС. ³⁴имения УС. ³⁵во УС. ^{36—37}святого Николы ПС. ^{38—39}изволи чюдотворец С. ^{40—41}перестан.: съблюдающе его У. ⁴¹съблюдающе ПС. ⁴²ему Никола П. ⁴³правящу У, правит С. ^{43—45}и нача Еустафий У. ⁴⁴же П. ⁴⁶богоматерь П. ⁴⁷чюдотворцеву П, чюдотворцеву У, чюдотворну С. ⁴⁸итти П. ⁴⁹подде П. ⁵⁰Непру реку П, Непру С. ⁵¹помышляше ПУС. ⁵²итти ПС. ⁵³Днепру П, Непр С. ⁵⁴половецкую С. ⁵⁵уповаше С. ⁵⁶той ПУ, той может С. ⁵⁷сохранити ПУС. ⁵⁸может П, может его У, нет С. ⁵⁹половець ПУС. ⁶⁰доправит ПУ, допроводит С. ⁶¹их ПС, нет У. ⁶²Рязанския П, Рязанския У, Рязанския С. ⁶³земля П. ⁶⁴избытсѣя П, избытсѣя С. ⁶⁵чюдотворец Николае П. ⁶⁶возбрани ПУ, возбранив С. ⁶⁷нет ПС. ⁶⁸через У, через С. ⁶⁹половець итти ПС. ⁷⁰велѣше У. ⁷¹итти П. ⁷²устья УС. ⁷³Непрьскаго П, Поднепродкаго С. ^{73—74}нет П. ⁷⁵Понтийским ПС, Понтиским У. ⁷⁶и в П. ^{76—77}перестан.: Варяжское море У. ⁷⁷Варяжское П. ^{77—79}нет У. ⁷⁸нет П. ⁷⁹итти ПС. ⁸⁰во ПС. ^{80—81}перестан.: немецкия области У. ⁸¹немецкия С. ⁸²итти ПС, отити У. ⁸³оттуды П. ⁸⁴доитти П, ити У. ⁸⁵Рязанския П, Рязанския У, Рязанския С. ⁸⁶земли ПУС. ^{87—89}нет У. ⁸⁸миру С. ⁸⁹приемлюще П, приемля С. ⁹⁰устья П, устья УС. ⁹¹Непрьскаго П, Днепрьского У, Днепродкаго С. ⁹²до Понтийскаго П, Понтискаго У, Понтийскаго С. ⁹³Русское У. ⁹⁴нет П. ⁹⁵сѣде У. ^{96—98}нет У. ⁹⁷Варяжскаго П, Варяжскаго С. ⁹⁸Немецкия П, Немецкия УС. ¹⁰⁰во П.

¹Кезь П, Кесъ У, Кезис С. ²нет П. ³пребыть же ПС. ⁴нет ПС.

сухим путем по Немецкой земли.⁵ Великий же чудотворец Николае⁶ Корсунской⁷ — Зараский⁸ нача путем⁹ великия¹⁰ чудеса творити,¹¹ яко не мочно¹² счести,¹³ или писанию предати.¹⁴ И прииде в Великий Новград,¹⁵ чудесем же от чудотворнаго образа болма умножишася.¹⁶ Жена же Еустафиева¹⁷ Феодосиа¹⁸ възлюби¹⁹ Великий²⁰ Новъград, и не хотя²¹ ити²² въ²³ след чудотворнаго²⁴ образа, устрелена²⁵ бранию вражиею,²⁶ и скрыся от мужа своего на мало²⁷ время.²⁸ И абие разслабе²⁹ вся³⁰ уды телеси³¹ ея,³² и бысть яко мертва, и недвижима, и едино дыхание в персех³⁴ ея бяше. И³⁵ неци³⁶ сказаша Еустафию, яко жена его³⁷ при кончине³⁸ живота ея.³⁹ Еустафие⁴⁰ же услыша,⁴¹ яко жена⁴² его⁴³ при смърти,⁴⁴ и⁴⁵ припаде к чудотворному образу, и нача⁴⁶ молити⁴⁷ съ⁴⁸ слезами, и рек:⁴⁹ „О великий чудотворецъ⁵¹ Николае, прости рабу свою,⁵¹ — съгреших⁵² ти, яко едина от безумных жен“. И абие⁵³ в той час⁵⁴ исцелена⁵⁵ бысть.⁵⁶ Еустафий же взя⁵⁷ чудотворный образ, и⁵⁸ иде в путь свой, и хотя дойти⁵⁹ желаемаго.⁶⁰ И паки многими денми⁶¹ доиде⁶² Рязанскыя⁶³ земли, и нача помышляти:⁶⁴ „О великий⁶⁵ чудотворец Николае, се земля Рязанская,⁶⁶ камо⁶⁷ хощу⁶⁸ ити⁶⁹ и покой обрести.⁷⁰ Еустафие⁷¹ съгреших⁷² в мысли своей, забы⁷³ прежняго⁷⁴ чудотворцева⁷⁵ видения⁷⁶ и чудес⁷⁷ его“. ⁷⁸ Великий же⁷⁹ чудотворец Николае явися благоверному князю Феодору Юриевичю⁸⁰ Рязанскому⁸¹ и⁸² поведи ему⁸³ приход чудотворнаго⁸⁴ своего образа⁸⁵ ис Корсуня,⁸⁶ и⁸⁷ рек:⁸⁸ „Княже, гряди во стретение⁸⁹ чудотворнаго моего образа ис⁹⁰ Корсунскаго.⁹¹ Хощу бо⁹² zde быти, и чудеса творити, и место прославити.⁹³ Да молю о⁹⁴ тебе всемилостиваго⁹⁵ и⁹⁶ человеколюбиваго⁹⁷ бога — да подарует⁹⁸ ти⁹⁹ венец

5земле У. 6—8нет У. 7Корьсуньский П, Корсунский С. и 8 Зараский П, нет С. 9на пути У. 10великая П, нет УС. 11творити великая С. 11—14многа и неисчетна У. 12мощно П, мощно С. 13изчести П. 15Новъград ПС. 16умножившимся ПУ. 16—17Еустафиева же жена С. 18Феодосиа ПУС. 19возлюби вельми П, возлюби У. 20нет ПУС. 21хотяше У. 22итти ПС. 23во ПУС. 24чудотворнаго П. 25устрелена бо бе С. 25—26вражним светом бысть П, вражиею бранию У. 27малы С. 28дний П, дни С. 29разболелся ПС. 30всеми ПС. 31телесными С. 32своего П, нет С. 34персех П, псех У. 35нет ПУ. 36Неци ж П, Неци же У, неци С. 37твоя П. 38конче П. 39своего П, нет С. 40Еустафий ПУС. 41слышав ПС, слыша У. 42живота С. 43ея С. 44смерти ПУС. 45он же П, нет С. 46нача С. 47молитися ПУС. 48оо ПУС. 49рече ПУС. 50чудотворец ПУС. 51твою П. 52согреша бо П, согреших У, согрешышую С. 53—56перестан.: исцелена бысть в той час У. 54—56бысть жена его здрава С. 55здрава П. 57взя ть П. 58нет У. 59доитти П. 60желаемаго места ПС. 61деньми ПУС. 62доиде до У. 63Рязанские П, Рязанский У, Рязанский С. 64добавл.: и моляся У. 65владыко ПС. 66Рязанская У, Рязанская С. 67и камо П. 68хощеши П. 69ити ПС. 69—70по коей области П. 71Еустафий же П, нет УС. 72согрешил еси П, И согреша У, согреших С. 73забыл П, и забы У. 74прежня [зачеркнуто на] П, прежня У. 75чудотворения и П, чудотворнаго С. 76видения ПУС. 76—78нет П, и великая чудеса У. 77чудеса С. 79же ПУ. 80Юрьевичю ПУС. 81Рязанскому С. 82нет С. 83—85перестан.: своего чудотворнаго образа приход У. 84—85перестан.: образа своего С. 86Корьсуня П. 87нет П. 88рече ему П. 89след С. 90из С. 91Корьсуня града грядущаго П, Корсуньскаго града У, Корсуня града пришедшаго С. 92убо С. 93просветити ПС. 94и о П, нет С. 95—97нет С. 96нет П. 97челолюбца П. 98поручит П, подаст У. 99тебе П, нет С.

царствия¹⁰⁰ небеснаго, и жене твоей, и сынови¹ твоему“. Благоверный² князь Феодор Юриевич³ Рязанский⁴ възбну⁵ от сна,⁶ и устращися⁷ таковаго⁸ видения,⁹ и¹⁰ нача помышляти в таинем¹¹ храме¹² сердца своего,¹⁴ яко¹⁵ страхом обнят быв.¹⁶ И не поведана ни единому¹⁷ же¹⁸ страшнаго видения,¹⁹ и нача помышляти.²⁰ „Великий²¹ чудотворец Николае²², како ми еси²³ поведал,²⁴ яко умолиши о мне милостиваго²⁵ и человеколюбиваго²⁶ бога — да сподобит мя венца царства²⁷ небеснаго, и жене моей, и сынови²⁸ моему: аз бо²⁹ ни браку съчтася,³⁰ ни плода чрева³¹ не³² имех“. ³³ И вскоре³⁴ иде³⁵ в³⁶ стретение³⁷ чудотворнаго образа^a и виде издалече³⁸ от чудотворнаго образа^b ³⁹ яко⁴⁰ свет⁴¹ неизреченный блистаяся.⁴² Князь⁴³ Феодор Юриевич⁴⁴ припаде к чудотворному образу⁴⁵ съкрушенным⁴⁶ сердцем. И⁴⁷ испущая слезы, яко струя.⁴⁸ И приа⁴⁹ любезно⁵⁰ чудотворный⁵¹ образ,⁵² и принесе въ⁵³ область свою.⁵⁴ И вскоре⁵⁵ посла весть⁵⁶ къ⁵⁷ отцу своему великому⁵⁸ князю⁵⁹ Юрью⁶⁰ Ингоревичю⁶¹ Рязанскому, поведана⁶² ему приход чудотворнаго образа Николаина⁶³ ис⁶⁴ Корсуня.⁶⁵ Великий⁶⁶ князь⁶⁷ Юрий⁶⁸ Ингоревич⁶⁹ Рязанский⁷⁰ услыша⁷¹ приход чудотворнаго⁷² образа,⁷³ и възблагодарив⁷⁴ бога,⁷⁵ яко⁷⁶ посети бог⁷⁷ людей своих⁷⁸ и не забы дело⁷⁹ руку⁸⁰ своею.⁸¹ И взя с собою епископа Ефросима⁸² Святогорца,⁸³ и въскоре⁸⁴ прииде в⁸⁵ область⁸⁶ къ⁸⁷ сыну⁸⁸ своему⁸⁹ князю⁹⁰ Феодору⁹¹ Юрьевичю.⁹² И увидя⁹³ от чудотворнаго образа великаа⁹⁴ и преславнаа⁹⁵ чудеса, и⁹⁶ радости⁹⁷ духовныя⁹⁸ наполнися⁹⁹ о¹⁰⁰ преславных чудесех.¹ И вскоре² създаша³

^{a-b} Вставка в рук. на поле внизу.

¹⁰⁰царства П, царствия У.

¹сыну ПС. ²Благоверный же ПУС. ³Юрьевич ПУ, Юрьевич С. ⁴нет ПУ, Резаньский С. ⁵возбнув ПУ, возбудився С. ⁶сна своего У. ⁷устраився С. ⁸от таковаго П. ⁹сновидения П. ¹⁰нет ПС. ¹¹тайне ПУС. ¹²нет ПУ, храмине С. ¹³нет С. ¹⁴своей С. ¹⁵нет П, и У. ¹⁶бысть УС. ¹⁷кому УС. ¹⁸нет П. ¹⁹того видения П, видения У, видения таковаго С. ¹⁹⁻²⁰и в мысли своей глаголаше У. ²¹О великий ПС. ²¹⁻²²святитель Николае чудотворец У. ²³сие ПС. ²⁴поведаеша С. ²⁵всемилостиваго бога ПС. ²⁵⁻²⁶нет П. ²⁷царства П, царствия УС. ²⁸сыну ПС. ²⁹бо еще П. ³⁰сочтася ПУ, сочтався С. ³¹чревнаго П. ³²нет ПУ. ³³⁻³⁴Востав искоре и У. ³⁴въскоре П. ³⁵поиде П. ³⁶во ПУС. ³⁷стретение У. ³⁸текст вставки имеется во всех списках; издалече П, далече У, издалече С. ³⁸⁻³⁹нет У. ⁴⁰издалече, яко П. ⁴¹⁻⁴²сия неизреченный С. ⁴²сияющъ П. ⁴²⁻⁴⁵И прииде до чудотворнаго образа и припаде У. ⁴⁴Юрьевич ПС. ⁴⁵сокрушенным ПУС. ⁴⁷нет ПУ. ⁴⁸струю ПС. ⁴⁹припадая ПС, прия У. ⁵⁰прилежно к С. ⁵⁰⁻⁵⁴и принесе чудотворный образ во свою область П. ⁵¹чудотворному С. ⁵²образу С. ⁵³во УС. ⁵⁵въскоре П. ⁵⁶вестивки П, нет С. ⁵⁷ко ПУС. ⁵⁸нет ПС. ⁵⁹до князю ПС. ⁶⁰Георгию У. ⁶¹Игоревичю У. ⁶²и поведана У. ⁶³нет С. ⁶⁴иже ис У. ⁶⁵⁻⁶⁷Благоверный же С. ⁶⁶Великий же ПУ. ⁶⁸Юрью П, Георгию У, Юрью С. ⁶⁹Игоревич У. ⁷⁰нет П, Резаньский С. ⁷¹слыша У, услышав С. ⁷²чудотворца Николая П. ⁷³нет П, образа Николаина С. ⁷⁴благодари П, прослави У, благодарив С. ⁷⁵⁻⁷⁶и рече: „Се С. ⁷⁵⁻⁸¹Боголюбивый же князь Юрью не забы дела рук своих поиде въскоре П. ⁷⁷нет У. ⁷⁸⁻⁸¹нет У. ⁷⁹дел С. ⁸⁰рук С. ⁸¹своих С. ⁸²Ефросина ПУ. ⁸³Святогорца (!) П. ⁸⁴нет П, вскоре УС. ⁸⁵во ПУС. ⁸⁶области УС. ⁸⁷нет ПУС. ⁸⁸сына ПУС. ⁸⁹своего ПУС. ⁹⁰нет ПУС. ⁹¹Феодора ПУС. ⁹²Юрьевича Рязанскаго [Резаньскаго С] ПС, нет У. ⁹³виде ПУС. ⁹⁴великая ПУС. ⁹⁵преславная ПУС. ⁹⁶нет У. ⁹⁷благодати П. ⁹⁸духовныя ПУС. ⁹⁹исполнися У. ¹⁰⁰от ПС.

¹чюдес ПС. ²въскоре П. ³создаша ПУС.

храм во имя⁴ великаго⁵ чудотворца Николы⁶ Корсунскаго.⁷ И⁸ святы⁹ ю¹⁰ епископ Ефросим,¹¹ и¹² торжества¹³ светло. И¹⁴ отиде¹⁵ въ¹ свой¹⁷ град.¹⁸ Не по мнзех¹⁹ летех²⁰ благоверный князь Феодор Юриевичъ²¹ Рязанский²² съчтася²³ браку и²⁴ поят²⁵ княгиню от царьска рода²⁶ именем Еупраксию.²⁷ И не по мнзех летех²⁸ паку²⁹ сына роди именем Иоана³⁰ Посника.³¹

В лето³² 6745.³³ Убиен бысть благоверный князь Феодор³⁴ Юрьевичъ³⁵ Рязанский³⁶ от безбожнаго царя Батыя на реке³⁷ на Вороноже.³⁸ И услыша³⁹ благовернаа⁴⁰ княгини⁴¹ Еупраксия⁴² царевна,⁴³ яко убиен⁴⁴ князь⁴⁵ Феодор⁴⁶ Юриевичъ,⁴⁷ и абие ринуся⁴⁸ ис превысокаго⁴⁹ храма⁵⁰ своего⁵¹ и с сыном⁵² князем⁵³ Иваном⁵⁴ Федоровичем⁵⁵ Посником,⁵⁶ и заразися и⁵⁷ до смерти.⁵⁸ И пренесоша⁵⁹ тело⁶⁰ блаженнаго⁶¹ князя Феодора⁶² Юриевича⁶³ Рязанскаго⁶⁴ к великому⁶⁵ чудотворцу Николу Корсунскому,⁶⁶ и положиша его,⁶⁷ и его благоверную⁶⁸ княгиню Еупраксию,⁶⁹ и сына их князя⁷⁰ Ивана⁷¹ Федоровича⁷² Посника⁷³ в⁷⁴ едином месте, и поставиша над ними кресты⁷⁵ камены.⁷⁶ И от сеа⁷⁷ вины да⁷⁸ зовется⁷⁹ великий чудотворец Николае Зараский,⁸⁰ яко⁸¹ благовернаа⁸² княгини⁸³ Еупраксия⁸⁴ и⁸⁵ с сыном⁸⁶ князем⁸⁷ Иоаном⁸⁸ сама себе зарази.⁸⁹

Служителей⁹⁰ у великаго чудотворца Николы Зараскаго: 1⁹¹ служил⁹² Еустафей⁹³ Рака⁹⁴ корсунск, что прииде⁹⁵ с чудотворным образом ис Корсуни;⁹⁶ 2⁹⁷ служил⁹⁸ сын его Еустафий; 3⁹⁹ служил¹⁰⁰ сын¹ Еустафиев

⁴—⁶святаго Николы чудотворца С. ⁵нет П. ⁵—⁷святителя и чудотворца Николы У. ⁷Корьсунскаго ПС. ⁷—¹¹Епископ же Ефросин освятит ю У. ⁸И сей П, И се С. ⁹освятит ПС. ¹⁰нет ПС. ¹¹Ефросин П. ¹²нет С. ¹³торжества П. ¹⁴нет П. ¹⁵отиде же князь Юрье со епископом П, отоиде С. ¹⁶во ПУС. ¹⁷нет П. ¹⁸град свой, слава святого Николу П. ¹⁹мнзех же ПУ, мнзех же С. ²⁰времени С. ²¹Георгиевичъ У, Юрьвич С. ²²Рязанский ПУ, Резаньский С. ²³сочтася ПС, сочегася У. ²⁴нет П. ²⁵поия ПС. ²⁶роду ПУ. ²⁷—³¹И родися ему сын, зовомый Постник У. ²⁸—³¹роди ему сына Ивана Постника П. ²⁹нет С. ³⁰Ивана С. ³¹Посника С. ³²лета У. ³³6745-го году С. ³⁴Федор П. ³⁵Георгиевичъ У. ³⁶Резаньский С. ³⁷реки С. ³⁸Воронаже П, Воронеж же У, Вороняже С. ³⁹услышав П, слыша У. ⁴⁰благоверная ПУС. ⁴¹царица ПС, княгиня С. ⁴²Еупраксия ПУС. ⁴³нет ПУС. ⁴⁴убиен бысть благоверный П, убиен бысть УС. ⁴⁵князь ея У. ⁴⁶Федор П. ⁴⁷Юрьевичъ ПС, Георгиевичъ У. ⁴⁸ринувся С. ⁴⁹превысокия П. ⁵⁰полаты П. ⁵¹своея П. ⁵²сыном своим со ПУС. ⁵³со князем ПУС. ⁵⁴Иванном У. ⁵⁵нет У. ⁵⁶нет П, Постником У. ⁵⁷нет ПУС. ⁵⁸—⁶⁵Тело же блаженнаго великаго князя Феодо[ра] пренесоша к великому святителю У. ⁵⁹пренесоша П. ⁶⁰нет ПС. ⁶¹благовернаго П. ⁶²Федора П. ⁶³Юрьевича ПС. ⁶⁴Рязаньскаго П, Резаньскаго С. ⁶⁵Корьсуньскому П, Корсуньскому С. ⁶⁶—⁶⁷нет У. ⁶⁷его ту П. ⁶⁸нет У. ⁶⁹Еупраксею П. ⁷⁰нет П. ⁷¹Иванна ПУС. ⁷²Федоровича П, нет У. ⁷³Постника и погребоша их П, Постника и погребоша их вкупе У. ⁷⁴во ПУС. ⁷⁵крест ПУС. ⁷⁶каменной П, каменный УС. ⁷⁷сея ПУС. ⁷⁸нет У. ⁷⁹зоветца П. ⁸⁰Зараский У. ⁸¹еже П, нет С. ⁸²благоверная П, великая У, благоверная же С. ⁸³княгиня У. ⁸⁴Еупраксия ПУС. ⁸⁴—⁸⁹Сама себе зарази и с сыном своим У. ⁸⁵нет С. ⁸⁶сыном своим ПС. ⁸⁷со князем С. ⁸⁸Иванном Федоровичем Постником П, Иваном Федоровичем С. ⁸⁹Дальнейшего родословия служителей нет ПУ. ⁹⁰Служители С. ⁹¹Первый С. ⁹²служитель С. ⁹³Еустафий С. ⁹⁴нет С. ⁹⁵—⁹⁶перестан.: ис Корсуни с чудотворным образом С. ⁹⁷второй С. ⁹⁸служитель С. ⁹⁹третий С. ¹⁰⁰служитель С.

Малаго² — Прокопей;³ 4⁴ служил⁵ сын Прокопиев Никита; 5⁶ служил⁷ сын Никитин Василиск; 6⁸ служил⁹ сын Василисков Захарие¹⁰ Покид;¹¹ 7¹² служил¹³ сын Захарин¹⁴ Феодосей;¹⁵ 8¹⁶ служил¹⁷ брат его Игнатей;¹⁸ 9¹⁹ служил²⁰ брат его Иван Волк; 10²¹ служил²² Феодосиев сын протопоп Матфей; 11²³ служил²⁴ сын Матфеев протопоп Иван.

25 В лето²⁶ 6745.²⁷ В²⁸ второе на десяте²⁹ лето по принесении³⁰ ис Корсуня³¹ Николина чудотворнаго образа³² прииде безбожный³⁴ царь Батый на Рускую³⁵ землю съ³⁶ множество³⁷ вой³⁸ татарскими,³⁹ и ста на⁴⁰ Воронеже.⁴¹ И посла на Рязань⁴² к великому князю Юрью⁴³ Ингоревичю⁴⁴ Рязанскому⁴⁵ послы⁴⁶ безделны,⁴⁷ и⁴⁸ прося⁴⁹ десятины в⁵⁰ князех,⁵¹ и в людех, и в конех.⁵² И услыша⁵³ великий князь Юрий⁵⁴ Ингоревичь⁵⁵ приход безбожнаго царя Батыя, и⁵⁶ вскоре⁵⁷ посла по братию свою по князя Олга Краснаго, и по князя Давида⁵⁸ Муромскаго,⁵⁹ и⁶⁰ князя Глеба Коломенскаго, и по князя Всеволода Пронскаго, и по прочии⁶³ князи местныя. И начаша⁶⁴ с ними⁶⁵ съвещевати,⁶⁶ яко нечестива⁶⁷ подобает⁶⁸ утоляти дары.⁶⁹ И посла сына своего князя Феодора⁷⁰ Юрьевича⁷¹ к безбожному царю Батыю⁷² с⁷³ дары и⁷⁴ молении⁷⁵ великими,⁷⁶ чтобы не воевал Рязанския⁷⁷ земли. И⁷⁸ князь⁷⁹ Феодор⁸⁰ Юрьевич⁸¹ сrete⁸² царя Батыя⁸³ на Воронеже,⁸⁴ и моли его, и⁸⁵ утоляя дары,⁸⁶ чтобы не воевал Рязанския⁸⁷ земля. 85 Безбожный⁸⁹ царь Батый, лстив,⁹⁰ немилосерд,⁹¹ прия дары лестию, и охабися⁹² воевати Рязанския⁹³ земли.⁹⁴ И начаша⁹⁵

2Малого С. 3Прокопий С. 4четвертый С. 5служитель С. 6пятый С. 7служитель С. 8шестый С. 9служитель С. 10Захария С. 11нет С. 12седмый С. 13служитель С. 14Захариев С. 15Феодосий С. 16осьмый С. 17служитель С. 18Игнатий С. 19девятый С. 20служитель С. 21десятый С. 22служитель С. 23первый на десять С. 24служитель С. 25Залоловок: О нахождении безбожнаго царя Батыя, и о пленении Рязанских предел, и о убении князей рязаньских. На правом поле: Глава 42 П. 26лета У. 27шесть тысящ восьмсот четыре десять пятого году У. 28Во ПУС. 29десять ПУ, десять С. 30—32чудотворнаго образа Николина ис Корьсуня в пределы Рязаньские П. 31—32чудотворнаго образа Николы чудотворца У, чудотворнаго образа Николина С. 34безбожный бо У, нет С. 35Русскую У. 36со ПУС. 37многими ПС, множеством У. 38войнством У. 39татарскими П, татарским У. 40на реке на ПС. 41Воронажеи П, Воронежже У, Вороняже С. 42Резань С. 43Георгию У. 44Ингоревичю У. 45Рязаньскому П, Резаньскому С. 46и посла своя У. 47безделныя У. 48нет ПС. 49добавл.: у него У. 50во У. 51—52и в конях, и в людех П, же и в конех, и в людех С. 52—55Великий же князь Георгий услыша У. 53услышав С. 54Юрью ПС. 56нет У. 57вскоре ПУ. 58Давида ПС. 59Муромьскаго П, Муромскаго С. 60и по ПУС. 63протьячая П, прочая С. 64нача У. 64—65нет У. 66совет творити П, совещаветися У. Совет совещавети С. 67нечестиваго ПУС. 68—69дары утоляти П, дарми утоляти У, дарми уголити С. 70Федора П. 71Георгиевича У. 72нет С. 73з ПУС. 74многими и П. 75молением П, со у. . . ни [оборван лист в месте пере тоса] У. 76нет П, великими УС. 77Рязаньския П, Рязанския У, Резаньские С. 78нет ПУ. 79князь же П, князь УС. 80Федор П, нет УС. 81Юрьевич П, нет У. 82стрете П. 83нет ПС. 84Воронеже У, Вороняже С. 85нет ПС. 86дарми великими У. 86—89нет У. 87Рязаньския П, Резаньские С. 88земли П. 89Безбожный же ПУС. 90лстив ПУС. 91а немилосерд ПС, и немилосерд У. 92хабися П, хваляся У, хотя С. 93Рязаньскую, Рязанскую У, Резаньские С. 94землю ПУ 95нача ПС. 91—97А князей рязаньских нача

рязанских⁹⁶ князей потехами тешити⁹⁷. И нача⁹⁸ просити у них⁹⁹ дщери¹⁰⁰ или¹ сестры² себе³ на ложе.⁴ И⁵ некий⁶ от⁷ велмож⁸ рязанских⁹ научен¹⁰ бесом¹¹ и¹² сказа безбожному¹³ царю Батыю,¹⁴ яко благоверный князь Феодор¹⁵ Юриевич¹⁶ имеет у себе¹⁷ княгиню от царьскаго¹⁸ рода,¹⁹ а телом-лепотою²⁰ красна²¹ бе²² зело. Безбожный же царь Батый лукав²³ бо есть²⁴ и²⁵ немилостив в²⁶ неверии своем пореваем²⁷ в²⁸ похоти²⁹ плоти своея,³⁰ и рече князю Феодору³¹ Юриевичу:³² „Дажь³³ ми, княже, видети жены³⁴ твоя³⁵ красоты“.³⁶ Благоверный³⁷ князь Феодор³⁹ посмеяся⁴⁰ и⁴¹ рече царю:⁴² „Не полезно⁴³ бо⁴⁴ есть⁴⁵ нам хрестияном⁴⁶ тебе нечестивому царю⁴⁷ давати жены своя⁴⁸ на блуд. Аще нас⁴⁹ преодолееши,⁵⁰ то⁵¹ и женами нашими⁵² владети начнеши“.⁵³ Царь⁵⁴ Батый безбожный⁵⁵ възярился⁵⁶ зело⁵⁷ и огорчился,⁵⁸ и веле⁵⁹ вскоре⁶⁰ убити⁶¹ блаженнаго князя Феодора⁶² Юриевича⁶³ Рязанскаго,⁶⁴ а тело его повеле⁶⁵ поврещи⁶⁶ зверем⁶⁷ и птицам на растерзание,⁶⁸ и инех⁶⁹ многих⁷⁰ князей⁷¹ и нарочитых⁷² людей побил.⁷³

И⁷⁴ некий⁷⁵ един⁷⁶ от пестун⁷⁷ князя Феодора⁷⁸ Юрьевича⁷⁹ именем Апоница,⁸⁰ зря на блаженное⁸¹ тело честнаго⁸² своего государя,⁸³ горко⁸⁴ плачущися,⁸⁵ видя его⁸⁶ никем⁸⁷ брегома, и взял тело честнаго своего государя⁸⁸ и съхрани⁸⁹ его на мало время. И ускори к⁹⁰ благоверной⁹¹ княгини⁹² Еупраксии,⁹³ и сказа⁹⁴ ей,⁹⁵ яко нечестивый царь Батый убил⁹⁶ блаженнаго⁹⁷ князя Феодора⁹⁸ Юрьевича.⁹⁹

потехами тешити П. ⁹⁶Рязанских С. ⁹⁷утешати У. ⁹⁸нет У, начаша С. ^{98—99}у них просити С. ¹⁰⁰дщерей ПУС.

¹и ПУ. ²сестр ПУ. ^{2—4}перестан.: на ложе себе У. ³нет П. ⁴ложе свое П, ложки С. ⁵нет У. ⁶Некий же У. ⁷нет С. ⁸вельмож П, велмож У, велможа С. ⁹рязанских П, рязанских У, рязанских (I) С. ¹⁰научением П. ¹¹дьявольскими П, дьяволом С. ¹²нет П. ¹³нет С. ¹⁴Бабатыю П. ¹⁵Федор П. ¹⁶Юрьевич ПС, Георгиевич У. ¹⁷себя С. ¹⁸царска УС. ¹⁹роду УС. ^{19—20}а телом и лепотою П, лепотою и телом У, телом и лепотою С. ²¹красну У. ²²нет У. ^{23—24}нет П, сый С. ²⁵а С. ²⁶и в УС. ²⁷поревает У. ²⁸нет ПС. ²⁹похотию ПС. ^{29—30}плотския У. ³¹Федору П. ³²Юрьевичу ПС, нет У. ^{32—36}Княже, дай же ми видети княгиню свою, дабы видял красоту ея П. ³³Дажь У, Дай же С. ³⁴княгини жены У. ³⁵своя УС. ³⁷Благоверный же ПУС. ³⁹Федор Юрьевич П, нет С. ⁴⁰посмеяся ПС. ⁴¹нет П. ⁴²нет ПС. ⁴³подобает ПС, подобно У. ^{43—45}нет ПС. ⁴⁴нет У. ⁴⁶хрестиянам П. ^{47—48}жены своя давати ПС. ⁴⁹нами ПУ. ⁵⁰приодолеешь У. ^{50—52}и да тогда нами и нашими женами П. ⁵¹тоже и нами У. ^{52—53}начнеш владети У. ^{53—55}Безбожный же царь Батый У. ⁵⁴Царь же ПС. ⁵⁵нет ПС. ⁵⁶возярился ПУ, възярился С. ⁵⁷нет У, зело С. ⁵⁸добавл. велми ПС, добавл.: зело У. ^{58—60}и вскоре повеле П. ^{58—61}вскоре убити повеле С. ⁵⁹повеле У. ⁶²Федора П. ⁶³Юрьевича ПС, Георгиевича У. ⁶⁴Рязанскаго П, Рязанского С. ⁶⁵нет ПУ. ^{66—68}птицам и зверем С. ⁶⁷псом У. ⁶⁸снаденье П. ⁶⁹иных ПУС. ⁷⁰нет С. ⁷¹князей ту П. ⁷²прочих П. ⁷³тогда побил П. ^{74—75}един некто У. ⁷⁵некто П. ⁷⁷велмож У. ⁷⁸Федора П. ⁷⁹Юрьевича Рязанскаго П, нет У. ⁸⁰Апоница П. ⁸¹блаженнаго П, блаженнаго УС. ⁸²нет У. ^{82—83}перестан.: государя своего У. ^{83—88}нет У. ⁸⁴и горько П. ⁸⁵плачущи П, плачущися С. ⁸⁶нет П. ⁸⁷никим же П, никим С. ⁸⁹сохрани ПУС. ⁹⁰ко ПС. ⁹¹благоверной его П. ⁹²княгине У, царицы С. ⁹³Еупраксии П, Еупраксее У. ^{94—95}нет ПС. ⁹¹поведа У. ⁹⁶уби ПС. ⁹⁷благовернаго УС. ⁹⁸Федор П. ⁹⁹Геор-

¹⁰⁰Благодарна¹ княгини² Еупраксея³ царевна⁴ стояше⁵ в⁶ превысоцем⁷ храме⁸ своем⁹ и держа¹⁰ любезное¹¹ чадо свое¹² князя Ивана¹³ Федоровича¹⁴ Посника,^{15 16} и услыша¹⁷ таковыя¹⁸ смертноносныя¹⁹ глаголы и²⁰ горесть²¹ исполнены,²² и²³ абие ринуся²⁴ ис²⁵ превысокаго храма²⁶ своего²⁷ и²⁸ с а сыном²⁹ князем Иваном Федоровичем³⁰ на средю земли, и заразися и³¹ до смерти. И услыша великий³² князь Юрьи³³ Ингоревичь³⁴ убийение³⁵ възлюбленнаго³⁶ сына своего князя³⁷ Федора³⁸ Юрьевича³⁹ и иных⁴⁰ князей и нарочитых людей много⁴¹ побитых⁴² от безбожнаго царя Батыя,⁴³ и начаша⁴⁴ плакаться⁴⁵ с⁴⁶ великою⁴⁷ княгинею,⁴⁸ и з братиею. И весь град плакася на мног час. И едва отдъхну⁴⁹ от великаго⁵⁰ плача⁵¹ и рыдания, и⁵² посла вскоре⁵³ въ⁵⁴ град Володимерь⁵⁵ к великому князю Юрию⁵⁶ Всеволодичю⁵⁷ Владимирскому,⁵⁸ прося⁵⁹ помощи⁶⁰ у него⁶¹ на безбожнаго царя Батыя,⁶² или бы⁶³ сам пошел.⁶⁴ Князь⁶⁵ великий⁶⁶ Юрьи⁶⁷ Владимирский⁶⁸ сам не иде⁶⁹ ни⁷⁰ послуша⁷¹ совета⁷² князей рязанских,⁷³ но⁷⁴ хоте⁷⁵ сам особь⁷⁶ сътворити с Батыем.⁷⁷ Но⁷⁸ уже⁷⁹ бяше⁸⁰ гневу божию кто противится,⁸¹ и недоумению грозну,⁸² и страх,⁸³ и трепет!⁸⁴ Сия вся бог⁸⁵ наведе⁸⁶ грех ради наших. Князь⁸⁷ великий Юрий⁸⁸ Ингоревичь⁸⁹ Рязанский⁹⁰ слыша,⁹¹ яко⁹² не бысть ему⁹³ помощи,⁹⁴ и⁹⁵ вборзе⁹⁶ начаша⁹⁷ войско свое⁹⁸ укрепляти.⁹⁹ И поидоша¹⁰⁰ противу безбожнаго царя Батыя, и сретоша

^a В рук. нет.

гневича У. ¹⁰⁰⁻⁹⁹И слыша благодарная княгини Еупраксее смерть мужа своего стоящи в превысоком месте П.

¹Благодарная же У, И благодарная С. ²княгиня У, княгиня царевна С. ³Еупраксея С. ⁴нет УС. ⁵стоящи С. ⁶на С. ⁷превысоком УС. ⁸месте С. ⁹нет С. ¹⁰держа П. ¹⁰⁻¹²на руках своих сына своего У. ¹¹⁻¹²свое чадо ПС. ¹³Иванна УС. ¹⁴Федоровича на руках П, Федоровича У. ¹⁵нет П, Постника У. ¹⁶⁻²²и наполнися горести П. ¹⁷услышав С. ¹⁸таковыя У, таковыя С. ¹⁹нет У, смертноносныя С. ²⁰нет У. ²¹горести УС. ²²наполнися С. ²³⁻²⁴перестан.: ринуся абие С. ²⁵с ПУС. ²⁶того места П, места С. ²⁷нет ПС. ²⁸нет С. ²⁹з [с С] сыном своим со ПС, с сыном У. ²⁹⁻³⁰нет У. ³⁰Федоровичем Постником [Посником С] ПС. ³¹нет ПУС. ³²нет ПС. ³³Юрье ПС, Георгий У. ³⁴Игоревичь У. ³⁵убийение П. ³⁶нет ПС, возлюбленнаго У. ³⁷великаго князя УС. ³⁸Федора П. ³⁹нет П, Георгиевича У. ⁴⁰⁻⁴²побитых многих людей У. ⁴¹нет ПС. ⁴³⁻⁴⁴нет У. ⁴⁴нача П, начат С. ⁴⁵плакася горько и У. ⁴⁶со У. ⁴⁷нет У. ⁴⁸княгинею своею У. ⁴⁹от слез удеръжавшия П, престаша У, от слез отдухнуша и С. ⁵⁰нет У. ⁵¹плача своего У. ⁵²⁻⁵³въскоре посла П. ⁵⁴во ПУС. ⁵⁵Владимер ПУ. ⁵⁶Георгию У. ⁵⁷Всеволодичю УС. ⁵⁸Владимерскому П. ⁵⁹и прося У. ⁶⁰помощи С. ⁶⁰⁻⁶¹нет ПС. ⁶²Батыя ПУС. ⁶²⁻⁶⁴и шел бы к нему на помощь У, нет С. ⁶³нет П. ⁶⁴пойдет П. ⁶⁵Князь же ПУС. ⁶⁶нет П. ⁶⁷Юрье Всеволодичь П, Георгий У. ⁶⁸Владимерский П, Владимирский УС. ⁶⁸⁻⁶⁹нет П. ⁶⁹не поиде У. ⁷⁰не П, и не С. ⁷⁰⁻⁷²совета не послуша рязанских князей У. ⁷³резаньских С. ⁷⁴и к ним не иде, но С. ⁷⁴⁻⁷⁷хотя сам собою Батыеви брань сотворити ПС. ⁷⁵хотя С. ⁷⁶⁻⁷⁷брань сотворити со царем Батыем У. ⁷⁸⁻⁸⁰нет У. ⁷⁸⁻⁸¹божию гневу кто постоит С. ⁷⁹убо П. ⁸⁰нет П. ⁸¹постоит П, противитися может У. ⁸¹⁻⁸⁴и недоумению бывшу и великому страху и трепету П. ⁸²грозному У. ⁸³страху С. ⁸⁴трепету С. ⁸⁴⁻⁸⁶сия бо вся наведе бог П. ⁸⁵нет С. ⁸⁷Князь же ПУС. ⁸⁷⁻⁸⁸нет П. ⁸⁸Георгий У. ⁸⁹Игоревичь У. ⁹⁰Рязанский П, Резанский С. ⁹¹слышав С. ⁹²что П. ⁹³нет С. ⁹⁴добавл.: ни от кого, ни откуду У. ⁹⁵нет У. ⁹⁶въскоре П, вскоре УС. ⁹⁶⁻⁹⁸войско свое начат С. ⁹⁷нет П, нача У. ⁹⁷⁻⁹⁸войское П. ⁹⁷⁻⁹⁹и собра войско свое и укрепилася У. ⁹⁹собра П. ¹⁰⁰поиде.

его близ предел рязанских.¹ И нападоша нань, и² начаша битися крепко.³ И бысть обоим⁴ сеча⁵ зла⁶ и преужасна,⁷ и бишася много⁸. Страшно бо есть⁹ видети и жалосно¹⁰ како¹¹ проезжаа¹² великиа¹³ сильныя¹⁴ полки татарския,¹⁵ и¹⁶ храбро, и мужественно¹⁷ бияшеся.¹⁸ Царь¹⁹ Батый възбояся²⁰ велми, виде своих множество побиеных,²¹ сильныя²² полки²³ падоша. Да противу гневу божию кто постоит.²⁴ Батыеве бо силе велице²⁵ и тяжце.²⁶ Един²⁷ бьяшеся²⁸ с тысящю,²⁹ а два съ³⁰ тмою. Мнози бо князи рязанския³¹ и воеводы³² крепкия,³³ и³⁴ удалци, и резведи,³⁵ и узорочие и³⁶ въспитание³⁷ рязанское³⁸ падоша.³⁹ Еще⁴⁰ сами государи⁴¹ преседаша⁴² часто с коня на конь,⁴³ и бияшеся⁴⁴ крепко и⁴⁵ нещадно, яко всем полком⁴⁶ подивитися⁴⁷ татарским⁴⁸ храбрости их,⁴⁹ и крепости, и мужеству их. И едва одолеша их⁵⁰ полки сильныя⁵¹ татарския.⁵² И ту убиен⁵³ бысть⁵⁴ князь великий⁵⁵ Юрь⁵⁶ Ингоревич,⁵⁷ и брат его князь⁵⁸ Давид⁵⁹ Ингоревич,⁶⁰ и Всеволод Пронской,⁶¹ и⁶² многия князи месныя,⁶³ и воеводы крепкия, и⁶⁴ удалци,⁶⁵ и резведи⁶⁶ рязанския.⁶⁷ А князя⁶⁸ Олга Ингоревича⁶⁹ яша⁷⁰ еле⁷¹ жива.⁷² Царь⁷³ Батый виде Олга велми⁷⁵ красна и храбра, и хотя⁷⁶ его от великих ран изврачевати и на свою прелесть възвратити.⁷⁷ И⁷⁸ князь⁷⁹ Олег⁸⁰ Ингоревич⁸¹ укори царя,⁸² и нарек⁸³ его безбожна⁸⁴ и врага христианеска.⁸⁵ Окаянный же Батый⁸⁶ дѣхну⁸⁷ огнем от⁸⁸ мерэскаго⁸⁹

^a К этому месту вставка скорописью на нижнем поле: и брат его Глеб Ингоревич: нет П. С.

¹рязанских П, резанских С. ²нет П. ³нещадно и крепко ПС. ⁴бо им П. ⁵⁻⁷велия вело и ужасна У. ⁶крепка С. ⁸много П. ⁹нет ПУС. ¹⁰жалосно ПУ. ¹¹добавл.: великий князь Георгиѣ У. ¹²приезжали П, проезжая У, прилежали С. ¹³нет ПС, великия У. ¹⁴сильныя П, и сильныя У, сильныя С. ¹⁴⁻¹⁵татарския полки У. ¹⁵татарская П, татарские С. ¹⁶нет ПУС. ¹⁷мужественно ПС. ¹⁸добавл.: с татарским воинством У. ¹⁹Царь же ПУС. ²⁰возбояся П, убояся У, възбоявся С. ²¹побитых УС. ²²и сильныя его П, сильныя У. ²³польки П, добавл.: татарские многие С. ²⁴постоит УС. ²⁵велицей У. ²⁶тяжце суть П, тяжцей, великаго же князя рязанской силе мале бысть У, добавл.: суть С. ²⁷⁻²⁹бо баше русский воин с тысящею бьетца П. ²⁸бияшеся У. ²⁹тысящею варвар У, тысящею С. ³⁰со ПСУ. ³¹нет П, рязанския У, резанския С. ³²воеводы руския и П. ³³крепкия ПУ, крепкие С. ³⁴нет ПС, и храбрыя вои У. ³⁴⁻³⁸нет У. ³⁵резведи П, резведи С. ³⁵⁻³⁸и всякое узорочие резанского воспитания С. ³⁷воспитание ПУ. ³⁸рязанское П. ³⁹вси падоша У. ⁴⁰И еще ПС. ⁴¹государи рязанские П. ⁴²преседающе П, преседаше С. ⁴²⁻⁴³перестан.: с коня на конь часто У. ⁴³кон П. ⁴⁴бьющеся П, бияшася У. ⁴⁵нет П. ⁴⁶⁻⁴⁸татарским дивитися УС. ⁴⁷подивидитися (!) П. ⁴⁸татарским П. ⁴⁹нет ПУС. ⁵⁰⁻⁵¹сильныя [силние С] полки ПС. ⁵²татарские ПС, татарския У. ⁵³убиени У. ⁵⁴⁻⁵⁵великий князь П. ⁵⁴⁻⁵⁷быша великия князи: великий князь Георгиѣ Ингоревич У. ⁵⁵нет С. ⁵⁶Юрь С. ⁵⁸нет ПС, великий князь У. ⁵⁹Давид С. ⁶⁰Игоревич да брат его Глеб Игоревич У. ⁶¹Пронский П, Пронский УС. ⁶²и ныи П. ⁶³местныя ПУС. ⁶⁴нет С. ⁶⁴⁻⁶⁶храбрыя вои У. ⁶⁵удалцы С. ⁶⁶резведи С. ⁶⁷рязанския ПУ, резанския С. ⁶⁸князь У. ⁶⁹Игоревича У. ⁷⁰взяша ранена У. ⁷¹если У. ⁷²жива суца У. ⁷²⁻⁷⁴И видя его Батый У. ⁷³Царь же ПС. ⁷⁵велми П. ⁷⁶хотел П, хоте У. ⁷⁷возвратити ПУС. ⁷⁸нет ПУС. ⁷⁹Князь же ПС, Князь же великий У. ⁸⁰Олг ПС, Олга У. ⁸¹Игоревич У. ⁸²безбожнаго царя Батый У. ⁸²⁻⁸⁴нет У. ⁸³нарече ПС. ⁸⁵крестьянскаго П, христианскаго УС. ⁸⁶царь Батый ПС. ⁸⁷и дохну П, дохну

сердца своего, и огорчися,⁹⁰ и⁹¹ вскоре⁹² повеле⁹³ Олга⁹⁴ ножи⁹⁵ на чьсти⁹⁶ раздробити.⁹⁷ Сий⁹⁸ бо то есть⁹⁹ мученик¹⁰⁰ Христов — приа венец¹ своего исповедания и² мучения³ с⁴ сродником своим⁵ — блаженным⁶ князем⁷ Феодором⁸ Юрьевичем,⁹ и¹⁰ приаша¹¹ венца¹² нетленные от всемилостиваго бога.¹³ Царь¹⁴ Батый¹⁵ начаше¹⁶ воевати¹⁷ землю Рязанскую,¹⁸ и¹⁹ веля бити,²⁰ сечи,²¹ и жечи²² без милости.²³ И²⁴ град²⁵ Пронеск, и²⁶ град²⁷ Бел,²⁸ Ижеславец²⁹ разори до основания.³⁰ И все³¹ люди³² побииени³³ быша³⁴ — мужа,³⁵ и жены, и чьда³⁶ их. Течаше³⁷ бо³⁸ кровь крестиянская,³⁹ яко⁴⁰ река сильная, грех ради наших. И оттоле поидоша къ⁴¹ граду Рязани⁴² и обступиша⁴³ град Рязань,⁴⁴ и начаша битися прилежно,⁴⁵ а⁴⁶ пять дней⁴⁶ неотступно.⁴⁷ Батыево⁴⁸ войско⁴⁹ переменяшеса,⁵⁰ а⁵¹ граждане⁵² биюшеса⁵³ непременно.⁵⁴ И многих⁵⁵ гражян⁵⁶ побияша,⁵⁷ а инех⁵⁸ язвиша,⁵⁹ а инии⁶⁰ от⁶¹ великих трудов падоша⁶². А⁶³ в шестый⁶⁴ день рано⁶⁵ приидоша⁶⁶ погании⁶⁷ ко граду, овии со огни, а инии с топоры,⁶⁸ а инии⁶⁹ с тмочысленными⁷⁰ лествицами,⁷¹ и наступиша⁷² вся⁷³ полки татарския,⁷⁴ и взяша град Рязань⁷⁵ месяца декабря в 21 день, и пожгоша⁷⁶ весь град⁷⁷. А⁷⁸ великую⁷⁹ княгиню со⁸⁰ снохами и с прочими⁸¹ княгинями⁸² в църкви соборной⁸³ мечи иссекоша,⁸⁴ а инех⁸⁵ в полон⁸⁶ поведоша,⁸⁷ а иных огню предаша,⁸⁸ а люди,⁸⁹ и жены,⁹⁰ и дети⁹¹ мечы⁹² разсекоша.⁹³ Иерея⁹⁴ б

^{а-б} Лист 130 — вклейка с почерком более новым.

У, воздохну С.⁸⁸⁻⁹¹ мерьскаго своего сердца П.⁸⁹ мерьскаго П, мерскаго У, мерзьскаго С.⁹⁰ огорчися П, огорчися велми С.⁹¹ нет С.⁹¹⁻⁹³ перестан.: повеле вскоре У.⁹² въскоре П.⁹⁴ князя Олга ПУ.⁹⁵ ножи С.⁹⁵⁻⁹⁶ нет П.⁹⁵⁻⁹⁷ раздробити на части У.⁹⁶ части С.⁹⁷⁻⁹⁸ И се бысть П.⁹⁷⁻¹⁰⁰ Сей мученик бысть С.⁹⁸⁻⁹⁹ же У. П.

¹⁻² нет П. ³ мучения своего П, мучения УС. ⁴ с родным своим братом П. ⁶ с блаженным У. ⁷ нет П, великим князем У, ⁸ Феодором П. ⁹ Георгиевичем У. ⁹⁻¹³ и жизнь царьствия небеснаго У. ¹⁰ нет ПС. ¹¹ приаша С. ¹²⁻¹³ от всемилостиваго бога венца нетления П. ¹² венцы С. ¹⁴ Царь же ПС, нет У. ¹⁵ Батый же У. ¹⁶ нача ПУС. ¹⁷⁻¹⁸ Рязанскую землю ПУ. ¹⁸ Резанскую С. ¹⁹⁻²³ повеле пленити и жечи и сечи немилостивно У. ²⁰⁻²³ нещадно и без милости П. ²¹ и сечи С. ²¹⁻²² нещадно С. ²⁴ И взяша П, нет У. ²⁵ Град же У. ²⁶⁻²⁹ Бел град славчый У. ²⁷⁻²⁹ Бельжей и град Словецъ У. ²⁸ Бельи С. ²⁹ Жеславец С. ²⁹⁻³⁰ до основания разори ПС. ³¹ вся ПС, вси У. ³² людие У. ³³ погуби П, посече С. ³⁴ нет ПС. ³⁵ мужи П, мужы С. ³⁶ чада ПС, чад У. ³⁷ И течаше П, Течаше же У. ³⁸ нет П. ³⁹ крестиянская П, христианская УС. ⁴⁰ аки П. ⁴¹ ко ПУС. ⁴² Резани С. ⁴²⁻⁴⁴ Рязань град обступиша П. ⁴³ отступиша С. ⁴⁴ Рязан У, Резань С. ⁴⁵ крепко ПС. ⁴⁶ дней У. ⁴⁷ неотступно бияшася П. ⁴⁸ Батыево же П. ⁴⁹ войское ПУ. ⁵⁰ пременяющеса бьюшеса П, пременяшеса У, бияшеса пременяющеса С. ⁵¹ нет ПС. ⁵² граждане ж П, гражаня ж С. ⁵²⁻⁵⁴ непременно бияшася У. ⁵³ бьюшеса П, нет С. ⁵⁵ многих ПУС. ⁵⁶ гражан ПУС. ⁵⁷⁻⁵⁹ нет У. ⁵⁸ иных ПС. ⁵⁹ язавиша ПС. ⁵⁹⁻⁶⁰ и С. ⁶⁰ иных П. ⁶¹⁻⁶² великих ран изнемогим П, великих трудов и ран падоша и изнемогша У. ⁶² изнемогша и падоша С. ⁶³ нет У. ⁶⁴ шестый же У. ⁶⁵⁻⁶⁷ погании тии приидоша П. ⁶⁶ приидоша УС. ⁶⁷ ови У. ⁶⁸ пороки П, пороки У. ⁶⁸⁻⁶⁹ овии У. ⁷⁰ тмочисленными ПУС. ⁷¹ лествицами ПУС. ⁷² наступиша П, приступиша У. ⁷³ вси У. ⁷⁴ татарския П. ⁷⁵ Резань С. ⁷⁵⁻⁷⁷ нет П. ⁷⁶ пожгоша У, сожгоша С. ⁷⁸ И ПС, нет У. ⁷⁹ Великую же У. ⁸⁰ и с У, с С. ⁸¹ протчи П. ⁸²⁻⁸³ в соборной [соборной У] църкви ПУС. ⁸⁴ иссекоша П, иссекоша УС. ⁸⁵ иных ПУ. ⁸⁶ плен У. ⁸⁷ поведоша ПУС. ⁸⁸ предаша ПУС. ⁸⁹ ростых людей многих У, людий же С. ⁸⁹⁻⁹⁰ нет С. ⁹⁰ жен их У. ⁹¹ детей У. ⁹¹⁻⁹² нет П. ⁹² мечю У, мечи С. ⁹³ предаша У, изсекоша С. ⁹⁴ И иереи П, А иерея У, Ерея С.

и черноризца⁹⁵ до⁹⁶ останка⁹⁷ изсекоша,⁹⁸ и пожгоша,⁹⁹ и все узорочие¹⁰⁰ богатство нарочитое рязанское¹ и сродник² их — черниговское³ и киевское⁴ поимаша.⁵ И храмы божия⁶ разориша,⁷ и въ⁸ святых⁹ олтарех много¹⁰ крови пролиаша, а¹¹ инех¹² многих¹³ в воде потопиша. И не оста¹⁴ в¹⁵ живых¹⁶ ни един въ¹⁷ граде:¹⁸ вси равно умроша и едину чашю¹⁹ смертную²⁰ пиша. Нестъ²¹ убо²² ту²³ ни стонуца,²⁴ ни плачуща²⁵ — ни отцу и²⁶ матери о чядах,²⁷ ни чадом о²⁸ отци²⁹ и о³⁰ матери,³¹ ни брату³² о³³ брате, ни ближнему³⁴ роду,³⁵ но³⁶ вси³⁷ вкупе мертви лежаща.³⁸ Сия вся наведе бог³⁹ грех ради наших. Се бо безакониа⁴⁰ наша умножишася, а грехи⁴¹ наша⁴² превзыдоша главу⁴³ нашу.⁴⁴ Зловерный⁴⁵ царь Батый⁴⁶ виде велие⁴⁷ пролитие⁴⁸ крови кристианския,⁴⁹ и⁵⁰ возяряся⁵¹ зело,⁵² и поиде⁵³ на град Суздаль⁵⁴ и Владимирь,⁵⁵ и хотя Русскую⁵⁶ землю⁵⁷ поплентити, и веру христианскую⁵⁸ искоренити,⁵⁹ и церкви божиа⁶⁰ разорити.

И⁶¹ некий⁶² от велможь рязаньских⁶³ именем Еупатий Львович⁶⁴ Коловрат⁶⁵ в те поры быв⁶⁶ в Чернигове⁶⁷ съ⁶⁸ князем Ингварем Игоревичем⁶⁹ у князя⁷⁰ Михаила Всеволодича⁷¹ Черниговскаго⁷² и⁷³ емля с⁷⁴ своей⁷⁵ вотчины⁷⁶ подати⁷⁷ своего государя великого⁷⁸ князя Юриа⁷⁹ Ингоревича.⁸⁰ И услыша⁸¹ приход безбожнаго царя Батыя,⁸² и иде⁸³ вборзе⁸⁴ с малою дружиною. А князь Ингварь⁸⁵ Ингоревичъ⁸⁶ вьборъзе⁸⁷ же идяше за Еупатием.⁸⁸ Еупатий же,⁸⁹ пригнав в землю Рязаньскую,⁹⁰ и видя⁹¹ ея⁹² опустевшу, и грады разорены, и целькви пожжены,⁹³ люди⁹⁴ побиены.⁹⁵

⁹⁵мнихи П, черноризцев У, чернѣца С. ⁹⁶и до У. ⁹⁷остатка У. ⁹⁸мечи изсекоша П, посекоша С. ⁹⁹пожгоша П. ⁹⁹⁻⁵и богатство рязанское, серебро и злато поимаша У. ¹⁰⁰⁻¹рязаньское и богатство пограбиша П, рязанское и богатство нарочитое С. ²сродники ПС. ³чернѣговские П, черниговские С. ⁴киевские П, киевские С. ⁶божи С. ⁷пожгоша и разориша С. ⁸во ПУС. ⁹нет У. ¹⁰многия У, многи С. ¹¹и ПС. ¹²нет ПС, иных У. ¹³многих ПС, многих народу У. ¹⁴оставиша ПС, остал У. ¹⁴⁻¹⁸во граде живых ни единого С. ¹⁵нет ПУ. ¹⁶⁻¹⁸во граде ни единого П. ¹⁷во У. ¹⁹чашу ПУС. ²⁰смертьовскую П. ²¹и нет П, и несть С. ²²бо ПС. ²³нет У. ²⁴стонуцаго ПС, стѣнуца У. ²⁵плачущаго ПС. ²⁶ни ПУС. ²⁷чадах своих ПС, чадах У. ²⁷⁻³¹нет СП. ²⁸по У. ²⁹отцѣх У. ³⁰по У. ³¹матерех У. ³²брат У. ³³по ПУС. ³⁴ближний У. ³⁵сродник У. ³⁶нет С. ³⁷все У. ³⁷⁻³⁸купно умроша ПС. ³⁸лежаще У. ³⁹бог на ны П, нет С. ⁴⁰беззакония ПУС. ⁴¹греси ПС. ⁴²наши ПС. ⁴³на главы У. ⁴⁴нашу ПС, наша У. ⁴⁵Зловерный же ПУ. ⁴⁶⁻⁴⁸по пролитии П. ⁴⁷нет С. ⁴⁸крестиянския П, кристианския У, кристианские С. ⁵⁰нет ПС. ⁵¹возяряся С. ⁵²велми П. ⁵³прииде С. ⁵⁴Суздаль У, Суздальск С. ⁵⁵Владимер ПУС. ⁵⁶Рускую П. ⁵⁷добавл.: всю С. ⁵⁸христианьскую П. ⁵⁹попрати и искоренити У. ⁶⁰божиа ПУ, божи С. ⁶¹⁻⁶²Некий же ПУ. ⁶²некто С. ⁶³рязаньских С. ⁶⁴Львовичъ У. ⁶⁵⁻⁶⁶и в то время бысть П, Той же Еупатий в та времена был У, в то время был С. ⁶⁷Чернѣгове ПУ. ⁶⁸со ПУС. ⁶⁹Ингваревичем П, Ингоревичем С. ⁷⁰великаго князя У. ⁷¹Всеволодича У, нет С. ⁷²чернѣговскаго П. ⁷³нет ПУС. ⁷⁴нет УС. ⁷⁵своея П. ⁷⁶вотчине С. ⁷⁷дани на П. ⁷⁸великаго ПУС. ⁷⁹Юрья ПС, Георгия У. ⁸⁰Ингоревича П, Игоревича У. ⁸¹услышав ПС. ⁸²Батый ПУС. ⁸²⁻⁸⁴и вборъзе поиде П. ⁸³⁻⁸⁴вскоре С. ⁸⁵Ингвар У. ⁸⁶Ингваревичъ П, Игоревичъ У. ⁸⁷вборъзе У, вскоре С. ⁸⁷⁻⁸⁸за Упатием идяше П. ⁸⁸Упатием У. ⁸⁹же ПУС. ⁸⁹⁻⁹⁶нет П. ⁹⁰Рязаньскую С. ⁹¹виде С. ⁹²нет У, ею С. ⁹³божи разорены У, божи пожжены С. ⁹⁴и люди УС. ⁹⁵побиты УС. ⁹⁵⁻⁹⁶нет УС.

И⁹⁶ пригна⁹⁷ къ⁹⁸ граду⁹⁹ Рязани,¹⁰⁰ виде¹ град разорен,² и господари³ побиты, множество⁴ же⁵ народа лежаща:⁶ овии⁷ побиены,⁸ и⁹ иней¹⁰ посечены и¹¹ позъжены,¹² иней¹³ в реце¹⁴ истоплены,¹⁵ и воскрича¹⁶ в горести душа своа,¹⁷ и¹⁸ распоаяся¹⁹ в сердци²⁰ своем. И собра мало дружины.²¹ тысящу²² и²³ семьсот человек, коих²⁴ соблюде²⁵ бог²⁶ — быша²⁷ вне граде. И погна²⁸ напрасно²⁹ вслед³⁰ царя Батыа,³¹ и³² хотяше³³ пити чашу³⁴ смрътнюю³⁵ съ³⁶ своими государи равно. И едва угнаша³⁷ его, и внезапно нападоша на станы³⁸ безбожнаго³⁹ царя Батыа,⁴⁰ и начаша сечи⁴¹ без милости, и смятоша⁴² вся⁴³ полки⁴⁴ татарския.⁴⁵ Татарове⁴⁶ стояша,⁴⁷ яко пияни⁴⁸ или⁴⁹ неистовии.⁵⁰ Еупатию же⁵¹ мечи притупишася. И емлюща⁵² мечи татарския,⁵³ и⁵⁴ сечаху⁵⁵ их нещадно. Татарове же⁵⁶ мняща,⁵⁷ яко⁵⁸ мертвии⁵⁹ въсташа.⁶⁰ И едва поймаша⁶¹ от полка⁶² Еупатиева 5⁶³ человек воинских,⁶⁴ изнемогших⁶⁵ от великих ран. И приведоша их⁶⁶ к⁶⁷ царю Батыю. Царь⁶⁸ Батый въспроси⁶⁹ их: „Которой⁷⁰ земли⁷¹ есте⁷² люди,⁷³ и коеа⁷⁴ веры, что тако⁷⁵ мне много⁷⁶ зла сътворили⁷⁷ есте?“⁷⁸ Они же рекоша:⁷⁹ „Веры христианския⁸⁰ есве,⁸¹ раби⁸² великаго князя Юриа⁸³ Ингоревича⁸⁴ Рязанскаго,⁸⁵ а от⁸⁶ полку Еупатиева⁸⁷ Лвовича Коловрата. Присланы⁸⁸ есмя⁸⁹ от князя⁹⁰ Ингоря⁹¹ Игоревича⁹² тебѣ⁹³ силнаго⁹⁴ царя⁹⁵ почтити, и честно⁹⁶ попроводити,⁹⁷ хотя⁹⁸ тебе честь⁹⁹ воздати.¹⁰⁰ Да¹ не подиви, царю,² не успевати³ наливати чашу⁴ на⁵ толику⁶ силу, и⁷ велику⁸ рать тотарскую“.⁹ Царь¹⁰ Батый

⁹⁷прииде П. ⁹⁸ко ПС, во У. ⁹⁹град У. ¹⁰⁰Рязань У, Резани С.

¹и виде ПУС. ¹⁻³во граде Резани государи С. ²разорен и церкви божия пожжени П. ³государи ПУ. ⁴и множество ПС, и множества У. ⁵нет ПУС. ⁶лежаще П, мертви побиты лежаще У, побито С. ⁷ови У. ⁸побиени ПУ, посечени быша С. ⁹а УС. ¹⁰инии ПУС. ¹⁰⁻¹¹нет ПС. ¹²пожжени ПС, пожжены У. ¹²⁻¹⁵инии же в воде потоплени П. ¹³а инии УС. ¹⁴воде У. ¹⁵потоплени УС. ¹⁶воскричав П, воскричав С. ¹⁷своа ПУС. ¹⁸нет П. ¹⁹разпааяся П, распааяся У, распалися С. ²⁰сердци ПУС. ²¹дружина П. ²²тысящу ПУ, 1000 С. ²³нет У. ²⁴которых У. ²⁵соблюде П. ²⁶⁻²⁷во иных градех и П. ²⁷нет С. ²⁸погнаша П. ²⁹вскоре У. ³⁰во след ПУС. ³¹Батыа ПУС. ³²нет С. ³³хотящей П, хотя С. ³⁴чашу ПУС. ³⁵смъртнюю ПС. ³⁶со ПС. ³⁷сугнаша П. ³⁸станы их П. ³⁹нет П. ⁴⁰Батыа ПУС. ⁴¹сеци П, сецы С. ⁴²смятошася ПУ. ⁴³нет П. ⁴⁴польки П. ⁴⁵татарския ПУ, татарские С. ⁴⁶Татарове же ПУС. ⁴⁷стояще ПС, стояше У. ⁴⁸пиянии ПС. ⁴⁹нет У. ⁵⁰неистови УС. ⁵⁰⁻⁵¹Еупатиеве же силе П. ⁵²емлюще ПС, отимающи У. ⁵²⁻⁵³татарския [татарские С] мечи ПС. ⁵³⁻⁵⁴нет ПУС. ⁵⁴татарския У. ⁵⁵сечаще С. ⁵⁶же У. ⁵⁷мняще П, мнящася У, мнящася С. ⁵⁸⁻⁶⁰мертвы и восташа У. ⁵⁸мертвии П, мертви С. ⁶⁰восташа ПС. ⁶¹поймаваше П, поима С. ⁶²польку П, полку С. ⁶³пять ПУС. ⁶⁴воиньских С. ⁶⁵изнемогших П. ⁶⁶нет С. ⁶⁷ко ПС. ⁶⁸Царь же ПУС. ⁶⁹вопроси ПУС. ⁷⁰Коеа ПС, Которы У. ⁷¹⁻⁷³нет П. ⁷²нет С. ⁷⁴коеа ПУС. ⁷⁵толика С. ⁷⁶много написано сверху П, нет С. ⁷⁷сотвориша П, сотвористе УС. ⁷⁸нет ПУ, много С. ⁷⁹рекоша ему ПС. ⁸⁰христианския П, христианския УС. ⁸¹нет ПС. ⁸²рабы П. ⁸³Юрия ПС, Георгия У. ⁸⁴Игоревича У. ⁸⁵Рязанскаго С. ⁸⁶нет ПС. ⁸⁷Еупатия У. ⁸⁸Посланы П. ⁸⁹есмы П. ⁹⁰великаго князя У. ⁹¹Ингваря У, Ингваря С. ⁹²Игоревича ПС. ⁹³тебе У. ⁹⁴силна С. ⁹⁵⁻⁹⁷проводити честно П. ⁹⁵⁻⁹⁶нет С. ⁹⁷проводити УС. ⁹⁷⁻⁹⁹честь тебе велию С. ⁹⁸и хотя У. ⁹⁹чести П.

¹⁰⁰добавл.: за твое добро У.

¹нет П. ²⁻³нет ПС. ³успеваем У. ⁴чаш У, чашу С. ⁵⁻⁹велику [толику У] силу твою ПУ. ⁶велику С. ⁷и на С. ⁸великую У. ⁹татарскую УС. ¹⁰Царь же ПУС.

подивися ответу их, вскоре¹¹ посла щюрина¹² своего Таврула, а с ним велику¹³ рать татарскую¹⁴ на Еупатиа.¹⁵ Таврул¹⁶ же похвалися¹⁷ пред царем, и¹⁸ хотя Еупатиа¹⁹ жива привести.²⁰ И²¹ обступиша²² всеми полки сильными²³ Еупатиа,²⁴ и хотя²⁵ его жива яти. И²⁶ Еупатий же²⁷ исполни²⁸ силою, и²⁹ съехася³⁰ с Таврулом, и разсече³¹ Таврула на полы³² до седла. И начаша³³ сечи³⁴ силу³⁵ и рать³⁶ татарскую:³⁷ овех³⁸ на полы пресечаше³⁹, и⁴⁰ инех⁴¹ до коня⁴² рассекаше,⁴³ и множество нарочитых татар⁴⁴ ту убиша.⁴⁵ Татарове⁴⁶ възбояся⁴⁷ велми,⁴⁸ видя⁴⁹ Еупатиа⁵⁰ крепка исполина.⁵¹ И навадиша нань⁵² саней множество⁵³ с нарядом, и начаша⁵⁴ из снаряда⁵⁵ бити,⁵⁶ и едва одолеша его.⁵⁷ И принесоша⁵⁸ Еупатиа⁵⁹ пред царя мертва.⁶⁰ Царь,⁶¹ видя⁶² Еупатиа,⁶³ и⁶⁴ посла съзвати⁶⁵ мурзы⁶⁶ своя, и князи, и паши,⁶⁷ и санчакбеи,⁶⁸ и нача⁶⁹ дивитися такому⁷⁰ мужеству, и крепости, и храбрости⁷¹ рязанскому⁷² господьству.⁷³ Они же реша⁷⁴ царю:⁷⁵ „Въ⁷⁶ многих землях и⁷⁷ на многих бранех съ⁷⁸ многими цари бывали, а таких храбрых удалцев⁷⁹ и резвцов⁸⁰ не видали, ни⁸¹ отци⁸² наши възвестиша⁸³ нам. Сии бо⁸⁴ люди крилати,⁸⁵ и бесмертнн⁸⁶ суть — како бияшеса⁸⁷ един с тысящю, а два съ⁸⁹ тмами.⁹⁰ Ни⁹¹ каков⁹² не может⁹³ съехати⁹⁴ жив⁹⁵ с побоища“. Царь⁹⁷ Батый⁹⁸ рече: „О⁹⁹ Коловрате Еупатие,¹⁰⁰ аще бы еси¹ служил мне² царю, — держал³ бых⁴ тя против⁵ сердца своего“. И⁶ даша⁷ тело Еупатиево⁸ останочным⁹ его дружине,¹⁰ которых поимаша¹¹ на побоищи¹² еле¹³ живы,¹⁴ и¹⁵ отпусти их в землю свою съ¹⁶ Еупатием.¹⁷

11и въскоре П, и вскоре УС. 12щуринна УС. 13великую У. 14татарскую П.
 15Еупатиа ПУС. 16Татарове П, Татарове же С. 17похвалишася ПС. 18нет П.
 19Еупатиа ПУС. 20привести пред царя П. 21—24обступиша Еупатиа всеми полъки татарскими П. 22обступиша С. 23татарскими У. 24Еупатиа С. 25хотяху П, хотяше У.
 26нет ПУС. 27—29нет У. 28исполнен ПС. 29нет С. 30съехався ПУС. 31пресече С.
 32полы мечем ПС. 33нача ПС, тако начаша У. 34сечи П, сечи С. 35—36нет ПС.
 37татарскую П. 38овых ПС, овех У. 39пресекаху У. 40а УС. 41иных П. 42седла ПС.
 43разсекаше П, пресекаше У, нет С. 44—45побил П, побилша У, уби С. 46Татарове же ПУС. 47—51видя Еупатиа силою исполнена и убоявся велми С. 47возбояшеса П, убояшася У. 48велми П. 49видяще У. 50Еупатиа П. 51крепости исполнена П.
 52на него П, на Еупатиа С. 53много П, нет С. 54—56бити из снаряда [ис наряду С] ПС.
 55наряду У. 57Еупатиа У. 58привезоша ПС. 59нет П, его УС. 60мертва П.
 61Царь же ПУС. 62виде УС. 63Еупатиа ПУС. 63—65и повеле призвати У. 64нет С.
 65собрати ПС. 66мурзы П. 67паши вся С. 67—68нет П. 68санчаки У. 69начаша П.
 70таковому ПУС. 71—73нет ПС. 72рязанскаго У. 73государства У. 74рекоша ПС.
 75ему П. 76Во ПУС. 77нет С. 78со ПУС. 79удальцов П, мужей У, удалцов С.
 79—80нет ПС. 80удальцов У. 81и П. 82отцы ПС, отца У. 83возвестиша ПУС.
 84убо ПС. 85крилати П. 86бесмертнн П, бесмертнн УС. 87бьюшеса П, бияшеса У, бьяшеса С. 88тысящю ПУС. 89со ПУС. 90тмоу ПУС. 91И ни У. 92како же П.
 91—94с бою съехати жив У. 94съехати П, съехатися С. 95нет ПС. 97Царь же ПС, нет У. 98Батый же У. 99—100Еупатие Коловрате П.

1—2мне служил П. 3держал П. 4бы УС. 5противо П, противу С. 6—8повеле тело его отдать У. 7даде П. 9останочной ПС. 9—10дружине его ПУС. 11яша У. поимаше С. 12побоищи У. 13оле С. 14живых суще [сущи С] ПС. 15—17опустиша их и с телом Еупатиевым в свою землю Рязанскую У. 16со ПС.

¹⁸Ингварь¹⁹ Ингоревич²⁰ приде²¹ ис²² Чернигова²³ въ ⁴ град Рязань,²⁵ и видя²⁶ братиа²⁷ своя²⁸ побиены²⁹ от а нечестиваго царя Батыа,³⁰ и снохи своа,³¹ и сродник³² своих³³ множество много³⁴ мертвых³⁵ лежаща,³⁶ и град³⁷ разорен,³⁸ земля пуста,³⁹ церкви⁴⁰ пожжены,⁴¹ и⁴² образы⁴³ переколоты,⁴⁴ и ободраны,⁴⁵ и все узорочие⁴⁶ взято рязанское⁴⁷ и черниговское,⁴⁸ и жалостно⁴⁹ възкричаша,⁵⁰ яко⁵¹ труба⁵² рати глас⁵³ подавающи.⁵⁴ И⁵⁵ от великаго кричания⁵⁶ лежа⁵⁷ на земли, яко мертв.⁵⁸ И едва⁵⁹ его отляша⁶⁰ и носяща⁶¹ по⁶² ветру. И едва отдыхну⁶³ душа его в нем. Кто бо⁶⁴ не възплачется⁶⁵ така⁶⁶ погибели,⁶⁷ или⁶⁸ кто не възрыдает⁶⁹ о селище⁷⁰ народа людий⁷¹ напрасно⁷² нужною⁷³ смертию⁷⁴ скончашася,⁷⁵ или кто⁷⁶ не постонет⁷⁷ сицеваго⁷⁸ пленения.⁷⁹ Ингварь⁸⁰ Ингоревичь⁸¹ похраняше⁸² снохи⁸³ своя и сродники⁸⁴ своя.⁸⁵ И⁸⁶ призва⁸⁷ епископа, и⁸⁸ начаша⁸⁹ събирати⁹⁰ попы,⁹¹ которые в весех⁹² богом сблюдены,⁹³ и похраняше⁹⁴ трушиа⁹⁵ мертвых,⁹⁶ и очисти место, и освяти.⁹⁷ И собра люди, и даша⁹⁸ им мало утешения,⁹⁹ поминаа¹⁰⁰ братию свою и¹ родство² свое,³ и все узорочие рязанское⁴ — вскоре погиге.⁵ Сия⁶ бо⁷ наиде⁸ грех ради наших.⁹ Сии бо¹⁰ град и земля Рязанская¹¹ изменися¹² доброта ея,¹³ и отиде¹⁴ слава еа.¹⁵ не¹⁶ бе в ней¹⁷ ничто же¹⁸ благо видети,¹⁹ токмо²⁰ дым, и земля, и пепел.²¹ А²² церкви²³ погореша,²⁴ а²⁵ сама²⁶ соборная

^a В рук.: Би.

^{18—23}Приде же ис Чернигова великий князь Ингвар Игоревичь У. ¹⁹Ингварь же ПС. ²⁰Ингваревич П. ²¹приде ПС. ²²из П. ²³Черньгова П. ^{23—25}ко граду Рязани П. ²⁴во УС. ²⁵Резань С. ²⁶виде ПУС. ²⁷братию ПУС. ²⁸свою ПУС. ²⁹побитых У, побиенных С. ³⁰Батыа П/С. ³¹своя ПУС. ³²сродники ПУС. ³³своя ПС, своя и У. ^{33—34}и множество безчисленное П. ³⁴нет С. ³⁵мертвых П. ³⁶лежаще ПУ, лежащих С. ³⁷грады С. ³⁸разоренны С. ^{38—39}нет ПУ, и землю пусту С. ⁴⁰и церкви богия П, церкви богии С. ⁴¹пожжени ПУ, сожжены С. ^{42—48}иконы поколоты и земля пуста, имение и богатство всякое рязанское поплнено бысть все У. ⁴³образы богия П. ⁴⁴преколоты, дщи, и злато, и серебро П. ^{44—45}нет П. ^{46—47}рязанское взято П. ⁴⁷резанское С. ^{47—48}нет П. ^{49—50}и възкрича жалостно У. ⁵⁰возкрича П, възкричав С. ⁵¹аки С. ^{52—53}глас рати ПС. ⁵⁴подаючи ПУС. ⁵⁵нет С. ⁵⁶того кричания П, кричания УС. ^{57—58}ерестан.: яко мертв на земли С. ^{59—60}отлягаша его водою У. ⁶⁰отояшше С. ⁶¹носиша ПС, носяще У. ⁶²к У. ⁶³отдохну ПУС. ⁶⁴нет У. ⁶⁵возплачется П, восплачется УС. ^{65—67}видя такову погигель П. ⁶⁶такия У, таковыя С. ⁶⁷беды С. ⁶⁸и П. ⁶⁹возрыдает ПУС. ⁷⁰толише У. ⁷¹людей ПС. ⁷²нет П, ⁷³и нужною У. ⁷⁴смертию ПУС. ⁷⁵скончавшихся ПУС. ⁷⁶нет С. ⁷⁷востонет П. ⁷⁸таковаго ПС. ⁷⁹пленения ПУС. ⁸⁰Ингварь же П, князь же Ингвар У, Ингва в С. ⁸¹Ингваревич П, нет У, Ингоревичь С. ⁸²погребаше П, повеле погребсти У. ⁸³мертвыя князи и снохи П, снохи УС. ⁸⁴сродники ПУС. ⁸⁵нет У. ⁸⁶нет С. ⁸⁷призва же и С. ^{88—90}нет У. ⁸⁹нача ПС. ⁹⁰собирати ПС. ^{91—93}которых соблюде бог ине града по лесом и постыями П, кои сохрани бог в лесех С. ⁹²лесех в та времена У. ⁹⁴погребаше П, спряташе У. ⁹⁵трушиа ПУС. ⁹⁶мертвых П. ⁹⁷освятиша соборную церковь У. ⁹⁸дав ПУС. ⁹⁹утешение ПУ. ¹⁰⁰поминая ПУС.

^{1—13}род свой, и вся люди рязанския, еже вскоре погигоша грех ради наших. Сему бо граду и земли Рязанской доброта вся пременися П. ²сродники У. ³своя У. ^{3—5}нет У. ⁴резанское С. ^{4—5}нет С. ^{5—7}Но сия вся С. ^{6—8}вся наведе бог У. ^{9—10}Ибо У. ^{9—11}И ныне убо Резанския земли С. ^{12—13}запусте и доброта изменися У. ¹³нет С. ¹⁴отоиде С. ¹⁵его П. ¹⁶и не УС. ¹⁷нем П. ¹⁸нет С. ^{19—21}но токмо дым горек и курения и земля крови напившея П, но токмо дым мног и курение земли и пепелу С. ²⁰но токмо У. ²¹пепел У. ²²И ПУ, нет С. ²³церкви богия П, церкви же

церковь²⁷ погоревше²⁸ и почерневше²⁹ внутри.³⁰ Не³¹ един бо³² сей³³ град³⁴ пленен бысть, но³⁵ и иней³⁶ мнозии.³⁷ Не³⁸ бе бо³⁹ въ⁴⁰ граде⁴¹ пеня,⁴² ни звона;⁴³ в радости место⁴⁴ всегда плачь творяща,⁴⁵ и рыдание, и вопль мног.⁴⁶

Принесоша⁴⁷ бо⁴⁸ Еупатия⁴⁹ въ⁵⁰ град Рязань⁵¹ и срете его сам⁵² князь великий⁵³ Ингварь⁵⁴ съ⁵⁵ епископом, и съ⁵⁶ останочными⁵⁷ людьми. И взя⁵⁸ тело его⁵⁹ князь великий⁶⁰ съ⁶¹ множеством народа⁶² и понесоша его⁶³ на главах честно, и целова⁶⁴ его⁶⁵ любезно, и плакашеса над ним⁶⁶ князь великий съ⁶⁷ всеми людьми.⁶⁸ И даша⁶⁹ хвалу богу,⁷⁰ и⁷¹ надгробное⁷² пеща,⁷³ и похраниша⁷⁴ его⁷⁵ въ⁷⁶ святей съборней⁷⁷ и апостолстей⁷⁸ церкви генваря⁷⁹ въ 11 день.

⁸⁰Поиде⁸¹ же⁸² князь великий⁸³ Ингварь Ингоревичь⁸⁴ где побieni быша братия его: великий князь Юрь⁸⁵ Ингоревичь,⁸⁶ и⁸⁷ брат его⁸⁸ Олег⁸⁹ Красной,⁹⁰ брат⁹¹ его⁹² Давид,⁹³ брат⁹⁴ его⁹⁵ Глеб Ингоревичь,⁹⁶ Всеволод⁹⁷ Пронский, и иней⁹⁸ князи месныя,⁹⁹ и бояре,¹⁰⁰ и воеводы рязанския,¹ и многия² нарочитыя³ удалци,⁴ и резведцы,⁵ воспитание⁶ рязанское,⁷ лежаще⁸ на земли песте, никем⁹ брегомы,¹⁰ ничто же¹¹ приемлемо.¹² От зверей телеса их¹³ снедаемо,¹⁴ и от множество¹⁵ птицъ растръзаемо¹⁶ — вси бо¹⁷ купно умроша, равну¹⁸ едину¹⁹ чашю²⁰ смертнующу²¹ пища.²² Видя²³ же то²⁴ князь великий²⁵ Ингварь Ингоревичь,²⁶ и возпи²⁷ горким²⁸ гласом, слезы²⁹

божи С. ²⁴пожжени П, пожжены С. ^{24—30}нет У. ²⁵и С. ²⁶каменная П, самая С. ²⁷церкви П. ²⁸погоре ПС. ²⁹почерне ПС. ³⁰внутри ПС. ³¹И не ПУ. ^{32—34}перестан.: град сей С. ³³сий П. ^{35—37}многия П. ³⁶инии УС. ³⁸И не ПУС. ³⁹нет ПУ. ⁴⁰во ПУС. ^{41—43}звону ни пеня У. ⁴²ни пеня П, ни пеня же С. ⁴³звону ПС. ^{44—46}бысть рыдание и плачь и в красования место — огонь П. ⁴⁵творяше У, неутолим С. ⁴⁶нет С. ⁴⁷И принесоша ПУС. ^{47—49}тело Еупатиево У. ⁴⁸же С. ⁴⁹Еупатия ПС. ⁵⁰во ПУС. ⁵¹Рязань С. ^{52—53}перестан.: великий князь У. ⁵⁴Ингварь Игоревичь честно У, Ингварь Игоревичь С. ⁵⁵со ПУС. ⁵⁶со УС. ⁵⁷останочными П, остаточными У, останочными С. ⁵⁸взяша У. ^{59—62}сам великий князь и с людьми У. ⁶¹со ПУС. ⁶³и С. ⁶⁴целоваша П. ⁶⁵нет У. ^{66—68}лито в горести сердца П. ^{66—70}нет У. ⁶⁷со С. ⁶⁹водаша П. ⁷⁰богу П. ^{71—73}пешше надгробное пение У. ⁷²надгробны лесни П. ⁷³отпешше П. ⁷⁴погребоша У. ⁷⁵его честно ПУ, честно С. ⁷⁷соборной С. ^{77—78}нет ПУ. ⁷⁸велицей С. ⁷⁹месяца генваря ПУС. ^{80—82}И по сем У. ⁸²нет ПС. ^{82—83}перестан.: великий князь У. ⁸⁴Ингваревичь П, Игоревичь иде на место У. ⁸⁵Юрь П, Георгий У. ⁸⁶Игоревичь У. ^{87—88}великий князь У. ⁸⁹Олг ПС, Олга У. ⁹⁰Красный ПУС. ^{90—92}и великий князь У. ⁹¹и брат ПС. ^{92—95}нет С. ^{93—95}и великий князь У. ⁹⁴и брат П. ⁹⁶Ингоревичь П, Игоревичь, и великий князь У. ⁹⁷брат его Всеволод П, и брат его Всеволод С. ⁹⁸иния П, инии УС. ⁹⁹местныя ПУС. ¹⁰⁰боляре УС.

¹рязанския П, рязанския У, резанския С. ^{1—5}и много храбрыя мужи У. ²многия ПС. ³нарочитыя П, нарочитые С. ⁴удалци ПС. ^{5—16}и все воспитание рязанское и черныговское лежит на земли пусто и никим же брегома от зверей и от птицъ снедаемы и разтеръзаемы телеса их П. ⁶и всякое узорочие С. ⁷резанское С. ^{7—9}на земли лежит пусто и никим С. ⁸лежаще У. ⁹и ни кем не У. ¹⁰брегомо С, брегоми У. ^{10—11}и кто же их С. ¹²приемлюще С. ^{12—16}телеса их от птицъ разтеръзаемы и от зверей снедаемы С. ¹³нет У. ¹⁴снедаемы У. ¹⁵нет У. ¹⁶растеръзаемы У ¹⁷убо У, нет С. ¹⁸и равно П, и равну У, и С. ¹⁹нет У. ²⁰чашу ПУС. ²¹нет П. ²²испиша П, едину пища У. ²³Виде П, Видев С. ²⁴той У. ^{24—25}перестан.: великий князь ПУС. ²⁶Ингваревичь П, Игоревичь У. ²⁷возопи ПУС. ²⁸горьким П, великим и горким У, горко С. ^{29—30}точа ПС.

от очю,³⁰ яко струю,³¹ испущаа, утробю³² разполающися,³³ в³⁴ перси своа³⁵ рукама³⁶ бяуща,³⁷ гласом же яко труба рати³⁸ поведаящи,³⁹ яко⁴⁰ арган сладок⁴¹ вещаючи.⁴² „О⁴³ милаа⁴⁴ моа⁴⁵ господиа⁴⁶ и⁴⁷ братия,⁴⁸ како успе⁴⁹ животе⁵⁰ мои драгий,⁵¹ мене единого сира⁵² оставиша⁵³ в толице⁵⁴ 7 погубели суца. Почто аз преже вас не умрох.⁵⁵ Камо⁵⁶ заиде свете⁵ очю⁵⁸ моею,⁵⁹ где огошли есте⁶⁰ сокровища⁶¹ живота моего? Прочто не промовите⁶⁴ ко мне, цвете⁶⁵ мои⁶⁶ прекрасныи,⁶⁷ винограде⁶⁸ мои⁶⁹ многоплодныи?⁷⁰ Уже не подасте⁷¹ сладости души⁷² моей.⁷³ Чему,⁷⁴ господине,⁷⁵ не возрите ко мне, ни⁷⁶ промовите со мною? Уж⁷⁷ забыли есте⁷⁸ мене а брата своего от единого⁷⁹ отца роженного,⁸⁰ и единым сосцем воздоеным⁸¹ честнаго плода⁸² святых⁸³ утробы матери нашеа⁸⁴ великия⁸⁵ княгини Агрепены⁸⁶ Ростиславны, мно оплоднаго⁸⁷ винограда.⁸⁸ Уже⁸⁹ не подасте сладости⁹⁰ души моей. Кому приказываете мене?⁹¹ Солнце⁹² мое⁹³ драгое,⁹⁴ рано заходящее,⁹⁵ месяц мой красный,⁹⁶ скоро погибший,⁹⁷ звезды восточныя,⁹⁸ почто рано зашли есте? Где днесь⁹⁹ честь и¹⁰⁰ слава ваша? Где господство¹ ваше? Многим² землям³ государи были есте,⁴ а ныне⁵ лежите на земли⁶ пуге, никим брегомо,⁷ ни чести⁸ приемлемо!⁹ Измени бо ся¹⁰ слава ваша и зрак лица вашего пременися¹¹ въ¹² истление. Милая¹³ моя братиа¹⁴ и дружина ласкова,¹⁵ уже не повеселюся¹⁶ с вами! Свете¹⁷ мои драгий,¹⁸ чему¹⁹ помрачилися²⁰ естя?²¹ Не много нарадовахся²² с вами: уность²³ бо не отиде от нас,²⁴ а старость не постиже нас.²⁵ Аще²⁶ услышит²⁷ бог молитву вашу,²⁸ то помолитесь о мне,²⁹ о³⁰ брате вашем,³¹ да вкупе умру³² с вами. За веселиа³³ бо плачь и слезы приидоша ми,³⁴

^a На этом прерывается текст списка П.

31струя У. 32и утробю ПУ. 33разпалашеся П, распалающися У, распалашеся С. 34и в ПС, и У. 35своя ПУС. 36руками ПУ, нет С. 37бья П, бяущи У, бяише С. 37—42яко арган сладко вещая, горько плачаша, глаголя П. 37—39нет С. 38—42подаючи, глаголя У. 40и яко С. 41сладко С. 42плачущеса С. 43нет П. 44милая ПУС. 45моа ПУС. 45—47нет ПС. 48господиа У. 48—49нет У. 49есте П, естя С. 50живот У. 51—52сира мене С. 53остависте ПС. 54толицей УС. 55умрох, дабы не видел сего кровопролития П. 56И како П. 57свете мои драгий от П, свет У. 58очима С. 59моима С. 60естя С. 61сокровище ПУС. 64промовите П. 65цвети ПУ. 66мои драгий и ПС. 67прекрасныи, прекраснии У. 68Винограды П, виногради У. 69нет П. 70многоплодныя П, многоплодныи У. 71—73ми сладости от плода своего к тому П. 72нет С. 73мене С. 74К чему ПС, что У. 75господине мои П, господиа У. 76и не ПС. 77уже УС. 78естя С. 79единого С. 80рожденного УС. 81воздоеннаго С. 82плоду С. 82—84матери своа С. 83святых У. 84нашея У. 85великия УС. 86Агрипины С, Агренины У. 87многоплодный С. 88винограде С. 88—91нет У. 89—90плода не подаста С. 92Солнца У. 93мои У. 94драгий У. 95зашедше У, заходяще С. 95—96 луны пресветлыя У. 97погибше У. 98восточныя У, восточныя С. 99нет С. 100где У.

1государство УС. 2Мнозим У. 3—4перестан.: были есте государи С. 5—6перестан.: на земли лежите У. 7брегоми У, не брегомы С. 7—9и без чести У. 8чти С. 9приемлюще С. 9—10Изменися бо У. 11изменися У, погубе С. 12во УС. 13О милая У. 14братия УС. 15ласковая С. 16возвеселюся У. 17Свети У, Цветы С. 18драгий У, драгий С. 19что У, почто С. 20помрачистеся С. 21есте УС. 22порадовахся У 23юность УС. 24вас С. 25вас С. 26—28имате дерзновение ко госуду У. 27услышит С. 28вашу С. 29нет С. 30нет У. 31своем У. 32умрем С. 33веселие УС. 34мене С.

а³⁵ за утеху³⁶ и радость сетование и скорбь³⁷ яви³⁸ ми ся.³⁹ Почто аз⁴⁰ не прежде вас умрох,⁴¹ да бых⁴² не видел⁴³ смерти вашей, а своя⁴⁴ погибли. Не слышите⁴⁵ ли, господине,⁴⁶ бедных⁴⁷ моих словес жялостно⁴⁸ вещающи.⁴⁹ О земля,⁵⁰ о земля,⁵¹ о дубравы,⁵² поплачите⁵³ со мною! Как⁵⁴ нареку день тый⁵⁵ или како его въспию⁵⁶ — вонъ же погыбе⁵⁷ толико государей и⁵⁸ многое узорочие рязанское⁶⁰ храбрых удалцов?⁶¹ Ни⁶² един же⁶³ от них възвратися⁶⁴ вспять,⁶⁵ но вси⁶⁶ равно умроша⁶⁷ и едину⁶⁸ чашю⁶⁹ смертную⁷⁰ пиша. Се бо в горести души⁷¹ моей⁷² язык мой⁷³ связается,⁷⁴ уста⁷⁵ загражаются, гортань⁷⁶ премокает⁷⁷ смысл изменяется, зрак опусмеваает,⁷⁸ крепость изнемогает⁷⁹.

Бысть убо⁷⁹ многи туги⁸⁰ и скорби,⁸¹ и слез,⁸² и въздыхание, и⁸³ страха⁸⁴ и трепета⁸⁵ находящихся⁸⁶ на ны⁸⁷ грех ради наших.⁸⁸ Великий⁸⁹ князь Ингварь Ингоревич⁹⁰ възде⁹¹ руже⁹² на небо и⁹³ с плачем⁹⁴ глаголаше: „Господи, боже мой, на тя уповах, спаси мя, и⁹⁵ от всех гонящих⁹⁶ избави мя.⁹⁷ Пречистаа⁹⁸ владычица богородица,⁹⁹ мати Христа бога нашего, не остави мене в¹⁰⁰ время печали¹ моя. Великия² страстотръпци³ и⁴ сродники⁵ наши⁶ Борис⁷ и Глеб,⁸ будите⁹ мне грешному, помощники въ¹⁰ бранех. ¹¹О братие мои¹² и¹³ господия, помагайте¹⁵ ми¹⁶ въ¹⁷ святых¹⁸ своих¹⁹ молитвах²⁰ на супостаты²¹ наши,²² на²³ агарянии²⁴ внуци²⁵ измаилитеска²⁶ рода!²⁷

И взя²⁸ тело брата своего²⁹ великого князя³⁰ Георгия³¹ Ингоревича, и князя Давида Ингоревича Муромскаго³², и князя Глеба Ингоревича Коломенскаго,³³ и иных князей местных,³⁴ своих сродников,³⁵ и нарочитых³⁶ бояр³⁷ и крепких воевод,³⁸ и многих нарочных удалцов и резвцов,³⁹

³⁵нет С. ³⁶утешение У. ^{37—39}явился ми У. ³⁸явиша С. ^{40—41}перестан.: прежде вас не умрох У. ⁴²бы У. ^{43—44}телеса ваша мертва и моя У. ⁴⁵услышасте С. ⁴⁶господие мои УС. ⁴⁷и бедных У, бедных (!) С. ⁴⁸жялостно УС. ⁴⁹вещающи У, вещающе С. ⁵⁰земле С. ⁵¹земле С. ⁵²О земле и дубравы У. дубрава С. ⁵³восплачтитеся УС. ⁵⁴Како ли У. ⁵⁵той УС. ⁵⁶напишу УС. ⁵⁷погыбе УС ^{58—61}толико много храбрых и сильных мужей У. ⁶⁰рязанское С. ⁶¹добавл.: и резвцов С. ⁶²Ни У, ни С. ⁶³нет С. ⁶⁴возвратися С. ⁶⁵воспять У ^{66—67}перестан.: умроша равно С. ^{68—70}смертную чашу С. ⁶⁹чашу У. ⁷¹душа У. ⁷²моя У. ⁷³нет С. ⁷⁴связуется С. ⁷⁵и уста У. ⁷⁶гортань мой У. ⁷⁷пресыхает У, премоле С. ⁷⁸оустевает УС. ⁷⁹убо ми У. ⁸⁰туги УС. ^{81—82}нет С. ⁸²слезы У. ⁸³нет С. ⁸⁴страха У, ⁸⁵трепет У. ⁸⁶находящи У. ^{86—87}нет С. ⁸⁸добавл.: И по сем У. ⁸⁹Великий У, Великий же С. ⁹⁰нет У. ⁹¹возде У, возде С. ⁹²руже свои У. ⁹³нет С. ⁹⁴плачем велиим У. ⁹⁵нет УС. ⁹⁶гонящих мя С. ^{96—97}мя и избави У. ⁹⁸Пресвятая У, Пречистая С. ^{98—99}богородице владычице С. ⁹⁹богородице У. ¹⁰⁰во УС.

¹печали У, живота моего и печали С. ²Великия У, Великия С. ³страстотерпцы Христови У, страстотерпцы С. ⁴нет С. ⁵сродники УС. ⁶добавл.: благовернии князи У. ^{6—8}нет С. ⁷Борисе У. ⁸Глебе У. ⁹буди У. ^{9—10}помощники грешному во С. ¹⁰во У. ^{11—12}О милая моя У. ¹²моя С. ¹³нет С. ¹⁵помагайте УС. ¹⁶мне С. ¹⁷нет У, во С. ¹⁸святыми У. ¹⁹своими. У. ²⁰молитвами У. ²¹сопостаты У. ²²нашими У. ²³нет У. ²⁴агаряны УС. ^{24—27}и измаилтяны У. ²⁵внуцы С. ²⁶измаилтескаго С. ²⁷роду С. ^{27—30}И повеле вести телеса братьих своих благоверных великих князей У. ²⁸въ т С. ^{29—30}нет С. ³¹Георгия С. ³²Муромскаго С. ³³Коломенскаго С. ^{34—37}сродник своих У. ^{34—42}многих местных и сродников и нарочитых людей и удалцов и резвцов принесоша во град Рязань С. ³⁶нет У. ³⁷бояр У. ^{38—39}и храбрых мужей У.

въспитаніе⁴⁰ рязанское, и принесе въ⁴¹ град Рязань, и похраняше⁴³ их честно, а инех⁴⁴ на побоищи на пуде месте събираша,⁴⁵ и надгробное пеша, и похраняша.⁴⁶ Великий⁴⁷ князь Ингварь Ингоревичъ⁴⁸ поиде къ⁴⁹ граду Проньску,⁵⁰ и⁵¹ събра⁵² труп⁵³ брата своего князя⁵⁴ Олга Ингоревича⁵⁵ Краснаго,⁵⁶ и несе въ⁵⁷ град Рязань, а честную⁵⁸ главу его⁵⁹ сам князь⁶⁰ великий⁶¹ Ингварь Ингоревичъ⁶² до града понесе,⁶³ и целова⁶⁴ ю любезно, и⁶⁵ положиша⁶⁶ его в соборной⁶⁷ апостольской⁶⁸ церкви⁶⁹ с великим князем Георгием Ингоревичем въ⁷⁰ единой раце. А братию свою князя Давида, да князя Хлеба⁷¹ положиша близ гроба⁷² их въ⁷³ единой⁷⁴ раце, пев⁷⁵ над ними надгробное, и плакася велми с⁷⁶ епископом и с⁷⁷ останочными людьми и погребоша их честно.⁷⁸ Поиде⁷⁹ же⁸⁰ князь великий⁸¹ Ингварь Ингоревичъ⁸² где убиен⁸³ блаженный⁸⁴ князь⁸⁵ Феодор Юриевичъ⁸⁶ Рязанский⁸⁷ на реке⁸⁸ на Воронаже⁸⁹ и взя честное⁹⁰ тело его,⁹¹ и плакася над ним на долг час. И принесе его⁹² въ⁹³ область его к великому чудотворцу Николе Корсунскому,⁹⁴ и⁹⁵ положиша его у великаго чудотворца Николы,—и его благоверную княгиню царевну⁹⁶ Еупраксею,⁹⁷ и сына их князя Ивана Феодоровича Посника⁹⁸ въ⁹⁹ едином месте. И поставиша над ними кресты¹⁰⁰ камены.¹ И от сея вины² да зовется³ великий чудотворец Николае⁴ Заразский,⁵ яко⁶ благоверна⁷ княгини⁸ Еупракси⁹ и с¹⁰ сыном¹¹ князем Иоаном¹² сама себе зарази.

¹³ Сии бо¹⁴ государи¹⁵ рода¹⁶ Владимеря¹⁷ Святославича¹⁸ — сродника¹⁹ Борису²⁰ и Глебу,²¹ внучата Святослава²² Олговича²³ Черниговскаго.²⁴ Бяще бо²⁵ родом²⁶ христоролюбивы и братолюбивы,²⁷ лицом²⁸ красны,²⁹ очима светлы, взором грозны, паче меры храбры,³⁰ сердцем легки,³¹ къ бояром³²

⁴⁰воспитаніе У. ⁴¹их во У. ⁴³погребоша У. ⁴⁴иных УС. ⁴⁵собравше, собираше С. ⁴⁵⁻⁴⁶и отвешие надгробныя пения, и погребоша их честно а иных (!). И посем У. ⁴⁶похраниша С. ⁴⁷Великий же С. ⁴⁸Игоревичъ У. ⁴⁹къ УС. ⁵⁰Пронску У, к Пронску С. ⁵¹⁻⁵³взя тело У. ⁵²собра С. ⁵⁴великаго князя У, нет С. ⁵⁵Игоревича У, нет С. ⁵⁶Краснаго С. ⁵⁷во УС. ⁵⁸честную У. ⁵⁸⁻⁵⁹перестан.: его главу УС. ⁵⁹⁻⁶³несе сам и до града С. ⁶⁰великий князь, У. ⁶¹⁻⁶²нет У. ⁶³несе У. ⁶⁴целовав С. ⁶⁵е(!) У. ⁶⁶положи У, положив С. ⁶⁷добавл.: и У, соборной и С. ⁶⁸апостолстей УС. ⁶⁹⁻⁷⁸вкупе с братією своею У. ⁷⁰во С. ⁷¹Глеба С. ⁷²гробов С. ⁷³во С. ⁷⁴единой же С. ⁷⁵и пев С. ⁷⁶со С. ⁷⁷со С. ⁷⁸⁻⁸⁰И поки паде (!) У. ⁷⁹Поеде С. ⁸⁰⁻⁸¹перестан.: великий князь У. ⁸¹нет С. ⁸²Игоревичъ на Воронже У, Игоревич С. ⁸³убиен бысть УС. ⁸⁴нет С. ⁸⁵великий князь УС. ⁸⁶Георгиевичъ У, Юрьевич С. ⁸⁷Рязанский У, Рязанский С. ⁸⁷⁻⁸⁹нет У. ⁸⁸реце С. ⁸⁹Воронаже С. ⁹⁰⁻⁹¹его тело С. ⁹²тело его У, ⁹²⁻⁹⁴к великому чудотворцу Николе в его область С. ⁹³во У. ⁹⁴Зараскому У. ⁹⁵⁻⁹⁸ту погребоша его в купе с его княгинєю Еупраксєю и с сыном их князем Иванном Постником У. ⁹⁶нет С. ⁹⁷Еупраксєю С. ⁹⁸Постника С. ⁹⁹во УС. ¹⁰⁰крест С.

¹каменныя У, каменной С. ²⁻³прозвася У. ³зоветца С. ⁴нет У. ⁵Заразский УС. ⁶повеже С. ⁷благоверная УС. ⁸княгиня У. ⁹Еупраксия У, Евпраксия С. ¹⁰в С. ¹¹сыном своим УС. ¹²Иванном У, Иваном С. ¹³⁻¹⁴Ибо (!) С. ¹⁵господаря С. ¹⁶родом от колена великаго князя У. ¹⁷Владимера УС. ¹⁸Святославича У. ¹⁹сродники С. ²⁰Бориса С. ²¹Глеба С. ²²Святослава С. ²³Олговича У. ²⁴Черниговскаго. ²⁵добавл.: сии велицыи князи У. ²⁶⁻²⁷боголюбив и христоролюбив С. ²⁷братолюбивы У. ²⁸взором С. ²⁹лепы У, красныи С. ²⁹⁻³⁰игром (!) паче меры и храбр С. ³¹мягк С. ³²боляром УС.

ласковы,³³ и³⁴ приезжим³⁵ приветливы,³⁶ к церквам³⁷ прилежны,³⁸ на пирование³⁹ тщивы,⁴⁰ до⁴¹ государских⁴² потех охочи,⁴² ратному делу велми искусни,⁴³ на недруги храбры⁴⁴ выше⁴⁵ меры,⁴⁶ половцем грозни, к братии своей и къ их⁴⁷ посолником⁴⁸ величавы.⁴⁹ Мужествен⁵⁰ ум имяше, в⁵¹ правде же⁵² и⁵³ истинне⁵⁴ пребывава, ⁵⁵чистоту душевную и телесную⁵⁶ без порока съблюдава.⁵⁷ Святого⁵⁸ корени отрасли,⁵⁹ богом насажденнаго сада⁶⁰ цветы⁶¹ прекрасны,⁶² въспитани⁶³ быша⁶⁴ въ⁶⁵ благочестии и в молитве⁶⁶ съ⁶⁷ всяцем⁶⁸ наказании⁶⁹ духовнем.⁷⁰ От самых пелен богом⁷¹ възлюблени.⁷² О церквах божиих велми⁷³ печажуся,⁷⁴ пустошных бесед не творяху,⁷⁵ срамных глагол⁷⁶ не любяху,⁷⁷ злонравных⁷⁸ человек отвращашеся,⁷⁹ а съ⁸⁰ благими⁸¹ всегда беседоваша,⁸² божественных⁸³ писаний⁸⁴ всегда въ⁸⁵ умилении⁸⁶ послушаше.⁸⁷ Ратным⁸⁸ же⁸⁹ въ⁹⁰ бранех⁹¹ страшны являшесея.⁹² Многи⁹³ враги, встающих⁹⁴ нань,⁹⁵ победиши, въ⁹⁶ всех странах славна⁹⁷ имя⁹⁸ имяше. Къ⁹⁹ греческим царем велику¹⁰⁰ любовь имеша,¹ и дары от них многи² взимава.³ А⁴ по⁵ браце⁶ целомудрено живяста,⁷ смотряючи⁸ своего спасения.⁹ Въ чистой¹⁰ совести, и крепости¹¹, и разума¹² предержа¹³ земное государство¹⁴ и¹⁵ къ небесному приближаяся.¹⁶ Плоти¹⁷ угодиа¹⁸ не творяще,¹⁹ съблюдаючи²⁰ тело свое по браце чисто²¹ и греху непричястно. Государский²² бо²³ сан дръжа,²⁴ а посту²⁵ и молитве прилежаще,²⁶ честь от всего мира приимава,²⁷ а²⁸ крест Христов на раме своем ношаста.²⁹ А³⁰ святя дни святого поста³¹ чисто храняще,³² а³³ по вся святя посты причащаста³⁴ святых³⁵ пречистых³⁶ таин.³⁷ И многи труды и победы по правой³⁸ вере показаша.³⁹ А⁴⁰ погаными половци⁴¹

³³ласков С. ³⁴и к У, к С. ³⁵приезжим У, приезжим С. ³⁶приветлив С. ³⁷церквам Божиим У, церкви С. ³⁸прилежен С. ³⁹беседе и на пиршествах С. ⁴⁰тщив С. ⁴¹и до С. ⁴²государских С. ⁴²охочь С. ⁴³искусен С. ⁴³⁻⁴⁹нет У. ⁴⁴храбр С. ⁴⁵паче С. ⁴⁶⁻⁴⁷нет С. ⁴⁸Посланиником С. ⁴⁹величавы С. ⁵⁰Мужественный С. ⁵¹к (!) У. ⁵²нет С. ⁵³нет У, во С. ⁵⁴истинне С. ⁵⁵пребывающе У, пребываше С. ⁵⁶и телесную УС. ⁵⁷соблюдоша У, соблюдаше С. ⁵⁸Святого С. ⁵⁹отрасль С. ⁶⁰⁻⁶²прекрасный цвет бе С. ⁶¹цвети У. ⁶²прекрасни У. ⁶³воспитани У, воспитаннаго С. ⁶⁴нет С. ⁶⁵во УС. ⁶⁶молитвах У. ⁶⁷со УС. ⁶⁸всяким УС. ⁶⁹наказанием УС. ⁷⁰духовным УС. ⁷¹нет С. ⁷²возлюблени У, волюбленных. ⁷³нет У. ⁷⁴лекущихся У, печашесея С. ⁷⁵творяше УС. ⁷⁶словес С. ⁷⁷любяще У, любяше С. ⁷⁸злонравных УС. ⁷⁹отвращающесея У, отвращаше С. ⁷⁹⁻⁸¹любими (!) У, ⁸⁰з С. ⁸¹благими человеки С. ⁸²беседоваше У, веселяся С. ⁸³божественным У, божественнаго С. ⁸⁴писанием У, писания С. ⁸⁴⁻⁸⁵и со У, со С. ⁸⁶умилением УС. ⁸⁷внимающе и послушающе всегда У. ⁸⁸ратных С. ⁸⁹нет С. ⁹⁰во УС. ⁹¹⁻⁹²любляше С. ⁹²являющесея У. ⁹³И многи С. ⁹⁴востающих У, востающе С. ⁹⁴⁻⁹⁷а на беседах и во всех бранех славно С. ⁹⁵на ны У. ⁹⁶во У. ⁹⁸имяна У. ⁹⁹Ко УС. ¹⁰⁰великую У.

¹имяше С. ²нет С. ³приимаше С. ³⁻⁵И в С. ⁴И У. ⁶браце своем У. ⁶⁻⁷целомудрствующе У. ⁷живяше С. ⁸и смотряюще У, смотря С. ⁹спасения УС. ¹⁰чисте С. ¹¹крепостию У. ¹²в разуме У, разуме С. ¹³держаше У. ¹⁴государство С. ¹⁵а С. ¹⁶приближающесея У. ¹⁷И плоти С. ¹⁸угодиа УС. ¹⁹творя С. ¹⁹⁻²⁵нет У. ²⁰соблюдаше С. ²¹нескверно С. ²²государский С. ²³нет С. ²⁴держа С. ²⁵нет С. ²⁶прилежаще У, прилежа С. ²⁷приимаше С. ²⁷⁻²⁸нет У. ²⁸нет С. ²⁹носяще У, ношаше С. ²⁹⁻³⁷А великий в (!) пост вся в чистоте пребывающе и вся святя посты святых и причыстых таин причащашесея У. ³⁰⁻³¹Святого поста дние С. ³²храняше С. ³³нет С. ³⁴причащашесея С. ³⁵добавл.: и С. ³⁶добавл.: безсмертных и животоворящих С. ³⁸православней У. ³⁹приимаше С. ⁴⁰А с У. ⁴¹половцы УС.

чясто⁴² биашася⁴³ за свята⁴⁴ божиа⁴⁵ церкви и за православную веру.⁴⁶ А⁴⁷ отчину свою Черниговскую⁴⁸ и Рязанскую⁴⁹ землю от съпостат⁵¹ велми без лености храняща.⁵¹ А⁵² милостыню неоскудно,⁵³ дающа,⁵⁴ и⁵⁵ ласкою своею многих⁵⁶ неверных⁵⁷ царей⁵⁸, и⁵⁹ детей их,⁶⁰ и⁶¹ братию⁶² приимаста⁶³ и на⁶⁴ веру истинную⁶⁵ обращаста.⁶⁶

Благодарный⁶⁷ великий князь Ингварь Ингоревичь,⁶⁸ нареченный въ⁶⁹ святом крещении Козма, сяде⁷⁰ въ⁷¹ граде Рязани на столе отца своего Ингоря⁷² Святославича.⁷³ И обнови⁷⁴ землю Рязанскую,⁷⁵ церкви постави,⁷⁶ и монастыря⁷⁷ съгради,⁷⁸ и пришелци⁷⁹ утеши, и⁸⁰ люди многи събра.⁸¹ И бысть радость⁸² християном, их же избави бог⁸³ рукою своею крепкою⁸⁴ от безбожных татар.⁸⁵ Князь великий⁸⁶ Ингварь⁸⁷ Ингоревичь⁸⁸ отпусти⁸⁹ князя кир Михаила Всеволодича⁹⁰ на отца его⁹¹ вотчину⁹² на⁹³ Пронеск.⁹⁴

В лето 7021 году⁹⁵. Пришли крымския⁹⁶ люди на рязанския⁹⁷ украины, и⁹⁸ чудотворца⁹⁹ Николы Заразскаго¹⁰⁰ священницы, взя¹ чудотворный² Николин образ,³ и пришли на Коломну для татарския⁴ нужда. И⁵ епископ коломенский Митрофан⁶ чудотворный образ⁷ Заразский⁸ встретил⁹ съ¹⁰ всем¹¹ градом.¹² Великий же¹³ чудотворец Николае¹⁴ Заразский показал милость на граде Коломне—учял миловати¹⁵ множество народа, различными болезнями исцеляти, яко не мочно¹⁶ счести¹⁷ таких¹⁸ преславных чудес. И поставиша чудотворный образ в Петре чудотворци.¹⁹ Епископ²⁰ Митрофан, видя²¹ от чудотворнаго образа преславныа²² чудеса, и посла²³ к государю²⁴ благоверному князю Василию Ивановичю всеа Русии, и поведа ему преславныа²⁵ чудеса от чудотворнаго²⁶ Николина образа Заразскаго.²⁷ И великий князь Василей Иванович самодержец присла²⁸ вскоре²⁹ к богомолцу своему³⁰ епископу Митрофану на Коломну, и веля ему³¹ поставити храм камен³² на площади во имя святого³³ чудотворца Николы Заразскаго,³⁴

⁴²часто УС. ⁴³бияшася УС. ^{43—46}нет У. ⁴⁴святыя С. ⁴⁵божиа С. ⁴⁷и за С. ⁴⁸Черниговскую С. ⁴⁹Рязанскую С. ⁵⁰сопостат У, супостат С. ⁵¹храняще У. храняше С. ⁵²Нищим же У. ⁵³оскудно С. ⁵⁴подавающе У, даяше С. ⁵⁵а У. ⁵⁶много С. ⁵⁷нет С. ⁵⁸добавл.: и королей неверных С. ⁵⁸и их С. ^{59—60}перестан.: их детей У. ⁶⁰нет С. ⁶¹и их С. ⁶²братию их У. ⁶³приимаше С. ^{63—66}нет С. ^{64—65}истинную християнскую веру У. ⁶⁶обращающе их У. ⁶⁷Благодарный же У. ^{добавл.:} и С. ⁶⁸Ингоревич У, Ингоревич С. ⁶⁹во УС. ⁷⁰сиде С. ⁷¹во УС, ⁷²Игоря У. ⁷³Святославича У. ⁷⁴обновив С. ⁷⁵Рязанскую и С. ⁷⁶поставив С. ⁷⁷монастыри С. ⁷⁸устрои У, соорудив С. ⁷⁹пришелца У, пришелцы С. ^{80—81}многи люди наведе С. ⁸¹собра У. ⁸²добавл.: велика С. ^{83—84}всесильною рукою своею У, крепкою рукою своею С. ^{85—86}Великий же князь УС. ⁸⁷Ингвар У. ⁸⁸Ингоревич У, Ингоревич С. ⁸⁹отпусти во Пронеск У, отпустил С. ⁹⁰Всеволодича У. ⁹¹своего С. ⁹²отчину УС. ^{92—94}нет У. ⁹³добавл.: град С. ⁹⁵нет С. ⁹⁶крымския С. ⁹⁷рязанския С. ⁹⁸нет С. ⁹⁹чудотворнаго образа С. ¹⁰⁰добавл.: и (I) С.

¹взяв С. ^{2—3}перестан.: образ Николин С. ⁴татарския С. ⁵нет С. ^{6—7}перестан.: образ чудотворный С. ⁸нет С. ⁹срете С. ¹⁰со С. ¹¹семи С. ¹²граждане С. ¹³нет С. ^{14—15}от своего чудотворнаго образа и спустил великая чудеса и начаша С. ¹⁶мощно С. ¹⁷изчести С. ¹⁸таковых С. ¹⁹чудотворце С. ²⁰Епископ же С. ²¹видев С. ²²преславная С. ²³послал С. ²⁴нет С. ²⁵преславная С. ^{26—27}образа Николина Рязанскаго С. ²⁸прислал С. ²⁹скоро С. ³⁰добавл.: къ С. ^{31—32}храм каменной поставити С. ³³лет С. ³⁴Рязанскаго С.

и³⁵ веля поставити³⁶ в нем³⁷ чудотворный Николин³⁸ образ. Епископ же Митрофан по повелению³⁹ благоверного и христоролюбиваго⁴⁰ великаго князя Василя⁴¹ Ивановича всея⁴² Русии вскоре⁴³ повеле ставити⁴⁴ храм во имя великаго⁴⁵ чудотворца Николы Заразскаго.⁴⁶ И създа⁴⁷ храм в⁴⁸ едино лето, и постави⁴⁹ в нем чудотворный образ, и святы⁵⁰ храм. И по приказу великаго князя Василя⁵¹ веля в нем служити двум⁵² попом да диакону,⁵³ а дву попов да диакона⁵⁴ отпусти⁵⁵ владыка⁵⁶ съ образы⁵⁷ к старому престолу на Рязань. И священники⁵⁸ зараский⁵⁹ поставиша на Рязани⁶⁰ у стараго⁶¹ престола образ церковный¹² чудотворца Николу.¹³ И⁶⁴ чудотворец Николае⁶⁵ показал милость свою на Коломне — от чудотворнаго образа великое милосердие, а на Рязани у стараго престола милосердие же.⁶⁶ И⁶⁷ священники зараский⁶⁸ служили на Коломне у⁶⁹ чудотворнаго образа⁷⁰ два года⁷¹ и 15 недель. И⁷² завидник и⁷³ ненавистник роду христьянскому⁷⁴ враг устреил⁷⁵ в сердце некоего сребрянаго⁷⁶ мастера именем Козлока: покраде⁷⁷ церковь⁷⁸ чудотворца Николу⁷⁹ Заразскаго⁸⁰ и отъя⁸¹ приклад от чудотворнаго образа. Епископ же Митрофан нача⁸² скорбети съ⁸³ множеством народа, и нача⁸⁴ дивитися: хто⁸⁵ такой безстрашный враг, како⁸⁶ смех⁸⁷ дерзнути на чудотворный образ,⁸⁸ и како⁸⁹ не уше⁹⁰ рука его, и како не разслабе⁹¹ уды его. Прикладу же чудотворнаго образа быша⁹² безвестна⁹³ 5 недель. И некто⁹⁴ на Коломне⁹⁵ муж боголюбив⁹⁶ именем Созон⁹⁷ Киселев лежа на одре восьм⁹⁸ лет, не⁹⁹ имея¹⁰⁰ владети руками и ногама, ни¹ на другую страну обратитися.² И явися³ великий⁴ чудотворец Николае Зараский, и повеле ему ити к⁵ епископу Митрофану поведати ему⁶ приклад чудотворнаго своего образа,⁷ что его⁸ покрад⁹ Козлок¹⁰ серебряной мастер,¹¹ а живет за речкою за Коломянкою¹² на Чюре за прудом, а стоит¹³ приклад у Козлока на дворе пред избою под примостом в корчаге в земли.¹⁴ И Созон¹⁵ нача¹⁶ отрекатися:¹⁷ „Како мне¹⁸ велиши¹⁹ поведати епископу: аз²⁰ бо руками и ногама не имам²¹ владети 8 лет в недуге своем.“²² Великий²³ же чудотворец Николае²⁴ подья Созона, и в том часе

35а в нем С. 36—37нет С. 38нет С. 39—40нет С. 41Василя С. 42всё С. 43—44поставил С. 45нет С. 46Рязаньского С. 47создал С. 48во 49поставил С. 50освятит С. 51Василья Ивановича всеа Руси С. 52двум С. 53диякону С. 53—54нет С. 55и отпустил С. 56владыку С. 56—57нет С. 58священники С. 59Зарастин С. 60Рязани С. 61старого С. 62добавл.: великаго С. 63Николы С. 64И великий С. 65—66от своего чудотворнаго образа показал на Коломне великая чудеса, тако же на Рязани С. 67—68нет С. 69—70великаго чудотворца Николы С. 71годы С. 72—73нет С. 74христьянскому С. 75устрелил С. 76сребрянаго С. 77и покраде С. 78добавл.: великаго С. 79Николы С. 80Заразскаго С. 81отят С. 82начат С. 83со С. 84начат С. 85кто С. 86нет С. 87смел С. 88добавл.: великаго святителя Николы С. 89—90начат (I) С. 91разслабеша С. 92бывшу С. 93без вести С. 94—95нет С. 96боголюбивый С. 97Созонт С. 98С. 99и не С. 100имы С.

1и не могый и С. 2добавл.: аще кто его не обратит С. 3добавл.: ему С. 4нет С. 5ко С. 6добавл.: про С. 7—8глаголя С. 9покраде С. 10—11сребряник С. 12Коломенскою У. 13—14у Козлока приклад пред избою под примостом в земли в корчаге С. 15Созонт С. 16начат С. 17обрекатися (I)Николе С. 17—18нет С. 19велиш С. 20—21не имам ни рукою, ни ногою С. 22сем С. 23Великий С.

исцелен бысть.²⁵ Созон²⁶ же в той час притече²⁷ к²⁸ епископу Митрофану и поведает ему все²⁹ порядку, како явился ему великий³⁰ чудотворец, и како³¹ исцели его,³² и³³ како³⁴ поведает ему³⁵ приклад свой. Епископ же Митрофан,³⁶ видя³⁷ такое³⁸ велие³⁹ чудо, и⁴⁰ преславно,⁴¹ и памяти достойно⁴², и повеле звонити на мног⁴³ час. И снидеся⁴⁴ множество народа,⁴⁵ видя⁴⁶ такое чудо⁴⁷ — исцелешаго мужа⁴⁸ от одра⁴⁹ многолетнего. И даша⁵⁰ хвалу богу и⁵¹ угоднику его⁵² великому чудотворцу Николе. Епископ⁵³ Митрофан облачяся⁵⁴ в ризы⁵⁵ и весь събор⁵⁶ церковный, и взя⁵⁷ чудотворный⁵⁸ Николин образ⁵⁹ и иде за речку⁶⁰ Коломянку⁶¹ на Чюру к² Козлоку⁶³ серебряному мастеру,⁶⁴ никому же не ведущи⁶⁵ камо грядет⁶⁶ епископ с чудотворным Николиным образом,⁶⁷ токмо епископу⁶⁸ и⁶⁹ исцелешему⁷⁰ мужу⁷¹ от святого. Епископ же⁷² прииде⁷³ к Козлокову⁷⁴ двору.⁷⁵ Козлок же стрете⁷⁶ у врат чудотворный⁷⁷ образ⁷⁸ и епископа, и поведает ему⁷⁹ приклад чудотворнаго образа, не⁸⁰ пытав,⁸¹ и⁸² не⁸³ вопрошан.⁸⁴ И сказа⁸⁵ ему⁸⁶ все по ряду⁸⁷ о них же⁸⁸ съдеях. Епископ же взем⁸⁹ приклад чудотворнаго образа и иде въ⁹⁰ град, славя бога и угодника его чудотворца Николу, яко⁹¹ творяща⁹² ему преславная⁹³ чудеса. И приидоша въ⁹⁴ врата града⁹⁵ рекомыя⁹⁶ Ивановския.⁹⁷ И некто нищ глух и нем⁹⁸ от родства матери своей⁹⁹ именем¹⁰⁰ Климент, прося милостыни¹ входящих² въ град³ и исходящих⁴ помованием⁵ руку⁶ свою, и увиде⁷ чудотворный образ, и в тѣм⁸ часъ вскрича,⁹ услыша,¹⁰ и проглагола.¹¹ Епископ же, видя¹² велие чудо, и¹³ страхом обият быв,¹⁴ и возрадовашася¹⁵ съ¹⁶ всем градом, и вскоре посла¹⁷ къ государю¹⁸ благоверному¹⁹ великому князю Василию Ивановичю всея²⁰ Руси самодержцу, и²¹ поведает ему велие и преславное чудо великаго чудотворца Николы Заразскаго: како разслаблена²² исцели,²³ и како яви²⁴ приклад свой, и како глуха и нема исцели²⁵ от родства матери своей.²⁶ Благоверный²⁷ и христолюбивый великий князь Василей Ивановичъ²⁸ самодержец, слыша²⁹ такая³⁰ преславныя³¹ чудеса

24—25Созонта в той час исцелил С. 26Созонт С. 27потече С. 28ко С. 29вся С. 30нет С. 31—32его исцелил С. 33нет С. 34—35перестан.: ему поведает С. 36нет С. 37видев С. 38таковое С. 39великое С. 40нет С. 41преславное С. 41—42нет С. 43долго С. 44—45народу множество С. 46и видеша С. 46—47нет С. 48—49такова С. 50воздаша С. 51—52нет С. 53Епископ же С. 54облечется С. 55добавл.: своя С. 56собо, С. 57взяв С. 58—59перестан.: образ Николин С. 60реку С. 61Коломенку С. 62х С. 63—64серебрянику С. 65ведущу С. 66—67нет С. 68епископ С. 69да С. 70исцелешый С. 71муж С. 71—72нет С. 73Приидоша же С. 74Козлоку во С. 75двор С. 76встрете С. 77чудотворнаго С. 78образа С. 79нет С. 80ни С. 81пытав С. 82нет С. 83ни С. 84спрашивая С. 85сказав С. 86нет С. 87—88же С. 89взят С. 90во С. 91нет С. 92—93таковая предивная С. 94во С. 95граду С. 96рекомыя С. 97Ивановские С. 98—99от рождества своего С. 100именем С.

1милостыня от С. 2—3нет С. 4исходящих из града С. 5помованием С. 6рукою С. 7видев С. 8той С. 9вскричав С. 10услышав С. 11проглаголав С. 12увидев С. 12—13таковое чудо преславно С. 14бысть С. 15возрадовася радостью великою С. 16со С. 17послав С. 18нет С. 19добавл.: и христолюбивому С. 20всё С. 21нет С. 22разслабленаго С. 23исцели С. 24явив С. 25исцелив С. 25—26слышати и глаголати сотворив С. 27добавл.: же С. 28Иванович всеа Руси С. 29слышав С. 30таковая С. 31неизреченная С.

от чудотворнаго образа, и благодари³² всемилостиваго³³ и человеколюбиваго³⁴ бога, и пречистую его матере,³⁵ и³⁶ великаго чудотворца Николу. И присла³⁷ къ³⁸ епископу Митрофану, и всему священному³⁹ собору⁴⁰ милостыню доволну.⁴¹ И веля молити⁴² всещедрого и человеколюбиваго бога,⁴³ и пречистую его матерь, и угодника их великаго чудотворца Николу Зараскаго,⁴⁴ и великих чудотворец⁴⁵ о⁴⁶ своем государеве⁴⁷ здравии и о благоверной великой княгини,⁴⁸ и о братне здравии, и о всем⁵⁰ православии веля бога молити.⁵¹

КОЛОМЕНСКИЙ ЭПИЗОД

По списку Гос. Исторического музея, Уварова 1823

Чудо великаго святителя Николы чудотворца бысть от чудотворнаго иконы его.

В лета 7021-го году. Пришли кримския татарове на Рязанския украины, и взяша священницы чудотворный образ Николы чудотворца Зараскаго, и понесоша^а его на Коломну ради татарского приходу. И слыша Коломенский епископ Митрофан о чудотворной иконе, и иде сретение со всем освященным собором и со множеством народа. Великий же чудотворец Николае показа милость на граде Коломне и на людех — сотвори преславная чудеса, исцеляя различными недуги одержимыя. И поставиша чудотворную икону в церкви святаго митрополита Петра чудотворца. Епископ же Митрофан, виде от чудотворнаго образа преславная чудеса, и посла весть к Москве к благоверному и великому князю Василию Ивановичю всеа Русии, и поведи ему преславная чудеса, яже бывають от чудотворнаго образа. Князь великий, слышав о чудесех, вскоре присла к епископу на Коломну — повеле ему поставити церковь камену во имя Николы чудотворца Зараскаго на Коломне посреди торжища, и в ней повеле поставити чудотворный образ Николин. Епископ же Митрофан по повелению великаго князя вскоре повеле поставити церковь и создаша церковь единым летом, и бысть совершен. Епископ же Митрофан освяти его и постави в нем той чудотворный образ Николы чудотворца Зараскаго. И по приказу великаго князя повеле служити ту двум попом и диякону. И по сем повеле написати епископ с того переводу ину икону — новую. И новый той образ отпусти епископ и дву попов и диякона, а инех к старому престолу на Рязань. А прежний чудотворный образ на Коломне в новой церкви и ту святитель многа чудеса творяше ото образа своего. Ненавидяй же добра диявол и ненавистник роду христианскому устрели в сердце некоего сребреника именем

^а В *рук.*: понесоца.

³²благодарив С. ³³⁻³⁴в троицы славимаго человеколюбца С. ³⁵матерь С. ³⁶добавл.: угодника их С. ³⁷прислал С. ³⁸нет С. ³⁹освященному С. ⁴⁰собору С. ⁴¹нет С. ⁴²⁻⁴³всемилостиваго бога и всещедрого человеколюбца Христа С. ⁴⁴Зараскаго С. ⁴⁵чудотворцов С. ⁴⁶⁻⁴⁷нет С. (I) С. ⁴⁸княгине С. ⁵⁰⁻⁵¹православном христианстве. Всегда и ныне и присно и во веки веком. Аминь С.

Козлока: окраде церковь Николы чудотворца и отнят от чудотворнаго образа оклад и гривны. Епископ же Митрофан нача скорбети со всем собором и со множеством народа, и нача дивитися дияволу научению: кто такой безстрашный враг, како сме дерзнути на чудотворный образ, како не усуже рука его и не расслабеша уды его. Окладу же чудотворнаго образа безвестно бывшу пять недель. И некто на Коломне муж боголюбив именем Созонт Киселев, лежа на одре восемь лет, не могый владети ни руками, ни ногама, ни на страну обратитися. И явися ему великий святитель и чудотворец Николае образ Зарасский, и повеле ему ити к епископу Митрофану, и поведати ему приклад чудотворнаго образа, что покрал его Козлок сребраной мастер, а живет за рекою за Коломянкою на Чюре за прудом, а стоит приклад у Козлока на дворе пред избою под мостом в корчаге в земли. Созонт же нача отрицатися, глаголя: „Како мне велиши, святче божий, поведати епископу: аз бо руками и ногама не имам владети восемь лет в недуже своем“. Великий жу чудотворец Николае подъя Созонта. И в том часе исцелен бысть Созонт, и притече к епископу Митрофану, и поведает ему все порядку, како явися ему великий чудотворец, и како исцели его, и како поведает ему приклад свой. Епископ же слыша таковое великое и преславное чудо и памяти достойно, повеле в тяжкая звонити на мног час. И снидеша множество народа видети таковое преславное чудо: исцелешаго мужа от мног лет на одре лежаща, ныне же воставша. И видевше исцелешаго, воздаша хвалу господеву и его угоднику великому святителю и чудотворцу Николу. Епископ же облечеша во святительския ризы, и весь священный собор, и взяша чудотворную икону святителя Николы чудотворца, и поидоша за реку Коломянку на Чюру к Козлоку сребрянному мастеру, никому же поведущи камо грядет епископ с чудотворным Николиным образом — токмо ведомо епископу и исцелешему. Епископ же прииде к Козлокову двору. Козлок же сrete у врат чудотворный образ и епископа, и поведает ему приклад чудотворнаго образа. И вся сказа по ряду, яже содея. Епископ же взя приклад чудотворнаго образа и иде воспеть к церкви Николы чудотворца, слава бога и его угодника чудотворца Николу. И приидоша во врата града, рекомыя Ивановския. И некто нищ, глух и нем от родства матере своея именем Климент, прося милостыни от входящих и исходящих помованием рукую своею, и увиде чудотворный образ, и возопи, и услыша, и проглагола. Епископ же виде велие чудо, и страхом объят быв, и возрадовася со всем градом, и вскоре посла к Москве к государю благоверному великому князю Василию Ивановичю всеа Русии, и поведает ему велие и преславное чудо великаго чудотворца Николы Зарасскаго: како расслабленнаго осьмь лет лежаща на одре исцеле, и приклад свой объяви, и како глуха и нема от рождства матери его исцели. Благоверный же и христолюбивый великий князь Василей Ивановичь всея Русии, слыша таковая и преславная чудеса, и благодари всемилостиваго и человеколюбиваго бога, и пречистую его мать, и великаго чудотворца Николу. И посла

к епископу Митрофану и ко всему собору священному доволну милостыню, и повеле молити всещедрого и милостиваго бога, и пречистую его мать, и великаго святителя и чудотворца Николу о своем государстве здравии, и о великой княгене, и о братии здравии, и за вся православныя християне, и о мире, и о тишине, и о благопробывании. Богу нашему слава. Всегда и ныне, и присно, и во веки.

ВТОРОЙ КОЛОМЕНСКИЙ ЭПИЗОД

Текст по списку Исторического музея, Воскрес. 211

Служители великого чудотворца Николы Заразского нача в себе помышляти, яко не мочно нам на два престола служити, и начаша молити благоверного государя великого князя Василия Ивановича всеа Руси самодержца, чтобы государь отпустил чудотворный Николин образ Заразского к старому престолу на Рязань. И благоверный князь Василей Иванович чудотворного образа Николина взяти не повелел, а старых попов Никольских отпустил к старому престолу на Рязань служити. А коломенскому епископу Митрофану велел к Николу чудотворцу прибирати дву попов да дьякона. И священницы заразкия начаша скорбети, что ошаша великого чудотворца Николы Корсунского и Заразского образа. И не быша у великого чудотворца Николы Заразского на Резани от декабря шестаго числа до марта 9-го числа, а в марте девятом числе на крестопоклонению воскресению явися велие чудо преславно и памяти достойно. На третьем часу дни прииде понамарь в церковь уготовати к божественной литоргии и виде чудотворный образ чудотворца Николу стояше во церкви на своем месте и с прикладом и пеленами, яко же и преже, яко светило сияше велие. Понамарь видя чудотворный образ и страхом объят быв и вскоре поведи священницы, что виде во церкви чудотворный образ стоящъ своем месте. Они же слышав и мяща, яко неистов есть во иступлении ума глаголет. Понамарь глагола, яко истинна есть и притекоша во церковь и видя чудотворный образ на своем месте стоящъ, и страхом и радостию объяти быхом, а которой образ Николин поставлен в чудотворного образа место — того образа в церкви несть. И священницы пев молебен и литоргию служиша. И приехаша вборзе на Коломну ко епископу Митрофану и проведи ему приход чудотворного образа, а который образ Николин стоял на Резани в чудотворного образа место — тот образ стал на Коломне на чудотворного образа место. И епископ Митрофан видя велия и преславныя чудеса, и посла к государю великому князю Василию Ивановичю поведати ему — чудотворец Николае отиде к старому престолу на Резань невидимо. И слыша благоверный и великий князь Василей Иванович самодержец отход чудотворного образа, и нача дивитись и глаголати: „О великий чудотворец Николае, прости мя, что ти не поволих итти к старому престолу. Да учиню тебе церковь и ограду каменну, чтобы твой чудотворный образ стоял во веки недвижим“. И не

по мнозех летех воспомяну обет свой великий князь Василей Иванович государь самодержец и прииде на Рязань к великому чудотворцу Николе Заразскому, и торжествовав светло, и заложи чудотворцу церьков и ограду каменну, чтобы чудотворный образ вовеки недвижим, и соверши обет свой.

РЕДАКЦИЯ ХРОНОГРАФИЧЕСКАЯ

Текст по списку БАН 31.6.27

О пришествии Николина образа на Рязань из
Корсуны

В лето 6732-е: Явися святыи великий чудотворец Николае Корсунский в преименитом граде Корсуну служителю своему иерею Еустафию имянем и рече ему великий чудотворец Николае: „Еустафие, возми мой чудотворный образ корсунский, и супругу свою Феодосию, и сына своего Еустафия и гряди в землю Рязанскую. Тамо хошу быти, и чудеса творити, и место прославити“. Еустафие же убоися от такаваго сна и видения и нача ужасатися. А во вторую ночь чудотворец Николае тако же ему явися. Иерей же Еустафие вболе в страх вниде и нача помышляти и глаголати: „О великий чудотворец Николае, камо велиши итти? аз раб твой ни земли Рязанския знаю, ни на сердце мое когда възде. Не вам убо тоя земли — на восток ли, или на запад, или на юг, или на север“. И сия в себе помышляя. И в третию ночь явися чудотворец Николае иерею Еустафию, и утыкая его в ребра, веля ему немедленно итти, яко на восток, и поручаяся его допроводити до Рязанския земли. Священник же Еустафие нача трепетен быти от такаго видения, и помысли в сердце своем, како оставити град Корсунь и сродники своя. И мало позамедли, и абие нань нападе болезнь главная. И от тоя болезни ослепе, и нападоша на очи его, яко чешуя. Еустафие же нача скорбети и плакаться, и по мале нача ум свой собирать и каятися — о них же содея. И прилежно припаде к чудотворному образу, и нача плакаться и глаголати: „О великий чудотворец Николае, возвеличанный от господа на небесех и прославленный в чудесах на земли! Согреших пред тобою, владыко, — не послушах твоего повеления. Прости мя грешнаго раба твоего. Буди воля твоя, яко же изволи“. И в той час прозре, и бысть болезнь его главная без болезни, а очи без мозоли, яко же преже. Ерей же Еустафие нача молити всемилостиваго бога, и пречистую его мать, и великаго чудотворца Николу, чтобы ему по чудотворцову изволению получитьи желание свое и дойти уреченнаго места Рязанския земли; уповаше бо на всемилостиваго бога и на пречистую его мать и на великаго чудотворца Николу, яко той может сохранить его от поганых половець. И не збысться мысль его. Великий бо чудотворец Николае явися иерею и Еустафию и рече ему: „Не полезно ти есть итти чрез Половецкую землю, но иди во усть Днепра, и сяди в корабль,

и доиди моря Варяжскаго в Немецкия области. И оттуду иди сухим путем до Великаго Новагорода, и паки до Рязанския земли невозбранно доидеши, везде чести приемля^а. Священник же Еустафие взят чудотворный образ великаго чудотворца Николы Корсунскаго, и жену свою Феодосию, и сына своего Еустафья, и единаго от клирик предстатель своих, и забы преименитаго града Корсуня, и отрекся всего имения своего, и поиде в путь, яко же чудотворецъ ему повеле, богу его соблюдающу, а чудотворецъ ему Николае путь правяше. И прииде во усть реки Днепра, и седе в корабль в Понтъское море, сеже словет море Руское, и доиде моря Варяжскаго. И прииде в Немецкия области во град Ригу, и мало пребы в онем. И поиде оттуду сухим путем, и прииде во^а град Кесь. И оттуду прииде в Великий Новъград к великому князю Ярославу Всеволодичю, и к сыну его великому князю Александру Ярославичю Невъскому и пребысть многи дни. Великий же чудотворецъ Николае Корсунский в Великом Новегороде множество недужных исцелил и показал своя преславная чудеса. Иерей же Еустафие нача помышляти, како бы ему дойти Рязанския земли. Жена же Еустафиева Феодосия возлюби Великий Новъград, и не восхоте из него итти во след чудотворнаго образа Николина. И сокрыся от мужа своего, и абие разслабеша вси уды телеси ея, и бысть яко мертва и недвижима; едино дыхание в персех ея бяше. Нецыи же сказаща иерею и Еустафию, яко „жена твоя Феодосия онамо при смерти есть“. Еустафие же слышав о жене своей, и припаде к чудотворному образу, и глаголаше со слезами: „О великий святитель Христов и чудотворецъ Николае, прости рабу свою, яже ти согрешила, яко едина от безумных жен“. И в той^б час жена его здрава бысть. Иерей же Еустафие въскоре взя чудотворный образ Николин, иде в путь свой радуясь и славя бога и угодника его Николу, и хотя дойти нареченнаго места Рязанския земли. И тако преиде многия веси и грады, святителю Николе чудеса содевающу везде, а служителю его Еустафию от всех честь приемлющу. И многими дньми доиде края Рязанския земли, и нача помышляти в себе глаголя: „О великий чудотворецъ Николае, се земля Рязанская, камо хошу итти и покой обрести“. Сия помышля, Еустафие согреши в мысли своей, и забы прежняго чудотворцева видения и чудес его. Бог бо творит чудеса угодники своими, елико хошет.

Явление^в

Великий ж чудотворецъ Николае явися благоверному князю Феодору Георгиевичю Рязаньскому во сне, и поведаетъ ему приход^г чудотворнаго своего образа корсунскаго и рече ему сиде: „Княже, гряди во сретение

^а В рук.: ко.

^б В рук.: тай.

^в Киноварный заголовок.

^г В рук.: дважды: приход.

чюдотворнаго моего образа корсуньскаго. Аз бо хошу zde быти, и чюдеса творити. И умолю о тебе всемилостиваго и человеколюбиваго владыку Христа сына божия — да подарует ти венец царствия небеснаго, и жене твоей, и сыну твоему“. Благоверный князь Феодор Георгиевич возбнув от сна, и устрашися от такаваго видения, и нача помышляти в таинем храме сердца своего, яко страхом объят. И не поведати ни кому же страшнаго того видения, и нача помышляти во уме своем, глаголя „О великий святитель Христов и дивный в чюдесех Николае, како умоли о мне милостиваго бога — да сподобит мя небеснаго царствия, и жене моей, и сыну моему; аз бо ни браку сочтахся, ни плода чрева имею“. И абие въскоре встав и с подобающею честию иде во сретение чюдотворнаго образа, яко же ему святыи Николае чюдотворец повеле. И прииде на предреченное место, и увидев издалеца чюдотворный образ, яко свет сияюще неизреченно. И пришед припад к чюдотворному образу любезно сокрушенным сердцем, и испущая от очию слезы, яко струя, и прия чюдотворный образ с радостию, и принесе во область свою. И вскоре посла весть ко отцу своему великому князю Георгию Ингоровичю Рязаньскому, и веля поведати приход чюдотворнаго образа Николина из Корсуни града. Великий же князь Георгий Ингорович, услыша приход чюдотворнаго образа, воздев руже на небо и благодарив бога и угодника его великаго чюдотворца Николу, яко посети бог людей своих, и не забы дела руку свою. И въскоре взя с собою епископа Ефросина святогорца, и поиде во область сына своего князя Феодора Юрьевича. И виде от чюдотворнаго образа великия и преславныя чюдеса, и радости исполнишася о преславных чюдесех. И создаша храм во имя святаго и великаго чюдотворца Николы Корсуньскаго. И святи ю епископ Ефросин греческий, и торжествовавше светло отидоша во свой град. Не по мнозех же летех благоверный князь Феодор Георгиевич сочтася браку, и поят супругу от царска рода именем Еупраксею. И по мале времени и сына роди имянем князя Ивана Постника.

(Дальше, л. 468 об. — л. 472, статья: „О великом побоище иже на Калке реце“)

В лето 745. Нашествие безбожнаго царя Батыя на Рускую землю^а

Хошу реци о друзи и братия повесть, иже не точию человеки, но и безсловесныя скоты, и нечувственное камение может подвигнути на плач, и глаголати: горе и увы! или паче: кто может словом представить на сущих тогда христиан излиянную на них чашу пельни божия суда? или серп он, его же пророк виде, пожиная и искореняя вся нещадно? или мечь, иже не точию обезсчадствовати могый, но с чады и родивших погиная немилостивно? И кто может словом представить, Христе милостивый, постигшая^б тогда злая христианьский род за умно-

^а Киноварный заголовок.

^б В рук.: постагшая.

жение грех наших. Глаголю же безбожнаго Батыя нашествие на Рускую землю, еже бысть в лето 6745-е.

Сей убо безбожный, молнийная стрела, с безчисленным множеством агарян, безвестно приде лесом во 12 лето по принесении чудотворнаго образа Николина из Корсуни, и ста на реке на Вороножи на Онозе, и взя ея пленом И посла послы безделныя, жену чародеицу, и с нею два мужа на Рязань к великому князю Юрью Ингоревичю Рязанскому, и к прочим князем муромским, и пронским, просяще у него десятины во всех князех, и во всяких людех, и в животех, и в скотех, и во всем. И услыша сия князь Юрью Ингоревич, и вскоре посла во град Владимир к великому князю Юрью Всеволодичю Владимирскому, — да поидет с ними противу безбожных агарян. Он же сам не поиде и силы не посла, — занеже страх нападе и трепет на всех человек, являя божий гнев. Сего ради поглощена бысть премудрость строити ратная дела, и крепких сердца в слабость женъскую преложишася. И сего ради ни един же от князей русских не поиде друг ко другу на помощь, ни совокупшася вси, ни поидоша против безбожных, но вдашася в совет суетен, мысляще коиждо о себе противу безбожных рать составить. Безбожнии же не имуще многих сопротивников себе, и на коегождо отечество находяща, грады приимаху, и князя, и люди мечю и огню предаваху. Услышав же князь великий Георгий Ингоревич, что нет ему помощи от великаго князя Георгия Всеволодича Владимирскаго, и въскоре посла по братию свою, по князя Давида Ингоревича Муромскаго, и по князя Глеба Ингоревича Коломенскаго, и по Всеволода Пронскаго, и по прочия князи, и по князя Олга Краснаго. И начяша совещевати, яко нечестиваго подобает дары утоляти. И посла сына своего князя Феодора Юрьевича к нечестивому царю Батыю з дары и с великим молением, дабы не воевал Рязанския земли. Князь Феодор приде к Батыю на Воронеж з дары и молением, дабы не воевал Рязанския земли. Безбожный же царь Батый льстив и немилостив, дары прия, и охаб:ся лестию, что не воевати Рязанския земли, и яряся, и хваляся воевати Рускую землю. И начя просити у рязаньских князей дщерей и сестр себе на ложе. И некий от велмож рязаньских завистию насочи безбожному царю Батыю на князя Феодора Юрьевича Рязаньскаго, яко имеет у себя княгиню от царска рода, а лепотою красна зело. Царь же Батый лукав сый и немилосерд, в неверии своем пореваем и в похоти и плоти, и рече князю Феодору Юрьевичю: „Дажь ми, княже, видети жены твоя красоты“. Благоверный же князь Феодор посмеявся, и рече: „Не подобно есть нам християном к тебе нечестивому царю водити жены своя на блуд. Аще нами преодолеши, то и женами нашими владети начнеши“. Безбожный же царь Батый разярився, и повеле благовернаго князя Федора Юрьевича убити въскоре.

Благоверная же княгиня его Гупраксия стояше в прывысоцем храме своем, и держащи на своих белых руках любезное чадо свое — князя Ивана Феодоровича Постника, и поглядяющи ласкаваго и любимаго

своего супруга благоверного князя Феодора Юрьевича — когда придет от нечестиваго царя Батыя. И абие вместо радости услыша таковыя смертоносныя глаголы, яко сожитель ея благоверный князь Феодор Юрьевич любви ради ея, красоты убиен бысть. И абие наполнися слез и горести, и ринуся из превысокаго храма своего, и с сыном своим со князем Иваном на среду земли, и заразися до смерти. И оттоле прозвася место то Зараз: зане же заразися того княгини Еупраксия с сыном своим.

Слышав же князь великий Юрий Ингоревич убиение возлюбленнаго сына своего князя Феодора, и иных князей, и нарочитых людей многое побиение от нечестиваго Батыя, начаша плакаться жалостно с великою княгинею, и с братиею своею. И начаша з братиею своею, и с прочими теми князи совокупляти войско, и учредиша полки. И рече к братии своей: „Господия моя милая братия, аще благая пряхом от руки господня, то злых ли не потерпим? Лучше нам смертью живот купити, нежели в поганой вере быти. Се убо брат ваш перед вас испил чашу смертную за святых божия церкви, и за веру христианскую, и за свое отечество“. И поидоша в соборную церковь пресвятых богородицы честнаго ея Успения, молящеся со слезами. И даде последнее целование княгине Агрипене Ростиславне. И прием благословение от епископа, и от всего священнаго собора. И поидоша против нечестиваго царя Батыя, и сретоша его близ предел резанских. И нападоша на поганых, и начаша битися крепко и мужественно, и бысть сеча ужасна. И мнози Батыевы силнии полцы падоша. Но обаче Батыеве силе велице суще зело, яко единому рязанцу битися с стом татариним. И абие побиенно бысть рязанское воинство, и благоверный князь великий Юрий Ингоревич, и брат его князь Давид Муромский, и князь Глеб Коломенский, и князь Всеволод Пронский, и иныя князи, и местныя воеводы, и вси удалцы рязанския, — вси купно умроша, и [ни]^а един от них въспять возвратися; единаго князя Олга Краснаго жива яша, изнемогающа от великих ран. Видев же его царь Батый красна велми, и хотя его врачевати, и на свою прелесть возвратити. Князь же Олег Ингоревич нарече его безбожна, и врага христианскаго. Окаянный же Батый разъярився, и повеле въскоре князя Олга ножи на части разняти. И виде силы своя много побиенно, и разгневался зело, и начя Резаньскую землю воевати, и повеле бити и сеци и жеци без милости. И град Пронск, и Бельград, и Ижеславец разори до основания, и вся люди без милости изсекоша. И течаше кровь христианская, яко река силная за грехи наша. И поидоша ко граду Рязани, и обступиша град, и начяша битися неотступно пять дней. Батыево воинство пременяющеся, а гражане истомишася, и мнози побиеenni быша и уранены. А в шестый день рано приидоша поганин ко граду, овии со огни, а инии с топоры, а инии с пороки, и с токмачи, и лествицами, и взяша град Рязань месяца декабра в 21 день. И приидоша

^а В р.ж. отсутствует.

в соборную церковь пречистыя богородица, и великую княгиню Агрипену, мать великаго князя, и с снохами, и с прочими княгинями иссекоша, и священнический и мнишеский чин огню предаша, жены же, и инокыня, и девица оскверняху пред всем народом, и церкви, и монастыри пожгоша, и люди вся иссекоша, мужи, и жены, и чада. И не бе стонющаго, ни плачущагося, ни отцу, ни матери о любимых чадах, ни брату по брате, ни ближнему роду, но вси вкупе мертвы лежаще. Сия вся найдоша грех ради наших. Епископа же тогда не бысть во граде. Татарове все узорчье и богатство рязанское и черниговъское взяша, и град сожгоша, и поидоша х Коломне.

(Дальше л. 472 об., 474 об., статьи: „О взятии града Москвы“, „О взятии града Владимира“)

О Еупатии Коловрате.^а

В то же время некто от вельмож русских именем Еупатие Коловрат был в Чернигове со князем Ингорем Ингоревичем, услыша приход на Рускую землю зловернаго царя Батыя, иде ис Чернигова с малою дружиною, и гнаша скоро, и прихаша в землю Рязанскую и виде ю опустевшу, грады разорены, и церкви, и домове пожжены, и люди побиты, а инии пожжены, а инии в воде истоплены. Еупатие же, видя сия, воскрича в горести душа своя, и распалаяся сердцем: бе бо храбр зело. И собра мало дружины, точию 1700 человек, которые богом соблюдены быша вне града. И погна во след безбожнаго царя Батыя, хотяше мстити кров христианъскую. И угнаша его в земли Суждалстей, и внезапу нападоша на станы на Батыевы. И начаша сещи без милости, и смятошася полкы татарския. Татарове же стаха, яко пьяни, или неистови. Еупатие же тако их бияше нещадно, яко и мечи их притупишася; и емля татарския мечя, сечаше их, татарския полки проежжая. Они же мяше, яко мертвии востаха, яко и самому Батыю царю возбоятися. И едва поимаше от полку Еупатиева пяти человек воинских, утрудившихся и изнемогших от великих ран. И приведоша их к Батыю. Он же вопросы их: „Коя веры есте, и коя земли, что мне зло творите?“ Они же реша:^б „Веры есмь христианския, а рабы есмь великаго князя Юрья Ингоревича Рязанскаго, а полку Еупатиева Коловратова. Посланы есмь тебя царя силнаго почтити и честно проводитьи“. Царь же дивися ответу их и мудрооти. И посла на Еупатия шурина своего Хозтоврула и с ним многия полки татарския. Хозтоврул же похвалися Батыю царю, хотя Еупатия жива яти, к нему привести. И ступишася полки. Еупатие же исполнися и силою, наеха на Хозтоврула богатыря и разсече его на полы до седла, и нача сещи силу татарскую, и многих богатырей и татар побив, овы на полы пресекая, и иныя до седла крояше. И возвестиша Батыю, он же слышав сия, оскорбися по шурина своем, и повеле

^а Киноварный заголовок.

^б Отсюда (с нового л. 475) скоропись сменяется полууставом того же времени.

навести на Еупатия множество пороков, и начаша бити по нем; и едва убиша крепкорукаго и дерзосердаго и лвояростнаго Еупатия. И принесоша его мертва ко царю Батыю. Он же видев его и дивився с князи своими храбрости его и мужеству. И повеле тело его отдати оставльшей дружине его, которые на том бою поиманы. И повеле их отпустить, и ничим вредити. Окаянный же Батый еще воздвижеса воевати, и взяша 14 градов, и поидоша татарове к Юрьеву, и к Ростову, а инии идоша к Переславлю, и к Кашину,^а а инии к Ярославлю, и к Угличу, а инии на Волгу, на Кострому, и на Плесо, и на Юрьевецъ, и на Городец. И вся грады плениша по Волзе и до Галича. Ини же от Переславля поидоша к Снятину, и ко Твери, и вся поплениша^б даже и до Торжику, никому же возбраняющу им.

О пришествии князя Ингоря на Рязань

Князь же Игорь Ингоревич в то время был в Чернигове у брата своего у князя Михаила Всеволодича^в Черниговскаго, — тамо бо соблюде его богу от злаго отметника и от врага христианскаго Батыя. И в то время прииде во град Рязань, и виде град разорен, и прочия грады разорены,^г и пожжены, и виде мать свою, и снохи своя, и прочия сродники своя, и всех людей множество побито, и град разорен, и церкви пожжены, и инокиня и девицы осквернена, и побита, и плачяся зело и плач велий. И едва отдохну душа в нем, и повеле мать свою великую княгиню Агрипену Ростиславу и снохи своя погребсти со псалмы и песнми прозбитером, которых бог соблюде, сам стоя и плачяся жалостно. И очисти град, и церкви освати, и собращася к нему людие, и даде им малое утешение. И плачяся безпрестани^д поминая^е мать свою и братию, и род свой, яко вси вскоре погибоша. Потом же поиде князь Ингорь Ингоревич по братию свою, иде побиты от нечестиваго царя Батыя: и виде братию свою, и мнози князи, и местныи, и бояре, и воеводы, и все воинство рязанское побиены, лежаще на земли пусте, на траве ковыле, снегом и ледом померзъше, никим же брегоми, точию от зверей телеса их снедаемы, и от множества птиц растерзаемы. Вси убо купно лежаще мертви, едину чашу смертную пиша. И видев же сия Ингорь Ингоревичю и воскрича горким и великим гласом, яко труба распалаюся и в перси бия, и ударяюся о землю. Слезы же его, яко струю течаху и жалостная словеса приглашаше. И нача разбирати трупия мертвых, и обрете братию свою Ингоревичев: великаго князя Георгия Рязансково и князя Давида Муромскаго, и князя Глеба Коломенскаго.

^а Переправлено из Княшицю.

^б В рук.: поплениа.

^в В рук.: Всеволодича.

^г В рук.: разориша.

^д В рук.: без стани.

^е В рук.: поминаю.

и иных много бояр, и воевод, и ближних, и знаемых. И принесе их во град Рязань, и похраняше честно со псалмы и песньми, а иных собираше на пути погребаше с погребальными песньми. Потом же поиде князь Ингорь Ингоревич ко граду Пронску и собра раздробленные уды брата своего благоверного князя Олга Ингоревича Краснаго и принесе его во град Рязань, и положи его с великим князем Юрьем во единой раце, а князя Давида, князя Глеба близ гроба их во другой раце. И по сем поиде князь Ингорь Ингоревич на реку на Воронеж, и взя тело блаженнаго князя Феодора Юрьевича Рязанскаго, и принесе его во область к великому чудотворцу Николе Корсунскому. И его благоверную княгиню Еупраксию, и сына их князя Ивана Феодоровича Постника погребе честно, и положи их во едино место, и постави над ними три кресты камены. И от сея вины зовется великий чудотворец Николае Зараский, яко ту благоверная княгиня Еупраксия, сыном своим князем Иваном сама себя зарази. Сий убо князь великий Юрь Ингоревич Рязанский з братиею рода Владимира Святославича, сродницы Бориса и Глеба, внучата же великаго князя Святослава Ольговича Черниговска и бяху родом христороубиви, и благочестивы, и во всех добрых делах исправлены быша, и мученически скончашся. И по них седе на столе отца своего великаго князя Игоря Святославича князь Ингорь Ингоревич, нареченный во святом крещени Козма. И обнови землю Рязанскую, церкви постави, и монастыри согради, и пришельцы утеша, и людей собра. И бысть радость оставльшим православным христьяном, избывшим от нечестиваго царя Батыя.

(Затем, л. 476 об., следует статья: „О убиении великаго князя Юрья Владимирьскаго“)

Краткая хронографическая редакция

Текст по списку Публ. библ. в Ленинграде F. XVII. 17

[л. 335—л. 336:]

В лето 6733, при великом князе Юрье Ингваревиче, при сыне его князе Феодоре Юрьевиче принесен бысть чудотворный образ великаго чудотворца Николы из града Корсуня из Греческия земли. В том бо граде великий князь Владимир крестилься в церкви святого апостола Иякова. И той образ Николин в той же церкви стоял, а принес его той же церкви служитель Еустафей с сыном своим Еустафием же. Появление чудотворца Николы. А шел Днепром в море Понтъское, а оттуду в море Варяжское и в Немецкия области, и оттуду сухим путем в Новгород Великий, а оттуду доиде многими деньми до Резанския земли в область князя Феодора Юрьевича сына Ингоревича Резанскаго. Яви же ся чудотворец Николае князю Феодору Юрьевичю, глаголя: „Гряди в стретение образа моего корсунскаго. Хошу бо, рече, zde чудеса творити, и место сие прославити, и умолю, рече, господа бога да подаст тебе, и жене твоей, и сыну твоему венцу царствия небеснаго“. А князь Феодор в те поры

был еще не женат. И изыде на стретение святого Николина образа, и виде от образа свет неизреченно сияющъ, и принесе в область свою с радостію. И купно с отцем своим с князем Юрьем создаста храм во имя чудотворца Николы, и поставиша в нем той чудотворный образ, иде же и донныне содеваются чудеса велия. Егда же князь Феодор женися и роди сына Ивана,— и в лето 6745 убиен бысть князь Феодор Юрьевич^а от безбожнаго царя Батыя на реке на Воронеже, послан бо бысть отцем своим к нему з дары. Егда же услыша княгиня его Еупраксия убиение мужа своего князя Феодора Юрьевича, держащу ей в то время сына своего на руку, и ринуся с высоты храма на землю и заразися до смерти, и с сыном своим Иваном. И сея ради вины место то имянуется Заразск; ныне же град камен.^б

[л. 341:]

^в Того же лета приидоша от восточныя страны на Резанскую землю лесом безбожнии татарове с царем своим Батыем. И пришедше поплениша и пожгоша по Онозе. И послаша послы своя к резанским князем Юрью и к Олгу Ингоровичем, и к прочим князем, просяще десятины во всем— в князех, и в людех, и в конех, и в доспесех. Князи же резанстии, и муромстии совокупившеся выидоша в Воронеж, и послаша к великому князю Юрью Всеволодичю в Володимер, и к прочим, просяще помощи. Они же сами не поидоша, ни людей воинских не послаша, но хотеша особъ сотворити брань. Гневу бо божию кто противитися может: недоумение бо, и грозу, и страх, и трепет наведе на ны за грехи наша, и поглощенна бысть премудрость могущих строити ратная дела, и крепких сердца в слабость женскую преложишася. И ни един князь друг другу помогаше. И одолеша окаяннии татарове на бою резанских, и муромских, и пронских князей,— избиша, и прогнавше, и землю всю поплениша, и пожгоша, и град столный Резань пришедше взяша, и пожгоша декабря в 21 день. А князя Юрья Ингоровича, и княгиню его, и иных князей, и всех людей избиша, и иноческий чин, и инокини, и жены, девицы избиваху, и позоры всякие творяху, его же и рещи не мощно. И монастыри, и церкви пожгоша; епископа же соблюде бог: отъеха в то время. Под Коломною же убиша князя Романа Ингоровича, а князь Всеволод из под Коломны в мале дружине учете к отцу великому князю Юрью в Володимер. Татаровя же пришедше взяша Москву....^г

^а Приписано вверху: резанский.

^б Внизу л. 335 об. приписано: И тогда царь Батый пленил Резанскую землю и князя Юрья Игоревича Резанского и братьей его побил, и сына его князя Феодора убил на Воронеже и многия руския грады разорил.

^в На поле киеварью: О Батыеве приходе.

^г Приписка внизу листа 341: 6745 убиен бысть благоверный и великий князь Феодор Юрьевич Резанской на реке на Воронеже от царя Батыя. И тогда Батый пленил Резанскую землю, и князя Феодорова отца князя Юрья Ингоровича Резанского и братию его побил, и потом многия руския грады разорил.

Редакция „стрелецкая“

Текст по списку БАН 38. 4. 40

Приход чюдотворнаго образа святаго Николы Чюдотворца ис Корсуня града в Резанскую землю

В лето 6732. Прежде прихождения Батыева поганых татар на Рускую землю, и обладания Корсуня града (ныне же нарицаема погаными Крым) за 12 лет, при великом князи Юрьи и Ярославe Всеволодичех, и сыне его Александре Невском, при великом князе Юрьи Ингоревиче, и брате его Ингоре, и сыне его Феодоре Резанских принесен бысть чюдотворный образ великаго чюдотворца святителя Христова Николы на Резань ис преименитаго града Корсуня в пределы Резанския области князя Феодора Юрьевича Резанскаго. Таже икона — чюдотворный образ святаго Николы — стоял в Корсунѣ граде посреде града близ торгу, подле церквей святаго апостола Иакова брата господня, и святаго апостола и еуангелиста Иоанна Богослова. В том же храме святаго апостола Иакова крестися самодержавный благоверный великий князь Владимир Светославич Киевский и всеа Русии. И полата есть стояла велика и красная за олтарем святаго Николы. В ней же и браку сочтася, и венчася с царицею греческих царей Василья и Константина сестрою их Анною. Мы же о чем начахом повесть творити поведаем сице. Явися великий чюдотворец святыи Николае в преименитом граде Корсунѣ служителю своему именем Евстафию в видении и рече ему: „Евстафие, взем мой чюдотворный образ Корсунский, и супругу свою Феодосию, и сына своего Евстафия и иди в Русь в землю Резанскую: тако бо господу богу моему волящу моему образу, и тебе тамо преселитися“. Евстафий же убудися от сна трепетен, и во ужасе быв велице о преславном видении. И начат в себе помышляти: „Что есть сие видение и сказание святаго чюдотворца Николы? Где есть земля Резанская, и како ми обрести ю, и коим путем пойду — не вем о сем. И кто мя наставит тамо“. И пришед в церковь святаго Николы начат молитися пред образом святаго со слезами глаголя: „О великий святителю чюдотворче Николае! Что твое изволение — отити хоцещи от своего града и от своая церкви в чужду и незнаему страну! И мене грешнаго нудиши оставити свое отечество, и дом свой, и сродники. Камо ми итти величи святче божий? Аз раб твой ни земли Резанския знаю, ниже слышах о ней. И не вем яко та земля на восток, или на запад, или на юг, или на север. И не вем камо в кий путь пуститися: морем или землею. Но ты ми, божий угодниче, путь покажи — амо же ми пойти“. И тако о сем в себе помышляя. В третью же ночь паки явися ему великий чюдотворец святыи Николае в нощи, и ткну в ребра его рече: „Востани и немедли! Иди скоро в путь с моим образом. Аз тя доправити имам до Резанския земли на свое место — амо же бог повеле“. Евстафий же трепетен бысть от такового видения, и размышляя в сердцы своем: како оставити предивнаго града Корсуня дом и сродники своя. И абие нападе на него болезнь главная. И не по

мнозех днех ослепе: нападе на обою очию его яко чешуя. Евстафий же по малу начат ум свой собирати, и каются о гресех своих, и о преслушании, еже содея. И пришед паки в церковь святого Николы, и припаде прилежно к чудотворному образу, и нача плакати и каются греха своего, глаголя: „О великий чудотворче святителю Христов Николае, возвеличенный от Господа на небеси и прославленный на земли в чудесех! согреших пред тобою: не послушах твоего повеления, якоже изволи“. И абие в той час прозре, на чудотворный образ зря, и бысть глава его без болезни, и очи его здравы быша, якоже и преже. Евстафий же вборзе взял чудотворный образ святого Николы, и жену свою Феодосию, и сына своего Евстафия, и единого от клирик церковных, и остави дом свой, и град, и все имение свое. И ятся пути, помолився всемилостивому Спасу и пречистой его Богоматери, и великому чудотворцу Николе угоднику его, чтоб ему по чудотворцову изволению получитьи землю ону, преже нареченную, и управил бы путь его с миром. И помысли хотя итти вверх по Днепру по порогом мысляше ити за Днѣпр и Половецкую землю пройти до Резанския земли, уповаше бо на великаго чудотворца Николу, яко той сохранити его может от поганых половец и доправити его до Резанския земли. И незбысться мысль его тако: паки великий чудотворец Николае явился ему, и возбрани ему ити чрез поганых половец землю. И повеле ему до устья Днепрского ити Понтийским морем в море Варяжское во области немецкия, и паки сухим путем ити до великаго Новаграда. И отуду ити до Резанские земли невозбранно, и от того великаго Рускаго мира честь приемли мене ради. Евстафий же пойде, яко же чудотворец изволи, и путь ему правяше. И доиде устья Днепрскаго Понтийского моря — се же слово море Руское. И седе в корабль и доиде моря Варяжска, и прииде в немецкия области во град Кесь. И пребысть мало дней, и пойде сухим путем по Немецкой земли. Великий же чудотворец Николае нача путем великия чудеса творити немощным, исцеления даровати различными недуги болящим — верным и неверным, якоже не мощно исчести или писанию предати. И вси прославляху бога и угодника его святого чудотворца Николу. И прииде Евстафий со иконою в Великий Новград. Чюдеса же от чудотворнаго образа святого Николы ту многи быша. Враг же диявол хотя Евстафию спону сотворити. Жена бо Евстафиева возлюби Великий Новград, хотя ту вселитися и жити. И не хотя ити во след чудотворнаго образа, и скрыся от мужа своего на мало время. И абие разслабеша вси уды телеси ея и бысть, яко мертва, и недвижима. Токмо едино дыхание в персех ея баше. И нецьи сказаша Евстафию, яко жена его при кончине живота баше. Евстафий же услыша, яко жена его при смерти, припаде к чудотворному образу и начат молитися со слезами рече: „О великий чудотворче святителю Христов Николае! Прости рабу свою согрешила ти есть, яко едина от безумных жен, и даждь ей милость свою и исцеление“. И абие в той час исцеление получи. Евстафий же, взял чудотворный образ святого Николы, иде в путь свой радуясь, хотя

дойти указанного места. И многими денми дойде Резанския земли во град Коломно. И начат паки помышляти в себе Евстафей, и рече: „О великий чудотворче Николе! Се есть желаемая тобою земля Резанская и много труд подъях тебе ради: камо еще имам ити со иконою твоею и что обрести и где изволиши себе поставити, и мене к кому страннаго вселиши и пещися о мне с женою и с чады повелиши“. Великий же чудотворец Николае явися благоверному князю Феодору Юрьвичю Резанскому^а в видении соннем, поведая приход свой чудотворнаго образа Корсунскаго: „Хощу бо, рече, zde быти, и чудеса творити, и место сие прославити, отечество, и землю вашу яко же богу изволившу. Да молю о тебе всемилостиваго Спаса, да дарует ти венец царства небеснаго, и жене твоей, и сынови твоему“. Благоверный же князь Феодор Юрьевич Резанский возбнув от сна своего и утрашися от таковаго видения, удивляяся необычнаго явления себе, и не поведа никому же страшнаго видения преславнаго. И начат молитися богу в сокровеннем месте дому своего, и святому чудотворцу Николе, глаголя: „О великий угодниче Христов святителю Николае! Недоумею аз грешный о показаннем мне тобою видение о иконе твоей: истинна ли суть или лжа. И кому сие повем, или како обрящу явленное мне тобою, и како ми ся обеща, яко умолиши о мне милостиваго бога человеколюбца, да сподобил мя венца царства небеснаго и жене моей и сынови моему: аз бо есмь еще ни браку сочetalся, ни сына имею“. И в той час придоша раби его, поведающе приход онoго христоролюбца Евстафия с чудотворною иконою святаго Николы.^б Благоверный же князь Феодор Юрьевич, собрав священный собор и весь народ, изыде из града и встрети чудотворную икону святаго Николы чудотворца. И виде издалеча от чудотворнаго образа, яко свет неизреченный блистаяся. Князь же Феодор пришед к чудотворному образу сокрушенным сердцем, испущаше слезы, яко струя, и прелюбезно обლობызаше чудотворный образ его. И принесе его во область свою, и посла вестъ в Муром ко отцу своему ко князю Юрью Ингоревичю Резанскому, поведая ему приход чудотворнаго образа святаго Николы от Корсуня града. Великий же князь Юрий, слышав о сем, прослави бога и рече: „О владыко, что ти воздамы противу твоему благодарованию, еже нам даровал еси образ угодника своего святаго чудотворца Николы на заступление от поганых и на исцеление недужным. И удивляюся твоему человеколюбному милосердию, яко посетил люди своя и не забы дела руку свою. Но убо, пресвятый Николае, молися Христу богу нашему, яко спасти ся земли нашей от поганых невоеванне“. И взя епископа с собою из Мурома Евфросина, и вскоре прииде к сыну своему князю Феодору. И слыша о преславных чудесех, бывающих от чудотворнаго образа, великая и не изреченная чудеса, и радости духовныя исполнився. И вскоре созда храм во имя великаго чудотворца святителя Христова Николы Корсун-

^а Вытерто: в Коломне.

^б Здесь на поле выноска, не ясно куда относящаяся: на месте стояща, иде же...

скаго. И святыи епископ святи церковь, и торжествоваша светло, и оти-
доша во свой град.

Потом же князь Феодор Юрьевич Резанский сочтася браку, поят
княгиню от царска роду именем Еупраксею. И не по мнозех летех роди
сына именем Ивана Постника. Сотвори бог по проречению святого
Николы. Евстафию же, служителю святого Николы, вдаст дары велики,
и села, и имение много в род и род, и службаху святому Николе род
его, даже и до ныне суть. Ныне же то место, иде же храм святого
Николы и образ его чудотворный Курсунский, нарицают святыи Нико-
лае Зараской вины ради сицевы.

В лето 6745 божиим попущением, грех ради наших, прииде со востока
с бесчисленным воинством безбожный царь Батый на Рускую землю
пленити. И первие всех убиен бысть сей благоверный князь Феодор
Юрьевич Резанский на реки на Вороняжи. И княгиню хоте к себе взяти
на осквернение. И услыша велеумная жена великая княгини Еупраксия,
яко убиен бысть господин муж ея князь Феодор Юрьевич Резанский,
и, абие вержеса ис превысокаго храма своего с сыном своим со князем
Иваном Феодоровичем Постником. И заразися до смерти и принесоша
тело блаженнаго князя Феодора Юрьевича Резанского к великому
чудотворцу Николы Корсунскому. И положиша его и благоверную
церевну княгиню Еупраксию и сына их князя Ивана Феодоровича Пос-
ника во едином месте. И поставиша над ними кресты каменные. И от сия
вины зоветца и до ныне великий чудотворец Николае Зараский: яко
благоверная княгиня Еупраксия сама себе заразила. Яко же речеса
в человецех: лутче есть странна живота смерть. Тако же сотворися
в тоже время в Володимери граде от того жь Батыя. Великаго князя
Юрья Всеволодича княжна^а в церкви соборной пречистей бого-
родици вержеса долу с полатей церковных и заразися до смерти, не хотя
осквернити девства своего с погаными, и тако венцем увязошася стра-
дания ради, от вседержителя бога.

О пленении земли Резанския от безбожнаго царя Батыя

В лето 6745. Во второе на десят лето принесении ис Корсуна града
чудотворнаго образа святого Николы, прииде безбожный царь Батый
на Рускую землю со множеством вои татарских, грех ради наших, богу
попустившу их. И ста на реце на Вороняжи, и посла на Резань к вели-
кому князю Юрию Ингоревичю Резанскому послы своя, прося десятины
в князех, и в людех, и в скотех, и во всем имении. Слышав же князь
великий Юрьи Ингоревич приход безбожнаго царя Батыя и вскоре посла
по братию свою, по князя Якова^б Краснаго и по князя Давида Муром-
ского и по князя Глеба Коломенского и по князя Всеволода Пронского,

^а Оставлено свободное место для одного слова.

^б Сверху написано: Олга.

и по прочия князи местныя, и начаша меж себя совещаѣтисѣ како нечестиваго подобает утолѣти дарми по божественому писанію. И посла сына своего князя Феодора Юрьевича, и иных многих к безбожному царю Батыю з дары и с молением, дабы не воевал Резанскія земли. Князь же Феодор Юрьевичъ стрети Батыя на реки на Воронежи, и принесе дары, и моли его дабы не воевал Резанскія земли. Безбожный же царь, льстив, и лжив, и немилосерд, пріят дары с лестію, и обещаѣся не воевати Резанскія земли. И начат резанских князей кормити и поити, и на ловех с ними ездити, и тешити. И преже сладок им показасѣ, последи же горчае желчи явисѣ. И начат у них просити дщерей и сестр к себе на беззаконное смещение. И некий от вельможъ резанских научен бесом, прелестник и отверженник веры христіанскія, и бусурманскую веру возлюбив чести ради поганскія, а бога и душу свою отвергшаго, якоже и ныне таковых много есть, обольсти и сказа безбожному царю, яко благоверный князь Феодор имеет у себя княгиню от царска роду — и образом, и лепотою красна бе зело. Безбожный же царь в неверии своем не разумеѣ божественаго писанія, ни страха божія имея, но своим поганским обычаем и нравом немилостив сый к человеколюбию и на скверное смещение пореваем похотию плоти своеѣ, якоже конь ревнив, у рече ко князю Феодору Юрьевичу: „Дай ми, княже, видети жены своеѣ красоты“. Благоверный же князь Феодор, отвещаѣ, и рече: „Царю! писано бо есть в законе нашем христіанском, не завидети, ни похотети ни чему чуждему, ни желати. И недостойно есть нам христіаном не токмо тебе нечестивому царю, ниже своим верным давати жен своих на блуд, кроме своего мужа: той да обладает ею по закону. И не буди мне сего сотворити никако же, еже преступити закон божій, разве той един создатель и творецъ наш грех ради наших предаст нас тебе. И нами преодолееши, то и женами нашими начнеши владети“. Царь же Батый безбожный, возярился зело и огорчился, повеле в той час убити вскоре блаженнаго князя Феодора Юрьевича Резанскаго. А тело его повеле повреши птицам и зверем на растерзание. И иных мчогих князей нарочитых и людей повеле побити. И так вси скончашасѣ, о Христе пострадаша, и пріяша венцы нетленныя. И первый бысть мученик в Руси от князей. И некий от раб его ближних князя Феодора Юрьевича именем Опаница, зря на государя своего блаженнаго князя Феодора тело, плакаше горко: „О драгий мой господине княже, как вскоре отшел еси света сего, и оставил княжение, и власть, и княгиню и дети своя, не повинуѣя безбожному царю, ни воли его вдаѣся. Но вожделел еси пострадаѣти за отечество свое и за вся люди своя, яко же ин никтоже“. И много плакав и сохранив его на том месте. И вскоре дойде вѣсть благоверной княгини Евпраксеи, поведаша ей, яко „нечестивый царь Батый уби блаженнаго мужа твоего князя Феодора Юрьевича“. Благоверная же княгиня Еупраксеѣ царевна стояше в превысоцем храме своем и держа на руку любезное свое чадо князя Ивана Феодоровича, и услыша таковыя глаголы смертоносныя о муже своем, и горести

исполненных опечалися зело скорбию великою. И рече сыну своему: „О милое мое и драгое чадо, княже Иванне, прииди на ны от бога наказание грех ради наших, посла на нас поганых сих измаильтян.^а И хотят нас до конца разорити и пленити, и мужа моего государя, а твоего отца, убиша. Еще же и мене хошет безбожный царь осквернити, а тебе поработити и в безсерменскую веру научити. И лутче ми есть смерть приняти с тобою, нежели нам в руках поганых поруганым быти“.^а И абие в той час вержеса ис превысокия храмины своя и з сыном своим Иваном долу на средю земли, и зарази сама себе до смерти. И так душа своя предаша господеву, мученически скоьчашася. И услыша о сем князь великий Юрьи Ингоревичь — убиение возлюбленого сына своего князя Феодора Юрьевича, и иных князей нарочитых, и людей много побиеных от безбожного царя, — и начат плакаться со своею княгинею и з братиею. И весь град плакашася на мног час и едва отдохнуша от великаго того плача и рыдания. И посла вскоре во град Владимир к великому князю Юрью Всеволодичю Владимирскому. Брату же его Ярославу тогда сушу в великом Новеграде князюшу. И прося помощи от него на безбожного царя, или бы сам пришел с вои. Князь же великий Юрьи Владимирский по дьяволу действу, яко же от века той вражду творя во всех человецех и нелюбовь и зависть вложи (бяху бо во вражде меж собою о власти с Киевским и с Резанским), и не послуша мольбы и совета князей резанских, сам не поиде, ни рати посла на помощь. Но хоте сам рать особ сотворити з Батыем. Все то дьяволу гордость влагаючи в них, яко же и доньне. Не пред многими бо леты преж сего пришествия поганых бишася братия великие князи между собою о власти, и много крови пролияша. Мню того ради богу попустившу, того ради на них поганых. Брани же тогда от бога и гневу посланому на православныя христиане на всю Рускую землю. И кто бяше гневу божию противитися может аще не покаянием со слезами припадем к нему и умолим, яко же нинявитяне древле, и во Иерусалиме, и во Цареграде тако бысть. И сия вся наведе бог грех ради наших, недоумение, и грозный страх, и трепет бысть на всех живущих. И слыша князь великий Юрьи Ингоревич Резанский, яко не бысть ему помощи ни от кого, вскоре начат воиска своя совокупляти и укрепляти, еже твердо стояти, непоколебимо противу поганых. И поидоша противу безбожному царю Батыю. И сretoша его близ предел резанских, и нападоша на них татарове вскоре, и начаша битися крепко. И бысть обоим ратем сеча зла и ужасна, и бившеся много, и храбро, и мужественно с татары проезжая сильныя полки их, яко страшно и ужасно и умильно зрети от обою полков падающих. Царь же Батый убояся вельми, виде своих множество побиеено, сильныя полки татарские подоша. Но кто противу гневу божию постоит? Батыевой бо силе велице и тяжце суци, аще бы и вся земля Руская, собравшися стала

^а нль вписано пояднее.

с своими князи, едва толико собралися быша. Резанская же земля малая часть суши Руския земли, како может стати противу оных множества? Един бо бияшеся резанских людей с тысящею, а два со тмою. И мнози тогда князи резанские, и воеводы сильные и крепкие, и витязи храбрые падоша. Токмо еще сами государи резанские великие князи применяя коня быстрые часто. И бишася крепко и твердо, яко всем полком дивитися татарским храбрости их и крепости, и мужеству их, и силе велицей. И наступиша на них всеми полки своими и едва одолеша их вся сильныя татарския полки. И ту убиен бысть князь великий Юрьи Ингоревич,^а и брат его Давид Ингоревич,^а и брат его князь Глеб Ингоревич, и Всеволод Пронский, и ины многия князи местныя и воеводы крепкия. А князя Олга Ингоревича изранена жива приведоша к царю. И виде его царь красна суца, и возрастом велика, и храбра, хотя его от великих ран изврачевати и во свою скверную веру превратити. И князь Олг Ингоревич не пожела славы сея временныя, но небесныя славы возжелел, укори царя нечестиваго и нарек безбожна и врага христианскаго. Окаянный же Батый, рыкнув и дохнув от мерскаго сердца своего и огорчися, яко лев, вскоре повеле Ольга блаженнаго ножи раздробити, якоже древле великаго мученика Иякова Перскаго Хоздрой царь. Сей убо есть мученик Христов, прият венец своего исповедания мучением с сродником своим блаженным князем Феодором Юрьевичем. И прияша венца вкупе нетленныя от царя всех бога. Царь же Батый начат первие воевати землю Резанскую и повеле убивати и сеци всех без милости. И пожже грады Пронеск, и Белград, и Ижеславец разори до основания. И всякия люди побиели быша: мужи, и жены, и чада их. Течаше же кров, яко река сильная грех ради наших. И оттоле поидоша ко граду стольному Резани. И обступиша град, и начаша битися прилежно из града, и бишася пять дней непрестанно, неотступно. Бо Батыево войнство великое пременяшеся, а гражане непременно бишася, и много гражан побиша, а иных язвиша, а инии от великих трудов изнемогоша. И в шестый день на утрия рано приидоша погании ко граду с щиты, со огнем, и с пороки, а иные с лествицы. И приступиша всеми полки от всех стран. И бившеся много, взяша град Резань месяца декабря в 21 день и пожгоша весь град. Великую же княгиню и со снохами, и с прочими княгинями в церкви соборной мечи изсекоша, а иных в полон поведоша, инех огню предаша. А люди, и жены, и дети мечи изсекоша, и все пожгоша, и храмы божия разориша, и оскверниша. А люди многие в воде истопоша. И не оста ни един живых во граде, но вси во един час скончашася и умроша, и единую чашу смертную вси равно испиша. Несть бо ту ни стеноущаго,^б ни плачущаго,^в ни отцу, ни матери, ни брату о брате, ни ближнему роду, но вси купно мертвы лежаще. Сия вся наведе бог понеже беззакония наша умножишася и

^{а-а} Вставка тем же почерком на полях.

^б Последние две буквы переправлены на ся и надписано го.

^в Над последними двумя буквами надписано го, в тексте же ся.

грехи наша превзыдоша главы наша.^в Зловерный же царь Батый, виде великая кровопролития крови христианския, не усумнися о сем, но на большее зло подвижися и возярися зело и поиде ко граду Суздалю и Володимерю, хотя пленити Рускую землю, и церкви божия разорити, и веру христианскую искоренити, яко же последи и бысть. В то же время некий от вельможь резанских именем Еупатий Львов, нарицаемый Коловрат, сушу ему в Чернигове со князем Ингорем Ингоревичем у князя Михаила Всеволодича Черниговскаго, и емля по его вотчины дань своего государя великаго князя Юрья Ингоревича, и услыща приход безбожнаго царя Батыя, и убиение своего государя, и братии его, и всех людей, и разорение градом, и пленение всей Резанской земли, и восплакаше о сем горце. И иде Еупатие вборзе с малою дружиною ко своей земли. Князь Ингорь Ингоревич вборзе же за ним идяше. Еупатий же пригнав в землю Резанскую, и виде ю опустевшу всю, и грады разорены, и церкви пожжены, и людие побиены, и пригна к стольному граду Резани. Виде град великий разорен, и государи их побиены, и множество народа лежаща, ови побиены, и инии же згореша, и истопоша, и возрыда в горести душа своя, и распалаяся в сердца своем плакася на мног час. И собра мало дружины своя тысящу и седм сот человек, коих соблюде бог и сбыша вне рати. И погна напрасно вслед царя Батыя, хотя и желая пити смертную чашу — с своими государи равно пострадади, якоже древнии мученицы противу нечестивых царей. И едва угнаша его, и внезапно нападоша на станы татарския, и на безбожнаго царя. И начат сещи без милости, и смятошася вси полки татарския от незапнаго нападения безвестнаго Еупатиева. И вси ужасшася стояще, яко пьяны, или неистовни. Еупатий же, приступая к ним, изсекаше всех. И едва погании исправившеся и изымаща от полку Еупатиева пять человек ратных, понеже изнемогоша от ран, и приведоша их к Батюю. Царь же воспроси их: „Которые земли есте людие, и коея веры, и от коего князя послани есте на мя, и колико суть вас, яко толико много зла мне есте сотворили, яко же ин никтоже так прииде на мя, яко же вы с великим устремлением на толикую силу ратных дерзнули есте?“ Они же рекоша ему: „Веры есмя христианския, раби есми великаго князя Юрья Ингоревича Резанскаго, от полку Еупатиева Львова Коловрата. Прислани есме от князя Ингоря Ингоревича Резанскаго, брата князя Юрьева, тебе сильнаго царя почтити и честно проводитьи. Сице тебе повеле честь воздати. И ты о сем не дивися царю, что нас наш государь князь упоил питием хмельным на толику силу и великую рать татарскую. И мы елико смыслили — так и сотворихом“. Царь же Батый подивися ответу их, вскоре посла шурина своего Хоставрула, и с ним великую рать татарскую на Еупатия. Хоставрул же, похвалився пред царем о победе, и хотя Еупатия жива пред царя привести. И обступиша всеми полки сильными, хотя Еупатия жива яти. Еупатий

^в Последнис два слова — вставка тем же почерком.

же исполнен силою, утвержься и с Хаставрулом съемься, и разсече Хаставрула на полы, и нача сеци силу и рать татарскую, на полы пресеая. И множество начальных и сильных татар побиша. Татарове же убоявшеся вельми, видящи Еупатия крепка, исполнена силы и крепости, и обоидоша его с санными возы многими, и с народом, и всею силою ратною. И едва одолеша ему, и убиша его, и прочих с ним побиша. И принесоша Еупатия пред царя мертва. Царь же виде Еупатия, и посла созвати мурзы своя, и князи, и паши, и санчакбеев. И начаша дивитися таковому возрасту Еупатиеву, и величеству, и мужеству, и крепости их. И рекоша погании царю: „Во многих землях, и во многих царствах, и во многих ратех, и в бранех со многими царя и князи бихомся, таковых же храбрых мужей не видеком, ни отцы наши возвестища нам. Сии бо людие, аки львы сердца, и сильни, и легцы, яко птицы крилати пролетающе и пресеающе полки наша. Не убояшеся смерти, ни устрашишася таковаго нашего великаго воинства. Како бияшеся един с тысецею, а два со тмою, и никто же можаше от руки ихъ отъехать жив, но коегождо от главы и до седла и на полы в бронях пресеающе. Аще бо не толико их было в мале дружине, но болевших, не бы нас осталось от них живых“. Царь же Батый рече: „О Еупатие! в правду ли наречен еси Коловрате, от дел звание прим; подобенъ еси древнему Самсону сильному иудейску, — он бо такову силу имел в себе. Храбрости же подобен еси Александрове. Ты же прехождая полки моя, яко коло пресеая и превращая. Аще бы ми еси служил мне царю, в первых бы моих имел тя.^а Был бы^а над князи, и паши, и мурзы, и над всем воинством начальника“. И вдаст царь тело Еупатиево оставшей дружине его, коих на побоищи взяша живых, и отпусти их в землю свою со Еупатиевым телом. Они же пришедше во свою землю погребоша господина своего и воеводу Еупатия у церкви, положиша честно. И прииде ис Чернигова во град Резань князь Ингорь Ингоревич и виде братию свою побиеных от нечестиваго царя, и снохи своя, и сродники, и много множество народа мертвых лежаща, и град разорен, и пожжен, и оставлена вся земля пуста, церкви божия пожжены и разорены и иконы святых испоруганы. И жалостно восплака, и возрыда, яко же труба рати глас подающи. И прочие с ним вси плакашася по своим. И от великаго рыдания паде на земли, яко мертв, и едва его отлияша водою, и едва отдохну. Кто бо не восплачется толика погибели и разорения земли, или кто не возрыдает толикаго народа людей напрасною смертию скончавшихся — мужей, и жен, юноши, и дев, и младенцов всех лежащих, умиленно зрети, наги вся повержены. Или кто не постонет толикаго пленения. Житие бо наше есть сон и сень, вся вскоре погибоша. И князь Ингорь Ингоревич похрани невестки своя и сродники, призва епископа из Мурома и священнический чин,

^а—^а В рук.: Бых был.

коих бог сохранил от поганых, и погребоша мертвых трупия в землю, и милостыню довольну подаст священному чину по усопших. Сия вся наведе бог грех ради наших. Сий град земля Резанская изменися доброта ея, и отиде слава и богатство ея, и не бе в ней ничто же благо видети, токмо дым куряшеся тогда, и пепел, и земля пуста. Соборная же църкви и прочая погоревши и почерневши стояху. И не бе ничто же во граде, ни пения, ни чтения, ни звону. Но в пения место, и чтения — плач и рыдание творяшеся, и вопль мног. Не един бо сей град пленен бысть, но и инья мнози в Резанской земли. И потом повеле принести тело во град князь Ингорь — воеводы своего храброго тело. И срете его сам со епископом и с прочими людми. И взяша тело князь великий со множеством народа и понесеша его на главах своих честно, и целоваша его любезно вси, и много плакавшися над ним князь великий со всеми людми, и надгробное пение совершивше, и погребоша, положиша во святей соборней църкви пречистыя богородица, генваря в 11 день. И потом поиде князь великий Ингорь Ингоревич идеже побieni братия его. Князь великий Юрьи Ингоревич, и братия его Олег Красный, и Давид, и Глеб Ингоревич, и Всеволод Пронский, и инья многия и начальныя князи местныя, и крепкия воеводы резанския, и все воинство храброе лежаще на земли пусте в поле, и ни кем не брегоми, на части раздробляемы, от зверей снедаемы телеса их, и множеством птиц растерзаемы, и кости оставляемы. Видев же то князь великий Ингорь Ингоревичь, и возопи гласом велиим, рыдати начат и плакати, слезы от очию испущая, яко струя, утробю и сердцемъ уязвляшеся, в перси своя руками биющи. Гласом же, яко труба ратным вестъ подающи, или яко же арган сладко вещающи, плачяся глаголя: „О милая моя господа и драгия братия! Как удалитесь от мене ныне, и мене единого остависте сиротою в толицем сущи вам страдании, о отечестве своем пострадавшем? Почто же аз с вами не сподобихся купно пострадати, и венец от бога прияти, и с вами вкупе быти, иде же вас Христос всели? Где отошли есте, сокровище живота? Почто ми ныне не проглаголите слова на утешение в скорби и печали сущу ми о ваю? О цвети мои прекраснии, винограда многоплоднаго ветви, и ужели мне не подадите слова на сладость души моей и сердцу? И к сему, господа мои, ужели не призрити, и уха вашего не приклоните ко мне, или не слышите гласа моего и горкаго плача? Ужели есмь забыли брата своего последняго, от единого отца рожденаго, и от единыя матери от сосцу вздоенныя, честнаго плода честныя утробы матери нашея великия княгини Агрипины Ростиславны многоплоднаго винограда гроздие! О братия моя! Кому мя поручаете хранити и заступати от поганых сих? Но, о светиле все краснии, аще и плотию отидосте от сюду, но духом с нами пребывайте, и молитвою своею нам помогайте, и отечество свое сохраняйте невоеванну быти. И о мне, сроднице своем, и брате, молитв бога, да и аз получю с вами вкупе царство небесное“. И, собрав оставшия их телеса раздробленныя в гробы, принесе во град

и погребоша честно с пением надгробным. И от того корене Ингоря поидоша резанския князи, даже и до ныне род их. От Резани же поиде Батый в Русь, и плени всю землю и грады разори, и князей местных многих побит, кроме Великого Новаграда, и Пскова, и Поморья. Но и паче же всех злейши начат оттуду быти частое нашествие поганых царей и князей на Резанскую землю, яко же о Мамаи безбожном и Темир Аксаце пишет из иных многих, тако ж и от крымцов и нагайцов, яко же и до ныне. Того ради земля та мало человечна и грады пусты и не тверди суть. Тако же и прочие замосковные города и подмосковные, начен от Твери и по самое поле на восток, градов крепких и твердых несть, понеже ныне погании токмо изгоном приходят и не великим воинством и без наряду. Не якоже от западных и южных страны, немцы и Литва со огненным боем и з градобийственными козньми, но токмо стрелы и мечи с собою имуть. Того ради градов каменных тамо не зиждут. Яко же во всей России пресловущий великий град Псков каменный четырьмя стени огражден, да новый град Смоленск. Инии же мали быша грады — теми немцы обладаша. Грады бо суть тверди верою, и державою, а не стени, ни людьми! Яко ж Давид рече: „Аще не господь сохранит град, всуе бдя стрегий его“, но советом и любовию тверд бывает всяк град, а безсоветия ради и нелюбве разоряютца. Яко же преже речено бысть, тако и ныне тоже творится. О злых властех мздоимных и неправду творящих, и насилующих, и о казни божи. Яко же изволися человеколюбцу богу о своей твари на вся времена промышляя, роду человеческому полезная даруя, нашего хотя покаяния, яко же древле во Израили и во всех странах казни быша от бога различны. Тако и ныне последнему роду Новому Израилю беды наводит, или глад, или мор, или рать, или огонь, за неустроение сущих властей. Сим бо приводит владыка наш Христос человеческое неродство на покаяние и на воспоминание дел неподобных, еже сотворихом. Ибо злая творяще и неподобная, предани бываем злым и немилостивым властем грех ради. Они же тако же не боящися страха божия, зле власть правяще, но ни тии убежат суда, суд бо без милости несотворшим милости. О Светополке Киевском князе, как зле княжил, о нем же пишет в Патерике Печерском. В то бо время в глад, некий старец Прохор в лебеде хлебы печаше, а пепелом в соли место соляше все. Богу прославьшу его сим дарованием, а злаго князя сего о лихоимстве посрамляше. Во дни княжения своего в Киеве Светополк сын Светославль много насильство сотвори православным: дома сильных искорени без вины и имени многие отъем. Его же ради господь попусти поганым имети силу на нем, и быша брани многи от половец. К сим же усобица у князей о градах, и о державствах, и во всех людех. Бысть в та времена глад крепок и скудость велия при всем в Рустей земли. Тогда в Киевских Печорах прослави бог некоего мниха именем Прохора нарицаемого Лебедник таковы ради вины. Сему бо старцу богоудно живущу, и господь даст ему благодать свою сицеву, яко же ни в древних слы-

шано бысть. Гладных ради нищих, приходящих ко обители преподобных, не имея, что дати им и собирая траву бль, нарицаемую лебеду, и в том хлебы печаше и бяху, яко же и прочие. Тако ж и пепел собирая в хлебнице и по кельям, и тем соля всяку потребу, и бяху, яко же от соли слано все. И сие раздаваше нищим. И о сем иноки слышав князь, повеле хлебы и соль пограбити, чая яко имать у себе соль и жито и тем богатеет. И принесоша к нему, и повеле покусити, и бысть по своему естеству. И посрамлен бысть пред всеми. И мнози быша такови князи тогда. Того ради погании приидоша на них и обладаша ими. О еже написах сию повесть о принесении чудотворнаго образа святаго Николы Корсунскаго, а ныне нарицаем бе Зараский, от Москвы 120 верст, а от Коломны 30. Списано у стрелецкого головы у Никиты Леонтиева сына Анненкова, у резанца, восьмая тысящи 141 году марта 2 день. О таковых же преславных чудесех и знамении, и прехождении от места на место, от страны во страну и от града во град в божественном Писании в различных повестех много о святых иконах повествуют, и в каковых временах сице явление бывает подобает нам внимати от прежебывших в древних летех в Цареграде и в Риме. Потом же и у нас в Русей земли. Ово же бывает к просвещению показуются и являются святыя иконы, иногда же отходят от мест своих пред казнию божию, и пред гневом грядущим на кую же страну. Первее явися пречистая богородица по вознесении господни. Явися в Лиде в церкви своей на столпе написана мусиею. Ею же постави исцелевший от апостол разслабленный Енея на просвещение верным, яко во всей вселенней ублажати имут ю вси роди, и церкви поставляти во имя ея. И потом многи благодати явишася правоверным: святыя иконы и мощи святых. Егда же в Цареграде ереси явившися, тогда отидоша Спасов образ и пречистой его матери в Рим. И паки ереси ради оттоле возвратишася в Царьград. Пред взятием же Царяграда от латынь пречистая богородица сама свою икону Влахерне даст иконописцом^а и присла их в Русь в Печерской монастырь в Киев, повеле им храм свой подписати по смерти преподобных. Пред взятием же Царяграда турским царем прииде из Царяграда икона пречистыя богородицы одигитрие в Новгородскую область на Тихвину, яже и донныне суть. Также и сия икона святаго Николы от Корсуна в Русь на Резань прииде. Тамо бо погании пришед обладаша, яже ныне нарицают Крым безбожнии.

^а Последние две буквы переделаны из у.

Редакция „Сказания“, пространный вид

Основной текст — список Публичн. библ. Q. XVII. 209

Разночтения — список Библ. им. Ленина, собр. Овчинникова 712

Сказание о пришествии сквернаго и безбожнаго царя Батыя, и како он окаянный пленил грады руския¹ и Резанское государство раззорил

В лето 6745-го году.² По принесении чудотворнаго образа Николина ис³ Корсуня во второе на десять лето за наша согрешения, попушающу богу овогда глад бысть великий, овогда пожар и нашествие поганых и межеусобныя брани, божиим попущением грех ради наших прииде царь Батый на Рускую землю со множеством татарскими вои и ста на реке Воронеже близ Резанския земли. И посла он послы к великому князю Юрью Ингоровичю⁴ Резанскому, просяше десятины во всем княжении, и⁵ в людях, и в конех. И услыша князь Юрь⁶ Ингорович⁷ приход безбожнаго царя Батыя и вскоре посла по братию свою, — по князя Давида Муромского,⁸ и по князя Всеволода Ингоровича Пронского,⁹ и по князя Олга Ингоровича Краснаго, и по протчия князи местныя, и боляры, и воеводы. И нача советовати с ними како нечестиваго царя подобает дарми утоляти. И посла сына своего Феодора Юрьевича и с ним иных князей многих к безбожному царю Батыю со многими дары и с великим молением, чтобы не воевал Резанские земли. И безбожный царь Батый, льстив есть, а немилостив, — дары прием, глаголя, что „отнюдь не хошу воевати^a Резанския земли“, а хваляся и яряся воевати Рускую землю и иныя грады. И нача князей резанских потехами тешить,¹⁰ и нача у них просити¹¹ жен, и сестр, и дочерей на ложе. Некий же от вельмож¹² резанских, научен бысть бесом, сказа безбожному царю Батыю, яко благоверный князь Феодор Юрьевич имеет у себя княгиню¹³ царского¹⁴ роду — красна и лепа бе лицом. Безбожный же царь Батый в неверии своем поревнова в похоти своей и рече князю Феодору Юрьевичю¹⁵ „Дай ми, Феодоре, жены своей видети красоту“. Благоверный же князь Феодор Юрьевич, посмеявся, рече к царю: „Не подобает нам христианом к тебе нечестивому царю жены своя давати на блуд. Аще ли нами одолееши, то и женами нашими владеши начнеши“. Безбожный же царь Батый зверообразнством своим возярился,¹⁶ дохнув своим немилосердием, вскоре повеле убити благовернаго князя Феодора Юрьевича, а тело его повеле повреци на поле зверем и птицам на разтерзание. И иных князей повеле убити всех.

Един же от пестун Феодора Юрьевича отпущен бысть именем Опаница. Опаница же тайно прииде вскоре¹⁷ к телу блаженнаго¹⁸ Феодора Юрьевича и зря на тело горко¹⁹ плакаше, виде его ни кем брегома,

^a В рук. затем зачеркнуто Руския.

¹руския. ²нет. ³из. ⁴Ингоровичю. ⁵нет. ⁶Юрий. ⁷Ингоровичь. ⁸Муромскаго. ⁹Пронскаго. ¹⁰тешити. ¹¹нет. ¹²вельмож. ¹³княгиню. ¹⁴царскаго. ¹⁵Юрьевичю. ¹⁶возярился. ¹⁷нет. ¹⁸блаженнаго. ¹⁹горько.

честнаго своего господина. И тайно сохрани тело в землю, и поиде вскоре к благоверной княини Еупраксеи. И сказа ей, яко благоверный князь ^а Феодор Юрьевич убиен бысть от безбожнаго царя Батыя.

Благоверная же княиня²⁰ Еупраксия, стоя в превысоком своем тереме и держа любезное свое чадо князя Иоанна Феодоровича и услыша такая смертоносная глаголы и горести исполнены, что господин ея убиен бысть, и абие ринуть она ис превысокаго своего храма с ^б сыном своим со²¹ князем Иоанном на среду земли и заразися до смерти. И принесоша тело благоверных княини Еупраксии и сына ея князя Иоанна Феодоровича, погребоша чесно²² у великаго чудотворца Николы. И от сея вины назвася великий Николае Зараский, яко благоверная княиня Еупраксея²³ с сыном своим Иоанном сама заразися ис превысоково²⁴ своего терема, о землю разбися.

И услыша благоверный князь Юрье Ингорович²⁵ убиение возлюбленнаго своего сына князя Феодора Юрьевича, и иных князей нарочитых, и²⁶ людей множество побито от безбожнаго царя Батыя, и²⁷ начаша плакати с великою княинею и з братьями. Плакашеся весь град, и едва умолкоша от великаго плача, и рыдания, и въздыхания. И посла великий князь Юрье Ингорович во град Владимир к великому князю Георгию Всеволодовичу²⁸ Владимирскому, прося помощи на безбожнаго царя Батыя — или бы сам пришел. И великий князь Георгий Всеволодович сам не пошел, а на помощь не послал, хотя сам о себе братися з Батыем. И князь же Юрье Ингорович²⁹ Резанский з братьями своими учредиша полки своя по достоянию. Князь же великий Юрье Ингорович, воздев руже на небо, и рече: „Изми нас, боже, от востающих нань³⁰ и избави нас от творящих³¹ беззаконие. Буди путь их тма и ползок и аггел³² господень погоняй их.³³ Не предаждь, господи, окаянным и неверным владети Рускою землею, да не когда рекут во языцех: где есть бог их“. И рече князь Юрье Ингорович братьям своим и всем князем и боляром, и всему воинству: „Господа моя братия, аще от руки господни прияхом благая, а³⁴ злых ли не стерпим? Лутчи нам смертью живот купити и главы своя сположити за святых божих церкви и за веру христианскую, нежели нам срамотен живот жити и покоренным быти царю безбожну и лукавейшу. Яко не подобает нам, господа бога и Спаса нашего Иисуса Христа людем, покорным быти царю — твари служителю.³⁵ Да умрем за свою веру и за отчину отца нашего великаго князя Ингоря³⁶ Святославича“. И поидоша в соборную церковь и плакашеся пред образом пресвятыя богородицы честнаго и славнаго ея Одегитрия,³⁷ юже принесе епископ Ефросин из³⁸ Святыя^в Горы. И моляся

^а В рук. слово князь написано сверху.

^б В рук. нет.

^в В рук.: и святых.

²⁰княиня. ²¹нет. ²²честно. ²³Еупраксия. ²⁴превысокова. ²⁵Ингоровичь. ²⁶нет.

²⁷нет. ²⁸Всеволодовичу. ²⁹Ингоровичь. ³⁰нет. ³¹творящих. ³²ангел. ³³погоняя.

³⁴нет. ³⁵служители. ³⁶Ингора. ³⁷Одигитрия. ³⁸из.

своему заступнику чудотворцу Николе и сродником своим Борису и Глебу. И просяше прощение у гроба отца своего великаго князя Ингоря³⁹ Святославича. И даде прощение, последнее целование княгине⁴⁰ своей и сродником своим, и прием благословение от епископа, и прощение от всего народу. Также и протчии князи, и бояре, и воеводы. И поидоша против нечестиваго царя Батыя и сретоша его близ предел земли Резанской. Егда же снитися обоим воинством, и уже им смешившимся, и начаша⁴¹ битися крепко и мужественно. И бысть сеча зла на мног час. Мечи свончаше,⁴² и от⁴³ оружнаго ломления, и вопля людскаго, и коннскаго уристанія земли⁴⁴ ту потрястися.^а⁴⁵ И многія сильныя⁴⁶ полки татарскія смятошася. Царь же Батый, виде, что государство Резанскія земли крепко и мужественно бьяшеся,⁴⁷ убояся вельми.⁴⁸ Да противу гневу божия кто постоит! Тако бо бьяшеся резанскій боец — един бьется с пятью тысящи, а два со тмою.^б И много от полков Батыевых побили, и уже полк сановитых резанских воевод побилша, и сильных богатырей, и князя Давида Ингоровича Муромскаго⁴⁹ убили и иных князей. Благоверный же князь Юрь,^в виде, убиение брата своего и иных князей, и возопи в горести души своея, и рече к братьям своим. „О братия моя возлюбленная, и друзи мои прелюбезнии, и все воинство резанское, мужайтеся и крепитеся! Се бо брат наш Давид напредь нас чашу испил смертную за веру христианскую. Мы же тоже сотворим, да не возвратится от нас ни един вспять, но постражите⁵⁰ добре, да примете от владыки Христа неувядаемыя венцы“. И начаша битися прилежно, яко уже подивитися и смеситися всем полком Батыевым. А Батыева сила без числа суть. Сильны⁵¹ полки едва одолеша резанских вой. И тут убиен бысть благоверный князь Юрь Ингорович, и брат его князь Глеб Ингорович Коломенскій, и князь Всеволод Пронскій, и многія князи местныя⁵² и воеводы крепкия, удалцы и резвцы и все воинство резанское: вси равно умроша, и едину чашу смертную пиша. Ни один от них возвратися вспять. Вси вкупе мертви лежаху. Сия убо вся наведе господь грех ради наших. А князя Олга Ингоровича⁵³ взяша жива^г⁵⁴ изранена. Царь же виде Олга князя красна вельми,⁵⁵ и хотяше его изречевати от великих ран, и на свою прелесть возвратити. Князь Олег⁵⁶ Ингорович укори царя Батыя и рече ему: „О безбожный враг христианскій!“⁵⁷ Он же окаянный царь Батый дохнув от мерскаго⁵⁸ своего сердца и повеле князя Олга на части ножи раздробити. Сий бо сотворися страстоносник новый Стефан, прия венец своего страдания от подвигоположника своего Спаса Христа. Царь же Батый, видяше толико полков

^а В рук.: потрястися.

^б В рук. исправлено из твою.

^в В рук. вписано наверху.

^г В рук. последние два слова зачеркнуты и сверху надписано: едва поимаша.

³⁹Ингора. ⁴⁰княгине. ⁴¹начаше. ⁴²звончаше. ⁴³нет. ⁴⁴земля. ⁴⁵потрясся. ⁴⁶сильныя. ⁴⁷бияшеся. ⁴⁸вельми. ⁴⁹Муромскаго. ⁵⁰постраждите. ⁵¹сильные, ⁵²местныя. ⁵³—⁵⁴едва поимаша. ⁵⁵вельми. ⁵⁶Ольг. ⁵⁷христианскій. ⁵⁸мерскаго.

падение, нача велми скорбети и ужасатися, виде свое⁵⁹ тотарские⁶⁰ силы множество побито. И нача воевати Рязанскую землю. И повеле^a бити и сетчи без милости, град Пронеск⁶¹ и Белград, Ижиславец до основания раззорити^b и вси людие побити без милости, яко некая страшная молния пожигающи и попадающи. И течаше кровь христианская,⁶² яко река сильная. Сия вся богу попустившу грех ради наших. Царь же Батый поиде ко граду Резани, и обступиша⁶³ град рязанский. И начаша битися неотступно от града пять дней. И Батыево воинство пременяшеса, а гражене⁶⁴ непременно бьющеса, и многих граждан побиша, а иных уязвиша,⁶⁵ а инии от великих трудов изнемогоша. А в шестый день рано приидоша погани ко граду Рязани: овии со огни, а инии с топоры, инии от niskих стран приидоша со тмочисленными^b лестницами, и взяша град Рязань лета 6745-го году месяца декабря в 21 день. И пожгоша весь град, и приидоша в церковь пресвятые богородицы и великую княгиню⁶⁶ Агрепену⁶⁷ Розтиславну^г мать великаго князя со снохами и со протчими княгинями,⁶⁸ и епископа, и весь священнический чин в соборной церкви⁶⁹ мечи иссекоша.⁷⁰ И⁷¹ церкви божи до основания раззориша. А инии мнози от оружия падоша. Во граде многих людей и детей мечи иссекоша, а иных иереев и чернецов и черниц в реце потопиша, до останка⁷² всех иссекоша,⁷³ и весь град пожгоша. И все узорочье резанское и богатство сродник их киевское и чернеговское⁷⁴ взяша, а храмы божия раззориша. И во святых олтарех многи крови пролиша, а иных в полон поимаша. И бе ужасно видети, и жалостно зрети. Кто бо не восплачет, видевши такову погибель христианом. Кровь бо^а яко реки течаху. И⁷⁵ не остана во граде ни един человек в живых, но вси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Несть бо ни стонания ни плача: ни отец, ни мать о чадах, ни чада о отцах и о матерех своих, ни брат о брате, ни о сестрах. Вси бо равно умроша и вси вкупе мертвы лежаху. Сия вся наведе бог грех ради наших. Безбожный же царь Батый, видя велия пролития христианския крови, разгореся и огорчися зело и поиде на Суздаль и на Владимир, и ярься и хвалясь Рускую⁷⁶ землю поплени и церкви разрушити, и грады до основания раззорити.

И некий от вельмож резанских именем Еупатей Коловрат⁷⁷ в то⁷⁸ время был⁷⁹ в Чернегове со князем Ингором Ингоровичем у князя Михаила Всеволодича Черниговского,⁸⁰ услыша, что царь Батый идет на Рускую⁸¹ землю в⁸² Резанское государство. И поиде Еупатий из Чер-

^a В рук.: повелеле.

^b В рук. за этим зачеркнуто: до основания.

^b В рук.: твочисленными.

^г В рук. имя Агрепены Розтиславны написано поверх зачеркнутого Еупраксею.

^д В рук. вставка: христианская.

⁵⁹своея. ⁶⁰татарския. ⁶¹Пронеск. ⁶²христианская. ⁶³обступиша. ⁶⁴гражане. ⁶⁵уязвиша. ⁶⁶княгиню. ⁶⁷Агрипину. ⁶⁸княгинями. ⁶⁹церкви божия. ⁷⁰иссекоша. ⁷¹нет. ⁷²останка. ⁷³иссекоша. ⁷⁴черниговское. ⁷⁵нет. ⁷⁶Русскую. ⁷⁷⁻⁷⁸ошибка: кто. ⁷⁹бысть. ⁸⁰Черниговского. ⁸¹Рускую. ⁸²нет.

негова с малыми дружинами на помощь к государю⁸⁴ своему великому князю Юрью Ингоровичю Резанскому, а не ведая, что они побиты и град разорен. Еупатей же приидите^{a 85} ко граду Резани и виде град разорен,⁸⁶ и церкви божий⁸⁷ позженны,⁸⁸ и люди вси побиты, овии посечени,⁸⁹ и⁹⁰ инии позжены,⁹¹ инии в реце потоплени. И виде он сие великое пролитие крови христианские, возкрича в горести души своея, и распылаяся в сердцы своем, и собра малую свою дружину, и поиде от града, и собра людей около Резани, которых бог соблюл в лесах и в горах. И собрал тысящу восемьсот человек, и в день недельный⁹² учредиша полки, и погнаша в след за безбожным царем Батыем, желая таковую же чашу пити, како государи его. И⁹³ едва догнаша его близ⁹⁴ земли Суздальской, и внезапно нападоша на полки Батыевы, и начаша битися. Еупатей же бе человек силен и храбр, проезжая полки Батыевы и бьяшеся нещадно. И бысть сеча велика от еву⁹⁵ полку: все силы Батыевы смятошася, яко уже и⁹⁶ самому Батыю царю возбоитися. Тотарове⁹⁷ же стояще, яко пьяни и неистови. Еупатей⁹⁸ же толико сечаше их без милости, — которые мечи притупишася — емлют они у⁹⁹ поганых, отимающе¹⁰⁰ мечи и сечаше их нещадно. И много и безчисленно¹ Батыевы силы побили. Тотарова² же мняще в себе, яко мертвии воссташа³ на ны. Еупатей же сильные полки проезжает и бияше нещадно, и ездя по полком татарским храбро мужественно, яко самому царю возбоитися. И едва поймаше от полку Еупатиева 5 человек воинских, изнемогших от великих ран, и приведоша ко царю их Батыю. Царь же нача их вопрошати: „Которые есте вы⁴ веры, и которые земли? Что много мне зьла⁵ сотвористе?⁶ Они же рекоша ему: „Веры есть мы христианские,⁷ раби есми великаго князя Юрья Ингоровича Рязанскаго, а полку Еупатиева Коловрата. Послани есмы тебя, царю, силнаго почтити и честно проводитьи, и честь тебе воздати. Да не подивиши, царю, не успеваем наливати чаш на твою великую силу татарскую“. Царь же Батый подивися мудрому их ответу. И посла шурина своего Хостоврула. Хостоврул же похвалися пьред⁸ царем Батыем, хотя Еупатия жива пред царем поставити. Хостоврул же съехася⁹ съ¹⁰ Еупатием. Еупатий же исполнися силою и расече Хостоврула до седла, и начаша сетчи силу татарскую, и многих нарочитых богатырев Батыевых¹¹ побил — овых на полы пресече, а иных до седла крояше. Тотарова же возбоишася,¹² видяше Еупатия крепка и силна, и наведоша на него пушки и многия снаряды оружейныя,¹³ и начаша бити, и едва одолеша погании Еупатиево войско. И в той час убили Еупатия храбраго. И принесоша тело его ко царю Батыю. Царь же посла по свои князи, и мурзы, и по санчаки, и нача с ними дивитися храбрости, и мужеству резаньских¹⁴ бойцов, — храбрости Еупатия с това-

^a *Переправлено из приидиде.*

⁸⁴царю. ⁸⁵приидите. ⁸⁶разорен. ⁸⁷божий. ⁸⁸позжени. ⁸⁹посечены. ⁹⁰нет. ⁹¹позжени. ⁹²подлинный. ⁹³нет. ⁹⁴близь. ⁹⁵ево. ⁹⁶нет. ⁹⁷Татарове. ⁹⁸Еупатее. ⁹⁹ошибочно: о. ¹⁰⁰отнимающе.

¹безчисленно. ²Татарова. ³восташа. ⁴нет. ⁵зла. ⁶сотвористе. ⁷христиане. ⁸пред. ⁹съехася. ¹⁰с. ¹¹нет. ¹²возбоишася. ¹³оружейныя. ¹⁴резаньских.

рищи. Князи же и мурзы рекоша царю: „Мы на многих боях бывалие, а таких удалцов¹⁵ не видали, ни отци наши возвестиша нам. Сии бо людие¹⁶ крылаты и бесмертны¹⁷ — тако крепко и мужественно ездя — биящесе един с тысящею, а два со тмою“.^а Царь же Батый, зря на тело Еупатиево и рече: „О Коловрате Еупатие! гораздно¹⁸ мя еси употчивал с малою своею дружиною, да многих моих сильных богатырей побил, и многи полки мои¹⁹ от тебя падоша. И аз есмь многия Орды побивал и никто против меня много не сътоял,²⁰ а ты столко мне зла учинил. Ащо бы у меня сильнаго²¹ царя таков человек был, и тако служил, и так бы стоял за меня, как ты за государей своих, и аз бы имел его аки брата родного,^б и любил бы, аки душу свою за такую предивную храбрость богатырскую“. И повеле царь поставить пред себя полоненных²² людей 5 человек от полку Еупатиева, и рече: „Возмите сего своего храброго воина для его храбрости. И вас пощадих, идете куде хотите“. У повеле отдати им сребро, и платье, и оружия, с ними еже взято на них, отпустил²³ от себе их ничем не вреди.

А князь Ингорь²⁴ Ингоровичь,²⁵ нареченный во свягом крещении Козма, в то время был в Чернегове у брата своего у князя Михаила Всеволодовича,^в ²⁶ богом соблюден от злаго от того отметника от врага христианскаго. И прииде князь Ингорь²⁷ Ингорович из Чернегова в землю Рязанскую и во свою отчину. И услыша, что братия ево вси побиты — побиты от нечестиваго и законопреступнаго царя Батыя. И прииде во град Рязань, и виде, что град разорен, церькви божия поженны, и людие вси побиты, и посечены. И виде мать свою, и снохи своя, и сродники своя, и протчия князи, и бояре и множество мертвых лежаще, и все узорочье в казне чернеговске и рязанское взято. И видя князь Ингорь Ингорович великое пролитие крове и государству рязанскому великое разрушение, а всенародному множеству немилостивное посечение²⁸ и потребление. Сия вся наведе на ны бог грех ради наших. И жалостно возкрича, яко труба рати^г глас подающе, и яко доброгласный орган жалостно вещающе. И от великаго крычания и вопля страшна лежаще²⁹ на земли, яко мертв. И едва отляша его водою, и нося по ветру, и едва отдохнув^д душа его в нем. Кто бо не возплачется толикия³⁰ погибели, или кто не възрыдает от всего сердца, како сей град пленен бысть и инии мнози. И не бе во граде пения, ни звону. В радости место — всегда плач и сетованне творящи. Благоверный же князь Ингорь³¹ Ингорович^е разбирая трупия мертвых, и наиде тело матери своея великой

^а В рук. переделано из твою.

^б В рук.: родраго.

^в В рук.: Всеволодовича.

^г В рук. переделано из ради.

^д В рук.: отдохнув.

^е В рук.: Ингорорович.

¹⁵удальцов. ¹⁷бесмертны. ¹⁸гораздо. ¹⁹моя. ²⁰стоял. ²¹силнаго. ²²полоенных. ²³отпусти. ²⁴Ингор. ²⁵Ингорович. ²⁶Всеволодовича. ²⁷Ингор. ²⁸посещение. ²⁹лежаща. ³⁰толика. ³¹Ингор

княгини Агрены Розтиславны,³² и позна снохи своя. И призва попы, которых бог соблю, и погребе матерь свою, и снохи своя с плачем великим во псалмов и песней место, крычаще и велми рыдаша. И протчия трупы мертвых похраниша честно, и плакашеса горко глаголаше: „О земле рязанская! изменися доброта твоя и слава твоя миновася. Ныне же токмо в тебе пепел един и дым. И не един бо сей град пленен бысть, но инии мнозии“³³. И поиде благоверный князь Ингорь³³ Ингорович, где побиены³⁴ быша братия ево от царя Батыя — благоверный князь Юрье Ингорович Рязанский, и брат ево князь Давид Муромский, и брат ево^а ³⁵ князь Глеб Ингорович Коломенский,³⁶ и князь Всеволод Ингорович Пронский, и князь Олг Ингорович Красной и многия князи местныя, и ^б ³⁷ боляры, и воеводы, и все воинство, удалцы и резвцы — вси лежаща на земли пуге, на траве ковыле, снегом и ледом померзоша, никем не брегома, от зверей телеса³⁸ их снedomы³⁹ и от мнoжества⁴⁰ птиц разтерзаеми. Вси бо лежаща⁴¹ на земли купно, друг за друга умроша и едину чашу смертнyю пиша. И видя князь Ингорь⁴² Ингорович⁴³ велне трупие мертвых лежаще,⁴⁴ и воскрича горко⁴⁵ великим гласом, яко труба и⁴⁶ рати разпалася,⁴⁷ в перси своя бьющеса. И ударися о землю, слезы же от очию его, яко поток течаше, и жалостно вещающе: „О милая моя братия, и господия, что вы мене единого оставите в такой погибели, почто аз прежде вас не умрох! И како заиде свет от очию моею, и где отошли есте, сокровище живота моего? Почто не промолвите ко мне — брату вашему! Цвети прекрасные, виногради⁴⁸ несозреые, не подасте сладости души моей. К чему, господие, не зрите ко мне, брату вашему, не промолвите со мною. Ужели забыли меня, брата своего. От единого отца рожденны есте мы, и от единыя утробы честного плода матери нашей великия княгини Агрены Ростиславны,⁴⁹ и единым сосцем вздоенным плодного винограда. И кому приказали есте меня, брата вашего. Солнце драгий,⁵⁰ рано заходящее, месяц⁵¹ прекрасный погибл⁵² еси, звезды восточныя — почто рано зашли есте. Лежаща⁵³ на земли пуге и никем не брегома,⁵⁴ и славы своя ни от кого не приемлете. Изменися слава ваша. Многим землям государи были есте. Зрак лица вашего изменися во истлении.⁵⁵ О милая моя братия и друзи ласковии, уже не веселюся⁵⁶ с вами. Свети мои, други, к чему помрачилися⁵⁷ есте. Не много радовахся с вами. Аще бог услышит молитву вашу, то молитися⁵⁸ о брате вашем да вкупе умру с вами. Уже бо за веселие плач и слезы приидоша ми, а⁵⁹ за утеху и за радость — сетование, и плач, и скорбь явимися. Почто аз прежде вас не умрох, дабы не видел смерти ваша, а своей погибели. Не имею роду, ни племени — токмо един осьтахся“⁶⁰. И жало-

^а В рук.: евобра.

^б В рук.: у.

³²Ростиславны. ³³Ингор. ³⁴побиены. ³⁵ево. ³⁶Коломельский. ³⁷с. ³⁸⁻³⁹изedomы. ⁴⁰мнoжества. ⁴¹лежаща. ⁴²Ингор. ⁴³Игорович. ⁴⁴лежащее. ⁴⁵горько. ⁴⁶в. ⁴⁷разпалася. ⁴⁸виногради. ⁴⁹Ростиславны. ⁵⁰драгое. ⁵¹месец. ⁵²изгибл. ⁵³Лежаще. ⁵⁴брегоми. ⁵⁵изстлени. ⁵⁶веселюсь. ⁵⁷помрачились. ⁵⁸молитесь. ⁵⁹нет. ⁶⁰остался.

стно вещаючи: „О земле, о земле, о дубравы,^а дубравы, горы и холми, и лугове, плачитесь⁶¹ со мною. Увидте⁶² мою погибель, какво было⁶³ государство и то разрушилося, какovy были государи — все лежат побиежны⁶⁴ и ни от кого не брегома.⁶⁵ Уже бо душа моя погибает, и крепость моя изнемогает. Язык мой вязуется,⁶⁶ уста загражаются,⁶⁷ зрак опустевает“. Бысть убо тогда туги многи, и скорби, и слезы, и въздыхание, и страха, и трепета о всех злых, находящих на ны грех ради наших. Великий же князь Ингорь⁶⁸ Ингоровичь, воздев руде на небо, молящеся⁶⁹ со слезами глаголя; молитва: „Господи Иисусе Христе, боже⁷⁰ мой, на тя уповаю, спаси мя, грешнаго. Пресвятая госпоже владычице богородице, мати Христа бога нашего, не остави мене во время скорби моя. Великия страстотерпцы Борис и Глеб, будите мне, грешному, помощники во бранех, молитесь⁷¹ о мне господу богу и пречистой его матери — да избавимся от враг наших и да укрепит нас^б силою своею свыше на агаряныни⁷² внуцы, на измаилтески⁷³ род. Ныне и присно и во веки веков“.⁷⁴ И нача разбирати трупия мертвых, и взя телеса братий своих — великаго князя Юря⁷⁵ Ингоровича Резанскаго, ⁷⁶ князя Давида Ингоровича Муромскаго⁷⁷ и князя Глеба Ингоровича Коломенскаго⁷⁸ и иных князей местных — сродников своих, боляр и воевод. Принесе телеса их во град Рязань и похраняше⁷⁹ их честно со псалмы и песними⁸⁰ и пении духовными. А иных воинских людей телеса велел собрать, и сохранить там на пуге месте, и надгробное пение пеша над ними. Князь Ингорь⁸¹ Ингоровичь поиде ко граду Пронску и собра раздробленныя^в ⁸² уды брата своего боголюбиваго и⁸³ христоролюбиваго великаго князя Олга Ингоровича,⁸⁴ и несоша его во град Рязань честно, а честную главу брата своего сам князь великий Ингорь⁸⁵ Ингорович и до града понесе и целовав ю любезно. И положиша его со князем Юрьем Ингоровичем во единой раце, а брата своего князя Давида Ингоровича да⁸⁶ князя Глеба Ингоровича положи их близ⁸⁷ во единой же раце. И протчих князей местных и боляр честно сохраняше и народа людей православных. Кто бо не возпачет,⁸⁸ или кто не пожалеет толико⁸⁹ побито великих государей, или кто не възрыдает таковаго пленения. Князь же великий Ингорь⁹⁰ Ингорьвич⁹¹ похраняше трупия мертвых, и очисти град, и освати.⁹² Собрашася⁹³ мало людей, он же даяше им утешение мало. Г И плача безпрестанно, поминая матерь свою, и братию свою, и снохи своя, и род свой, и все имение свое, и узорочье рязанское и чернеговское погибе. Тако бо наведе бог грех ради наших. Сей бо град Рязань

^а В рук.: лубра.

^б Переправлено из тя.

^в В рук.: вдробленныя.

^г Еще раз повторено утешение.

⁶¹ плачитесь. ⁶² Увидьте. ⁶³ нет. ⁶⁴ побиежны. ⁶⁵ брегоми. ⁶⁶ связуется. ⁶⁷ заграждаются. ⁶⁸ Ингор. ⁶⁹ молящеся. ⁷⁰ божий. ⁷¹ молитесь. ⁷² аганыни. ⁷³ измаильтески. ⁷⁴ веком. ⁷⁵ Юря. ⁷⁶ Рязанскаго. ⁷⁷ Муромскаго. ⁷⁸ Коломенскаго. ⁷⁹ похороняше. ⁸⁰ песнями. ⁸¹ Ингор. ⁸² добленныя. ⁸³ нет. ⁸⁴ Игоровича. ⁸⁵ Ингор. ⁸⁶ да. ⁸⁷ близь. ⁸⁸ возпачет. ⁸⁹ толика. ⁹⁰ Ингор. ⁹¹ Ингорович. ⁹² святи. ⁹³ И собрашася.

и земля Резанская изменися, доброта ея и слава ея отиде, и не бе в ней ничто же благо видети, токмо дым и пепел. А церкви все погореша, а у великия церкви внутри погореша и почернеша. Сей же благоверный князь Ингорь⁹⁴ Ингоровичь Резанский ко греческим царем велику любовь имяше, и дары у них многия взимаше, и по браце целомудрено живяще, смотряще свое спасение. В чисте совести и крепости разумно предержа земное царство и небесному приближаяся. Плоти угодия не творя, соблюдаяще тело свое по браце греху не причастно. Государьски⁹⁵ сам⁹⁶ держа, а посту и молитв приближаяся, и кресты на раме своем ношаше. Честь и славу от всего мира приемлет, а во святых посты причащаяся святых таин. И многия труды и победы по православной вере показаста. А с погаными полцы часто бьяшеса за святых цркви и за православную веру и за отчину отца своего. От супостатов весь мир храняста, а милостыню неоскудно даючи, и ласкою своею⁹⁷ многих от неверных царей и детей их к себе принимаста, и на веру истинну обратиста. Благоверный же князь Ингорь⁹⁸ Ингорович, нареченны⁹⁹ во святом крещении Козма, сяде на столе отца своего великаго князя Ингоря¹⁰⁰ Святославича, и обнови землю Русскую,¹ и церкви постави, и монастыри заградил. Пришельцы² утешил, и люди собра. И бысть радость християном, их же избавил бог рукою своею крепкою от безбожнаго и зловернаго царя Батыя. Ныне и присно и вовеки веков,³ аминь.⁴ Справил Ивашко иконник Калашников.⁵

Редакция „Сказания“, краткий вид

Текст по списку Публичн. библ. Погодинск. № 1936

Сказания о пришествии на Рускую землю безбожнаго царя Батыя, и как он окояны разорил Резанское государство

В лето 6705-го году. Пришествие ис Корсуни чудотворнаго Николаина образа в 12 лета. За наше согрешение, попущающу богу; овогда глад бысть великий, иногда пожар и нашествие поганых и междуусобных брани, и абие приде царь Батый на Рускую со множеством татарским, и ста на реке на Воронеже близ Резанские земли. И посла он послы к великому князю Юрию Ингоревичу Резанскому, просяще у него десятины во всем княжени: в людех, и в конех. И услыша князь Юрья Ингоревич приход безбожнаго царя Батыя, и вскоре посла по братию свою по князя Давида Ингоревича Краснаго и по князя Олго Всеволодовича, и по князей месных, и по бояры, и по воеводы. И начаша советовати — како нечестиваго^a царя подобает дарами утолити. И посла сына своего князя Феодора Юрьевича, и иных князей многих к безбож-

^a В рукописи: нечести.

⁹⁴Ингор. ⁹⁵Государство. ⁹⁶сам. ⁹⁷съвоею. ⁹⁸Ингор. ⁹⁹нареченный. ¹⁰⁰Ингора.

¹Рускую. ²пришельцы. ³веком. ⁴⁻⁵нет.

ному царю Батыю з дары и велением, чтоб не воевал Резанской земли. И безбожной царь Батый, льстив есть, немилостив, принял дары и глаголя, что отнюдь не хоща воевати Резанские земли, а ярьсь и похвалясь воевать Резанские земли, и Рускую землю, и инья грады. И нача князей резанских потешати, и нача у них жен просити, и сестр, и дочарей на ложю себе. Некий от велмож резанских, научен бысть бесовскому умышлению сказа,^а безбожному царю Батыю, яко благоверны князь Феодор Юрьевич имеет кнеиню царьскова роду и лепа телом, и красна. Безбожны же царь Батый неверии своем и рече князю Феодору Юрьвичю: „дай ми жену свою видети, красоту“. Благоверный же князь Феодор Юрьевич посмеялся: „Не подобает нам христианом тебе нечестивому царю жены своя давати на блуд. Аще ли нас одолееши, — владети на блуд начнеши“. Безбожны же царю Батый зверообразным своим разярился и вскоре повеле убити благовернаго князя Феодора Юрьевича Резанскаго, а тело его повеле зверям и птицам на ростерзание. Иных князей повеле убити ж всех, а князя Феодора дятку единого отпусти — именем Апалица. Апалица^б же тайно приде вскоре тело блаженнаго князя Феодора Юрьевича и зря на тело ево плачущесе, виде его никимь не брегома, и сохраних тело его в землю. И поиде скоро к благоверные книне Еупраксее, и сказа ей, яко благоверный князь убиен бысть от безбожнаго царя Батия. Благоверная же книния, стоя в превысоком своем тереме, и держала она прелюбезнаго своего чада Ивана Феодоровича. И услыша такие и смертоносныя глаголы, и абие кинулась она ис превысокова своего терема и с сыном своим со князем Иваном на землю, и розбися до смерти. И принесоша тело благоверныя книнии Еупраксеи и сына ея князя Ивана Феодоровича, и похраниша чесно у великаго Николы. И от сея винныя да зовется великий Николай Зароский, яко благоверная книния Еупраксея с сыном своим со князем сама зарозися ис превысокова своего терема, о сырую землю разбися до смерти. И услыша благоверный князь Юрья Иньгоревич Резанский убиении возлюбленнаго сына своего князя Феодора Юрьевича и иных князей, нарочитых людей, от безбожнаго царя Батия и нача плакати с великою кнеинею. И собра отроков плакася весь град на мног час. И едва умолкоша от великих плачь и рыдания и въздыхания, и посла великий князь Юрья Иньгоревич во град Владимир к великому князю Егорью Всеволодовичу Владимирскому, прося у него помощи на безбожнаго царя Батия. Или он сам князь Егорий Всеволодович Владимирский сам не пошел, а помощи не дал и не послал, хотя от себя сотворити сам со царем Батыевым. И князь Юрья Иньгоревич Резанский з братом своим учредиша полки своя, и вздеваше руже на небо со слезами и рече: „Изми мя, боже, от встающих на мя, избави ны от-ворящих беззаконие. Буди путь, и тма, и ползок. Не попусти, господи, окоянных, и нескверных

^а Пропущено: сказа.

^б Пропущено: Апалица.

владети Турскую землю“. И рече князь Юрья Ингоревич Резанской и братьям своим, и ко всем сродником своим, и всему служивому воинству: „Господа, мои братия, аще от руки господня прилагая и злых не стерпим. Лутче нам смертию живот купити за святых божих церкви и за веру христианскую, нежели окаяннаго безбожнаго царя в неволи быти. Да умрем за сваю веру и за вотчину отца нашего великаго князя Юрья Ингоревича, а Святаславича“. И поидоша в саборную церковь, и плакася пред образом всемилостиваго Спаса и пречистыя богородицы честнаго и славнаго Одегитрия, юже принесе епископу Ефросим и-Святых Горы. И моляся великому Николаю чудотворду и сродником своим Борису и Глебу. И просяше прощениа у гроба отца своего великаго князя Ингоревича, и прося прощениа кнеинем своим: И последи ея целования кнеинем своим и с прочии княини и сродником своим, и пришел благословение от епискупа и прощениа от своего народу. Такожде и прочия князья, и боляра, и воеводы. И поидоша против нечестиваго царя Батыя. И сретоша близ предел резанских, и нача битися крепко и мужественно. И битие было зило на многи часы, и на многия силы. Сильныя полки турския сметошася. Царь же Батый, виде, что государство резанское крепко и мужественно бияшеся и возбояшеся велики. Да противу гнева божих кто постоит! А такова бияшеся резанские бойцы: един боец с пятью тысящю бьетца, а два со тмою. И мног от полков Батыевых падоша. Давида Игоревича Муромскаго убили и иных князей. Благоверны князь Юрья Ингоревич, видя убиение иных своих князей, и возопиша „Господи“ душе своея и рече и братьям своим: „О братия моя возлюбленья и друзи ласковыя и все воинство резанское, мужайтеся и крепитеся, братия. Брат наш Давид прежде нас чашу смертную пил за веру христианскую, мы же то сотворим“. И нача битися прилежно, яко уже подвизашеся все полки турския. Батыева сила без числа силна. И едва осилиша Батыево войско резанских воинов. И тут убиен бысть благоверны князь Ингоревич Коломенский, и князь Всеволод Пронский, и многия князи месныя, и воеводы крепкия, удалцы резвые, и все воинство резанское. Все равно умроша, едину чашу выпили смертную. Ни един от них возвратиша вспять, все вкупе мертвы лежаше. Сие убо наведе бог грех ради наших. А князя Ольга Ингоревича взяша жива изранена. Царь же Баты виде князя Ольга краснаго вельми, и хотяше его изврачевати от великих ран, на свою прелесть возвратити. Князь же Ольг Ингоревич укори царя Батыя и рече ему: „Безбожны враг христиански“. Он же окаянны царь Батый повеле князя ножами нача тело дробити. Се бо Христов мученик, приял венец от своего владыки Христа своего и проповеда мучения. Царь же Батый приде ко граду Резани, и осади, и нача битися крепко. И бьяшеся из града пять дней и пять ночей. И Батыево войско пременишася и гражане премениша безпрестанно бияшеся. И многих граждан побиша, иных ранами уязвиша. Ва шьстый день рано поганьи ко граду придоша, ови со огни, а не с порохи, а иные со тмочисленными лествицами. И взяша град Резань и побиша.

Лета 6705 го году, декабря в 21 день. Пожгоша весь град и великую княиню и прочими княиня и епископу в соборной церкви мечем съсекоша, иереев и чернецов без аstatку исекоша, церкви божи до основания разариша, и во светых божих церквах, и во светых оltарех многу кров пролияша, а иных людей в воде потопиша, а иных в полон поимаше, и кров пролияша христианьскую — река из града течаща. И не оставиша во граде ни единого человека живых. Все равно умроша и едину чашу пиша смертную. Есть бо путь, ни станания, ни плача, ни отцем, ни матери, ни чад, ни чадь, ни чада о отцах и о матерех, ни брат о братех, ни сестра о сестрах: все равно умроша, вкупе мертвы лежаху. Сия вся наведе грех ради наших. Безбожны же царь Батый, виде велия пролития христианьские крови, и разярился, и огорчился зело. И поиде на град Суздаль, и на Владимир, и разярился, и похвалился на Рускую землю пленити и до основания разарити.

Некий от велмож резанских Иупатей именем Коловрат в то время был в Чернигове со князем^а Ингоревичем у князя Михаила Всеволодовича Черниговьскова и слыша, — той царь Батый что идет на Рускую землю в Резанское государство. Еупатей ис Чернигова с малыми дружинами на помощ государю своему великому князю Иньгоревичю Резанскому, а не ведая, что они побии Резань град. Еупатий же приде ко граду Резани и виде град разорен, и церкви божиа пожжены, и людие все побиты, и государи благоверныя князи все побиты. Лежаша все людие мертвы на земли. И восплачется он горько, и поидет от града, и собрал войско^б себе около Резани, коих бог себе соблюл в селех, и в городех. И собрал 1000 восемьсот человек. И в день неделны учредиа полки, и погнаша в след^в за безбожным царем Батыем, и жедая таковъу ж чашу пити, как государи его. И нападоша на полки Батыевы, и нача битися крепко и мужественно. Еупатей же бе человек силен, и хробр, и проеждая полки Батыевы, и бияшеса нещадно, и бысть сеча великая оттого полку Батыева. И сметошася все полки турския, яко уже и самому Батыю возбояшеса. И татарове же сыташа, яко пьяни и неистови. Еупатей же толико сечаша их вострым своим мечем, яко уже и мечам притупиша. Они же отыма у поганых мечи и сече их безчадно, и много безчисленно Батыевы силы. Ат ево Еупатьева полку взят пять человек раненых. И преведоша пред Батия царя. Царь же вопроси их: „Коя вы веры иныя земли? Что мне много зла сотворили^г есте?“ Они же рекоша: „Царю! веры мы христианьские, раби великаго князя Июрья Иньгоревича, тебя силнаго царя почтити и честь тебе воздати, и честно проводити. Да не подиви^д царю, что не успеваем наливать чашу на новлию твою рать татарскую“. Царь же Баты подивися

^а В рук.: кням.

^б В рук.: воско.

^в В рук.: всед.

^г В рук.: соворили.

^д В рук.: поди.

тому их мудрому их ответу. И посла царь на Уептея шурина своего Хостоврула мурзу. И Хостоврул же пред царем похвалися, хотя Еупатия жива взяти и привести пред царя. Царь же послал с ним сильныя богатыри и воины татарския. Нападе на Еупатиево войско и хотя Еупатия жива взяти. И помолиться богу, и устремися, и исполни свою могучую силу, и выскакал против Хостоврула, и мечем разсече его до седла. И воинов его нача сещи без милости. Батыева сила прменяетъца, а Еупатиево войско не прменяетъся. Нещадно Батыевых воинов на полы пресекоша,^а а иных до седла разсекоша и краеше на двое. Татарове же возбояшеса, виде Упатия крепко и силна. И наведоша на него пушки и многия наряды заряжены, и учели битися, и едва одолеша погании Еупатиево войско. И в той час убили Еупатия, и принесоша тело его пред царя Батыя. Послал по своих кнезей и мурз, и нача с ними дивитися на храбрость ево — Еупатия храбрости и месту резанскому — боец Еупатия с товарищи. Князи же и мурзы рекоша царю:^б „Царю, мы на многих боях были и во многих землях были, а таких бойцов, и удалцов,^в и ревецов не видали. И отцы наши не слышали про резанских бойцов, яко и здеса люди крыласты и безсмертны. Един человек с патью тысящею, а два со тмою“. Царь же Баты, зря на тело Еупатиево прослезися^г и рече: „О колобрате Еупате, гараздо еси опочивал своею малою дружиною, да многих моих сильных богатырей побил, и многия мои полки побил. От тебя погибл. Аз есми многия орды побил, а никто против тебя не стал, а ты столько зла учинил. Аще ли бы у меня силнаго царя таков человек был, и тако бы послужил, и тако бы за меня стал, како ты государей своих стоял, и аз бы его имел аки брата роднова, и любил бы аки душу свою за такую предивную храбрость и богатырскую“. И поеха царь Батый во своясы. Богу слава.

Редакция воинская. Вид I

Текст по списку Публичн. библ. Погодинск. № 1606

В лета 6745, во фторое лето по принесению образа великаго чюдотворца Николы. Приде безбожный царь Батый на Рускую землю и со множеством татары, и ста на реке на Воронеже близ Резанския земли. И присла послы бездельныя на Резань к великому князю Юрью Игоревичю Резанскому, просяще дисятины во всем: во князех и во всех людех его. И услыша то великий князь Юрьи Игоревичь Резанский приход безбожнаго царя Батыя, и вьскоре посла во град Владимир ко благоверному и великому князю Георгию Всеволодичю Владимирскому, прося от него помощи, или сам пошел. Великий князь Георгий Всеволодовичь Владимирский сам не пошел, ни на помощь не послал, хотя сам о себе

^а В рук.: песекоша.

^б В рук.: рю.

^в В рук.: удалцо.

^г Последнее слово вставлено на поле.

сотворити брань. Услыша великий князь Юрьи Игоревичъ Резанский, что несть ему помощи от великаго князя Еоргия Всеволодовича, и вскоре посла по братию свою — по князя Давыда, да по князя Глеба Игоревичев Муромских, да по князя Ольга Къраснаго, и по Всеволода Пронскаго, и по протчия князи. Начаша совещатися, яко нечестиваго подобает дары утолити. И посла сына своего князя Федора^а Юрьевича Резанскаго к безбожному царю Батыю з дары великими, чтобы не воевал Резанския земли. Князь Феодор Юрьевичъ прииде на реку Воронежъ к царю Батыю, и принесе ему дары великия, и моля царя Батыя, чтобы не воевал Резанския земли. И безбожный и нечестивый царь Батый, прия дары великия, и охачися леностию, что не воевать Резанския земли, а яряся воевать Руския земли. И нача просити резанских князей тыщери или сестры себе на ложу. И некий от вельможъ резанских завистию дьяволевою вложи безбожному царю Батыю на князя Федора Юрьевича, яко имея у себя княгиню царьскаго роду, а лепотою и телом красна зело. И лукавый царь Батый поревнова с похотию плоти своея, и рече князю Феодору Юрьевичю: „Дай мне, княже, видети жены твоя красоту“. Благоверный жь князь Феодор Юрьевичъ посмеявся, и рече царю: „Не полезно бо есть нам крестияном тебе нечестивому царю водить жены своя на блуд. Аще нами преодолеши, то и женами наши владети начнеши“. И безбожный же царь Батый возярился и огорчился, и повеле^б въскоре убити благовернаго князя Федора Юрьевича, а тело его повеле повреци зверем и птицамъ на разтаргнание; и иных нарочитых князей и все войско велел побити, которые с ним пришли.

Един от пестун князя Федора Юрьевича украся и зря на блаженное тело своего государя, горько плачущи, и видя его никим не брегома, и взя любезнаго своего государя тайно, и сохрани его. И ускори ко благоверной княгине Еупраксее сказати, яко нечестивый уби блаженнаго князя Федора Юрьевича.

И благоверная княгиня Еупраксея шед в превысоком храме своем и держа^в любезное свое чадо князя Ивана Феодоровича и услыша таковыя смертоносныя глаголы, и горести наполнися, и абие ринувся ис превысокаго храма и с сыном своим со князем Иваном Феодоровичем на среду земли, и заразися до смерти. И услыша великий князь Юрьи Игоревичъ убиение возлюбленнаго сына своего благовернаго князя Федора Юрьевича, и иных нарочитых князей, и многих людей побитых от безбожнаго царя Батыя, и нача плакати, и с великою княгинею, и прочимы княгинями, и со братиею. И плакася весь град на долг час. И едва отдохнув от великаго плача, и нача совокуплятися, и войско свое учредиша. Князь великий Юрьи Игоревичъ виде братью свою, и боляр, и воевод своих храбро мужественных ноездя, воздеваше руце

^а В рук. написано позднее о: Федора.

^б В рук.: поволе.

^в В рук.: доржа

свои на небо со слезами молящися и рече: „Изми нас, господи, от враг наших. И от востающих на ны избави нас, и покры нас от сонма лукавнующих, и от множества делающих неправду. Буди путь^а их тма и ползок“.

И рече братие своей: „О господия моя, братия, аще мы от бога благая прияхом, то злая не терпим? Лутче бо нам смертию живота купити, неже въ веру поганую веровати! Се бо аз, брат ваш, наперед испью чашу смертную за святя божия церкви, и за веру христианскую, и за отчину отца своего великаго князя Игоря Святославича“. И поидоша во церковь пречистыя владычицы нашей богородицы и приснодеве Марии и великому чудотворцу Николе, и к сродником своим Борису и Глебу, даиве последнее целование к великой княгине Агрепене Ростислановне, и прием благословение от епискупа и от его священнаго собору. И поидоша противу нечестиваго царя Батыя, и сretoша его близ предел Резанския земли. И нападоша на него, и нача битисе крепко и мужественно, и абие сеча зла и преужасна. Мнози бо силныи падоша полки Батыева. И царь Баты видеша, что господство резанское крепко и мужественно бьяшеся, и убоявся зело. Да против силы божия хто постоит! А Батыеве велице^б тяжце суще, и выехоша их Батыева войска попытатися силныи и храбрыи богатыри против силы резанския, един съшеся с тысящею, а два со тьмою. И виде князь великий убиение брата своего князя Давида Игоревича и рече: „О братия моя милая! князь Давид, брат нашъ, наперед испи чашу смертную, а мы хотим тое же смертную чашу пити“. И перескочиша с коня на конь,^в и нача битися прилежно. Многия силныи полки Батыевы проезжая, бьяшеся храбро и мужественно, и по всем полком подвизашеся. Резанское же господство крепко и мужественно бьяшеся и изнемогоша, а Батыево войско охраброшася. И едва их одолеша силныи полки татарскыи. И ту убиен бысть великий князь Юрьи Игоревич, и брат его великий князь Давид Игоревич Муромский, и брат их Всеволод Пронский, и многия князи месныя, и воеводы силныя, и рязвцы резанския. Все умроша равно, едину чашу смертную испиша. И един от них не возвратися вспячь. Ся бо наведе на ны господь грех ради наших. А князя Олга Игоревича яща его жива суца. Царь же Батый, виде свои полки многия падоша, и нача велми скорбети. И начаша воевати Резанскую землю, и велеша бити и сечи без милости. И Пронск разорил до основания, а людей всех посекоша. И текоша кровь христианская, яко река сильная грех ради наших. Царь Батый, видя князя Олга Игоревича велми красна и храбра, и изнемогающе от великих ран, и на свою прелесть возвращая. Князь Ольг Игоревич укори царя Батыя, и нареке его безбожным врагом. Окаянный дохнув огнем, и от горести и въскоре повеле Олга на части роздробити. Сие бо есть вторый страстоположник Стефан,

^а В рук.: ты.

^б В рук.: Батыевелице.

^в В рук.: коны.

прия венец от своего страдания и от всемилостиваго Спаса, испи чашу смертную и со всюю братиею равно. Царь Батый нача Резанскую землю воевати, и поидоша ко граду Резани. И соступиша, и начаша битись неотступно пять дней. И Батыево войско бьяшеса с переменою, а граждане всегда едины. И многих граждан побisha, а иных уязвиша, и перераниша, а иных от великих трудов изнемогоша. А в шестой день рано придоша погани ко граду, — ови со огни, а иные с^а стенобитными хитрости и тмочисленными лествицы, и взяша град Резань месеца декабря в 21 день. И придоша во церковь соборную пречистыя богородицы, и великую княгиню Агрепену мать великаго князя мечи иссекоша, и с снохами, и с протчими княгинями, и епискупа, и весь священнический чин огню предаша, во святей божи церкви мнозии от оружия падоша, и жены их, и дети мечи ссекоша. А иные в реце потопиша, ереи и черноризцы до останка, и весь град пожьгоша, и все узорочья резанския, и сродников их киввьских и черниговьских поимаша. И церкви божия разориша, и во святых олтарех много крови пролиша. Не остави во граде ни единого жива, но вси равно умроша и едину чашу смертную испиша. Нестъ бо тут ни стонуща, ни плачюща — ни отцу, ни матери о чадах, ни чадом о^б отце, ни о матерех, ни брату о брате, но вси въкупе равно умроша. Сия вся наведе нань господь грех ради наших. Безбожный жь царь Батый, виде великое кроволитие християнския крови, и возярися зело, и огорчися, и поиде на град Суздаль, и на Владимирь, и желая Рускую землю пленити, и веру християнскую искоренити.

И некий от велмож резанских имянем Еупатей Коловратов и в то время он был в Чернигове со князем Игорем Игоревичем, слыша приход нечестиваго Батыя, и приде из Чернигова с малою дружиною, и гнаша скоро. И приде в землю Резанскую, и виде опустевшу, и грады разоренны, и церкви позженны, и люди побиты. И пригна во град Резанский и виде град разорен, государи и великии князи побиты, и множества народа лежаще: ови побиеенны, а иныя посеченны, а иныи позженны, и в реце потопленны. Еупатий же воскрича великим гласом от горести душа своя, и распалаем^в в сердце своем. И собра мало дружины: тысящу и семьсот, которых человек бог соблюл. И гна во след безбожнаго царя Батыя, яко едва угнах его в земли Суздальстей и внезапно нападоша на Батыевы станы. И нача сещи без милости, и смятошася вси татарове и стоя яко пьяни. Еупатий же татар бьяше нещадно, яко и мячи их притупиша, и емля татарския мячи, сечаше их. Татарове же мняше себя, яко всем им быти мертвым. Еупатий же сильный татарския полки бьяше нещадно, и езда по полком татарским храбро и мужественно, яко самому царю возбоятися. И едва поимаша от полку Еупатиева пять человек воинских, изнемогающих от великих ран. И привелоша их ко царю Батыю. И нача их вопрошати: „Повежете мне, человецы,

^а В рук нет.

^б В рук. нет о.

^в В рук. неясно

коя вы веры, и которые земли, что мне много зла творите?“ Они же рекоша ему: „Веры мы христианския, а раби некоего великаго князя Юрья Игоревича Резанскаго, а полку Еупатия Коловратова. Посланы есмя тobia царя силнаго почтити, и честна проводити, и честь тебе воздати. Да не дивись, царю, не успеваем наливать чаши на великую рать татарскую“. Царь же подивися премудрому их ответу. И посла шурина своего именем Хатавурула на Еупатия, и с ним посла сильныя полки татарския. Хатавурул же похвалися пред царем, хотя Еупатия жива привести пред царя. И разгупишася сильныя полки татарския, хотяше Еупатия жива взяти. Хатавурул же съехався с Еупатием. Еупатий же, исполнися силою, разреже Хатавурула на полы и до седла. И много тут нарочитых богатырей побилша, а иных на полы пересекоша, а иных до седла крающе. Татарове же возбоишася, видя Еупатия крепька и силна. И навадиша на него множество пороков, и нача бити по нем из тмочисленных пушек, и едва Еупатия убилша. И тело его взяша и пред царя принесоша. Царь же Батый посла по мурз, и по князей, и по савновники, им же несть числа, и начаша дивитися храбросту и мужеству резанскому государству. Они же рекоша царю: „Со многими цари и во многих землях бивалися, а такова мы богатыря не видали“. А Игорь же Игоревичь убежа ис полков татарских, и приде в землю Рязанскую. И возжалися о братии своей, и о матери своей Агрепени Ростислановне, и о крепком и сильном Еупатии Коловратове, и нача плакати и рыдати. И в горести заразися о землю, и мертв лежаще на земли, и едва отолияше его, и поношаше по ветру. Одва отдохнувшие душа его в нем. Кто бы не восплachtetца о толикакия погибели, или кто не возрадуетца о велице народа людей православных, или кто не пожале о таких государей погибели, или кто не постонет такового пленения? Князь же Игорь Игоревичь повеле разбирати трупия мертвых, и наиде тело матери своея великия княгини Агрепенине Ростиславне, и позна снохи своя, и призва попы и весь собор церковный, которых бог соблюд, и погребе мать свою и снохи своя с плачем великим во псалмех место и пения, кричание велми, похраняше. А протчия трупия мертвых прихраняше, и очисти весь град, и святыя церкви. Князь же Игорь Игоревич поиде где побииенны быша братия его — князь Давид и князь Глеб Игоревичи, и брат их Всеволод Игоревич, и братия князи местныя, и бояре, и воеводы, и удалцы, и резвцы, и узорочья резанския. Лежаще на земли пустешенки, снегом и мразом омерзоша, никим не брегомы, и телеса их от зверей снедаемы, и от птиц разгаргаемы. Все убо въкупе умроша, и едину чашу смертную испиша. Видев же князь Игорь Игоревичь трупия мертвых лежаще, и воскрича горько великим гласом, аки труба разтилася, и в перси бяше своима рукама, и ударися о землю. Слез же его от очию, яко поток, лияшася, и жалосно вещающе: „О милая моя братия господия, како успе живот драгий! Мене ли единого оставиша в толице погибели? Почто аз прежде не умрох? Свете очию моею, где отошли естя сокровище животу моему? Почто не промовите ко мне,

брату вашему? Цвете прекрасныи, виноград мой несозрелый, уже забыли естя меня брата своего; от единого отца рожденны есмы, от единого плода матери нашея великия княгини Агрены Ростиславне. И кому приказали естя меня раба своего. Солнце мое драгое, незаходимое; месец пресветлый, скоро изгibli естя; звезды восточныи, почто рано зашли естя! Лежите на земли пустешеньки, никим не брегоми естя, честныи и славныи. Почто аз прежде вас не умрох?" И жалосно вещающе: „О земля, о земля, о дуброва зеленая, возплачите со мною. Како нареку день сей“. Князь же Игорь Игоревич, встав от земли, и нача розбирати трупия мертвых, и взя тело брата своего великаго князя Юрья Игоревича, да князя Давида Игоревича Муромскаго, да князя Глеба Игоревича Коломенскаго, и иных князей местных, и сродник многих, и боляр, и принесе их во град Резань, и похраниша их честно, а иных тут на пусте месте собираше, и нагробное пенне творяще. И похраняще их и разслабленныи уды братия своея и благовернаго и великаго князя Олга Игоревича, и принесоша его во град Резань. А честную его главу князь Игорь Игоревич до града сам донесе, и положиша его со князем Юрьем Игоревичем во единой раде. И поиде великий князь Игорь Игоревич на реку на Воронеж, где убиен бысть великий князь Феодор Юрьевич, и взя честное тело его, и плакася по нем на долг час. И пренесе его во свою область, и его благоверную и великую княгиню Еупраксею, и сына его князя Ивана Феодоровича Постника, и положиша их во едином месте. И от тоя вины зоветца Никола Зарайский.

Редакция Воинская. Вид 2

Текст по списку БАН 34.8.25

В лето 6745-го, во 12 лето по принесении чудотворнаго Николина образа ис Корсуня града. Прииде безбожный царь Батый на Рускую землю со множеством вой татарских и ста на Воронеже близ Резанския земли. И присла послы безделны на Резань к великому князю Юрию Игоревичю Резанскому, прося десятины во всем их княжестве со всяких людей. Слышав же великий князь Юрий Игоревич Резанский приход безбожнаго царя Батыя и посла во град Владимир к великому князю Георгию Всеволодичю Владимерскому, прося помощи от него на безбожнаго Батыя, или бы сам шел против его. Князь же Георгий Всеволодич Владимирский сам не пошел, и помощи не посла, хотя сам от себе битися з Батыем. Се же слышав князь Юрий Игоревич, что несть ему помощи от владимирскаго князя Георгия Всеволодича, вскоре посылает по братию свою — по муромскаго князя Давыда Игоревича, по коломенскаго князя Глеба Игоревича, по князя Олга Краснаго, по Всеволода Пронскаго и по прочия князи. И начаша совещевати, яко нечестиваго дары подобает утоляти. Он же посла сына своего князя Федора Юевича Резанскаго к безбожному царю Батыю с великими дарыи и с молением, чтобы не воевал Резанския земли. Князь же Феодор Юрье-

вичь прииде на реку Воронеж к Батыю и принесе ему дары великия, моля его не воевати Резанския земли. Батый же лестно рече не воевати Резанские земли, а хваляся, и яряся воевати Рускую землю. Начат же Батый прошати у резанских князей дщери или сестры на ложе себе. Некто же от велможь резанских завистию одержим навади Батыю на князя Федора Юрьевича Резанскаго, яко княиня его от царска рода и лепотою велми изящна. Батый же пореваем похотию и рече князю Федору Юрьевичю: „Дажь ми жены твоя красоту видети“. Князь же Феодор посмеяся^а рече Батыю царю: „Не лепо есть намь, християном, тебе нечестивому царю водити жены своя на блуд. Егда убо нас преодолешь, тогда и женами нашими владити начнеши. Батый же возяряся, и огорчися, и повеле вскоре убити князя Федора Юрьевича и тело его повреци на поли, и иных князей нарочитых и воинских людей.

Един же токмо остая от пестун князя Федора Апониц^б именем, скрыся негде, зря на тело господина своего, плакася горко; видев его не ким не брегома, взял тело его тайно и сохрани его. И ускори с вестию ко благоверной княине Еупраксеи, и сказа ей, яко уби нечестивый Батый князя Федора Юрьевича. Благоверная же княиня Еупраксея, стоя на некоем месте высоце и с чадом своим князем Иваном Федоровичем, и услышав таковыя глаголы горести исполнены, и ринуся с места своего и с сыном своим о землю, и заразися до смерти. Слышав же се благоверный князь Юрьи Игоревич убие^в сына своего и иных князей и воинских людей, начат плакаться горько со княинею и кождо по своем. Едва же преста князь Юрьи от плача и рыдания, повеле же воиску ряжаться, и сам князь уряжая полки своя, и воеводы, и братию. И урядив полки своя, и помолися богу о поможении на враги, и рече: „Братия моя и все воинство, аще благая от руки господня прияхом, — злая ли не стерпим. Лутче нам смертию живот купити, нежели в поганой вере быти. Се бо аз напред вас готов смертную чашу пити за святая церкви и за веру християнскую, и за отчину отца нашего Игоря Святославича“. И тако поидоша в соборную церков честна и славнаго Успения святая богородица, и Пречистыя образу пад, плакася много, тако ж и чудотворцу Николе и сродником своим Борису и Глебу, и приим благословение от епископа и всего священнаго собора, и дав последнее целование княине своей Агрипине. И поидоша против нечестиваго царя Батыя, и сретоща его близ Резанские земли. И нападоша на ня, и начаша битися мужествоно, и бысть сеча велика и преужасна. И многия сильныя полки тотарския розбиваху и побиваху. Батый же, видев государство резанское крепко и мужествоно, и возяряся велми, понеже бо в силе тяжце, и посылая иныя многия полки. Ведев же князь Юрьи убие^в брата своего князя Давида Игоревича Муромского, и пре-

^а Последнее слово вставлено.

^б Сверху надписано ло: Аполонци.

^в В рук.: убие.

сяде с коня на конь, и начат битися сам крепце велми, многие полки Батыевы проежжая, яко всем тотаровем воздивитися крепости и мужеству его и воинства его. Едва же многими полки тотарскими одолеша их. И ту убиен бысть князь Юрьи Игоревич Резанский, князь Глеб Коломенский, и князи местныя, и воеводы крепкие Резанския земли — вси побиены быша. Князя ж Олга Игоревича Краснаго яша жива, но велми ранена. Батый же, видя своих побиенных, и начат скорбити, и въ ярости своей начат воевати землю Резанскую, град же Пронеск разори до основания, и люди вся изсече без милости. Видев же Батый Олга Краснаго изнемогающа от великих ран и начат его прелщати во свою веру. Олг же Игоревич укори^а Батыя, нарече его безбожна. Батый же от мерскаго сердца своего опечалися и повеле Олга ножи раздробити. И тако сей скончася. Батый же поиде ко граду Резани, и обступи град, и боря его 5 дней неотступно, поне же бо войска Батыева множество и пременяхуся биующеся, граждане же всегда едини непременно. И мнози побиени быша, а инии уязвени, а инии от великих трудов изнемогоша. В 6 день погании приидоша рано ко граду, — ови со огни, а инии с пороки, а инии со множеством лестницъ, и взяша град декабря 21 день. И вшедше в соборную церковь и княгиню Агрепину Ростиславну мать великого князя, и иныя княгини и боярыни мечи изсекоша. Архиепископа же и чин священный огню предаша в соборной церкви, а во граде мужей, и жен, и детей мечи изсекоша, а иних в рецы потопиша. И ереи и черноризцев всех посекоша, и весь град пожгоша, и вся драгая и красная поимаша, киевское и черниговское поимаша, храмы божия разориша и во святых олтарех много крови пролияша. И не оста во граде том ни един живой человек, не восплака никто ни над ким — вси мертвы лежаху. Сия же вся приидоша на ны грех ради наших. И тако поиде на град Суздаль и Владимир пленити.

Некий же воевода резанский велможа имянем Еупатей Коловрат в то время был во граде Чернигове со князем Игорем Игоревичем, и слышав приход Батыев, и поиде ис Чернигова с малою дружиною. Егда же прииде в землю Резанскую и виде ю пугу, и град разорен, и церкви пожжени, и люди посечены. Еупатей восплакав горко, и собра войска 1700 человек, которых бог соблюде, бывших вне града, и погна во след Батыя, и доиде в земли Суздалстей. И внезапно нападе на станы Батыевы, и начат их сечи без милости. И смятошася полки тотарстии, и быша яко пьяни, изумевшеся, и мняху тотарове, яко мертвыи восташа. Еупатей же полки тотарския проежжая, храбро и мужественно бияшеся, яко царю Батыю воздивитися и возбоитися. И едва поимаша от полку Еупатиева 5 человек воинских, изнемогающих от великих ран, и привелоша их к Батыю. Царь же начат их вопрошати: „Коя есте вы земли, что вы мне много зла творите?“ Они же рекоша: „Веры есми христианския, рабы великаго князя Юрья Игоревича, а полку Еупатиева Коловрата. Посланы есмя тобя царя почтити и честно проводитьи и честь тебе

^а В рук.: укора.

воздати. Да не диви царю, что не успеем чашь наливать на великую твою рать". Батый же воздивися ответу их мудрому и призва к себе шурина своего Хоставлура именем, и вскоре посылает его на Еупатия, а с ним многих сильных тотар. Хоставлур же похваляся, хотя Еупатия жива привести и пред царем поставити. Егда же съхася Хоставлур со Еупатием, Еупатий же исполнен силою разсече Хоставлура на полы до седла и начат тотарове сечь. И поби многих нарочитых батыевых богатырей: овых на полы пресекая, овых до седла крояше. Тотарове же начаша бояться Еупатия, видяще его крепко сиана, и наведоша на него много пороков и начаша по нем бити. И едва убиша его, и принесоша тело его мертво пред царя. Батый же посла по мурзы и по князи, и начаша дивитися храбрости, и крепости, и мужеству резанских людей, и рекоша: „Во истинну бо сии людие крылатии, не имеют смерти, и ни един же не съеха жив с побойща“. Батый же зря на тело Еупатиево и рече: „О Коловорате Еупатие, гораздо мя еси почтил с малою своею дружиною“. И повеле отдати тело Еупатиево воином его полку, которые пойманы на бою и повеле их отпустить, ни чим не вредити.

Князь же Игорь Игоревич в то время бысть в Чернигове у брата своего князя Михаила Всеволодича Черниговского богом соблюден от таковаго отступника врага^а христианского; с малою дружиною прииде ис Чернигова в землю Резанскую, и виде ею пусту, и братию свою слыша побиенных, и вниде во град, и виде его разорена, и мать свою и сродство свое и вся люди побиенных множество много и церкви боžia пожжены и вся драгая земли Резанстии и Черниговские вся поимана. И восплака в горести сердца своего велми, и от великаго плача паде аки мертв. И едва отдохну и начат розбирати трупия мертвых и найде тело матери своей Агрепины Ростиславны и созва попы, которых бог соблюде — бывших вне града, и погребе мать свою, и снохи своя и инья побиенныя с великим плачем и рыданием; вместо псалмов и пения — кричание и рыдание великое. И очисти град, и освяти храм, и собращася мало людей, и даде им малу часть имения, дабы безпрестани поминали мать их и братию его, и снохи, и род их, и вся люди побиенныя. Потом же поиде князь Игорь Игоревич где побиени братия его, и виде многое трупие лежаще на земли пусте, на травы ковыле, снегом и ледом померзша, никим брегомы, от зверей телеса их снедаемы и от множества птиц растерзаемы,^б и много плакав и плачевная глаголав в жалости и в горести сердца. И начат розбирати трупия мертвых, и взят тело брата своего великаго князя Юрья Игоревича Резанского, да князя Давида Игоревича Муромского, да князя Глеба Коломенскаго, и иных князей местных, и сродников своих, и многих бояр и воевод, ближних и знаемых, и принесе их во град Резань и похрани их честно, а иных

^а В рук.: враго.

^б В рук.: рестерзаемы.

на том месте собрав и отпев сохрани. По сем поиде ко граду Пронску, и собра раздробленные уды брата своего князя Олга и принесе его во град Резань, а честную его главу сам князь Игорь до града несе, и целова ю любезно, и положи со князем Юрьем Игоревичем во едином гробе. А князя Давида да Глеба положи у них близ гроба во единой раце. По сем поиде князь Игорь Игоревич на реку Воронеж, где убиен князь Федор Юрьевич Резанский и взят тело его и принесе к великому чудотворцу Николе Корсунскому въ его область и тело благоверной княгине Еупраксен и сына их князя Ивана Федоровича. И положи их троих во единомъ месте, и постави над ними кресты каменные. И от сея вины уставися зватися Николае Заразский, яко княгиня Еупраксея с сыном своим сама себе зарази. Благоверный же великий князь Игорь Игоревичъ дасть лготы Резанской земли на сто лет, и обнови землю Резанскую, и основа град, и церкви божия постави, и монастыри устрои. И много людей паки збирахуся на веселие, славяще бога.

Редакция Риторическая

Текст по списку Библ. им. Ленина, собр. Никифорова 501

Сказание известно от древняго списания о пренесении многочюдеснаго образа, иже во святых отца нашего Николая архиепископа мирликийских чудотворца из греческаго града Корсуни в великую Россию на Рязань в Зараск.

Велий господь наш и велия крепость его и разуму его несть числа. Бысть же в лето от сотворения света 6732-е, от крещения же славнодержавнаго Владимира по летех 236, во дни великаго государства благовернаго и великаго князя Георгия Всеволодовича Владимирскаго и всеа России, и при великом князе Ярославе Всеволодовиче Новгородском, и при сыне его великом князе Александре Невском в Переяславле граде, и всею страню Резанския епархии владычествуя великий князь Георгий Игоревичъ. Бяше бо в державствующих любовь нелицемерная и живяху по заповедем Христовым непорочно, яко же подобает святым. В лето же сие в славном граде Корсуне, везде и во всей вселенней славный и великий во ерарсех и дивный в чудесех мирликийских архиепископ Николай является нощию в сонном видении некоему иерею житием добродетелну служителю церкви святаго апостола Иакова Заведова именем Ефъстафию, сице глагола: „Ефъстафие, встав возми образ мой, сущий в церкви святаго апостола Иакова, брата святаго Иоанна Богослова, и иди отселе в землю Резанскую. Тамо бо хощу быти, и чудеса творити, и место прославити. Ты же поими с собою и супругу свою Феодосию, и сына своего Евъстафия“. Иерей же от видения воспрянув, с великим ужасом сему ж бывшу. И паки во вторую ночь святой Николай явися, то же рек и в болий страх Евъстафия введе. И начат помышляти и глаголати: „О великий святителю Николае, како повелеваеши, ми рабу твоему, со святым своим образом итти?

Аз убо раб твой ни земли Резанския слышах, ни на сердце мое взыде когда. И не вем камо да иду к земли той — на восток или на запад, на юг или на север“. И сия тому помышляюще, в третью же ночь явился ему святой Николай чудотворец и ткну Евъстафия в ребра его, повелевая ему немедленно итти на восток в великую Россию, и обещаая ему путь показати до Резанския земли. Евъстафий же от сего видения вельми вострепета и востав смущен, помышляя в сердцы своем како отитти от града Корсуня. И о сем в печали и во унынии мнозе бысть. И абие нападе нань болезнь главная, и от болезни тоя нападе на очи его, яко чешуя, и бысть слеп — ни света солнечнаго видети могий. Он же на покаяние прибеже к богу, со многими слезами каюся, и святого Николая в помощь призывая, в купе же и прощения прося, припадая ко святому образу его, и с рыданием моля: „О великий святителю Николае, согрешил пред богом и не послушах твоего повеления; прости мя неключимаго раба твоего“. Великий же в чудесех святой Николай паки тому во сне является и прозрение ему, и болезни пременение дарует, глаголя: „Не полезно ти есть итти чрез землю поганых половец, но паче достоит итти во устие Днепръцкое и в море Варяжское. И Понтийским морем итти в Немецкие области, и оттоле сухим путем до великаго Новаграда, и до Резанские земли путь есть невозбранец“. Евъстафий же от святого сия слышав, и востав от сна своего, и абие взем чудотворный святого образ, поят же и супругу свою Феодосию, и сына своего Евъстафия, и единого от клирик своих, и изыде из града, остави все свое имение. И поиде в путь, яко же ему святой Николай чудотворец повеле. И богу его соблюдающе, доиде устия Днепръскаго и моря Понтийскаго, се же именуемо есть Руское, и вниде в корабль, и иде Понтийским морем. И потом вниде в море Варяжское, и прииде в Немецкую область во град нарицаемый Иесь. И прибысть тамо дней мало и оттоле поиде сухим путем чрез Немецкие области. И начаша быти от образа святителя Николая чудотворца велия чудеса, яко не токмо писанию предати мощно, но не исчести множества ради. И прииде в Великий Новград, и пребысть тамо многии дни; чудесем же наипаче умножившимся от чудотворного того образа. Жена же Евъстафиева действием дияволим не восхоте итти во след чудотворнаго образа и скрыся от своего мужа, понеже возлюби Великий Новград. И абие в болезнь впаде, и разслабеша вся уды ея, и бысть яко мертва и недвижима, но точию едино дыхание в персех имеа. Нецый поведаша Евъстафию о жене его и болезни ея, он же слышав сия, припаде ко святому образу святителя Николая со слезами, моляся о согрешившей. И абие жена в том часе здравие получи. Евъстафий же взем чудотворный святителя Николая образ и иде в путь свой, и егда доиде Резанския земли, нача в себе помышляти: „Се земля Резанская, и камо хошу итти, и покой обрести“. Великий же святитель и чудотворец Николай является места того князю Феодору — сыну благовернаго князя Георгия Игоревича Резанскаго, — той бо места того бяше господин, иде же ныне град Зараск, и рече:

„Княже, гряди во стретение моего образа корсунскаго. Хошу бо zde быти, и чюдеса творити, и место прославити, да и о тебе умолю всемилостиваго бога да дарует ти венец во царствии небеснем, и жене твоей, и сынови твоему“. Великий же князь Феодор Георгиевич возбнув от сна своего, и устрашися от таковаго видения, и помышляше в себе: „О великий Николае, како умолиши человеколюбиваго владыку да сподобит мя венца во царствии своем, и жене моей, и сыну—его же не имею, понеже и браку не сочтася“. Сия тому во уме своем помышляюще, и се нецны пришедше и возвестиша князю о образе святителя Николая и о чюдесех его,—реками бо разливахуса чюдеса от святаго того образа. Благоверный же князь сия слышав, вскоре востав поиде, еще бо далече тому сушу,—исцелевающими укусневаше шествие, понеже неенчетни бяху, яко же рехом, чюдеса великаго архиерея Николая. И многим разстоянием места сам благоверный же князь узре от чудотворнаго того образа исходящее блистание, паче солнечных лучь неизреченным светом сияюще. Егда же прииде, любезно со многими слезами ко образу припаде и на свои рuce безценное то и преестественное сокровище прия. И принесе во свою область многочисенный той святителя Николая образ в лето 6733-е. И абие посла весть ко отцу своему великому князю Георгию Игоревичю Резанскому, и к епископу Ефросину, возвежда пришествие ис Корсуня чудотворнаго образа святителя Николая и о чюдесех его отчасти. Великий же князь Георгий, и еписком Ефросин, слышаста, прославиша бога, и сами идоша ко святому тому образу, и видеша бывающая неизчетная чюдеса, возрадовашася радостию великою зело. И воздвигоша церковь во имя его великаго архиерея, и святую еписком со всем причтом, и торжествоваху дни многи в веселии мнозе во славу Христа бога и угодника его преславнаго чудотворца Николая.

Лепо же zde вспомянути, како дивный угодник оно обещание, еже князю обещася, исполни,—рече бо: „и о тебе умолю всемилостиваго бога, и дарует ти венец во царствии небесном, и жене твоей, и сынови твоему“. Еще то тогда благоверный той князь и браку не сочтася, но лучши есть, яко же глаголет писание, солнцу от течения своего престати, и воде от себе естественныя мокроты не дати, неже божественному речению или святым солгати; небо и земля преидут—Христово же и подражателей того слово не преидет, понеже той ко онем рече: „аз и отец едино есве; и вы будете во мне, и аз в вас; и яже аз творю, и веруя в мя сотворит и болша сих“. Во всем бо великий Николай Христовым апостолом подобник быв, паче же самого Христа в жизни сей с Павлом подражая, яко же являет сущее о нем сказание. И о сих убо умолчим, к настоящим же слово обратим.

И не по мнозех летех христоролюбивый князь Феодор Георгиевич поят себе невесту от царьскаго рода именовем Евпраксию, и браком с тою сочтася, и живяху по заповедем Христовым непорочно. И по едином лете родися има сын—наследник вышняго царствия,—и наречен бысть

Иоанн, его же благороднии тии родителие именоваша Постник. Ты же ми, православный любимиче, молюся со опаством — слову внемли, како и ким образом блаженнии сии небеснаго царствия яве наследницы быша. И бысть в лето 6742-е во дни державы Российских государей вышепомяновенных великих князей, изволися судбам спасителя нашего владыки Христа низпослати на ны по щедротам своим безчисленным праведный свой гнев за премногия грехи наша, — воздвиже на нас падшаго с небесе денницы огнедыхательнаго химера. И не от Сикийския восплы пучины великая и многоглавная индра, но от татарския в лепоту рещи степи уединеный дивий, иже озоба виноград, его же насади десница вышняго. Прииде убо на великую Россию со тмочисленными воинствы нечестивый царь Батый и ополчися в пределех земли Рязанския на реце Воронеже, яже есть о сию страну реки великия Дона, и посла вестники своя на Рязань и во всю великую Россию ко обладающим благочестивым князем, глаголя: „Аще кто не со всякою борзостию елика есть сила ко мне приидет, и державу мою умолит, и даст ми во всем десятую часть в людех, и в скотех, и в стяжаниих, и елико воля будет моя, то имам страну ту пусту сотворити, державствующих же раби моим и скотопасцами сотворю, имения же тех возму и храмы бога вашего огнем сожгу“. Слышав же сия твердый ко Христу верою благоверный князь Георгий Игоревичъ Рязанский таковая безстуднаго волка велеречия, и положи во уме своем крепце еже всячески варвару тому противитися и о благочестии умрети, паче неже тем обладану быти и прочее: ко ополчению уготовляется. Молит же того епископ Ефросин, глаголя: „Княже благочестивый, твердо есть и зело похвално, еже правоверия ради умрети, и о Христе душу свою положить, но обаче в божественном писании повелено врага и нечестиваго дарми утоляти, и аще от сего полза ни едина, прочее лепо з Давидом глаголати — оже приидоша языцы в достояние твое и потреби языки, хотящия бранем“, и прочее полезное проустрояти таковая от святителя. Князь великий, слышав, повинуся того речению и посылает сына своего скоропослушливаго — князя Феодора Георгиевича, яко Иаков преподобнаго Иосифа, или яко же прародитель его равноапостольный Владимир страстотерпца Бориса, к человекоядному оному псу Батыю, с ним же и нарочитых державы своя боляр и служащих ему отроков ходатайства ради, дабы свирепство оного на кротость преложити и огнедыхательная скверная уста его по реченному дарми зяяти, землю же свою немятежну соблюсти и православных христиан крове пролития избавити. Дошедшу же блаженному варвара и любовне благороднаго приемлет, и достойныя того чести сподобляет, и прошения обещавается во всем исполнити, и державу его не вредити. Бяше бо окаянный свиреподушен, и сердцем лют, нравом лукав, и языком лстив, и пронрылив. Обещавая благая многа, ни мало же исполняя, и тако блаженному князю Феодору, еже обещавается — лстивне обещавает. И в сих мало время мину, та же призывает благороднаго исповедника и глаголет к нему ласкателне: „Княже добрый, вижду тя красотою

и величеством тела твоего паче сродных твоих превосходяща и всеми благими украшена, тем же молю — послушай совета моего“. И приступи к правому проповеданию пророка божия Моамефа. „И буди с нами единовен, остави отца твоего предание, и будеши сын возлюблен. И не своею точию страну будеши господствовать, но и всею Россию. И возми себе в жену от моих жен, их же хоцещи, а юже во стране твоей имаши, о ней же слышах, яко рода есть и крове царския, юже достоят имети мне сущу царю и преобладающу вами“. Святому же пред царем стоящу, очима убо долу зрящу, умом же выпрѣ внимающу, и абие отверз благопросвещенная своя уста, и рече к мучителю: „Вся ли мысли сердца твоего открыл еси, или еще имаши нечто рещи“. Мучитель рече: „Довлеет ти познати многое мое к тебе милосердие и от малаго сего речения: не бо имам от земных кому глаголати сих речений, разве тебе, яко же сыну моему, или яко же самому мне“. И тогда паки доблий восприим оного глагол чрез толка, и со всяким дерзновением начат глаголати: „Вем, царю, и познаваю, которые страны пришлец еси, ибо и беседа твоя явственна тя творит. Христос мой рече: благий человек от благаго сокровища сердца своего износит благая и не может древо зло принести плодов благих. Не собирают от терния гроздия, ни от репия смоквей, — яко же и о тебе познаваю. Не можеши рещи господа Иисуса, понеже не имаши духа святаго. Се же ти есть вина не имети в себе благодати святаго духа, понеже неси от числа избранных божиих, но падшаго с небесе денницы. Тигр человекоседный и надменная диаволя аспида, яд носящая смертный, и предпослан еси от возлюбленнаго твоего сатанина наперстника скорпия многожалнаго Моамефа трепроклятаго, яко же индра многоглавная, не от Сикийския пучины всплывшая, но от татарския степи уединеный дивий, иже тщишиися озобати виноград, его же насади десница вышняго. Но ведый, нечестиве, — в начале миробытия умножившуся человеческому согрешению, наведе господь бог на всякую душу живу потопом потребление, но осмочислена Ноя ковчегом спасе, и содомляны огнем и жупелом попали, праведнаго же Лота из среды тех изведе. Иерусалим же Еуспасианову сыну предаде, а избранныя своя, яко же зеницу ока сохрани. Яве убо, яко и чадом великия России, аще убо благий наш владыка и подвиже на ны мечь ярости своя, и излия фиал праведнаго своего гнева, попусти на нас свирепаго тебе и человекоседнаго зверя за безчисленныя грехи наша, но щедр и милостив господь, долготерпелив и многомилостив, не до конца прогневается, ниже в век враждует. И любя милостивное на нас прещение низпосылает по избраннаго сосуда глаголу: его же любит господь — наказует. И аще в благодарении примем наказание то — яко же сыновом нам обрящется бог. Ты же, аще и хвалишиися, еже владыки нашего рабов искоренити, и честную его церковь без вести сотворити, но в правду небо и земля преидут, того же речения ни едина черта преидут, ибо рекл: и самем адовым вратом не одолети, понеже утвержена на краеугольном камени, и всяк падый на камени сем сокрушится, а на

нем же падет — сотрьет его. И от сего яве есть: яко исчезновение твое вскоре варяет, понеже пал еси на церковь, яко волна о камень и камня убо поколебатися не сотвориши, сам же в пены разсыплешися, и раточатся кости твоя при аде. И аще о тебе сия случатся, то како ми есть творца моего преобидети, тебе же послушати — точию погубити хотящаго. Помощи же и сам себе по мале не возможеш. Что мне приобретение во твоём всыновлении, создателя же в противлении, и прочее. Анафема ты и вси глаголи твои. Не имам ни единыя твоя воли сотворити, да не прелюбодей от господа моего осуждуся“. И таковая от добляго скверный слышав, вскоре убити его повелевает, тело же святое единомравным псом повреци. И тако доблий страстотерпец, благоверный князь Феодор Георгиевич Резанский подвиг исповедания своего о Христе соверши — взыде на небеса. Презелный же православных враг и насытый крове пролиатель всех со святым пришедших от мала и до велика их мечеву в снедь сотвори в лето 6742-го, декемврия в 1 день.

Един же от пестун Христова воина именем резански Ополонца едва спасение получи, вскоре побеже к пустынелюбней горлице благоверной княгине Евпраксии и вся поряду ей возвести. Тогда бо она в превысоцем своем тереме сядяше, на руках держаше сына своего суца младенца князя Иоанна, и слышавши сия, абие вержесе ис храма того на землю купно и с сыном своим, да не осквернит мерский благородныя чистоты ея. И тако закон божий сохранше, и сего ради смертью живот получивше и вместо земнаго княжения небесное царствие восприяша по проречению вселенскаго молитвенника и чудотворца. И от сея вины именуется град той Зараск Резанский, понеже великая княгиня с сыном своим заразися. Отстоит же от града Переаславля 50 верст град той.

Слышав же о сих великий князь Георгий Игоревич, и многими слезами обливаясь кних в рыданиях речений не глагола: ведят бо о сих отцы чадолубцы. Народи же великому князю вопияху, глаголюще еже нечестивым агаряном противитися, и по святых церквах умрети соизволяюще, точию благочестие глаголаху и веру во Христа сохранить. Великий же князь вскоре противу безбожных мужески ополчается, и изыдоша противу варвар. И бысть сражение велие, и божиим поущением одолеша христианом сквернообразнии, понеже тмы безчислены бяху, яко по тысящи агарян противу коегождо христианина. И ни един резанскаго войска в живых оста, но вси вкупе единовидну смерть подьяша и с великим своим князем Георгием Игоревичем. Аще и многое множество татар победиша, яко и самому скверному Батыю велми от тех боятися и вострепетати. Тогда же и благоверный князь Олег Игоревич, — брат великаго князя Георгия — подобное анепсию своему святому князю Феодору Георгиевичю исповедание о Христе соверши и всюду мучителя облече доблестными своими реченими, иже многоболезнено душу свою господеву предаде, ножи збоден скончася декемврия в 9 день. И оттоле, огнем злобесия своего дыхая, поиде чрез землю Резанскую, тмо-

численные крови христианския проливая. Великия же грады, и веси, и всякое здание, увы, свирепый той коркодил усты огня полиза. Прекрасный же град Переаславль Резанский декемврия в 21 день ратию взя и удолиям равна положи, живущих же в нем без вести сотвори и до ссудых млеко младенцев. И по сем треокаянный паче прежняго возбесне и возярися и поиде на Российския грады — на Суздаль и Владимир, хотя и тем подобное сотворити. И се от велмож резанских муж некий именовем Евпатий Коловрат прииде от Чернигова, тамо собирая дань государя своего великаго князя Георгия Игоревича Резанскаго, нападе, яко Авраам на Ходологомора в мале своей дружине числом 1700 человек, и погна нечестивых, яко Гедеон мадиамлян. И толикое погубление поганым сотвори, яко единому христианину тысящу агарян убити. Сам же той Евпатий бяше исполин и многих великих силоу и любимых Батыем смерти предаде, и в мале самого нечестиваго своима рукама не ял, но множество безсерменскаго воинства убиша. И сего непобедимаго воина язвою смертною уязвиша, о нем же Батый велми пожале,^а яко таковой муж не бяше в велицей силе его. И сим тако бывающым зле от нечестивых, все российский грады пострадаша — никому бо могущу неукротимое их стремление укротити, яко да никто же противен будет судбам божним. Вся бо по смотрению тако бывают. Егда же кроволакательному псу Батыю возвратившуся во адския стремнины, в бесовския жилища отнюду же прииде, и паки Российская страна по малу приемлет благолепие. И тогда из града Чернигова прииде благоверный князь Юрий Игоревичъ — брат великаго князя Георгия Игоревича — во град Переаславль Резанский и, видев конечное запустение града, много плакав, и собра телеса братии и сродник своих — великаго князя Георгия, и с Пронска князя Олга Игоревичев — в Переаславле положи во едином гробе. Князя же Давида и князя Глеба Игоревичев положи в ногах у гробов их, с ними же и князя Всеволода Пронскаго. Благовернаго же князя страсготерпца Феодора Георгиевича многострадалное тело принесе с Воронежа в Зараск и положи с княгинею его и с сыном — князем Иоанном во едином гробе, и постави над ними три кресты каменны близ церкви иже во святых отца нашего Николая архиепископа мирликийских чудотворца, юже прежде сам созда благоверный князь Феодор, в ней же и чудотворный святителя Николая образ, ис Корсуня принесенный, бесчисленна изцеления подавает с верою приходящым и до сего дне в славу Христа бога. И оттоле благоверный князь Юрий Игоревич бысть самодержецъ всей земли Резанстей, грады обнови и церкви воздвиже, и многи монастыри созда, и распуженное Христово стадо словесных овецъ собра, и пришельцев утеша, и всех христиан скорбь на радость преложы. И доволна лета на великом княжении Резанском пребысть, с миром ко господу отиде. И от толе страна та и до ныне в мирном устроении пребывает, соблюдаема благодатию и человеколюбием

^а В рук.: пожелала.

господа нашего Иисуса Христа, ему же слава и велелепие во веки веком, аминь.

Редакция распространенная

Текст по списку Исторического музея, собрание Черткова № 313

Месяца июля 30 день. Слово о явлении иконы святого чудотворца Николы, како явися во граде Херсоне священнику некоему именем Евстафию.

В лето 6740 втораго году явися святыи и великий чудотворец Николае Херсуньский и Зараский в преименитом граде Херсони священнику своему Евъстафию в нощи и рече ему: „Евъстафие, возми образ мой чудотворный из Херсоня града, и супругу свою Феодосию, и сына своего Евъстафия и иди в землю Резанскую: тамо хошу быти, и чудеса творити, и место то прославити“. Евъстафий же восторгся от такового видения и нача ужасно разъмышляти в себе. Он же и во вторую ношь паки явися, тожде глагола ему. Евъстафий же въпаде болий страх и не ведый, что сотворити о сем. И нача помышляти в себе: „О великий чудотворче Николае, камо велиши: аз раб твой ни земли ли Резаньския слышах, ни на сердце мое не възыде. Не вем бо камо есть земля та — на восток ли, или на запад, или на юг, или на север“. И тако помышляше в себе. Тогда и в третью ношь явися ему чудотворец Николае, тъкнув в ребра и глагола ему немедленно итти на восток, обещася допроводити его до земли Резаньския. Слышав же Евъстафий от святого сия, и трепетен бысть о таком видении, и помышляше в сердце своем — како оставити славный град Херсонь и итти в землю незнаему. И бысть в скорби велицей, и во унынии мнозе, и мало замедли о сем. И абие найде нань главная болезнь, и от толикыя болезни нападе аки чешуя на очи его, и ослепе. Евстафий же нача помалу ум свой ко святому простирати о них же соделах, и прилежно припаде к чудотворному образу святого Николы. И нача с плачем каятися о согрешении своем, и молити святого, сице глаголя: „О великий чудотворче Николае, возвеличенный от господа на небесех и прославленный на земли паче всех в чудесех, — согреших пред тобою, владыко, преслушах твое повеление, прости ми грешному. И ныне, что велиши, то и сотворю по воли твоей“. И ту абие прозре, и исцеле главная болезнь, и аки чешуя отпадоша билма от очию его. Он же от радости со гласом слезы псаломски испущаше, и объем чудотворны образ той святого Николы лобызаше, хвалу и благодарение святому възсылая. И много молив святого, дабы ему дойти места святым желаемаго, и помышляя на восток итти по Дънепру к земли Рязаньстей. Тогда нещы сказаша ему, яко за Непром живут погании половцы. Он же ни во что въменяше сия, и на бога и на пречистую его мать упование возлагаше, и святого отца и чудотворца Николая на помощь призываше. И тако хотя итти чрез землю поганых половец, помышляше в себе, яко может бог от них избавити его. И се тоя нощи явися ему святыи Николае, сице

глаголя: „Евъстафие, несть ти ползы итти чрез землю поганых половед, но иди во устье Непрьськое Понътийским морем в море Варяжское Немецкия области; и отгуду иди сухим путем до Великаго Новаграда. И от Новаграда невозбрано имаши доитти к земли Рязанъстей“. Воспрянув же от сна Евъстафий, и скоро възем чудотворный образ святаго Николы, и сопругу с сыном своим, и некоего от клирик церковных, и тако оставив вся иде в путь той, им же заповеда ему святыи. И тако помощию божию и святаго молитвами доиде устия Непрьскаго к Понътийскому морю, сие же зовется море Руское. И ту сяде в корабль, и поиде Понътийским морем в море Варяжское. И тако Варяжским морем доиде Немецкия земли, и въниде во град Кей немецкий, и пребысть в нем николико дней, и отиде отгуду сухим путем чрез их земли к Великому Новуграду. Тогда на пути Немецкия области многая и неисчетная чудеса быша от образа святаго Николы, яже и писанию невозможно предати. Егда же прииде в Великий Новъград, тогда наипаче велия и преславная чудеса быша от образа святаго чудотворца Николы: слепии прозираху и^а глусии слышаху, немии глаголаху. И каждо любо имея в себе страсть кую — токмо бы лобызал образ святаго, и исцеление избильно принимаху. Евъстафий же пребысть ту во граде дней немало. Тогда супруга его Феодосия велми возлюби Великий Новград, устремлена же бысть бранию вражию, и не хотяше итти со образом святаго в землю Рязаньскую, и скрыся ту во граде от мужа своего. Тогда божим попушением въпаде в болезнь и раслаблена бысть всем телом своим. И тако болевши ей, яко не бе духа в ней, точию во единых персех ея. Тогда нещии поведаша ему, яко супруга твоя Феодосия велми раслаблена болит. Евъстафий же слышав се, яко жена его при смерти, тек, припаде ко образу святаго Николы, и многи молитвы и моление со слезами принесе, глаголя: „Святче божий, прости рабу твою зане согреша тебе от безумия своего паче иных жен“. И ту абие исцеление прият в той час. Тогда Евъстафий скоро възем образ святаго Николы, и жену свою, и сына, и изыде из Великаго Новаграда, и иде путем к земли Рязанъстей. Егдаже достиже земли тоя, начат размышляти в себе, глаголя: „О великий чудотворче Николае, се помощию твоею достигох земли Рязанския, — кому повем о прежде бывших чудесех твоих или где покой обрящу“. И тако ему на мнозе молящуся и ко образу святаго Николы глаголющу. Тогда скорый на помощь святыи не презре молитв его, но въскоре явися нощи тоя князю Феодору Ярославичю^б Рязаньскому, глаголя: „Иди на стретение образа моего, и егда примеша его, тогда велику помощь обрящеша себе от него. Хощу аз зде быти, и чудеса творити, и место сие прославити. И о тебе да умолю всемилостиваго бога: да даст ти господь венец царствия своего, и жене твоей, и сынови твоему“. И то рек невидим бысть. Князь же возбнув от сна и пристрашен быв о видении святаго,

^а В рук.: х.

^б На полях тем же почерком: Ингоревичю.

глаголя в себе: „О святче божий, велия мне обещаваеши, еже венец царствия небеснаго даровати ми; о жене же, и о сыне возвещаеши ми, их же не имею у себе, поне ни браку приобъщихся, ни плода видех у себе“. И тако скоро изыде со освященнем чином и со множеством народа в стретение чудотворнаго образа святаго Николы. Тогда князь узрев издалеча от образа лучу, аки свет блистающуся, и тек припаде, и любезно облобыза образ святаго, от радости испущая слезы многи. И тако любездно примим чудотворный образ и внесе его с великою честию во град свой. Тогда многая и изрядная чудеса от образа святаго. Тогда видев князь Феодор многая чудеса бываемая, посла весть ко отцу своему великому князю Юрью Инъгоревичю Рязаньскому, поведая ему приход ис Херсоня чудотворнаго образа. Князь же Юрьи, слышав о пришествии чудотворнаго образа святаго Николы, и о сем радостен быв, благодаряше бога и угодника его святаго Николу, яко посети бог людей своих и не забы дела руку своею. И въскоре поиде князь Юрьи к сыну своему Феодору, и взял с собою епископа Ефросима святогорца. Егда же прииде во область сына своего и видев от образа святаго дивная и изрядная чудеса. Тогда въскоре созда храм во имя великаго чудотворца Николы, и всякими добротами украсив, и освятив ю епископ, и праздноваша праздник светло, отиде во свой град. Не по мнозех же летех князь Феодор Юрьевичъ, сочεταιя законуму браку, поят себе супругу от царскаго рода именем Евъпраксею, и посем зачаста и родиста сына, и именоваста имя ему Иоанн. И тако събысться проречение святаго Николы, яже глаголя ему о жене и о сыне его, ему же слава во веки веков, аминь.

Ведамо же буди чесо ради зовется Никола Зараский. Ибо егда попущением божим наиде безбожный царь Батый на землю Рязаньскую, тогда убиен бысть великий князь Феодор Юрьевичъ от безбожнаго царя Батыя на реде Воронеже. Слышавши же благоверная княгиня Евпраксея^а убиение благовернаго князя Феодора Юрьевича и абие поимъши сына своего Иоанна, и ринувъши себе с высоты храма святаго Николы на лице земли. И тако скончася и с сыном своим князем Иоанном, не хотяше бо предати себе в руде безбожнаго царя, но изволи тако скончати живот свой. И от сея вины завется Никола Зараский. И посем принесоша тело блаженнаго князя Феодора Юрьевича во град к церкви великаго чудотворца Николая, и положиша ту въкупе телеса их честно, и поставиша над ними изображение креста, исъсекше от белаго камене. И тако честно творяху им летнюю память. Аминь.

По принесении же чудотворнаго образа святаго Николы ис Корсуня града бысть сиде. В лето 6745, по принесении же во 12 лето, бысть попущением божим беды мнози на землю Рязаньску, ибо за прегрешение казняше бог овогда гладом, иногда же трусом страшным и градом, иногда пожаром по местам и всякою междоусобною

^аВ рук. описки: Евпраксея.

бранию. Тогда попущением Божиим наиде и безбожный царь Батый на Российскую землю и на вся пределы со множеством вой татарских, поплняя грады, и монастыри раззоряя, и огню предавая, непокаряющих же ся ему зле мучаще и мечем скончеваше. Яко же бо благовернаго князя Михаила Черниговскаго и боярина его Феодора по мнозех мужех мечю предаде и от сюду в небесная жилища отсла, тако и zde сотвори сей безбожный, егда наиде на землю Резаньскую и ста на реце Воронежи. И посла послы своя на Резань к великому князю Юрью Иньгоревичю, прося у него десятин. Князь же, слышав сия от безбожнаго царя, посла въськоре по братию свою — по князя Ольга Иньгоревича Краснаго, и по князя Давида Иньгоревича, и по сына своего князя Феодора Юрьевича, и по Проньскаго князя Всеволода, и по прочих князей и бояр местных, и начат к ним глаголати: „Братие, достоит нечестиваго дары утोलати да угаснет гнев его на ны“. Тогда собра дары великия, и посла сына своего Феодора со иными князи к царю с великим молением, дабы минул место их и не воевал земли Резаньския. Царь же Батый льстив сый прият дары у них лестию, и устремися воевати землю Резаньскую, и начат просити у них жену и сестру или дщерь на блуд. Тогда некий от вельможь резаньских научен диаволом рече царю, яко благоверный князь Феодор имеет жену себе от царьскаго рода зело красну възором и всякою добротою украшену. Царь же, слышав сия, распалився похотию и рече князю Феодору: „Даждь ми княгиню твою видети да наслаждуся красоты ея“. Князь же посмеявся рече: „Не полезно нам, о царю, христианом сущим, жены своя водити нечестиву ти сушу. Аще нас преодолееши, тогда и женами нашими владеши начнеши“. Царь же слышав сия яростию распалився и повеле въськоре убити благовернаго князя Феодора Юрьевича. Тело же его повеле повержи зверем и птицам на растерзание. Тогда иных побил князей ту, токмо остави единаго клеветата благовернаго князя Феодора. Той убо, видев тело господина своего, съжалився зело и сохрани его на малое время, сам же ускорив дойти к благоверной княгине Евпраксеи, и возвести ей о свирепстве безбожнаго царя, и о дерзновении благовернаго князя Феодора, и коея ради вины уби его злохитры льстец. Она же слышавше словеса сия смутися сердцем, — бе бо тогда стояше в церкви святаго Николы и с сыном своим Иоанном. Тогда от многаго страха и печали ишедши ис храма святаго Николы, и абие ринуся с высоты храма на землю и с сыном своим Иоанном, и тако скончася. Слышав же великий князь Юрьгий Иньгоревичъ убиение сына своего князя Феодора и прочих князей и бояр со множеством народа, тогда растерзав ризы своя, и нача горде плакати с братиею своею и со всею землею Резаньскою на мног час. И тако едва утешися от печали, тогда посла вскоре во Владимир к великому князю Георгию Всеволодичю, прося у него помощи на безбожнаго царя Батыя. Тогда князь Георгий Всеволодичъ не прият совета его, но хотя сам собою с безбожным брань сотворити. Слышав же сие резаньский князь Юрья Иньгоревичъ, яко не хочет

помощи подать ему князь Георгий Владимерьский, тогда начат войское собирати своя земля, и въскоре совокупи е во едино место, и воздев руде свои на небо, помолвися, сице глаголя: „Изми нас от враг наших, боже, и от востающих на ны избави нас, и покры нас, десницею твоею от сонма их. Буди путь их тма и пользок, и аггел твой да будет прогоняя их. Не попусти, господи, сему окаянному владети Росийскою землею и над нами рабы твоими. Не даждь воли его быти“. И по сих князь рече к братии своей: „О возлюбленная братия, аще от руки господни благая прияхом, то злых не стерпим ли? Никто же бо может убежати от гнева грядущего на ны, ибо лучши нам смертию сею живот вечный купити, нежели под властню сего окаяннаго быти. Но станем твердо за святяя церкви и за отечество наше и умрем за веру Христову. Смерть бо сия в живот нам будет“. И тако согласившися внидоша во святую соборную церковь, и со слезами молиша всемилостиваго бога и пречистую его богоматерь, възирающе на образ ея, его же принесе Ефросин епископ из Святяя горы, и призывая святителя Николу и сродник своих Бориса и Глеба на помощь. И поклонишася у гробов отец своих, прием же и благословение от епископа. И тако мир дав людям и изыдоша против нечестиваго царя Батыя, и сretoша его близ предел резаньских, и ту нападаша на них, и начаша битися крепко, и бысть сеча страшна и ужаса исполнена, ибо многия полки безбожнаго падоша, яко и царю подивитися храбрости и мужеству их. Но противу гневу божию кто постоит, поне попущением божим со множеством силы своя преодоле окаянный. Тогда виде великий князь Юр-и убиена от безбожных брата своего князя Давида и инех князей и бояр, тогда князь Юрьи возопи гласом крепким в горести души своя, глаголя: „Братия моя, се брат наш Давид преди нас испил смертную чашу и вечным венцем венчася, тако и мы ничто же размышляюще в себе, да не лишимся данныя нам от бога благодати, но такожде крепко и мужественно станем за веру Христову и за святяя церкви его, и равно мзду примем с братом нашим Давидом“. И тако подъятвердив всех сущих с ним, и вси единодушно поидоша. И прохождаху многия полки татарския, и тако бяхуся крепко, яко и земли востонати от звука их и смятися полком агарянским. И едва одоле безбожный Батый, богу тако изволшу. И убиен бывает великий князь Юрьи Инъгоревич и с братом своим князем Глебом, и Всеволод князь Пронской побиен бысть с прочими князми и воеводи. И расхищено бысть все резанское воинство, и ни един от них возвратися въспять, но вси въкупе мертви лежаху. Сия бо вся наведе бог грех ради наших. Ольга же Инъгоревича рекомаго Краснаго — сего безбожнии жива яша и к мерскому отступнику приведоша. Царь же возрев нань, и виде красоту лица его съжаливсьи зело, и повеле его от ран врачевати, и к лести своей обратити. Князь же горяше духом по вере христове, укорив царя, и поносив ему много мерским отступником, и богопротивником^а его нарече. Царь же, слышав сие, дохнув огнем ярости

^а В рук. богопротвѣником.

своея, и повеле праведнаго ножи раздробити на уды. Раздробляему же ему бывшу глаголаше сия: „Терплю Христа моего ради, укрепляющаго мя в муках сих“. И тако предаде дух свой в руке господеви. Сей бо есть мученик и исповедник, равно предстоит Христови сродником своим князем Феодором Юрьевичем, и мучения венцы прияша от руки его. И ныне в вечных благих со аггелы водворяются, воспевающе святую Троицу. Тогда по мучении сих прият безбожный болшее деръзновение и начат грады, монастыри и церкви до основания разоряти. Дойде же и до града Резаньска и ста ту, объступив же град той. И многу брань сотвори, ибо граждане пять дней бишася с ним и мнози от безбожнаго побиени быша, друзии же во граде от труда изнемогша. В шестый же день, еще тме сущей, приидоша погании со огни и с тмочисленными лествицы, и взяша град той и вся сущия люди в нем исъсекоша. Княгиню же и с снохами ея в соборной церкви мечи избодоша. Монастыри же и церкви пограбиша и до основания разориша, и град той огнем пожгоша месяца декемврия 21 день. И во святых олтарех многи крови пролияша, и священник всех мечем изъбиша. И не бе видети человека в живых града того, но вси единодушно за веру Христову и за святых церкви его пострадаша и равно вси смертную чашу испиша. Тогда безбожный царь вознесся сердцем и поиде к великим градом — к Суждалю и Владимиру, хотя до основания разорити Росийскую землю.

О Ипатии храбром. Некий человек от вельможъ резаньских именем Ипатий саном Коловрат послан бысть от князя в Чернигов възимати дани. И тогда слышав приход безбожнаго царя Батыя со мноюю силою на Росийскую землю, тогда иде скоро с малою дружиною ис Чернигова ко граду св.ему Резани. Егда же приближися ко граду, — видев пролитие крови, и господарей своих побиеных со множеством народа, и град той пожен, церкви же и монастыри до конца раззорени, — съжаливсьи зело, и возопи в горести души своея, глаголя: „Увы мне, согрешихом к богу, сотворшему нас, понеже попусти врага сего на святыню свою. Хочу — да и аз испию чашу сию и равно с господари моими венчан буду“. И собрав к себе малу дружину 1000 и седьмь сот человек, кои соблюдены быша богом вне града, и погна в след безбожнаго царя Батыя, хотя смертную чашу испити и равно с господари своими мзду прияти. И егда постиже, сразися с полки их, и начат крепко битися с ними, яко от страха и ужаса смястися всем. И царю пристрашну бывшу о сем, мняше бо окаянный, яко мертвии онии восташа и гнаша во след его. Егда же взяша от полку Ипатиева 5 мужей от ран изнемогших и привелоша их ко царю, царь же возрев на них, и видев их от ран изнемогших, и глагола им: „Кто суть вы и коея веры есте? — рцыте ми“. Они же реша ему: „Раби есми бога вышняго, а верою христиане, слуги же есмы великаго Юрья Иньгоревича Резаньскаго, а от полку Ипатия Коловрата. Послани есмы от господарей своих тебя сильнаго царя почтити и честно проводитьи, — да не подиви царю не успевающим нам наливати чаши противу великия силы твоея“. Царь же слышав се подивився мудрому

ответу их и посылаше шурина своего Товрула на Ипатия — да победит его. Товрул же слышав сия похвалився пред царем, глаголя: „Аз жива его поставлю пред лицом твоим“. Тогда царь посла с ним многи полки татарския. И тако нападаша на Ипатия, хотяше жива яти со всем воинством его. Ипатий же исполнен силою вышняго, егда наехав на Товрула, разрази его мечем от главы и до седалища, и тако гордый той эле изверже душу свою. И начат Ипатий с ними крепко битися, многу бо и нещетну силу положи у них. От страха же и от трепета не можаху битися с ним, и едва некако одолеша его, ибо из большого оружия убиша его. И рассыпаше все воинство его, других же живых поимаша. Ипатиево же тело вземше и пред царя несоша. Тогда царь, видев его тако уязвенна и мертва лежаща, посла по князей и мурз своих, и начат дивитися с ними храбрости и мужеству его. Они же рекоша: „Мы, царю, противу многих царств на брань ходихом и вигде же таковых храбрых мужей не обретохом“. Царь же слышав се, возрев на тело Ипатиево, и рече: „О Ипатие Коловрате, аще бы ты повинувся сотворил волю мою, — велика бых сотворил тя в царствии моем“. И призвав царь останок дружины его — даде им тело Ипатиево, и отпусти их с миром во свояси. Они же вземше тело его, искуташа честно, идоша с ним ко граду Рязани. В то же время прииде и сын великаго князя Юрья Резаньскаго — Юрьи Юрьевич — не бе ту, но сохрани его бог тогда в тая дни, — быв в Чернигове у брата своего князя Михаила. Тогда, видев исповедников Христовых, сродников своих, всех побиеных и с женами своими мертвых лежащих и всю опустевшу Резаньскую землю, плакася горко. И възыска телеса отца своего и матере, и всех сродник своих. И собра телеса всех их въкупе и презвав епископа с причетом и погребе телеса сродник своих и Ипатия с ними. Тогда и прочих собираше телеса, и погребе их всех. Сотвори же тогда и малу некую утеху памяти достойну, ибо собирахуся народи к нему. Он же с радостью принимаше их и созда им град и церковь и состави жительство. И тако господствова в них по отце своем по прежнему. Тако посети бог Росийскую землю и наведе на ны сия вся грех ради наших: не токмо сей един град, но и вся грады и монастыри разориша и церкви святыя пограбиша и без красоты иконныя сотвориша, иныя же и огнем пожгоша. И не бе видети нигде же добра в земли Росийстей: тако бог наказа люди своя, и тако смири их, и отгна злобу и немилосердие от сердец их: его же бо любит — того и наказует, бьет же — его же и приемлет; ему же слава во веки. Аминь.

Плачь князя Иньгоря Иньгоревича брата великаго князя Юрья Иньгоревича о братии. Тогда прииде и велики князь Иньгорь Иньгоревич и виде братию свою всех побиеных от безбожнаго царя Багыя и на земли мертвых лежащих — князя Юрья Иньгоревича и Ольгу Краснаго, Глеба и Давида, и Всеволода князя Проньскаго, и всенародное множество на травах лежащих от зверей и от птиц растерзаемы и никим брегомы. Тогда возопи гласом великим и начат плакати горко в перси своя руками биюще и глаголющи: „Увы мне, возлюбленная моя братия, како

заиде свет очию моею, или како разлучихся от вас: не вемы почто мене единого остависте в погибели сей и почто аз не умре с вами въкупе, дабы и аз с вами равно венчан был. Камо заидосте свете очес моих, почто не проглаголете ко мне, сокровище живота моего. И цвѣти прекраснии, виногради многоплоднии, прозяпши от добраго корене отца нашего великаго князя Инъгоря Святославича, и из единыя утробы рожденных, и святым сосцем ея воздоеных матери нашея великия княгини Агрепины Ростиславны, многоплоднаго винограда сладкий плод. Кому мя оставили есте, или кто попечется мною! Заиде бо красный свет от очию моею. Где суть господство ваше, ибо многим землям государи бысте. Ныне же на травах мертви лежаще, никим брегоми. Измени бо ся слава ваша и зрак лица вашего потребися“. И тако многая плачевная словеса изглаголав. И собра телеса их и погребѣ я честно^а со псалмопением. Аминь^а

Редакция святцев

Основной текст — список Публ. библ. в Ленинграде, Погод. № 675

Разночтения — список БАН 33. 13. 24

Сказание о чудотворном¹ образе святого² Николы Зараского,³ еже откуду приде⁴ в Резанскую землю, и для которые вины Зараский наречется

Видь в лето⁵ 6000 семьсот тридесять третьяго⁶ году явися святыи Николае во сне иерею своему Еустафию⁷ в Корсуне граде, глаголя: „Еустафие, возми отсюду образ мой чудотворный и иди с ним в землю Резанскую, поем с собою супружницу свою и сына своего“. Он же усумнився⁸ и явися ему во второй,⁹ и в¹⁰ третий.¹¹ Он же не смеяше итти и того ради отемне очми.¹² И нача молитися чудотворцу Николе, и обещася повеленное творити,¹³ и абие¹⁴ бысть здрав.¹⁵ Святыи же Николае повеле ему¹⁶ итти на Днепрское устье и отуду Понтиским¹⁷ морем в море Воряжское¹⁸ в Немецкие¹⁹ области, и паки сухим путем в Великий Новоград.²⁰ И тако прииде в²¹ Резанскую землю.²² По прешествию²³ же 12²⁴ лет принесение²⁵ чудотворного²⁶ образа в Резань²⁷ прииди воиною на Рускую землю безбожный Батый царь в лето²⁸ 6000 семьсот чetyредесять пятого²⁹ и уби резанского князя Феодора Юрьевича. Княгиня жь³⁰ его Еупраксия³¹ и с сыном своим Иванном, возшедши на высоту церковную, о ней же бе³² и³³ чудотворная³⁴ икона святого³⁵ Николы, и ринувся³⁶ с высоты церковныя на землю, и зарозися³⁷ до

а — а *Приписаны иным почерком.*

¹ чудотворнем. ² святого. ³ Зараского. ⁴ прииде. ⁵ лета. ⁶ 6743. ⁷ нет. ⁸ сумнеся. ⁹ и второе. ¹⁰ нет. ¹¹ третье. ¹² нет. ¹³ сотворити. ¹⁴—¹⁵ перестан.: здрав бысть. ¹⁶—¹⁷ нет. ¹⁸ Воряжское. ¹⁹ Немецкия. ²⁰ Новъград. ²¹—²² Резан. ²³ прешествии. ²⁴ двунадесят. ²⁵ принесения. ²⁶ чудотворнаго. ²⁷ Резань. ²⁸ лета. ²⁹—²⁹ 6745. ³⁰ ж. ³¹ Еупраксея. ³² бо. ³³ нет. ³⁴ до *бавл.*: ова. ³⁵ святого. ³⁶ сринувшися. ³⁷ заразися.

смерти. И того ради прозвася Николае Зараский.³⁸ Ини же повествуют иноко, яко того ради слова³⁹ „Зараский“.⁴⁰ что место⁴¹ пришло⁴² заразися то ⁴³—сии речь боярачисто⁴⁴ есть.⁴⁵

Проложная редакция

Текст по печатному Прологу, изд. 1662 г. (под 29 июля, л. 391—391 об.)

В той же день повесть о чудотворном образе великаго чудотворца Николаа, како принесен бысть на Рязань Заразской

В лето 6733-е при великом князе Георгии Всеволодовиче Владимирском и при великом князе Феодоре Георгиевиче Рязанском принесен бысть чудотворный образ великаго святителя Николаа из града Корсуня пресвитером Еустафием. Некогда бо в видении явися ему великий архiereй Николай, повелевая ему с своим образом ити в Рязанскую землю: он же преслуша его. Святый же великий Николай второе явися ему. Понеже бо нигде слыша о Рязанстей земли, и за преслушание видения впаде в недуг главоболия, и от толикаия болезни ослепе, нападаша же на очию его, яко чешуя. Тогда припаде той Еустафий ко образу великаго архiereя Николаа, и велиа слезы испущая, прощения о преслушании просяще. И абие здрав бысть, и прозре, и велие благодарение богу воздая, и великому архiereю Николаю. И поем образ его, и путем грядый, достиже в пределы Рязанския. Великий же чудотворец Николай явися князю Феодору Георгиевичю Рязанскому и поведа ему пришествие свое образом своим. Князь же Феодор изыде во сретение чудотворнаго образа его со всем освященным собором. И тогда от образа многая исцеления быша. И повеле великий князь вскоре воздвигнути церковь во имя великаго чудотворца Николаа, слава бога и святаго Николаа чудотворца о великих чудотворениих похваляя. Богу нашему слава. Ныне и присно и во веки веков.

³⁸Зараский. ³⁹словеть. ⁴⁰Зараский. ⁴¹Добавл.: то, ⁴²Добавл.: велми ⁴³заразисто, ⁴⁴бюарачисто. ⁴⁵нет.

Ив. М. КУДРЯВЦЕВ

**Заметка к тексту: „С тоя же Каялы Святоплѣкъ...“
в „Слове о полку Игореве“**

Известен старинный спор вокруг следующего текста „Слова о полку Игореве“: „с тоя же Каялы Святоплѣкъ повелея отца своего между угорьскими иноходьцы ко святей Софии к Киеву“. Так как Святополк не участвовал в бою 1078 г., где был убит его отец Изяслав, и последний был похоронен, по данным киевской летописи, не у св. Софии в Киеве, а у св. Богородицы в Десятинной церкви, то одни исследователи вслед за М. Максимовичем¹ предлагали заменить в этом месте чтение „Святоплѣкъ“ на „Яроплѣкъ“, имея в виду брата Святополка — Ярополка, участвовавшего в битве 1078 г., а другие считали, вслед за П. Г. Бутковым, что речь здесь идет не о похоронах родного отца Святополка Изяслава в 1078 г., а о похоронах его тестя Тугоркана в 1096 г. около Берестова. Последний взгляд был поддержан в последнее время акад. А. С. Орловым,² проф. Н. К. Гудзием,³ проф. В. Ф. Ржигой,⁴ проф. С. К. Шамбинаго,⁴ Г. Штормом⁵ и А. К. Юговым.⁶

Первое из толкований этого места не вызывается особой необходимостью, поскольку организовать похороны Изяслава мог и не обязательно участник битвы 1078 г., а кроме того, оно не устраняет второго недомумения — относительно похорон Изяслава у св. Софии. Второе же толкование этого места вызывает новые неясности и не может быть признано удовлетворительным. В самом деле, похороны врага Тугоркана

¹ М. Максимович. Песнь о полку Игореве, переведенная на украинское наречие Михайлом Максимовичем. Киев, 1857, стр. VII.

² А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М.—Л., 1938, стр. 107; 1946, стр. 107.

³ „Слово о полку Игореве“ под ред. Н. К. Гудзия. Изд-во „Сов. писатель“, 1938, стр. 342—343.

⁴ Комментарии к тексту „Слова“ В. Ф. Ржиги и С. К. Шамбинаго в книге „Слово о полку Игореве“, изд. Academia, 1934, стр. 267—268.

⁵ „Слово о полку Игореве“, вступ. статья и примеч. Г. Шторма, Детгиз, 1934, стр. 76.

⁶ „Слово о полку Игореве“, пер. и примеч. А. Югова, изд. „Сов. писатель“, 1945, стр. 123.

плохо вяжутся с общим смыслом этого места „Слова“, посвященного усобицам Олега. Между тем, именно битва на Нежатиной Ниве 1078 г. была ярким и впечатляющим примером русских усобиц XI—XII вв.; здесь, как и в междоусобных войнах Олега „Гориславича“, участвовали половцы, приведенные на Русь Олегом и Борисом, здесь, как враги, пали два русских князя Борис и Изяслав. Вместе с тем, автор „Слова“ совершенно точно определяет, что везли отца Святополка „с тоя же Каялы“, т. е. с той же, на которой пал и Борис, только что упомянутый в поэме выше.

Вот почему М. Д. Приселков, неудовлетворенный общепринятым в последнее время толкованием этого места, выступил с предположением о том, что автор „Слова“ пользовался какой-то не дошедшей до нас летописью, в которой говорилось о похоронах Изяслава не в церкви Богородицы (Десятинной), а в церкви Софии. М. Д. Приселков пишет: „Обычно считают возможным известные слова автора «Слова о полку Игореве» о смерти Изяслава: «С тоя же Каялы Святополк полелея¹ отца своего между Угорскими иноходьцы ко святей Софии к Киеву» относить к смерти и погребению Тугорхана Святополком, толкуя «отца своего» в смысле «своего тестя». Так считают возможным толковать потому, что Тугорхана Святополк хоронил, а Изяслава хоронил по «Повести временных лет» не Святополк, а Ярополк. . . . всё недоразумение разъяснится нам, если мы допустим, что автор «Слова» знал рассказ о сражении 1078 г., в котором погиб Изяслав, как и всю «Повесть временных лет» — в сокращении, где подробности погребения Изяслава, например, были опущены и изложены в «Слове» автором в своем собственном толковании на черниговский лад: все князя Чернигова хоронились в главной церкви Чернигова, и отца хоронил старший сын; поэтому он заставляет Святополка погребать Изяслава в Софии, главной церкви Киева, не зная, что в Киеве не всех князей хоронили в главной церкви“.²

Нам важно в приведенном мнении М. Д. Приселкова, что он считает исследуемый нами текст таким, какой он есть в „Слове“ (за исключением „полелея“) и видит в нем именно тот прямой смысл, что речь идет именно об отце Святослава, а не о тесте его, о соборном храме киевском св. Софии, а не о распутии около Берестова, появление же этого текста приписывает тому обстоятельству, что в какой-то недошедшей летописи этот факт мог быть описан ошибочно, автор же „Слова“ повторил ошибки этой несохранившейся летописи.

То, что предполагал в несохранившихся черниговских летописях покойный М. Д. Приселков, то находится в действительности в тех летописях Новгорода Великого, полный текст которых был опубликован 25—30 лет тому назад, не был известен предшествующим исследователям и не учтен новейшими работами о „Слове“.

¹ М. Д. Приселков, вслед за А. А. Потебней, считает, что нужно читать „полелея“ вместо „повелея“, или предлагаемого некоторыми комментаторами „повеле яти“.

² М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 52.

Вот как записано об этих событиях в Софийской I летописи: „...Того же лета убиен бысть Изяслав Ярославичь с Борисом Вячеславичем у града Чернигова, ту же и воевода его побиша: привели бо бяше половцев на Русьскую Землю. И положиша Изяслава в святей Софии в Киеве, и бысть княжения его 24 лета“.¹

В Новгородской V летописи читается сходно с Софийской I: „6586. Того лета убиен бысть Изяслав Ярославичь с Борисом Святославичом бяся по Всеволоде с братаницы, с Олгом Святславичом и с Борисом Вячьславичом, у града Чернигова. Ту же и воеводу убиша Всеволожа Ивана Жирославличя, и Тукна и иных много бояр, приведе бо бяше половчов на Рускую землю. И положиша Изяслава в святей Софии в Киеве. И бысть княжения его лет 24“.²

С обнаружением этих текстов отпадает вопрос о необходимости толкования слов „отца своего“ в смысле „своего тестя“ или замены имени Святополка — Ярополком.

¹ Софийская I летопись. Полное собрание русских летописей, т. V, вып. 1, Л., 1925, стр. 147.

² Новгородская пятая летопись. Полное собрание русских летописей, т. IV, вып. 1, Л., 1925.

В. М. ГУССОВ

Историческая основа Моления Даниила Заточника

Настоящая статья является продолжением моего первого исследования „К вопросу о редакциях «Моления» Даниила Заточника“.¹ В течение почти полувека, не упуская из виду судьбы дальнейших изучений памятника и периодически возвращаясь к работе над ним, приходилось все чаще встречаться с фактами, подтверждающими, что „Моление“ действительно появилось в северном Переяславле (а не в южном), в XIII, а не в XII в., что, таким образом, так называемая „вторая“ его редакция является на самом деле первоначальной, а так называемая „первая“ представляет уже ее переделку.² Вместе с тем, ряд фактов позволяет в настоящее время связать „Моление“ с конкретными историческими событиями начала XIII в.

I

Со времени выхода в свет исследования акад. В. М. Истрина „Были ли Даниил Заточник действительно заточен“³ стало господствовать мнение, будто бы сочинение Даниила представляет собою прошение об определении на службу лица, ранее не служившего при княжеском дворе. Однако есть основание вернуться к старому мнению, высказанному рядом исследователей,⁴ полагавших, что Даниил был раньше „дворянином“ князя, затем лишился его милости и был удален с княжеского двора. Напомним показания текста старшей редакции, которые могут подтвердить это мнение.⁵

¹ Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете, Византийско-славянское отделение, т. V, и отдельно, Одесса, 1900.

² Старшинство так называемой „второй“ редакции подтверждается и автором статьи о Молении Даниила Заточника в издаваемой Институтом литературы АН СССР „Истории русской литературы“ (т. I, М.—Л., 1941, стр. 104).

³ Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете, т. X, 1902 и отдельно, Одесса, 1902.

⁴ Ф. И. Буслев. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861, стлб. 638.

⁵ Ссылки на тексты даются в дальнейшем изложении по изданию: Н. Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Памятники древне-русской литературы, вып. 3, Л., 1932. Цитаты приводятся в упрощенной, сравнительно с изданием, орфографии.

1. „Вострубим, братие аки в златокванную трубу, в разум ума своего, начнем бити в сребренныя органы, и (возвеем)¹ мудрости, и ударим в мысли ума своего, поюще в богодохновенныя сверили, да восплачутся в нас душеполезныя помыслы“ (Унд. 53).

Заслуживают внимания соображения Д. В. Айналова о реальной основе этого пышного вступления к „Молению“:² „Метафорическое вступление Даниила имеет все черты строго реальной действительности“ (стр. 356). „Трубы, органы, свирели навелены в «Слове» Даниила княжескими играми и их потехами, участником которых он был, сам ставши славным игроцом на гусях. Только таким пониманием приступа можно хорошо объяснить и следующую непосредственно за приступом фразу: «Востани слава моя [в]³ псалтыри и [в]⁴ гусях»“ (стр. 361). „Среди дружины процветал прежде Даниил, сын рабыни князя,⁵ попавший в изгнание. К ней и ко князю обращается он в своем Молении“ (стр. 360).

2. „Но боюся, господине, похуления твоего, аки смоковница она проклятия. Не имею бо плода покаянию“ (Унд. 53).

Слова эти указывают на то, что автор кается в каком-то проступке, но его „покаяние“ не приносит плода и над ним продолжает тяготеть немилость князя.

3. „Толко аз един хожю во тме, отлучен света от очию твоею“ (Унд. 54).

Словом „отлучен“ автор дает понять, что когда-то он был при князе.

4. „Вси напаяются от обилия дому твоего; толко аз един жадаю милости твоя“ (Унд. 54).

Кто эти „вси“, как не все „дворяне“, все домочадцы князя? Нет оснований расширять это понятие „вси“ до всех подданных князя переяславцев.

5. „Тем аз воию: помилуй мя, господине, гласом блуднаго сына“ (Унд. 62). Ср. в списке Чуд. (62): „зовый гласом блуднаго сына“.

Автор взывает к князю „гласом блуднаго сына“, следовательно, он находился в положении, аналогичном положению евангельского блуднаго сына, который ушел из дому, „согрешивши против неба и перед отцом“, бедствовал, раскаялся и вернулся в отчий дом, с мыслью просить отца принять его „в число своих наемников“. Покаявшийся Даниил также просит вернуть его в княжий двор, хотя и „блуднаго“, но все же сына, т. е. человека, бывшего когда-то своим человеком среди княжеских „дворян“.

¹ Так в списке Толстого, здесь и в Чуд. „во известие“.

² Два примечания к Слову Даниила Заточника. Изв. ОРЯС АН, т. XIII, 1903, кн. 1, стр. 352—365.

³ Так в списках так наз. I редакции, здесь пропущено.

⁴ Так в списках так наз. I редакции, здесь пропущено.

⁵ О происхождении Даниила см. статью: Н. К. Гудзий. К какой социальной среде принадлежал Даниил Заточник. Сборник статей к 40-летию уч. деят. акад. А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 431—482.

6. „Да не восплачюся аз, лишен милости твоея, аки Адам рая“ (Унд. 62).

Усиливая сравнение, автор прибегает и к другому библейскому образу: он уподобляет свою судьбу судьбе легендарного Адама, изгнанного из рая и оплакивающего свою потерю. Для Даниила потерянным раем представляется жизнь при княжеском дворе.

7. „Яко аз раб твой, сын рабыни твоея. И насыщаяся многообразных брашен, помяни мене, сух хлеб ядушаго“ (Унд. 65—66).

Даниил просит вспомнить его, следовательно, князь, по крайней мере, знал его, а может быть и пользовался его услугами, как своего „дворянина“.

8. „Тако и ты, княже, многи (многи слуги — Чуд.) совокупи, не токмо своя домочадца, но и от иных стран совокупи, притекающая к тебе“ (Унд. 66—67).

Если князь собирает даже „притекающих и из иных стран“, то тем больше ждет Даниил, что он „совокупит“ своих приближенных, а следовательно и его самого.

9. „Всякому дворянину тем имети честь и милость у князя. Ноли ему мыкаться, последуючи в скорбех“ (Унд. 68).

Всякий „дворянин“, т. е. принадлежащий ко двору князя, должен „имети честь и милость“, конечно, у своего, а не чужого князя, а не терпеть нужду, не скитаться без постоянного пристанища, т. е. не быть в том положении, в каком как раз находится сам автор.

Таким образом, текст „Моления“ содержит ряд достаточно веских доказательств принадлежности Даниила к бывшим княжеским „дворянам“. Точнее и чаще напоминать князю об этой старой службе, очевидно, не было надобности; к тому же и самый характер „Моления“, одной из композиционных особенностей которого являются, между прочим, недоговоренности, намеки, не требовал особого уточнения биографических данных.

2

К числу этих недоговоренностей, каких-то, видимо, биографических намеков, не раскрытых автором, относятся в „Молении“ признания в отсутствии храбрости и самозащитительные доводы: „Аще ти есм на рати не хоробр, но на словех ти есм крепок... Соломон рече: лучше един мудр десяти хоробрующих без ума... Данил рече: храбра, княже, борзо добудеши, а умныи дорог есть, зане умных дума добра. Тех бо и полцы крепцы, и гради тверды; инех же полцы силни, а без думы, и на тех бывает победа. Мнози бо ополчающесе на болшая грады с своих, с меньших сседают. Яко рече Святослав, сын Олжин, идя на Царьград с малою дружиною: не ведомо ны есть, братис, ити, граду ли от нас пленену быти, или будет нам от града погибнути. Аще бог по нас, то кто на ны. Рече бог: поражу и опят сотворю; воздвижу брани и уставлю мир. Неть храборства, ни дум противу мне. Всяко слово мое смерть

и живот... ты, княже, не сам впадаешь в печаль, но введут тя думцы... Умен муж не велми на рати хоробр бывает, но крепок в замыслех; да тем добро збирати мудрыя... Многажды бо и безнарядием полцы погибают" (Унд. 57- 58). Этот последний случай автор иллюстрирует рассказом о борьбе Святополка с Ярославом, о победе Боняка над уграми.

Весь этот обширный эпизод, имеющий целью противопоставить „едина мудра десяти хоробрующим без ума“, изложен в тоне самооправдания и носит явно биографический характер. Но в идеологической атмосфере средневековья, с его общепринятым, обязательным культом воинской доблести,¹ такое самопризнание могло быть вызвано только каким-то предварительным обоснованным обвинением.² Из текста „Моления“ видно, что какие-то „думцы“, „без ума хоробрующие“, толкнули князя на войну, которую он проиграл; „умные мужи, не велми на рати хоробрые“, как будто предсказывали эту неудачу. Таким „на рати не хоробрым“, но „на словах“ „крепким“ оказался и сам автор. Он впал в немилость у князя и теперь приводит все это длинное рассуждение о храбрых и мудрых для того, чтобы закончить его советом: „да тем добро збирати мудрыя“, т. е. снова приблизить и его самого.

В истории междукняжеской борьбы начала XIII в., в которую оказался вовлеченным и адресат „Моления“ — князь Ярослав Всеволодович, приведенный рассказ „Моления“ заставляет вспомнить события, предшествовавшие Липицкой битве 1216 г. В этом году между сыновьями Всеволода возникла усобица, в которой, с одной стороны, действовали князья Константин, Мстислав Удалой и другие, а с другой — Юрий и его верный союзник брат Ярослав Всеволодович, адресат „Моления“. Решительная битва произошла на реке Липице и окончилась полным поражением Юрия и Ярослава. Ростовская летопись сохранила рассказ о том, что перед битвой в стане Юрия и Ярослава был устроен пир, на котором был поднят вопрос о предстоящем сражении. Какой-то боярин высказался за примирение: „«Твори мир,³ князь Юрьи и Ярославе, меншаа братья в вашей воли, оже бы по моему гаданию луче бы мир сътворити и дати старейшинство князю Костянтину. Ци зрим, оже при наших полцех тех мало Ростиславля племяни, да князи мудри суть и рядни и хоробри, а мужи их Новгородци и Смоляне дерзи к боеви,

¹ В „Сказании о Борисе и Глебе“ идеал князя Борис — „в ратех хоробр, в советех мудр и разумен при всемь“ — Д. И. А б р а м о в и ч. Жития святых мучеников Бориса и Глеба. П., 1916, стр. 52.

² Первый издатель редакции XIII в. „Моления“ В. Ундольский видел причину немилости князя к автору „в неискusstве последнего «в делах ратных»“. Русская беседа, 1856, кв. 2, стр. 7.

³ В Тверском сборнике, где отражена поздняя версия этого рассказа, боярин, выступавший против битвы, назван „Творимир“ — так осмыслены первые слова его речи; в противоположность ему, боярин, настаивавший на том, чтобы вступить в бой, назван „Ратибор“. См. об этом эпизоде выше в статье: Д. С. Л и х а ч е в. Летописные известия об Александре Поповиче.

а Мьстислава Мьстиславича и сами ведаета в том племяни, оже дана ему от бога храбрость изо всех. А, господина, гадаета». И не люба бысть речь си князю Юрью и Ярославу“. Против этого предложения примириться выступил „некто бояр князь Юрьевых“ и „люба бысть речь князю Ярославу“.¹ Из этого определения второго боярина, как принадлежавшего к боярам князя Юрия, следует, что первый боярин, также не названный по имени, был из числа ярославовых приближенных.

Итак, речь боярина, взывавшего к примирению, не понравилась Ярославу, вызвала осуждение с его стороны. Нет оснований предполагать, что среди советников и дружинников князя только один упомянутый летописцем боярин был против вступления в бой с противниками. Если сделать единственное допущение, что среди разделявших мнение об опасности вступления в бой был и будущий автор „Моления“ и что он в самой битве обнаружил недостаток храбрости („аще ти есмь на рати не хоробр, но на словех ти есм крепок“), то мы имеем в данном случае наиболее правдоподобную из тех исторических ситуаций, которые могли вызвать появление в свет нашего памятника. Эта ситуация удовлетворительно объясняет и причину немилости и увольнения дружинника („отлучен света от очию твоею“) и смысл рассуждений о преимуществе мудрости перед храбростью.

В связи с неудачным исходом Липицкой битвы Ярослав вообще проявлял раздражение и даже пустил в ход репрессии, о чем свидетельствует, например, жестокая расправа, которую он учинил над смолянами и новгородцами, „иже бяху зашли гостьбою в землю его“ (Лавр. летоп., стлб. 500). В отношении своего дружинника, к тому же проявившего, как это видно из текста „Моления“, во время битвы трусость, наиболее вероятной мерой наказания было бы удаление, увольнение. Для заключения о заточении автора в тексте нет никаких данных, что и было впервые и убедительно доказано акад. В. М. Истриным.²

Итак, исключительные обстоятельства, предшествовавшие Липицкой битве, и поражение в ней Ярослава могут объяснить такую неожиданную в устах княжеского дружинника защиту „не хороброго на рати“, его рассуждения о „крепких в замыслех“ думцах и, наконец, просьбы о милости и советы „збирати мудрыя“.³

Доказательства преимущества ума перед храбростью приводятся в двух направлениях: 1) по связи с обстоятельствами, предшествовавшими Липицкой битве и следовавшими за нею, 2) при помощи исторических и библейских примеров и аналогий. Те и другие доказательства автор

¹ Полное собрание русских летописей, т. I, вып. 3, изд. 2, Л., 1928, стлб. 495.

² В списке Ундольского, вследствие неправильного перегиба листа в его оригинале пропущена фраза — „тем збирай храбрыя и совокупляй смысленя“, однако на логический ход мыслей изложения это не повлияло, и из других эпизодов, вошедших и в список Унд., ясно, что Даниил действительно видит „богатство“ царя и князя „во множестве храбрых и мудрых“ (Унд. 60).

³ Был ли Даниил Заточник действительно заточен. Одесса, 1902.

объединяет, не останавливаясь перед внесением тенденциозных изменений и дополнений в последние два вида аргументов, в целях придания им характера, более соответствующего событиям, связанным с Липицкой битвой.

Исходя из обстоятельств, предшествовавших Липицкой битве, как они описаны в летописи, нетрудно в „мудром“, „смысленном“ увидеть того боярина, который дал рассердивший Ярослава совет не вступать в битву. Это именно он „луче“ „десяти хоробрующих без ума“, „десяти владеющих городами“ — лучше, выше своей прозорливостью и умом тех князей и воевод, которые принимали участие в военном совете и стояли за вступление в бой. Подкрепляя свое рассуждение ссылкой на „Соломона“, автор „Моления“ произвольно меняет смысл того эпизода из Экклезиаста, на котором он основал свое противопоставление. В этом эпизоде противопоставление „мудрых“ „хоробрующим без ума“ или „владеющим городами“ как раз отсутствует: „Премудрость поможет мудрому паче десяти обладающих во граде“ (Эккл. VII, 20) — вот все, что автор нашел в изречениях Соломона. Чудовский список усиливает еще противопоставление, добавив: „десяти владеющих грады властелин без ума“ (стр. 57).

„Инех же полцы силни, а без думы, и на тех бывает победа“ (Унд. 57). Войско Юрия и Ярослава было гораздо многочисленнее, чем неприятельское, но „без думы“, вероятно имеются в виду ошибки командования, необдуманность вступления в бой. Отсюда „на тех победа“ — эти „силнии полцы“ оказались разбитыми.¹ Исторический намек можно видеть и в словах: „мнози бо ополчающеся на болшая грады с своих, с меньших, сседают“ (Унд. 57). Перед Липицкой битвой Юрий и Ярослав предполагали поделить между собой русские города и стали было скреплять этот дележ грамотами, а после битвы оказалось, что одному пришлось отделяться богатыми дарами, а другому поплатиться собственным столом.

Обширная ссылка на речь Святослава Игоревича к дружине под Царьградом (Лавр. летоп., под 971 г.) использована автором в тенденциозном изложении для того, чтобы оправдать сомнения, высказанные на военном совете перед Липицкой битвой: „неведомо ны есть, братие, ити: граду ли от нас пленену быти, или будет нам от града погибнути“. Так вольно передана речь Святослава перед битвой его „малой дружины“ с греческим войском, в десять раз превосходившим ее численностью, речь, смысл которой заключался в том, что лучше умереть, чем бежать с поля битвы. Признание неизбежности битвы — „уже нам некамо ся дети, волею или неволею стати противу“ — в изложении Даниила превратилось в сомнение в ее исходе — таким сомнением вряд ли можно было вдохновить войско перед боем. Речь Святослава из Повести временных лет продолжена у Даниила библейскими изречениями, смысл

¹ В Чудовском списке допущено искажение: „храбрых же полци силни а безумни“ (57).

которых сводится к тому, что и победа и поражение — все дается „волей божией“. Это окончательный и наиболее убедительный для средневекового мировоззрения довод, вполне подходивший и к объяснению исхода Липицкой битвы. Этот довод имел целью сгладить воспоминание о разногласии и споре княжеских советников перед битвой и примирить обе стороны ссылкой на неотвратимую „волю Божию“.

Придавая, видимо, большое значение этой аргументации „от писания“, Даниил изменял и дополнял цитируемые изречения из „Второзакония“ и „книги пророка Исаии“, применительно к обстоятельствам Липицкой битвы. Приводим для сравнения соответствующие цитаты:

Второзаконие

1. Аз убию и жити сотворю, поражу и аз исделю, и несть, иже измет от руку моею (XXXII, 39).

2. Како поженет един тысячи и два двигнета тмы (XXXII, 30).

3. Яко же глаголах, тако будет, и яко же соведях, тако пребудет (XIV, 24) (о бегстве и преследовании речи нет).

Моление

Поражу и опять сотворю, воздвижу брани и уставлю мир (57).

поженет един сто, а сто двигнета тмы (58).

яко же аз рку, тако будет; повелю бежати, то бежат, повелю гнати, то гонят (58).

Гиперболизм Второзакония („како поженет...“) получил у Даниила поправку в целях некоторого приближения к действительности, применительно к событиям Липицкой битвы. В древне-русских воинских повестях эта типичная формула „бьются один с тысячью, а два с тьмой“ сохраняется без изменения.

Отмеченные изменения библейских цитат пытались объяснять тем, будто Даниил приводил их по памяти.¹ Однако в данном случае мы имеем дело с сознательной переработкой текста в соответствии с определенным замыслом.

Такая же тенденциозность руководила Даниилом при использовании библейского рассказа об Иезекии и вавилонских послых (Исаия, XXXIX, 1—6). Этим послам Даниил приписывает мысль, которой они не высказывали, но которая соответствовала лейтмотиву „Моления“: „наши цари богатие тебе не множеством золота, но множеством храбрых и мудрых“ (Унд. 60). Вымышленные слова вавилонских послых понадобились автору для дополнения и подкрепления хорошо известной в среде дружинников и княжеских слуг со времен Владимира I мысли о том, что при помощи „мужей“ добывается „сребро и золото“, а не наоборот; наряду с „храбрыми“ особо выделяются „мудрые“, о которых собственно и хлопочет автор, рекомендуя себя как „умного мужа“.²

¹ А. И. Лященко. Моление Даниила Заточника. СПб., 1896, стр. 11.

² В полном соответствии с этой основной мыслью автора о преимуществе мудрых перед храбрыми стоит и фраза: „Данил рече: храбра, княже, борзо добудеши, а умный дорог есть“, с помощью которой пытались обосновать позднейшее происхождение так наз. II редакции. Слова „Данил рече“ отделяют эту фразу от изречения Соломона и, можно думать, были вставлены позднейшим переписчиком для того, чтобы читатель

Среди добавленных к речи Святослава изречений обращает на себя особое внимание фраза: „Несть храборства, ни дум противу мне“ (бога) (Унд. 57). Эта сентенция была популярна в литературной среде переяславцев, современников автора „Моления“. В „Летописце Переяславля Суздальского“ мы встречаем ее по разным поводам под 1185 и 1186 гг.: „Несть мужества, ни есть думы противу богови“.¹ В применении к военному совету перед Липицкой битвой эта сентенция напоминает о двух настроениях на нем: представителем „мужества“ оказался „некто бояр князь Юрьевых“, выразителем „дум“ был неизвестный боярин, разгневавший Ярослава. Изречение дает основание для того, чтобы забыть прошлые распри, примирить представителей обеих групп на памятном для князя и дружинников военном совете.

К воспоминаниям о пире и военном совете перед Липицкой битвой автор возвращается и ниже: „Не море потопляет корабль, но ветры; тако и ты, княже, не сам впадаеши в печал, но введут тя думцы, не огонь творит ражжение железу, но надмение мешное“ (Унд. 58). „Печаль“ — поражение на Липице, виновники — „думцы“, толкнувшие на битву, т. е. те, чье мнение высказал „некто бояр князь Юрьевых“. Отсюда подразумевается, что правы были те, кто предостерегал на совете и, следовательно, был обвинен в трусости. Логически и следует затем их оправдание. „Умен муж не велми на рати хоробр бывает, но крепок в замыслех, да тем добро збирати мудрыя“ (Унд. 58). Этот афоризм, быть может, имеет и более близкую цель — оправдать не только автора, но даже и самого Ярослава, потерявшего в битве щем.

Значение приводимых Даниилом примеров из русской истории — о битве Ярослава Владимировича с Святополком и Боняка с уграми — было определено еще И. А. Шляпкиным в предисловии к изданию текста „Моления“. Эти примеры „свидетельствуют о необходимости умного распоряжения полками: если битвою мудро распоряжаются, то если и судит бог быть побежденным, все-таки не легко достанется победа. Пример Боняка особенно важен: известно, как часто страдал Переяславль от набега половцев...“.² Можно добавить, что особо не приписал их Соломону. Слова „храбра, княже, борзо добудеши, а умный дорог есть“, — выражают главную идею „Моления“, как оно представлено списками так наз. II редакции, но зато и эти слова и другие варианты мысли о преимуществе мудрых перед храбрыми исключены из списков так называемой I редакции. Отсюда следует, что переделыватель „Моления“ отказался от этой главной идеи автора, в соответствии с тем, что он изменил и целеустремленность всего произведения, превратив его из личной просьбы автора в назидательное поучение общего характера. Важность фразы „Данил рече...“ для определения идеологии авторского текста была [отмечена еще П. А. Безсоновым (Москвитянин, 1856, II, № 7 и № 8).

¹ Эта сентенция заимствована из „Пчелы“ по первоначальному переводу (В. Семёнов. Древняя русская Пчела по пергаменному списку. СПб., 1893, стр. 40): „Соломси: Нест человеку мудрости, нест мужества, нест думы противу богови“.

² Слово Даниила Заточника. Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1889, стр. 18. Выбор примера, который заключал в себе намек на сопоставление противников Ярослава в Липицкой битве со Святополком, в глазах князя, видимо, по мнению автора, должен был заслужить одобрение.

живыми должны были быть в памяти Ярослава рассказы отца и брата и личные впечатления и воспоминания и о набегах половцев, и о Галиче, с которым преднамеренно Даниил связал битву Боняка с уграми, хотя в действительности она произошла у Перемышля. Оба исторических примера приведены в „Молении“ для того, чтобы намекнуть на имевшее место и в войске Ярослава „безнарядье“, послужившее основной причиной поражения его в Липицкой битве. Однако естественно, „Моление“ не дает прямого ответа на вопрос о том, кто же был виновником этого „безнарядья“.

П. Н. БЕРКОВ

О так называемых „петровских повестях“

I

Из всех жанров древне-русской литературы позднее остальных привлекла внимание исследователей повесть. Изучение ее началось во второй половине XIX в. С 1854 г. стали появляться статьи А. Н. Пыпина, посвященные старинной повести,¹ завершившиеся изданной в 1857 г. известной его диссертацией „Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских“. В 1857 г. на страницах „Библиотеки для чтения“ была напечатана „История о славном и храбром Александре, кавалере российском“, отысканная и опубликованная М. И. Сухомлиновым.²

С этого времени по существу и начинается научная разработка старо-русской повести.

Изучение ее шло в двух „хронологических“ направлениях — исследователи стремились найти и наиболее ранние проявления повествовательной литературы на русской почве и самые поздние ее ответвления.

Характерно, что уже первые исследователи столкнулись с вопросом о датировке ряда поздних повестей и об отражении в них русской действительности петровского времени. В связи с этим возник особый термин „повесть петровского времени“. Кажется, первым применил его Л. Н. Майков в статье „Неизвестная русская повесть петровского времени“ („Гистория о российском матросе Василии Кориотском и прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли“), напечатанной в 1878 г.³ Относительно хронологического приурочения „Гистории о Василии Кориотском“ Л. Н. Майков писал: „Можно думать, что повесть о матросе Василии была написана в первой четверти прошлого века... Решение хроно-

¹ Старинная русская сказка о „Вавилонском царстве“. Известия Академии Наук, II Отделение. 1854, т. III, столб. 313—320; О романах в старинной русской литературе. Современник, 1854, т. XII, стр. 59.

² Библиотека для чтения, 1858, т. CI, 1, отд. „словесность“, стр. 1—8.

³ ЖМНП, 1878, июль, стр. 173—219; перепечатано в его „Очерках из истории русской литературы XVII и XVIII столетий“. СПб., 1889.

логического вопроса, хотя бы приблизительное, кажется нам существенно важным в настоящем случае: из него несомненно следует, что перед нами беллетристическое произведение из эпохи преобразования, производшего столь сильный переворот как во внешнем строе, так и во внутренней жизни русского общества. Как бы ни казалось ничтожно это произведение собственно в литературном отношении, все же в нем можно подметить некоторый след той необыкновенной эпохи, к которой оно принадлежит. К тому же это одно из очень немногих сочинений того времени в повествовательном роде¹.

Определив таким образом „Гисторию о матросе Василии“, Л. Н. Майков сразу сблизил ее с „другой повестью на ту же тему“, как писал он ниже, с „Историей о славном храбром Александре, кавалере российском“². Для Л. Н. Майкова „выражаемые [в этой повести] мнения принадлежат именно русскому обществу петровской эпохи и находятся в прямой связи с тогдашними переменами в русских нравах и обычаях“³.

Хотя несколько далее в той же статье Л. Н. Майков осторожно определял эпоху, изображенную в названных повестях как двадцатые и тридцатые годы XVIII в.,⁴ тем не менее окончательный вывод был решительно сформулирован им в следующем виде: „Гистория о матросе Василии» есть явление, без сомнения, характеристичное для эпохи петровской“⁵.

В. В. Сиповский, в предисловии к „Русским повестям XVII—XVIII вв.“, еще более расширил объем понятия „петровская повесть“. „Четыре следующие повести: об Архилабоне, Василии матросе, Александре — кавалере российском и о купце Иоанне, одного характера, — писал В. В. Сиповский, — различаются лишь своим составом... «Действительность» русской жизни начала XVIII в. в разной степени ярко сказывается во всех этих повестях, — и в этом их особое значение“⁶. Дав характеристику каждой из этих повестей в отдельности и всей группы в целом, В. В. Сиповский вскользь коснулся и вопроса об их датировке: „Своеобразный петровский стиль, обильный варваризмами, дает довольно верные данные для определения, какие из этих произведений относятся к эпохе Петра“⁷. К словам „обильный варваризмами“ В. В. Сиповский сделал примечание, которое еще больше уточняло аргументацию для приурочения этих повестей к петровской эпохе: „Таковыми излюбленными словами были: ария (вм. песня), апортамент (вм. комната), ассамблея, притти в алтерацию (измениться в лице), дешперат (обморок), конфузия,

¹ Очерки, стр. 192—193.

² Там же, стр. 193.

³ Там же, стр. 204.

⁴ Там же, стр. 217.

⁵ Там же, стр. 224.

⁶ Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905, стр. Л.

⁷ Там же, стр. LI.

презент, пароль (обещание, «слово») и мн. др.¹ Нам придется еще коснуться этого аргумента при критике понятия „петровская повесть“, а сейчас мы отметим только, что после работ Л. Н. Майкова и В. В. Сиповского термин „петровская повесть“, соответствующий определенному научному понятию, прочно вошел в литературоведческий обиход и отразился даже в школьной практике как дореволюционной, так и послеоктябрьской, как в средней, так и в высшей школе. Не только программы вузовских курсов по истории русской литературы XVIII в. систематически пользуются термином „повесть (иногда: беллетристика) петровского времени“,² но и учебники для высших учебных заведений по тому же курсу, и научно-обобщающие труды вроде „Истории русской литературы“ Академии Наук (т. III) без малейших колебаний употребляют термин „петровская повесть“, упрочивая и поддерживая своим авторитетом фикцию, возникшую на определенном этапе научного развития. Как бывает во многих случаях, это понятие на известном отрезке истории науки было полезно, но в дальнейшем оно сделалось уже тормозом для более правильного и углубленного изучения материала.

Это тем досаднее, что уже четверть века назад была сделана попытка отнестись более внимательно к хронологическому приурочению некоторых из повестей, относимых к группе „петровских“. Я имею в виду одно место во „Введении в историю старорусской повести“ Н. К. Пиксанова. Вот что читаем мы там: „Кстати: обсуждая хронологическое приурочение русской повести о Париже и Вене, проф. Шляпкин находит, что «перевод несколько позднее 1725 г. и относится ко времени Анны Иоанновны» (что и правильно), но тут же считает ее «образчиком конца петровской эпохи», т. е. дает термину «петровская эпоха» расширительное понимание. Несомненно, многие повести так называемой «петровской эпохи» относятся ко времени Анны Иоанновны, даже Елизаветы Петровны. Пора отрешиться от злоупотребления термином «петровская эпоха» (им злоупотребляют и в учебниках, — напр. Саводника, и в университетских курсах, — напр. Петухова) и пользоваться в соответствующих случаях термином «аннинское время», как следует употреблять термин «алексеевское время» — на одинаковых правах с «петровским», «елизаветинским», «екатерининским». Аннинское время имеет свои заметные своеобразия и, в частности, для русской рукописной повести, как и для театра, является характерной, легко ощутимой эпохой“.³

Прекрасный знаток литературы XVIII в., Н. К. Пиксанов правильно заметил путаницу, возникшую в результате некритического употребления

¹ Там же, стр. LI.

² Ленингр. Гос. университет. Филологический факультет. Программы по истории русской литературы для II, III и IV курсов на 1939—1940 учебный год. Л., 1939, стр. 8; то же на 1940—1941 учебный год. Л., 1941, стр. 6; Всесоюзный Комитет по делам высшей школы при СНК СССР. Программа по курсу „Русская литература XVIII века“. М., 1940, стр. 4; Министерство Высшего образования СССР. Программа по курсу „Русская литература XVIII века“. М., 1946, стр. 4.

³ Н. К. Пиксанов. Старорусская повесть. М. — П., 1923, стр. 28.

термина „петровская повесть“. Если и не со всем можно согласиться в приведенной нами выше цитате, то основная мысль Н. К. Пиксанова безусловно верна, и расширительному толкованию термина „петровское время“ следовало положить конец. К сожалению, этот трезвый голос не был услышан, и научные права гражданства за понятием „петровская повесть“ сохранились, как мы видели, и до сих пор.

II

В. В. Сиповский считал повестями петровского времени четыре произведения авантюрно-галантного жанра: „Гисторию царевича Архилабона“, „Гисторию о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли“, „Историю о Александре, российском дворянине“ и „Историю о российском купце Иоанне и о прекрасной девице Елеоноре“. В такой именно последовательности перечислены они были издателем в цитированном нами отрывке из предисловия к „Русским повестям XVII—XVIII вв.“, в таком почти порядке они были и напечатаны в основном тексте книги с одним только отступлением: между двумя последними повестями В. В. Сиповский без какой-либо мотивировки поместил „Гисторию о Ярополе царевиче“. Насколько владела В. В. Сиповским идея „повести петровского времени“, можно видеть из того, что, помещая на первом месте „Гисторию королевича Архилабона“, он не счел даже нужным объяснить свое отношение к печатаемому им подзаголовку: „Сочинена трудами правительствующего Сената действительного коллегии юнкора Петра Орлова в Москве марта 1750 года“. Так и осталась повесть, написанная в 1750 г., „повестью петровского времени“. Это оказалось тем более возможным, что „своеобразный петровский стиль, обильный варваризмами“, являвшийся для В. В. Сиповского источником „довольно верных данных для определения“ принадлежности этих произведений к эпохе Петра, здесь безусловно налицо: здесь и „академия“, и „инструменты“, и „фельдмаршал“, и „термин“, и „персона“, и „генералитет“, и „авдиенция“, и „конференция“, и „баталия“, и „камора“ и т. д., и т. д. Словом, если бы не было в подзаголовке даты написания „Гистории“ и фамилии автора, лица, в известной мере, исторического,¹ то, основываясь на одних только „варваризмах“, можно было бы безусловно признать ее „петровской повестью“.

Сейчас „Гистория королевича Архилабона“ никем уже не признается „повестью петровского времени“, но на шатких основаниях „духа“ петровской эпохи и „варваризмов“ в „петровские повести“ попрежнему включаются остальные произведения, названные В. В. Сиповским, и ряд других; так, например, в защищенной в 1948 г. диссертации о „Гистории о Ярополе царевиче“ М. В. Николаева считала, что написал эту повесть „автор, переживший опыт петровской эпохи“. Хотя это и не прямое зачисление „Гистории о Ярополе царевиче“ в „петровские повести“, но

¹ Н. К. Пиксанов. Старорусская повесть, стр. 73—74.

расширительное толкование термина „петровская эпоха“ здесь налицо.

Между тем такое суммарное пользование понятием и термином „петровская повесть“ только мешает развитию наших знаний в области истории русской повести и пониманию этой части русского литературного процесса.

Пора пересмотреть и самые так называемые „петровские повести“, и понятие и термин „петровская повесть“.

Было время, когда выдвинутый в дореволюционном литературоведении термин „петровская повесть“ играл прогрессивную роль. Он позволил объединить ряд повестей, отличительной чертой которых было наличие более демократического героя, более реалистическое, чем в старой повести, содержание, более простой язык, наконец отражение реалий петровского, как тогда казалось, времени.

В настоящее время наши знания литературы послепетровского времени, а также и истории литературного языка того же периода значительно глубже, чем в дореволюционном литературоведении. Мы знаем, что „варваризмы петровского времени“ не исчезли мгновенно со смертью Петра, а продолжали еще очень долго, до 1760-х гг., употребляться в административно-канцелярской практике, а Петр Орлов, автор „Истории королевича Архилабона“, как раз и был канцелярским служащим. Вообще же хронологическое приурочение путем отыскания „варваризмов петровской эпохи“ нельзя считать правильным. Ведь варваризмы не только появляются и исчезают, но и какой-то период „обращаются“, иногда довольно долго. Поэтому ошибочно датировать произведение по начальному периоду употребления того или иного „варваризма“, а должно искать более точных опорных данных; в настоящее время в советском литературоведении не принято определять датировку подобными ненадежными способами.

Советские литературоведы умеют сейчас более осторожно анализировать „содержание“ „петровских повестей“ и обнаруживать в них черты более позднего времени.

Таким образом, в настоящее время понятие „петровская повесть“ надо и можно дифференцировать.

Бесспорно повестью петровского времени является, на наш взгляд, только „История о российском матросе Василии Кориотском“ или, как, повидимому, более правильно, читается в некоторых списках, „Василии Кириацком“. Здесь налицо не только „дух“ и реалии петровской эпохи, но, надо полагать, и отражение конкретных исторических воспоминаний. К числу последних следует отнести эпизод пребывания героя повести у цесаря. Как известно, политические эмигранты из петровской России (царевич Алексей, кн. А. П. Прозоровский¹ и др.) бежали к австрийскому императору.

¹ С. Ф. Платонов. Б. И. Куракин и А. П. Прозоровский (1697—1720). Доклады АН (ДАН-В), 1929, № 12, стр. 236—243.

Если же обратиться к повести об Александре российском дворянине, то в ней все, начиная со „столичного города Москвы“, в котором родился герой, и продолжая другими подробностями, приводит нас из петровской эпохи ко времени Петра II и начальным годам царствования Анны Иоанновны. В самом деле, „столичным городом“ Москва становится на короткое время царствования Петра II (с 1728 г.) и до переезда Анны Иоанновны из Москвы в Петербург в 1732 г. Российский кавалер Александр играет на флейт-реверсе, инструменте, модном в самом конце 1720-х гг. Так, Антиох Кантемир в 1728 г. берет уроки игры на флейт-реверсе. Как раз в это же время Тредиаковский пишет „Стихи похвальные России“ („Начну на флейте стихи печальны“).

Резко отличается мотивировка поездки за границу Александра от поездки Василия: у последнего заграничное путешествие возникает в результате указа „маршировать“ в Голландию „для наук арифметических и разных языков“; Александр же, хотя „философии и протчих наук достигл“, „склонность же ево была более в забавах, нежели во уединении быть“, и едет он за границу, так как „возревновал красоту маловременной жизни света сего зрети“, что его галантные похождения в Лилле и подтверждают. В этом смысле поведение Александра больше похоже на поведение путешественников времени начала царствования Анны Иоанновны, когда на долгий период вообще были запрещены поездки русских людей за границу.

Разницу между поездкой Василия и Александра можно охарактеризовать удачной, на наш взгляд, формулой, употребленной К. В. Сивковым в статье „Путешествия русских людей за границу в XVIII в.“: путешественники петровского времени это „подневольные путешественники“, в царствование же Елизаветы „путешествие за границу становится для аристократа-дворянина (пока только для него) почти необходимым фактором в ходе его образования и воспитания“.¹

Между повестями о Василии и Александре значительная разница и в стиле. Первая еще тесно связана с фольклором (это очень убедительно показано в ненапечатанной работе Г. Н. Моисеевой), во второй заметно влияние авантюрно-галантной повести, лишенной фольклорной основы и вообще связей с фольклором. Если в „Истории о Василии“ реалистические тенденции уживаются с фольклорными мотивами, то в „Истории о российском дворянине Александре“ самая „реалистичность“ авантюрно-галантного происхождения.

Еще более поздним временем следует датировать третью „петровскую повесть“ — „Историю о российском купце Иоанне“, которая, повидимому,

¹ К. В. Сивков. Путешествия русских людей за границу в XVIII веке. СПб., 1914, стр. 9 и 11. Ср. слова Александра к отцу: „Понеже во всем свете до единого обычая имеют чад своих обучати и потом в чуждые государства для обретения вещей чести и славы отпускают... Учините мя равно с подобными мне, ибо чрез удержание свое можете мне вечное поношение учинити, — и како могу назваться и чем похваляюся?“ (стр. 130)

является купеческой переделкой повести об Александре (в частности сохранена „прекрасная девица Елеонора“). Не исключена, впрочем, возможность, что это, как писали в конце XVIII в., „полусправедливая“ повесть, т. е. что она навеяна каким-то реальным эпизодом из жизни русского посетителя „французского города Париш“, причем, конечно, были изменены имена действующих лиц, замещенные такими, как Анис Мальтик, Дальбахт, Селибрах и т. д.

Обычно, излагая содержание „петровских повестей“ и характеризую их особенности, пишущие об этом как раз опускают все то, что делает их непохожими друг на друга, и останавливаются на том, что якобы их сближает.

Мы видели, что ссылки на „дух“ эпохи и на „варваризмы“ не могут служить достаточным доводом за „петровскую“ приуроченность всех этих повестей. Нельзя поэтому оперировать в настоящее время нерасчлennым и неуточненным понятием „петровская повесть“. „Гистория о Василии“ — одно, „История о Александре“ и „История о Иоанне“ — другое. В первом случае — действительно человек новый, человек петровского времени; в двух других случаях — люди следующего поколения с иными целями, с иными интересами, с иным жизненным опытом. В двух последних повестях „наука“, за которой якобы едут герои за границу, никакого влияния не играет. Характерно, что такой же не развитый мотив „науки“ есть и в „Гистории о Ярополе“.

Несмотря на различие в поведении за границей героев трех якобы „петровских повестей“, объединяет эти произведения все же то, что герои их значительно более демократичны, чем герои повестей более раннего и более позднего времени. В петровскую пору и в десятилетие следовавшее непосредственно затем, был налицо несомненный интерес к „демократическому“ (относительно) герою. Даже переведенная Тредиаковским „Езда в остров любви“ (1731) говорит о похождениях абстрактного „простого“ человека. К этому же времени относятся и некоторые драматические произведения с подобным же, а иногда и вовсе демократическим героем (напр., Гаер, арликин российский и т. д.).

В царствование Елизаветы и даже в конце царствования Анны Иоанновны замечается реакция: и в театре (трагедии Сумарокова) и в литературе (ода, панегирическая проповедь, иллюминационные надписи) героями вновь становятся лица „высокого“ происхождения, короче говоря, цари и равные им по положению „особы“. В эти годы вновь обнаруживается в повествовательной литературе интерес к героям-царям, к их воинским подвигам, к пышному придворному ритуалу и т. д. В эти годы пишутся „Гистория королевича Архилабона“ П. С. Орлова и новая „осложненная“ редакция повести о Василии Кириацком (пока еще не опубликованная). К этим годам, очевидно, относится и „Гистория о царевиче Ярополе“. Это, по существу, „возврат“ к традициям допетровской повести и, конечно, „возврат“, не имевший прогрессивного характера.

III

В настоящей статье нам пришлось упомянуть несколько раз „Гисторию о царевиче Ярополе“. Позволим себе высказать отдельные соображения по поводу этой повести. Она дошла до нас в единственном пока известном списке. Исследование М. В. Николаевой показало, что данная рукопись представляет копию, причем нельзя утверждать точно, копию ли с оригинала или с копии. Имеющийся у нас текст, не вполне точно воспроизведенный в книге В. В. Сиповского, безусловно относится к XVIII в. Но из этого факта нельзя делать заключение, что и самая повесть, вернее „оригинал“ повести был создан в XVIII в.

Если отбросить наслоения, привнесенные в XVIII в., то в основе „Гистории о царевиче Ярополе“ лежит, повидимому, какая-то старая „воинская“ повесть, пропитавшаяся мотивами борьбы с татарами (кавказскими или крымскими, трудно сказать). Отсюда „земли и орды“ (Сиповский, стр. 220 и 238); отсюда „грады, села и улусы“ (стр. 259); отсюда и частые упоминания „таишей“. Со старой, допетровской повестью роднит „Гисторию о царевиче Ярополе“ и то, что в основе герои и их войска сражаются не при помощи огнестрельного оружия, а с помощью луков и стрел.

Связывает повесть о Ярополе с допетровской традицией и взгляд на женское „злонравие“. Весь эпизод с героиней повести, Параклитой, сперва „обручницей“ царя Моафа, а затем влюбляющейся в неопознанного пока царевича Яропола Моафовича, дан в повести лишь как иллюстрация того, как ненадежна женская верность: „Тогда рече царь: «Впредь только сим не похваляйся женскою и девическою слабостию! знаешь, женской пол подобен огню, а ты [отец Параклиты] хвастал!» — «Где нам сие знаты! Весь народ знает, а отец и мать не знают»“ (стр. 248).

Как все это далеко от нового взгляда на женщину, отразившегося в споре трех кавалеров о женщине в „Истории о российском дворянине Александре“! Это, конечно, не признание за женщиной права на свободное изъявление чувств, а та же, что и в средневековой литературе, осуждающая точка зрения, только без упоминания формулы „сосуд дьявольский“.

„Гистория о царевиче Ярополе“ представляет трафаретную „воинскую“ повесть, в которой интерес сосредоточен на хитростях завоевателей, применяющих то „каменных людей“ (нечто вроде управляемых автоматов), то шары с горючими составами, то смоляные рвы и ямы и т. д. Можно было бы предположить, что здесь проявляется, как в „Гистории о Василии Кориотском“, личная инициатива героев, но оказывается, что все здесь предусмотрено „планедами“ и совершается „по планедам“. Кстати, предсказания „по планедам“ играют в повести о Ярополе большую роль. Не нужно, однако, видеть в этом факте признак какой-либо особой отсталости автора „Гистории о царевиче Ярополе“. В ту эпоху это было распространено. Чтобы не быть

голословным, укажу на любопытную заметку в „Санкт-Петербургских ведомостях“, 1729, 16 сентября, № 74, в которой сообщается, что недавно рождение наследника французского престола (принца Людовика, отца Людовика XVI) было предсказано парижскими астрономами, обнаружившими во время беременности королевы-матери новую звезду вблизи солнца.

Таким образом, в основе „Гистории о царевиче Ярополе“ лежит какое-то старое произведение, повесть допетровского времени; в 1740-х, 1750-х гг. она, повидимому, была переделана и приноровлена ко вкусам литературных ценителей из подъяческой среды. На это заключение наводит наличие ряда реалий, относящихся ко второй четверти XVIII в. Следы переработки можно усмотреть в том, что некоторые эпизоды, намечавшиеся в повести, остались затем не развитыми. Так, например, министр, к которому за границей поступают царевич Моаф и его мудрый наставник Агар, предупреждает последних о том, что они должны сообщать ему обо всем слышанном (стр. 224), а в самой повести этот эпизод не развертывается. Также свидетельством какой-то неудачной обработки повести-оригинала является то, что, с одной стороны, поиски царем Адидором исчезнувших Моафа с Агаром оказались безрезультатными (стр. 233), а с другой — покинутая Моафом Алимпиада открывает своему сыну, кто его отец и где он царствует (стр. 234).

Не могу не отметить некоторых особенностей художественной манеры неизвестного автора „Гистории о царевиче Ярополе“. В повести есть несколько любопытных своей реалистичностью, даже натуралистичностью мест. Так, изображая танцы придворных фрейлин, автор „Гистории“ пишет: „Так танцовали, что и сорочки хотя выжми от поту их“ (стр. 228). В другом месте изображается впечатление, произведенное на коней двух враждебных войск грохотом музыкальных инструментов: „И здесь как забили в бубны и в политавры, во обоих сражающихся силах на подобие, яко гром загремеша; и кони оного царя Антиоха падоша на землю от страху, ибо такого бубного ударения и в политавры играния не слышали, а у Яропола цесаревича стояще ободряхуся, только ушами потиху шевелеша“ (стр. 268). Нельзя не признать этот образ прекрасным: „только ушами потиху шевелеша“. Возможно, что автор был сам человеком военным и наблюдал подобное и в жизни.

Но относится ли это к автору повести-оригинала или обработки, сказать трудно; скорее можно допустить, что этот образ был в старой „воинской“ повести (на это наводит форма „шевелеша“), а не был внесен при переработке.

Подведем итоги:

1. То, что в науке называется „петровской повестью“, представляет сочетание ряда хронологически различных этапов истории повествовательного жанра.

М. В. БРАЖНИКОВ

Русские певческие рукописи и русская палеография

В огромном древне-русском рукописном наследии певческие рукописи занимают место значительно более скромное, нежели многие другие виды рукописей, но в количественном отношении все же достаточно заметное: их насчитывается не одна тысяча экземпляров. С точки же зрения своих специфических графических и иных особенностей эта группа рукописей заслуживает самого пристального внимания. Тем не менее совершенно неоспорим тот факт, что русская палеография до самого последнего времени проходила мимо певческих рукописей, мимо чисто-палеографических особенностей их нотаций и текстов, лишь поверхностно затронутых в специальной литературе, в трудах по истории русской церковной музыки Смоленского и Металлова.

В учебниках русской палеографии о существовании певческих нотаций либо только упоминается, либо их существование, как явление палеографического порядка, совсем игнорируется, несмотря на то, что в ряде случаев данные певческой палеографии имеют решающее значение. Кроме того, певческие рукописи, как музыкальные, имеют ряд особенностей, которые присущи только им одним. Этими особенностями обладают как крюковые рукописи, так и нотолинейные, особенно же первые, как более древние. Отсюда прямое следствие: особенности певческих рукописей должны быть не только учтены при определении возраста и происхождения рукописей, но и в обязательном порядке включены в их описание (что, впрочем, можно встретить лишь как исключение), наряду с орнаментом, миниатюрами и другими данными.

Надо прямо признать, что певческие рукописи с точки зрения их графики в русской палеографии еще не получили „прав гражданства“, и в специальных учебниках по этому предмету глава о них еще не написана.

Относительная малочисленность певческих рукописей не аргумент в защиту такого положения. Как-никак эта „малочисленность“ выражается тысячами экземпляров, и внешнее исследование нотаций приводит к ряду интереснейших наблюдений и выводов. Правда, эти выводы не могут быть распространены ни на какие другие виды рукописей, кроме

певческих, но в этих границах они всегда должны быть в запасе сведений палеографа.

Постараемся на конкретных примерах показать то значение, которое имеет рассмотрение певческих рукописей с точки зрения особенностей, присущих певческим нотациям и текстам, держась при этом в рамках указаний на внешние их особенности и углубляясь в специфику внутреннего, чисто-музыкального их содержания лишь в виде исключения.

Перед нами рукопись Ленинградской Государственной Публичной библиотеки, собрания Погодина, № 45. Текст ее писан крупным полууставом. Язык и, в частности, записи на обороте последнего листа указывают на ее псковское происхождение (упоминание р. Великой, окончания на „ц“ вместо „ч“ и др.). В этой же записи прямая дата — 1422-й год. Писана рукопись (Стихирарь) на пергамене. Кажется, нет места для сомнений: рукопись псковского происхождения, относящаяся к XV в.

Певческие рукописи, относящиеся к XV в., обычно все уже писаны на бумаге, и применение, в качестве материала для письма, пергамена следует считать исключением. С точки зрения содержания, стихиры, составляющие рукопись, не останавливают на себе внимания. Однако если подойти к рассматриваемой рукописи не с общепалеографическим, а, так сказать, с „певческим“ мерилом, то рукопись уже не представится вполне обычной.

Раздельноречие или хомония, к которой мы еще вернемся, в XV в. в русских певческих рукописях была уже значительно развита, хотя и не приняла еще таких гипертрофированных и уродливых форм, как это наблюдается в рукописях, относящихся к XVI и первой половине XVII вв. Тем не менее, в рукописи № 45 поражает отсутствие раздельноречных словообразований. Откуда же взялось, в таком случае, в XV — „хомоном“ — веке подобное исключение?

Не забегая вперед и не предрешая ответа на поставленный вопрос, рассмотрим нашу рукопись с точки зрения ее нотации. Является ли эта нотация чем-либо типичным для XV века? Нет. На характерную „размашистость“ семейнографии, намечающуюся в XV в., нет еще ни намека, хотя в первой четверти XV в., ко времени написания рукописи, она уже давала себя чувствовать. Знамена писаны еще „уставным“ почерком, да и сама знаменная строка содержит в себе начертания, к XV в. уже выходящие из употребления.

Какие же заключения можно сделать из указанных особенностей текста и знамен? Заключение напрашивается следующее. Оригином для рукописи № 45 собрания Погодина служила некая рукопись, отделенная от нашей, по времени написания, на одно или полтора столетия. Возможно также, что переписчиком ее был глубокий старик, внесший в рукопись свои привычки и приемы прежних далеких лет. Коль скоро это так, следует быть осторожным, основывая на рукописи № 45 те

или иные выводы и предположения, имея в виду, что это памятник лишь формально, а не по существу относящийся к XV в.

Приведенный пример характеризует значение певческих нотаций в самых общих чертах. Но здесь нотации и текст вносят существенную „поправку“ в подход к рукописи, в ее оценку, чего не удалось бы достичь средствами одних общепалеографических приемов, с точки зрения которых рукопись может и не приковать к себе внимания.

Поверхностного взгляда на нотации, однако, еще недостаточно: более тщательное изучение подробностей в певческих рукописях позволяет установить много существенных дополнительных данных.

Изменения певческих нотаций по векам в отношении почерка, появления новых начертаний и, наконец, целых новых систем нотации — чрезвычайно характерны и показательны. Иногда бывает достаточно раскрыть и бегло перелистать певческую рукопись для того, чтобы по внешним признакам одной только нотации определить век, к которому относится рукопись. Точная датировка требует, разумеется, более тщательного изучения.

Руководства по общей палеографии неизбежно содержат таблицы, иллюстрирующие постепенные изменения, происходящие в написании (рисунке) букв по векам, однако о том, что подобные изменения претерпевают не только буквы, но и нотные знаки в певческих рукописях и что эти изменения вполне закономерны, — не упоминается. Такие таблицы содержатся только в специальной литературе, но они представляют собой первые попытки систематизации нотных знаков с точки зрения внешне-палеографической, далеко не совершенны, не полны и должны быть пересмотрены и улучшены. Тем показательнее тот факт, что ни одно из пособий по русской палеографии даже частично не использует хотя бы этих таблиц.

В графическом развитии безлинейных нотных знаков можно наметить общую основную линию, по которой шло это развитие, и подробности, касающиеся каждого знамени в отдельности. В последнем отношении между знаменами и буквами обычного текста может быть в некоторой степени проведена параллель: знамена могут быть также разделены на „уставные“, „полууставные“ и „скорописные“. Применение этих терминов к знаменам, конечно, условно.

Почерк знамен древнейших певческих знаменных рукописей, примерно XI—XIII (до некоторой степени и XIV) вв., может быть назван „уставным“. Знаменам этого периода свойственны некоторая грубоватость, жирное письмо и квадратность. Эти признаки не всегда обязательны и выдержанны. В знаменах древнейшего периода большее значение имеет другой признак, с течением времени приобретающий все более заметную отчетливость.

Большая часть известных крюковой семейографии знамен состоит из двух соединенных вместе частей: вертикальной и горизонтальной. Сопряжение этих частей друг с другом и самостоятельное развитие

каждой из них имеют большое значение и очень показательны. Ниже подробно рассматривается эволюция наиболее характерных знамен, а здесь мы поясним сказанное на примере „крюка“, независимо от видовых начертаний последнего.

Во всяком крюке есть тонкая вертикальная и жирная горизонтальная черты: \angle

Общий закон развития всех знамен, имеющих оба упомянутых элемента, есть: 1) изменение размеров вертикальной черты и ее наклона; 2) изменение наклона и рисунка горизонтальной черты; 3) изменения угла в стыке вертикальной и горизонтальной черт.

Этот закон состоит в том, что, начиная с древнейшего времени, вертикальные черты знамен увеличиваются в размерах, продолжая, как правило, оставаться тонкими. Наклон их изменяется так же, как и наклон всех знамен вообще. Только в древнейших рукописях XII—XIII вв. можно видеть обратное явление: толстый нажим короткой вертикальной черты и далее тонкую, как бы сходящую постепенно на-нет, горизонтальную черту.

Кроме размеров, претерпевает также заметные изменения наклон вертикальной черты. Из наклоненной вправо в XV—XVI вв., к XVII и XVIII вв. она становится совсем или почти вертикальной. Горизонтальная черта (фактически редко имеющая действительно горизонтальное положение и называемая так условно) все более и более склоняется влево. Правый край поднимается и в конце загибается вниз. Угол, образуемый стыком вертикальной и горизонтальной черт, из тупого становится прямым, а затем острым.

Помимо этого, знамена рукописей XVIII и особенно XIX вв. становятся в полтора-два раза крупнее знамен более ранних веков. Следует при этом заметить, что рукописи XII—XIII вв., в отношении размеров знамен, распадаются на два вида: крупного и мелкого письма, что не мешает сохранению „уставности“ их написания.

В одном отношении написание крюков разнится от написания букв текста. Для последнего имеет значение то, укладываются ли отдельные буквы в строку, и то, как и какие отдельные элементы букв выходят за ее пределы. Для знамен понятия строки не существует (не смешивать с музыкальным термином „строкá“!) и с палеографической стороны не имеет значения, выходят ли отдельные части знамен за пределы двух воображаемых горизонтальных линий, в которые они мысленно могут быть уложены, или не выходят. Добавляемые к знаменам дополнительные знаки („облачки“, „сорочьи ножки“) не играют роли „надстрочных“ знаков, понятие о которых к знаменам неприменимо.

В связи с этим уместно подчеркнуть, что и самые знамена нельзя называть „надстрочными значками“ (как это делает, например, Е. Карский в своем учебнике палеографии) только на том основании, что они пишутся над строкой текста. Текстовые надстрочные знаки связаны с текстом и подчинены ему, тогда как нотная строка самостоятельна

и не подчинена тексту, хотя и находится с ним в тесной связи совсем иного, музыкального порядка.

Для того чтобы представить себе, каким законам подчинены графические изменения знамен по векам, следует иметь в виду, что все знамена можно разделить на самостоятельные и производные. Самостоятельные знамена, хотя и могут включать в себя вертикальные или горизонтальные черты (о развитии которых сказано выше), в основе своей оригинальны по рисунку. Наоборот — производные знамена не оригинальны и представляют собой начертания, использующие самостоятельные знамена или части их в качестве составных элементов. Отсюда ясен вывод: производные знамена, с графической стороны, эволюционируют так, как эволюционируют основные знамена, являющиеся для них первообразом.

В знаменной семейграфии насчитывается очень много знамен, включая видовые их изменения, — более семи десятков (к XVII в.). Видовые изменения также являются палеографическим признаком (о чем ниже), но из сказанного видно, что с графической стороны палеограф должен обращать главное внимание на написание основных знамен.

В помещаемой ниже таблице приведены не все основные знамена, но лишь те, которые наиболее показательны, а также некоторые производные. В написании их мы не считаем нужным подражать почерку старинных рукописей, в точности копируя его, ибо каждая певческая, как и всякая иная рукопись, носит на себе следы личного почерка писца. Самое главное — это то общее направление, в котором шло развитие нотной графики. В равной степени в таблице указаны не все века в отдельности, так как почерк знамен эволюционировал медленно и постепенно и наряду с „забеганием вперед“ в графике знамен можно часто наблюдать „рецидивы“.

Изменения написания отдельных знамен в основном таковы:

1) Параклѣтъ — сперва склоняется влево, затем становится прямо, в дальнейшем наклоняясь направо. Значительно изменяет свой вид, перерождаясь из греческой буквы „сигма“ в начертание, близкое крюку.

2) Запятая — сперва лежит на правом боку, затем выпрямляется и вытягивается. Острый угол закругляется и получает нажим.

3) Голубчик бѣрзый — развивается подобно запятой. Точки, первоначально расположенные по вертикали, одна над другой, приближаются к горизонтали и преобразуются из точек в короткие, жирные черточки.

4) Статья свѣтлая — левая половина состоит из двух коротких лежащих черт, правая — из двух точек. С течением времени появляется наклон влево, а точки перерождаются в черточки, подобные левой половине знамени. Поздние статьи приобретают заметный нажим. Следует отметить, что написание правой половины статьи светлой в виде двух точек — явление очень упорное, которое можно встретить даже в XVI в.

Таблица развития начертаний знамен по векам

№№ по под	Наименование знамен	XII-XIV века	XV-XVI века	XVII-XVIII века
1	Параклит	Σ Σ	Σ Σ	Σ Σ
2	Запятая	>	∩ ∩	∩ ∩
3	Голубчик борзый	>:	∩	∩̇ ∩̇
4	Статя светлая	==:	==: ==:	==:
5	Палка	∩	∩	∩ ∩
6	Стрела простая	==—	==— ==—	==— ==—
7	Стрела светлая	==:—	==:— ==:—	==:— ==:—
8	Паук	σ	σ σ	Δ Δ
9	Фита	⊖	⊖	⊖
10	Крвиж	+ +	x +	+
11	Змейца	∫	∫ ∫	∫
12	Два в челну	∩	∩	∩
13	Крюк простой	∩ ∩	∩ ∩	∩ ∩
14	Стопица	∩ ∩	∩	∩ ∩

5) Пá л ка — из наклонной влево короткой черты становится изогнутой, с тонкой вертикальной чертой справа.

6) Стрелá простáя и стрелá свѣтлая — развиваются одинаково. Левая часть их претерпевает те же изменения, что и левая часть статьи светлой. Правая часть — горизонтальная черта — в древнейших рукописях почти горизонтальна, имеет нажим слева и постепенно утончается к правому концу. К XVII в. она наклоняется влево, а правый конец загибается вниз. Все вообще знамена, имеющие горизонтальную черту, имеют общие особенности в развитии, к чему мы еще вернемся в связи с крюками.

7) Стрелá свѣтлая — также как не показанные в таблице другие виды стрел — развивается подобно стреле светлой. В этой стреле важно присутствие двух точек над горизонтальной чертой. Эти точки, сколько бы их ни было, как и крыжи под чертой в крыжевых стрелах (основные показатели вида стрел), в течение долгого времени, вплоть до XV—XVI вв., сдвинуты влево, к началу горизонтальной черты, и только к концу XVI и началу XVII вв. раздвигаются и отходят в правую сторону.

8) Па ў к — первоначально имеет вид „петли“, а затем развивается подобно крюку, принимая сходный с ним вид.

9) Ф и т á — знак „служебного“ назначения, не имеющий звукового содержания („роспева“). В древнейших рукописях пишется как небольшой кружок с поперечной чертой, выходящей за его пределы. С течением времени „кружок“ вытягивается вверх и заостряется, а поперечная черта наклоняется влево и в правой части получает заметный нажим. В поздних рукописях „кружок“ еще больше вытягивается и заостряется и пишется в два движения пера. Поперечина не выходит за его пределы.

10) Кры ж — одно из знамен, на котором в наибольшей степени можно проследить „уставность“ письма в XII—XIII вв. В это время поперечная его черта имеет уголки, загнутые вниз наподобие буквы „твердо“. Позднее вертикальность средней линии теряется, и крыж начинает напоминать арифметический знак умножения. К XVII в. вновь принимает вертикальное положение, вертикальная линия вытягивается, а горизонтальная сокращается и приобретает вид черточек, составляющих статьи.

11) З м ѝ й ца — (искаженная греческая буква „кси“) — сперва имеет вид маленькой, поставленной вертикально змейки. В дальнейшем изгибы змейки укрупняются, и знамя пишется в три, реже в четыре завитка, в конце-концов распадающихся, так что знамя начинает уже писаться как столбик из двух наклоненных направо коротких толстых черточек с крышечкой наверху.

12) Два в челнѹ — развивается как крюк, с той разницей, что в этом знамени не одна, а три вертикальные черты: крайняя левая — основная и две средние — добавочные (откуда и название — „два в челну“). Основная вертикальная линия несколько выше двух других. Только в XVIII в. две добавочные линии приравниваются к основной, а иногда даже превосходят ее по размерам. В ранних рукописях добавочные черты перпен-

дикулярны к горизонтальной черте, тогда как в поздних располагаются к ней под углом, становясь параллельными вертикальной черте.

13) Крюк — в начертании содержит два основных элемента: вертикальную и горизонтальные черты, о развитии которых уже говорилось.

14) Стоп́ица — речитативный знак. В древнейших певческих памятниках встречается в очень большом количестве, становясь значительно реже в памятниках более поздних. Имея первоначально вид маленькой „кавычки“, позднее преобразуется главным образом за счет вырастания вертикальной черты. Горизонтальная черта, в виду незначительных ее размеров, остается почти без изменений.

О крюке, стрелах и сходных с ними знаменах следует заметить еще то, что в конце XV и начале XVI вв. особенности их написания являются причиной явления, которому мы присваиваем наименование „наслоения знамен“. Возникает оно как следствие господствующего в это время размашистого и широкого, как бы „хлесткого“ письма горизонтальных черт знамен, в результате чего знамена небольшие и сжатые по написанию, также как и начало (левые половины) „размашистых“ знамен, оказываются покрытыми чрезмерно развитыми горизонтальными чертами крюков, стрел и им подобных знамен. Под такой гипертрофированной горизонтальной чертой уместается иной раз по три-четыре других знамени. С внешней стороны описанное явление настолько выразительно, что подобные „наслоенные“ рукописи нельзя смешать ни с какой другой рукописью.

Несколько слов о фитах. Наименование „фита“ имеет двойное значение. Первое — чисто графическое, т. е. собственно буква фита, со всеми ее особенностями, освещенными выше. Второе значение сложнее и связано с музыкой. Вообще буква фита („знак фиты“) в отдельности в нотной строке не встречается, так как не имеет певческого значения. Знак фита — это только своеобразный графический „центр“, вокруг которого собираются — справа и слева — другие знамена, образуя, вместе со знаком фиты, сложную графическую совокупность, сложное начертание, только в виде такого сочетания имеющее певческое значение.

Количество и подбор знамен вокруг знака фиты представляют собой палеографический признак: чем сложнее „окружение“ знака фиты, тем к более позднему времени относится рукопись. В древних рукописях знак (буква) фиты нередко появляется только с одним сопровождающим его знаменем, чаще с двумя-тремя, тогда как в окружение поздних фит, как правило, входит пять-шесть и больше знамен.

Наконец, чем позднее памятник, тем больше в нем встречается фит, как сложных начертаний. Последнее связано с постепенным усложнением напевов, что требует новых более сложных графических средств. С другой стороны, некоторые устаревшие певческие знаки (знамена) выходят из употребления. Таким образом, по степени сложности нотации и по присутствию и употребительности тех или иных знамен можно составить себе представление о возрасте памятника (крюк тресветлый,

например, появляется в рукописях не ранее первой трети XVI в. и т. п.).

В некоторых случаях певческие нотации позволяют уточнить датировку рукописи, произведенную, на основании общепалеографических данных, лишь приблизительно. Так, нередко рукописи датируются какой-либо половиной века (по водяному знаку). Если, например, это вторая половина XVII в., то почти всегда особенности нотации позволяют отнести памятник, при этом с полной уверенностью, к третьей или четвертой четверти века. Это оказывается возможным сделать на основании небольших добавочных чернильных обозначений при знаменах или так называемых „призна́ков“. Время появления „призна́ков“ известно: они были введены в употребление второй комиссией Александра Мезенца в 1668 г. Следовательно, всякая „призна́чная“ певческая рукопись должна быть отнесена ко времени после 1668 г. Следовательно, „призна́ки“ являются палеографической особенностью, присущей рукописям начиная с 1668 г. В изучении поздних рукописей они оказывают исследователю существенную услугу. Однако при рассмотрении „призна́чных“ рукописей следует быть внимательным, памятуя, что в некоторых поздних старообрядческих рукописях, поморских, в частности, призна́ки не применяются, и их отсутствие не должно вводить в заблуждение, также как и некоторые присущие им текстовые особенности (сохранение раздельноречия), являющиеся пережитками уже вымершей старины.

Указанные особенности нотаций и палеографические их „возможности“ этим не исчерпываются. Ограниченный объем статьи заставляет изложить ряд интересных моментов не так подробно, как это можно было бы сделать в специальном учебнике певческой палеографии, но этих целей настоящая статья и не преследует.

Если „призна́ки“ имели значение как средство определения времени написания рукописи в относительно узких пределах, то в более общем объеме позволяют это сделать киноварные пометы (иначе — „красные“ или „шайдуровские“).

Пометы, в противоположность „призна́кам“, не имеют определенной даты их изобретения, да и вообще время их появления достаточно точно не установлено. Пометы распадаются на два вида: указательные и степенные. Первые, — начав появляться в рукописях ранее вторых, — определяли собой характер исполнения тех знамен, при которых они проставлялись. Время появления указательных помет, примерно — конец XVI в. Эти пометы — красные буквы, в большинстве скорописные, ставившиеся при некоторых знаменах. Вторые пометы — степенные — определяли, будучи проставлены при знамени, степень, абсолютную высоту исполняемого звука (или звуков). Степенные пометы также писались киноварью. В отличие от указательных помет, буквы помет степенных — полууставные и не повторяют букв, используемых для указательных помет. Время появления степенных помет точно не установлено. Обычно его относят к середине XVII в.

В связи с появлением в певческих рукописях киноварных помет, принято разделять всю массу певческих крюковых рукописей на две основные группы: группу беспометную — до середины XVII в. и группу пометную — после середины XVII в. Это служит одним из средств самого общего, приблизительного определения возраста рукописи, после чего можно вносить уточнения, пользуясь другими способами.

Применение указательных помет в рукописях конца XVI и первой половины XVII вв. встречается очень редко; широкое применение оба вида помет получают, при одновременном их использовании, с середины XVII в. Поэтому рукопись не полностью, а лишь участками „помеченная“ должна заставить насторожиться и задать себе вопрос: нет ли здесь попытки расстановки помет, так сказать *post factum*, в рукописи, относящейся к беспометному периоду? Такие попытки известны. Имеются рукописи XVI в., в которых проставлены степенные пометы. Малоопытного исследователя такие случаи могут дезориентировать и заставить впасть в ошибку. Поэтому самым основным средством определения певческой рукописи, при всех условиях, остается семейография и ее данные.

Существенное различие между общими и певческими, если можно так выразиться, средствами определения рукописей состоит в том, что среди первых большее число (например, водяные знаки) связано с точно установленными датами, тогда как из семейографических данных с точной датой связано только введение признаков.

Для каждого века особенности певческих рукописей различны по количеству, качеству и по своей „очевидности“ как для музыканта, так и для не-музыканта. Во всяком случае не подлежит сомнению, что внимательное отношение палеографа к певческим нотациям в особенности, как и к текстам, может заставить его совершенно иначе оценить рукопись и найти в ней те достоинства, которые, без учета специфически-певческой стороны дела, остаются скрытыми совсем или, в лучшем случае, недооцененными.

Возьмем, например, известный Благовещенский кондакарь, хранящийся в Рукописном отделении Ленинградской публичной библиотеки. Русских рукописей его времени (т. е. конца XI — начала XII в.) известно достаточное количество. Среди этого количества рукописей нотированных (певческих) очень немного. Уже одно это обстоятельство выдвигает Благовещенский кондакарь на почетное место. Если же учесть то, что певческих русских памятников, писанных „кондакарной“ нотацией, сохранилось всего пять (все они находятся в России), а Благовещенский кондакарь — древнейший и наиболее полный и сохранный, то это еще более увеличивает его ценность. Текстовая сторона названного кондакаря также содержит ряд ценнейших и только ему присущих особенностей. Все это заставляет смотреть на Благовещенский кондакарь как на памятник, стоящий на одном уровне с Остромировым Евангелием, а с точки зрения певческой — являющийся уникальным сокровищем, имеющим мировое значение.

Система кондакарного пения, вместе с ее нотацией, оказали влияние на знаменную систему и ее нотацию. Не входя в рассуждение о том, что представляет собой кондакарное пение (это один из очень темных вопросов), заметим, что его влияние выразилось в заимствовании знаменной нотацией отдельных кондакарных начертаний, а нередко и в целых небольших вставках кондакарных участков в нотные строки знаменных рукописей. Заимствование знаменными рукописями двустрочных кондакарных знамен внезапно прекращается в XIV в. Было ли это следствием „реформы“ в церковном пении или каких-либо иных причин — особый вопрос. Важно то, что присутствие пережитков кондакарного знамени в знаменных рукописях позволяет их соответственным образом датировать.

Мы приходим к тому, какое значение имеет присутствие в рукописях того или иного вида нотации как средства не только ее датировки, но в некоторых случаях и установления их происхождения и места написания.

Безлинейных нотаций известно несколько видов (не считая нотаций случайных, носивших „экспериментальный“ характер и не получивших распространения). Эти виды нотаций включают в себя: а) основной и господствующий вид — знаменную нотацию („столповое знамя“); б) демественное знамя („демество“); в) путевое знамя („путь“) и г) казанское знамя. Принадлежа к безлинейным нотациям, все они исходят из знаменной нотации („столпового знамени“), подчинены ему, и нотные знаки их, с графической стороны, не оригинальны, так как образованы из различных сочетаний отдельных элементов „столпового знамени“. Все эти „производные“ нотации (§§ б, в и г) на несколько веков моложе знаменной нотации.

Наиболее важно и более других распространено демественное знамя. Происхождение его не выяснено, но установлено, что рукописи, писанные этим видом нотации, встречаются не ранее конца XVI в. Что касается применения к деместву и другим видам безлинейных нотаций киноварных помет и признаков, то в этом отношении о них можно повторить то, что было об этом сказано в связи со знаменной нотацией. Наибольшее распространение демество получает в XVII в., к которому и относится большинство демественных рукописей.

Путевая нотация менее развита, в сравнении с демественной, и соответственно менее распространена. В специальной литературе высказано предположение, что путевой „роспев“, а позднее и соответствующая ему путевая нотация, были созданы певчими дьяками царя Ивана Грозного. Путевых памятников от времени царствования Грозного не сохранилось, и рукописи, в которых встречаются участки путевой нотации, относятся преимущественно к самому концу XVI в., чаще же — к первой, а еще больше — ко второй половине XVII в.

Казанское знамя насчитывает единичные памятники. Как еще менее оригинальное, чем демество и путь, оно оказалось нежизнеспособным. Единственное его „преимущество“ — это относительно точная дата его

возникновения. Казанское знамя было изобретено русскими роспевщиками с целью увековечения исторического события — взятия Казани Иваном Грозным. Отсюда и датировка памятников казанского знамени — не раньше взятия Казани.

Использование присутствия казанского знамени в певческих рукописях как одного из средств их датировки имеет лишь принципиальное значение и практически вряд ли применимо, коль скоро ранних памятников казанского знамени не сохранилось, а редчайшие памятники позднейшего происхождения известны наперечет. Возможность обнаружения новых памятников мало вероятно, но не исключена, что выдвигает казанское знамя, наряду с другими, в ряд палеографических факторов.

Пятилинейная нотная система в различных частях России была усвоена и принята в разное время и в разной степени. Она дает возможность в некоторой мере судить не только о возрасте рукописи, но и о ее происхождении.

Пятилинейная нотация — явление довольно позднее. В Московской Руси „квадратная“ пятилинейная нотация распространилась к концу XVII в.; в Южной Руси, имевшей постоянную связь с Польшей, она стала известна раньше почти на столетие. Присутствие квадратной пятилинейной нотации позволяет грубо датировать памятник концом XVII в. или рубежом XVII и XVIII вв., если в рукописи пятилинейная нотация перемежается с крюковой. Рукописи полностью пятилинейные чаще всего принадлежат уже XVIII в.

Круглая пятилинейная „итальянская“ нота — явление уже настолько позднее, что мы не будем задерживаться на ней.

Существуют певческие рукописи, в которых совмещаются разные виды нотаций не в порядке чередования, но одновременно в виде параллельного двустрочного изложения напева на один и тот же текст. Такого рода рукописи носят наименование „двознаменников“ (двустрочная кондакарная нотация, разумеется, не имеет с двознаменниками ничего общего).

Самым характерным видом двознаменников являются двознаменники знаменно-пятилинейные. Их появление и применение вызвано практическими соображениями обучения церковных певцов новой для них нотной системе. Это обстоятельство датирует двознаменные рукописи: это период „разложения“ знаменного распева и его борьбы с пятилинейной системой, т. е. рубеж XVII и XVIII вв. с незначительными отклонениями в ту и другую сторону.

Относительно палеографической ценности нотаций уже сказанное можно дополнить лишь указанием на то, что палеографические певческие данные рукописи находятся в таком же отношении к ее обще-палеографическим данным, как ее чисто-музыкальное и общее содержание: не определяя друг друга, они взаимополняют одно другое, из чего, в конечном счете, складывается абсолютная научная значимость памятника.

МЦАТО ВЪ КЪ ІОУДАА ВЪ МОЩЬ ГЛА. А
 ПРИБЛИЖАЮСЯ ДНИ СВЯТЫ ЦРКВИ БОЖИИ.
 СВЯТАШИ БЛАГОДАТНЮ НВЪРЬНО
 ТВРЖЬ ТВОУЕТЬ ПРАЗДНО АЮБЬЦЫ
 БОРЬ КЪ ВЪЗВРАЩЕННЮ УВЪСТЫНЪИ
 ХЪ МОШНІ ТКОУХЪ ПРЕПОДОБЬНЕСТЬ
 УЕНОВА НЕЗЛАТОУСТЕ НСЛАВНІ ТХРН
 ІТА ТОКОЮ ПАДАЮЩА НАМЪ ВЪ ВЕЛИКОМНОСТІ
 НЗНАСА БЛАГОДАТЬ ВЪ ОУСТЫНАХЪ
 ТКОУХЪ ПРЕПОДОБЬНЕСТЬ УЕНОВА НЕ

Образец знаменной рукописи XII в. (Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Софийск. библ. № 384, л. 37 об.).

БОЛѢЗНЕМЪ. ИСТРАСТЕМОЕН
СЦѢЛЕННЫМЪ. И ПЕСТАЧЕЧЕСКИ
И МОНАСТЕМОИСЦѢЛИТЕЛЬ.
И КРИСТАМОЛИТЕСЬ ПАСТИСАДОВ
ШАМОАШИМЪ: НА СЛАС
ВЕСАКЪ ГРАДЪ И СТРАНА. СЛА ПЕНО
ШМОУ ГРАДОВУ НАШЕМОУ СЪ РАДОВ
ИСТА. ПРАВДЕНОУЩЕ ДЕНЕСЕ. И
БОДИПНЫ И ПРАЧЬ. ИСТАСИ ПЕ
ЛЬНАШЬ ДЕЛИКИ И ПЕТРШОНЕ
БЕСЕНАГО ПРАЧЕ ПЕСИ ПАЛЪ ЧУБЫ
ПРЕДЪЛАГАТЕ. И СЪ НЕПРЕСТАМЕ
НО ИМОЛЪ ЧУБАМО ПЕСИ СЪХЪ. ТИХШ
СЪ СДА. НЕХИТРОСТЕМИ ЧЕЛОПѢ
ЧЕСКИМЪ. НИШЕБЪ САНИЕМЕ. НО
ДѢИСТПОМЕ ДОУХА СПИТАЛАГШ.

Количество нотопевиных певческих рукописей, которыми располагают книгохранилища, очень велико, но палеографическая ценность нотопевиных рукописей не соответствует их числу и уступает таковой крюковых безлинейных рукописей. Оно и понятно: нотопевиные рукописи не имеют за плечами стольких веков жизни и развития, как рукописи безлинейные. Появление нотных рукописей в русской певческой практике относится, как уже было указано, примерно, к последней четверти XVII в., тогда как безлинейные рукописи восходят к XII в. Естественно поэтому, что крюки дают наглядную картину постепенного развития начертаний, столь же показательную и убедительную, как и развитие начертаний букв славянского алфавита. Нотопевиные рукописи этим похвалиться не могут.

При несомненном существовании разницы в написании „современных“ нот XVII—XVIII и XIX вв., приобретает значение не столько эта разница, сколько самое появление в певческих рукописях пятилинейной нотации. Появление в певческих сборниках обоих видов нотаций — точнее песнопений или целых служб, писанных то одной, то другой нотацией, — служит одним из соображений, которые приходится принимать во внимание при датировке таких сборников.

В XVII в. в певческих рукописях появилось множество нововведений, добавлений и усовершенствований, поэтому XVII в. дает исследователю наибольшие возможности для внесения уточнений в первоначальную общую оценку рукописи, сделанную с помощью основных данных. В нотных строках появляется специальная певческая терминология, указания на „роспéвы“, связанные с именами видных деятелей русской певческой культуры, появляются „розвóды“ лиц, фит и сложных знамен, появляются, наконец, более полные и совершенные теоретические руководства, зарождение которых относится к XV в. Поэтому, вполне естественно, XVII в., как, впрочем, и конец XVI в., дает наибольшие возможности для многосторонней оценки рукописи.

Лица и фиты представляют собой сложные мелодические обороты, зашифрованные в столь же сложные сочетания знамен, своего рода графические формулы. Заключенные в них напевы первоначально не были столь сложны и многочисленны, как в период наибольшего развития знаменного пения, совпадающий с концом XVI и XVII вв., и русские распевщики и певчие дьяки могли полностью удержать их в памяти. С течением времени фиты усложнялись и число их увеличилось, что вызвало к жизни два явления: появление специальных сборников фит с их розводами — объяснениями, изложенными „дрóбным знáменем“, и такие же розводы лиц и фит, помещенные прямо среди певческого текста.

Первые теоретические руководства, относящиеся к XV и XVI вв., содержали краткое перечисление начертаний фит, без их розводов. Розводы в фитниках этого времени — редчайшее исключение. В фитниках розводы появляются не ранее первой половины XVII в. вместе с увеличением числа розводимых фит. Следовательно, по содержанию фитников,

числу включенных в них начертаний и числу и качеству разводов можно судить о времени написания фитника.

Для получения необходимых разъяснений певцы не всегда имели возможность обратиться к помощи фитника. Отсюда возникла необходимость, как уже было сказано, разъяснения недоумений, так сказать, „на месте“ — непосредственно в самой певческой рукописи. Как следствие этого, появились разводы среди рядового певческого текста. Это — явление XVII в. Но и оно не было постоянным и своеобразно эволюционировало. Первоначально соблюдалась бóльшая „корректность“: сперва приводилось само сложное начертание фиты, затем ставилось сокращенное (редко полностью) слово „розвѣд“ (Ро³:), а уж затем следовала строка дробного знамени, собственно развод. Позднее „корректность“ была оставлена, и разводы стали помещаться прямо в тексте, без обозначения соответствующих им начертаний и без сокращенного обозначения начала развода.

Каждому из описанных явлений свойственно свое время: первому — почти весь XVII в., второму — конец XVII в. и весь XVIII в.

С внешней стороны наличие или отсутствие фитных начертаний, обозначений развода и самих разводов очень заметно и легко определимо „на-глаз“, что существенно при беглом осмотре и первоначальной классификации певческих рукописей.

Еще одна подробность: имеет значение расположение материала в певческих азбуках. В этом отношении каждый век имеет свое „лицо“: XVI в. — самое краткое перечисление материала, без объяснений, XVII в. — изложение более подробное, с объяснениями и разводами. Во второй половине века — обогащение азбук кокѣзниками — сборниками попевок. XVIII в. и позже — в основном то же содержание, но еще более детализированное. Зато в фитниках весьма показательное явление: разделение их на два самостоятельных отдела, из коих первый посвящен лицам, второй — фитам, вместо свойственного XVII в. расположения материала без разделения на лица и фиты, по гласам или празникам. Кроме того, азбуки конца XVIII и начала XIX вв. обогащаются краткими отделами методического порядка, содержащими „проўки“.

Мы умышленно остановились так подробно на теоретических руководствах по знаменному пению, в целях показа того, что их присутствие и содержание может в значительной мере ориентировать палеографа и существенно помочь ему, не заставляя прибегать к анализу их чистомузыкального содержания, что уже выходит за пределы понятия палеографии в узком значении этого слова.

Зачастую приходится слышать возражение, что от палеографа нельзя требовать того, чтобы он одновременно был и музыковедом. На первый взгляд это возражение может показаться справедливым, но в действительности оно неосновательно, ибо певческие рукописи и нотации певческих рукописей являются предметом палеографии до тех пор, пока они рассматриваются с одной внешней стороны, без проникновения

в их музыкальное содержание, несмотря на то, что последнее имеет большое значение при установлении возраста музыкального памятника и многих других его особенностей. Это, бесспорно, дело не палеографа, а музыканта. Зато изучение нотаций певческих рукописей с внешней стороны — это дело палеографа, который не может проходить мимо него.

Всякому ясно, что любое руководство по палеографии подверглось бы самой суровой критике (и совершенно справедливо), если бы его автор ничего не сказал о заставках, орнаменте и миниатюрах на том основании, что он не художник. Поэтому и забвение палеографами певческих нотаций не может быть оправдано тем, что это якобы не палеография а музыка.

Певческая рукопись — это специфический вид рукописи, но что же из этого? Свою специфику имеет любая рукопись, но, повторяем, специфика певческих нотаций должна стоять рядом со всеми другими средствами, которыми пользуется в своей работе палеограф. Во всяком случае не подлежит сомнению то, что в некоторых случаях и в тех пределах, в которых это вообще возможно, полное определение и датировка певческой рукописи не могут быть достигнуты средствами одной общей палеографии, без привлечения певческих нотаций.

Можно было бы сообщить много интересного относительно того, какой свет проливает и на возраст и на происхождение певческой рукописи изучение содержащихся в ней напевов с чисто-музыкальной стороны, ибо происхождение некоторых роспевов и вариантов знаменного пения связано с определенными территориями и именами деятелей церковно-певческого искусства: таковы Соловецкий и Усольский „переводы“, Христианинов „роспев“, „произвол“, стихиры „деспота российского“ Ивана Грозного, „роспев“ царя Алексея Михайловича и многое другое.

Исследователь рукописи всегда обращает внимание на то, где, в каком монастыре написана рукопись, о каких святых имеется упоминание и т. п. А если ничего этого нет, а есть только почерк знамен XVI в. и упоминание о „деспоте российском“ — разве не заставляет это вспоминать о слободе Александровской? Имена роспевщиков служат своего рода „ориентирами“, приводящими к тем областям или городам, в которых протекала их жизнь и деятельность.

Подчеркиваем еще раз, что в области певческой палеографии, как и в общей палеографии, не все приемы определения возраста и происхождения рукописей равноценны. Среди них относительно немногие позволяют составить характеристику рукописей „сразу“, не прибегая к более кропотливой их обработке. Но возможности музыкально-певческой палеографии вполне достаточны для того, чтобы определить рукопись, пользуясь совокупностью признаков и даже не прибегая к общепалеографическим методам. Из сказанного, конечно, мы отнюдь не делаем вывода, что певческие и общепалеографические методы исключают друг друга. Наоборот, дополняя друг друга, они служат одним и тем же це-

лям всестороннего раскрытия внешних особенностей и внутреннего содержания памятника.

Прежде чем коснуться текстов певческих рукописей, вспомним еще об одном виде этих рукописей. Это рукописи многоголосные, в которых над одной строкой текста расположены две, три или четыре строки певческих знаков — короче, о знаменных и демественных „партитурах“.

Присутствие над текстом нескольких строк знамен указывает на возможность отнесения демественных партитур ко времени не ранее первой половины XVII в., а знаменных — к концу XVII в. В имеющихся памятниках число певческих строк не дает оснований для пересмотра этой датировки, так как в один и тот же хронологический отрезок можно встретить и двух- и четырехголосные партитуры.

В партесном многоголосии, изложенном средствами пятилинейной нотации, имеет значение форма изложения в виде отдельных партий для каждого голоса порознь или в собранном виде, объединенными в партитуру. Время господства пятилинейного многоголосия — XVIII в. Многоголосные партесные концерты, состоящие из отдельных партий, чаще встречаются в конце века, а собранные в партитуру — в начале его, но точное разграничение здесь затруднительно.

Тексты певческих рукописей — составная их часть, имеющая важнейшее значение. Если отбросить специфичность текстов крюковых рукописей и обратиться к ним так же, как мы обращаемся к тексту любого иного содержания, то окажется, что тексты певческих рукописей имеют некоторые особенности и преимущества, в сравнении с текстами не-певческих рукописей. Относительно небольшой процент певческих рукописей, в особенности пергаменных, от общего числа сохранившихся древнерусских рукописей, только повышает их удельный вес.

Если бы мы подошли к текстам певческих рукописей с обычной общепалеографической меркой, то навряд ли они смогли бы внести много нового. Мы бы увидели знакомую картину уставного почерка древнейших рукописей, перехода от устава к полууставу с общеизвестными особенностями написания отдельных букв. Скорописные тексты также не вышли бы за рамки обычного. Однако ценность певческих текстов не в их графической стороне: их ценность в другом.

Обратимся к древнейшим пергаменным рукописям. В них над каждым слогом текста стоит тот или иной певческий знак — знамя. Это обстоятельство свидетельствует о том, что каждый слог текста, хотя бы и в условиях пения, произносился, точнее — выпевался. Певческие знаки находятся в равной мере и над слогами, содержащими в себе буквы „ер“ и „ерь“. Они остаются над ними и в рукописях того периода, когда „ер“ и „ерь“ выпали из произношения в повседневной речи. Из этого и проистекает основное различие между текстами певческими и не певческими. В певческих текстах, в силу необходимости исполнения напева, выписывались все слова полностью, с сохранением всех „ер“ и „ерь“ и первоначальных форм слов, независимо от эволюции и позднейшего

характера их произношения. По той же причине певческие тексты никогда не знали сокращений под титлами (в виде исключения встречаются сокращения односложных слов — БГЪ, СНЪ, а также традиционные сокращения двухсложных слов — МТРЬ ДВЪ — в особо сложном мелодическом обороте — фите „кобыла“).

Этой своей особенностью — отсутствием сокращений — певческие рукописи оказывают большую услугу русскому языкознанию, показывая, на примерах длинных и разнообразных текстов, развитие русского языка и произношение слов таким, каким оно было в годы написания памятников, не скрывая его под сокращениями. Ни один другой вид рукописей не может похвалиться указанными особенностями, являющимися достоинством только певческих рукописей. Другая особенность еще существеннее.

Общеизвестный факт „падения глухих“ в русской речи вызвал к жизни в русских певческих текстах в высшей степени своеобразное явление — „раздельноречие“ или „хомонию“. Это явление также присуще только певческим рукописям, что и естественно: присутствие напева не может не внести в палеографию и язык певческих рукописей таких особенностей, которых нельзя отыскать в рукописях не-певческого содержания.

Мы не будем подробно разбирать существо раздельноречия и формы его постепенного развития; ограничимся лишь указанием на то, что в рукописях раздельноречного периода — т. е., примерно, с XIII в. и едва ли не до третьей четверти XVII в. включительно — произошла замена буквы „ер“ буквой „о“ и буквы „ерь“ — буквой „е“, вызванная все той же необходимостью сохранения неприкосновенным напева. Замена привела к появлению своеобразных, зачастую уродливых словообразований и „хомовых“ окончаний в тексте, получивших наибольшее развитие в XVI и первой половине XVII вв.

Степень развития и характер раздельноречных изменений текстов — одно из средств приблизительной датировки певческого памятника. Не менее важное значение имеет также исчезновение хомовых окончаний, связанное с определенными датами и постановлениями соответствующих „властей“, позволяющее прямо относить певческую рукопись к последней четверти XVII в.

На примере рукописи из собрания Погодина уже было показано значение раздельноречия как фактора, способствующего правильной оценке рукописи. Всегда можно найти две певческие рукописи, одинаковые по своим палеографическим особенностям и признакам. Из этого, однако, еще не следует, что обе рукописи одинаковы. Их нельзя отождествлять даже в том случае, если они одинаковы по текстовому содержанию, и происходит это именно от того, что сопоставляются две певческие рукописи. При всех прочих равных условиях (если это вообще возможно) две певческие рукописи могут оказаться различными и, по существу, всегда являются различными, коль скоро всякий „ропсвщик“ — творец певческой рукописи — неизбежно вносил в нее долю своей индивидуальности.

Оставляя в стороне певческие тексты как словесную основу напева, в ее тесной связи с законами развития музыкальной ткани знаменного роспева и с точки зрения формы знаменных песнопений, следует особо отметить раздельноречие как явление текстового порядка, но наложившее неизгладимую печать на напев и вместе с ним ставшее одним из явлений, с которыми нельзя не считаться, оценивая певческую рукопись с палеографической стороны.

Раздельноречие, официально упраздненное из богослужебного пения, настолько глубоко в нем укоренилось, что некоторые старообрядческие секты, поморские, в частности, сохранили его у себя вплоть до XIX столетия. Это всегда следует иметь в виду, в особенности при изучении поздних духовных стихов, богато представленных многочисленными памятниками, с напевом, изложенным крюками.

К вопросу раздельноречия можно было бы более не возвращаться, если бы не одна подробность, правда крайне редко встречающаяся, но могущая заставить исследователя пересмотреть свои позиции. Раздельноречие, при всей его уродливости, могло иметь „смысл“ и место только в певческом богослужебном тексте, самом молитвословии. Но привычка к богослужебным текстам, в их раздельноречных формах, оказалась настолько сильна, что отдельные раздельноречные слова были перенесены в условия, в которых существование раздельноречия казалось бы окончательно неожиданно. Так, например, раздельноречные тексты — отдельные слова и фразы — можно видеть в заголовках служб певческих книг, в которых эти тексты ни при каких условиях не могут быть пропеты и иметь над собой знамена.

Помимо этого, среди певческих рукописей нередко попадаются незаконченные письмом такие, в которых знамена не выписаны совсем или частично (письмо текста и знамен в певческих рукописях производилось разными лицами).

Если бы возможно было взять несколько различных певческих рукописей и каким-нибудь способом вдруг изъять из них знамена, то во всех этих рукописях остался бы один текст, но текст иной в каждом отдельном случае, в зависимости от возраста и происхождения рукописи. Этот текст неизбежно отличался бы от того же текста, если бы он был написан в не-певческой рукописи, потому что только один тот факт, что рукопись — певческая, уже служит основанием для того, чтобы в текстах появились отличительные черты памятников певческого искусства. Некоторые из этих черт требуют тщательной работы, для того чтобы быть обнаруженными, другие — без труда схватываются глазом при поверхностном осмотре рукописи.

Из признаков второго рода следует отметить: а) повторение гласных букв, от нескольких до целых строк; б) расчленение слов на отдельные слоги со вставкой между ними горизонтальных черточек; в) присутствие (преимущественно перед началами фраз) крупных букв „Э“, выписанных чернилами или киноварью.

Отмеченное в §§ „а“ и „б“ указывает на то, что данные тексты подготовлены для размещения над ними дробного знамени разводов лиц или фит, по знамени над каждой гласной буквой или черточкой. В редких случаях это может служить признаком Большого роспева, но в подобных случаях текст приобретает более специфический вид. Указанное в § „в“ служит признаком принадлежности текста к деместву или пути, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вывод ясен: столкнувшись с подобными текстами, исследователь не вправе рассматривать их как обычные, ибо это тексты певческие и, следовательно, рукопись может считаться правильно освещенной и изученной только в том случае, если будет учтено то, что было сказано о раздельноречии, разводах лиц и фит и о демественном и путевом знамени.

Если судить по существующим описаниям и каталогам, — за вычетом едва ли не единственного в своем роде описания рукописей, сделанного Ст. Смоленским для певческих рукописей б. Синодального училища (ныне в Отделе рукописей Исторического музея в Москве), — то можно видеть, что описание певческой рукописи считается законченным, когда над ней произведены все те „операции“, которые считаются обязательными для всякой вообще рукописи. Существование знамен или нот над строками текста обычно только констатируется, да и то не всегда, как факт. Из существующих описаний некоторых собраний рукописей иной раз никак нельзя установить: с нотной или не-нотной рукописью имеешь дело. Решать этот вопрос нередко приходится по случайным „обмолвкам“ описания. Не говоря о том, что подобное положение вещей крайне затрудняет работу, в особенности в том случае, если ее ведет специалист-музыкант, вынужденный благодаря этому проделывать двойную работу, оно и по существу совершенно неправильно с научной точки зрения.

Палеография определяет время и место написания памятника. В части определения места — певческие нотации оказывают помощь в относительно небольшом числе случаев, что же касается времени написания, то данные нотаций в ряде случаев могут оказаться решающими и датирующими памятник без помощи тех палеографических признаков, к которым принято обращаться в первую очередь.

В библиотеках и книгохранилищах певческие рукописи рассеяны по различным отделам и объединяются вместе с другими не-певческими рукописями по самым различным признакам, что создает большие затруднения при их отыскании и, следовательно, при изучении. Следовало бы, конечно, выделять певческие рукописи в особый самостоятельный отдел, тем более, что музыкальная ценность певческих рукописей в большинстве случаев преобладает над другими их достоинствами.

Палеография славянских и русских рукописей уже прочно встала на собственные ноги, тогда как русская церковно-певческая палеография еще не окрепла в должной степени, тем более в той, в какой это оказывается необходимым, если принять во внимание количество и качество имеющегося рукописного материала. В связи с этим новая и еще отно-

сительно „молодая“ палеография церковно-певческих рукописей вправе предъявлять свои требования к описаниям и каталогам певческих рукописей, нередко теряясь в превосходящем их по численности богатстве древне-русских рукописей непевческого содержания.

Певческая рукопись, включенная в описание или каталог славяно-русских рукописей, должна быть охарактеризована так, чтобы исследователь мог из этой характеристики почерпнуть хотя бы самые основные сведения о том, что представляет собой данная рукопись с интересующей его музыкально-певческой стороны.

Существует множество рядовых незаметных певческих рукописей, которым в описаниях и каталогах отводится две-три строчки. „Октоих нотный“ или „Ирмологий на крюковых нотах“ — вот и все, что можно узнать об этих рукописях, кроме „обязательных“ указаний, касающихся века, переплета, да числа листов. Что дадут эти лаконичные обмолвки: „нотный“ или „на крюковых нотах“? Ничего. Из них можно установить только самый факт того, что над текстом имеются какие-то нотные знаки. А что это за знаки и какие напевы выражены этими знаками — так и остается неизвестным. В результате, у лица, просматривающего такую краткую опись, может создаться впечатление, что рукописи не представляют интереса — только на том основании, что о них не сказано ничего сколько-нибудь существенного со стороны общепалеографической или текстовой. Однако такое представление в корне неправильно. Всякая певческая рукопись имеет два содержания: первое то, которое вытекает из ее текста, а второе — заключенное в ее нотных строках, т. е. ее музыкальное содержание. При этом ценность одного „содержания“ певческой рукописи нисколько не определяет ценности другого, и рукопись, не представляющая интереса с точки зрения текстовой, может оказаться исключительно ценной со стороны музыкальной и наоборот. Поэтому всякое описание певческой рукописи должно содержать указания на нижеследующее: 1) вид нотации (крюковая — знаменная, демественная, путевая или иная, пятилинейная; 2) внешний вид и характер нотных знаков (беспометная, пометная, призначная, квадратная нота, круглая нота, двознаменник); 3) певческие особенности текста (старое истинноречие, раздельноречие, новое истинноречие).

Это самые элементарные сведения. Они должны быть помещены, помимо прочих, обязательных для всякого описания данных, во всякое не специально-певческое описание. Специально-певческое описание должно содержать еще множество других подробностей, изложение которых здесь не представляется возможным.

Несмотря на то, что певческая палеография может быть выделена в самостоятельную научную дисциплину, хотя и более узкую нежели общая славяно-русская палеография, нельзя недооценивать той очевидной органической связи, которая существует между обеими этими дисципли-

Как пример приведем воспроизведение в неправильном порядке строк виршевого „канта“ в исследовании В. Н. Перетца „Из истории русской песни“.¹

В. Н. Перетц впал в ошибку потому, что не придал значения нотной строке канта, а из нотной строки можно извлечь прямые указания на то, как и в каком порядке следует читать строки текста.

Излюбленное расположение коротких виршевых строк кантов — столбцами, по два на каждом листе или его обороте. Следовательно, если кант расположен на обороте листа и его лицевой стороне, глазам представляются сразу две „страницы“, заполненные текстом. Слева находятся два столбца с соответствующей им нотной строкой (пятилинейной), справа — то же самое. Каким же образом, в каком порядке должно читать строки текста?

Для решения этого вопроса следует обратиться к нотной строке.

В интересующем нас канте (ГПБ. О. XIV. № 20. Кант № 53, лл. 25 об. — 26) на левом обороте листа нотная строка содержит два такта напева, также как и на правой лицевой стороне листа. Такты разделены между собой небольшой наклонной черточкой — прообразом будущей тактовой черты. Слева второй такт заканчивается обычной тактовой чертой. Справа второй такт ограничен не только тактовой чертой, но и имеет после нее особый знак, выставляемый всегда в конце всей строки и определяющий окончание напева. Таким образом, вся строка напева распадается на две половины только случайно, в силу расположения ее на двух листах, от чего, само собой разумеется, логическая связь двух участков напева не прерывается.

Кроме того, если дозволено будет небольшое отклонение в область музыки, всякий напев имеет свою логику и свои законы строения. То и другое есть и в нашем канте, несмотря на всю его наивность и несовершенство его формы. Но и при всем этом ясно, что первые два такта составляют „предложение“, а два следующие — „ответ“ (мы позволяем себе применение современной музыкальной терминологии), которых друг от друга отделить нельзя. Это соображение и наличие в конце строки особого конечного знака не оставляют сомнения в том, что строку напева следует читать через оба листа, четыре такта подряд, от начала первого такта и до конечного знака. Этому же порядку чтения подчиняется и текст, независимо от того, на какие столбцы он распадается. Кстати сказать, и образуются-то эти столбики чисто случайно, в силу подписывания одна под другой коротких виршевых строк.

Ошибка чтения текста заключалась в том, что он был прочтен сперва на левой странице, а потом на правой, из-за чего и получилась путаница в порядке чередования строк.

Ниже приводится текст канта полностью. Слева от строк проставлены их номера, указывающие на то, в каком порядке строки распо-

¹ Историко-литературные исследования и материалы, т. I, СПб., 1900, стр. 268—269.

ложены у В. Н. Перетца и в каком порядке они в действительности должны быть поставлены.

Текст приводится по печатному его воспроизведению с сохранением пунктуации исследователя, пунктуации, которую также следует пересмотреть, принимая во внимание новое чередование строк (чего мы не делаем, в силу иных задач настоящей статьи).

У В. Н. Перетца	Должно быть	Т е к с т
1	1	Пасха нова красна!
2	2	Возсия всем весна;
3	5	Пасха Христос Господь
4	6	От греха нам свободу.
5	9	Христос воскресе днесь.
6	10	Пасха преславна есть.
7	13	Зачен от востока
8	14	от раиска потока
9	17	от неба жизнь лиет,
10	18	да того тварь поет.
11	21	Земная тварь купно
12	22	Просит неотступно:
13	25	Звери рыбы в мори
14	26	Скоты птицы горе
15	3	Христос ю прослави
16	4	беседою с нами:
17	7	на хвалу восходит,
18	8	всяк ум выпрь возводит;
19	11	все светло сияет,
20	12	весь мир озаряет.
21	15	от отца снисходит
22	16	Параклит нам сводит
23	19	ангельские лица
24	20	И раиские птицы
25	23	человецы гласно
26	24	приносят песнь красно,
27	27	вся тем назидают
28	28	праздник составляют.

Непоследовательность и отсутствие смысловой связи между многими строками можно видеть без труда. То и другое исчезает при расстановке строк в должном порядке.

Дальше приводится текст по рукописи, с правильной расстановкой в нем строк (без введения собственной пунктуации).

Пасха нова красна	от отца снисходит
Возсия всем весна	Параклит нам сводит
Христос ю прослави	от неба жизнь льет
беседою с нами	да того тварь псет
Пасха Христос Господь	ангельские лица
От греха нам свободь	И райские птицы
На хвалу восходит	Земная тварь купно
Всяк уж выспись возводит	Просит неотступно
Христос воскресе днесь	Человецы гласно
Пасха преславна есть	Приносят песнь красно
все светло сияет	Звери рыбы в мори
весь мир озаряет	Скоты птицы горе
зачен от востока	вся там назидают
от райска потока	праздник составляют.

Полученный новый текст говорит сам за себя. Преследуя цели показа того, к чему приводит игнорирование нотной строки при изучении текста музыкального памятника, мы оставляем новый текст без комментариев.

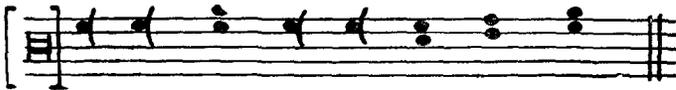
В работе „Скоморошьи вирши по рукописи половины XVIII века“ (СПб., 1898), того же автора, на стр. 7 и 16 дважды приведены в выдержках и полностью строки скоморошских виршей, заимствованные из рукописного памятника XVIII в. (ГПБ. Q. XVII. № 214, л. 23 об.).

Строки следующего содержания (стихи 62—66):

На все могу вам тот час отвечаать,
 Не токмо из славной философии,
 Но из самой прекрасной богословии,
 И не токмо подиспутовать,
 Но и партес воспевать...

Автор замечает за этим, что в этих строках „можно видеть следы семинарского происхождения“.

После приведенных виршей в рукописи следует краткая строка нот с текстом:

фа фа сô фа фа ми фа соль

почему-то совершенно опущенная в книге.

Проставленные под нотами их наименования — „фа-фа-сô-фа-фа-ми-фа-соль“, несмотря на свое однообразие, составляют все же целую строку виршевого текста, оказавшуюся, в силу ее принадлежности к музыке, попросту выпавшей из всего текста. Из этого проистекает его неполнота и некоторая неясность. Становится непонятным, что же именно берется „воспевать“ скоморох? Какой „партес“? Ответ ясен —

тот самый „партес“, который выпущен из виршей, хотя и является их составной частью; а в данном месте — злой сатирой, самой „солью“ всего этого места. Если бы оно было сохранено, то послужило бы хорошей иллюстрацией и подтверждением справедливой мысли автора о семинарском происхождении вышеприведенных строк. Соответствующая им короткая строка напева с названиями нот — образец распространенной в семинариях системы зубрежки „партесного“ пения по гласовым оборотам напева с наименованиями „партесных“ нот.

Настоящие примеры приведены не потому, что мы пытаемся снизить достоинства того или иного труда. Они избраны лишь как очень показательные образцы, характеризующие самый подход к делу, свойственный многим исследователям, подход, который приходится наблюдать и в наши дни.

Возьмем для примера духовные стихи — „покаяльны“, „умиленные“ и т. п. Найти их можно довольно часто в крюковых певческих сборниках как пометного, так и беспометного периодов; это свидетельствует о том, что они представляют собой вид духовных стихов, бытовавший в течение долгого времени. Если так — это означает, что за время их существования напевы их должны были претерпеть те же изменения и пройти тот же путь развития, как те, что были проделаны всей системой знаменного пения.

Можно ли изучать тексты „покаяльнов“ в отрыве от их напевов? Нет, нельзя. Один тот факт, что „покаяльны“ предназначались для пения уже доказывает, что между напевом и текстом существует такая связь, которую порывать невозможно без ущерба для правильного понимания каждого из этих элементов, а тем самым и всего целого.

Откуда все эти, на первый взгляд непонятные словообразования, вроде:

„Егда родиховеса, не вемо,
 како возрасте и како зачяхося,
 но токмо уведе от блаженнаго пророка Давыда и царя
 от его богодухновенных песней“ — и т. д.¹

Автор в примечании указывает, что „в издаваемой рукописи ярко выражено хомовое письмо, воспроизводящее систему пения, при которой конечные и внутри слова стоявшие *ер* и *ерь* произносились как *о* и *е*“.

Из этого безусловно справедливого по мысли примечания следует, что странные словообразования текста являются результатом системы хомового пения. Следовательно, если бы возможно было обратиться к какому-либо другому образцу этого же стиха, относящемуся к более раннему времени, то раздельноречные формы текста должны были бы оказаться иными. Поэтому приведенный текст не отражает в себе системы

¹ Цитируем по В. И. Малышеву: „Стихотворная параллель к «Повести о Горе и Злочастии»“. Труды Отдела древне-русской литературы Института литературы, V, стр. 143.

хомового пения полностью, а лишь частично, в тех ее формах, которые были в ходу во время появления на свет самой рукописи.

Рассматривая текст с точки зрения сказанного о раздельноречии в первой половине нашей статьи, можно заключить, что, независимо от водяного знака на бумаге, рассматриваемый памятник можно датировать на основании форм и степени раздельноречия текста, так как эти неполные формы раздельноречия (хомонии) характерны для периода борьбы с ней и вокруг нее, имевшей место в знаменном пении середины XVII в. Но не это главное, что нас интересует.

На стр. 142 автор сообщает чрезвычайно существенные сведения, говоря, что „судя по приписке, сборник сложен неким Григорием «Клирошанином», описавшим в одном стихе печальную жизнь в монастыре...“ и т. д. Вот это и есть самое важное. Стих составлен профессиональным певцом, певшим на монастырском клиросе и бывшим не только простым певцом-исполнителем, но и роспевщиком-творцом. Пение было его профессией и, вооруженный этой профессией, он подходил к созданию своих духовных стихов — „покаяльнов“.

Духовные стихи были прежде всего образцами певческого искусства, подчиненными в своем складе и формах музыкально-певческим формам знаменного роспева, семейграфией которого — крюками — они и нотировались. Следовательно, проводя любые параллели между литературными текстами любого происхождения, тексты певческие следует выделить в особую группу, как подчиняющиеся своим особым законам, отличным от законов образования литературных текстов.

Нельзя забывать того, что изложенные крюками духовные стихи и пятилинейные канты (нотированные крюками поздние тексты литературного происхождения — другое дело) — это произведения литературно-музыкальные, а еще точнее — музыкально-литературные. В них музыка, а с некоторой точки зрения и нотно-музыкальные знаки, занимают важнейшее место и их нельзя рассматривать как памятники чисто литературные.

В. И. МАЛЫШЕВ

Заметки о рукописных собраниях Ленинграда, Черновиц, Риги, Двинска и других городов

1. Собрание славяно-русских рукописей Государственного Эрмитажа и Государственного Этнографического музея

В Государственном Эрмитаже славяно-русские рукописи хранятся в библиотеке, Русском отделе и Музейном фонде. В библиотеке имеется более двадцати рукописей XVI—XIX вв., поступивших сюда в 1932 г. из молельни старообрядческой поморского согласия. Литературного материала в этом собрании немного. Отмечу: повести — о белом клобуке (XVIII в.), о Спасовом образе (XVIII в.); сказания — о Варлааме и Иоасафе (XVIII в.), о горе Афонской (XVIII в.); жития — Кирилла и Мефодия (XVIII в.), Моисея Угрина (XVIII в.), Александра Свирского (XVIII в.), Тарасия (XVIII в.), Иоанна Кушника (XVIII в.), Филиппа московского (XVIII в.) и Василия Нового (XVIII в.), Сборник XVIII в., содержащий сказания об иконах богородичных (Казанской, Новгородской, Тихвинской, Смоленской и некоторых других), „Ядро российской истории“ Манкиева (Хилкова), стихотворения М. Ломоносова, А. Сумарокова и Н. Леонтьева и сатиру на масонов. Заслуживают также быть упомянутыми поморский Торжественник, второй половины XVIII в. и Поморские ответы, середины XVIII в. Из лицевых и орнаментированных рукописей следует выделить Титулярник, написанный около 1678 г., и Евангелие конца XVII в., размером в 24-ю долю листа.¹

В библиотеке находится свыше 40 старопечатных книг XVI—XIX вв. из собрания поморской молельни, но интересных и редких изданий среди них нет.

Русскому отделу Эрмитажа принадлежит 10 рукописей XV—XVIII вв., приобретенных от Ф. А. Каликина в 1948 г. Из них необходимо выделить: Сборник слов и посланий Максима Грека (XVI в.), „Виноград

¹ Подробнее о Титулярнике и Евангелии см. О. Э. Вольценбург. Библиотека Эрмитажа. Краткий исторический очерк. Л., 1940, стр. 30, 32 и 61. Другие приведенные выше библиотечные рукописи у О. Э. Вольценбурга не упоминаются.

российский“ С. Денисова (XVIII в.), „Книгу сошному и вытному письму“ с добавлением арифметики (XVII в.), Поморские ответы 1723 г., Пролог (XVI в.) и большую сборную рукопись XVI—XVII вв., имеющую в своем составе повести о царице Динаре, о Темир-Аксаке, о Меркурии Смоленском, о Прокопии Устюжском, сказания о Казанской и о Толгской иконах богоматери; жития — Василия и Константина Ярославских, Филиппа и Василия Московских и Антония Римлянина; похвальное слово Борису и Глебу и другим. Укажем также на Апостол XVI в. и Стихирарь поморской работы XVIII в., как на образцы богатой орнаментировки рукописей. Кроме рукописных книг, в Русском отделе хранится давно известная в печати царская жалованная грамота XVI в., выданная купцам Строгановым, и несколько десятков столбцов XVII—XVIII вв. хозяйственного значения.

В музейном фонде имеется 12 рукописей и более двадцати старопечатных книг XVI—XIX вв. Собрание это составилось из рукописей и книг городских церквей и путем приобретений от отдельных граждан. Старопечатные книги все богослужебного и богословского характера. Среди рукописного материала заслуживают внимания: альбом стихотворений с четырьмя акварелями, первой пол. XIX в., походный Месяцеслов (размером в 48-ю долю листа) конца XVI—нач. XVII в., принадлежавший полковнику петровской армии Гавриилу Васильевичу Вульфу, Евангелие (апракос) XVI в., с заставками тонкой художественной работы, и Кормчая XVIII в.

Недавнего происхождения и рукописное собрание Библиотеки Государственного Этнографического музея. Оно состоит по преимуществу из рукописей, собранных сотрудниками музея во время этнографических экспедиций по Северу в 1928—1930 гг. Всех славяно-русских рукописей в Библиотеке — 17. Старше XVII в. рукописей нет. В собрании имеются повести о Псково-Печерском монастыре (XVII в.), о крестном сыне (1841 г.), о хмеле (XIX в.), об Александре Македонском (XVIII в.), повесть о зачатии и рождении Петра Первого (два списка XVIII в.), журнал заграничного путешествия Петра Первого (копия конца XVIII в.), описание восшествия на престол Елизаветы Петровны, повесть о чудесах от Спасова образа что на Красной горе в Двинском уезде (XVII в.), „Видение“ Борису и Меланье в 1655 г. (XVII в.), два кратких летописца (один в списке конца XVII в.), два сборника стихотворений первой половины XIX в., содержащих, между прочим, большое количество стихотворений, написанных поморскими писателями, сборник стихотворений и песен XIX в. Еще можно отметить Синодик (XVII в.) рода князей Острожских, а также сборник апокрифов XIX в. и два лицевых Цветника с повестями из „Великого Зерцала“, патериков и других книг.

Более подробные сведения о собраниях Эрмитажа и Этнографического музея содержатся в моих описях, которые имеются в названных учреждениях и в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.

2. Собрания славяно-русских рукописей ленинградских коллекционеров

В настоящей заметке дается краткий обзор наиболее интересных рукописных материалов, хранящихся в собраниях ленинградских коллекционеров.

В собрании Ф. А. Каликина¹ имеется 68 рукописей, 12 рукописных „поморских листов“ (настенных картинок с текстом) и около 20 старопечатных книг. По времени написания большая часть рукописных материалов его собрания относится к XVIII—XIX вв. Но есть у Ф. А. Каликина и более старые рукописи: „Слово Григория Богослова о Макковьях“ (XIV в.), „Устав церковный“ (XV в.), несколько рукописей XVI в. (Пролог, два Сборника и др.). По содержанию, половину собрания Ф. А. Каликина составляют рукописи с так называемой „поморской литературой“. В нем находятся сочинения следующих „поморских“ писателей XVIII—XIX вв.: Д. Викулина, А. Денисова (есть целый сборник из 64 статей), С. Денисова, П. Прокофьева, А. Борисова, Д. Матвеева (автограф 1743 г.), П. Любопытного (автограф 1809 г.), Г. Карнаева (автограф), Ф. Бабушкина (автограф), И. Васильева и некоторых других писателей. У Ф. А. Каликина есть три сборника духовных стихов с произведениями выговцев, два поморских Торжественника, краткий Лексинский летописец, описание Выговского общежития, житие Семена Денисова, повесть об увещании юноши Мартына в 1823 г. (лицевая) и много поморских орнаментированных рукописей XVIII—XIX вв. Кроме того, в собрании имеется более десятка писем XVIII—XIX вв., присланных в Данилово и Лексу из Тюмени, Пустозерска, Оренбурга, Вятки, Петербурга и Москвы, два списка Поморских ответов и Синодик XVII в. с добавлением, сделанным на Выге.²

Древне-русская повесть представлена у Ф. А. Каликина следующими произведениями: о царице Динаре (XVIII в.), о Владимирском поле Тимофее (XIX в.), о белом клобуке (XVIII в.), о патриархе Никоне (два лице-вых списка XIX в.), о табаке (XIX в.) и о хмеле (XIX в.). Выделим еще: Сборник сочинений Иосифа Волоцкого (XVIII в.) с двумя миниатюрами, житие Бориса и Глеба (XVII в.), сочинения старца Филофея, Ивана

¹ Ф. А. Каликин, крестьянин Вологодской области, иконописец по профессии, ныне старший реставратор Гос. Эрмитажа, собиранием рукописей начал заниматься с 1906 г. под влиянием известных археографов Н. П. Лихачева и В. Г. Дружинина. Последнему Ф. А. Каликин в течение многих лет доставлял старообрядческие рукописи, сейчас находящиеся в Библиотеке Академии Наук СССР. Он собрал их более 700, в том числе известный „Пустозерский сборник“ (найден в Петербурге на Тамбовской ул., у старообрядца Пылина), содержащий автографы „Жития“ протопопа Аввакума и других его сочинений.

В поисках рукописного материала Ф. А. Каликин побывал в 6. Архангельской, Вологодской, Вятской, Костромской, Олонецкой (несколько раз) и Ярославской губерниях.

² Многие из упомянутых здесь поморских рукописей Ф. А. Каликина приобрете-ны Библиотекой Академии Наук СССР в 1949 г.

Пересветова, Благовещенского протопопа Терентия, Симеона Полоцкого и Симеона Талицкого.

Из документального материала в собрании Ф. А. Каликина укажем „Книгу вкладную“ Кожеезерского монастыря (старший вклад относится к 1621 г.) и Опись ризницы Соловецкого монастыря (XVIII в.). У Каликина есть также Четвероевангелие 1555 г. писца Фомища Юрьева сына, родом Рушанина (Старой Руссы), „Указы“ (XVII—XVIII вв.) о том, как надо составлять чернило, камедь, производить золочение по стеклу и книжному обрезаю, как изготовлять олифу и киноварный раствор; „Диалектика“ Ивана Дамаскина, переписанная в 1675 г. старцем Боголепом Львовым, Евангелие лицевое (XVI в.), Сборник правоучительного содержания с 135 миниатюрами (первой четверти XVIII в.), Иконописный подлинник (XVIII в.) и Исаак Сирий, 1629 г.

В собрании Ф. А. Каликина имеются предметы, относящиеся к технике старинного книгописного и переплетного дела: чернильницы, тиракса, медные доски для тиснения заставок, различные „наугольники“, „средники“, „глагольные“, „дорожники“ и „чеканки“, употреблявшиеся для тиснения на старинных переплетках.

В августе 1949 г. Ф. А. Каликин ездил собирать рукописи в Ярославскую область — Тутаевский, Даниловский и Середский районы. Эта поездка пополнила его собрание более 60 рукописными книгами XVI—XIX вв. По содержанию это в основном сочинения старообрядческих писателей XVII—XIX вв. и русская житийная литература. Есть также несколько лицевых и орнаментированных рукописей XVII—XIX вв., книги учебного и справочного характера („Риторика“, XVIII в.; „Азбуковник“, XVIII в., и др.). Из повестей отметим „Извещение“ о победе над Мамаем (XVIII в.). Среди других рукописей выделяются Хронограф (XVII в.), „История о казанском царстве“ (нач. XVIII в.), Четы-миней (сентябрь и июнь) братьев Денисовых, известные в свое время Е. В. Барсову¹ и Псковская летопись (1-я четв. XIX в.).

В собрании полковника медицинской службы, канд. мед. наук В. Ф. Груздева в настоящее время имеется около 250 рукописей XV—XIX вв. По количеству и по ценности содержащихся в нем памятников древнерусской письменности, оно является самым крупным и наиболее интересным из известных мне собраний ленинградских коллекционеров. О собрании В. Ф. Груздева я напечатал небольшую статью в 1948 г.²

В данный обзор входят только те рукописи, которые были приобретены В. Ф. Груздевым после напечатания этой статьи.

За это время собрание В. Ф. Груздева пополнилось 48 рукописями XVI—XIX вв. Во вновь приобретенных рукописных материалах имеются

¹ Е. В. Барсов. Четы-миней братьев Денисовых. Сборник в честь М. К. Любавского. П., 1917, стр. 663—708.

² В. И. Малышев. Коллекция славяно-русских рукописей В. Ф. Груздева. Зап. Гос. Пед. инст. им. Герцена. Каф. русск. лит., т. 67, Л., 1948, стр. 265—269.

древне-русские повести о куре и лисице, о царице Динаре, о белом клобуке, о Петре — царевиче Ордынском, о приходе шведского короля Густава Адольфа под Псков, XVII в., сказание о птицах, списки „Измаила Бея“ Лермонтова (1854) и „Войнаровского“ — Рылеева, середины XIX в. В. Ф. Груздев приобрел также несколько альбомов стихотворений XIX в. В них встречаются стихи Пушкина, Жуковского, Грибоедова, Кольцова, Щербины, Туманского, Подолинского, Бенедиктова, Губера, Писарева и многих других русских поэтов. Один из этих альбомов украшен рисунками художника Лампи, другой, — 20-х годов XIX в., принадлежал помещикам Давыдовским и Ушаковым. Некоторые из этих альбомов написаны на французском и польском языках. У В. Ф. Груздева есть альбом рисунков архитектора Парланда.

Среди рукописей исторического содержания, материалов по праву и учебной литературы выделим: Хронограф, XVII в., Краткий летописец (XVIII в.), Сборник документов о Хлавицком Троицком монастыре (XVII—XVIII вв.), запись лекций по русской истории (1-я пол. XIX в.), Летопись о ростовских архиереях, XVIII в., копии с манифеста о взятии Азова 1737 г. и с реляции о взятии Минихом крепости Очакова, „Уложение“ Алексея Михайловича с добавлениями (сер. XVIII в.), Сборник юридический (XVIII в.), Вкладная грамота Юрья Петровича Лутохина в Нилово-Столбенский монастырь (1682 г.), „Азбука“ - пропись, столбец (XVII в.), несколько грамот польских королей и указы гетманов Мазепы и Скоропадского.

Для полноты сведений укажем еще „Путник“ старца Марка Топозерского, 1882 г., „Список личного состава Общества благородных девиц“, составленный в 1834 г. С. Комовской, „Великое зеркало“ (кон. XVII в.), „Сокровище духовное“ (XVIII в.), „Руно орошенное“ И. Голятовского (кон. XVIII в.), Евангелие (XVI в.) с четырьмя заставками весьма тонкой работы, Лечебник гомеопатический (XIX в.) и лицевой сборник духовно-нравственного содержания (2-я пол. XVIII в.).

В собрании известного библиофила и коллекционера проф. В. А. Десницкого имеются следующие славяно-русские рукописи:¹ Лествица Иоанна лествичника (кон. XV в.), — лицевая рукопись югославянского письма, Судебник Ивана Грозного (кон. XVI — нач. XVII в.), роскошный подносной экземпляр, „Хождение“ Трифона Коробейникова (XVII в.), „Выпись“ из писцовых книг по селу Павлову Нижегородского стану (XVII в.), Межевая книга Макариева-Желтоводского монастыря (XVII в.), „Азбука“ - пропись, столбец (XVII в.), „Великое зеркало“ — отрывок (кон. XVII — нач. XVIII в.), гадательная книга „Рафли“ (нач. XVIII в.)

¹ Описание значительного количества более позднего литературного материала, а также иностранных рукописей и материалов на языках народов СССР, принадлежащих проф. В. А. Десницкому, не входило в мою задачу и, кроме того, сведения об этих рукописях уже сообщались в газетах и журналах.

с добавлениями более позднего времени, Плач Симеона Полоцкого по царе Алексее Михайловиче, 1752 г., Лимонарь, 1789 г., „Страсти христовы“ (XVIII в.), два Месяцеслова поморского письма (XVIII в. и 1803 г.), „Стих“ о взятии Соловецкого монастыря (кон. XIX в.), лицевой, на пергаменном столбце.

Инженер-геолог В. А. Крылов имеет более пятидесяти славяно-русских рукописей, среди которых выделяются: повесть о Париже и Вене, стихотворная (кон. XVIII в.); Дневник декабриста В. Раевского, автограф; Дневник Гаврилова (1-я пол. XIX в.), содержащий, между прочим, описание встречи с А. С. Грибоедовым и И. А. Крыловым; „Разговор мальчика с книжником“ [с добавлением нескольких стихотворений о мастеровых людях] (сер. XIX в.); Сказание о Казанской иконе богородицы (сер. XIX в.); повесть о 12 снах Шахайши (XVIII в.); Сборник стихов покаянных многогрешного Григория (1-я пол. XIX в.); Сборник стихотворений и псалм (нач. XIX в.); Синодик Псково-Печерского монастыря (XVII в.); „Прохладный Вертоград“ (1743 г.); Арифметика Магницкого с добавлениями (XVIII в.); Житие Василия Нового (кон. XVII в.); две учебные азбуки (XVIII в.); Месяцеслов поморского письма (1-я пол. XIX в.).

Отметим еще письмо царевича Алексея Петровича, посланное к Петру Первому из Италии в 1712 г., лист из пергаменного апостола (XIV в.) и альбом стихотворений, принадлежавший семье Нелидовых, внутри которого имеется несколько акварельных рисунков, изображающих семью декабриста Трубецкого. Альбомов стихотворений у В. А. Крылова имеется более десяти, почти все относятся к XIX в.; ему принадлежат также несколько столбцов XVII—XVIII вв. хозяйственно-бытового значения.

Научный сотрудник Гос. Эрмитажа Ф. М. Морозов обладает десятью рукописными книгами (XVII—XVIII вв.). У него имеется Сборник, содержащий „Звезду пресветлую“, повести из „Великого Зеркала“ и другие статьи, XVII в., Сборник юридический (1-я пол. XVIII в.) и „Роженец духовный на лютеры и кальвины“ (XVIII в.). Но самыми ценными материалами в коллекции Ф. М. Морозова являются девять рукописных миниатюр (1-я пол. XIX в.), искусно выполненных пером и красками, из которых на восьми изображены поморские писатели (XVIII—нач. XIX в.), а на девятой миниатюре написано неизвестное лицо, но также, по видимому, относящееся к видным деятелям Выговского общеджительства того времени. Это рисунки следующих лиц: Даниила Викулина, Андрея Денисова, Мануила Петрова, Ивана Филиппова, Никифора Семенова, Андрея Борисова, Семена Титова и Архипа Дементьева.

Голковнику В. И. Цветкову принадлежат 12 грамот польских королей и князей (XVII—XVIII вв.): Яна Казимира — три грамоты (одна от 1652 г.), Владислава IV, Августа III — три жалованные грамоты на землю от 1733

и 1758 гг., и других лиц. В. И. Цветков — собиратель более позднего рукописного материала. Основная масса его интересной коллекции — это рукописи и автографы русских писателей, художников, ученых, общественных и государственных деятелей (XVIII — XX вв.).

В собрании В. И. Цветкова, между прочим, имеются документы из семейного архива, друга Пушкина, помещика И. Е. Великопольского (межевая книга владений, личная переписка и др.),¹ материалы по истории книжной торговли в России (XIX — нач. XX в.), летопись с. Чукавина, Старицкого у., Тверской губ. (нач. XIX в.), бумаги по истории цензуры (XIX в.), в том числе о цензурской деятельности Гончарова.

Из принадлежащих В. И. Цветкову автографов русских писателей, артистов и художников укажем: Фон-Визина, Гончарова, Островского, Некрасова, Фета, Блока, Дрожжина — дарственные надписи на книгах; Репина, В. И. Сурикова, Горького, Куприна, Шишкова, Шаляпина — письма, рукописи, деловые бумаги. Часть рукописей и автографов XIX в. из собрания В. И. Цветкова ранее принадлежала ленинградскому коллекционеру Кортавову.

Большую ценность представляет альбом „Отзывы о Ленинграде“. В нем Цветкову удалось собрать более ста автографов крупнейших советских ученых, писателей, художников, артистов и общественных деятелей. В альбоме есть и несколько отзывов зарубежных писателей и, в частности, Мартина-Андерсена Нексе и Барбюса. Из числа советских писателей есть записи Ф. Гладкова, Л. Леонова, А. Серафимовича, К. Симонова, Н. Тихонова, А. Н. Толстого, А. Фадеева, К. Федина и многих других. Большое количество автографов советских писателей и ученых имеется у Цветкова и кроме названного альбома. Они представлены в самых различных формах: письма, дарственные надписи на книгах, рукописи литературных произведений и др. В мою задачу не входит подробное перечисление всех наиболее интересных рукописных материалов XVIII — XX вв., имеющих в собрании В. И. Цветкова. Собрание это, как уже сказано выше, представляет большую ценность и ждет своего исследователя.

Научный сотрудник Военно-морского музея, майор Н. А. Мезенцев, так же, как и В. И. Цветков, собирает преимущественно рукописные материалы XVIII — XIX вв. Из рукописей старшего времени у него имеется несколько челобитных касимовских мурз (XVII в.), Дело о поимке в 1677 г. в Толвуйской волости „отлучников и заводчиков“ — крестьянина Тихона Андреева, да приказной палаты подъячего Ивана Кушника, и Сборник юридический (нач. XVIII в.).

¹ См. о И. Е. Великопольском и его архиве: Борис Модзалевский. И. Е. Великопольский. Сборник памяти Л. Н. Майкова. СПб., 1902, стр. 335—445; П. Зиссерман. Пушкин и Великопольский. Пушкин и его современники. Мат. и иссл., Л., 1930, стр. 257—280.

Среди рукописных материалов XVIII—XIX вв., принадлежащих Мезенцеву, следует назвать: коллекцию автографов государственных и общественных деятелей (XVIII—XIX вв.); материалы об условиях жизни в ремесленных училищах при Петре Первом; бумаги, связанные с жизнью и деятельностью адмирала Сенявина и архитектора Растрелли; купчие крепости XVIII—XIX вв.; дорожные листы (1-я пол. XIX в.); документы о продаже помещиками своих крепостных; разрешения на женитьбу крепостных; коллекция рекрутских квитанций (кон. XVIII—нач. XIX в.); межевые планы XVIII—XIX вв.; листовки XVIII—XIX вв.; дипломы об окончании Общества благородных девиц (XVIII—XIX вв.), статуты на воинские ордена, патенты на чины, жалованные грамоты, материалы о русских купцах в Риге (XVIII в.); дипломы об избрании в члены академии и университетов и других научных учреждений; челобитные XVIII в.; шуточное стихотворное письмо мичмана Кропотова в Лесной департамент графу Орлову (нач. XIX в.); похвальный лист первому бургомистру г. Вольска И. А. Злобину (1790 г.).

Славяно-русские рукописи имеются также у С. Г. Тимофеева и И. М. Карпова. Первому принадлежат 10 рукописных книг XVII—XIX вв., среди которых несколько рукописей с так называемым поморским орнаментом и лицевой список Повести о взятии Соловецкого монастыря. Восемь рукописей XVII—XVIII вв., находящихся у И. М. Карпова — все служебные. Укажем также собрание О. М. Успенской, ранее принадлежавшее профессору Петербургского археологического института В. И. Успенскому. В собрании насчитывается около 100 рукописных книг XV—XIX вв. и свыше 30 столбцов XVIII в. весьма разнообразного состава. Большую часть коллекции составляют служебные книги XV—XVIII вв. В меньшую часть входят списки с произведений писателей XVIII—XIX вв. (Ломоносов, Радищев и др.), сочинения старообрядцев, сборники XVII—XIX вв. исторического и литературного содержания и материалы по истории техники. Из рукописей О. М. Успенской выделим: 1) Сборник, кон. XVII в., содержит: Летописец московский, Сказание о создании Кириллом Философом славянской азбуки, Летописную повесть о покорении Ермаком Сибири и другие статьи; 2) Сборник, перв. четв. XIX в., содержит: краткое историческое описание г. Олонца Тихона Васильева и Повесть об острове Муромском (Онежском); 3) Александрия (XVII в.); 4) Хождение Трифона Коробейникова (XVIII в.).

Ю. И. Успенской принадлежит около 40 рукописных книг XVII—XX вв. из собрания М. И. Успенского. Здесь имеется несколько альбомов стихотворений и романсов XIX в., списки с сочинений Кантемира, Рылеева, Белинского, Гоголя и других русских писателей XVIII—XIX вв., два интересных лицевых сборника нач. XIX в., несколько сборников стихов и псалм, причем в одном сборнике, серед. XVIII в., есть записи народных стихов, два сборника заговоров XIX в. Повести: о Григории папе (XVII в.), о Вавилонском царстве (сказочная) XVIII в., о Калеандре

и Неонильде (1736 г.), „История об Александре кавалере российском“ (XVIII в.) и Поучение от отца к сыну (XVIII в.).

Эта заметка не ставит себе целью охватить полностью все частные собрания рукописей, хранящиеся у ленинградских коллекционеров, а описывает лишь те из них, которые автору пришлось видеть. Следует отметить, что ленинградские археографы недостаточно обращают внимания на изучение частных собраний рукописей. Между тем в этих собраниях имеются ценные материалы для историка, литературоведа и искусствоведа.¹

3. Краткие сведения о некоторых собраниях рукописных и старопечатных книг в Северной Буковине и Прибалтике

Сообщаемые ниже сведения о собраниях рукописных и старопечатных книг в Северной Буковине и Прибалтике собраны мною во время командировки в эти края в 1945—1946 гг. Они, разумеется, не могут считаться полными, особенно по собраниям Библиотеки Черновицкого Государственного университета и Латвийской исторической библиотеки. В это время фонды указанных книгохранилищ только еще разбирались после освобождения Северной Буковины и Латвийской ССР от фашистских оккупантов. Да и в других книгохранилищах в момент моего приезда не все еще было приведено в порядок после четырехлетнего хозяйничания гитлеровцев. Кроме того, сама моя поездка в Северную Буковину и Прибалтику преследовала иные цели, и обстановка для археографической работы была мало подходящей, да и времени было очень мало. Мне удалось поэтому собрать лишь предварительные сведения и то только в тех населенных пунктах, в которых приходилось бывать по обязанностям командировки. Но и в этих населенных пунктах я осмотрел не все собрания. Так, например, в Риге я не успел побывать в Латвийском историческом архиве и Государственном университете, в Вильнюсе остались необследованными Библиотека Академии наук Латвийской ССР, Исторический архив и Университет. Во всех этих учреждениях имеются славяно-русские рукописи. Предпочитая в первую очередь обследование частных и общественных собраний, я руководствовался теми соображениями, что эти собрания иногда содержат ценные материалы, но в большинстве своем еще неизвестны. Правда, большинство осмотренных мною собраний общественных учреждений и частных лиц не представляют особого интереса в литературном отношении. Эти собрания принадлежат старообрядцам

¹ Автором этой статьи в течение 1938—1949 гг. были представлены в ленинградские книгохранилища, частью впервые обнаруженные, следующие собрания: в Библиотеку Академии Наук СССР — А. А. Морозова 19 рукописей (XVII—XIX вв.), Г. Ф. Нефедова — 12 рукописей (XVI—XIX вв.), Х. В. Новиковой — 5 рукописей (XVIII—XIX вв.), П. А. Петухова — 42 рукописи (XV—XIX вв.), Э. Н. Савельевой — 28 рукописей (XV—XIX вв.), М. И. Успенского — 213 рукописей (XV—XX вв.), А. П. Чапыгина — 14 рукописей (XVII—XIX вв.); в Гос. Публ. библиотеку им. Салтыкова-Щедрина: собрание А. И. Никифорова — 18 рукописей (XIV—XIX вв.), Шапоринной — 6 рукописей (XVII—XIX вв.) и Курдюмовой (9 новгородских пергам. грамот XIV—XV вв.)

и старообрядческим церквам и состоят главным образом из культовых книг. Но в некоторых из этих собраний находятся рукописные материалы, ценные для историка русской культуры.

Опубликовывая эти сведения, я, повторяю, смотрю на них только как на предварительные, которые, однако, могли бы пригодиться для будущих археографических экспедиций.

Сведения располагаю по городам, вошедшим в мой маршрут.

Черновицы

В Черновицах самое большое собрание славяно-русских рукописей принадлежит Областному музею. В 1945 г. в Музее имелось 47 рукописей XVI—XIX вв. и более 100 старопечатных книг. Здесь встречаются рукописи, написанные на западно-украинском, молдавском и румынском языках. Собрание составлялось из рукописных материалов Буковинской земской библиотеки, местных церквей и музея древностей при буковинской митрополии. Значительный процент составляют культовые книги. Среди других отмечу: Духовную Иосифа Волоцкого (XVIII в.), Дневник статс-секретаря Храповицкого (нач. XIX в.) с пометой о принадлежности рукописи в 1822 г. князю Михаилу Семеновичу Воронцову, Синодик черновицкий (XIX в.) и Повесть о царице и львице (XVIII в.).

Фундаментальная библиотека Черновицкого Государственного университета имеет 11 рукописей XVI—XIX вв., написанных на западно-украинском и румынском языках. Все рукописи служебные, за исключением одной, которая содержит стихотворения и псалмы, сочиненные в 1844 г. Василием Ферлейевичем Пароха-Товтреевым.

Кроме Музея и Университета, в Черновицах славяно-русские рукописи имеются еще в Областном историческом архиве и старообрядческой общине. Литературного материала в этих собраниях нет. Сами собрания очень невелики.

Село Белая Криница (Черновицкой области)

В селе Белая Криница государственных книгохранилищ нет. Рукописные и старопечатные книги хранятся в старообрядческих мужском и женском монастырях, сельской церкви и у местных жителей—старообрядцев. В женском монастыре и сельской церкви все рукописи церковно-богослужебного характера и недавнего времени: старше XVIII в. нет.

Среди рукописного материала мужского монастыря имеются повести о посаднике Щиле (XIX в.), о епископе Удоне, о царе Аггее, о 12 снах Шахаиши, о семи вселенских соборах, „Великое зеркало“ (нач. XVIII в.) и Пролог XVI в. В сборнике XVIII в. есть стих о Борисе и Глебе и несколько апокрифов (Сон богородицы, Иерусалимский свиток и др.). В другом сборнике XVII в. имеются стихи „покаянные“ „многогрешного“ Григория. Отметим еще Евангелие 1526 г. молдавского извода с 4 заставками. Всех рукописей в мужском монастыре—21.

У старообрядцев Белой Криницы мне удалось видеть более 40 рукописных книг. Древних и чем-либо замечательных рукописей я не встречал. Это были духовно-нравственные сочинения, поздние списки апокрифов и полемическая литература апологетического характера. По словам местных жителей, у священника сельской церкви имеются древние („юсовые“) и интересные рукописи (история Белой Криницы, Хронограф, повесть о Мамае и др.), но этого собрания я не успел осмотреть.

Вильнюс

Всероссийский Совет старообрядцев поморского согласия. Собрание небольшое—15 рукописей XVI—XIX вв. Перечислю наиболее интересные из них: Александрия (1901 г.) с 26 миниатюрами в красках, „Устав“ Выговского общежития с портретом А. Денисова (1-я пол. XIX в.), Сборник духовно-нравственного содержания с многочисленными миниатюрами в красках (нач. XVIII в.), Евангелие с заставками высоко художественной работы (XVI в.), Иконописный подлинник (XVII в.). Совету принадлежат также более 50 старопечатных книг (XVI—XVIII вв.), в том числе грамматика (1648 г.).

У служащих Всероссийского Совета—Бартошкина, А. Е. Егорова и И. Ф. Романова имеется по десятку служебных и полемических рукописей XVI—XIX вв. Ценных материалов среди них нет.

Рига

Латвийская историческая библиотека. В Русском отделе находится 18 рукописных книг XV—XIX вв. и более 50 старопечатных изданий, поступивших в Библиотеку в 1940—1941 гг. из сгоревшей старообрядческой церкви и от отдельных граждан. Литературное значение имеют следующие рукописи: повести о царице и львице (лицевая, XVIII в.), о новгородском посаднике Щиле (XIX в.), о царевиче Дмитрие Углическом (XIX в.), „Звезда пресветлая“ (нач. XIX в.), житие Боголепа Черноярского (кон. XVIII в.), „История“ о юродивом Макарии Гончарове (Тверском) и „Виноград российский“ С. Денисова (нач. XIX в.). В сборнике XIX в. есть слова и послания Максима Грека и лицевые повести из „Великого зеркала“.

Из старопечатных книг укажем: Апостол Ивана Федорова (1564 г.), „Уложение“ царя Алексея Михайловича (1-е издание) и „Синописис“ Иннокентия Гизеля (1680 г.).

Гребеншиковская старообрядческая община. Рукописей 80, старопечатных книг более 200. Литературного материала в собрании мало, большинство рукописей относится к церковной практике, догматическому богословию и старообрядческой полемической литературе. Из книг литературного и исторического содержания укажу: повести о белом клобуке (XIX в.), о Тихвинской иконе богородицы (XVII в.), о ризе христовой (XVIII в.), о новгородском архиепископе Иоанне (XIX в.), сказания о князе Михаиле Тверском (XVIII в.), о Меркурии Смоленском (XVIII в.), жития Ионы Московского (XVIII в.),

Зосимы и Савватия Соловецких (XVII в.), Михаила Клопского (XVII в.), Бориса и Глеба (XVI в.), Александра Невского (XVI в.), Сборник слов и посланий Максима Грека (XVI в.) и краткий Летописец (нач. XVIII в.). Заслуживают упоминания два списка Поморских ответов (XVIII в.), оба с миниатюрами Андрея Денисова, Сборник (лицевой) духовно-нравственного содержания (XVIII в.) и два Торжественника (один поморский, другой — XV в.).

В Риге и в ее пригородах мне удалось познакомиться с несколькими небольшими собраниями рукописей и старопечатных книг, принадлежащими местным гражданам. Из них следует отметить собрание, принадлежащее персональному пенсионеру А. И. Воловичу (станция Асари). В нем есть „Стоглав“ (XVIII в.), повести о царице и львице, о куре и лисице (XVIII в.), житие Корнилия Выговского (два списка XIX в. в краткой и распространенной редакции), „Устав“ Гребенщиковской общины (1820 г.), „Уложение“ царя Алексея Михайловича (издание 1649 г.) и Кириллова книга (1646 г.). У Воловича имеется несколько рукописей с поморским орнаментом и несколько нотных-крюковых книг (XVI—XVII вв.). Общее число рукописных книг — около 30.¹

Осталось неосмотренным в Риге собрание славяно-русских рукописей и книг К. И. Заблока. В этом собрании, как мне передавали, имеются рукописи XV в. и сборники с литературными материалами.²

Двинск

В Двинске в государственных книгохранилищах славяно-русских рукописей нет. Но у местного населения, главным образом у старообрядцев, хранится еще немало рукописного материала XVIII—XIX вв. Кроме того, в городской единоверческой церкви имеется около 20 рукописей XVI—XIX вв. Всего я видел в Двинске более 100 рукописных книг и старинных изданий. Сообщаю сведения о наиболее интересных из них.

Рукописи А. К. Красовского (Юдовка, Большая ул., д. 8): „Повесть о царе Соломоне“ (XVIII в.), „Сказание Ивана Пересветова о турском царе Махмете-Султане“ (XIX в.), „Повесть о Григории папе“ (кон. XVIII в.), Лечебник (XVIII в.), Хронограф (XVIII в.), Сборник духовных стихов (кон. XVIII в.).

Рукописи П. Т. Стрелкова (ул. Грива): „Великое зерцало“ (665 глав), (нач. XVIII в.), Сборник духовных стихов 1864 г.; Е. С. Кузнецова (Рижская ул., д. 2): Повесть о Петре и Февронии (XVIII в.), Сказание о царе Аггее (XVIII в.); Д. Д. Михайлова: Поморские ответы (XVIII в.), Повесть о Белом клобуке (XIX в.); К. Е. Васильева (Старый Форштадт, Крутая ул., д. № 16): Пролог (нач. XVI в.), Октоих (сер. XVI в.); В. К. Чернецова (Новая ул., д. 5): Повесть о Петре и Февронии

¹ В январе 1948 г. все собрание рукописных книг А. И. Воловича поступило в Гребенщиковскую общину.

² В июле 1949 г. 13 рукописей XVI—XIX вв. из собрания К. И. Заблока были приобретены Библиотекой Академии Наук СССР.

(сер. XIX в.), Сборник слов и поучений поморских писателей (кон. XIX в.); А. Егоровой (поселок Нидеркуны): Повесть о Петре царевиче Ордынском (XIX в.), Сборник слов и посланий поморских писателей (XIX в.); С. Т. Максимова (Юдовка, Церковная ул., д. № 1): Повесть о царе Аггее (XIX в.), Сказание о 12 пятницах (XIX в.); М. Ф. Балышева (Юдовка, Сапожная ул., д. № 12): Прение живота и смерти (XIX в.), Сказание о кокоше и яйце (XIX в.).

Собрание, богатое старопечатными книгами, принадлежит М. А. Власову (пос. Застенки).

* * *

Закончив свои заметки о собраниях рукописей и старопечатных книг в Ленинграде, Северной Буковине и Прибалтике, позволяю себе присоединить к ним краткие сведения о наиболее интересных рукописных материалах, имеющих в собраниях Тюменского и Барнаульского областных музеев и старообрядческой Спасской церкви в г. Боровске Московской области, не попавших в печатные каталоги и описания. С собраниями Тюменского и Барнаульского музеев я познакомился, находясь здесь в командировке в октябре 1945 г., а рукописные книги Боровской Спасской церкви видел в 1941 г.

Тюменскому областному музею принадлежит около 30 рукописей XVI—XIX вв. Его рукописное собрание составилось из книг Александровского реального училища и местных церквей. В Тюменском музее заслуживают внимания четыре сборника XVII—XIX вв. В них, между прочим, имеются следующие произведения древне-русской письменности и XVIII в.: повести о Темир-Аксаке, о Петре и Февронии, о крестном сыне, о Федоре купце, о 12 снах Шахайши (Мамера), о табаке, о главе Адама; жития: Сергия Радонежского, Исидора Ростовского, Алексея и Василия Московских и Зосимы и Савватия Соловецких; „Наставление от отца к сыну“ Татищева и несколько сочинений выговца Трифона Петрова. Кроме того, следует выделить „Журнал“ (XVIII в.), содержащий описание похода русских войск из Риги в Восточную Пруссию, два сборника стихотворений XVIII в. (один семинарских стихов, второй духовных, преимущественно старообрядческих) и „Описание“ Александровского реального училища (кон. XIX в.).

Лицевые рукописи: Апокалипсис (кон. XVII—нач. XVIII в.) (иллюстрации к тексту сделаны с большим художественным мастерством, в красках и золоте), Библия (XVIII в.) и Страсти христовы (XVIII в.). Укажем еще на „Почтение архиепископа Луки к братии“, как на любопытный образец подделки под старинную рукопись, сделанной, как видно, опытной в этом деле рукой. „Почтение“ написано на пергамене уставным почерком рукописей X—XI вв.

Из рукописных материалов, принадлежащих Барнаульскому областному музею, отметим сборник (XVIII в.), содержащий среди прочих статей повесть о Тихвинском монастыре и житие Моисея архиепископа

новгородского; назовем рукопись (XVIII в.) со сказанием о новгородской церкви св. Софии, Лечебник (XVIII в.), житие Арсения Коневского и Арифметику (XVIII в.). Эти пять рукописей поступили в музей из Барнаульской земской библиотеки.

Кроме этих собраний, в Тюмени и Барнауле славяно-русские рукописи хранятся в следующих учреждениях: в Тюмени в Областном историческом архиве, в Барнауле в Центральной библиотеке и Областном архиве. В каждом из этих книгохранилищ имеется не больше как по 10 рукописных книг не старше XVIII в. Литературного материала среди них нет.

В Боровском районном музее находится часть рукописей из собрания Боровского-Пафнутьева монастыря, описанного в свое время П. М. Строевым.¹ В 1936 г. мы передали в Боровский музей лицевой список казанского летописца (XVIII в.) и несколько сборников (XVIII в.) с литературными материалами, найденных у местных жителей.

В Боровской Спасской церкви находятся рукописные книги казанского коллекционера Ф. Т. Васильева,² уроженца Боровска, пожертвованные его родными после смерти Ф. Т. Васильева в 1919 г. В 1941 г. здесь хранилось не более 30 рукописей (XVI—XIX вв.), что составляет менее половины того количества книг, которое поступило сюда, как видно из рукописного каталога, составленного при передаче собрания. Пропали самые ценные рукописи коллекции: „Сказание о зачатии царства казанского“ Ивана Глазатого, „Описание китайского государства“ Николая Спафария и др. В числе 30 оставшихся рукописей имелось несколько сборников (XVII—XIX вв.), книги, украшенные поморским орнаментом, сборник сочинений Максима Грека (XVIII в.), „Сказание“ о победе над Мамаем (XVII в.), житие Корнилия Выговского (кон. XVIII в.) и лицевой Апокалипсис (поморского письма сер. XVIII в.) с записью Ф. И. Буслаева, характеризующей эту рукопись как ценный памятник древне-русского искусства. В момент моего осмотра собрания, оно хранилось в совершенно недопустимых условиях — в незапирающемся шкафу в притворе церкви.³

¹ П. М. Строев. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввина-Сторожевского и Пафнутьева-Боровского. СПб., 1891, стр. 294—315.

² Упоминание о собрании Ф. Т. Васильева имеется в статье: Н. Ф. Катанов. Несколько слов о казанских коллекционерах. Каз. муз. вестн., 1920, № 7—8, стр. 36.

³ В 1941 г. в старообрядческой церкви на станции Гатчина имелось 15 рукописных книг XVI—XIX вв. При наступлении немцев на Красногвардейск осенью 1941 г. эти рукописи заблаговременно были вывезены в Ленинград. Где находятся они сейчас, мне неизвестно. В Гатчине были следующие рукописные книги: Сборник исторический (послание Ивана Грозного, Стоглав, Максим Грек и др.) (кон. XVI в.); Троица (XVI в.); Петр Дамаский (XVI в.); Хронограф, два списка (XVIII в.); Торжественник поморский (XVIII в.); Уложение царя Алексея Михайловича (XVIII в.); три Сборника (XVIII—XIX вв.); четыре потно-крюковые рукописи, с поморским орнаментом (нач. XIX в.).

В. И. МАЛЫШЕВ

Отчет о командировке в село Усть-Цильму Коми АССР

В июне 1949 г. я ездил по поручению Отдела древне-русской литературы Института русской литературы Академии Наук СССР в село Усть-Цильму Коми АССР для ознакомления с рукописными и старопечатными книгами, имеющимися у местного населения. Выбор Усть-Цильмы для целей археографической командировки был не случаен. Это село, древнейшее русское поселение (после Пустозерска) на Печоре,¹ долгое время бывшее центром печорского старообрядчества, давно было известно в литературе как место, где еще немало хранится древних рукописных книг и старинных изданий.²

Я осмотрел рукописные собрания в Усть-Цильме и в ближайших деревнях: Чукчино, Конахино, Коровий ручей, Карпушовка, Гаревое, Высокая гора, Рощинский ручей, Алехино, На Бору и в поселке при Замшевом заводе. Всего мне удалось просмотреть более чем 300 рукописей XV—XIX вв. и около 700 книг старинной печати. Из этого числа наибольшее количество рукописных и старопечатных книг находится в Усть-Цильме, где оказались также и самые старые по времени написания и самые интересные по содержанию рукописи. Все скольконибудь интересные рукописи и книги были мною зарегистрированы. Однако со многими рукописными и старопечатными книгами я не смог познакомиться, потому что, с одной стороны, некоторые владельцы книг были в отъезде, а с другой — время, отпущенное на экспедицию, было ограничено.

По содержанию осмотренные мною рукописи большей частью относятся к культовым и к старообрядческой полемической литературе. Но немало еще имеется рукописных книг, особенно сборников и цветников,

¹ С. В. Бахрушин. *Очерки по истории колонизации Сибири XVI—XVII вв.* М., 1928, стр. 61—81; А. Ульяновский. *Село Усть-Цильма.* Арханг. губ. ведом., 1868, №№ 25, 26 и 27.

² С. В. Максимов. *Год на Севере.* 4-е изд., М., 1890, стр. 441; Н. Е. Оячук. *О расколе на низовой Печоре. Живая старина*, 1901, вып. 3—4, стр. 440—441; В. И. Малышев. *Сведения о собраниях рукописей и старопечатных книг в некоторых городах северных областей.* Тр. Отд. др.-русс. литер., т. IV, стр. 252—253.

в которых содержатся светские литературные произведения и интересные для историка быта материалы. Древних рукописей, старше XVIII в., я встречал не много: XVII в. — 19, XVI в. — 10, XV в. — 1. Основная масса рукописной продукции падает на XIX в. и является плодом деятельности местных писцов-старообрядцев, из которых в конце XIX и в начале XX в. самыми плодовитыми были Мяндин Иван Степанович и Вокуев Федор Иванович, писец и рисовальщик миниатюр.

Среди старопечатных книг я не встречал редких и очень ценных. В значительном количестве попадались книги „до-никоновой печати“ (некоторые — конца XVI в.). Большая же часть книг — это издания XVIII—XIX вв. могилевской, гродненской и других старообрядческих типографий, так называемые „переводные“, и издания московских старообрядческих книгопечатен 1906—1916 гг. Однако нужно отметить, что кратковременность командировки не позволила мне с должным вниманием заняться старопечатными книгами, осмотр и описание которых предусматривались моим планом как второочередное дело. Главная цель моей поездки в Усть-Цильму весной 1949 г. состояла в том, чтобы собрать сведения об имеющихся здесь рукописных книгах и составить описание наиболее интересных из них. Как сказано выше, все более или менее ценные рукописные материалы и старопечатные книги я взял на учет. Кроме того, я сделал описание многих сборников, снял копии с нескольких древних текстов и 32 рукописи XVI—XIX вв. мне удалось приобрести для Института русской литературы Академии Наук СССР и доставить в Ленинград.

Но, прежде чем приступить к краткой характеристике собранного рукописного материала и того, который находится еще в Усть-Цильме, сообщу некоторые сведения о владельцах рукописных и старопечатных книг и об условиях работы собирателя.

В настоящее время в Усть-Цильме и в соседних деревнях крупных собраний рукописных книг нет. Самые большие принадлежат Е. И. Ермолиной, П. С. Кисляковой, А. И. Носовой, А. В. Попову и П. Г. Чупрову и насчитывают по 15—20 книг.¹ Имеются два типа владельцев: первый и самый распространенный — это знающие славянскую азбуку старухи и значительно реже старики; второй тип — родственники умерших таких грамотных людей. Первые еще иногда заглянут в рукопись, если она не так стара и написана разборчивым почерком, у вторых — книги всегда хранятся исключительно как „дедова память“. К этим старикам и старухам местное население приносит иногда на сохранение рукописную книгу, даже из соседних деревень. Но эти своеобразные архивариусы не только весьма редко пользуются старинной рукописной книгой, но в большинстве своем не знают их содержания, если это сборник или

¹ В конце XIX и в начале XX в. в Усть-Цильме большие собрания рукописей и старопечатных книг принадлежали братьям Ивану и Василию Асташовым, Игнатию Ивановичу Ермолину, Семену Родионовичу Кислякову, у которого имелось более 100 рукописей, и Григорию Чупрову.

иня светская рукопись, не знают времени их написания и очень часто не умеют различить полууставной почерк рукописей от шрифта старопечатных книг. Старинную скоропись почти все их владельцы читать не умеют. Владельцы — наследники лишь хранят старинные книги.

Мне приходилось не раз встречаться с такими фактами. Владельцы приносили мне хорошо сохранившиеся старопечатные книги, а истрепанные старинные рукописи, по незнанию, оставляли лежать на полке или в шкафу в переднем углу, где обычно они хранятся. Когда же мне удавалось самому находить эти ветхие, растрепанные рукописи, то владельцы, извиняясь, говорили: „мы думали, что такие не нужны, они грязные и рваные“. А эти „рваные и грязные“ рукописи зачастую-то и оказывались самыми интересными. Особенно часто оставались на полках и в сундуках маленькие тетрадки и разрозненные листы рукописей. Учитывая это, я всегда стремился посмотреть рукописи на месте.

Приведенные мною факты свидетельствуют о том, что, если до недавнего времени рукописная книга удовлетворяла потребности в книге местных жителей, преимущественно старообрядцев, то в настоящее время, с распространением грамотности и печатной книги на Печоре, с подъемом общей культуры местного населения, она потеряла свое практическое значение в быту и сохраняется лишь как памятник старины.

Что же касается отношения со стороны владельцев к приезжающему к ним изучать рукописную старину, то оно всегда характеризуется одним стремлением — оказать ему как можно больше помощи в работе. Мне всегда не только охотно показывали все свои рукописные и старопечатные книги, но и разрешали брать их домой и снимать копии с любой рукописи. Держатели книг часто сами, по своей инициативе, сообщали мне фамилии таких же владельцев в Усть-Цильме и по селениям на Печоре.

Некоторые владельцы рукописных книг охотно отдавали их, выражая пожелание, чтобы они служили на пользу науке.

Большую помощь оказывали мне местные советские и партийные органы указанием адресов и предоставлением средств передвижения. Много помогали мне также учащиеся местных школ: они сообщали мне сведения о ценных рукописях и не раз были моими проводниками по Усть-Цильме, которая растянулась по берегу Печоры более чем на четыре километра.

Привезенные мною в Институт русской литературы АН СССР 32 рукописи представляют собой преимущественно сборники с литературными и историческими материалами. За исключением двух рукописей — „Хождения“ Трифона Коробейникова и „Хронографа“, которые приобретены в д. Карпушовке, все остальные 30 книг найдены в Усть-Цильме. Хронологически рукописи распределяются так: XVI в. — 2, XVII в. — 3, XVIII в. — 5, XIX в. — 21.

Наибольшее место в содержании этих рукописей занимают древнерусские повести и сказания — оригинальные и переводные. Среди них имеются, между прочим, повести: о Темир-Аксаке (XVI в.), о смерти Тамерлана (летописная, XVI в.), о знамени от Новгородской иконы богородицы (XVII в.), о царице Динаре (два списка, XVII и XIX вв.), об острове Муромском (Онежском) (XVII в.), о послании царем Львом (Василием) в Вавилон трех мужей (XVII в.), о посаднике Щиле (XIX в.), о Димитрии Басарге (XIX в.), о попе Тимофее (XIX в.), о хмеле (два списка, XIX в.), о происхождении вина (два списка, XIX в.), о бражнике (XIX в.), об омраченном пьянстве (XIX в.), о купце и жене его лукавой и приказчике (XIX в.), Азбука о голом и небогатом человеке (XIX в.), Азбука о прекрасной девице (XIX в.), Поучение от отца к сыну (XIX в.), „Слово о ленивом“ (XIX в.), Александрия (два списка, XIX в., краткой редакции); Сны Шахаиши (Мамера) (XIX в.), История о брани греческой и троянской Гвидо да Колумна (два списка, XIX в., краткой хронографической редакции), о царе Аггее (XIX в.), повесть о царице и львице (XIX в.).

Вторую по величине группу составляют старообрядческая историческая литература и стихотворство. Здесь назову: Челобитную к царю Алексею Михайловичу и Послание к некоему боголюбцу инока Авраамия (XIX в.), Сказание о Петре и Евдокиме, Повесть об Аввакуме, Лазаре и Епифании и „Прение“ с Афонасием иконийским дьякона Федора (XIX в.), Житие Андрея Денисова (XVIII в.), Поморские ответы (1723 г.), Путник Марка Топозерского (XIX в.), Повесть о Мемноне Холмогорском (XVIII в.), Житие Корнилия Выговского, два списка (XIX в.), Сказание о Филиппе Лексинском (XIX в.), Краткое объяснение о начале раскола в русской церкви (XIX в.), Письмо инокини Анфисы к „брату единокровному“, оставившему монастырь, интересное по своему стилю (XVIII в.). Среди стихов отмечу: исторические — посвященный приезду на Выг Неофита (середина XVIII в.), на смерть Андрея Денисова (конец XVIII в.); сатирические — „Газета из ада“ (XX в.), „О табаке“ (XIX в.); нравоучительные — „Рифмы детей к умершей матери“ (XIX в.).

Из числа других памятников, имеющих в приобретенных рукописях, выделим: „Хождение“ Трифона Коробейникова (в списке XVII в. и в списке 1815 г.), Монастырский устав Иосифа Волоцкого, главы 1, 9, 10, 13 (XVI в.), Хронограф 3-й редакции (XIX в.), Сборник хронографических статей (XIX в.), „Краткую российскую историю“ (XIX в.), Сказание о морозе и снеге, из Жития Варлаама Хутынского (XIX в.), Память Димитрию Солунскому (XIX в.), Поучение Менаандра (XVI в.); апокрифы — Страсти Христовы (XVIII в.), Сон богородицы, три списка (XIX в.), Иерусалимский свиток (два списка, XIX в.), Сказание о 12 пятницах (два списка, XIX в.), Георгиево мучение (XIX в.), Мучение Кирика и Улиты (XIX в.).

В Усть-Цильме наиболее интересные рукописные книги принадлежат следующим лицам:

А. И. Носова имеет сборник „Звезда пресветлая“ второй половины XVII в. Книга интересна тем, что на первом листе имеются две любопытные записи о владельце рукописи и переводчике, сделанные писцом рукописи: 1) „Сия книга приказные избы подьячего Афанасия Андреевича по реклу Самойлова“; 2) „В царствующем великом граде Москве, от создания мира 7176 (1668), месяца июля в 20 день. Любви твоей, читателю честный, всех благ желательный, во Христе брат, грешный простодюдин Никита, перевел с латинского преводу во славу великому богу и присветой богородице“. „Звезда“ содержит 15 глав и написана на бумаге с водяным знаком, изображающим шута в зубчатом воротнике с семью бубенцами, характерным для рукописей 60—70-х годов XVII в. У А. И. Носовой имеются также два сборника середины XIX в., в составе которых содержатся русские повести и жития, в частности: повести — о Петре и Февронии, о царице Динаре, о табаке, о царевне Персике, об образе-убрусце, о Проконии Устюжском, о знамени от новгородской иконы богородицы; жития — Моисея Угрина, Антония Римлянина, Варлаама Новгородского, Кирилла Белозерского, Иосифа Волоколамского и др.

П. Г. Чупрову принадлежит сборник середины XIX в., содержащий редкие памятники древне-русской письменности: Повесть об очах человеческих и Сказание о старце Павловой пустыни Антонии Галичанине. Кроме того, у П. Г. Чупрова находятся: Повесть об Акире премудром, Слово о царе Аггее, Хождение Трифона Коробейникова, Повесть о Варлааме и Иоасафе; сочинения Феодосия Печерского, Иосифа Волоцкого, Максима Грека; Сказание Симеона Суздальца о восьмом соборе и др. Ему также принадлежит лицевой Апокалипсис (1894 г.) с 72 миниатюрами работы московского книгописца Е. И. Меньшикова.

Из наиболее интересных рукописей собрания П. С. Чупровой отметим: „Ответ на рукописание учителей богослове парижских, дому сорбонского о смирении церкви великороссийской с церковью французскою... (Список с подлинной грамоты какова послана в Париж)“, (середина XVIII в.), Повесть о Воронинской (близ Череповца) иконе богородицы (XVIII в.), Поздравительное слово Андрею Денисову (XVIII в.), Повесть о царице и львице (XVIII в.).

Рукописи П. М. Кисляковой: Повесть о Меркурии Смоленском (XVIII в.), Слово о купце Аггее (XIX в.), Повесть о мудрой жене и философе (XIX в.), Видение благовещенского протопopa Терентия (XVIII в.), Повесть об Акире Премудром (XIX в.), Житие Александра Ошевенского (XVIII в.); рукописи Е. И. Ермолиной: Повесть о Петре и Февронии (начало XIX в.), Синодик поморский (XVIII в.), Устав, (XVI в.); А. Н. Поповой: Повесть о Григории папе (XIX в.), Сны Шахачиши (XIX в.); Т. И. Ермолина: Пролог за вторую половину года (конец XVI в.); Я. Н. Торопова: Повесть об Акире Премудром (XIX в.), Миней служебная (XVI в.), Устав (XVI в.), Сказание о табаке (XVIII в.); И. П. Дуркина: Устав (конец XV в.), Служебник (XVI в.); М. Ф. Чупровой:

Месяцеслов (1829 г.) — замечательный своими заставками и миниатюрами, выполненными неизвестной лексинской переписчицей; М. И. Чупровой: Сборник (середина XIX в.) с миниатюрами к повестям из „Великого зеркала“, Патерика и других книг.

В коллекции В. И. Лагеева наибольший интерес представляет сборник стихов начала XIX в., среди которых есть стихи, посвященные некоторым известным поморским писателям, в том числе Даниилу Викулину, Андрею Денисову, Петру Прокопьеву, Андрею Борису и Тимофею Андрееву.

Заметим, что сборников и небольших тетрадок со стихами в Усть-Цильме встречается довольно много. Почти все они, однако, относятся к XIX в. и лишь несколько из них — к концу XVIII в. Вот далеко не полный перечень названий стихов, имеющих в этих рукописях: о Борисе и Глебе, о князе Владимире, плач соловецких иноков, поздравительный стих Андрею Денисову, на смерть Андрея Денисова, о заонежских (лексинских) девицах, о монастырских девицах, о младости, о горькой доле, о юности, о смертном часе, об умилении, о пользе душевной, о дочери с матерью, плач детей по матери, о маловременности жития, стих пустынника, о преболезненных кафоликах, о Кане Галилейской, об Алексее человеке божьем, о Иосифе Прекрасном, Иоасаф царевич и пустыня, о последнем времени, о втором пришествии, о Рождестве и др.

В этих сборниках и тетрадках рядом со стихами иногда можно встретить и произведения апокрифической литературы, как то: Послания Авгаря к Иисусу Христу, апокриф о главе Адама, молитвы разным святым (Георгию, Михаилу) и т. д.

Более подробно рукописи и старопечатные книги Усть-Цильмы и соседних сел описаны мною в отчете, с которым можно ознакомиться в Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР.

Следует заметить, что многих ценных рукописей, которые я видел в Усть-Цильме в 1937—1938 гг. (Савва Грудцын, Хождение Афанасия Никитина и др.),¹ в настоящее время мне не удалось найти. Это обязывает наших археографов, как можно скорее организовать поиски рукописных книг на Печоре. Кроме Усть-Цильмы и соседних с нею сел, как мне удалось установить, рукописные книги имеются во всех селениях низовой Печоры, в селах Кожва и Троицко-Печорское.

Для более ясного представления о составе рукописной книжности на Печоре, в дополнение к указанным выше рукописям, сообщаю перечень рукописных книг, приобретенных мною для ленинградских книгохранилищ в Усть-Цилемском районе Коми АССР в 1937—1938 гг. и хранящихся в Библиотеке АН СССР, в Ленинградском отделении Института истории АН СССР и в Библиотеке Филологического факультета ЛГУ.

¹ См. мою указанную статью в „Трудах ОДРА“, т. IV.

1. Библиотека Академии Наук СССР

1. Евангелие толковое с добавлениями, XV в. (текущие поступления № 231/9036).¹
2. Пролог (март — август), нач. XVI в. (т. п. № 106/8777).
3. Октоих, XVI в. (т. п. № 229/9034).
4. Сборник, XVI в. Содержит: жития Исихора Ростовского, Иоанна Устюжского, Стефана Пермского, Петра царевича Ордынского, Василия Московского, Алексея человека божья, память князю Владимиру, апокриф о сошествии в ад Иоанна Предтечи и другие статьи (т. п. № 153/8866).
5. Грамматика и Диалектика Иоанна Дамаскина, кон. XVI в. (т. п. № 107/8778).
6. Беседы Григория Омиритского, кон. XVI в. (т. п. № 228/8982).
7. Измарагд (2-я редакция), 3-я четв. XVII в. (т. п. № 400/9414).
8. Сборник, кон. XVII в. Содержит: послание патриарха Паисия (константинопольского) к патриарху московскому Никону, вопросы князя Антиоха и ответы Афанасия Александрийского и другие статьи (т. п. № 145/8857).
9. Псалтырь, кон. XVII в. (т. п. № 144/8856).
10. Сборник, состоит из двух одновременных рукописей — кон. XVII в. и 1-й четв. XVIII в.

Первая рукопись, написанная тремя разными скорописными почерками в конце XVII в., содержит сочинение протопопа Аввакума, известное под названием „Книга нравочений и толкований“; на полях рукописи имеется приписка скорописью конца XVII в.: „Сия книга Петра Неронова сына Ада... [далее неразборчиво] самая полная“ — старший и один из наиболее полных текстов „Книги нравочений и толкований“. Вторая рукопись (XVIII в.) содержит „Бисер многоценный“, житие Симеона Столпника и др. Сборник куплен в дер. Кониных у А. П. Асташовой в 1937 г. (т. п. № 105/8779).

11. Сборник (лицевой), 1-й четв. XVIII в., содержит: повести из „Великого Зерцала“, Патерика и др. (т. п. 413/9427).

12. Сборник, XVIII в. Содержит: „Виноград Российский“ С. Денисова; повести — о белом клубуке, о взятии Царьграда турками, о создании церкви святой Софии в Новгороде, сочинения Федора дьякона, Саввы Романова и др. (т. п. № 398/9412).

13. Сборник, 2-й пол. XVIII в. Содержит: сочинения Максима Грека, Федора дьякона, апокрифы и др. (т. п. № 143/8855).

14. Книга бесед (краткая редакция) протопопа Аввакума, 2-я пол. XVIII в. (т. п. 415/9427).

15. Сборник, кон. XVIII в. Содержит: слова Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Спиридона Потемкина; повести из „Великого Зерцала“,

¹ Цифры в скобках означают шифр Рукописного отделения Библиотеки Академии Наук СССР.

„Измарагда“, „Пчелы“, Патерика, житие Алексея человека божья и др. (т. п. № 233,9038).

16. Страсти Христовы, кон. XVIII в. Без начала и конца (т. п. 416/9430).

17. Тетрадка, нач. XIX в. Содержит: повесть об Иверской иконе богородицы и выписки из Повести о 12 снах Шахаиши (Мамера) (т. п. 399/9418).

18. Сборник, XIX в. Содержит: повесть о царице и львице, Сны Шахаиши (Мамера), житие Нифонта Кипрского и др. (т. п. № 232/9037).

19. „О причастии“ (из жития протопопа Аввакума), нач. XIX в. (т. п. 414/9428).

2. Ленинградское отделение Института истории Академии Наук СССР¹

1. Повесть о новгородском посаднике Щиле, нач. XVIII в.

2. Сборник, кон. XVIII в. Содержит: Повесть о табаке, Сказание о взятии Соловецкого монастыря (С. Денисова) и другие статьи.

3. Сборник, 1-й пол. XVIII в. Содержит: Проскинитарий Арсения Суханова (вступление, главы 1, 2 и 3), выписки из сочинений Максима Грека, Спиридона Потемкина, митрополита Киприяна, разбор Феогностова требника и др.

4. Сборник, серед. XVIII в. Содержит: слова Максима Грека, Ефрема Сирина, Иоанна Златоустого и других авторов.

5. Сборник, XVIII в. Содержит: выписки из сочинений Максима Грека, Ивана Дамаскина, Стоглава и др.

6. Сборник (лицевой), серед. XVIII в. Содержит: жития Феклы, Варвары и Прасковей.

7. Проповеди Дмитрия Ростовского, серед. XVIII в.

8. Житие Николы, XVIII в.

3. Библиотека Филологического факультета Ленинградского Гос. университета им. А. А. Жданова

1. Монастырский устав Нила Сорского, кон. XVII в.

2. Триодь постная, XVII в.

3. Сборник, XVIII в. Содержит: повести о табаке, о хмеле, Сон богородицы и др.

4. Разбор челобитной Никиты Добрынина с приложением самой челобитной, кон. XVIII в.

Приложение

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПАМЯТНИК УСТЬ-ЦИЛЕМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII в.

Публикуемое ниже „Чудо святого Николы, чудо еже о быке“ печатается по рукописному сборнику середины XIX в., принадлежащему усть-цилемцу П. Г. Чупрову. В этом сборнике, кроме данного памятника,

¹ Эти восемь рукописей были переданы мною в Институт истории в 1938 г. через акад. Б. Д. Грекова.

находятся, между прочим, следующие произведения древне-русской письменности — повести об Акире Премудром, о царе Аггее, о богатом и убогом, об очах человеческих, о старце Павловой пустыни Антонии Галичанине; сказания — о царевне Персике, о четырех временах года; старообрядческое сказание об антихристе.

„Чудо святого Николы, чудо еже о быке“ было написано в Усть-Цильме не ранее 1742 г.: в нем упоминается „явленный образ“ Николы, который „появился“ в этом селе в 1742 г.¹ Есть основания считать временем написания повести конец XVIII в. На это время падает наиболее активная деятельность находившегося неподалеку от Усть-Цильмы старообрядческого Великопихежского скита.² Деятельность этого рассадника беспоповства на Печоре особенно должна была сказаться в старообрядческой Усть-Цильме. Составляя повесть о быке, автор ее ставил себе целью противодействовать переходу в беспоповство устьцилемцев, привлечь внимание жертвователей к церкви и к находившемуся в ней „явленному“ образу Николы. Заключительные строки повести ясно указывают на то, что именно имел в виду автор при ее написании: „Сего ради да не усумнимся, аще и кроме церкви невозможно есть призывать на помощь святых угодников везде, но кто где имеет веру, ту и приношение подобает приносить“.

Мы не беремся утверждать, к какой социальной среде принадлежал автор „Чуда св. Николы о быке“. Начитанность автора в церковно-повествовательной литературе и умение пользоваться церковно-славянским языком еще не говорят о том, что он обязательно должен принадлежать к церковному клиру, к которому, казалось бы, легче всего было бы его отнести. В XVIII в. село Усть-Цильма отличалось высокой грамотностью населения.

Несомненно только одно, что автор „Чуда“ лицо местное, знающее обычаи и предания своего края. В языке повести сохраняются черты живого устьцилемского говора.

Вряд ли духовное лицо решилось бы писать о животных, как о людях: корова „бе непраздна и сего ради зело болезнова во время, егда родити хотяше“; бык „возрасте до семи лет“ и „стоя аки человек, зря всех дивящихся на него“ и т. д.

Едва ли также представитель духовенства стал бы вводить в свое произведение элементы фольклора и языческого обряда. Известно, что духовенство всегда, а в XVIII в. особенно, вело решительную борьбу со всякими проявлениями язычества.

Автор, взяв за основу своего произведения обычную схему описания чудес, когда действие начинается внушением святого сделать что-нибудь и заканчивается прославлением его имени, заполнил эту схему интерес-

¹ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии, т. II, Архангельск, 1895, стр. 391.

² Н. Е. Оячук. О расколе на низовой Печоре. Живая Старина, 1901, вып. 3—4, стр. 441.

ными бытовыми чертами. Так, в повести нашла отражение бытовавшая среди северных крестьян на Ильин день и „Никольщину“ скотоводческая братчина с жертвенным быком. Эпизод с приходом быка в Усть-Цильму взят автором из распространенных на Севере народных сказаний о том, как в старину в Ильин день появлялось около деревни животное (олень, баран или бык), которое община закалывала, варила в общем котле и съедала.¹ Следует заметить, что, в отличие от большей части сказаний про чудесных животных, которые обычно появляются около церкви, в „Чуде св. Николы о быке“ последний появляется „на пажити скотстей“, что является также одним из признаков постепенного внесения светских мотивов в церковные произведения и свидетельствует о распаде этой формы церковной литературы.

Автор повести, описывающей историю чудесного быка, не случайно ввел в число своих персонажей торговца скотом из Великого Устюга и отправил к нему устьцилемца „за торгом“. В XVIII—XIX вв. Великий Устюг был главным скотоводческим рынком для Архангельской губернии, куда входила вся низовая Печора, в том числе и Усть-Цильма.² Вокруг Великого Устюга крестьянство и торговцы издавна занимались откармливанием быков для продажи. Эти быки отличались крупным ростом. Откармливание быков иногда продолжалось до 7 лет.³ Устьцилемцы — торговцы скотом, надо думать, бывали нередко по торговым делам в Великом Устюге. В повести также совершенно правильно подмечены трудности пути из Великого Устюга до Усть-Цильмы „за дальностью расстояния“. Поездка между этими населенными пунктами требовала тогда немало времени и затраты сил из-за отсутствия хороших дорог; „как туда доставить“ что-либо, требовало действительно „не мало попечен ия“ Дорога из Великого Устюга в Усть-Цильму тогда проходила по рекам Сухоне, Вычегде, Выме, Ижме и Печоре.⁴ В Усть-Цильму ездили также по мезенской и печорской „тайболам“, т. е. через болотистые безлюдные пространства, и через ижемскую тайгу.

Таким образом, „Чудо св. Николы о быке“ интересно как памятник, отразивший реальную бытовую обстановку времени его создания (торговые связи Усть-Цильмы и нравы). „Чудо“ — одно из немногих дошедших до нас литературных произведений, написанных в Усть-Цильме в XVIII в. Вместе с этим „Чудо св. Николы о быке“ есть памятник, в котором доживают некоторые традиции древне-русской литературы; оно показывает, что характерный для нее жанр „чудес“ в XVIII в., сохраняясь лишь

¹ Д. К. Зеленин. Древне-русская братчина как обрядовый праздник сбора урожая. „Сборник статей в честь А. И. Соболевского“. Л., 1928, стр. 131.

² Ю. Ш. Устюг-Великий. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 69, стр. 58. П. Б. Иноходцев. Описание городов Устюжской области с их округами. Месяцеслов исторический и географический на 1793 г. СПб., 1793, стр. 26—27, 64.

³ В. И. Спирин. Скотоводство в северо-восточных уездах Вологодской губернии. Вестн. русск. сельск. хоз., 1889, № 15, стр. 1257 и 1261.

⁴ Почтовая карта Российской империи 1793 г. Рукопись Центр. военно-истор. арх., № 24694; Почтовая карта Российской империи 1803 г. Там же, № 24723.

в глухих местах, все больше приближается к бытовому рассказу. „Чудо“ отразило в себе борьбу официальной церкви со старообрядцами. В нем видно, какими методами боролась церковь за умножение своего дохода и влияния.

При издании текста сделаны следующие упрощения орфографии подлинника: *ук, омега, а йотированное, юс малый, і* передаются через *у, о, я, и*; надстрочные буквы внесены в строку; титла раскрыты.

ЧУДО СЯГОГО НИКОЛЫ, ЧУДО ЕЖЕ О БЫКЕ

Во граде Устюзе сотворися в прежде бывшия лета сие преславное чудо святым отцем Николою, яже ми поведя некая жена боголюбива. Сия же слыша от родителей своих во дни оны.

Бе, рече, некий человек в том велицем граде Устюзе, имея у себе скота много, реще доилиц. И в некое время една из доилиц бе неспрадна и сего ради зело болезнова во время, егда родити хотяше, яко и близ смерти быти. Человек же той виде ту доилицу, к концу приближающуюся, нача молитися богу и призываети в помощь святых угодников божних. И абие той нощи явися ему святой Никола, веля ему родившагося теляте одати в церковь святому Николу на реце Печоре, в село Усть-Цильмы. Муж же той поведя явление то всем домашним своим и оттоле обещаша теля то по словеси сятаго Николы. Обаче же, за дальностию расстояния сумьящеся, како доставити и в кое время теля оно. Но святой Никола сам устрой.

Егда же доилица она от бремени разрешися, тогда узреша рождшееся теля. Бе неимоверной величины, яко годищный, а доилица бысть здрава, яко николиже боле. Человек же той радости многи исполнися и сего ради немало попечение имея, еже како бы обещание исполнити, и о сем со мнозехи совет творяше, но никако можаху домыслитися, и тако лето от лета теля оно возрасте. И бысть бык зело велик и красен, яко дивитися всем. И сего ради человек той нача жалети быка того и к тому худе печашеся о обещании святому Николу.

Дондеже бык той возрасте до семи лет, и хотяше человек он за драгую цену продати быка того и некою часть послати в церковь сятаго Николы. Егда же хотя вести к проданию, абие бык оный, бывший неотлучно на пажити скотстей, невидим бысть. И сего ради многу взысканию бывшу по селом и градом окрестным, и не обретоша его. И сего ради грамоты везде послаша, аде где оный бык обрящется, даже и в отдаленнейшии страны. И тако престаша от искания.

В праздник же сятаго пророка Илии явися на реце Печоре белый зело велик и красоты неизреченной бык, с большима белейшима рогами на пажити скотстей. Сего егда узреша жители той веси, вси собрашася, яко на некое чудо. И по многом удивлении и испытании, яко не возмогоша уведети, откуда бык сей прекрасный явися. И начаша един по единому прикасатися. Он же, стоя аки человек, зря всех дивящихся на него. Посем яко довольно надившася и испыташа, яко и во окрестных местех реки тоя и других реках не бе такова быка. И абие положиша общее согласие, еже бы быка того положить в церковь явленному святому Николу в осенный его праздник.

По времени же мало из села того некий человек бив за торгом во граде Устюзе и по смотрению божию приста на наслег у того человека, от котораго бык прииде на реку Печору. И по разглагольствию уведеша, яко обещанный бык приведен бысть в село Усть-Цильму святым Николою. И слышавше се, вси удившася и прославивша бога и его угодника сятаго Николу.

Но не мни, читателю, яко благочестия ради еже в церкви приведе бог быка того, но своего угодника прославляя. Сего ради да не усумнимся, аще и кроме церкви невозможно есть призвати на помощь святых угодников везде, но кто где имеет веру, ту и приношение подобает приносить. А не на обе бедра храма, не постигниши желаемого града, ибо святыи угодницы не от места подают нам милость, но от вышняго Иерусалима.

С. К. Шамбинаго

(1871—1948)

20 ноября 1948 г. скончался в возрасте 77 лет один из старейших ученых нашей страны, доктор филологических наук, профессор Сергей Константинович Шамбинаго.

Научное наследие, оставленное покойным ученым, велико — около 200 печатных работ. Пятьдесят три года продолжалась его неутомимая научно-исследовательская деятельность на пользу нашей Родине и нашей науке.

Сергей Константинович Шамбинаго родился 6 августа ст. ст. 1871 г. в Москве. Пяти лет он уже научился читать и писать, и любимым его поэтом стал Н. А. Некрасов. На восьмом году он был отдан во вторую московскую классическую гимназию. Детство С. К. Шамбинаго, в младенчестве потерявшего отца и жившего с матерью на ничтожную пенсию, было полно тяжелых лишений. „По моем возвращении из гимназии, — вспоминал он, — мать «из гонора»

С. К. Шамбинаго.

перед квартирной хозяйкой, ставила на [кухне самовар, якобы для моей встречи, но оный заглужал на столе потому, что ни сахару, ни чаю, ни хлеба не было. Приходилось ложиться, припоминая: «что день грядущий мне готовит?» Но и тот, случалось, не приготавливал ничего“.

В старших классах гимназии С. К. Шамбинаго увлекся естествознанием. В 80-е гг. прошлого столетия русская наука в области естество-

знания достигла замечательных успехов. Деятельность таких ученых как К. А. Тимирязев и И. В. Мичурин, стремившихся заставить природу служить человеку, органически связывавших свои научные изыскания с интересами народа, с социальными, общественными вопросами, особенно глубоко и плодотворно действовала на русскую передовую молодежь. Однако естествознание не стало настоящим научным призванием С. К. Шамбинаго. Оно только сыграло большую роль в формировании мировоззрения будущего ученого-литературоведа, определило в известной степени методы его исследовательской работы.

Поступив, после окончания гимназии, в 1891 г. на филологический факультет Московского Государственного университета, С. К. Шамбинаго становится слушателем и учеником проф. В. Ф. Миллера и со второго курса начинает работать над исследованием по объявленной на соискание золотой медали теме „Бытовая сторона русского эпоса“. Работа была закончена в 1894 г. и представлена в качестве дипломной при окончании университета. Работа эта получила высокую оценку и была удостоена золотой медали.

Самый интерес молодого исследователя к вышеназванной теме весьма показателен. Для С. К. Шамбинаго русское народное творчество всегда имело интерес только в связи с реальной народной жизнью. Слова М. Горького: „Русская песня — русская история“ („Одесские новости“ от 14 июня 1896 г., статья „Вопленица“) могли бы быть поставлены эпиграфом ко всем исследованиям С. К. Шамбинаго в области русского народного эпоса.

После окончания университета, С. К. Шамбинаго выступает еще с двумя работами по русскому эпосу. В 1902 г. печатается его статья: „Старины о Святогоре и поэма о Калевипоэге“, в которой исследователь показывает взаимосвязь между фольклором русского и эстонского народов, исторические судьбы которых были близкими в течение многих столетий. В 1905 г. выходит из печати вторая статья С. К. Шамбинаго: „К литературной истории старин о Вольге“. В ней исследователь при помощи тонкого художественного анализа вскрывает основы двух контаминированных песен, существовавших прежде совершенно самостоятельно. Статья эта содержала весьма ценные наблюдения по вопросу о контаминации русского эпоса, в то время еще мало разработанному.

Работа по изучению русского народного эпоса вызвала интерес у исследователя к письменному русскому средневековому эпосу. Так возникла магистерская диссертация С. К. Шамбинаго: „Повести о Мамаевом побоище“, напечатанная и защищенная им в 1906 г. Исследователь привлек все варианты „Сказания о Мамаевом побоище“, наметил их редакции, определил их хронологическую последовательность и политическую направленность. На основе сопоставления известных тогда трех списков „Задонщины“, С. К. Шамбинаго в своей магистерской диссертации восстановил текст этого памятника. Реста-

врация оказалась настолько удачной, что до последнего времени во всех хрестоматиях текст „Задонщины“ печатался „по Шамбинаго“.

Занятия по изучению древне-русских литературных памятников оказали существенное влияние на дальнейшие работы исследователя. В 1909 г. он печатает статью „Исторические переживания в старине о Сухане“, в которой прослеживает отзвуки книжного „Сказания о Мамаевом побоище“ в устном народном творчестве.

По справедливому определению М. Горького, „от глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории. У него свое мнение о деятельности Людовика XI, Ивана Грозного, и это мнение резко различно с оценками истории, написанной специалистами, которые не очень интересовались вопросом о том, что именно вносила в жизнь трудового народа борьба монархов с феодалами“ (М. Горький. О литературе, стр. 375, изд. 1935). Очень близко к этому пониманию М. Горьким политического значения фольклора подошел С. К. Шамбинаго в своей работе „Песни-памфлеты XVI века“, вышедшей в 1913 г. В предисловии к своей книге исследователь писал: „Везде кипели жизнь и страсти. Захватывались вопросы всего народного мирозерцания, вопросы политические выдвигались на первый план... Памфлет — вот излюбленная форма писателей того времени. И Домострой, и Четьи-Мивен, и Степенная книга стоят в близкой связи с этой полемической литературой“. Далее С. К. Шамбинаго показывал, что и устное народное творчество играло определенную роль в этой политической борьбе XVI в. Былины и исторические песни того времени превращались в острые памфлеты, насыщенные классовым содержанием, отражавшим ту борьбу „монархов с феодалами“, о которой говорил М. Горький.

Через год С. К. Шамбинаго, переработав и дополнив эту книгу, представил ее под названием „Песни времени царя Ивана Грозного“ в качестве докторской диссертации, которая и была успешно защищена им при Московском университете в 1914 г.

Несколько в стороне от рассмотренных исследований С. К. Шамбинаго стоит его книга о Н. В. Гоголе „Трилогия романтизма“, вышедшая в 1911 г. Книга произвела впечатление не только оригинальными суждениями исследователя, но и художественным изложением, свидетельствовавшим о крупном литературном даровании автора.

Но основной научный интерес С. К. Шамбинаго попрежнему оставался в области изучения русского народного эпоса и русской древней литературы. В 1912 г. выходит первое издание его книги: „Слово о полку Игореве, текст, переложение, примечания“. Книга вызвала интерес не только у специалистов, но и у широкого круга читателей. Вслед за первым изданием потребовалось еще четыре. Последнее, пятое, вышло в 1918 г.

Помимо исследовательской работы, С. К. Шамбинаго с 1900 г. читал курсы „древней русской литературы“ и „народной словесности“ в Московском университете, до 1914 г. в качестве приват-доцента, а с 1914 г.

в качестве профессора. Одновременно С. К. Шамбинаго работал в Архиве Министерства юстиции в Отделе литовских метрик. Работа над первоисточниками представляла громадный интерес для исследователя. Так, на основании новых еще неизвестных в науке материалов, им был подготовлен обширный труд, посвященный белорусскому писателю XVI в. Филону Кмите Чернобыльскому. Труд этот остался неопубликованным, только выдержки из него были напечатаны в 1942 г. в статье „Филон Кмита, белорусский писатель“, в журнале „Беларусь“.

В первые годы Великой Социалистической революции, когда в культурную жизнь и строительство были вовлечены многомиллионные народные массы, С. К. Шамбинаго выступает в печати с рядом научно-популярных работ.

Тогда же возникает у С. К. Шамбинаго глубокий интерес к творчеству великого русского драматурга А. Н. Островского, не оставлявший исследователя уже до конца его дней. Чтобы понять, почему этот интерес возник именно в эпоху Великой Социалистической революции, надо посмотреть, что об этом говорит сам исследователь. „В условиях капиталистической действительности, — писал С. К. Шамбинаго в своей книге о жизни и творчестве Островского, — подлинно народный театр осуществиться не мог, его создает только Великая пролетарская революция... В 1917—1918 гг., в разруху и голод, в репертуаре Малого театра числилось уже восемь возобновлений Островского. Простая и трогательная художественность и огромная правдивость этих пьес заставляла нового зрителя с захватывающим интересом переживать картины, даваемые автором, как факты тяжелого прошлого, поднятые на высоту художественного обобщения. Великий драматург получил должную оценку и приблизился к народу, для которого в сущности всегда писал, мечтая о создании для него «образцового театра», только при советской власти“ (С. К. Шамбинаго. А. Н. Островский, стр. 167. Изд. 1937). В этих словах исследователь выразил и свое самое сокровенное желание: писать для народа, создавать для него новые культурные ценности. Поэтому с полным основанием он заключал свою книгу об Островском следующими словами: „Подлинная оценка и настоящее признание Островского принадлежит только нам, гражданам социалистического государства. Толстой признал Островского писателем народным. Таким же хотел считать себя и сам драматург, справедливо утверждая, что «драма и комедия пишутся для всего народа». Только в социалистическом государстве рабочих и крестьян эти мечты Островского получили реальное осуществление“ (там же, стр. 170).

Этой итоговой книге об Островском, вышедшей в 1937 г., предшествовала долгая предварительная работа ученого, нашедшая свое отражение в ряде самостоятельных, частных исследований, посвященных творчеству великого драматурга. Так, в 1923 г. С. К. Шамбинаго были опубликованы следующие статьи об Островском: 1) „Ночи на Волге“, 2) „Актерский цех“, 3) „Стиль Островского“ и 4) „Пучина“. А в 1924 г.

вышла еще одна специальная работа „Островский и Садовский“. Кроме того, ненапечатанными остались статьи, прочитанные в виде докладов в различных научных обществах: 1) «Joi d'amor» в Снегурочке“, 2) „Трилогия о Бальзаминове“ и 3) „Островский — фольклорист“.

В 1930-х гг. С. К. Шамбинаго принял самое живое, активное участие в широкой подготовке к торжественному празднованию 750-летия „Слова о полку Игореве“. В 1934 г., совместно с проф. В. Ф. Ржигой, С. К. Шамбинаго подготавливает научное издание „Слова“: текст, переложение, сопроводительные статьи и комментарии. Тогда же выходит, под наблюдением его и В. Ф. Ржиги, роскошное издание „Слова“, текст которого был написан от руки палешским художником Голиковым и сопровождался прекрасными иллюстрациями того же художника. Следует отметить, что это издание неизмеримо превосходило по художественному оформлению и любовному отношению к памятнику все дореволюционные издания „Слова“ за сто слишком лет.

С. К. Шамбинаго непосредственно участвовал в подготовке выставки „Слово о полку Игореве“, открытой в Государственном Литературном музее в Москве в 1938 г. Он составил серию альбомов, напечатанных и экспонированных на выставке, освещающих следующие вопросы 1) Переложения „Слова“ и комментарии, 2) К изучению „Слова“, 3) „Слово“ в окружении современной ему литературы, 4) Автор „Слова“, 5) К вопросу о композиции „Слова“, 6) „Задонщина“ в ее отношении к „Слову“. Кроме того, ряд альбомов был составлен им в сотрудничестве с другими авторами. Во время самой выставки С. К. Шамбинаго, которому тогда было уже 67 лет, неутомимо руководил экскурсиями по выставке и делал множество выступлений в связи со „Словом о полку Игореве“ перед разнообразными и всегда многочисленными аудиториями. С. К. Шамбинаго печатает в ряде газет: „Советское студенчество“, „Челябинский рабочий“, „Рабочая газета“ и других обширные статьи о „Слове о полку Игореве“, причем текст их нигде не повторяется. Все они освещали памятник с различных сторон.

Коренной москвич, С. К. Шамбинаго всегда интересовался историей своего родного города и посвятил особое исследование древнерусским повестям „о начале Москвы“ (Труды Отдела древнерусской литературы Института литературы АН СССР, т. III, 1936). Разобрав три разновидности этих повестей, С. К. пришел к выводу, что они характеризуют „переход от аскетического жанра средневековья к светской новелле с любовным элементом“ (стр. 69), причем историческая основа сказания о начале Москвы в позднейших версиях уступает место „правдоподобному и занимательному вымыслу“ (стр. 98).

В конце 30-х годов С. К. Шамбинаго принял деятельное участие в работе над вторым томом „Истории русской литературы“, подготовлявшимся Институтом литературы АН СССР. В обеих частях второго тома (вышли в свет в 1945 и 1948 гг.) С. К. Шамбинаго принадлежит

ряд статей об исторической повести XIII—XVII вв., а во второй части второго тома и статья о фольклоре XVII в.

Все четыре года Великой Отечественной войны С. К. Шамбинаго, не щадя себя, самоотверженно работал — читал лекции в Московском городском педагогическом институте им. В. П. Потемкина, в Литературном институте им. М. Горького при Союзе писателей, в ГИТИСе. В 1945 г., в связи с исполнением 50-летия научной и педагогической деятельности проф. С. К. Шамбинаго, Советское Правительство за выдающуюся работу ученого в области русской древней литературы и народного творчества наградило его орденом Трудового Красного Знамени. Кроме этого, С. К. Шамбинаго был награжден медалями: „За оборону Москвы“, „За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.“, „В память 800-летия Москвы“.

Уже после смерти ученого вышла из печати его последняя по времени работа: „Социальный смысл комедии Островского «Бедность не порок»“. В этой работе 77-летний ученый писал, что „Островский переживет века в русской литературе“, что главной его заслугой является „отчетливое изображение подлинных русских характеров и, наконец, глубокое проникновение в национальную русскую народную поэзию“. (А. Н. Островский. Бедность не порок. Изд. „Искусство“. М. — Л., 1948, стр. 77).

Осуждением безродного космополитизма и гордостью за русский народ и его культуру была проникнута эта последняя работа ученого так же, как и вся его долгая, целиком отданная Советской Родине и науке, плодотворная жизнь.

210238